Михаил Лост

ПРИНЦЕССА КРОВИ

фэнтезийный роман
II часть

© Авторские права защищены

Оглавление:

Часть II 3
– 1 – 3
– 2 – 49
– 3 – 85
– 4 – 120
– 5 – 155
– 6 – 194
– 7 – 230
– 8 – 258
– 9 – 289
– 10 – 328
– 11 – 365
– 12 – 416
– 13 – 451
– 14 – 486
– 15 – 524
– 16 – 567

Часть II
ПРОБУЖДЕНИЕ

Мы те, кто мы есть.
Но не всегда об этом знаем.

– 1 –

Чертыхнувшись, Сирелина споткнулась о коварно торчавший в непроглядных зарослях изогнутый корень и кувырнулась в мягкий лесной мох, до отказа наполненный влагой так, что она сочилась из него крохотными бисеринками. Парящее колдовство, хоть и освоенное чародейкой на очень высоком уровне не помогло, поскольку позволяло наступать на препятствия, а не лететь над ними, и уж никак их не перескакивать совершенно самостоятельно. Все же требовалось глядеть куда ноги ставишь. Вместе с тем чары сильно облегчали проход по таким местам, где обычный путник едва ли вообще мог передвигаться. Непролазный бурелом и настоящие стены из переплетенной растительности, торчавшей отовсюду плотными взъерошенными лохмами устроили бы настоящее испытание даже исконно лесному обитателю — могучему бурому медведю, не то что человеку. Стопа то и дело проваливалась в сокрытые зеленым покровом ямы, скользила по невидимым из-за мха скользким стволам гнилых древесных стволов, подворачивалась на камне, а то и вовсе застревала в очередном травяном капкане. Все это накладывалось на по-змеиному извивающиеся канавы, рытвины, наполненные водой и откровенные буераки, будто специально вырытые в качестве ловушки незваному гостю. Бурелома же было хоть отбавляй, и если его разобрать на дрова, то полученного топлива хватило бы на долгие годы какому-нибудь средней руки городу. Иной раз перебраться через него напрямую было попросту невозможно, не рискуя сломать себе конечность, а то и вовсе напороться на острый оголенный сук, торчащий навстречу уязвимой плоти как кинжал подкарауливающего убийцы. Приходилось искать обходные пути, а они с завидным постоянством приводили то к очередному болоту, а то в какой-то совершенно невообразимый гадюшник, где становилось вообще непонятно куда ступать и можно ли ступать вообще. В результате можно было сделать огромный крюк и в конечном счете оказаться еще дальше от цели своего путешествия, нежели прежде. Хлесткие ветви низких деревьев, теснившихся у подножия своих могучих собратьев, то и дело стегали по лицу и любому мало-мальски оголенному месту, дополняя картину ни с чем несравнимого удоволь-

ствия от путешествия. Колючий кустарник цеплялся за одежду, норовил оцарапать кожу, впиться в нее острыми шипами. Ползучие растения, словно хищные лианы, старались опутать ноги, накинуть петлю на ступни бредущего путника и если не обездвижить его, то хотя бы уронить на землю навстречу гостеприимно раскрывавшему объятия очередному бревну. Пни, покрытые мшаниками и короной из грибов, смахивали на притаившихся в засаде монстров, и иной раз совсем по-звериному выныривали из ниоткуда, норовя окончательно лишить и без того шаткого равновесия, столкнуть в любезно сокрытую вблизи яму. Сирелина, впрочем, благодаря как-раз-таки парящим чарам значительной части таких прелестей с успехом избегала. Ее нога в крепком, но не без изящества кожаном сапоге мягко опускалась на недружелюбный зеленый ковер, но не вдавливалась в него до отказа по голень, а то и колено, а так и оставалась почти у самой поверхности, придавив растительность лишь дюйма на полтора. От мелких ям и колдобин подобное колдовство также спасало, равно как от склизких опавших стволов и россыпи камней, а от глубоких препятствий помогал витой посох с кристаллом на конце, которым чародейка прощупывала перед собой особо подозрительное место. Вот на торчавшие предметы оно не срабатывало, и их приходилось перешагивать самостоятельно, чего иной раз, учитывая творившийся вокруг лесной первозданный хаос, не всегда получалось. Впрочем, последствий своего падения Сирелине тоже удалось миновать. Выставив перед собой ладонь, она затормозила аккурат у самой земли и вместо того чтобы ухнуть в коварную, наполненную водой впадину, по большей части сокрытую густым зеленым мхом, усеянным болотными травами, удержалась у самого ее верха, лишь незначительно примяв податливую кочку.

— Зар-р-раза! — с чувством пробормотала светловолосая женщина, чьи чуть вьющиеся пряди выбивались из-под капюшона дорожного плаща с несколькими неприметными узорами.

Поднявшись на ноги, она осторожно переступила злополучный корень и с легкостью прошла по замшелой яме, куда взрослый человек рисковал провалиться чуть не по пояс. Затем приблизилась к очередному скоплению поваленных стволов, среди которых виднелись набитые тиной провалы и торчали обросшие столетним лишайником камни. Препятствие выглядело совершенно непроходимым. За зловещей лесной баррикадой, будто поддерживая ее своей мощью, высились могучие древесные стволы, нависавшие над буреломом мохнатыми ветками. Вокруг, словно в застывшем хороводе, теснились колючие кустарники, наползавшие на крупные валуны, меж которых пристроились глумливо ухмылявшиеся

пни. Дальше пути не было. Во всяком случае, для обычного человека, однако Сирелина таковым не была с самого рождения. Усмехнувшись, она провела перед собой рукой, а в сердце дремучей непролазной чащи вновь зазвучала колдовская речь. Ладонь чародейки осветилась, а с самых кончиков пальцев полились тонкие призрачные ручейки, сбиваясь в небольшое туманное облачко. Скользнув вперед, облачко достигло поваленных стволов и ударилось в них, растекаясь по осыпавшейся коре и гладких как кости скелета сучьях. Изначально совсем небольшое, с футбольный мяч, оно все ширилось и ширилось, изливаясь на непреодолимую баррикаду, и вот уже заструилось по камням, закапало неясными каплями в зловещие провалы. Препятствие вдруг задрожало. Не так, как дрожит замерзший и усталый путник или несчастный мокрый пес, забытый хозяином на улице, а как мираж в пустыне или воздух над нагретой мостовой. Бурелом, наполненные тиной ямы, ухмыляющиеся пни и гроздья колючего кустарника вдруг пошли волнами, затрепетали каким-то неясным светом. Затем, потускнев и поблекнув, прямо на глазах стали разваливаться, пойдя дырами сродни пожираемой огнем бумаге. Небольшими точками и ширящимися прорехами расстилавшаяся панорама стала исчезать, будто обращаясь в сажу от той самой охваченной пламенем бумаги. Невесть откуда поднявшийся ветерок поднимал эту сажу в завихрившуюся бесформенную черную взвесь, которой становилось все больше по мере того, как разваливалась, исчезала окружающая действительность. Затем ударил его сильный порыв, задорно просвистев в ушах молодецким свистом, и окончательно разорванная в клочья панорама развеялась бесследно. Перед Сирелиной открылась обычная пуща, хоть и действительно изобилующая заболоченными местами и изрядно набитая буреломом, но все же самая естественная. Темное дурманящее колдовство испарилось. Усмехнувшись, чародейка, проверив на всякий случай пространство перед собой посохом, достала из кармана какой-то предмет, смахивавший одновременно и на часы, и на компас. Сверившись с ним, она вернула вещицу на прежнее место, а затем, поправив полы плаща и стряхнув с плеча налипший на него мелкий лесной мусор в клочьях паутины, продолжила путь.

Сирелина шла так уже несколько часов. Слово "плутала" ей подходило не совсем, поскольку она постепенно приближалась к намеченной цели, просто не напрямую, а скорее по спирали. Вот любой обычный человек давно бы уже сбился с пути и в лучшем случае сумел выбраться обратно в знакомые места. Чародейка же упорно двигалась дальше, регулярно сверяясь с похожим на компас с циферблатом инструментом. Коварное темное колдовство

сбивало с толку и постоянно уводило с правильного пути, но у Сирелины хватало сил преодолеть его пагубное влияние. Развеиваемые дурманы были только цветочками. Навести на окружающее такую сложную порчу, набить лес иллюзиями пополам с настоящими препятствиями, вносить сбой в работу чародейских инструментов и влиять на самочувствие путника — это действительно впечатляло. Колдуну, кем бы он ни был, приходилось отдать должное, хотя подобное обычно делается отнюдь не с добрыми намерениями. Впрочем, именно поэтому Сирелина и явилась в эти непролазные дебри — разобраться с тем что здесь притаилось. И сильно подозревала, что самое неприятное ждет ее на десерт, когда она наконец-то доберется до логова создателя всего этого упорядоченного хаоса.

Кристалл, увенчивающий сплетенный из веток белоснежной древесины посох, постепенно разгорался все ярче, свидетельствуя о том, что цель чародейки близка. Это был необычный посох, совсем не из тех, обращению с которыми Сирелина учила рыженькую Флею. Посох предназначался для противостояния определенному виду колдовства, которым честные заклинатели как правило не занимаются. Помимо разных своих полезных свойств он работал еще и неким детектором, сообщая о появлявшихся поблизости чарах и служа своеобразным маяком в отношении намеченной цели. Эта цель была где-то в сердце дремучей чащи, и посох неторопливо, но уверенно вел к ней вкупе с Витчстантом — той самой помеси компаса и часов, — и некоторыми другими приспособлениями. Сирелина время от времени бросала на верхушку посоха внимательный взгляд, постоянно проверяя, не поджидает ли ее поблизости какая-нибудь гнусная каверза. Ведь в том числе и он, помимо большинства прочих пакостей, помогал ей определять дурманящее колдовство, хотя чародейка уже и сама неплохо научилась его чувствовать. Едва только познакомившись со своим посохом, Сирелина сразу сообразила какая это замечательная штука и до сих пор продолжала открывать для себя все новые его возможности. Вместе с тем она также поняла, почему ничего подобного никогда не вручали не только послушницам, а даже чародейкам. В этом не было ни малейшего смысла. Для них он являлся бы простым куском дерева с совершенно бесполезным кристаллом, годным разве что опираться на него при ходьбе и отбиваться от разбойников на манер обычной палки. Чтобы владеть этим посохом, управлять сокрытыми в нем силой и возможностями требовалось в необходимой степени овладеть искусством преподаваемым лишь в Запретном чертоге. Посох реагировал только на темное колдовство. Не его само напрямую, а то как направляла его

обученная чародейка. Та, разумеется, не источала подобное сама, но использовала его присутствие, вызывая в своем теле ответную реакцию, формируя доступные ей при такой реакции чары, которые и пробуждали посох к действию. Иными словами, при отсутствии темного колдовства в руках даже продвинутого адепта Запретного чертога основные свойства посоха оказались бы недоступны. Для этого пришлось бы творить его самому, к чему стоило прибегать крайне осмотрительно и не без веской причины. В окружавшей же Сирелину лесной чаще такого добра хватало, и она чувствовала как струится в ее жилах новая сила, росшая по мере того, как она уверенно проходила испытание Имьюнитас. Вот и сейчас колебание этой силы устремилось в посох, заставив находившийся на его кончике обычно бесцветный кристалл вспыхнуть заметно ярче. Не просто вспыхнуть, замерцать. Чародейка насторожилась, остановившись и внимательно оглядываясь по сторонам. Ни много ни мало это означало, что где-то неподалеку находится очередное проявление темного искусства, причем более сильное, нежели ей попадалось с момента входа в лес.

Вокруг, казалось, все было как прежде. Хвойные лесные гиганты уходили кронами далеко вверх, теряясь в едва различимой из-за их веток небесной выси, а у их подножия водили хороводы деревца поменьше. Их в свою очередь окружали кустарники, наползавшие на поверженный ветром и временем сухостой, а тут и там выглядывали из-под слоя мха валуны и трухлявые пни. Разве что болотца стали чуть более обширными и перестали напоминать небольшие прудики и сырые прогалины. Теперь то и дело встречались покрытые зеленой ряской водоемы, а где-то поодаль, судя по запаху, находилась самая настоящая обширная трясина. Как раз сейчас Сирелина и проходила мимо такого болотца, обходя буераки стороной и держась его берега как наиболее удобного пути. Здесь на удивление было довольно сухо, и под ногами в основном виднелась простая хвоя да опавшие шишки. Правда буквально в паре ярдов теснился тростник, торчавший из подозрительного вида тины, а вокруг него расстилалась скрытая ряской вода, но ведь Сирелина и не намеревалась прыгать туда с головой, дабы чуточку искупаться. Последнее, кстати, было бы действительно недурно. Разумеется не в этой сомнительной местности, а в каком-нибудь прохладном лесном озерце. Как было бы здорово скинуть порядком надоевшую одежду и окунуть разгоряченное тело в его чистейшие воды, благо что и стесняться среди раскидистых крон особо некого. Надоедливой мошкары можно даже не бояться и без помощи чар, к которым чародейка прибегала с самого начала путешествия, дабы держать лицо и руки открытыми. Лесники-то хо-

дят в такой экипировке, что за ней и глаз не видно. Сирелине такой вариант не годился, но она могла себе позволить обходиться без спецодежды, если не иметь в виду снаряжение чародеек. А для купания такие вещи совершенно ни к чему. Омывающие тело прохладные струи причинят ей не больше вреда, чем чистый горный воздух, который наполнял окрестности обители. После, выбравшись из озера, также можно обойтись без колдовства и совершенно по-простому наскоро обтереться мохнатым полотенцем, вкушая незатейливые прелести обычной жизни. Нарвать в лесу грибов, запалить огонь так, как это делают крестьяне, и приготовить себе отличное душистое жаркое, которое так приятно слопать у тлеющих углей, глядя на прозрачную, как слеза, воду. Так нет же, тащись тут к черту на рога…

Сирелина незаметно для себя размечталась, забыв про окружавшую ее действительность. Та не имела ничего общего с воображаемым женщиной пикником и не замедлила о себе напомнить самым дурным образом. Из воды, с шумом разметав ряску, на нее вдруг ринулось что-то крупное и темное. Чародейка стояла к болоту левым боком и увидела движение лишь краем глаза. Впрочем, раздавшийся в лесной тишине громкий плеск воды живо вернул ее с небес на землю.

Чудище не успело совсем чуть-чуть. Оно сидело прямо у самого берега, притаившись в оказавшейся там глубокой яме, и выпрыгнуло на зазевавшуюся путешественницу, протягивая к ней скрюченные корневища рук. Ох не зря замерцал увенчивавший белоснежный посох кристалл, ох не зря насторожилась Сирелина. Насторожилась, да в очередной раз умудрилась отвлечься, уйдя мыслями в совершенно неподходящую сторону. Сколько она себя помнила, ей постоянно доставался нагоняй от наставниц, коривших ее за несвоевременную мечтательность. Уже давно став взрослой женщиной, Сирелина, как простая девчонка то и дело считала ворон, витая где-то в облаках, и спасала ее от сыпавшихся неприятностей только невероятная природная реакция, лишь улучшившаяся с тех пор, как в ней пробудились новые силы. Сердившаяся Немезия утомилась повторять, что остается только диву даваться как такая растяпа до сих пор ухитряется не только оставаться в живых, но и самым нахальным образом преуспевать в чародейском мастерстве. Немезия была далека от взглядов Арадоры, приписывавшей подобные черты воспитанницы исключительно ее романтической натуре, аккурат и заставлявшей пускаться во все тяжкие, ища себе приключений и суя нос во все подворачивавшиеся дела.

Наколдовать Сирелина ничего не успела, но уже собиравшее-

ся вцепиться в нее чудище от этого ничуть не выиграло. Уклонившись от атаки в сторону, чародейка врезала нападавшему посохом в лучших традициях Бэйла. Затем, когда пролетевшая мимо тварь вместо светловолосой женщины поздоровалась с ближайшей сосной, ударила им о землю, рявкнув заклинание. Момент для подобного был несколько неподходящий, но вполне себе универсальный. Ослепительно вспыхнувший как звезда кристалл исторг во все стороны поток света, в мгновение ока окруживший чародейку белой сферой диаметром в несколько ярдов. Отцепившееся от древесного ствола чудище заверещало, и по тому как оно закрывало глаза лапой вкупе с интонацией звука было понятно, что подобный оборот дела пришелся ему отнюдь не по душе. Монстр успел отскочить в сторону, и край сферы лишь слегка скользнул по его боку, но даже такое касание вызвало у него чрезвычайно болезненную реакцию. Сирелина не стала опрометью бросаться на чудовище, а, удерживая сияющую сферу, присмотрелась к врагу. Даже беглого взгляда вполне хватило для того, чтобы понять с кем она имела дело. Это была Трикимора — разновидность Кикиморы, но по сути своей отличавшаяся природой происхождения. Тело Трикиморы в основе составлял корявый пень или кусок ветвистого ствола. Необходимый уровень гниения обеспечивал начало соответствующей реакции, когда из мертвой древесины образовывалось вот такое подобие живого существа. Как правило, не без помощи какого-нибудь зловещего доброжелателя. Тварь трусливая, но невероятно опасная для зазевавшегося путника. Схватив его, она вопьется в плоть зубами и когтями и постарается скатиться с добычей на дно, всегда находящееся в упор от места нападения. Если ей это удастся, шансов на спасение в глубине болота у несчастной жертвы не останется.

Та, что напала на чародейку, ничем особенным от своих товарок не отличалась. Гирлянды водорослей увивали созданное из тины и гнилого дерева тело, головой служил кусок некогда могучего пня, а вместо глаз у жутковатого на вид создания в двух глубоких впадинах имелись раковины улиток. Только вот зубы были невероятно острыми, равно как и увенчивающие лапы когти. Да и подвижность у Трикиморы была хоть куда, что позволяло ей в нужный момент в мгновение ока выпрыгивать на добычу и утаскивать ее в воду прежде чем та осознает что происходит. Трусливость, однако, также присутствовала неизменно. Оказавшись не в своей стихии и вместо теплой и пахучей плоти основательно получив посохом, тварь была уже не так напориста как прежде. Впрочем, она, скорее всего, продолжила бы атаку на обычного человека, ибо все еще находилась подле родного омута, но до нее уже

дошло, что жертва на самом деле охотник и самое время убираться подобру-поздорову. Бочком-бочком Трикимора стала обходить как-то уж слишком спокойно стоявшую женщину, откровенно поглядывая в сторону болота. Нетрудно было заметить, что о нападении она уже и не помышляла. Сирелина, усмехнувшись, погасила источавший сферу кристалл. Теперь этот ошеломленный и опознанный противник не представлял для нее угрозы. По правде говоря, такая нечисть вообще не должна представлять опасности для чародеек, и Сирелине было стыдно, что та едва не застала ее врасплох. Для специалиста ее уровня трудно представить более позорную смерть, чем утонуть в болоте в когтях подобного существа. Узрев, что кусачая женщина погасила свой жгучий огонь, Трикимора подобрала лапы и одним длинным прыжком ринулась в спасительную трясину. Она уже почти достигла цели и, должно быть, радовалась, что так удачно смогла выпутаться, как ее настигло неумолимое возмездие. Выбросив вслед ускользавшему чудищу руку, Сирелина выкрикнула заклинание. Колдовское наречие прокатилось над поверхностью болота, многократно отразившись от опоясывавшего зеленую ряску густого тростника, и затерялось в дремучем лесу. В это же болото, с плеском вздымая тину, посыпались и останки развалившегося прямо в воздухе существа. Вырвавшийся из ладони чародейки колдовской удар сразил Трикимору в каком-то футе от бурой воды, разметав части ее тела на многие ярды. Чудовище было уничтожено, обратившись в обычную гниль. Иди речь про обычного лесного обитателя, Сирелине было бы несравнимо жаль совершить подобное убийство. В данном же случае она выполнила свой долг и избавила мир от опасного создания темного колдовства, ведь если тварь решила не связываться с чародейкой, то с обычным человеком ей почти наверняка повезет. Теперь же более никто не станет ее добычей, терзаемой на части в глубине затянутого ряской болота.

Кристалл на кончике посоха перестал мерцать и чуть потускнел. Это означало что опасность миновала и поблизости более нет ничего заслуживающего внимания чародейки. По всей видимости, в данном конкретном болоте Трикимора была одна, но первый тревожный колокольчик прозвучал себе вполне отчетливо. Далее, вероятно, будет сложнее, да и существа наверняка начнут попадаться посерьезнее и побольше, как размерами, так и численностью. Кстати, сразу несколько Трикимор вообще не оставляли бы никому шансов и вполне могли совладать даже с обычной чародейкой, если бы застали ее врасплох как мечтательницу Сирелину. К счастью, эти твари редко сбивались в группы, предпочитая уединение на дне подходящей ямы. Полностью утратив интерес к

болоту, чародейка снова поправила чуть растрепавшуюся одежду, деловито перехватила рукой посох и двинулась дальше по берегу.

Ожидания не подвели. Впрочем, Сирелина примерно и так представляла что увидит, ибо подобное место неплохо подходило для логова адепта темных искусств, хотя и обычный опыт путешественника подсказывал, что топь где-то рядом. А топь была знатная. Расстилаясь на многие мили вокруг, она была утыкана чахлыми и сухими деревцами, создающими обманчивое впечатление твердой суши. Та тоже была, виднеясь там и сям множественными покрытыми лесом островками, но деревца окружали настоящие бездонные колодцы, прикрытые тонким слоем мха и тины. Ступи в такой колодец — и ты более никогда не увидишь света, провалившись прямо на дно в объятия только этого и ждущих любителей мертвечины. В лучшем же случае будешь тоскливо ожидать смерти, медленно, но верно погружаясь в безжалостную трясину, ибо помощи ждать будет неоткуда, зато пиявки с радостью вопьются в еще живую плоть, наслаждаясь ее горячей бурлящей кровью.

Посох засветился пуще прежнего. Сирелина явно добралась куда следовало и теперь как следует осматривалась по сторонам, окидывая пристальным взором расстилавшиеся топи. Последнее время ей уже не попадались дурманящие обманки. Вероятно, их создатель посчитал что в этом нет необходимости: если уж кто и добрался до этих краев, то его следует встречать чем-то совсем другим. И это другое почти наверняка затаилось где-то в этих мрачных просторах, скрываясь в трясине под тонким слоем мха, либо же в окнах черной как смола воды. Они виднелись в буро-зеленом ковре болотной растительности так, будто некто бабахнул с облаков по земле из гигантского дробовика и его заряд оставил эти зияющие провалы. Выглядели они как небольшие озерца или маленькие лужицы, но упаси небо попробовать в них искупаться! Даже если они совершенно безжизненны, то попасть туда означало едва ли менее печальный исход, чем в жидкой топи, а Сирелина имела все основания подозревать что обитателей здесь хватает. И сейчас ей лучше как следует спланировать свой маршрут, ибо, хочешь не хочешь, а придется двинуться через этот замечательный край, дабы проверить кое-какие из имевшихся в его центре островков. Слово "замечательный", разумеется, было иронией, поскольку в представления чародейки о его настоящем смысле подобные места ну никак не входили. Наконец-то выглянувшее сквозь рваные облака солнце постепенно клонилось к закату, и в его лучах вполне себе мирно поблескивала гладкая как зеркало поверхность мертвенных озерцов. До сих пор небесное светило не

радовало Сирелину своим присутствием, предоставляя ей продираться сквозь темную чащу в свете унылого серого неба, но и сейчас чародейке стало не лучше. Визуально картина вроде бы стала попригляднее, но она находила что с такой подсветкой болотные окна стали выглядеть еще более зловеще. Впрочем, известная польза от появления солнца все же была. Сирелина, вглядевшись в движение пылавшего небесного диска и сверившись с часами, прикинула сколько у нее осталось светлого времени суток. Это было немаловажно, поскольку оказаться застигнутой темнотой в самом сердце топи — крайне плохой вариант развития событий. Она выдвинулась спозаранку, и в нынешнее время года день в этих краях тянулся особенно долго, поэтому у нее в запасе еще оставалось несколько светлых часов до того, как настанут сумерки, а затем наконец-то стемнеет. Оставалось рассчитать хватит ли ей этого времени, дабы успеть добраться туда, куда она планировала, или нет. Альтернативой являлось остаться на берегу и обустроиться на ночлег, дожидаясь наступления нового дня, начинавшегося ранним утром. Разумеется, предварительно приняв соответствующие меры предосторожности, ибо можно было даже не сомневаться, что на огонек явятся гости из болота. Обозначилась дилемма, и Сирелина, продолжая внимательно изучать окружающую местность, усиленно размышляла. Что бы в таком случае рекомендовала наставница? Благоразумно переждать, дабы продолжить утром, либо же идти до конца, не давая вероятному противнику опомниться и успеть подготовиться к ее появлению? Ведь этот противник, даже если до сих пор не осведомлен о ее присутствии, наверняка о нем узнает, когда ночью чародейка угостит парой-тройкой заклинаний явившихся к ней поживиться тварей. И в таком разе на его стороне окажется известное преимущество, буде он надумает атаковать первым. Что ж, раз так…

Сирелина не любила сидеть сложа руки. Ее деятельная натура требовала постоянного движения, и неторопливому ожиданию она предпочитала носиться сломя голову до тех пор, пока с языком на плече не падала от усталости. Иной раз тактическая хитрость требовала ничегонеделания, но перед этим всегда шла тщательная предварительная подготовка, и даже время вынужденного ожидания чародейка старалась хоть чем-то занять. Сама по себе мысль ночной схватки с какими-нибудь монстрами ее даже раззадоривала, но вот перспектива себя таким образом выдать особо не прельщала. Что ж, решено, сегодня будем идти до конца! Значит, остается выбрать с чего именно начать и куда направиться в первую очередь.

Обойти все островки до окончания светлого времени суток

Сирелина попросту не успеет. Тут приходилось выбирать. Элементарная логика подсказывала, что некто, кто бы он ни был, вряд ли обосновался где-нибудь у края периметра, а наверняка забрался в самую глубь, обустроившись ближе к центру топей. Это давало определенные стратегические преимущества, иначе вообще отсутствовал какой-либо смысл выбирать для логова подобное место. Стало быть, следует направиться в один из пяти островков, что виднелись в условно обозначенной середине, и начать проще всего с ближайшего. Что ж, с этим ясно. Оставалось наметить маршрут. Само по себе болото, совершенно непроходимое для людей и большинства животных, не представляло для искусной чародейки опасности. Парящее колдовство без особых усилий поможет ей преодолеть недоступные участки, не боясь провалиться в жуткую бездну. Фактически, Сирелина могла шагать к намеченному бережку едва ли не напрямую, избегая разве что скоплений кочек и слишком частых зарослей иссохших деревцов во избежание ненужных осложнений. Вот только это если не учитывать иные обстоятельства, в число которых почти наверняка входили притаившиеся в болоте друзья. Недавнее появление Трикиморы было слишком красноречивым даже для основательно опрометчивой особы, дабы пускаться в предполагаемое путешествие как следует не подумав. Попасться в лапы изголодавшихся чудищ Сирелине не хотелось, поэтому она предпочла потратить некоторое время для того, чтобы спланировать свои дальнейшие действия.

Проход в сердце топей наверняка был, причем, возможно, не один. Только вряд ли он кому-нибудь известен кроме укрывшегося там обитателя да каких-нибудь нелюдимых старожилов из числа лесовиков. Даже Сирелина, обладавшая далеко не всем сестрам доступной возможностью передвижения предпочла бы иметь на всякий случай и обычный путь. Мало ли что. Только попробуй его отыщи самостоятельно. Впрочем, хотя бы часть можно проделать по более-менее безопасной траектории, прибегая к помощи посоха и собственного опыта. Так Сирелина и сделала. От самого берега она нашла подходящий заход, углублявшийся в болото довольно далеко, и двинулась по нему, шурша полами плаща по зарослям осоки. Земля под ногами чавкала и хлюпала, но совсем немного, так как почва здесь была более-менее твердой. Видимо, некогда здесь находилась песчаная коса, когда вместо трясины вокруг неторопливо бежали волны большого озера. Мелкий корнистый кустарник указывал на правильность выбранного пути, поскольку его представители никогда не обосновываются на зыбком месте. Он доходил чародейке едва ли до колена, зато передвигаясь между его торчащими ветками она могла быть уверена что не загремит

прямиком в трясину. Впрочем, бдительность терять тоже не стоило, ибо одна яма ей все же встретилась аккурат между скоплением кустиков, но Сирелина благополучно ее обогнула. Должно быть, в этом месте ранее находилась небольшая вымоина или бил ключ. Слева и справа от чародейки тянулась вереница все тех же чахлых стволов давно погибших невысоких деревьев, не выраставших в этих гиблых местах выше пары-тройки ярдов. Меж ними кое-где уже вовсю проступали топкие ловушки и черные колодца воды, но до сих пор все казалось вполне спокойно, и чародейка благополучно добралась до конца песчаной косы. Та, как часто бывает в таких случаях, кончилась откровенным обрывом. С первого же взгляда стало понятно, что в прежние времена здесь сразу начиналась большая глубина, ибо даже теперь расстилавшаяся впереди вода выглядела еще менее привлекательно, чем ее соседи. Возможно, Сирелина где-то проглядела куда сворачивал относительно безопасный путь, а может быть и сразу отправилась в тупик. Так или иначе, далеко возвращаться она не собиралась и быстро прикинула что ей делать дальше. Наставленный на черную воду посох подтвердил подозрения владелицы: глубина здесь была та еще. Топкие края довольно большого озерца доверия не вызывали, зато сразу позади него очевидным образом вырисовывалась более-менее устойчивая почва, где обосновался небольшой высохший лесок. Совсем невысокий, где-то по плечо, но его корневая система еще не должна была разрушиться, создавая достаточно надежную область вкупе с многочисленными наслоениями. Помедлив несколько минут, Сирелина пробормотала что-то себе под нос, отчего ее пальцы заискрили, а контур чуть осветился, и… шагнула прямиком в воду. Со стороны могло показаться что одинокая женщина надумала покончить жизнь самоубийством, хотя зачем было так долго и упорно забираться именно в это место? У возможного стороннего наблюдателя аж сердце должно было захолонуться, потому что в следующее мгновение фигура путницы с глухим плеском неминуемо ухнет в жуткую бездну. Ничего подобного не произошло. Удерживая светившуюся левую ладонь параллельно горизонту, Сирелина медленно двинулась вперед, опустившись в озерцо лишь по голень. С каждым шагом она как бы проваливалась с поверхности на определенную глубину, ибо вода имела куда меньшую плотность чем мягкий лесной мох, а расстояние до дна оказалось значительно выше чем мелкие ямы. Но сил Сирелины все же хватало, чтобы в известном смысле идти прямо по воде, и у нее имелись все основания этим гордиться. Подобным могли похвастаться крайне немногие из чародеек, причем в основном лишь старшие сестры. При этом стоило помнить, что двигаться

следует не только медленно, но и определенным образом. Поэтому Сирелина тщательно вынимала ногу в кожаном сапоге из воды, перемещала ее вперед и лишь затем опускала. Потом повторяла то же самое с другой. Вздумай она попробовать передвинуть стопу прямо там, где она пребывала, как делают бредущие вброд люди, она тут же провалится как минимум еще на такую же глубину. Парящие чары компенсируют естественное падение только начиная с момента контакта с поверхностью, и если Сирелина действительно не собиралась утопиться, то ноги из воды следовало вытаскивать. Конечно она предпочла бы преспокойно топать прямо по зеркальной глади, потревоженной теперь ее пеше-плавучим ходом, однако такое было под силу разве что Настоятельнице и еще паре сестер, да и то воочию подобного никто не видел. Все-таки неприятно погружаться в жутковатую воду едва ли не по колено, особенно когда находившаяся под тобой глубина доверия отнюдь не внушает. Да и такой переход привлекает предостаточно внимания, а что может быть более уязвимым, чем львиная доля находящегося в воде сапога?

Видимо, кто-то там, внизу, подумал точно также. Сирелина прямо-таки почувствовала подозрительное движение воды, отозвавшееся вибрацией не только в стопах, но и посохе. Ведь правой рукой она держала его вертикально вверх, немного опустив концом в озерцо, причем именно верхней стороной, а не нижней. Левая у нее была занята, ибо с ее помощью чародейка поддерживала должный уровень парящего колдовства, но другая у нее оставалась свободной ко всяким сюрпризам. А они не замедлили появиться. Совершенно не хотелось представлять что именно собиралось ухватить женщину и утащить ее на дно, а дожидаться появления местных обитателей уж точно не стоило. Те, кстати, по всей вероятности уже праздновали победу, воображая что сейчас сцапают невесть как очутившуюся на поверхности добычу. Не тут-то было! Самым опасным для Сирелины было неправильно рассчитать момент, поэтому она тщательно ловила передаваемые ей посохом колебания. Непосвященному человеку практически невозможно описать что именно это было. Не картинка, не видение, а скорее некое ощущение, в котором неким сонаром прямо в сознание передавалось приблизительное расстояние до объекта, его размеры и количество, если объект был не один. Ближайшим примером можно было привести летучую мышь, да и то сей пример оказывался достаточно грубым. Сирелина пока не могла понять, являются ли тянувшиеся к ней множественные цели разными существами или же конечностями одного большого, наподобие щупалец, но медлить, дабы выяснить это точнее, времени не остава-

лось. Еще секунда-другая — и она действительно узнает детали самым плачевным образом. Сконцентрировавшись, Сирелина направила текущую через нее колдовскую силу в посох, бросив в пространство слова заклинания. Белоснежный посох, этот верный и надежный инструмент сестер Гексенхаммера, как обычно не подвел. Повинуясь приказу хозяйки, он тут же исторг сноп яркого света, конусообразно ударившего в глубину. Кто бы там ни обитал, он явно не ожидал подобной выходки. Говорят, что звуки в воде распространяются раз в десять быстрее чем по воздуху, но ты попробуй скажи в ней хоть слово. Тем не менее, там кто-то говорил. Точнее, вопил во всю глотку, пораженный сильнейшим ударом жгучего света. Завибрировавшая поверхность воды, и без того потревоженная Сирелиной заволновалась окончательно, неожиданно пойдя там и сям пузырями, а кое-где так и вовсе появились илистые буруны. Вместе с тем это отнюдь не означало что чародейке сейчас придет конец. Судя по бесперебойно работавшему сонару, ей более ничего не угрожало, а нападавшие или нападавший ударился в паническое бегство, празднуя труса в надежном омуте и поднимая при этом со дна вековые наслоения. Издаваемые вопли, выходившие на поверхность вместе с пузырьками, красноречиво свидетельствовали о том, что некто основательно пострадал и получить добавки явно не желает. На самом деле чудище еще легко отделалось. Более мощный удар вполне способен убить его на месте, даже если бы не сжег дотла. Просто Сирелина экономила силы и время на перезарядку посоха. Ведь не могла же она стрелять так из него каждую секунду, ибо в противном случае чего было бы проще: идешь себе по воде и с каждым шагом постреливаешь для острастки. Увы, не все было так просто, поэтому каждая чародейка должна четко осознавать уровень собственных возможностей и рассчитывать точное время их применения. А если кому недостаточно такого пояснения, то пусть попробует представить себе прыгуна с шестом. Вряд ли он может сигануть на головокружительную высоту по одному лишь щелчку пальцев, да еще если щелкатель надумает сыграть в эдакие кастаньеты. И чем выше препятствие, тем ответственнее для него требуется подготовка и дольше возможность следующей попытки. Волшебники, в любой момент умеющие все и вся, причем сколько угодно и без передышки существуют лишь в глупых сказках. Сирелина, к счастью, наивной дурочкой не была, стараниями Арадоры знала свои возможности хорошо и распоряжалась данным ей природой даром с толком, хотя иной раз и излишне неосмотрительно. Убедившись, что покамест более никто не желает попробовать ее на зубок, чародейка мерным шагом двинулась дальше, не забывая про паря-

щее колдовство. Ведь стоит сбиться всего на мгновение — и здравствуй купание, причем совсем не то, о котором она давеча мечтала. Но теперь у Сирелины хватало концентрации и самообладания выполнять одновременно множество сложных заклинаний, и то кухонное представление, которое она устроила в Солтенстиле для Бэйла с Илианой отныне было для нее вполне себе детской забавой.

Все же ступив на более-менее твердую почву, хоть и пошедшую у нее под сапогами волнистым ходуном, но на поверку достаточно надежную, чародейка перевела дух. Опустив переставшую светиться левую ладонь, она вытерла со лба выступившие там бисеринки пота. Что и говори, а состоявшееся испытание было весьма серьезным и теперь стоило немного передохнуть. Отойдя от черной воды подальше вглубь чахлых сосенок, Сирелина сбавила шаг и позволила себе глотнуть немного освежающего напитка из фляжки, на всякий случай кося голубым глазом по сторонам. Кажется, здесь пока относительно безопасно. Только вот впереди, увы, уже назревали новые трудности.

Трудности выражались в том, что дальше внятной дороги не было. Нет, это не означало наличие очередного озера, хотя его подобия виднелись кое-где по сторонам. Прямо перед Сирелиной открывалась настоящая топь, лишь прикрытая мшистым ковром с переплетением стелющихся трав где-то больше, где-то меньше. Самое кошмарное место из всех, что можно представить, ибо здесь сгинет даже слон, славящийся своим умением передвигаться по болоту ввиду особенного движения стопы. Несколько левее виднелась вереница скрюченных деревцов, и возможно именно там проходила незримая тропа, но дотуда следовало еще добраться. Там же имелись и более-менее часто встречающиеся кочки, дающие возможность в случае чего сделать небольшую передышку. Такие же кочки встречались и справа, причем в преобладающем количестве, но вереница деревцов нравилась Сирелине гораздо больше. И уж точно ей не нравилось расстилавшееся перед ней небольшое поле, являвшее собой бездонную топкую зыбь. Пройти-то она по ней пройдет, ежели мешать не будут, да только от местных обитателей дождешься… Помедлив пару минут, чародейка поправила посох и двинулась налево, в обход казавшегося таким привлекательным зеленого луга.

Выбранный ей путь особой привлекательностью также не отличался, но здесь Сирелина чувствовала себя спокойнее. Под ногами то и дело объявлялись заросшие ямы, а по бокам мелькали откровенные провалы и колодцы со стоячей водой, но все же вокруг кочек пространство оказывалось более-менее надежным.

Впрочем, это еще как посмотреть. С одной стороны, находиться там становилось относительно безопасно, с другой — расслабляться тоже не стоило. Посох и постоянно развиваемое внутреннее чутье сообщили Сирелине, что со стороны оставленной ей по правому боку топи появилось какое-то движение, причем частично оно обозначилось и впереди, аккурат незадолго до того рубежа, где начинался рядок низеньких деревьев. На сей раз целей было точно несколько. Чародейка быстро прикинула диспозицию. Можно отойти левее, подальше от топи, однако даст ли это что-нибудь? Почва там только казалась более подходящей, однако твари наверняка отлично могли переместиться и туда, и место их точного нападения заранее станет неизвестным. Пожалуй, лучше отправиться им прямо в лапы, тем более они, вероятно определив направление движения жертвы по издаваемому ей шуму, готовили ловушку аккурат несколько подальше. Что ж, дерзайте. Сирелина, прищурившись, закусила губу. Затея была крайне опасной, но она должна сработать. Не сбавляя шаг, дабы не вызвать у зловещих существ подозрений в своих намерениях, женщина с видимым спокойствием продолжила путь, лишь прошептала несколько слов, отчего ее фигура вновь слегка осветилась.

Вот и оно. Последняя кочка, после которой образовалась небольшая бухточка, граничившая с жуткой трясиной, уходившая влево длинной заполненной водой канавой. До желаемого места было уже практически рукой подать, каких-нибудь ярдов десять до следующей кочки, а там еще десяток до деревцов. Однако именно здесь чародейке устроили засаду. Прямо за кочкой, а также чуть левее и справа нее притаилась компания тварей. Теперь уже Сирелина не могла точно сказать где и сколько именно, ибо исходившая от них вибрация сливалась для нее в единое размытое пятно. Что ж, настал момент истины. Покрепче сжав в правой руке посох, чародейка шаг за шагом приближалась к критической отметке. Сердце ее бешено стучало. Поставив ногу на заранее примеченную позицию, она негромко произнесла слова на колдовском наречии, очертив вокруг себя пальцами левой руки дугообразный жест. Сейчас эта рука не была занята, поскольку текущий уровень парящего колдовства не требовал настолько сильного поддержания. В воздухе появилось легкое напряжение, по ощущениям схожее с тем, что бывает перед грозой. Чуть светившийся контур чародейки подернулся едва заметной дымкой. Невольно затаив дыхание, Сирелина ступила на кочку, отчаянно боясь поскользнуться в самый неподходящий момент, из-за чего и предпочитала по ним не ходить. Вновь выставив левую ладонь параллельно земле, она в мгновение ока усилила парящие чары. Затем

занесла ногу прямо над бухточкой с притаившейся нечистью.

В распоряжении чародейки было всего несколько секунд. Именно столько будет держаться мощное заклинание, наложенное ей на себя в самый ответственный момент. Она здорово опасалась что твари промедлят с нападением и она успеет пройти прямо у них над головой достаточно долго для того, чтобы защитные чары спали. Твари, однако, такой дьявольской хитростью не отличались. Скорее всего, они просто выбрали наиболее удобное место для атаки всем скопом, исходя из соображения, что жертва старается двигаться по относительно твердому месту и во вполне определенном направлении. Как только женщина достигла угловой кочки, они более не собирались дожидаться куда она пойдет дальше. Прорвав тонкий слой мха и травы, на Сирелину разом с двух сторон прямо из гнилостной топи выскочило несколько крупных комков невнятной растительности, выбросив вперед конечности похожие на лианы. Казалось, будто под выглядевшим вполне безобидным покровом притаилось несколько затонувших, обросших дальше некуда спутанными ветвями и листьями кочек, и они вдруг выпрыгнули на поверхность. В следующую секунду Сирелину опутало сразу множество жадно протянувшихся к ней лап, толкнуло с полдюжины сочившихся струйками воды переплетенных какими-то немыслимыми узлами тел. Точнее, попыталось все это проделать. Кикиморы, а это были они, явно не ожидали с налету прикоснуться не к живой плоти, а к раскаленному горнилу. Погасить свой прыжок они уже никак не могли и с истошным визгом впечатались прямо в ослепительно полыхнувший вокруг чародейки яйцеобразный щит. Конечностями этим существам размером с крупную собаку действительно служили длинные и гибкие сплетения того, что некогда было самыми различными растениями. Когтей у них не имелось, да это и не требовалось. Кикиморы обхватывали жертву и тянули ее на дно, а потом, когда жертва захлебывалась, медленно обвивались вокруг нее и высасывали из трупа питательные соки. Эти конечности испепелило первыми. Следом за ним безжалостный свет воспламенил и тела, состоявшие из пучков спутанных трав, мха, кореньев, опавших листьев, мелких веточек и всякого подобного придонного мусора. Удар нескольких Кикимор сразу был весьма сильным, но укрытая защитным барьером Сирелина спокойно устояла на ногах, готовая к подобному повороту событий. Кикиморы не были. Их не спалило мгновенно так, как куда более щуплые лапы, но то что отскочило от неумолимого щита было охвачено огнем и уже не могло быть спасено возвращением в родную стихию. Истошный визг, короткая агония наполовину сожженных туловищ — так закончили свое

жалкое и злобное существование эти зловещие обитатели болот. Упав на тонкое покрытие трясины, из-под которого они буквально только что выскочили, намереваясь схватить добычу, Кикиморы еще некоторое время отчаянно верещали, пламенея, обугливаясь и разваливаясь на части. Затем вопли стихли. В мире стало на шесть чудовищ меньше.

Дальнейшее путешествие Сирелины до самого островка прошло без приключений. То ли местная нечисть хорошо усвоила урок, то ли топь все-таки не кишела всевозможными тварями до отказа. В конце концов, их же здесь вряд ли столько же, сколько солдат в казарме. Наконец-то ступив на твердую землю, находившаяся в постоянном напряжении чародейка позволила себе расслабиться, в том числе сбросить изрядно утомившее ее парящее колдовство. Впрочем, сил у нее еще имелось предостаточно, ежели именно на данном острове окажется тот, кто насадил повсюду этих злобных чудовищ.

Остров оказался необитаем. Точнее, на нем не оказалось того, кого искала Сирелина. Скромная компания у нее тем не менее нашлась, и совсем уж скучать голубоглазой женщине не пришлось. Небольшая прогалина обернулась самой настоящей подставой. Здесь не помог даже заблаговременно предупреждающий о грядущей опасности посох, ибо колдовство оказалось особое. Чародейка очутилась вблизи одного из обломков крупных деревьев. Их тут стояло несколько, футов десять-двенадцать, должно быть некогда сраженных ураганом или бурей, из которой и ударила образовавшая прогалину молния. Поскольку посох помалкивал, Сирелина без особой подозрительности миновала это место и как раз проходила мимо одного из стволов, как вдруг тот неожиданно попытался врезать ей ближайшей из двух своих уцелевших веток. Скорее изумленная, а не испуганная чародейка едва успела пригнуться, но вслед за первой в нее уже летела вторая ветвь, куда более могучая чем первая. Сирелина машинально откатилась в сторону и вскочила на ноги. Прямо у нее на глазах обломок дерева с протяжным скрипом самостоятельно выкорчевывался из земли и вид у него был весьма недружелюбный, не говоря уж об оказанном приеме. Более того, судя по звуку, то же самое сейчас проделывали и его только что мирно стоявшие приятели. Быстро обернувшись, Сирелина убедилась что ее догадка более чем верна. Ей мигом стало понятно почему никак не отреагировал белоснежный посох. Точнее, теперь-то он отреагировал, прямо-таки заходясь мерцанием, но прежде обнадеживающе бездействовал. Это было так называемое спящее колдовство. Оно пробуждалось только по какому-либо условному сигналу, а потом вновь впадало в дрему.

Определить его было возможно, но достаточно непросто и уж точно не так, как это сейчас делала Сирелина, и это послужило ей известным уроком.

Данные существа носили наименование Лигнеры. Сам по себе такой Лигнер, несмотря на свой довольно внушительный угрожающий вид был достаточно безобиден, ибо не обладал подвижностью той же Трикиморы, однако и недооценивать его не стоило. Попробуйте только зазеваться и ничем хорошим для вас это не кончится. А если уж какому-нибудь страннику придет в голову расположиться на отдых вблизи такого вот существа — жди беды. Неслучайно потом иной раз натыкаются на человеческие кости в корнях какого-нибудь давно погибшего дерева и долго гадают что за злодей некогда сокрыл здесь свое преступление. Вот он, этот злодей, прямо перед вами — Лигнер собственной персоной. Просто уже давно сам умерший вследствие утратившего силу колдовства, либо же из-за иных обстоятельств. Только вот те, что сейчас намеревались добраться до Сирелины, были еще очень даже живы. Не просто живы — как-то уж слишком активны. Замешкавшаяся чародейка и моргнуть не успела, как и без того стоявшие вокруг прогалины Лигнеры едва не взяли ее в плотное кольцо. Пожалуй, стоило пошевеливаться, пока безмозглые деревяшки не отдубасили ее своими крепкими сучьями. Один такой пропущенный удар запросто может раздробить кости или размозжить голову. Кто не верит — сходите к дровосекам и попросите уронить на вас хотя бы небольшое дерево. Сирелина уже намеревалась вскинуть посох вверх, а затем ударить им о землю, огласив пространство колдовской речью, но вдруг передумала. Сейчас островки в сердце топи были не так уж далеко друг от друга и один из них даже виднелся сквозь лесок. Если чародейка намеревается сохранять элемент неожиданности, то ей не стоит метать громы и молнии и орать во всю глотку слишком характерные слова. Вероятность того, что ее присутствие до сих пор остается незамеченным была достаточно высока. Пренебрегать этим не стоило. В случае значительной опасности, разумеется, станет не до церемоний, но пока Сирелина вполне способна обойтись и без излишних разрушений. Именно поэтому и поджигать Лигнеров явно не стоило, хотя это второе, что пришло в голову чародейке после отказа от атаки светом. Хорошенький будет пожарчик! Такой маяк не то что потенциальный враг — вся округа заметит. Чертыхнувшись, Сирелина перехватила поднятый было вертикально посох и бросилась к ближайшему Лигнеру. Прогудевшая мимо уха ветка скользнула по волосам и едва не зацепилась за капюшон плаща, отчего чародейка чуть не потеряла нужную траекторию, рискуя не проскользнуть мимо де-

ревяшки, а растянуться прямо у нее под корнями. Ловкий кувырок через голову вслед за выброшенным вперед посохом — и вот уже Лигнер позади, а еще один под углом в сторону — и второй его удар не достиг цели. Гм, а подвижности этим пням не занимать! Это еще что за новости? Сильное колдовство или просто Сирелине до сих пор не приходилось нос к носу сталкиваться с такой рассерженной компанией? Подхватив посох, чародейка быстро оглядела противника. Ближайший Лигнер уже вовсю приближался к ней, норовя перейти в новую атаку. За ним, потрескивая сучьями и корнями, поспешали его приятели. А не пошли-ка вы, ребятки, куда подальше! Недолго думая, Сирелина развернулась и дала деру, двигаясь вокруг прогалины по дуге и стараясь вернуться на тот путь, которым она уже проходила — мало ли впопыхах наскочишь еще на какую-нибудь пакость. Лигнеры остались позади, и теперь лишь все больше удалявшийся треск напоминал о недружелюбных преследователях.

Стремительное бегство Сирелины являлось не только желанием избежать прямой схватки с ожившими обрубками, но и крайне просто объяснялось тактически. Если она ничего не путала, то Лигнеры не уходят далеко от места своего обитания и стоит ей смыться подальше, как лесные чудища успокоятся и уберутся восвояси. Разумеется долг адепта Запретного чертога велит уничтожать подобных существ на благо всему живому, но для открытого столкновения случай сейчас был неподходящий. А когда нельзя действовать в лоб, следует применить обходной путь. Сирелина, разумеется, могла и вовсе махнуть на ходячие дрова у прогалины рукой и отправиться дальше, но она не была бы собой, кабы поступила именно так.

Расчет чародейки оправдался. Окончательно потеряв женщину из виду, отставшие Лигнеры остановились. Постояв какое-то время покачиваясь, будто в нерешительности, они развернулись и все с тем же поскрипыванием неторопливо вернулись на прежнее место. Там их и обнаружила Сирелина, когда осторожно подкралась из леса, перебегая от сосны к сосне словно ребенок при игре в прятки. С того места где она укрылась казавшиеся вновь совершенно безжизненными деревяшки было хорошо видно, при этом те в свою очередь присутствия наблюдательницы не замечали. Чародейка быстро соображала что делать дальше, поглядывая на мерцающий кристалл. Спящее колдовство все еще было активно, о чем он недвусмысленно и сообщал. Это означало, что Лигнеры сейчас только выглядят обычными пнями, а на деле сразу же среагируют на любое действие. Вопрос в том как долго данное состояние будет продолжаться, ведь от этого зависело что именно Сире-

лине следует предпринять. Ответ пришел быстрее чем призадумавшаяся чародейка могла ожидать. Блеснув последний раз, кристалл погас. Точнее, не совсем погас, а пришел в свое обычное состояние, указывавшее что самого по себе колдовства на топях предостаточно и Сирелина близка к цели своего путешествия. Чары перешли в скрытый режим; Лигнеры уснули. Что ж, отлично! Светловолосая женщина едва удержалась от того, чтобы довольно не потереть ладошки с длинными изящными пальцами. Ей представлялся отличный случай опробовать на практике кое-что новенькое. Подкравшись к компании у прогалины поближе, благо что теперь это вполне допускалось, она остановилась у самой последней сосны. Затем, опершись на посох в лучших традициях изображенных на картинах волшебников, выставила перед собой левую ладонь пальцами в небо. Из уст Сирелины потекла колдовская речь. Читала она ее негромко, но достаточно долго, ибо это было не обычное заклинание, а очень серьезное ее воплощение. По мере того как с уст чародейки срывались слова, перед ладонью начинало образовываться легкое туманное облачко, наливавшееся белизной и плотностью по мере того, как произносилось заклятье. С последним словом, повинуясь чуть толкнувшей его руке, к тому времени уже превратившееся в голубоватый с белизной шар облачко полетело вперед. Оно не неслось стремительно как молния, но и не плелось сродни черепахе. Направляемое движениями пальцев чародейки, облачко-шар достигло ближайшего Лигнера и коснулось его ствола, а затем в мгновение ока всосалось в него так, как влага впитывается в сухую губку. Первые секунды, казалось, ничего не происходило. Затем вдруг контуры лесного чудища слегка озарились призрачной дымкой, пробежавшей по всему его существу. Какое-то время она становилась то ярче, то тусклее, идя изнутри словно под влиянием своеобразного прилива и отлива. Затем вдруг угасла. В следующее мгновение из Лигнера, будто рой мошкары, высыпались черные точки, закружившиеся вихрем при полном отсутствии ветра. Поднявшись на несколько ярдов над обломком дерева, они прыснули в стороны и бесследно исчезли. Отныне Лигнер стал тем, чем и казался — останками некогда поверженного природной стихией дерева. И не более.

Сирелина следила за происходящим с замиранием сердца, чувствуя невольный внутренний трепет. Прежде ей не приходилось проделывать ничего подобного в таких условиях и на таком уровне. Особенно здесь, среди топей в дебрях глухой чащи. Увидев что ее усилия увенчались успехом, она едва не запрыгала от радости как простая школьница получившая пятерку за отлично выполненную контрольную работу. Что ж, она вполне может собой

гордиться! Не теряя более времени, ибо закат был уже не за горами, чародейка проделала тот же прием и с остальными Лигнерами. Затем, когда все закончилось, с достоинством вышла на прогалину и остановилась в самой середине, удовлетворенно оглядывая содеянное. Спящее темное колдовство было развеяно. Теперь этот дровяной склад действительно являлся дровяным складом, разве что еще не распиленным на поленья. Треснувший в лесу неподалеку старый древесный ствол едва не подпортил общую картину триумфа, ибо Сирелина от неожиданности чуть не присела с писком "мама". Ей живо померещилось, что предпринятые усилия не увенчались успехом и вновь оживший Лигнер сейчас примется за старое. Нет, все было спокойно. Посмеявшись в душе над собственным испугом, чародейка развернулась и направилась туда, куда и собиралась до того, как едва не получила веткой по голове.

Собиралась она, собственно, на другой конец острова, чей вполне себе симпатичный песчаный берег находился совсем неподалеку от прогалины. Отсюда лучше всего можно было обозреть те окрестности, что представляли для Сирелины наибольший интерес. Один из пяти выбранных островов она только что осмотрела и признаков жизни на нем не наблюдалось. Второй успела изучить с другой части текущего и в складную подзорную трубу убедилась, что и он вряд ли обитаем. С той позиции низенький остров номер два просматривался очень хорошо и через его редколесье никакого присутствия человека не обнаруживалось. Итак, оставалось еще три: один дальше и левее, а второй ближе и правее, плюс тот, что сейчас находился совсем справа примерно на уровне проверенного в трубу и в данный момент скрытого за лесистым выступом. Его, разумеется, Сирелина тоже подвергла оптическому исследованию с подходящей точки, но столь же однозначных выводов как в случае с предыдущим сделать не смогла. Вновь вооружившись подзорной трубой, чародейка принялась рассматривать те два острова, что находились сейчас перед ней по означенные стороны.

Спустя десять минут напряженного вглядывания Сирелина резким движением, выдававшим некоторую досаду, сложила трубу и нахмурилась. Оба острова выглядели многообещающе: подходящий рельеф, условия и растительность для того, чтобы на них обосноваться. Оба очень плохо просматривались, делая невозможным столь удаленную разведку. При этом и там и там в глаза ничего особенного не бросалось, но на такую удачу чародейка особенно и не рассчитывала. Какой же выбрать? Ведь пятый, невидимый сейчас справа, ей тоже со счетов сбрасывать пока не приходилось. Сирелина оглядела небо и достала часы. Времени становилось все меньше. Солнце уже слишком красноречиво катилось к

горизонту, и она успеет проверить максимум два острова из оставшихся трех. С какого же начать? Чародейка прикинула в уме, призвав на помощь здравый смысл. Благодаря ему ответ пришел быстро: следовало добраться до того, что сейчас был ближе и правее. С него, если он окажется пустым, можно оглядеть остальные два с другого ракурса, благо что они окажутся едва ли не в диаметральной противоположности. Тогда, возможно, удастся установить искомый, отринув заведомо лишний. Либо же Сирелина изначально ошиблась в расчетах и пошла по ложному пути, с чем ее и можно будет поздравить. Ночь в сердце топей, кстати, как раз то что надо, дабы принимать бурные поздравления от местных обитателей. Что ж, оставалось скрестить пальцы на удачу.

Самым неприятным сейчас было то, что Сирелине приходилось топать через болото прямо ввиду одновременно всех островов, но тут уж ничего не поделаешь. В принципе, если источник темного колдовства не страдает паранойей и не бегает непрерывно по острову, высматривая непрошеных гостей, то ее вполне могут и не заметить. Хотелось верить, что он занимается своими делами и в похожую подзорную трубу не таращится. При этом подобный образ жизни все-таки требовал определенной осторожности, и иной раз поглядывать на болота было бы не лишне. Одним словом, Сирелина не знала наверняка увидят ее или нет, но изменить все равно ничего не могла. В теории она способна напустить туман и скрыться в его клубах, да только ей же в этом тумане и идти, не говоря уже о том, что туман однозначно привлечет куда больше внимания. Маскирующие чары также не годились. Они были хороши для неподвижного состояния, дурманя глаз возможного наблюдателя, дабы он принял тебя за часть рельефа. В движении такая штука не работала и уж тем более на вполне себе гладкой и свободной от сколь-нибудь высокой растительности местности. Плащи же невидимки существовали только в сказках. Причем обычно в глупых, поскольку рассказчик даже не пытался подумать что мог бы сделать его герой, обладающий подобной штуковиной, не только в описанных им сценах, а вообще. И если он не идиот, то каким кардинальным образом это обязано было повлиять на весь сюжет, полностью поставив его с ног на голову, а то и вовсе уничтожив. Сирелине, увы, приходилось иметь дело с реальностью, а в ней такие номера не прокатывают. Впрочем, кое-что она все-таки сделать могла. Проведя рукой вдоль тела, чародейка прошептала заклинание. На секунду ее очертания окутала легкая дымка, а затем тут же развеялась. Цвет одежды Сирелины изменился. Она и прежде прибегала к подобному трюку, становясь менее заметной, но теперь постаралась придать своему наряду

особую окраску, маскирующую ее под данную конкретную местность. И по мере продвижения ее надо будет корректировать, дабы со всех трех остававшихся островов каждая ее сторона сливалась с соответствующим ландшафтом.

Путь до следующего острова Сирелина проделала как-то уж подозрительно просто. Вокруг не было видно ни души, разве что высоко в небе изредка пролетали птицы. В остальном топи по-прежнему оставались безжизненными. В общем-то, это совершенно не удивляло, ибо какой вменяемый зверь захочет жить в столь гиблом краю? Удивляло другое: куда-то запропастилась нечисть. Не то чтобы чародейка по ней сильно истосковалась, но после уже оказанного теплого приема сие казалось довольно странным. Впрочем, Сирелина сейчас находилась в таком месте, что здешний хозяин вполне мог посчитать излишним заселять его разной мерзкой живностью. Либо же эту живность сама местность не сильно устраивала. Пространство между островами было топким, но довольно однородным, практически без кочек и сухих деревьев, равно как колодцев воды и гладких прогалин, под которыми скрывалась самая жуткая трясина. Не исключено что твари предпочитали места получше и поближе к большой земле, где у них, кстати, было куда больше шансов схватить случайно забредшую добычу. Тут-то им что ловить? Несколько успокоенная этой логикой, Сирелина, не забывая поддерживать парящее заклинание и то и дело корректировать камуфляж, благополучно добралась до нужного острова. Точнее, почти добралась. Уже на подходе какое-то шестое чувство подсказало ей что здесь что-то неладно. Сирелина привыкла доверять своей интуиции и немедленно остановилась в какой-то паре сотен ярдов от желанного берега. Зловредное солнце упорно не собиралось откладывать свое свидание с горизонтом, а посему чародейке приходилось поторапливаться, дабы разобраться что к чему. Прищурившись, она принялась всматриваться в выглядевший совершенно обычным пейзаж.

Кочки! Сирелина едва не тронулась дальше, уж было решив, что ей просто померещилось от излишнего перенапряжения. До сих пор они почти не встречались, но теперь, когда чародейка оказалась вблизи от острова, она вдруг поняла за что зацепился ее взгляд. По периметру остров окружала целая цепочка кочек, находившихся от него не только на одинаковом расстоянии, но и на практически равном удалении друг от друга. А такая строгая гармония в естественной природе попросту не встречается. Проглядеть подобное в подзорную трубу, изучая сам остров, проще простого, но сейчас сей аспект подсознательно насторожил мерно шагавшую чародейку и она наконец-то его осознала. Посох пока еще

помалкивал, не сигнализируя о неминуемой опасности, значит если тут о чем-то и могла идти речь, то вновь о спящем колдовстве. На мгновение Сирелина испуганно подумала о целой компании Кикимор, мирно дремлющих вблизи поверхности пока на них не ступит нога самонадеянной чародейки, дабы немедленно вцепиться в нее своими лапами, но тут же успокоилась. Подобных существ погрузить в спящее колдовство было невозможно. Лигнеров это не касалось, ибо они являлись им по самой своей сути, но подобной подлянки со стороны Кикимор можно не опасаться. Кочки выглядели совершенно безобидно, но их строгое геометрическое расположение наводило на самые неприятные мысли. Что бы это могло быть? Торчащие из воды обросшие головы Трикимор? А на кой ляд им торчать? Если это так, то при приближении посох засечет их присутствие. Правда стоит подумать о том, что с такой армией, буде она надумает атаковать одновременно, Сирелина попросту не совладает, учитывая что стоит она не на твердой земле, а парит над трясиной, и ее возможности заметно ограничены. Если все эти сотни кочек живые существа, то дело дрянь. Пройти здесь, не устроив настоящее побоище, к тому же с, мягко говоря, неясным исходом, будет попросту невозможно. Морща лоб, чародейка сосредоточенно прикидывала в уме, припоминая почерпнутый в справочниках бестиарий. Нет, вроде бы под соответствующее описание ничего не подходило. Кроме, разве что, тех же Трикимор, но удерживать их постоянно в таком неподвижном виде да еще в означенном количестве просто нереально. Это потребовало бы от заклинателя значительных усилий, а сама Трикимора какое-никакое живое существо и бесконечно долго в таком состоянии находиться не может, не рискуя обратиться в него навечно. Стало быть, версия с этими тварями исключается. Если же Сирелина все-таки ошиблась, то ей придется применить все свои силы чтобы вихрем прорваться на целевой остров, пока не сбежалась вся эта толпа. Причем еще вопрос что ее поджидает уже там.

В итоге, перебрав целый ворох разнообразных версий, чародейка выделила одну из них как наиболее правдоподобную. Кочки были чем-то вроде охранной сигнализации. При пересечении их периметра они должны были испустить какие-то чары, так что либо речь действительно шла об их спящем варианте, либо о банально начертанных там рунах. Оба варианта следовало незамедлительно проверить. Определить спящее колдовство было куда сложнее и на раз-два не получалось. Сирелине, разумеется, такое вполне под силу, но здесь имелись некоторые особенности. Во-первых, специфика определения была такова, что сама чародейка на какое-то время окажется уязвимой, а в данных обстоятельствах это

крайне нежелательно; во-вторых, нащупать такое колдовство — это одно, а понять в чем именно оно заключается, — совсем другое. Сирелина, недолго думая, выбрала весьма нехитрый путь. Она сотворила прежнее мудреное заклинание, будто собиралась поразить им очередного Лигнера, а затем, управляя пальцами появившимся шарообразным облачком, направила его к ближайшей кочке, благо что до нее было всего полсотни ярдов. Достигнув цели, облачко тут же впиталось в густой влажный мох, а Сирелина принялась ждать соответствующей реакции. Ее не последовало. Это означало, что либо в кочке нет никакого скрытого колдовства, либо у чародейки не хватало сил для его развеивания. Последнее, конечно, возможно, но не слишком вероятно. Дело было даже не в собственной гордости Сирелины, а в том что ее нынешний уровень вплотную приближался к старшим чародейкам. Впрочем, по части возни с темным колдовством ей еще учиться и учиться. Только вряд ли в этой кочке заключено что-то намного более могущественное чем Лигнер, учитывая что до сих пор ей встречалась самая обычная нечисть. Истолковав результат в свою пользу, Сирелина приступила к проверке номер два. Пошевелив пальцами в воздухе, она призвала небольшой светлячок. Эдакую крошку с теннисный мячик, симпатично светившийся мягким белым светом. Несмотря на определенное сходство с предыдущим объектом, природа у них была совершенно разная, как разными ставились и задачи. Повинуясь жестам руки чародейки, светлячок бодро заскользил вперед, порхая футах в четырех от болотного мха, и вскоре достиг той же самой кочки. Вот здесь результат не заставил себя ждать: приблизившись к ней, он вдруг резко изменил цвет с белого на зеленый. Ага! Сирелина, помедлив, на всякий случай решила проверить и соседние бугристые образования, благо что расстояние вполне позволяло. Итог оказался прежним: светлячок неизменно зеленел, едва достигал искомого места. Такая игра цвета заявляла вполне себе ясно — на этих кочках находятся действующие руны, причем одной природы. Разумеется, даже в этом случае их действие могло быть разным, но, учитывая предполагаемое назначение периметра, это вряд ли. Что ж, отлично. Уж как обезвреживать руны Сирелина знает хорошо! Неплохо бы, конечно, выяснить для чего они нужны, но это уж как-нибудь в другой раз. Подойдя еще ближе, чародейка начертала в воздухе полыхнувший красными искрами сильный контррунический знак, основываясь на цветовой противоположности, затем обрушила его на кочку. Проверка светлячком показала эффективность предпринятых действий. Решив не лениться, Сирелина заодно разрушила и соседние руны, после чего, справедливо довольная собой,

снова двинулась вперед.

Остров встретил ее крутым песчаным берегом, над которым возвышались кряжистые сосны, чьи корни расползались в стороны цепким хватом. Можно было без особых усилий подняться наверх при помощи все того же парящего колдовства, но Сирелина предпочла убрать его совсем, дабы понапрасну не расходовать силы. Руническое кольцо вокруг острова говорило о многом, а посему ей сейчас лучше обойтись без излишеств. Покрутив головой, чародейка заприметила неподалеку куда более дружелюбный склон и направилась прямиком к нему. Белый посох пока не мерцал, зато его непрерывное свечение усиливалось прямо на глазах. Похоже, даже если Сирелина не достигла нужной цели, то на этом острове определенно находится источник значительной темной силы. Сам же он выглядел довольно большим: в нем есть где и укрыться от постороннего взгляда, и приготовить незваным гостям подходящий сюрприз.

В первую ловушку Сирелина едва не загремела сразу же как поднялась по покатому склону, усеянному опавшей хвоей и на удивление сухими шишками. Похоже, даже в такой болотине высота острова позволяла ему по большей части избавляться от излишней влаги, и под ногами шуршал вполне себе здоровый лесной настил. Меж больших старых сосен теснилось множество лиственных деревцов и густого кустарника, что не в последнюю очередь делало его непроницаемым для подзорной трубы. Не желая с шумом продираться сквозь переплетения цепкой растительности, чародейка заприметила подходящую прореху и направила стопы туда, напрягая зрение и слух в поисках возможной опасности. Чары камуфляжа она, разумеется, уже переменила, дабы соответствовать окружению. А вот оно-то как раз и дало себя знать. Сирелина вовсю выискивала какое-нибудь колдовство и только чудом не провалилась в самую обычную волчью яму. Вроде бы примитивное средство, но оно едва не прикончило зазевавшуюся чародейку. Еще бы один шаг — и ей конец. К счастью, передвигалась она медленно, а края ямы оказались сыпкими. Когда почва под ногой неожиданно подалась, Сирелина рухнула не вниз, а на спину, выронив посох и уцепившись за кстати подвернувшийся корень. В первый момент она даже не поняла что произошло. Быстро вскочив на ноги, чародейка живо подхватила посох и нашарила взором вынырнувшее из ниоткуда препятствие. Прореха в земле выглядела крайне неприятно. Вытянув руку, Сирелина негромко произнесла заклинание Незримого удара, которым хорошенько потчевала и стражников в Солтенстиле и разбойников в Желтых холмах. В мгновение ока тот разрушил тонкий маскировочный

покров, развеяв хвою и листья и обрушив сплетенную из веток каркасную конструкцию. Глядя на разверзшийся провал, утыканный острыми кольями, чародейка с растущим ужасом поняла, что ловушка отнюдь не примитивна, ибо здесь ей не помогло бы даже парящее заклинание. Нога проминала податливый слой всего дюйма на полтора, но этого оказалось бы вполне достаточно дабы она провалилась сквозь него, спровоцировав неминуемое падение. А притормозить его Восходящим потоком Сирелина не могла. Заклинание, столь эффектно использованное ей в Желтых холмах и приподнявшее ее на пару ярдов от земли, создавалось не мгновенно. Несведущий глаз часто путал его с чарами левитации, но природа у них была совершенно разная. Восходящий поток создавал своеобразный энергетический столб, медленно текущий снизу вверх, а развевающиеся одежды и волосы получались от движения его струй. Выглядело это со стороны весьма впечатляюще, но на деле оказывалось совсем не тем, о чем мог подумать обыватель. Сирелина почувствовала как у нее выступил холодный пот. На всех этих гнусных топях она до сих пор ни разу не была столь близка к гибели. И снова чародейка получила очень серьезный урок: парящее колдовство только что могло ее убить, продолжай она полагаться на его действие. И ведь уж точно не придет в голову прощупывать перед собой глубину земли посохом — чай не вода! Видимо тот, кто соорудил здесь волчью яму, хорошо об этом знал. Сосредоточившись исключительно на колдовских штучках, Сирелина как-то напрочь позабыла о куда более прозаических вещах. Теперь же она одновременно поняла как всю степень своей беспечности, так и то, что цель ее путешествия действительно близка.

Таких ям на пути чародейки встретилось еще несколько, но на сей раз она оказалась готова к их появлению, равно как и к прочим милым безделицам в виде снаряженных самострелов, петель-ловушек и срывающихся бревен. От напряжения Сирелина аж взмокла, пробираясь через весь этот смертоносный гадюшник, и едва ли не каждый шаг давался ей с замиранием сердца. Тем не менее, чародейке благополучно удалось преодолеть столь экстремальную полосу препятствий и добраться до середины острова. Здесь снова не обошлось без дурманящих чар, напущенных, вероятно, для лучшей маскировки содержимого. Ведь там, в коротком овраге с пологими стенами, окончательно скрывавшем свою дальнюю часть от посторонних глаз, обозначился зев небольшой опутанной корнями пещеры. Внимательный взор Сирелины заприметил не только разбросанные вокруг предметы различной утвари, но даже подвешенные у входа амулеты во главе с черепом буйво-

ла, а над небольшим холмом — замшелую печную трубу. Похоже, наступал момент истины. Схватив посох покрепче, Сирелина прильнула к ближайшей сосне, пристально изучая открывшуюся панораму. Кажется, в глубине пещеры горел огонь, а на его фоне промелькнула чья-то фигура. Интересно, действительно ли позванивали покачивавшиеся амулеты возле входа, или же у чародейки от напряжения просто слегка звенело в ушах?

Любоваться достопримечательностями ей помешали. Пока Сирелина соображала что к чему, совсем неподалеку вдруг послышался какой-то странный звук, будто некто надумал погреметь сухими костями. Быстро обернувшись, она с оторопью обнаружила, что данная источнику звука характеристика была более чем верна. Объявившись невесть откуда, к ней медленно приближался человеческий скелет, держа в руке внушительную саблю. Пока чародейка невольно рассматривала столь примечательное зрелище, звук неожиданно повторился из-за спины. Затем резко стал множиться одновременно со всех сторон. Беглый обзор показал, что к Сирелине разом отовсюду двигались точно такие же скелеты, несколько отличавшиеся лишь по размеру и вооружению. Даже от пещеры двигалось сразу трое, не иначе как собравшись из тех самых костей, что были в изобилии разбросаны неподалеку от входа. Видимо, в ход пошла защита самого логова. В намерениях костяной гвардии можно было даже не сомневаться. Мерцание кристалла на сей раз не подвело, известив о потенциальной опасности загодя, но чародейка как раз и пыталась отыскать эту притаившуюся угрозу. Что ж, долго гадать ей не пришлось. Сирелина быстро подсчитала нападавших, к которым продолжали присоединяться все новые и новые. Уже дюжины полторы. Изумительно! Впрочем, паниковать рано. Сила, безусловно, серьезная, но ведь и она не лыком шита, а ее и обучали иметь дело аккурат с такими красавцами. Ну, теперь уж без драки точно не обойтись, а раз так, то пора брать логово штурмом. Сирелина прикрыла глаза, потратив несколько драгоценных секунд на концентрацию. Чародейская сила текла в ней бурным потоком, насыщая тело и разум своими возможностями, посох мерно подрагивал в руке, непрерывно работающим сонаром сообщая о множившихся целях и их местонахождении. Кровь, ощущая присутствие темного колдовства, взбудораженно бежала по венам, горячась и наполняя их живительным противодействием. Сирелина постаралась полностью отключить все лишние эмоции и мысли, способные уменьшить ее сосредоточенность, излишне растратить энергию, отвлечь от предстоящей схватки. Затем глубоко вдохнула и ринулась вперед.

С посохом наперевес она неслась прямо ко входу в пещеру

навстречу громыхавшей костями троице, к которой отовсюду уже вовсю поспешали соратники. Завидя подбегающую чародейку, скелеты угрожающе взмахнули оружием. Сирелина с налету, с гулом размахнувшись посохом, обрушила его по дуге на неосмотрительно кучно шедшую тройку. Увесистый белоснежный посох прошел через попавшиеся на пути кости как сквозь лунный свет, отдаваясь лишь незначительным усилием в момент контакта. И каждый раз при таком контакте его поверхность вспыхивала, рассекая скелет между тазом и грудной клеткой. Враги и зубами щелкнуть не успели, как звеня клинками рухнули на землю беспорядочной грудой. Щелкали они зубами теперь, беспомощно елозя и в бессильной ярости пытаясь добраться до чародейки все еще удерживаемыми в конечностях острыми железяками. Но недолго. Взмахнув посохом, Сирелина рявкнула заклинание, одновременно ударив его основанием у своих ног. Испущенная им волна света ширящейся сферой прокатилась от источника десятка на полтора ярдов, где пошла на убыль и развеялась. Она выжгла из все еще шевелившихся костей колдовство некроманта, обратив их в самый обычный прах, и заставила приближавшуюся армию поубавить пыл. Попавшие под ее воздействие не оказались уничтожены так же как первые собратья, но прыть в их движениях заметно снизилась из-за ослабших чар. Перемахнув через жалкие останки, Сирелина стрелой метнулась ко входу в пещеру. На пороге возникла чья-то фигура. Чародейка толком и рассмотреть-то ее не успела, как та подняла руку и пронзительным голосом прокаркала заклинание. Пара секунд — и выкатившийся с характерным скрежетом тяжелый валун наглухо перекрыл зев логова. Сирелина с разбегу едва не ударилась в его неровную замшелую поверхность. Сгоряча она попыталась разбить его вдребезги, долбанув посохом по самому центру. Увы, валун оказался самым обыкновенным камнем, и сила света посоха была ему совершенно безразлична. Здесь требовалось нечто иное, но на это иное у Сирелины сейчас не оставалось времени. Ее быстро брала в окружение костяная компания и следовало поторапливаться, если она не хотела полечь собственными костями наряду с этими. Обернувшись, чародейка быстро оценила диспозицию. Затем, недобро усмехнувшись, побежала обратно. Ловко проскочив мимо едва не доставших ее скелетов и мимоходом снеся одному из них голову посохом, она выскочила в самое начало короткого оврага, где была подходящая ровная поляна и остановилась. Сирелина не собиралась убегать. Бурлившая в жилах кровь и только что постигнутая неудача с камнем толкнули ее на такой поступок, на которой она не решилась бы на холодную голову. Чародейка собиралась устроить хо-

рошенькую бойню всей этой нечисти и теперь, продолжая недобро усмехаться, искоса наблюдала как честная компания приближается к ней, замыкая кольцо окружения. Воздев руку к небу, она нараспев прочитала слова на колдовском наречии, отчего ее фигура засияла, испуская волны слепящего света. Скелеты, зашипев, невольно прикрыли пустые глазницы. В следующее мгновение Сирелина рявкнула еще одно заклинание так, что у нее самой зазвенело в ушах, и со всей силы вновь ударила посохом о землю. На сей раз вызванная волна была гораздо сильнее и пролетела намного дальше. Не давая врагу опомниться, Сирелина ринулась в атаку, испустив такой же боевой клич, каким Бэйл некогда оглашал арену.

Должно быть, прежде не только старые, косматые ото мха сосны, а и все топи не видели ничего подобного. Чародейка, как свалившаяся прямо с неба валькирия вихрем носилась среди оживших костей, бесплодно пытавшихся поразить ее своими клинками. Тяжелый посох пушинкой мелькал в ее руках, описывая гудящие траектории, и раз за разом повергал на землю подворачивавшуюся под его разящие удары нечисть. Сполохи света озаряли сгущавшиеся сумерки, выжигая из костей остатки темного колдовства, а светящийся контур Сирелины казался явившимся с того света призраком возмездия.

На самом деле чародейка здорово рисковала, ввязавшись в драку одновременно с таким количеством не самого безобидного противника. Сыпавшиеся удары ее иной раз все-таки доставали, но по касательной, высекая искры из освещенного контура. От прямого попадания он никоим образом бы не спас, но скользящие отражал, слабея с каждым новым касанием. Конечно хорошо бы наложить на себя такой же защитный барьер, которым Сирелина воспользовалась в Желтых холмах. Только вот там она парила в Восходящем потоке совершенно неподвижно, в то время как в данный момент молнией носилась по поляне, нанося и отражая удары, повергая очередного противника и оглашая пространство громогласной колдовской речью. В нынешних обстоятельствах можно было с толком воспользоваться лишь другим типом защиты, ориентированным в первую очередь на противостояние окружающей нежити, что Сирелина и сделала. Надо сказать, ей в немалой степени повезло: будь клинки обычными железяками, толку именно от светового щита оказалось бы немного, ибо он служил в первую очередь для отражения темного колдовства. С другой стороны, было ли это везение, если чародейка правильно распознала с чем имеет дело. Оружие скелетов пронизывала точно такая же злая сила, а посему оно довольно успешно блокировалось нало-

женным заклятьем.

Удар! Еще удар! Отразив разом два выпада костяных громил, Сирелина махнула посохом, врезав одному из них снизу вверх под челюсть и снеся голову с плеч, взмывшую в темнеющее небо и откатившуюся далеко в кусты. Поднырнув под следующую атаку, она крутанулась, сбив врага с ног таким мощным ударом, что его ноги рассыпались на составляющие. Со спины уже подбегало несколько новых скелетов, старавшихся поспеть за ураганом носившейся в их рядах чародейкой и ураганом же их сокращавшей. Выставив посох перед собой, Сирелина огласила поляну колдовским наречием столь громко, что раскаты ее голоса разнеслись далеко по гиблым топям. Из вершины посоха вырвался сноп ослепительного света, конусом ударившего прямо в неосмотрительно набегавших плотным строем атакующих. Таким же приемом чародейка угостила безымянную тварь на дне черного озера, но на сей раз он был гораздо, гораздо сильнее. Разом пятеро скелетов обратилось в прах, осыпавшись на землю обугленными останками. Другие, кому повезло лишь частично познакомиться со жгучим огнем, теряя пострадавшие кости загремели в стороны, либо отлетели далеко назад. Заходясь от кипевшего в ней боевого пыла, Сирелина с гулом разъяренного шершня вновь махнула посохом, описав вокруг себя окружность и снеся черепа паре неосмотрительно сунувшихся к ней со спины врагов. Затем ястребом подлетела к поверженным на землю и, не давая им встать, мощными ударами разносила в пух и прах костяные тела, проламывала грудные клетки.

Дрогнуть скелеты не могли, поскольку живыми существами не являлись, а представляли собой лишь плод недоброго творения рук некромантии. Вместе с тем их численность упала столь значительно, что они вынуждены были перегруппироваться, более не осмеливаясь сбиваться в кучи, дабы массово не попадать под мощные раздачи. Вероятно, какие-то зачатки разума у них все-таки присутствовали. К несчастью для них, Сирелине это оказалось только на руку. Она начинала сильно уставать, будучи неспособна непрерывно исторгать такие вот могучие заклинания, и теперь с радостью перешла к науке Бэйла. Гладиатор гонял ее по многу часов, так что сейчас, оставив в стороне чародейские штучки, она прекрасно могла воевать одним лишь посохом, благо что он безотказно разил ожившую нечисть. Один на один или даже вдвоем у скелетов против Сирелины шансов вообще не было. Она уже давно вышла из окружения и теперь, постепенно восстанавливая колдовские силы, с успехом разила упорно наседавшего врага, снося его как шторм тростинки. Белоснежный, сиявший

теперь в надвигавшейся темноте посох блестяще отражал любые удары, не способные оставить на нем даже малейшую царапину. Такие посохи долго и старательно изготавливали самые могущественные сестры, и непросто было найти что-либо более надежное, чем это оружие света. Пылавшее в крови чародейки противодействие темному колдовству наполняло его большой силой, обрушивающейся на нежить неотразимым разящим приговором. Скелет за скелетом рассыпались в прах, разваливались на части, беспомощно шевелившие склеенными колдовством костями. Их становилось все меньше и меньше до тех пор, пока последний не пал под ударом все еще окруженной ореолом света женщины. Запыхавшаяся Сирелина даже не сразу поняла что все было кончено. Еще некоторое время она, непрерывно кружа, озиралась по сторонам, прежде чем до нее дошло, что вокруг не осталось ни одного способного противостоять ей врага. Обойдя поле боя и уничтожив темное колдовство в еще трепыхавшихся останках, чародейка вернулась в начало оврага. Затем проследовала к пещере и остановилась в дюжине ярдов от закрывавшего вход валуна.

— Выходи! — рявкнула она так, что ее крик разнесся по болотам не хуже самой громогласной колдовской речи. — Выходи или клянусь: я обрушу твое логово тебе же на голову!

Некоторое время ничего не происходило. Темнота все больше сгущалась и Сирелина даже подумала, что обитатель пещеры намеревается дождаться ее полного наступления. Для последователя черного колдовства определенный смысл в этом был. Призвав светящуюся сферу, немедленно взмывшую у нее над головой так, как некогда в подземельях дворца ад-Сейдина, чародейка коротким заклинанием запалила два торчавших у входа в пещеру факела. Теперь место финального действия не старалось затеряться во тьме, и Сирелина отлично видела не только сложенную у порога медную и железную утварь, но даже прожилки на огромном сером валуне. Впрочем, достаточно было и одной сферы, ярко озарившей весь овраг от начала и до конца. Чародейка как раз обдумывала свое следующее действие, как вдруг валун с глухим скрежетом отъехал в сторону и обитатель пещеры сделал несколько шагов наружу, остановившись аккурат между факелами. Напротив Сирелины появилась пожилая женщина среднего роста, одетая в простую серую робу. Седеющие волосы были собраны в пучок на затылке, на шее висело причудливое ожерелье из чьих-то костей, зубов и цветастых камешков, а из-под робы выглядывали простые кожаные боты. В левой руке у женщины был посох из темного дерева с загнутым концом, в хитросплетении которого виднелся кусок какого-то вещества, а на поясе висела небольшая матерчатая

сумка. Сирелина встретилась с ведьмой глазами. До сих пор она избегала так именовать хозяина всего этого безобразия, поскольку его пол заранее был неизвестен, а Немезия учила никогда не делать поспешных выводов, способных повести по ложному пути. Теперь же диагноз стал очевиден. Странно. Вместо ожидаемых страха, негодования или злобы лицо ведьмы выражало скорее некоторое любопытство. Оно было умеренно морщинистым, с чуть впалыми щеками, тонким, немного вздернутым носом и самыми обычными губами. То есть вовсе не таким безобразным, каким привыкли изображать ведьм в сказках. Пронзительный взор умных серых глаз встретился с глазами Сирелины и та была готова поклясться, что ведьма улыбается, причем без малейшей издевки.

— Бросай посох и сдавайся, — сурово сказала чародейка, несколько сбитая с толку видом владелицы пещеры.

— Не то что? — спокойно поинтересовалась та вполне нормальным голосом без всяких картавых звуков и пришепетываний, разве что с небольшой хрипотцой.

— Не то я буду вынуждена тебя обезвредить, — мгновение поколебавшись, отозвалась Сирелина.

— То есть убьешь? — уточнила ведьма. — Ведь иначе тебе придется тащить меня обратно через все болота. Осилишь? Не думаю.

— Если придется, — мрачно сообщила чародейка, которой почему-то не очень понравилась мысль прикончить совершенно нормально выглядевшую женщину.

Расправляться с монстрами и разбойниками для совести как-то полегче. Впрочем, припомнив о болотных тварях и нежити, она вновь попыталась принять утраченный было грозный вид. На счету этой тетки, поди, уйма гнусных дела и загубленных жизней, так что нечего сопли распускать. Кажется, ведьма уловила колебания непрошеной гостьи и на ее лице появились дополнительные хитрые морщинки.

— Ну так что? — поинтересовалась Сирелина, недовольная затягивавшейся паузой.

— Сомневаешься? Напрасно, — усмехнулась ведьма. — Если уж заявилась прямо сюда, то надо идти до конца.

В ее тоне послышались какие-то прямо-таки наставнические нотки и чародейку это порядком разозлило.

— Даю тебе десять секунд чтобы сдаться! — резко бросила она, нахмурив брови.

— За десять секунд мои друзья с тобой разберутся, — ровным голосом ответила ведьма, кивнув куда-то за спину чародейки.

Та еле удержалась чтобы не попасться на столь примитивный трюк, только и не проверить чего у нее там позади не могла. Посох

вроде как помалкивал, но ведь у ведьмы могли оказаться и не наколдованные сообщники. Сирелина пружиной подскочила вверх и сделала кувырок назад через голову. За спиной никого не оказалось. Ведьма, однако ж, явно решила не упускать даже такую возможность. Быстрое заклинание поразило сияющую сферу и вновь нацелившая на противника белый посох чародейка оказалась освещена в основном собственной аурой. Этого следовало ожидать, но факелы вокруг ведьмы еще пылали и Сирелина, недолго думая, влепила ей Незримый удар. Только та уже проводила перед собой по земле кончиком посоха, и заклинание чародейки бессильно разбилось о невесть откуда появившуюся терновую стену. Чертыхнувшись, Сирелина должным образом огласила пространство колдовской речью. Исторгнутый вершиной посоха сноп света ворвался прямо в центр препятствия, развеяв его в клочья, и... ушел вглубь пещеры. Ведьмы за терновыми колючками не оказалось, а чародейка поняла что она теперь как на ладони, ибо единственное освещение сейчас исходило от нее самой да от звезд на небе. Воздвигнув стену, хозяйка топей погасила факелы и куда-то улизнула, пока Сирелина тщетно сносила появившуюся преграду. Сонар посоха, казалось, должен был указать куда именно, поскольку столь мощный источник темной силы он просто не мог не замечать. Вот только ведьма, кажись, применила какое-то хитрое заклятье. Цель множилась, одновременно обозначиваясь в разных местах и не давая возможности точно определить свое местонахождение. Сирелина на мгновение испугалась, что ведьма воспользуется темнотой и попытается убежать, но вылетевшие из темноты змеи живо разубедили ее в этом подозрении. Змеи оказались сродни тем, какими потчевал чародейку Дегонис, только поменьше размером и не в таком количестве. Световой щит все еще работал, и они бессильно скользнули о его отозвавшуюся искрами поверхность. Сирелина, подняв посох, быстро выстрелила туда, откуда прилетели гады, но там уже никого не оказалось. В следующую секунду последовавший совсем с другого места Незримый удар сбил ее с ног, заставив растянуться на траве. Хитрая ведьма попросту применила обманный маневр, заставив Сирелину повернуться боком, и в нужный момент опрокинула на землю. Тут до чародейки окончательно дошло, что со своим светящимся щитом она так и будет отличной мишенью, в отличие от нападавшей. Откатившись в сторону, и очень вовремя, ибо то место где она лежала уже взрыло не самое приятное заклинание, Сирелина живо погасила щит и снова кувырнулась в сторону. Вот посох все еще выдавал ее расположение, но чародейка быстро перебросила оружие в левую руку и переместилась, дабы сбить ведьму с толку. Во-

время. Чем бы там ведьма не выстрелила, оно пролетело мимо, в то время как Сирелина окутала оружие камуфляжными чарами. Это несколько ослабляло его силу, зато не выдавало ее с потрохами. Что ж, теперь они с ведьмой на равных…

Следовало отметить немаловажный момент. Была возможность отлично все видеть и без подсветки в виде сферы, если задействовать заклинание Феливизум. Также существовало схожее снадобье, в простонародье часто именуемое "Кошачий глаз" или "Ночное видение". Достигаемый и в том и в другом случае результат позволял хорошо видеть в практически кромешной тьме. Это, казалось бы, легко могло решить возникшую проблему. Вот только ни сейчас, ни еще тогда, в подземельях хана, Сирелина прибегать к нему не желала, поскольку у заклинания имелся опасный побочный эффект. В отличие от той же кошки, человек окажется полностью ослеплен, если под воздействием Феливизума у него перед глазами возникнет значительный источник света. Применить его где-нибудь в глубокой пещере — это одно, а вблизи от людей, рискуя напороться на факел или иной яркий объект — совсем другое. Можно было даже не сомневаться, что ведьма тут же ослепит Сирелину, если та попытается воспользоваться данным заклинанием. Точно также чародейка была уверена в отсутствии подобных чар на противнике. Ведьма выглядела умной женщиной и не станет сама рыть себе яму, учитывая постоянные выстрелы слепящими заклинаниями света. Значит, у них действительно образовался паритет. Темнота одновременно неплохо скрывала обоих, но заодно и не давала действовать наверняка. Вот только Сирелине ее посох хотя бы как-то подсказывал где может находиться враг, а ведьме?.. Судя по всему, та все еще кружила неподалеку и почему-то не пыталась убежать. Хотела непременно достать чародейку? Сирелина вдруг заподозрила что знает ответ на этот вопрос. Ведьма наверняка осведомлена о свойствах оружия сестер Гексенхаммера, и подобное бегство обернулось бы против нее самой. Новые сферы тут же осветят пространство и убегающая ведьма, даже пытаясь заманить противника в ловушку, вынуждена будет… Опа! А вот вам и тактика! Сирелина, сообразив что ей следует предпринять, как следует приготовилась, стиснув посох чуть подрагивавшими от волнения пальцами.

Призванная светящаяся сфера, развеяв мрак, выхватила из темноты кравшуюся в сторонке ведьму. Та, вероятно, ожидала нечто подобное и тут же погасила ее соответствующим заклинанием, после чего ее посох исторг в Сирелину липкое черное облако. Точнее, в то место где она только что стояла. Отпрыгнувшая вбок чародейка уже зажгла новую сферу, а пока ведьма ее уничтожала

успела создать еще две, причем выпускала их в разных направлениях. Не теряя противника из виду, Сирелина непрерывно двигалась, продолжая воплощать яркие световые сгустки быстрее, чем ведьма их развеивала. Та поняла, что проигрывает эту схватку и в какой-то момент вместо сферы попыталась достать саму осветительницу. Стукнув посохом по земле, она произнесла заклятье и направила его конец в сторону чародейки, метя ей куда-то в ноги. Сирелина отскочила и выстрел, казалось, промахнулся, ударив в землю там, где она только что стояла, однако в следующее мгновение коварный замысел врага прояснился. Откуда ни возьмись, из почвы вылезли толстые извивающиеся корни, и площадь воздействия чар оказалась достаточной для того, чтобы они опутали ноги очутившейся на периметре Сирелины. От неожиданности чародейка чуть не упала, но быстро среагировала и с колдовской речью ударила уже своим посохом оземь, поразив световой волной все в радиусе нескольких ярдов. Корни развеялись в серый прах, но и ведьма времени даром не теряла, уже выстрелив из своего оружия еще одним черным сгустком. Затем вскинула руку и в чародейку вновь полетели змеи, только на сей раз гораздо крупнее и больше. Полностью увернуться отвлеченная на корни Сирелина не успела. Часть мерзкого вида жижи испарилась о затухающую световую волну, но часть попала и ей на плечо. Что это была за гадость она не знала, только вряд ли благословение небес. Чародейка почувствовала приступ тошноты, в нос ударило зловоние болотной тины, будто поднятой со дна из самого сердца топей, а голова немного закружилась. В следующее мгновение в Сирелину стали ударяться выпущенные ведьмой извивающиеся гады.

Кровь чародейки вскипела. Она прямо-таки почувствовала как нагрелась и без того разгоряченная схваткой кожа, а внутри вен зажегся знакомый огонь, насыщавший все ее тело, наполнявший каждую его клетку сильной защитной реакцией. Пытавшаяся всосаться мерзкая жижа стекла на землю крупными пузырившимися каплями; выпущенные змеи, так и не сумев обвиться ни вокруг корпуса, ни вокруг конечностей, бессильно опали. Лишь несколько из них зацепились зубами за обнаженные руки и Сирелина, скривившись от отвращения, сбросила их резким движением. Кожа оказалась прокушена в нескольких местах, но колдовской яд быстро растворился в заполонившем кровь огне. Имьюнитас делал свое дело, и выработанный иммунитет подавил обращенное на чародейку вредоносное колдовство. Головокружение прошло, дурной запах отступил. Не унимавшаяся ведьма успела сотворить еще какую-то пакость и на Сирелину с хриплым карканьем со всех сторон устремилась целая стая воронья, но было поздно. Воодушев-

ленная чародейка, внезапно ощутив небывалый прилив бодрости, вновь облачилась в световой щит, только на сей раз гораздо мощнее и ярче прежнего, о который черные птицы с налету разбивались в невесомые облачка сажи. Пламенеющая иммунитетом кровь Сирелины выбросила такое количество энергии, что она разом восполнила все потраченные на борьбу силы. Глаза распаленной схваткой чародейки засверкали неведомым доселе боевым пылом. Вместо голубых они стали почти белыми. Сирелина вскинула посох, с которого одним мановением руки сбросила не нужные более маскировочные чары, и направила его на ведьму, не обращая ни малейшего внимания на продолжавшее испаряться о световой щит воронье. Та почему-то до сих пор стояла на месте, и вид у нее был удивленный и озадаченный. Она уже не атаковала, только молча смотрела на чародейку. Сирелина не прокричала — она почти пропела слова так, что они зазвенели над поляной будто хрустальный хор. Ведьма едва успела увернуться от вырвавшегося из вершины посоха столба света. Сирелина приближалась, продолжая свой звенящий напев, и с изменившимся лицом ведьма вдруг поняла, что сейчас последует еще один выстрел. Она явно рассчитывала на паузу, которой неожиданно не последовало. Исказившимся голосом ведьма прокричала сложное заклинание, ударив своим оружием себе под ноги. В следующий миг, выплеснувшись из земли, ее с ног до головы окутала клубящаяся мгла, чем-то формально напоминавшая щит чародейки. Она походила на вращавшуюся вокруг тела грозовую тучу, только цвета безлунной ночи. Даже парившие над поляной сферы были не в состоянии развеять слой этой колдовской тьмы, полностью скрывшей ведьму от внешнего мира. Только продолжалось это недолго. Посох Сирелины испустил второй столб света, ворвавшийся прямо в эти клубы и разорвавший их в мельчайшие клочья. Болезненно вскрикнувшая ведьма пошатнулась, оставшись без защиты. Ее собственный посох задымился, на его дереве кое-где показались пламенеющие искры. Ее лицо наконец-то отразило страх, но он превратился в настоящий ужас, когда ведьма осознала, что неумолимо приближавшаяся Сирелина нараспев готовила третий выстрел. Нервы ведьмы не выдержали. Повернувшись, она со всех ног бросилась бежать, на ходу сотворив противодействие Бесплотному удару. Пожалуй, сейчас это была самая неудачная идея, но ведьма явно запаниковала, а паника — плохой советчик. Впрочем, что еще ей оставалось делать перед лицом неминуемой очередной атаки? Вновь попытаться достать чародейку темным колдовством? Но она и так только что это делала, и ни корни, ни жижа, ни змеи с воронами не только не принесли должного результата, но практи-

чески оказали обратный эффект. Будучи примененными одновременно, темные чары имели неплохой шанс справиться с сопротивлением Сирелины, но либо подходящий момент был упущен, либо та оказалась гораздо сильнее, чем хотелось бы ведьме. Следовало признать, что без иммунитета чародейка скорее всего проиграла бы эту схватку, но испытание Имьюнитас проходили не просто так, а именно на случай возникновения подобных ситуаций. Уйти в оборону? Ведьма уже рассчитывала на защитный барьер спасительной тьмы, надеясь сдержать атаку Сирелины и ответить ей должным образом. Одним ударом этот покров оказался развеян, а ведьме досталось от столба света так, как сгоревшему на солнце неосмотрительному пляжнику. Посох — ее верный помощник и проводник, — серьезно пострадал и едва не загорелся, пойдя дымом и искрами. В повторном наложении такой защиты толку уже не было, равно как бесполезно было пытаться и бросить в чародейку очередное темное заклинание. Она могла рискнуть сбить ее с ног Бесплотным ударом, но направленный во фронт твердо держащемуся на земле противнику он куда менее эффективен, и в случае неудачи ведьма получит следом очередной столб жгучего света. Да и прерви она ненадолго Сирелину — изменило бы это что-нибудь? Так хоть ведьма надеялась добраться до спасительных сосен, находившихся от нее совсем близко, где можно естественным образом укрыться от выстрелов белоснежного посоха.

Ведьма не успела совсем чуть-чуть. В последний миг, прямотаки затылком ощущая готовый вырваться заряд, она сделала обманный маневр, надеясь перехитрить чародейку, но та его разгадала. С заключительным певучим словом колдовской речи белый посох исторг третий столб света с упреждением и его удар поразил метнувшуюся ведьму прямо в спину. Ведьма не была кем-то вроде Трикиморы или скелета и подобное воздействие не способно развеять ее в ничто, поскольку по сути своей она являлась человеком. Вместе с тем ее наполняла темная сила, и именно по ней пришлась выпущенная Сирелиной мощная атака. Умереть от столба чародейского света ведьма не могла, но боль, которую она испытала, сравнивалась с настоящей пыткой. Эта боль ослепляла и оглушала, жгла кожу, заставляла выть каждый нерв и от полученного шока лишала контроля тело, скручивая его мускулы в тугой узел. Ненадолго, но и этого было более чем достаточно. Немного не добежав до леса, ведьма с криком грянулась под ту самую могучую сосну, за которой рассчитывала укрыться. Распластавшись на ковре из мха и хвои, она корчилась от боли, выронив свой колдовской посох. А Сирелина уже подходила, занеся свое страшное белоснежное оружие и читая нараскат заклинание, отчего конец посоха за-

горелся особым светом. Каким-то нечеловеческим усилием воли ведьма умудрилась откатиться в сторону, и удар чародейки вонзился в мох, опалив его словно раскаленной жаровней. Снова взмыл белый посох, но слабеющими руками лежавшая ведьма подхватила свой и выставила перед собой как простую палку, защищаясь жестом отчаяния. Налитые белизной глаза Сирелины не ведали пощады. Одно короткое движение — и посох ведьмы отлетел далеко в сторону, а чародейка занесла белоснежное дерево для фатального удара. Поверженная ведьма побледнела как мертвец, не в силах отвести глаз с несущего ей погибель оружия. Громовой раскат голоса Сирелины — и оно метнулось вниз, навстречу своей жертве.

Налитый разящими чарами посох не достал ведьму совсем чуть-чуть. Практически в последний миг последовавший невесть откуда боковой удар сбил его с траектории и вместо груди ведьмы он снова врезался в мох, обуглив его и образовав внушительное кострище. Никак не ожидавшая подобного Сирелина немедленно обратила звездой сиявший кристалл в направлении нового врага. Перед глазами возникли невероятно знакомые черты невысокой темноволосой женщины. В руках она держала точно такой же белый посох.

— Остановись, сестра, — ровным голосом изрекла женщина, но раскаты этого голоса напоминали весенний гром, пронесшийся по лесной поляне с разыгравшейся драмой.

Сирелина едва не влепила ей что-нибудь из своего арсенала, но через какое-то время ее глаза признали появившуюся как из-под земли фигуру и наполнявшая их белизна стала спадать. Они вновь становились обычными голубыми. Перед Сирелиной стояла Алеада, одна из сестер Гексенхаммера, организовавшая ее в поход в эти самые топи. Они расстались как раз на краю лесной чащи и Сирелина отправилась продираться через непролазные дебри, а Алеада… Так вот куда она явилась!

— Что все это значит?! — воскликнула Сирелина.

Краем глаза она уловила как шевельнулась ведьма, старавшаяся отползти в сторону. Сирелина снова попыталась поразить ее посохом, но Алеада вскинула свой, недвусмысленным жестом защищая распростертую на лесном ковре женщину.

— Остановись, сестра! — повторила служительница Гексенхаммера с прежними раскатами в голосе. Вероятно, только таким образом сейчас можно было достучаться до пребывавшей во власти боевого пыла светловолосой чародейки. — Не трогай ее!

— Вы что, заодно?! — ахнула Сирелина.

Наконец-то оторвавшись ото мха, немного пришедшая в себя

ведьма быстро юркнула за спину спасительницы. Несколько секунд Сирелина молча хлопала глазами, затем взорвалась.
— Предательница! Вы хотели сообща меня прикончить?! — возопила она, изменившись в лице, и вершина ее посоха непроизвольно стала подниматься в направлении сестры.
— Не мели чушь, — поморщилась Алеада. — Это была твоя миссия, и теперь она окончена. Поздравляю, ты справилась.
— Ты в своем уме?! Это же ведьма! — надрывалась Сирелина. — Сначала мы идем разобраться с колдовством на болотах и ты сама посылаешь меня в этот гадюшник, а теперь сама же и не даешь завершить начатое?! Уйди с дороги, не то клянусь — я врежу тебе не хуже этой чертовой ведьмы!
— Эта чертова ведьма работает на нас, — по-прежнему спокойным голосом отозвалась Алеада, хотя на всякий случай приготовилась отразить возможную атаку.
С этой занозы станется.
— На вас?! — у Сирелины натурально отвалилась челюсть. — То есть вся эта замечательная нечисть, которая только и мечтала меня порешить — ваших рук дело?!
— В известном смысле — да, — кивнула темноволосая сестра.
— Неужели?! И ты имеешь наглость утверждать что вы не планировали меня угробить?! — прорычала вконец разозленная Сирелина. — Я положу конец этому гнусному предприятию еще до того, как сообщу о нем Немезии и Изабелле! Положу конец прямо сейчас!
— Да прекрати уже вести себя как полная дура, — наставительным тоном заявила Алеада, впервые повысив голос. — Кто, по-твоему, велел направить тебя сюда, как не сама Немезия? Это практическая программа Запретного чертога и повторяю: поздравляю, ты ее прошла!
Сирелина некоторое время обдумывала услышанное. Бурливший гнев и еще не остывший жар только что состоявшейся схватки мешали внятно соображать, но постепенно до нее дошел смысл слов Алеады.
— Постой, ты хочешь сказать, что все это было не по-настоящему? — оторопела она, ставя посох на землю.
— Еще как по-настоящему, — усмехнулась Алеада. — В этом и весь смысл.
— Тогда я ничего не понимаю! — вновь взъярилась Сирелина.
— Тогда может прекратишь беситься и позволишь мне объяснить все толком, коли уж сама до сих пор не сообразила? — усмехнулась темноволосая сестра.
Сделав шаг навстречу Сирелине, она положила ей руку на плечо,

глядя прямо в глаза. В них не было ни малейшей насмешки или угрозы, а сквозило самое неподдельное участие и, кажется, даже некоторое уважение. Прикосновение сестры Гексенхаммера как-то вдруг сразу уняло наполнявшую Сирелину злость. Она хотела было сбросить касавшуюся ее ладонь, но удержалась от столь демонстративно враждебного жеста, хотя ей, признаться, только что хотелось отколоть номер и похлеще.
— Валяй, — согласилась Сирелина, чувствуя как на смену злости приходит присущее ей любопытство.
— Пойдем в пещеру. Там у очага нам будет куда удобнее беседовать, а Жозефина нальет нам по пинте отличного горячего чая, — предложила Алеада, мотнув головой в сторону оврага.
— Жозефина? — подняла бровь Сирелина.
— Это мое имя, — осторожно выглянула из-за спины спасительницы ведьма.
— Отравить хочешь? — недоверчиво поинтересовалась Сирелина, адресуя вопрос не совсем понятно кому из двоих.
Алеада с театральным вздохом воздела глаза к окончательно стемневшему небу, на котором сейчас должно было быть полным-полно звезд, кабы их львиную долю не затмевали парившие над поляной светящиеся сферы.

В пещере было тепло и сухо. Ведьма, ибо Жозефина действительно оказалась самой настоящей ведьмой, натопила очаг и поставила на стол пышущий жаром чайник, прибавив к нему три большие кружки расписной глины и тарелки с ужином. Сирелина, по правде говоря, дико проголодалась, ибо вспомнила что ничего не ела с раннего утра. Посему, следуя приглашению Алеады, она хоть и состроила такую гримасу, будто делала всем великое одолжение, но тут же накинулась на еду с волчьим аппетитом. Покуда Сирелина работала челюстями, темноволосая чародейка, прихлебывая горячий чай, неторопливо излагала суть произошедшего.

Некогда Жозефина попалась в руки Гексенхаммера. За какие именно прегрешения — сейчас это к делу не относилось, но в наказание и искупление она поселилась на этих топях и стала помогать сестрам. В ее задачу входило составлять естественную полосу препятствий для направляемых сюда адептов Запретного чертога, а кто это сделает лучше всего как не самая настоящая ведьма? Во всем остальном злое колдовство ей было строжайше запрещено, но с воплощением заранее оговоренных чар она справлялась на отлично. Кикиморы, скелеты, иная нежить и прочие зловещие обитатели болот действительно были ее рук делом, причем не только с разрешения, а и веления чародеек. Вместе с тем никоим образом нельзя было допустить чтобы случайно пострадал какой-нибудь

посторонний человек. Тщательно наведенный дурман и прочие сбивающие чары служили не только испытанием для новичков, но и оберегали людей от проникновения в опасную часть леса. Обычному путнику преодолеть их было не под силу, и лишь сильная чародейка, обладающая должной сноровкой, могла добраться до гнилых топей, каковое название они и носили. Обитающие здесь твари, безусловно, были самыми настоящими и опасными, но и испытание предполагало соответствующий характер сложности. Новичку выдавалось реальное задание в реальных условиях, а то что он не ведал о его постановочности не играло никакой роли. Разумеется, никто не намеревался подвергать жизнь испытуемого чрезмерной угрозе, но и заверения в полной безопасности мероприятия будут откровенной ложью. Считалось, что уровень подготовки адепта достаточен для умения справиться со всеми трудностями.

— То есть если бы я сгинула в этих болотах, утащенная какой-нибудь прожорливой гадиной, то значит сама и виновата? — возмутилась Сирелина с набитым ртом.

— Значит, мы зря тебя учили, — сурово отозвалась Алеада, не поведя бровью. — Здесь не было ничего такого, с чем ты не могла бы совладать. То что ты сейчас сидишь за столом, живая и невредимая, лучшее доказательство моих слов. В крайнем случае мы пришли бы тебе на помощь.

— Хорошенькое дело! — насупилась светловолосая чародейка. — А волчья яма с самострелами тоже входит в программу? Хотела бы я взглянуть на вашу помощь напоровшись на острые колья!

— Ловушки — всего лишь тест на внимательность, — усмехнулась темноволосая. — Надо не только уметь колдовать, но и глаза держать открытыми. А ты едва не завалила эту проверку, хотя в результате все же сумела преодолеть и ее. Кстати, волчья яма была поддельной. Колья только выглядят натурально, но изготовлены из мягкого материала и не нанесут вреда. Остальные ловушки не опаснее.

— А Кикиморы? А скелеты? — растерялась Сирелина.

— Они настоящие, — подтвердила Алеада. — Кстати о скелетах: эк ты тут устроила! За результат можно похвалить — действительно впечатляет. Только не стоит подвергать себя излишнему риску, особенно если в процессе схватки Жозефина вышла бы из убежища и опутала тебя корнями. Намеревайся она тебя убить — так бы и поступила. Хотя, честно говоря, мы не предвидели именно такой результат. Стало быть, его мог не предвидеть и подлинный противник. Очень необычно. Боевые навыки у тебя развиты отлично, хотя осмотрительность от них пока отстает.

— И что же мне следовало сделать? — немного обиделась Сирелина, потянувшись к кружке с чаем.
Тот на поверку оказался вкусный и душистый, и чародейка почувствовала, как по телу разливается приятное томное тепло.
— Это был твой выбор, ты и решала, — улыбнулась Алеада. — В настоящей схватке нет универсального рецепта.
— Еще есть какие-нибудь замечания? — поинтересовалась прихлебывавшая напиток Сирелина.
— Да. Пара-тройка, — отозвалась темноволосая сестра.

Лигнеров следовало обезвредить не поодиночке, а всем скопом. Для этого они находились достаточно близко, и надо было применить развеивание по площади, а не возиться с каждым по отдельности, теряя драгоценное время. Сирелина для этого достаточно сильна. Напрасному риску она подвергала себя и в черной воде. Результат, безусловно, шел ей в зачет, но если бы чародейка ошиблась, то следившая за ней издали Алеада могла на помощь и не успеть.
— Но я же не ошиблась! — не удержавшись, парировала Сирелина.
— Тоже верно, — кивнула Алеада. — Но все-таки не стоит рисковать почем зря, чем ты регулярно и занимаешься. Сначала сама себя затолкаешь в бутылку, а затем прилагаешь неимоверные усилия дабы оттуда выбраться.
— Победителей не судят, — фыркнула Сирелина.
— А проигравших войну — очень даже, — заметила сестра. — Потратив слишком много сил на одно промежуточное сражение можно остаться без ресурсов для решающего.

Эпическую схватку с нежитью Алеада уже упоминала. Здесь речь опять шла о чрезмерном риске, в котором Сирелина плохо учла возможное вмешательство создательницы костяной армии. Но самый значительный ее прокол заключался в потере освещения. Совершенный марш-бросок оказался оправдан, коли чародейка до наступления ночи все же поспела прямо к обиталищу Жозефины, но столь неосмотрительно утратить источник света, хотя она заранее могла наводнить огнями всю поляну… Настоящая бестолковость! Экономия сил в данном случае категорически не оправдана. В результате Сирелина стала слишком уязвима, и в итоге Жозефине удалось поразить ее первой. Не окажись у нее столь мощного иммунитета, умудрившегося справиться с колдовством отнюдь не слабой ведьмы, то сейчас она вкушала бы горечь поражения и зачета лишь условно.
— На мой взгляд, ты все-таки заслуживаешь похвалы, — неожиданно подала голос до сих пор тихо сидевшая ведьма. — Новичку

редко удается со мной совладать и уж точно не таким образом. На моей памяти это впервые. Ты меня едва не убила. Я уж думала, что мне конец пришел. К счастью, Алеада поспела вовремя. Никто из нас и предвидеть не мог столь мощное противодействие темным чарам и последующую непрерывную атаку. Разумеется, я способна на вещи и пострашнее, но опрометчиво вообразила что хватит чего попроще.
— То-то я удивлялась чего ты на меня так таращишься, — проворчала Сирелина. — Изучаешь, но не как врага, а как… Ну, теперь-то понятно.
— А я вот заметила что морально ты была не очень-то готова к схватке, — заметила Алеада. — Жозефине даже пришлось тебя подтолкнуть. За что же тут хвалить, если в реальных условиях ты могла дать сбить себя с толку с непредсказуемым результатом? Надеюсь, тебе доводилось слышать о Чарующей речи. Вроде бы ты исправно посещаешь занятия в Запретном чертоге. Она бессильна против чародеек, но лишь если те сами не пребывают во власти сомнений.
— Ты слишком строга к ней, — сказала ведьма, подбрасывая дров в очаг.
Огонь живо облизал поднесенную ему новую пищу и с аппетитом принялся хрустеть сухими ветками.
— С такими талантами она далеко пойдет, — добавила она, вновь усаживаясь за стол и подливая чая обеим чародейкам.
— Таланты я и не критиковала, — поморщилась Алеада. — С ними вообще отдельный разговор. Немезия только и возится с Сирелиной из-за ее недурных способностей, несвойственных столь молодому возрасту. Кстати, ей небезынтересно будет узнать о некоторых действительно заслуживающих внимания деталях.
— Ну спасибо, — фыркнула Сирелина.
— Говорю как есть, — пожала плечами темноволосая чародейка. — На одних талантах далеко не уедешь. Впрочем, обязана признать что все же ты делаешь очевидные успехи, и делаешь быстро. Только слишком не обольщайся.

Да уж, сестры Гексенхаммера, под стать своей предводительнице, на слова одобрения не расщедривались и вечно выискивали какие-нибудь недостатки. Впрочем, тому имелась веская причина: слишком много неосторожных чародеек сложило головы на их нелегком пути, и они предпочитали лишний раз отказать новичку в продолжении обучения, нежели отягощать свою совесть еще одной безвременной гибелью. Сирелина, придерживая приятно гревшую ладонь кружку с чаем, демонстративно обозревала внутреннее убранство. Ведьма жила просто, но уютно. Аккуратные полочки

вдоль устланных сухим белым мхом стен были уставлены множеством самых разнообразных вещей, начиная от столовых приборов и заканчивая какими-то причудливой формы горшочками. Пол был отнюдь не земляной, а из гладко обструганных досок, на которых тут и там были постелены радующие глаз домотканые коврики. Похожие коврики висели и во внутренних проемах, отгораживая одну комнату пещеры от другой. Простой деревянный стол покрывала чистенькая зеленая скатерть, а все горшки, сковороды и прочие металлические предметы были начищены до блеска. Над очагом, на целой уйме веревок и проволочек висели как съестные припасы в виде сушившихся грибов, так и всевозможные травы и коренья, источавшие ароматные запахи. Находившийся на столе бронзовый канделябр с несколькими свечками казался несколько неуместным, учитывая что любая из троих сидевших в гостиной женщин могла использовать колдовской свет, но вполне дополнял атмосферу уюта. Большую часть внутренних помещений Сирелина еще не видела, но подозревала что и там царит вполне себе приятная обстановка, резко контрастировавшая с сырой унылостью Гнилых топей.

— Если мне приходится здесь жить, то это вовсе не значит что я сплю на сырой земле, питаюсь мышами и лягушками, и моюсь раз в полгода, — улыбнулась Жозефина, правильно истолковав взгляд озиравшейся чародейки.

Сирелина порозовела, сделав вид, что очень увлечена новой порцией чая. Недурного, кстати.

— А ты не боишься, что тебя вот так однажды… того? — осторожно спросила она, испытывая некоторую неловкость, поскольку это самое "того" чуть не совершила собственными руками.

— Ничего не поделаешь. Таково мое наказание, — вздохнула ведьма.

Но за что она его несла уточнять не стала, а Сирелина тактично не расспрашивала. Обычно сестры Гексенхаммера не слишком церемонились с попавшими в их поле зрения объектами. Возможно, имелись какие-то смягчающие обстоятельства, раз ведьму в результате пощадили и запрягли отдуваться на благо чародеек.

Проговорили до глубокой ночи. Всем троим спешить было некуда, ведь поставленная задача оказалась выполнена. Жозефине даже не надо было восстанавливать блокирующие проход к топям дурманящие чары, ибо это уже сделала тенью следовавшая за Сирелиной Алеада. Не просто так, а на случай если вдруг черт принесет какого-нибудь лесника или заплутавшего охотника. Кстати, именно из соображений безопасности Сирелина на всем своем пути ни разу не встретила Лешего. Этих тварей невозможно было

удержать в строго заданных границах, и они вполне могли выбраться за пределы недоступной людям зоны, на радость обывателям. Когда же, наконец, Жозефина проводила чародеек спать, то Сирелина убедилась, что и постели в этой пещере не хуже симпатичной чистенькой гостиной. Растянувшись на мягком шуршащем матрасе из сухих лесных трав и отборного мха, чародейка положила голову на подушку из утиного пуха и накрылась легким шерстяным одеялом. В пещере было вполне тепло, хотя близился рассвет и снаружи основательно похолодало. У земли вилась белесая дымка, будто откуда-то снизу ее подогревали жарким пламенем, а над болотами стелился густой туман. Сейчас под открытым небом ой как противно и сыро… А тут, в полумраке сухой подземной комнатки, на шелестящей, приятно пахнущей травами постели очень даже неплохо. Сирелина, натянув одеяло по грудь, смежила уставшие веки, сонно прислушиваясь к доносившимся негромким звукам. Ведьма, уложив гостей, удалилась на кухню, где приглушенно возилась, завершая какие-то хозяйственные дела. Алеада же, судя по всему, заснула сразу как свалилась на кровать и уже вовсю сопела, видя десятый сон. Интересно, с посохом она спит или нет? Любопытно было бы проверить, но так лениво вставать и нарушать покой блаженно растянувшегося на мягкой ровной поверхности тела. Сирелина сладко потянулась и зевнула, обретя некоторое сходство с пригревшейся кошкой. Ох, напрыгалась она сегодня. То ли ее еще ждет, ежели Немезия теперь считает возможным подобную практику даже несмотря на то, что до окончания курса Имьюнитас осталось еще минимум полгода. Скорее бы он закончился, а то надоело постоянно пребывать под опекой сестер Гексенхаммера, не говоря о невозможности куда-нибудь надолго отлучиться. Сколько она уже безвылазно торчит в обители? Ну, исключая подобные путешествия в неизменном сопровождении кого-то из сестер. Полтора года? Да, почти полтора. За это время во внешнем мире приключилось столько событий, что даже чародейки в обители все чаще проявляют растущее беспокойство. Да уж, там есть чему волноваться. Засыпая, Сирелина успела подумать о том, сколько всего произошло, пока она постигала науки Запретного чертога.

– 2 –

Война прошлась по большей части Южных земель и вплотную подступила к северным королевствам. За каких-то полтора года Гийюр ад-Сейдин покорил такие огромные территории, подчиняя страну за страной, свергая правителей или делая из них

вассалов, что совсем недавно это казалось попросту невозможным. Его армия не уменьшалась — она ширилась. Ширилась за счет вливавшихся добровольцев с присоединенных территорий, жаждавших славы и богатства из рук победителя, росла из-за формирования отрядов, отправляемых новыми вассалами. Победоносный флот Красной саламандры разросся до угрожающих размеров и по огневой мощи не знал себе равных. Эта огневая мощь проявилась при первом же сражении и с тех пор неумолимо разила корабли противника, вселяя ужас в их экипажи и трепет в сердца правителей. Летописцы уже назвали происходящее явление Вторая Великая экспансия и гадали чем она может закончиться, докуда распространяются аппетиты хана Гийюра и остановится ли он там, где планировал. Следовало отметить, что все более многих волновал сей вопрос, и хотя периферийные государства Южных земель все еще оказывали Красной саламандре ожесточенное сопротивление, тревога о дальнейшем развитии событий распространялась далеко за их пределы.

Вторую Великую экспансию стали отсчитывать с того момента, когда армия ад-Сейдина против всяких ожиданий не сцепилась с солдатами аль-Дани, а объединившись в единое войско скорым маршем миновала эмират Дирзун и широкой лавиной вторглась в земли шаха Гелетбея, сметая все на своем пути. Одновременно с этим новый флот хана, построенный всего за какой-то год в захваченном Аяз Моле, спустился вниз по реке Шиале, миновал берега Зеленой Ящерицы, вошел в воды шаха и принялся топить все подряд. Этот флот не ставил своей первоочередной задачей высадку десанта и захват прибрежных крепостей, от которых он наоборот старался держаться подальше. Он намеревался полностью уничтожить корабли противника, лишив его любой возможности не только атаки, а и вообще перемещения по реке. Для этого ад-Сейдину было важно выдержать элемент неожиданности, чтобы одним ударом смахнуть с доски все сильные фигуры оппонента, оставив одни лишь разрозненные пешки. Надо сказать, ему это прекрасно удалось.

Первые корабли шаха флотилия хана, в которой было без малого полсотни кораблей, брала числом, до поры не раскрывая свой стратегический секрет. Более того, она продвигалась нарочито медленнее чем могла, и давала возможность спастись некоторым судам, полетевшим с тревожным известием на основную базу военного флота. Как-то раз флотоводец ад-Сейдина даже предпочел потерять один корабль и потом чинить второй, но не раскрыть ударный секрет, приберегая его для решающего сражения. И когда оно, наконец, настало, все предпринятые усилия оправдались

сторицей.

Несмотря на одновременное вторжение на суше и на воде, корабли шаха встретили наглого захватчика более чем уверенно. Они троекратно превосходили числом посудины Красной саламандры и заняли довольно выгодную позицию под прикрытием крепостей по обоим берегам Шиалы. Огонь баллист, катапульт и требушетов с нескольких высоких каменных башен должен был прикрывать их атаку либо оборону, в зависимости от развития событий, метя снарядами в задние ряды кораблей хана. Те же не спешили атаковать, закрепившись несколько выше по реке. Командующий флотом шаха ошибочно решил, что враг колеблется, встретившись лицом к лицу со значительно превосходящей армадой, и надменно усмехался, выслушивая доклады разведчиков. Те во множестве скользили по Шиале взад и вперед как с той, так и с другой стороны, высматривая передвижения противника и стараясь уклоняться от прямой схватки друг с другом, ограничиваясь мелкими стычками. Флотоводец ад-Сейдина, суровый обветренный моряк по имени Дир Абал, всего лишь дожидался подходящего направления ветра, который задул на четвертые сутки стоянки. Корабли шаха за это время также не двигались с места, предпочитая не выходить из-под дополнительного прикрытия крепостей. Полноводная Шиала в этом месте раскинулась на много миль, но ввиду каждого из берегов установленные там орудия могли оказать существенное подспорье. Флотилии Гелетбея некуда было торопиться. Наглый захватчик либо нападет на нее сам и разобьется о превосходящую мощь, либо трусливо повернет назад, и тогда корабли шаха снимутся с якоря, нагонят его и уничтожат лавинообразным ударом. Командующий шаха, Юми Гол, вполне опытный моряк и титулованный адмирал, спокойно ждал развития событий, поскольку считал, что время на его стороне. Лишь когда наступила развязка он понял как глубоко заблуждался, но к его чести следовало отметить, что ничего подобного никто ни из современников, ни из пращуров никогда не видел. Юми Гол одержал на воде немало побед в междоусобных стычках с соседями и имел богатый опыт, а посему даже не сомневался в успехе, намереваясь разметать посудины хана Гийюра, раз и навсегда изгнав его с Шиалы. Во всяком случае, той ее части, что находилась ниже земель Зеленой ящерицы. Он был не первым, чья самонадеянность и непоколебимая вера в собственные силы сыграли злую шутку. Вряд ли он окажется и последним.

Ранним утром паруса кораблей Красной саламандры, чей гордый силуэт красовался на каждом белоснежном парусе без малого пятидесяти боевых кораблей, поймали желанный ветер. Под-

нявшись на корму флагмана, Дир Абал в подзорную трубу окинул взором мыс, где Шиала делала поворот, и за которым скрывался невидимый отсюда флот Гелетбея.
— Каковы последние новости? — коротко осведомился он у приближенных офицеров.
— Вражеские корабли все еще не двигаются с места. Наши сухопутные войска захватили Дант и широким фронтом стремительно продвигаются на север, — доложил второй помощник, подав военачальнику пачку донесений.
— Отлично, — кивнул Дир Абал, бегло изучив бумаги. — Небеса благоприятствуют воле нашего повелителя. Когда мы ударим по Тиролю, речной военной базе этих самоуверенных суденышек, наши солдаты окажутся всего в трех дня пути, дабы быстрым марш-броском поддержать наш удар с воды. Передать приказ всем капитанам: сниматься с якоря. Атакуем. Наш час настал.

Спустя всего четверть часа флотилия Красной саламандры, распустив паруса, заскользила вниз по Шиале навстречу грядущему сражению.

Дозорные, разумеется, живо известили Юми Гола о движении в стане неприятеля. Учитывая каким строем и с какой скоростью шли корабли хана Гийюра, сомневаться в их намерениях не приходилось. Выслушав донесения разведчиков, адмирал шаха отдал соответствующие приказы. По всей видимости, дождавшись нужного ветра посудины Красной саламандры рассчитывают с наскоку вклиниться в строй стоящих на рейде кораблей Черного буйвола и навязать абордажный бой, надеясь таким образом компенсировать свою значительно уступавшую численность. Учитывая количество находившихся в распоряжении ад-Сейдина солдат, такой маневр вполне оправдан, да только Юми Гола голыми руками не возьмешь. Следуя его указаниям, и без того которой день находившийся в полной боеготовности флот стал перестраиваться, готовясь отразить грядущую атаку врага, а когда она захлебнется нанести ответный сокрушительный удар.

Солдат у хана Гийюра действительно хватало, и всю их неудержимую мощь сейчас ощущали на себе земли Гелетбея, теряя крепость за крепостью и город за городом. Имелось их в достаточном количестве и на реке, да только не на боевых кораблях, а на следующих позади них тяжелых десантных баржах. Текущий экипаж боевых посудин состоял лишь из необходимого количества людей, вполне способных отразить возможное нападение, но для высадки на побережье или создания численного преимущества при абордаже не предназначался. У боевых кораблей имелась совершенно другая задача и именно ее в ближайшее время и наме-

ревался осуществить Дир Абал. Присутствие наследного принца Камаля придавало ему особый статус прямого благословения повелителя, вверившего командующему флотом жизнь своего благородного отпрыска, и воодушевляло подчиненных. Пользуясь каждой свободной минутой, Дир Абал постоянно вводил принца в курс дела, объясняя различные тонкости и предпринятую стратегию. Ведь принц однажды займет трон своего отца и будет крайне полезно, если он станет разбираться в управлении собственной армией, ее задачах и нуждах. Принц, худощавый юноша среднего роста, чертами явно пошел в отца, но вот особенным здоровьем не отличался. Больным он не выглядел, но и назвать его цветущим также не получалось. Вместе с тем Камаль, носивший такую же как у родителя короткую черную бородку, был достаточно сообразителен, дабы злые языки не проводили контраст между ханом и наследником, а посему командующий не мог посетовать что его слова впустую сотрясают воздух.

Попутный ветер был нужен кораблям Красной саламандры отнюдь не для того, чтобы с налету ворваться в ряды флотилии шаха. Совсем наоборот — он должен был помешать той пойти в контратаку, когда ее командование поймет что происходит. Очутившись ввиду выстроившихся в оборонительный порядок судов Гелетбея, капитаны ад-Сейдина направляли свои корабли заранее оговоренным образом, занимая запланированные боевые позиции. Затем, когда построение оказалось полностью завершено, флот ад-Сейдина еще какое-то время надвигался на приготовившегося к бою противника. Далеко над волнами Шиалы прокатился резкий сигнал флагманского колокола. Вместо стремительного удара корабли неожиданно притормозили, свернув большую часть парусов и гася скорость выдвинутыми по команде веслами. Только что направлявшийся на прямое столкновение флот Красной саламандры полностью остановился, когда между двумя армиями осталось всего около полумили. Юми Гол даже опустил подзорную трубу, как бы не веря своим глазам. Маневр командующего Красной саламандры оказался ему совершенно непонятен, поскольку не нес в себе какого-либо логического смысла. Озадаченно потерев переносицу, адмирал шаха дал сигнал атаковать остановившегося врага боевыми орудиями. Этот же сигнал передали и крепостям, но от них пока толку было негусто, поскольку суда ад-Сейдина замерли немного не доходя до зоны поражения. Одновременно новые удары колокола на флагмане хана возвестили что и там последовал приказ открыть огонь. Вот только в отличие от кораблей шаха они открыли огонь в прямом смысле этого слова.

Каждая посудина Красной саламандры несла на носу здоро-

венную баллисту, а по бокам и на корме еще несколько маленьких. Похожее устройство имели и корабли Черного буйвола, обладая возможностью метания снарядов как с носа, так и с кормы. Основная ударная мощь возлагалась на носовую, если установленным орудием являлась баллиста, либо же на корму, если речь шла о катапульте. Боевые машины шаха стреляли увесистыми каменными ядрами, либо пропитанными горючей жидкостью зажигательными снарядами. Орудия ад-Сейдина имели в своем арсенале нечто совсем другое. Следуя полученному приказу, корабли Красной саламандры разом разрядили взведенные механизмы, выпустив в направлении флотилии Гелетбея крупные стеклянно-металлические шары. Тускло поблескивая боками, они прочертили в воздухе короткую траекторию и один за другим стали врезаться в огрызнувшиеся каменными ядрами суда. Это был единственный дружный залп, который успел дать флот Юми Гола. В следующую секунду начался настоящий кошмар.

Обычно у большинства людей весьма превратное представление о том, как протекает морской или речной бой. Ни один корабль от единственного попадания не утонет, каким бы точным оно ни было, как скорее всего не утонет даже от нескольких. Залп за залпом надо хорошенько постараться, дабы изрешетить судно противника настолько, что образовавшаяся течь станет критической. Лучше всего как можно быстрее лишить его парусного вооружения, повредить как можно больше такелажа и оставить без возможности оперативного маневрирования. Тогда с потерявшим связное управление судном вытворяй что душа пожелает: расстреливай, бери на абордаж, поджигай или вовсе оставляй дрейфовать на произвол судьбы как выбывшее из строя. Разумеется, в разной ситуации действуют по-разному, а плотный строй речных флотилий накладывал на ход сражения определенный отпечаток. Юми Гол и не рассчитывал сразу же нанести сколь-нибудь существенный урон судам противника, а уж тем более немедленно утопить кого-нибудь из них, как не рассчитывал, само собой, и на то, что это сделают они. В своих естественных предположениях адмирал жестоко ошибся. С сухим треском раскалывались отливавшие тусклым блеском шары, ударяясь в окованное дерево кораблей его флота, и в каждом месте их попадания разверзался пламенеющий ад. Зажигательные снаряды были знакомы Юми Голу не понаслышке, но сейчас, потеряв дар речи, он лицезрел нечто совсем иное. Чудовищный жар в мгновение ока охватывал древесину ревущим огнем, в доли секунды плавил металл, испарял попавших в его неумолимые объятия людей. Брызгавшее из разбитых от удара шаров вещество аж светилось от запредельной тем-

пературы, и эта температура тут же воспламеняла все, абсолютно все на расстоянии множества ярдов. Хуже того, страшное вещество стремительно проедало корпус кораблей насквозь, делая их похожими на сыр. Ему не могло противостоять даже железо, обращаясь в раскаленные капли при одном лишь прикосновении, так какое сопротивление могло оказать обычное, пусть даже отборное дерево? В точке поражения шаром немедленно появлялся гудящий ярким пламенем ослепительный очаг, моментально поджигавший внушительную площадь. Сам же заходившийся от жара эпицентр тут же проедал подвернувшуюся ему поверхность и стекал на следующую только для того, чтобы и ее пожрать точно таким же образом, либо же лился по бортам, оставляя на них большие зияющие огнем пустоты. В считанные секунды на палубах образовались огромные сквозные дыры, идущие через всю конструкцию до самой воды, сразу же хлынувшей в проделанные раскаленной массой окна. Она же с шумом вливалась и в прожженные сверху донизу борта, ставшие для нее открытыми дверями. При контакте с жуткой смесью вода с шумом стала обращаться в пар, и вот уже объятые пламенем дырявящиеся на глазах корабли окутали белесые облака, обжигавшие не менее страшно, чем языки бушевавшего пламени. Пространство наполнили истошные вопли множества заживо оказавшихся в преисподней людей. Кому не повезло быстро погибнуть испепеленным сумасшедшим жаром, тот сейчас метался охваченный огнем либо же ошпаренный паром. Невзвидя света, уцелевшие члены экипажей в звериной панике кидались к бортам и прыгали в неожиданно закипевшую реку, дабы свариться в ее пузырящихся волнах. Ни о каком связном командовании не могло быть и речи — люди даже не успевали спасти себя, не то что хоть как-нибудь сориентироваться в разразившейся катастрофе. Не издавая ни звука, Юми Гол замер с окаменевшим лицом, как с невыразимым ужасом застыли и все те, кого сейчас миновала страшная чаша. Первые ряды образцовой флотилии у всех на глазах стремительно обращались в ничто, и было даже непонятно что происходило быстрее: испепелял их огонь, либо же тонули чудовищно поврежденные корпуса. Выбрасываемые столбы пара оттягивало ветром назад, накрывая флот шаха рваными белыми облаками, мало чем отличавшимися по цвету от множества человеческих лиц. Поразивший людей Гелетбея шок полностью лишил их боеспособности, и ни одна рука сейчас не заряжала боевое орудие, не спускала его рычаг. Даже стрелки на крепостях забыли о своих обязанностях, сраженные открывшимся им немыслимым зрелищем. Экипажи ад-Сейдина всеобщего ступора не разделяли. Казалось, прошло совсем немного времени, кому-то, впрочем, явивше-

гося целой вечностью, как носовые баллисты кораблей Красной саламандры исторгли еще один ужасающий прицельный залп. Сокрушенные передние шеренги противника их более не интересовали. Пришел черед еще не затронутых первым ударом судов. Попасть в них было несколько сложнее из-за творившегося хаоса, но наводчики хана знали свое дело. Всего несколько секунд, которые продолжался полет новой партии выпущенных стеклянно-металлических шаров — и вот уже треть армады Черного буйвола сражена не ведающим пощады Липким огнем.

В подобных обстоятельствах какое-либо сопротивление становилось чистейшим безумием. Здесь-то Дир Абалу и сыграл на руку попутный ветер: корабли шаха попросту не могли быстро достигнуть флотилии Красной саламандры, дабы попытаться навязать ей ближний бой. Насилу пришедший в себя Юми Гол приказал отступать. Увы, сделал он это слишком поздно. Взвившиеся на флагмане сигнальные флажки и завывания медных труб уже ничего не меняли. Уцелевшие корабли не могли развернуться мгновенно, а суда ад-Сейдина, подняв часть парусов и подгребая на веслах, залп за залпом продолжали накрывать борта и палубы противника своим дьявольским оружием. Передние ряды Черного буйвола им больше не препятствовали — они ушли на дно вместе с частью экипажа, чьи обугленные останки сливались в единое обезображенное целое с обгоревшим деревом. Пока еще остававшиеся на плаву, не затронутые раскаленным пламенем корабли шаха, распустив все паруса, пытались набрать ход, стрелки хана продолжали разить их один за другим, даже единственным попаданием вынося беспощадный приговор. Попутный ветер сейчас наполнял паруса обеих сторон, но расстояние между ними не увеличивалось, а даже сокращалось, ибо Красная саламандра уже успела разогнаться и теперь миновала оказавшееся на дне кладбище. Наводчики хана Гийюра умели стрелять не только прямой наводкой. Они мастерски посылали заряды баллист и с высоким навесом, и с упреждением. Недаром их много месяцев тренировали этому навыку, используя в качестве основы установленные на подвижные площадки орудия и заставляя целиться идентичными по весу и габаритам ядрами в не стоящие на месте цели. Взмывавшие в воздух шары прочерчивали свою гибельную траекторию и неслись навстречу жертвам, дабы расколовшись выпустить на волю неукротимую ярость Липкого огня. Часть из них, разумеется, падала и в воду, но того что доставалось на долю флоту Черного буйвола хватало с лихвой. Ужас, смерть, огонь и пепел воцарились над безучастной ко всему Шиалой, которую прежде никогда не оглашали такие дикие крики, и чьи волны до сих пор не видели

столь несметного количества покачивающихся на них обваренных и обожженных трупов.

Без кровинки в лице Юми Гол наблюдал как гибнут его величественные корабли, на которых он одержал столько славных побед, как в муках умирают вышколенные и опытные моряки и солдаты. Когда хищный огонь добрался и до флагмана, он пригладил широкие рукава своего форменного кафтана, поправил висевшие на груди награды и шагнул прямо в разверзшееся на палубе пекло. Так пал могучий боевой флот шаха Гелетбея.

Уцелело лишь несколько счастливчиков, успевших развить скорость и выйти из зоны поражения до того, как до них добрались плюющиеся адским огнем орудия Красной саламандры. Выбросив за борт все лишнее для облегчения веса, они под всеми парусами неслись вниз по реке, пока экипажи что есть сил работали веслами. Строй гибнущих товарищей на некоторое время закрыл их от наводчиков хана, а затем множество промахов спасло убегавшие корабли от рокового попадания. Всего пять — столько их осталось от полутора сотен только что гордо стоявшего на рейде флота. Дир Абал отдал приказ не преследовать их. Вместо этого его разделившиеся надвое корабли обрушили всю мощь Липкого огня на возвышавшиеся по берегам крепости.

Запаса стеклянно-металлических шаров, таивших в своих тусклых недрах компоненты дьявольской смеси, у ханской флотилии было предостаточно. Заряжающие подносили их из особой конструкции в трюме, призванной уберечь ценный груз от возможного повреждения. Особая форма подвески, схожая с той, которой оснащались транспортировочные телеги, надежно укрывалась двойным металлическим каркасом. Над ним тщательно поработали военные инженеры, и предполагалось, что этот каркас не сумеет пробить даже падение тяжелого каменного ядра. Хитрые геометрические изгибы отклонят его в сторону, деформировав, но не пробив каркас, и его содержимое останется нетронутым. О безопасности плавучего арсенала имелся прямой смысл беспокоиться: разбитые вражеской атакой сферы могли весьма некстати запустить боевую реакцию, уничтожив весь корабль в кратчайшее время. Конечно снаряд проектировался с расчетом избежать случайной активации Липкого огня, но однозначной защиты от возможной катастрофы это никоим образом не давало. Находившиеся в состоянии покоя сферы всегда представляли собой известную опасность, и любое физическое воздействие на них следовало исключить. Когда же заряжающий устанавливал снаряд на боевое орудие, он вынимал специальный предохранитель, приводивший шар в состояние полной готовности. Теперь после удара о цель

внутренние компоненты смешаются должным образом, вызвав желанный эффект. Если же этого по каким-то причинам не происходило, то взведенная пружина должна была разрушить часть перегородок шара изнутри, если и не спровоцировав реакцию, то как минимум приведя его в полную непригодность. Последнее считалось нелишне, ведь некоторое количество прошедших мимо цели снарядов оказывалось утеряно, и наверняка нашлись бы желающие постараться отыскать такую пропажу. Хан не понаслышке знал, что недостаточно заполучить готовые компоненты смеси, не зная ее составляющих и технологии их изготовления, но лучше заранее снижать любой риск попадания в руки врага столь могучего оружия. Именно поэтому все промахнувшиеся по кораблям Гелетбея шары, сразу ли упавшие в воду, либо угодившие в ловушку из парусов, через непродолжительное время все равно необратимо разрушались. Толку от перемолотой изнутри конструкции с совершенно невнятным набором составляющих становилось крайне немного. Обнаружить на илистом дне реки небольшую в ее масштабах сферу сложнее чем искать иголку в стоге сена, но иной раз потерявший ударную силу шар скатывался из парусов прямо на палубу и вполне мог не разбиться о нее, а остаться покоиться в канатной бухте. Взведенный предохранитель саморазрушения автоматически лишал противника столь ценного подарка. Самих же носителей Липкого огня на посудинах ад-Сейдина имелось столько, что даже после интенсивного обстрела уничтоженной флотилии шаха их численность позволяла атаковать береговые крепости. Но даже полностью израсходовав боезапас, корабли хана беспрепятственно пополнят его из трюмов барж сопровождения, находившихся под надежной охраной множества тяжелых десантных ботов. Для них, собственно, и настал черед, когда заряды Липкого огня подавили военные машины крепостей и прожгли в каменных стенах огромные дыры.

От предыдущего боя баржи держались подальше, удерживаясь от ударной части флотилии на соответствующем расстоянии. Теперь, когда настал их черед, они подошли к берегу, пользуясь тем что серьезно пострадавшие крепости почти перестали огрызаться, и лавина солдат устремилась прямиком к образовавшимся брешам. Гарнизоны крепостей сдались один за другим. Они не были рассчитаны на рукопашное противостояние с многократно превосходившими силами врага, а страшное оружие ад-Сейдина проделало в их защитных укреплениях сквозные провалы. Флотоводец Красной саламандры почем зря не зверствовал и капитуляцию принял. Деморализованные солдаты шаха, наблюдая с каменных стен ужасную гибель своего победоносного флота, и так не

слишком склонны были сопротивляться до последнего человека. Стоило же Липкому огню хорошенько попировать в их казавшейся очень надежной твердыне, как они окончательно пали духом. Да и что они могли бы предпринять кроме собственной бессмысленной гибели, если полторы сотни их кораблей только что обратились в обломки и пепел? Башни крепостей покинули стяги Черного буйвола, сменившись вымпелами Красной саламандры. Впрочем, эти две крепости, несмотря на свое удачное расположение сейчас Дир Абала не интересовали. В соответствии с полученными от повелителя указаниями ему следовало ликвидировать все очаги сопротивления на Шиале вплоть до самого Тироля. Оставив достаточный для поддержания порядка гарнизон солдат, флотоводец быстро восполнил запасы огненосных снарядов при помощи подошедших барж. Затем, когда вверенные ему корабли полностью восстановили боеспособность, отдал приказ двигаться дальше. Всего через два часа после того, как флаги Красной саламандры увенчали поверженные крепости, флот ад-Сейдина отправился вниз по течению, сохраняя прежнюю схему построения. Впереди шли ударные суда, готовые в любой момент исторгнуть испепеляющее содержимое своих трюмов. Следом за ними плыли тяжелые баржи, набитые вооруженными до зубов людьми, припасами и значительным количеством Липкого огня.

Весть об уничтожении флота Гелетбея разнеслась в кратчайшие сроки. Читая донесение Дир Абала, хан отлично понимал, что с чем-то подобным сейчас ознакомляются и военачальники шаха. Теперь ни для кого не будет сюрпризом на что способны корабли Красной саламандры, однако у противника все еще нет внятного понимания как ему следует поступить. Поэтому пока по городам и весям не только Черного буйвола, а и всех иных государств бежит пугающая молва о недавнем сражении, успех следует развить. Армия вторжения шла широким фронтом, перейдя границу сразу во многих местах и наступая настоящей лавиной, однако бесконечно долго так распыляться не стоит. Стремительно оккупировав треть территорий шаха, ад-Сейдин при помощи людей аль-Дани намеревался закрепиться в нескольких ключевых точках, откуда, сконцентрировав войска, нанести сокрушительный удар основным силам Гелетбея. Одной из таких точек был Тироль — крупный портовый город на Шиале, являвшийся базой для флота Черного буйвола. Захватив его, хан сумеет расколоть владения шаха надвое, лишив его оперативной возможности переправлять людей и припасы. До сих пор никому и в голову не могло прийти что Тиролю может угрожать какая-либо опасность. Теперь же, после поражения основного флота Гелетбея, необходимо ударить прежде, чем

шах спохватится и организует достойное сопротивление. Одних речных сил для этого явно недостаточно. На Шиале все еще оставались суда врага, наверняка сейчас вовсю поспешающие к базе, и теперь они осведомлены о тактике Красной саламандры. Стало быть, постараются избегать навязываемой стратегии боя. Как — это уже другой вопрос. Вместе с этим Тироль — серьезный город, и взять его с наскока малыми сухопутными силами не получится. Лучшее что сейчас следует предпринять: это нанести одновременные удары с воды и с суши. Поддержка флота позволит обойтись меньшей численностью солдат у стен, что в свою очередь напрямую отразится на их мобильности. Для традиционного подавления сопротивления Тироля пришлось бы стягивать к нему значительное число людей с тяжелыми боевыми машинами, а это займет известное время. Время, за которое шах почти наверняка успеет подготовить город к осаде. При этом недостаточное количество войск без необходимой поддержки в виде массивных дальнобойных орудий Тироль попросту не возьмет, разбившись о его укрепления. Здесь-то как раз свою роль и сыграют корабли, спустившиеся по Шиале прямиком к этому важному речному городу. Плавучие баллисты и катапульты атакуют береговые укрепления Липким огнем, а численности десанта окажется достаточно для стремительной высадки, ставящей своей целью открыть дорогу подошедшей с суши армии. Следовало лишь проделать все это одновременно, как по часам, дабы люди Дир Абала не вступили в бой раньше времени. Ввиду этого обстоятельства ад-Сейдин созвал военный совет, на котором без проволочек был утвержден план действий. Его заверенная копия была немедленно отправлена с вестовым к берегам Шиалы, где скоростное почтовое суденышко приняло на борт падавшего от усталости курьера. Еще через несколько часов флотоводец хана сломал большую красную печать и ознакомился с приказами повелителя.

* * *

Вести об уничтожении основного боевого флота в Тироле поначалу попросту отказывались верить. Про кошмарное оружие ад-Сейдина, с помощью которого он в результате взял Аяз Мол, наслышаны были многие, но как водится в таких случаях одна ситуация совершенно не проецировалась на другую. Уверенность в неприступности каменных твердынь серьезно пошатнулась, но никому и в голову не пришло что хан Гийюр умудрится оснастить свои за год отстроенные корабли тем же дьявольским средством. Впрочем, такую недальновидность можно было понять. Липкий

огонь применялся под Аяз Молом лишь раз, после чего последовал сепаратный мир с Уль Дионом. Нанеся один такой разрушительный удар, породивший куда больше слухов, нежели подлинных свидетельств, ад-Сейдин продемонстрировал что владеет чем-то очень могущественным, но ни о количестве этого оружия, ни возможном спектре его применения все еще толком никто не знал. Лишь когда флотилию хана Гийюра заметили на реке всего в одном дне пути от Тироля, ползущие по городу слухи стали напоминать зарождавшуюся панику. Рассказы уцелевших в адском побоище людей пресекались властями, временно поместившими экипажи пяти спасшихся кораблей под замок, но посеянные зерна страха уже вовсю давали всходы. Если прежде уверенные в незыблемости своей твердыни и непобедимости флота горожане воспринимали множащиеся сплетни с недоверием, то посыпавшиеся со всех сторон многочисленные свидетельства о приближавшихся судах Красной саламандры оказались вполне красноречивыми. Вместе с тем приходили весьма удручающие сведения и о стремительном продвижении армии ад-Сейдина по суше. Если верить им, он захватил уже почти треть страны и пока что ни один встретившийся гарнизон не смог оказать ему достойное сопротивление. Все это казалось совершенно невероятным, поэтому какое-то время население Тироля долго не могло поверить в очевидное. Тем не менее, ему вскоре пришлось столкнуться с суровой действительностью, когда в одно прекрасное утро выше по реке объявились многочисленные вымпелы мачт Красной саламандры. В тот же час дозорные доложили, что с суши к городу стремительно приближаются минимум два армейских корпуса. Над Тиролем тревожно взревели сигнальные трубы. С окрестных полей и деревушек к закрывавшимся воротам хлынул целый поток местных жителей, торопившихся укрыться за каменными стенами, а на Шиале принялись поднимать защитные сооружения.

Комендант Тироля, в отличие от горожан, лучше сознавал надвигавшуюся угрозу. Намерения ад-Сейдина стали ему теперь совершенно ясны. Хан собирается атаковать город до того, как на помощь осажденным прибудут регулярные войска шаха, способные отбить два армейских корпуса, а снизу по Шиале прибудут разрозненные корабельные соединения. Ад-Сейдин, развивая полученное преимущество, хочет нанести удар с воды, одновременно поддержав его стремительным наскоком с суши. Тяжелые боевые машины не могут передвигаться столь же быстро, сколь отправленные им войска на марше, но постигшая флот шаха катастрофа доказывала насколько критичным способно оказаться нападение с реки. Без надлежащей поддержки в виде осадных орудий воины

Красной саламандры почем зря проторчат под стенами города, так и не сумев их преодолеть. Их корабли сами по себе также не обладают достаточными ресурсами, дабы не только атаковать Тироль, но и захватить его. Однако их совместные действия превращают вероятность взятия города из призрачной в очень и очень серьезную. И если пусть и напуганное население до сих пор полагало укрепления Тироля надежной гаванью, о которую разобьется штормовой прибой захватчиков, то комендант этой уверенности отнюдь не разделял. К сожалению, он мало что мог сделать. Сокрушительное поражение флота самым непредвиденным образом пробило в защите города здоровенную брешь, которую теперь весьма непросто чем-то заполнить. Времени же оставалось в обрез, и когда комендант понял всю серьезность положения Тироля, оно оказалось безвозвратно упущено. Здраво оценив все риски и собственные возможности, комендант решил, что его главная задача — это не отразить грядущее нападение, а просто продержаться до прихода подкрепления. В случае успеха сохраненный Тироль станет хану Гийюру как кость в горле, существенно осложняя дальнейшее продвижение. Если же речной город падет, на его стороне окажется огромное стратегическое преимущество. Тироль связывал провинции владений шаха по реке и по суше. Захватив эту твердыню, ад-Сейдин рассечет государство Гелетбея надвое, полностью контролируя речную артерию и перерезая все сколь-нибудь существенные людские и грузовые потоки между берегами Шиалы.

Раскинувшийся по обоим берегам реки Тироль имел весьма специфические оборонительные укрепления. С суши его традиционно закрывали толстые крепкие стены, но с воды дело обстояло иначе. Поскольку Шиала издавна надежно контролировалась флотом шаха, то и сооружать там подобные каменные излишества считалось необязательным. Берега, разумеется, были укреплены, и вдоль них над могучим парапетом также возвышались стены, но совсем другого характера, значительно уступая внешним по высоте и плотности. Они скорее предназначались для отражения случайного десанта, нежели полноценного вторжения, а также служили барьером в транспортном потоке через два длинных каменных моста — гордость Гелетбея. Через эти мосты, несмотря на ширину реки, круглосуточно перемещались люди и грузы, и длина каждого из них была без малого не меньше мили. В самом высоком месте, где проходил судоходный фарватер, их арки становились такими высокими, что под ними беспрепятственно могли проплывать все известные суда, включая иноземные морские. Над этими конструкциями трудились долгие десятки лет, и лишь во

времена правления деда нынешнего шаха их наконец-то закончили. С тех пор новая транспортная артерия оказала существенное влияние на рост экономического благосостояния государства, и сейчас Гийюр ад-Сейдин намеревался эту артерию разорвать. Разделенные между собой части страны станут неспособны оперативно перебрасывать людей и припасы, не говоря о резком падении торговли, и без того заметно сократившейся по всему центру Южных земель в результате вступления в войну эмирата Дирзун. Аль-Дани, как и обещал властелину Железных земель, в кратчайшие сроки блокировал все проходившие через его страну торговые пути. Теперь очень многие товары вынуждены были проходить гигантским кружным путем через восток, либо же в карманы эмира, а заодно с ним и хана поступала немалая пошлина, да и то лишь за не угрожавшие военным действиям грузы. Фактически Гелетбей оказался отрезан едва ли не от половины Южных земель, откуда уже привык получать значительное число поставок. Разумеется у него имелась и альтернатива в виде еще находившихся вдали от образовавшегося фронта соседей на севере, востоке и западе, но господство ад-Сейдина на Шиале окончательно подорвет его товарооборот. Кроме того, с западным соседом ситуация резко осложнилась. Новый правитель эмирата Бушер, присягнувший на верность Красной саламандре, заключил с ним договор не иначе как под угрозой силы. Этот западный сосед совершенно неожиданно отказался торговать с шахом и пропускать через свои территории любые его караваны. За это, видимо, трусливому правителю была обещана неприкосновенность под патронажем Великого хана, как все чаще именовали Гийюра ад-Сейдина.

К подобным договоренностям властелин Железных земель тоже прибегал. Если непосредственный захват какой-либо территории его не интересовал, он мог использовать иную форму взаимодействия. Например, предложить агрессивный нейтралитет в обмен на уговор не вовлекать означенную страну в театр боевых действий. Агрессивный, разумеется, не по отношению к себе, а по отношению к интересующим хана лицам. В конечном счете нетрудно было догадаться, что однажды аппетиты ад-Сейдина возрастут и покончив с сильными соперниками он обратит внимание на малых, однако такое положение вещей многих устраивало. Во-первых, открытые союзники Красной саламандры открыто же и участвовали в сражениях, неся известные потери и сопряженные с этим расходы. Пассивные же просто не вмешивались, как максимум играя на политической арене предложенную им роль. За это они не пожинали плодов соответствующих побед, но не получая дохода не имели и убытков. Безусловно в случае окончатель-

ной победы Красной саламандры малые государства будут вынуждены принять любые навязываемые условия мира, скорее всего став ее вассалами, но это еще когда случится, если случится вообще. Сейчас же самые разные власти интересовало просто остаться в стороне от разгоравшегося пожара большой войны, спокойно дожидаясь ее исхода. А он все еще был неизвестен. В нынешнем могуществе хана Гийюра уже мало кто сомневался, но он может ослабнуть, увязнув в продолжительном конфликте, не рассчитать соответствие своих намерений и возможностей, допустить несколько роковых ошибок… Да мало ли что? Время покажет. А покуда подворачивается случай не влезать в общую драку оставаясь при своих — следует ей воспользоваться. И так думали многие. Очень многие. Думали до тех пор, пока однажды возможности что-либо изменить у них вообще не осталось. Сплотись соседи против Красной саламандры единым фронтом, у ад-Сейдина даже несмотря на свое дьявольское оружие банально не хватило бы сил управиться со всеми разом. Распыленная на огромную территория армия теряла решающую ударную мощь, а поспеть единым кулаком везде одновременно она не могла. Захваченные земли, исключая важнейшие опорные точки вроде Аяз Мола контролировали достаточно незначительные гарнизоны, и порядок на них поддерживался союзниками, высвобождая основные войска для развития дальнейшего наступления. В частности, новый эмир Бушерский, пришедший к власти в результате быстротечного дворцового переворота, развязал хану Гийюру руки, позволив вместо сепаратного мира заключить полноценный союз и покинуть эмират, не беспокоясь за волнения в тылу. Что же касалось эмира Дирзунского, так тот и вовсе не только обеспечил армии Железных земель мощнейший плацдарм для вторжения, но и сам присоединился к ней своими многочисленными стрелками. В результате Красная саламандра преспокойно оставила у себя позади и Зеленую ящерицу и Голубую щуку, чьи лояльность и поддержка обеспечивали ей стремительное продвижение, которое совсем недавно никто не мог предвидеть. Теперь она позволила себе сосредоточиться исключительно на завоевании земель Черного буйвола, к чему и приступила самым решительным образом.

В итоге получалось, что в случае захвата Тироля вся западная часть страны Гелетбея окажется вообще без помощи и поставок каких-либо товаров, исключая пару-тройку тоненьких каналов с севера, равно как подкреплений лишится и восточная. До сих пор мосты и многочисленные баржи надежно связывали берега Шиалы между собой, обеспечивая насущные потребности государства и процветание его жителей, ведь господство флота Черного буйвола

на своей части реки казалось неоспоримым. В одно мгновение это господство рухнуло, а уже в следующее под угрозой очутился город его базирования. Если Красной саламандре удастся прорваться через защитные укрепления Тироля, более ничто не сможет сдержать ее от продвижения вниз по Шиале. Де-факто это означало, что около половины воинов Гелетбея будут отрезанными в западной части страны, не в силах прийти на помощь осажденной восточной, где развивал сухопутное наступление ад-Сейдин. И именно это становилось наиболее критическим.

По приказу коменданта Тироля, невысокого пожилого человека с короткой седой бородой и близко посаженными глазами, Шиалу перекрыли всеми имевшимися средствами. Комендант Скар Умин был выходцем из простой и бедной семьи, но не только ад-Сейдин умел выдвигать людей за свои личные заслуги. Скар Умин отлично знал реку и имел хорошие навыки в военном деле. Знание корабельного оказалось недостаточно, дабы он утвердился на флоте, но для служебного роста в гарнизоне прибрежного города всего остального хватило с лихвой. Примерно в тоже время, как Юми Гол занял пост адмирала, Скар Умин заступил на должность коменданта и теперь особенно болезненно воспринимал гибель старого знакомца, с которым они разделили славу Тироля. Комендант лично объезжал укрепления на Шиале, убеждаясь что все сделано как надо, и лихорадочно прикидывал план возможной атаки врага, соображая что он может ему противопоставить. Вера в незыблемость Тироля и его недоступности для потенциального противника была настолько сильна, что находившееся в городе количество воинов существенно отличалось от штатного в меньшую сторону. В самом деле, зачем почем зря держать войска в таком месте, до которого неприятелю попросту не добраться? Увы, жизнь показала нечто совсем иное, и теперь враг быстро приближался к городу, собираясь обрушить на него свое кошмарное оружие. В этом можно было даже не сомневаться. Вопрос заключался в другом: где именно он собирается это проделать?

Опоясывавшие Тироль по суше стены заходили далеко в воду, делая невозможным обойти их пешком. Шиала же между противоположными стенами протекала как бы через некие врата. По периметру из ее волн наподобие фортов высились массивные каменные башни, обеспечивавшие контроль над милей обычно ничем не сдерживаемого течения. Сухопутного сообщения эти форты не имели, но и особой необходимости в такой связи не наблюдалось. Люди и припасы доставлялись с помощью лодок, зато сами сложенные из огромных цельновысеченных блоков башни казались совершенно неприступными. На их вершинах располагались

все те же боевые машины, умеющие метать снаряды гораздо дальше, нежели установленные на кораблях, а в основаниях скрывались хитрые механизмы. Будучи приведенными в действие, они перекрывали пространство между фортами двумя рядами заграждений. Речь шла не только о многочисленных цепях. На дне Шиалы располагались особым образом выставленные топляки, окованные нержавеющей сталью. Их нижний конец удерживался тяжелым грузом, а верхний задирался вверх, едва ослаблялся контролирующий захват. Стоило защитникам фортов запустить означенные механизмы, покрутив их огромные барабаны, как поперек всей Шиалы поднимались ряды острых окованных бревен, за которыми также плескались в воде и цепи. Последние становились не лишними, если речь шла про легкие суденышки, способные беспрепятственно проскользнуть над ощерившимися топляками. Любой же мало-мальски тяжелый корабль неминуемо пробивал себе брюхо на остриях топляков. Выглядело все это внушительно, а звучало и тем более, кабы не имелось в такой конструкции и слабое место. На центральной стремнине было настолько глубоко, что ни о каких придонных заграждениях не могло идти и речи. В частности, между находившимися посередине двумя пролетами трех соответствующих фортов окованных подводных бревен не имелось, а средняя башня стояла на узкой отмели, бывшей некогда островком с крутыми уходившими в глубину берегами. Неоднократно звучали предложения засыпать часть фарватера камнями, а поверх выстроить соответствующую линию обороны, только в итоге от дорогостоящего и трудоемкого проекта отказались. От кого защищаться-то, если на страже стоят сотни кораблей шаха, а вверх и вниз по реке дежурят многочисленные крепости? В результате два центральных проема закрыли самыми настоящими воротами. Состоящие из целой серии металлических частей, собранных воедино, они покоились на нескольких десятках понтонов и способны были полностью перекрыть судоходство, будучи сведенными и запертыми на огромные запоры. Каждую створу в помощь могучим зубчатым колесам с противовесами обслуживало по два гребных буксира, итого восемь штук на четыре. Гарнизоны прилегающих фортов высыпали прямо на образовавшийся плавучий мост и крутили соответствующие механизмы, дабы привести в действие смыкавшиеся наглухо части. Выглядело все это очень внушительно и добавляло Тиролю солидности и веса, называясь не иначе как Водными вратами, да только Скар Умин знал, что за этим фасадом скрывается далеко не самая надежная защита. Считалось что Врата могут выдержать любой шторм и таранить их даже тяжело груженой баржей бесполезно, однако на практике

никто еще ни разу не проверял что произойдет, если в покачивающиеся на буях створы начнет ломиться полноценный вражеский флот. Да еще вооруженный столь чудовищным оружием, способным прожигать и испарять не только дерево, но камень, железо и вообще все до чего оно могло дотянуться. Комендант не строил себе иллюзий касательно Врат, прямо у него на глазах сейчас усердно запиравшихся стражей. Флот ад-Сейдина почти наверняка нанесет свой удар именно сюда, дабы пробиться во внутренние воды Тироля, и у него скорее всего это получится. Пожертвовав несколькими кораблями, его командующий добьется нужного результата, а такая цель оправдывает затраченные средства. Только что же можно предпринять, дабы упредить подобную атаку? У Скар Умина оставалось все меньше времени на претворение любого замысла в жизнь, и он будто в горячке размышлял каким образом нарастить защиту Водных врат.

Торопившуюся в город рыбацкую лодочку едва не раздавило смыкавшимися могучими понтонами. Находившиеся на борту рыбаки разразились гневными воплями в адрес трудившихся стражей, но те не обращали на гражданских ни малейшего внимания. У них был четкий приказ командира, и пусть хоть кто там себе плывет — к назначенному часу ворота будут заперты, а об их закрытии красноречиво свидетельствуют сигнальные огни на фортах. Люди предупреждены, и ежели кто-то невзирая на это предупреждение надумал сунуться прямо между жерновами — это дело сугубо его личной глупости. Глядя на проплывавшее суденышко, груженое рыбой и целой горой снастей, комендант усмехнулся, прислушиваясь к доносившейся до него отборной брани насмерть перепуганных рыбаков, ставших от этого еще более изобретательными на язык. Внезапно, наткнувшись взором на устилавшие палубу выбранные сети, его осенила одна мысль. Припомнив рассказ белых как мел капитанов пяти спасшихся кораблей, Скар Умин несколько минут быстро соображал, ухватив идею за хвост. Затем приказал немедленно позвать к себе начальника порта и командиров фортов.

Столь поспешно подчиненные Скар Умина, должно быть, прежде не работали никогда. Подвозимые на лодках снасти они немедленно расправляли вдоль Водных врат, ползая по ним как обезьяны, и фиксировали на длинных металлических прутах, не забывая связывать между собой. Их расторопности следовало отдать должное, но если бы флот ад-Сейдина собирался атаковать немедленно, то он уже бы это сделал. На счастье защитников Тироля, корабли Красной саламандры замедлились выше по реке. Особо радоваться, правда, тоже не стоило, поскольку они навер-

няка дожидались подхода армейских корпусов по суше, что лишь подтверждало неутешительные выводы коменданта. Тем не менее, последний успел воплотить свой оригинальный замысел, целиком и полностью исходивший из услышанного им рассказа. Необычные снаряды боевых машин хана отлично разбивались о борта, мачты и палубы, но оставались целехоньки при попадании в полощущиеся на ветру паруса. Иными словами, лишив их необходимой силы удара о цель можно будет лишить их и страшного конечного эффекта. Попав в такую поверхность, о которую он не сможет расколоться, снаряд бессильно свалится прямо в воду, не нанеся ровным счетом никакого вреда. В пользу этой версии говорили обнаруженные на палубах уцелевших кораблей несколько шаров с донельзя поврежденным, но не пришедшим в действие содержимым, и теперь Скар Умин собирался оперативно извлечь пользу из полученного столь горьким путем опыта. В результате всего через несколько часов на посвежевшем ветру вовсю полоскались рыбацкие сети, соединенные в единое целое и выставленные перед створами Водных врат на длинных металлических прутьях. Получившаяся конструкция выглядела не слишком крепко, и назвать ее стационарной уж точно язык не поворачивался, однако какое-то время она продержится и свою задачу выполнит. Корабли ад-Сейдина, разумеется, могут попытаться испортить гибкую ячеистую завесу обыкновенными тяжелыми ядрами, но для начала они должны сообразить это сделать. А когда сообразят, то подойти на соответствующее расстояние и самостоятельно подставиться под удар дальнобойных боевых машин Тироля. Наконец, успешно оборвать выставленные сети, но комендант уже набрал достаточную команду добровольцев, готовую оперативно восстанавливать поврежденные участки, обеспечив ее необходимым материалом. Заготовленные загодя, все новые заслоны будут сбрасываться с вершины Врат вдоль направляющих, а отборные матросы, шустро ползая по металлическим секциям створок, наспех крепить их к выступающим стержням. И прямо сейчас очередные сети сплетали воедино, готовя запасные завесы к предстоящей обороне, благо что верх и основание сомкнутых Водных врат являли собой широкий плавучий мост с прочным цельным настилом.

Дир Абал действительно ожидал подхода двух армейских корпусов, собираясь координировать с ними предстоящее наступление. Время он коротал не абы как, а за подробной картой Тироля, составленной еще загодя многочисленными лазутчиками Красной саламандры. Сейчас он делал на ней незначительные пометки, исходя из самых последних сведений. Рядом с ним находились старшие офицеры, включая сидевшего на почетном месте принца

Камаля. Ханский сын, следовало отдать ему должное, проявлял ко всему происходящему живейший интерес и рвался в бой, но военачальник, как мог, урезонивал его воинственный пыл. Грядущий штурм представлялся отнюдь не из легких и на сей раз без потерь уж точно не обойдется. Как минимум до поры защитники города будут серьезно огрызаться, и лучше даже не думать о том что сделает хан, если его единственный наследник появится в числе жертв. Нет уж, пусть принц остается на флагмане хотя бы пока ситуация очевидным образом не переломится в пользу Красной саламандры. Для этого, кстати, придется хорошенько постараться и сделать все как задумано. Дир Абал ожидал появления вестового от командующего приближавшейся армией и сам уже приготовил ему соответствующее послание. Передовые части должны выйти к реке ввиду ханского флота, организовав прямое сообщение с берегом. К этому же месту причалят баржи сопровождения, в то время как десантные выстроятся надлежащим порядком вслед за боевыми кораблями. С этого момента действовать следует очень быстро и согласованно.

Подошедшие армейские корпуса возглавлял Тигран ди-Орт. После некоторых раздумий ад-Сейдин доверил осуществить столь важную операцию именно ему, хотя у хана имелись и другие задачи, к которым он намеревался привлечь специализировавшегося на особых поручениях военачальника. В данном случае, возможно, сгодился бы и кто-нибудь другой, но хан решил не рисковать. Тироль был слишком важен, а никто лучше ди-Орта не справится с полученным приказом. После соединения с флотом верховное командование брошенными на город силами переходило к нему, и уже Дир Абал обязан был подчиняться прибывшему полководцу, а не наоборот. Впрочем, недоразумений в управлении не предвиделось. Ди-Орт лично поднялся на борт флагмана, оставив сухопутные силы под началом своего заместителя, а связь между берегом и кораблями надлежало осуществлять через отработанную сигнальную систему. Предъявив флотоводцу верительную грамоту с указанием своих полномочий и торжественно поприветствовав от имени отца наследного принца, ди-Орт сразу приступил к делу, благо что возражений ни у кого не имелось. Даже не принимая во внимание беспрекословное подчинение ханской воле, авторитет военачальника был слишком велик, дабы кто-то осмелился его оспаривать.

Ознакомившись с последними донесениями и выслушав соображения Дир Абала, ди-Орт нашел их вполне разумными и внес в разработанный план лишь незначительные коррективы. Пока его люди, следуя полученным с воды сигналам, выдвигались на

позиции, командующий наблюдал как разгружаются причалившие к берегу баржи. С них, помимо прочего, выкатывали на понтонах полдюжины осадных орудий, а затем упряжки лошадей поднимали их на пологий берег и тащили к намеченным точкам. Столь незначительного количества катапульт было явно недостаточно для полноценного удара по стенам даже Липким огнем, но и задача перед ними ставилась совершенно другая. В соответствии с ней подступавшая к стенам Тироля армия выстраивалась таким образом, чтобы защитники до последнего не понимали ее тактического замысла.

Очевидность намерений ханского флота от коменданта Тироля не укрылась, равно как от военачальников ад-Сейдина не слишком долго таились и предпринятые им небольшие хитрости. В назначенный час корабли Красной саламандры выдвинулись к Водным вратам, держась таким образом, чтобы их низкая кучность не позволяла тяжелым береговым орудиям противника вести прицельный обстрел. Более того, они непрерывно двигались на веслах, лавируя вдоль огневого рубежа и развернув носовые баллисты в направлении цели. Таким образом, вместо сгруппированного близко стоящего флота перед стрелками шаха очутилось множество разрозненных объектов, постоянно перемещавшихся относительно друг друга и старавшихся не проходить по пристрелянным противником местам. Периодически суда Красной саламандры получали чувствительные попадания, но их число оказалось неизмеримо меньше того, каковое желали бы видеть защитники Тироля. Серьезно пострадавший корабль незамедлительно отступал в безопасные воды, а на смену ему тут же появлялась замена. Дир Абал не бросил в бой разом все силы, дабы избежать опасной кучности, и теперь не без удовлетворения убеждался в правильности выбранной стратегии. И того количества, с которого велся прицельный бой Липким огнем было вполне достаточно.

Скар Умин рассчитал все правильно. Первое время стеклянно-металлические шары бессильно врезались в гасившие их полет сети, с плеском скатываясь по ним в воды Шиалы. Водные врата оставались нетронутыми. Вот только радость коменданта была недолгой. Не будучи лично знаком с ужасающей мощью оружия ад-Сейдина, он не учел того, что командующий флотом врага прямо на ходу может и поменять тактику, а не начать упорно долбиться лбом в запертую дверь. Дир Абал не стал отдавать приказ стрелять каменными ядрами. Вместо этого он велел сконцентрировать массированный огонь на центральной башне, служащей одновременно основой для створок соседних врат. Изначально Дир Абал просто хотел сэкономить как можно больше драгоценных снарядов,

запас которых все-таки был не бесконечен. Теперь же, убедившись в их бесполезной растрате, решил не церемониться и сокрушить казавшуюся неприступной твердыню. До сих пор, собственно, это даже не казалось, а так и было. Вот только неукротимой ярости Липкого огня прежний порядок вещей становился нипочем. Попавший под интенсивный обстрел центральный форт быстро превратился в пылающий ад. Это был не просто пожар — на его месте неожиданно разверзлось жерло заходившегося бешенством извергающегося вулкана. Целые потоки расплавленного камня низвергались от того, что еще некогда являлось вершиной башни с четырьмя тяжелыми дальнобойными орудиями, стекая по плавящимся стенам и спадая прямиком в воду, бурно закипевшую от раскаленной массы. Толстую переднюю стену форта прожгло насквозь, и вот уже все новые зловещие сферы начали попадать прямиком внутрь, где вовсю бушевал чудовищный вихрь. Там моментально выгорело все, что только могло гореть, но теперь раскаленное пламя добралось и до массивных металлических механизмов. Обращаясь в светящуюся жижу, они закономерным образом утрачивали возложенную на них функцию, и вот уже перекрывавшие течение цепи бессильно ушли на дно, а створы Водных врат… В свое время инженеры и строители немало постарались, дабы могучая центральная башня надежно удерживала слева и справа от себя по тяжелой металлической конструкции, уверенно покоящейся на множестве понтонов. Фактически, она выполняла роль опорного столба, к которому крепились подвижные части Врат. Никому и в голову не могло прийти, что этот опорный столб осядет будто свечка, оплавленная жарким огнем, что толстый непробиваемый камень превратится в жидкий пластилин, ручьями стекающий в воду. На глазах у потрясенных до глубины души защитников Тироля могучий форт осел словно нагретый пчелиный воск, обратившись в разливавшуюся лаву вместе со всем гарнизоном. И еще до того как немыслимая температура окончательно пожрала всю башню вплоть до самого основания, оставив от нее лишь изъеденную тыльную часть остова, Водные врата оказались без центрального крепежа. То есть пары сомкнутых здоровенных створ держались просто на честном слове за счет остававшегося бокового крепления у каждого из уцелевших фортов. Теперь они могли пострадать даже от сильной волны, но Дир Абал не стал дожидаться пока Шиала сделает за него нужное дело. Из арьергарда его флотилии уже выплывали две тяжелые баржи, чье предназначение являлось чрезвычайно простым: они служили таранами для различных объектов и теперь, следуя под углом, дабы избежать прицельного боя метательных орудий, направлялись прямиком к

ничем более не удерживаемым Вратам. Прежде подобная атака не принесла бы сколь-нибудь ощутимого эффекта, но теперь створы Врат колыхались на воде предоставленные сами себе, и их достаточно было хорошенько толкнуть, дабы освободить доселе перекрытый фарватер. Противник все-таки умудрился попасть в следовавшие своим зловещим курсом суда, но это не смогло предотвратить грядущее столкновение. С полного ходу баржи врезались в оторванную от опоры часть Врат, и те бессильно подались по всей длине. Подхваченные течением понтоны сдвинулись, за счет огромной массы с корнем выворачивая уцелевшие крепления у соседнего форта, и вся защитная конструкция в считанные минуты развернулась параллельно неторопливо бегущим водам Шиалы. Но еще до того как это произошло корабли Красной саламандры лавиной устремились в образовывавшиеся проходы. Теперь дальнобойность орудий остальных фортов играла против собственных наводчиков: они больше не могли быстро нацеливаться на проходившие вблизи суда, а разворот для атаки в противоположную сторону и вовсе не предусматривался. Внешняя линия обороны была прорвана и защитники Тироля оказались не в состоянии что-либо с этим поделать.

Сухопутная армия до сих пор в основном бездействовала. Даже установленные на подходящем возвышении орудия помалкивали, не расходуя боезапас и лишь отправив несколько прицельных выстрелов по башенным укреплениям. Это зажгло на них хороший пожар, но едва огромные, намного больше корабельных сферы стали перелетать через стену, как катапульты прекратили стрельбу, укрывшись за защитными конструкциями. Угодив в город, Липкий огонь немедленно пожрал несколько домов в месте падения снарядов и обеспечил его защитников работой пожарных, силящихся предотвратить дальнейшее распространение свирепого пламени. Наводчики ад-Сейдина более не добавляли им хлопот, но отнюдь не по доброте душевной. Они просто ожидали условленного часа.

Во внутренних водах Тироля корабли захватчиков чувствовали себя достаточно безнаказанно. С невысоких внутренних стен на них также были обращены метательные орудия, но как и стены они существенно уступали внешним, изначально имея перед собой совсем другие задачи. Разумеется, о полной безопасности судов Красной саламандры речь не шла, но они быстро уходили с фарватера к восточному берегу города, где снаружи поджидали два армейских корпуса, и начинали вести прицельный обстрел огрызавшихся укреплений. К ним относились и форты. Развернувшись, часть боевых кораблей начала безнаказанно расстреливать их вос-

точную цепочку прямо в упор, поскольку ответить им в обратную сторону было совершенно нечем. Полностью уничтожать эти укрепления цели не стояло: достаточно чтобы вершины башен объяло пламя, лишив гарнизоны возможности атаковать шедшие на всех парах многочисленные десантные баржи. Они заблаговременно держались нужного берега, и быстрое уничтожение орудий фортов сделало их проход через поверженные Врата беспрепятственным. Не теряя времени, наполненные вооруженными до зубов воинами баржи направлялись прямиком к тому месту, где лавировавшие ударные корабли расчистили плацдарм для высадки, обратив часть невысокой стены и соседних сооружений в оплавленный пылающий очаг. Воины Красной саламандры работали как по часам. Не успел утихомириться хищный огонь, исторгаемый раскаленным пеклом, как по горячему песку и дымящимся камням уже бежали высадившиеся солдаты ад-Сейдина, оглашая пространство громким боевым кличем. С ничем более не перекрытой Шиалы подходили невесть откуда бравшиеся все новые и новые баржи. Похолодевший комендант Тироля с ужасом осознал, что его люди не готовы отбросить обратно в ее воды не менее пяти тысяч льющегося в два пролома десанта. Флотоводец Красной саламандры полностью проигнорировал западный берег и его часть города, сосредоточившись на противоположной. Скар Умин предвидел нечто подобное, а посему разделил вверенный ему гарнизон соответствующим образом, отправив две его трети в восточную половину. Он же не мог оставить западную совсем без защиты. Теперь быстро выяснилось, что оставшаяся треть не в силах прийти на помощь товарищам, поскольку сообщение между берегами прервалось. Корабли ад-Сейдина уничтожили по одному пролету обоих мостов, а перебросить значительные силы обычными кораблями комендант не рисковал. Все что он мог — отправить на перехват множеству хозяйничающих судов Красной саламандры полтора десятка имевшихся у него боевых кораблей в надежде навязать им ближний бой. Увы, Дир Абал ожидал такого развития событий и навстречу им стремительно выдвинулись быстроходные боты, не несущие на себе ровным счетом ничего кроме абордажной команды. Вскоре прямо на воде завязался ожесточенный бой, и его очаги не решалась обстреливать ни одна из сторон, жалея своих людей. Лязг оружия и громкие крики прокатились над волнами безучастной ко всему Шиалы, на нескольких кораблях вспыхнул сильный пожар. Команды шаха дрались отчаянно, но не менее храбро бились и поднаторевшие в многочисленных сражениях опытные воины ад-Сейдина. Впрочем, звуки речного боя вскоре утонули на фоне разгоревшейся в восточном Тироле схватки.

Собранный в единый заслон гарнизон города вполне мог противостоять даже пятитысячному десанту. Вот только часть этого гарнизона сейчас бессильно наблюдала с другого берега за ходом столкновения, а другая оказалась в совершенно не приспособленных для отражения многочисленного врага условиях. Улицы Тироля никто и не думал превращать в неприступные баррикады, и теперь вливавшуюся на них лавину захватчиков было очень трудно остановить. Внутренняя стена, разрушенная сразу в двух местах, беспрепятственно пропускала внутрь восточной половины города толпы солдат Красной саламандры, а защитникам нечего было им противопоставить кроме собственных шеренг. Массированную атаку врага все же удалось замедлить, и разгоревшийся на улицах ожесточенный бой, казалось, остановил его продвижение. Увы, это впечатление оказалось обманчивым. Десантники хана и не собирались оккупировать Тироль исключительно собственными силами. Создав широкий фронт, они сконцентрировали удар на одном заранее выбранном направлении. И в нужный момент сразу несколько кварталов охватили лютые пожары, ибо проснувшиеся катапульты Красной саламандры принялись непрерывно перебрасывать через стену свои жуткие сферы. Их было слишком мало дабы полностью проесть толстые городские укрепления, но оказалось вполне достаточно дабы посеять за ними невообразимый хаос. Тогда, пользуясь появившейся в стане защитников неразберихой, солдаты хана нанесли решающий удар, клином прорвав их оборону. Они не намеревались заходить им в тыл, окружать, навязывать уличный бой на своих условиях — они во весь опор неслись к намеченным воротам.

Помешать им было уже некому. Передовые отряды сталкивались с вялым сопротивлением подбегавших воинов шаха, но сбоку их никто не успевал атаковать. Вторгнувшийся в образовавшуюся брешь поток уподобился течению реки. Задачей ее берегов становилось обеспечить продвижение русла, по которому устремился весь резерв десантного корпуса, а русло, не обращая ни на что внимания, быстро и упорно текло к своей цели.

У запертых ворот, безусловно, имелась и своя охрана, но ей было не по силам справиться с подбегавшими сотнями вражеского десанта, за которым безуспешно гнались слишком поздно разгадавшие его замысел защитники. К тому же, они попросту не могли столь же проворно отступить значительным числом, дабы предотвратить грядущий захват ворот. Ведь широкий фронт атакующих удерживал их от подобного маневра, и повернуться к ним спиной означало неминуемый разгром. Снаружи внешних стен Тироля уже пришла в движение сухопутная армия Красной саламандры,

и когда у одних из врат восточной части города разгорелся смертельный бой, с их другой стороны теснились готовые присоединиться к сражению захватчики.

Исходя из имевшейся в распоряжении командования ад-Сейдина подробной карты города, план осуществленной атаки был разработан очень тщательно. Обладай гарнизон Тироля более внушительной численностью, возможно солдатам хана не удалось бы дерзко осуществить задуманное и ситуация развивалась по другому сценарию. К сожалению, опасения коменданта города полностью оправдались: ему банально не хватило людей, способных одновременно принимать участие в прямых столкновениях и охранять ключевые точки. Нападающие рвались к намеченной цели несмотря на сопутствующие потери, понимая, что от успеха выполняемого броска сейчас зависит успех взятия города. Свою задачу они выполнили. Благодаря забушевавшим в Тироле пожарам, поднятым снарядами Липкого огня, им представился случай быстро достичь ворот, которые в сравнении с нахлынувшим числом захватчиков почти никто не охранял. Стража дралась с отчаянием обреченных, прекрасно зная что произойдет, если люди хана Гийюра сумеют открыть путь армейским корпусам под стенами. Увы, помощь ей не пришла. Точнее, пришла, но оказалась на периметре жестокой схватки и уже никак не могла повлиять на ее исход. Прорвавшиеся десантные отряды понесли существенные потери, но скрип отворяемых ворот и поднимающихся решеток сполна компенсировал все их жертвы. Ринувшиеся внутрь города солдаты под сенью знамен Красной саламандры мгновенно смели остервенело наседавших защитников. Восточная часть Тироля пала. Она сопротивлялась еще полчаса, но исход сражения стал совершенно очевиден, едва армейские корпуса Красной саламандры хлынули в открывшиеся ворота.

Пленных было мало. Защитники города держались героически и по большей части полегли на его улицах, отстаивая квартал за кварталом. Оценив мужество врага, ди-Орт приказал пощадить оставшихся в живых и не добивать раненых, передав их на попечение местных жителей. Те тоже серьезно пострадали, но в основном не от насилия со стороны солдат Красной саламандры, а как сопутствующий ущерб схваток и пожаров. Ополчение составляло лишь умеренную часть от общей численности гарнизона Тироля и самостоятельно не могло противостоять регулярной армии хана Гийюра, а посему быстро оказалось развеяно без остатка. Комендант Скар Умин спасся практически чудом. Он лично возглавлял контратаки на восточном берегу реки, и когда поражение стало очевидным собирался стоять до конца вместе со своими людьми.

Старшие офицеры усадили его в быстроходную лодку едва ли не насильно, напомнив, что в их руках еще остается западная сторона Тироля, которую следует оборонять. И лучше пусть это сделает комендант, нежели один из его не столь одаренных заместителей. Лодка с пребывающим будто в другом мире Скар Умином унеслась к противоположному берегу и благополучно миновала шнырявшие по Шиале посудины ад-Сейдина, а его подчиненные, собравшись в кулак, ринулись в последний бой, обагряя своей кровью улицы родного города.

Когда все закончилось и побоища в кварталах прекратились, над стенами и башнями восточного Тироля взвились стяги Красной саламандры, а через открытые ворота в направлении ханской ставки понеслись вестовые. Флот практически целиком вошел во внутренние воды и теперь рассредоточился вдоль захваченного берега, находясь в недосягаемости для орудий шаха. Через Шиалу боевые машины внутренних укреплений не доставали, ведь некогда считалось что в этом нет ни малейшей нужды. Ди-Орт и Дир Абал подсчитывали потери, прикидывали нанесенный городу ущерб и тут же, не сходя с места, разрабатывали план дальнейших действий. Спустя некоторое время к ним явился принц Камаль, лично принимавший участие в высадке десанта во время прорыва в направлении ворот. На столь гибельный участок командующие не могли отпустить единственного наследника повелителя, но возглавить отвлекающий фронт было куда безопаснее. Принца, разумеется, охраняло два отряда гвардейцев, но в пылу схватки он этого не замечал, воюя в передних рядах среди простых воинов. Сейчас, наскоро умывшись, он присоединился к военачальникам отца уже не докучливой обузой, а побывавшим в бою воином, что, в общем-то, было правдой.

— Какие будут предложения? — спросил ди-Орт, когда все трое плюс старшие офицеры оказались под одной крышей, заняв центральный зал портовой таверны.

Вечерело. Сражение скоротечно лишь на словах да в пересказе, а на деле оно тянулось достаточно долго, чтобы солнечное утро переросло в затягиваемый облаками закат.

— До рассвета надо дать армии передохнуть, а затем продолжить наступление, — отозвался Дир Абал, внимательно изучая карту Тироля с нанесенными на нее новыми пометками.

— Нельзя дать противнику опомниться, — кивнул Камаль, воинственно положив руку на рукоять сабли. — Из ставки отца скоро подойдет подкрепление, но подойдет оно и к людям шаха. Сейчас они малы числом и их отпор станет еще слабее, чем нынешний. Если же мы протянем пару-тройку дней, то уже сами рискуем

столкнуться с превосходящими силами. Отец не может направить в Тироль всю армию, а значит и рассчитывать на перевес в численности не придется.
— Это все понятно и вопросов с моей стороны не вызывает, — усмехнулся ди-Орт. — Я имел в виду: какие будут конкретные предложения по следующему этапу атаки? Ведь повторить сегодняшнюю тактику мы уже не сможем.
— Почему? — удивился принц. — Обрушим на их укрепления огонь наших орудий, а когда там образуется несколько подходящих брешей, десантные баржи переправят туда воинов. К тому же в нашем распоряжении имеется два моста. Ведь они повреждены лишь на единственный пролет и инженеры вполне способны навести временную переправу.
— Если бы это было так просто, — опередив главнокомандующего, покачал головой Дир Абал. — К сожалению, наш запас Липкого огня не бесконечен. Его мощь позволила нам с умеренными потерями быстро овладеть восточной половиной Тироля, но количество снарядов на исходе. Потребуется время дабы восполнить их запас, а даже будь в нашем распоряжении весь обоз регулярной армии — те шары корабельным орудиям не подходят. Того что осталось недостаточно для полноценного и гарантированно успешного удара, а корабли не должны оставаться совсем без средств нападения.
— Это верно, — с негромким вздохом подтвердил ди-Орт. — Флот вооружался в расчете на уничтожение львиной доли судов Гелетбея и последующего удара по Тиролю, но не более. Свою задачу он практически выполнил. Теперь дело за регулярной армией, куда поступила основная часть Липкого огня. Как бы нам ни хотелось, мы не обладаем им в неограниченном количестве, несмотря на все старания алхимиков повелителя. Вне всяких сомнений это страшное оружие, от которого нет ни защиты, ни спасения, но оно не берется из воздуха. Стало быть, имеющимся у нас войскам придется обходиться собственными силами, за исключением точечного обстрела наиболее важных укреплений противника. В основном же баллисты кораблей перейдут на стрельбу обычными снарядами, оказывая лишь поддержку, а не задавая ход сражения. Что же касается мостов…
— Что касается мостов, то, если мне не изменяет слух, в данный момент катапульты врага заняты разрушением их прибрежной части, — подхватил Дир Абал. — Ох и не жаль им своего же столь достойного творения инженерной мысли?
Людям шаха действительно было безмерно тяжело разрушать пусть и лишь некоторую часть, но того, что было предметом гордости целого государства. Увы, выбора у них не оставалось. До под-

хода подкрепления сами они не в состоянии броситься в контратаку на значительно превосходившие силы Красной саламандры. При этом можно было не сомневаться, что те в свою очередь не преминут воспользоваться мостами для наступления. Скрепя сердце приходилось признать, что восточный Тироль, скорее всего, потерян, но пока в руках воинов Гелетбея остается западный, неограниченное господство Красной саламандры на Шиале будет под вопросом.
— Ясно, — помрачнел Камаль. — Но хватит ли у нас сил атаковать противоположный берег без активной поддержки Липкого огня?
— Именно этот вопрос мы и должны сейчас решить, — заметил ди-Орт. — В нашем распоряжении, — он быстро подсчитал в уме, — осталось около тринадцати тысяч солдат. Заплатить всего двумя тысячами воинов и полдюжиной кораблей за взятие считавшегося неприступным города — мизерная цена. Только реально в бой мы можем бросить не больше одиннадцати, поскольку на оставшиеся две возлагается охрана захваченной части Тироля. На той стороне, если я не ошибаюсь, что крайне маловероятно, нам противостоит от силы тысячи полторы людей Гелетбея, но этого вполне может хватить для отражения лобового штурма в течение пары-тройки дней. А если мы за это время не овладеем Тиролем целиком, то существует значительная вероятность застрять здесь надолго, чем заметно снизить тактическое преимущество наших основных сил. Ниже по течению шах все еще может перебрасывать войска и припасы, и будьте уверены — он не преминет воспользоваться этой возможностью.

Утро застало войска Красной саламандры за работой. Никто не имел права принуждать солдат хана к какому-либо труду кроме ратного, но собственное командование к этому "никто" не относилось. На благо армии работали все, поэтому засучив рукава сотни суровых воинов как ни в чем не бывало стучали молотками, в то время как их товарищи орудовали топорами и пилами. Кодекс чести на нужды собственных подразделений не распространялся. Даже в мирное время армия обеспечивала себя сама, обычно не прибегая к помощи гражданского населения, а уж в военное и тем более. Практически каждый воин помимо боевых навыков умел делать что-то еще, поэтому среди двух с половиной корпусов оказалось немало вполне толковых плотников. Их действиями, в свою очередь, руководили опытные инженеры, внимательно приглядывавшие за изготовлением и установкой нужной оснастки. Сама же оснастка благодаря достаточной численности рук росла как на дрожжах, а строительным материалом служили разбираемые на доски и бревна прибрежные склады и бараки.

С противоположного берега за ходом развернувшихся работ не без некоторого удивления следили защитники западного Тироля. Они ожидали неминуемой атаки, но по всему было видать, что в ближайшее время соединения ад-Сейдина в наступление не пойдут, занятые не пойми чем. Падавший от усталости комендант всю ночь готовил оборону, исходя из полученного опыта, и сейчас имевшиеся в его распоряжении полторы тысячи солдат готовы были стоять насмерть, а заряженные орудия бить прямой наводкой. Его люди встретили рассвет у стен и за боевыми машинами, пристреляв их в наиболее вероятные места нападения. Только вдруг выяснилось, что Красная саламандра почему-то не торопится, предпочитая долбить молотками, нежели штурмовать оставшуюся половину города. А ей бы стоило поторапливаться. Командующий хана уже на деле доказал что не является недалеким простофилей и он должен хорошо сознавать последствия возможной задержки. Исходя из донесений, можно было с уверенностью утверждать, что подмога осажденным прибудет послезавтра, делая невозможным взятие западного Тироля имеющимися у него силами. Раз это знал комендант, читая послания вестовых, почти наверняка сие было известно и командующему врага, наводнившему округу шпионами. И если он не преуспеет в ближайшие два дня, включая занявшийся текущий, то может распрощаться с надеждой овладеть всем Тиролем целиком. Что же он тогда делает, если вместо массированного штурма его солдаты заняты чем-то совсем другим?

К закату замысел военачальника ад-Сейдина наконец-то стал понятен. Тяжелые баржи обросли высокими настилами, удерживаемыми специально установленными опорами. Скар Умин, оценив в подзорную трубу количество и размер появившихся объектов, сложил два и два и сообразил что к чему. Здоровенные баржи, группами и поодиночке, намереваются занять места в продырявленных пролетах мостов. Сооруженные над ними настилы таким образом окажутся прямо вровень разрушенной дороге и по ним легко можно будет преодолеть весь мост от начала и до конца. Идея понятная, но вызывающая вполне закономерные вопросы. Если со стороны захватчиков подобный номер всего с одним отсутствующим пролетом осуществим легко, то неужели командующий хана воображает, что защитники Тироля будут спокойно смотреть на подобный трюк и у их берега? Стоит баржам подойди на требуемое расстояние, как на них немедленно обрушится залп береговых орудий. Сразу их, скорее всего, утопить не удастся, зато это просто гарантировано, если они неподвижно замрут между крыльями моста, стараясь своими навесами образовать цельную

переправу. Да и от самих настилов ничего не останется задолго до того, как баржи пойдут ко дну. Одним словом, чисто технически план очень даже хорош, но было совершенно неясно как военачальник врага намеревается его осуществить.

Хан Гийюр не напрасно послал брать Тироль своего верного ди-Орта, как некогда поручил ему захватить оазис Нирелин. Военачальник никогда не прибегал к бессмысленной жестокости и даже сурово наказывал подчиненных за несанкционированное насилие, но без колебаний мог устроить жуткую резню, если усматривал в ней стратегическую необходимость. То, что даже не пришло бы в голову иному командующему легко воплощалось ди-Ортом. Для пользы дела он одинаково был способен как карать, так и миловать, освобождать непримиримого врага и беспощадно губить мирное население. Несчастный Хал-Амин был тому наглядным примером, равно как и многие другие случаи, обычно укрывавшиеся от внимания летописцев за ширмой отвлекающих событий. Комендант Тироля и представить не мог с чем ему надлежит столкнуться, когда на следующее утро груженые баржи ад-Сейдина наконец-то выдвинулись на позиции, но остановились немного не доходя зоны поражения метательными орудиями. От них, полоща на свежем ветру белым флагом, отделилась небольшая лодочка и шустро полетела к западному берегу. Воздушные массы уже не наседали так, как несколько часов назад, но их уверенный напор все еще сохранялся, отчего суденышко с надутым до отказа парусом шло на внушительной скорости. Ночью прошла гроза, обильно полив землю значительным количеством влаги. Впрочем, на грядущий штурм это никак не могло повлиять, поскольку набережные Тироля давным-давно оделись в камень и раскисшая грязь попросту отсутствовала. Разве что бдевшие на боевых постах защитники основательно промокли, опасаясь нападения под покровом ливня и темноты, и теперь, поеживаясь и кляня надоевший ветер, с недоверием поглядывали на приближавшегося парламентера. Пользуясь своим статусом, лодочка беспрепятственно причалила к берегу, и из нее вышел офицер в сопровождении двух солдат. Ворота посланцу врага открылись, едва он приблизился к их окованным створкам.

Посланец пожелал видеть коменданта. Скар Умин, кутаясь в форменный плащ, принял парламентера в сторожевой башне, которую сделал своим временным командным пунктом. Поседевшая от времени и пронизывающих ветров, она заметно возвышалась над всеми прочими, неся в своей верхней части сигнальные огни. Обменявшись сдержанным церемонным приветствием, комендант осведомился о цели визита прибывшего воина с нагрудным зна-

ком Красной саламандры.
— Главнокомандующий войском Великого хана Гийюра ад-Сейдина, его превосходительство Тигран ди-Орт передает вам свое уважение ввиду героического поведения защитников города, — козырнул офицер. — Также мне поручено передать вам это послание и дать соответствующие пояснения, если его содержание вызовет какие-либо вопросы.
Сказав так, он тут же умолк с бесстрастным лицом, явно намереваясь дождаться пока комендант ознакомится с содержанием врученного ему письма. Помедлив, Скар Умин распечатал бумагу и быстро пробежал ее глазами. Когда он закончил, его лицо стало белым как мел. Старшие офицеры с тревогой наблюдали за этой произошедшей переменой. Дрогнувшей рукой комендант передал им бумагу и ошеломленно воззрился на посланника Красной саламандры.
— Но это же чудовищно, — прошептал он обескровленными губами. — Вы не осмелитесь на такое злодейство.
— Вопрос заключается в том, осмелитесь ли на него вы, — ровным голосом ответил прибывший офицер, искоса наблюдая за реакцией командиров противника.
По мере чтения те издавали невольные возгласы, свидетельствующие об их сильнейшем душевном волнении.
— Как прикажете вас понимать? — негромко осведомился Скар Умин, поражаясь хладнокровию врага.
— Ведь не мы утопим эти баржи, а вы, в случае если откроете по ним огонь. И не мы перебьем мирное население собственного города, а вы, если вздумаете стрелять по марширующим через мосты колоннам, — пояснил офицер. — Его превосходительство Тигран ди-Орт ручается своей честью, что по его инициативе ни один волос не упадет с головы граждан Тироля. Ни один воин Великого хана не посмеет тронуть никого из них, и лишь ваши орудия и ваши люди способны принести им смерть, взять на себя ответственность за гибель тысяч своих соседей и родных.
— Честь?! — невольно воскликнул комендант. — Да разве может быть честь у того, кто способен на такое чудовищное злодеяние?!
— Вопросы добра и зла относительны, — пожал плечами парламентер. — Однако же до вас наверняка дошли слухи, что Великий хан и его представители всегда держат данное слово. А что может быть более честным и благородным, чем блюсти это незыблемое правило? Его превосходительство гарантирует свободу и неприкосновенность всем жителям Тироля, а также всем тем, кто сложит оружие. Вместе с тем он заверяет, что в случае сопротивления ваши солдаты перебьют столько собственных граждан, сколько

окажется в зоне их поражения. Вам не выдвигают ультиматум и не делают какое-либо предложение, хотя капитуляция с вашей стороны полностью позволит избежать грядущих жертв. Вас просто ставят в известность о текущем положении вещей, а как уж следует в таком случае поступить — целиком и полностью ваш выбор.

От этих слов Скар Умину стало по-настоящему жутко. Вместо переговоров ди-Орт попросту сообщил коменданту о своих намерениях, даже не собираясь дожидаться когда ему передадут что тот о них думает. Если верить посланию, баржи вот-вот выдвинутся на позиции, а по мостам…

— Сколько у нас времени? — севшим голосом спросил Скар Умин, невольно посмотрев на большие настенные часы.

Это творение искусного механика теперь раздражающе громко тикало, каждой своей секундой напоминая о надвигавшемся кошмаре.

— Не более десяти минут, — ответил офицер. — Этого вполне хватит чтобы известить ваших людей о принятом решении. Полагаю, они его не ослушаются.

Набирая ход, тяжелые баржи Красной саламандры вошли в зону поражения боевых машин западного берега. Они шли достаточно неторопливо, чинно направляясь к заранее определенным местам в разрушенных пролетах каменных мостов. Приблизившись, баржи сбавили скорость и на веслах медленно развернулись в нужное положение. Затем еще медленнее переместились на заданные позиции и остановились, надежно заякорившись со всех сторон. Установленные на них высокие надстройки образовали практически единое целое с разорванной каменной артерией. Возведенный накануне деревянный настил связал оба берега прямой дорогой. Разумеется, он не был идеален, имея небольшую ступенчатость по высоте и незначительные разрывы на стыках из-за воздействия волн и общей сложности конструкции. Тем не менее, его вполне были способны преодолеть не только тренированные воины, но даже женщины и дети.

Береговые орудия молчали. Они давным-давно могли бы открыть прицельный огонь, и даже если бы баржам удалось добраться до места назначения, то там бы они и отправились на дно, разбитые многочисленными каменными глыбами. Сейчас баржи находились совсем неподалеку от западного берега и, тем не менее, по ним не было выпущено ни одного снаряда, хотя более удобной неподвижной мишени и представить трудно. Ни о каком саботаже речь не шла. Боевые машины шаха пребывали в полной исправности, заряженные и готовые к битве. Запаса снарядов

хватило бы на несколько продолжительных штурмов, а орудийные расчеты в полном составе дежурили на своих постах. Однако они почему-то бездействовали, хотя стоило лишь подкорректировать траекторию и спустить механизм, как здоровенный камень отправится прямо на свидание с ничем не защищенной баржей. Можно было предположить, что они просто дожидаются приближения врага, чтобы накрыть его прямо на мосту массированным залпом. Тот как раз показался с восточного берега, выступив широкими колоннами, заполонившими оба моста от края до края. Эти колонны прошли первый разрушенный с их стороны пролет, миновали центр реки и приблизились к образованному плавучему настилу. Беспрепятственно ступив на него, они хлынули по импровизированной переправе и вскоре достигли западного берега. Стрелки бездействовали, словно заговоренные неведомой силой, даже когда первые ряды колонн шагнули на набережную; орудия молчали. Можно было подумать, что их одновременно накрыло некое могущественное колдовство, обездвижившее тела и парализовавшее волю. Впрочем, догадка в известном смысле была верна, хотя никаких чар на защитниках Тироля не было и в помине. Кроме, разве что, естественных природных чар любви к близким, на которые и сделал ставку Тигран ди-Орт.

Замысел командующего Красной саламандры оправдал себя полностью. Воины шаха оказались не в силах открыть огонь по собственным соседям, собственным семьям. Переходившие Шиалу колонны состояли не только из людей ад-Сейдина. Среди них, удерживаемые легкими, но крепкими путами понуро брели пленники, в изобилии захваченные в восточной части Тироля. В мужчин, возможно, солдаты Гелетбея еще отважились бы стрелять, но они не могли сделать тоже самое в сопровождавших шеренги врага женщин и детей. Именно поэтому не отправляли они на дно и баржи, ибо каждая была набита пленниками до отказа. Ни одна рука не поднялась выпустить снаряд, способный вынести приговор сотням невинных жизней. Это подразумевал парламентер, когда подчеркнул кто именно осмелится на злодейство. Солдаты хана не причиняли гражданским лицам никакого вреда и даже не держали их в заложниках, намереваясь убить, если западный Тироль не капитулирует. Они использовали их как живой щит. О да, ди-Орт рассчитал все правильно. Угрожай он расправиться с населением восточного Тироля самостоятельно, защитники вполне могли сохранить мужество даже перед лицом столь чудовищной перспективы. Ди-Орт поступил по-другому. Он создал такую ситуацию, в которой воины Гелетбея будут вынуждены делать это собственноручно. А это совсем, совсем иное. Ведь это были не

просто беззащитные граждане. Здесь, в Тироле, жили их соседи, их друзья, их семьи. Массовые казни вместо ожидаемого результата способны дать совершенно обратный эффект и лишь подогреть ярость защитников, довести отчаявшихся воинов до лютой ненависти и исступления. Но казни совершенные врагом. Гарнизону Тироля предлагалось сделать это лично. Психика защитников не выдержала. Ни один стрелок не спустил механизм боевой машины, прекрасно сознавая, что ее жертвой может стать близкий ему человек или близкий его товарищей. Жестокий, но действенный план ди-Орта сработал безукоризненно.

Уже находясь под самыми стенами, возвышавшимися за широкой наклонной набережной с многочисленными причалами, солдаты ад-Сейдина разрезали путы, удерживавшие пленников. Те, видимо заранее проинструктированные, со всех ног бросались прочь ниже по течению Шиалы. Им никто не препятствовал. Без кровинки в лице, пребывавшие на стенах защитники все еще не отваживались стрелять даже из луков, боясь сразить кого-нибудь из гражданских. Пользуясь их замешательством, группа солдат ад-Сейдина оказалась прямо под воротами, где установила какое-то устройство. Затем, повинуясь сигналу, ближайшие ряды быстро отступили. Когда закрепленный на воротах внешне ничем не примечательный ящик сработал, исторгнутый им Липкий огонь образовал настоящее пекло, позволив сокрушить преграду не прибегая к тарану. Провернуть давеча нечто подобное у внешней стены командующий Красной саламандры не решился. И несколько ящиков, примененных последовательно и со значительной временной задержкой, не смогли бы пробиться через двойные раздельные ворота, между которыми имелся целый ряд находившихся на некотором удалении друг от друга решеток. При этом обороняющиеся церемониться бы не стали, и обрушили на ханских солдат весь имеющийся у них арсенал. Даже в случае отнюдь не гарантированного успеха потери получились бы чрезмерно велики, поэтому командующий предпочел сделать ставку на десант. Конечно, можно было и совместить, но зачем попусту расходовать ресурсы, если итоговый результат будет тот же, а ущерб не станет меньше? А вот с пусть и массивными, но одинарными воротами внутренней стены такой прием сработал и Липкий огонь проел достаточную дыру для того, чтобы критично ослабить единственную преграду. К тому же внутренние ворота имели створчатую конструкцию, распахивавшуюся классическим образом, в отличие от внешних, представлявших собой цельный монолит и перемещавшихся вертикально. Поврежденные раскаленным пеклом засовы сдали. Огонь еще пылал, когда солдаты ад-Сейдина ударили по полуразрушен-

ным воротам переносным тараном. Всего несколько замахов — и они распахнулись, с грохотом теряя обваливавшиеся части. Там, внутри, под высокой сводчатой аркой их уже ждали дрожавшие от гнева защитники Тироля. Прозвенели спущенные тетивы множества луков, и первые ряды нападавших полегли, усеяв пространство у ворот своими телами. Теперь воины Черного буйвола не боялись попасть в беззащитных женщин и детей, и наконец-то нашли выход бурлившим в них чувствам. Бой, который они дали захватчикам, был заведомо обречен на поражение. Полторы тысячи человек не могли победить одиннадцать тысяч, как бы храбро и яростно они не сражались. Вместе с тем они дали понять на что способны разъяренные мужья и отцы. Это был единственный просчет, допущенный ди-Ортом. Гарнизон Тироля не капитулировал ввиду бессмысленности дальнейшего сопротивления, когда сначала через одни, а затем и через другие ворота в западную часть города устремились волны атакующих. Многими жизнями пришлось заплатить командующему ад-Сейдина за эту победу. Защитники города полегли едва ли не поголовно, и уцелели лишь не способные сражаться раненые да упавшие в беспамятстве. С собой они прихватили всех кого только смогли.

Утром следующего дня ввиду внешних стен западного Тироля показались многочисленные шеренги спешащей подмоги. Увы, то что они узрели разом обескуражило тысячи сердец, исторгло вздох уныния не из одной серебрившейся доспехами груди. Над башнями обоих частей некогда неприступного города развевались знамена Красной саламандры.

– 3 –

Воспоминаниям о минувших событиях предавалась не одна Сирелина, мирно дремавшая в далеких северных топях в компании сестры чародейки и самой настоящей ведьмы. Лежа при свете единственной тускло чадившей свечи, ворочался, кряхтя, старый шейх Арбах ан-Бакир. Практически неотлучно находясь в глубоких подземельях дворца ад-Сейдина, сам он в событиях внешнего мира не участвовал, но обо всех новостях ему рассказывала любимая внучка Илиана. Они встречались не менее двух раз в неделю, и Иля передавала ему все о чем ей доводилось услышать, хотя многое старик воспринимал очень тяжело. Только не подавал виду, дабы не расстраивать девочку. Впрочем, какую там девочку… Девушку. Даже привыкший глаз ан-Бакира уже не мог отрицать очевидное. Одиннадцатилетний ребенок, ибо в прошлом месяце Илиане якобы исполнилось одиннадцать, выглядел теперь на все

восемнадцать, а уж умственным развитием казался и того старше. Старый шейх не находил объяснения подобному феномену, особенно если учесть что внучка до сих пор уделяла внимание куклам, бережно хранившимся в ее укромном убежище, и иной раз болтала совершенно по-ребячески. Не так, конечно, как раньше, но в ней еще сохранялись повадки присущие ее предполагаемому возрасту. Вот только с каждым днем их становилось все меньше и меньше. Еще немного, и однажды вечером ан-Бакир увидит перед собой совершенно взрослую девушку, каким-то непостижимым образом выросшую вдвое быстрее чем положено природой. И вечер этот, по всей видимости, был не за горами. Шейх, шурша матрасом, снова повернулся на другой бок, ведя себя так, будто его одолевали живущие в постели насекомые. Ничего подобного, разумеется, не было и в помине, но старику все же не спалось. На условия его содержания жаловаться не приходилось, однако отнюдь не недостаток комфорта являлся причиной его бессонницы, а назойливые угрюмые мысли. Одна лишь Илиана была в них огромным светлым пятном. Все остальное занимала мрачная и тревожная действительность.

С тех пор как ан-Бакир, заключив сделку не столько с ханом, сколько со своей совестью, вместе с другими Хранителями подрядился изготавливать Липкий огонь, он неоднократно думал о последствиях своего поступка. Разговоры с внучкой, сообщавшей ему последние новости, лили на сердце старика расплавленное олово, ввергая его в глубочайшее уныние и пытая каленым железом мятущуюся душу. От таких переживаний и не в столь преклонном возрасте запросто можно было сойти в могилу, а шейху уже исполнилось девяносто три. Вместе с тем, несмотря на не самый полезный для здоровья образ жизни, он был на удивление крепок и полон сил. Они, казалось, не убывали, а постоянно восполнялись самым непостижимым образом, словно старик подпитывался от некого неведомого источника. В его роду хватало долгожителей, поэтому сам по себе такой почтенный возраст удивления ни у кого не вызывал. Необычной была присущая ему живость, появившаяся несколько лет назад еще в Нирелине. Уже тогда близкие замечали, что ан-Бакир вдруг стал выглядеть лучше, чем обычно, будто разом сбросил с десяток годков. Он и сам помнил то время и приписывал омолаживающий эффект общению с приемной девочкой, к которой привязался всем сердцем. Вероятно, и теперь именно она держала его на плаву, являясь единственной отрадой. Ее ласковые сиреневые глаза всегда так согревают старика, когда им позволяют видеться! Он прямо-таки ощущает исходящие от них волны любви, а малейшее прикосновение вызы-

вает в нем заметный прилив энергии, заставляя держаться несмотря ни на что. Ох, другой судьбы хотел бы ан-Бакир для Илианы, а не оказаться заложницей его повиновения ад-Сейдину. Впрочем, возможно именно для нее не так уж все и плохо. Волею судьбы внучка стала лучшей подругой младшей дочери самого хана и ближайшим к ней человеком. А такое покровительство что-нибудь да значит, особенно когда с ан-Бакиром рано или поздно что-то произойдет. Скорее всего, просто годы возьмут свое раньше, чем ад-Сейдин перестанет в нем нуждаться, но в целом крайне маловероятно что шейх снова очутится на свободе. Илиане нужен новый любящий наставник и в этом плане старик возлагал большие надежды на чародейку Сирелину. Та, судя по всему, привязалась к девочке не меньше чем он сам, и внучка отзывалась об этой женщине лишь в самых теплых выражениях. Близость же к принцессе дает Иле хороший шанс избежать любых репрессий со стороны хана, буде таковые последуют в случае изменений в жизни Хранителей. Если ад-Сейдин решит однажды избавиться от опасных носителей тайны Липкого огня, внучку шейха может не затронуть чаша сия благодаря заступничеству Талары. Впрочем, кто знает что произойдет, если уже случилось то, что еще совсем недавно казалось невозможным?

Старику было очень тяжело сознавать, что благодаря его малодушию армия Красной саламандры сеет страдания и смерть, повергая одну страну за другой и подчиняя ханской воле государство за государством. Ан-Бакир попался на ту же удочку что и защитники Тироля, понимавшие чем грозит полная потеря города и, тем не менее, не сумевшие стать причиной гибели своих близких. Им, впрочем, в известном смысле было легче — они погибли и более не страдали, а вот старый шейх постоянно терзался муками совести, ежедневно отягощаемой все новыми жертвами.

На одном Тироле хан Гиюйр, разумеется, не остановился. Быстрый захват этого чрезвычайно важного города позволил ему полностью разъединить земли шаха Гелетбея пополам, лишив их возможности приходить друг другу на помощь людьми и ресурсами. Шах все еще обладал значительным войском и припасами, но образовавшаяся разрозненность поставила армию Красной саламандры в несравнимо выгодное положение. Она могла непрерывно подтягивать армейские соединения и обозы, в то время как Гелетбей был сильно стеснен в любом виде подкреплений. Заняв Тироль, хан незамедлительно укрепил его подошедшими войсками, лишив полководцев Черного буйвола всякой надежды отбить город обратно. Северные Водные врата полностью уцелели и теперь открывались лишь для того, чтобы пропустить корабли Красной

саламандры и ее союзников, обретших на реке абсолютное господство. У шаха уцелели лишь те суда, которые он смог вывести на север за пределы своей страны и куда ад-Сейдин еще не осмеливался соваться. Во всем остальном у него не осталось на Шиале ни единой лодки крупнее рыбацких суденышек. Их еще можно было использовать для перевозки курьеров и мелких грузов, но о каком-либо серьезном перемещении людей и товаров не шло и речи.

Хан торопился закончить кампанию до конца осени. Прежде казалось невозможным захватить столь обширные территории, надежно охраняемые внушительной армией и флотом даже за куда больший срок, но после уничтожения кораблей шаха и падения Тироля ситуация резко переменилась. Войска Гелетбея заметно уступали в численности Красной саламандре, в составе которой присутствовало немало отрядов Зеленой ящерицы и Желтой пумы. Вместе с тем сплошь и рядом победа на поле брани решалась отнюдь не количеством. Шах, пожалуй, являлся для ад-Сейдина наиболее опасным противником. Именно поэтому сразу после владений ан-Нуадона и Уль Диона он двинулся на Черного буйвола, заключив союз с эмиром Дирзунским, хотя логичнее выглядело бы продолжить завоевания непосредственных соседей, особенно располагавшихся к востоку от Железных земель. Хан Гийюр думал иначе. Позже он сможет разгромить этих соседей в любой момент, тем паче что они предпочтут добровольно примкнуть к его новой империи на предложенных условиях. Зато Гелетбей, чего доброго, успеет хорошенько подготовиться, когда экспансия логическим образом дойдет и до него, да еще сам заключит военные союзы с сопредельными государствами. Шах контролировал львиную долю центра Южных земель, от которого открывались дороги во все стороны. Сокрушив его, ад-Сейдин ликвидировал наиболее сильного противника, способного ему противостоять, и обретал возможность стратегического маневрирования по громадным территориям. Разросшись с юго-запада на северо-восток, империя хана Гийюра могла выбирать куда ей двигаться дальше: на юг, на восток, на север или добить остатки запада. Не того Запада, разумеется, который лежал за обширными горными хребтами Желтой пумы, богатого крупными городами, морскими флотилиями и высокоразвитой просвещенной культурой, изобиловавшего королями, замками и рыцарями, а запада Южных земель. Севернее владений эмира Аешского и эмира Бушерского находилось еще несколько разрозненных стран, но уровень их развития и экономические ресурсы не представляли первостепенного интереса. Когда все закончится, их, как и многие другие южные государства мож-

но будет присоединить без особых усилий. В итоге соседи-кочевники и вполне себе мирные эмираты ад-Сейдина не беспокоили. Избавившись от Гелетбея, при желании вполне способного на собственную экспансию, у Красной саламандры оставался всего один весомый соперник — хан восточных земель, именуемых Зелистаном. Однако ад-Сейдин имел здесь особый расчет. Ходили небезосновательные слухи, что он намерен заключить брачный союз между старшим сыном Зелистанского хана и одной из своих дочерей. После этого, согласно договоренностям, земли обоих государств объединятся на родственных началах и наследники Зелистана займут высочайшие посты в новой империи. Разумеется в случае провала этих планов дело наверняка закончится затяжной войной, поскольку обширные пространства Зелистана на раз-два не захватишь. Вместе с тем этой борьбы не желал ни один из ханов. Зелистан представлял собой Железные земли прошлого, до того как дед ад-Сейдина начал заметные и полезные экономические и административные преобразования, увеличившие процветание государства. Их культура и обычаи были схожими, и даже предки прослеживались общие. Лишь расстояние и нововведения последних владык Ста городов разделяли их между собой, да собственные правящие династии. Ад-Сейдин надеялся что Зелистан, породнившись с Великим ханом, примет его условия и порядки новой империи, сохранив собственную ханскую ветвь и значительную автономию. До поры, когда общие наследники обоих домов окончательно сотрут различия между странами. Как только предполагаемый зять хана Гийюра займет трон отца, Зелистан полностью войдет в орбиту влияния Железных земель и полноценно вольется в новую империю. Его наследник станет внуком ад-Сейдина и ближайшим кровным родственником верховного правителя необъятных территорий со всеми вытекающими. Если же не выйдет, то, помимо войны, всегда остаются средства вроде того, каковое блестяще провернул ди-Орт в эмирате Бушер. Свергнувший своего дядю принц Рахман, по взошествии на престол взявший новое имя Саргал, присвоил себе не только все привилегии его фамилии, но и почти все прежние владения, а Красная саламандра вместо сепаратного мира получила верного вассала и союзника. Зелистанский хан, впрочем, человек пожилой и рассудительный, вряд ли доведет дело до такой крайности и предпочтет слияние родственных по духу государств на справедливых и достойных условиях. Особенно если его потомки будут править новой империей по правую руку от Великого хана и, кто знает, может быть однажды ее и возглавят. Если с собственными прямыми наследниками ад-Сейдина что-нибудь случится, то брачный союз де-

лал такую перспективу отнюдь не мифической. Внук хана Гийюра, пусть и по женской линии, вполне способен законно занять трон своего деда.

В общем, именно в силу совокупности означенных факторов Красная саламандра предпочла побыстрее обрушиться на Черного буйвола, нежели расползаться по периферии. Те же кочевники на диких прериях юга вплоть до самого Дарнейского океана хана Гийюра и вовсе не интересовали. Ему было проще поддерживать с этими бедуинами нейтралитет, позволяя жить собственной неприхотливой жизнью и ведя привычный товарообмен. Позже, когда понадобится основать новый портовый город в устье Идлиса, вопрос с кочевыми племенами так или иначе будет поднят, но когда еще до них дойдет очередь... Сейчас требуется до наступления зимы покончить с шахом и развернуть в середине Южных земель мощнейший плацдарм создаваемой империи.

Зима фигурировала в планах ад-Сейдина не случайно. Липкий огонь при всем своем неукротимом безумии не мог влиять на погоду, а во владениях Гелетбея в холодное время года уже не только иногда выпадал снег, но и Шиала в северных приграничных областях покрывалась льдом. Конечно здесь не мело так, как в северных королевствах, до которых, кстати, оставалось не так уж и далеко, но круглогодичное тепло Железных земель находилось далеко позади. Поступавший с Дарнейского океана и Калихари нагретый воздух все еще не давал развернуться северным воздушным фронтам, но с холодами теперь приходилось считаться. Будет очень плохо, если армия ад-Сейдина станет на зимовку до того, как покончит с правлением Гелетбея. Особенно если учесть, что прекратившееся судоходство окажется шаху очень даже на руку, ведь скованная льдом Шиала послужит отличной переправой для переброски застрявших в западной части страны войск.

Ан-Бакир снова перевернулся, хмуро потирая нывший из-за продолжительного бессонного лежания бок. Почему? Ну почему его предки не уничтожили Липкий огонь, навсегда похоронив его тайну в собственных могилах? Преемственность и традиции из надежной охраны уединенного оазиса превратились в катастрофу для внешнего мира. Хан Гийюр, скорее всего, развязал бы войну и без столь мощного оружия, но это была бы обычная захватническая война, кончившаяся как максимум некоторым расширением территорий, либо же растянувшаяся на десятилетия. Теперь же властелин Железных земель победным маршем шествовал через все Южные земли, сжигая их в пламени Липкого огня и сея вокруг себя смерть и страдания. А по мере своего продвижения не только не терял силы, но и наращивал, поскольку, глядя на его голово-

кружительные успехи, слишком многие возжелали присоединиться к пиршеству и получить свой кусок пирога. Чего стоили одни прославленные лучники Зеленой ящерицы! Появляясь словно из-под земли, они осыпали противника градом стрел и столь же стремительно уносились прочь на своих быстрых лошадях. Подобная тактика могла измотать любого врага, держа его находившиеся на марше отряды и малые гарнизоны в постоянном напряжении. Ад-Сейдин блестяще использовал людей аль-Дани для нанесения молниеносных ударов по группировкам и обозам Гелетбея, а так же для патрулирования местности наряду с собственной легкой кавалерий. Лучники Зеленой ящерицы, прикрываемые мобильными соединениями ад-Сейдина, стали для шаха настоящим кошмаром. А чего стоило подлое предательство принца Рахмана (ныне Саргала), коварно убившего своего дядю и его ближайших сподвижников в ходе кровавого дворцового переворота? Сулейман Уль Дион ненавидел наглых захватчиков и вполне мог вовремя выступить на стороне Гелетбея, запалив в тылу Красной саламандры хорошенький пожарчик. Вместо этого Голубая щука, эмблема эмирата Бушер, теперь очень кстати поставляет ей корабли и припасы. Как раз в тот момент, когда запасы Липкого огня ханской флотилии истощились, на подмогу явились суда новоявленного Уль Диона, окончательно закрепив господство Красной саламандры на Шиале. Более того, негодяй Саргал взял на себя труд обеспечить лояльность северных и западных соседей, не без выгоды для себя, разумеется. В результате западная часть страны Гелетбея оказалась практически в изоляции. А разве смог бы ад-Сейдин одержать столь внушительную победу при Гибине, кабы его орудия не плевались Липким огнем словно вышедшие прямиком из преисподней исчадия ада? И ведь это он, он — ан-Бакир! — собственноручно способствовал его великому торжеству.

При всех произошедших сражениях старый шейх, разумеется, не участвовал, но рассказы Илианы и его разошедшееся воображение вполне были способны воссоздать детали. В летописях хронология тех событий указывалась достаточно подробно с весьма недурными художественными оборотами, но вряд ли они сильно разнились по насыщенности повествования с вставшими перед внутренним взором ан-Бакира видениями. Ему не надо было присутствовать лично для того, чтобы понимать насколько чудовищный эффект можно получить одновременно запустив на позиции противника десятки больших сфер Липкого огня. Стремясь не дать захватчику закрепиться на ключевых рубежах, Гелетбей собрал половину имеющихся у него войск и попытался ударить по Красной саламандре, фронт которой на тот момент был основа-

тельно растянут. Его замысел, разумеется, не укрылся от хана Гийюра и он, желая как можно быстрее столкнуться с войсками шаха, даже потворствовал ему, не стянув к своей ставке дополнительные корпуса, дабы не отпугнуть противника. Только это отнюдь не означало, что ад-Сейдин должным образом не подготовился.

Гелетбей справедливо предположил, что хан нацелился на Гибин — большой хорошо защищенный город. Его взятие создаст завоевателям серьезный плацдарм, выстраивавшийся в единую линию от Тироля слева до пограничной крепости Хивин Гол справа. С этого плацдарма Красная саламандра сможет концентрировать силы в любом месте и выбирать направление удара по своему усмотрению. Впрочем, таковой удар, скорее всего, непременно последует на столицу, до которой после Гибина не останется равных ему по силе укреплений. Не дожидаясь пока хан Гийюр соберет войска в кулак и обрушится на означенный город, шах выслал ему на перехват половину своей армии. Он бы выслал и всю, да ввиду столь стремительного развития событий попросту не успевал.

Ханская ставка расположилась подле неглубокой речушки ввиду большого пустынного холма, возвышавшегося среди обширных цветущих лугов. Стратегически выгоднее было бы занять непосредственно сам холм, но ад-Сейдин предпочел обосноваться возле воды и небольшого перелеска, преспокойно поджидая армию Гелетбея. Та в свою очередь решила не упускать столь кстати подворачивавшийся случай выйти на подходящую высоту, и однажды утром так и сделала, под покровом ночи подступив вплотную к войскам Красной саламандры. Полководец шаха наверняка до последнего полагал, что хан Гийюр допустил серьезный просчет, выбрав для лагеря неподходящее место, хотя его обоснованность тоже была понятна. Только вот ад-Сейдин отнюдь не просто так позволил противнику занять господствующую позицию. Причина выяснилась довольно скоро.

При штурме Нирелина экспедиционный корпус ди-Орта на собственной шкуре оценил чудовищный эффект оружия защитников оазиса. Ад-Сейдин заполучил Липкий огонь, но он в основном использовался при осадах и стрельбе прямой наводкой по крупным мишеням. В полевом сражении, когда две армии бьются стенка на стенку, фронт смещается, а их подразделения постоянно маневрируют, толку от стеклянно-металлических сфер было немного. Инженеры хана, разумеется, вовсю старались адаптировать захваченные в Нирелине малые шары для военных нужд, но дело у них пока что не ладилось. Причин для этого хватало. Защитники Нирелина с математической точностью стреляли стацио-

нарно закрепленными орудиями по одной и той же до последнего ярда знакомой местности, ограничиваясь не такой уж большой по расстоянию зоной поражения. Их система обороны действовала как единый комплекс, выверенная за сотни лет едва ли не до дюйма. Хану же требовалась куда большая дальнобойность и уж никак не из неподвижных стволов. Для защиты крепостей опыт Нирелина, безусловно, был бесценен, но ад-Сейдину в первую очередь требовалось оружие для ведения прямых боевых действий. А здесь ему пока что приходилось ограничиваться обычными снарядами, изрыгавшими раскаленное вещество лишь при ударе непосредственно о цель. Все эксперименты инженеров до сих пор завершались неудачей: разброс и дальность срабатывания сфер оставались слишком непредсказуемыми. Они старались на совесть, но хан уже получил их отчет, в котором говорилось что для успешного применения иного типа шаров скорее всего понадобится и иной тип запускающей оснастки. Ад-Сейдин велел начать разработки, обеспечив инженеров необходимыми средствами, и те немедленно приступили к изысканиям, взяв за основу полые металлические каналы с пружинами из Нирелина. Тем не менее, до сих пор в распоряжении Красной саламандры имелись лишь традиционные баллисты, катапульты и требушеты, вполне способные наносить ужасающий урон крепостям, прожигая в них огромные бреши, но довольно бестолковые в открытом поле. Однако хан рассудил, что в качестве цели вполне может послужить любой неподвижный объект. Главное — чтобы на нем находился неприятель.

Ад-Сейдин атаковал возвышенность первым. Ему важно было образовать необходимый рубеж на строго заданном расстоянии. Сошедшиеся у подножия холма шеренги воинов схватились насмерть, под ясным безоблачным небом завязался ожесточенный бой. С той и с другой стороны противника поливали многочисленные лучники, расположившись позади бившихся врукопашную солдат. Полководец Гелетбея поставил своих на холме, откуда они имели бесспорное преимущество, посылая стрелы значительно дальше. Там же располагался его штаб и резервы, по мере развития событий направляемые на тот или иной фланг. Кавалерия шаха, обогнув холм, ринулась на позиции Красной саламандры с его восточного бока. Ее встретили всадники Хиврана, и этот военачальник хана оправдал оказанное ему доверие: наступление врага захлебнулось, и тот вынужден был ретироваться для перегруппировки. Его не преследовали. Хивран получил совершенно четкие указания от повелителя и строго их придерживался. Отведя своих людей на видное место, он приготовился к развитию событий. А

они вскоре последовали.

Лучники Гелетбея досаждали изрядно, но ад-Сейдин отнюдь не собирался с этим мириться. Ведь не зря же он позволил полководцу шаха занять возвышенность, которую теперь зачем-то штурмовал. Спускавшиеся с холма свежие полки почти не давали образовавшемуся фронту продвигаться, но от солдат Красной саламандры требовалось просто не сдавать позиции. Появившийся на гребне второй эшелон конницы готовился лавиной обрушиться на врага и нанести стремительный удар, однако полководец Черного буйвола не успел до конца реализовать свое ожидаемое намерение. Удар с фланга, вероятно, служил целью отвлечь легкую кавалерию ад-Сейдина от центра, куда и собирались броситься основные силы. Хан же, словно не замечая готовящегося маневра неприятеля, даже не пытался перестраивать войска. Лишь его солдаты под шумок все ближе подтягивали катапульты, следуя из перелеска к ожесточенно рубившейся передовой. На стороне Черного буйвола боевых машин не имелось. Тяжелые орудия замедляли подразделения на марше, а в открытом бою от них все равно было мало толку. Шах традиционно рассчитывал на пехоту, лучников и кавалерию, и вполне мог бы ими преуспеть, кабы орудия ад-Сейдина стреляли обычными каменными глыбами. Трудно сказать чем бы закончилась эта битва, если бы хан Гийюр не задействовал катапульты. С другой стороны, его тактический расчет на них и строился, и без боевых машин он избрал бы другую стратегию. Так или иначе, история не знает сослагательного наклонения и имеет дело со свершившимися фактами. А факты были таковы, что в один прекрасный момент заранее пристрелянные дальнобойные орудия хана, щедро поставляемые ему эмиром Аешским, дружно разрядили содержимое своих лож по вершине холма. Под ногами лучников Гелетбея и рядами готовившейся к атаке конницы разверзлась преисподняя. Попавшие в эпицентр раскалывавшихся больших осадных сфер мгновенно обращались в пепел. Оказавшиеся на периферии, объятые пламенем, с душераздирающими криками метались из стороны в сторону, внося сумятицу в и без того поднявшийся хаос. Насмерть перепуганные лошади, шарахаясь от свирепо ревущего пламени, выжигающего в земле громадные ямы, не слушая наездников бросались кто куда, топча своих же воинов. Стройные ряды резерва нарушились. По всему холму к небу вознеслись столбы огня, повеяло нестерпимым жаром.

Военачальники хана только и дожидались когда раскаленная дьявольская смесь покинет тускло поблескивавшие сферы и плеснется на ряды ничего не подозревавших воинов Гелетбея. Из-за бушевавшего огненного вихря уцелевшие лучники Черного буйво-

ла более не могли стрелять, равно как кавалерия напрочь лишилась возможности лавиной устремиться в атаку. Рубившиеся у подножия холма солдаты шаха разом лишились какой бы то ни было поддержки. В этот момент в бой вступили свежие силы ад-Сейдина. Из задних рядов на передовую выдвинулись новые корпуса, сменяя утомленных схваткой бойцов. Подходившие колонны раздвигали строй сражающихся солдат, отступавших между рядами товарищей, немедленно смыкавшихся сразу у них за спиной. Линия столкновения резко сместилась выше, где позади воинов Гелетбея возник заходившийся жаром огненный заслон. Оставшиеся без прикрытия, слышавшие ужасные вопли с вершины холма солдаты шаха дрогнули. Катапульты ад-Сейдина, успевшие продвинуться вперед еще на несколько десятков ярдов, исторгли второй залп, окончательно превративший возвышенность в пламенеющий ад. Из-за чудовищной температуры горела сама земля, и те кого не коснулась страшная длань Липкого огня, кому повезло не попасть в объятия огненного вихря теперь беспорядочно отступали кто куда, стремясь избежать разверзшейся преисподней. Огибая холм, с фланга налетела только и ждавшая этого легкая кавалерия Хиврана. Следом за ней, развивая образовавшийся прорыв, ринулись гвардейские корпуса ди-Шеррифа.

Фактически, фронт у подножия возвышенности оказался брошен на произвол судьбы. Отступать солдатам Гелетбея было решительно некуда, поскольку позади них бушевало лютое пламя, чьи жадные красно-оранжевые пальцы распространялись все дальше по земле, поджигая сухую траву и ползя вдоль стеблей змейками дыма. Слева и справа их отрезали выдвинувшиеся фланги Красной саламандры. Само же местонахождение центра Черного буйвола из преимущества превратилось в недостаток. Очутившись на пологом склоне, воины шаха стали отличной мишенью для лучников Зеленой ящерицы, спокойно выпускавших стрелу за стрелой через головы союзников. В рядах попавших в ловушку отрядов Гелетбея началась паника. Огонь продолжал подбираться к ним с тыла, а туда, в эти страшные жаркие сполохи их упорно теснили накатывавшие волны ад-Сейдина. Восточным флангом, судя по доносившимся звукам, целиком и полностью овладела Красная саламандра, громя в беспорядке разбегавшиеся соединения. На западном блестела река, но ее неглубокие быстрые воды оказались отрезаны перешедшими в наступление частями хана. Помощи окруженным солдатам Гелетбея ждать было неоткуда. Весь резерв вместе с конницей покинул холм, унося ноги от безумия Липкого огня, и повезло лишь тем, кто догадался уйти назад, а не в сторону, попав тем самым под удар легкой кавалерии

Хиврана и гвардейцев ди-Шеррифа. Дожидавшиеся своего часа за холмом подразделения шаха вместо своевременной атаки теперь прикрывали бесславное отступление. Лишь их слаженные действия позволили армии Черного буйвола избежать окончательного разгрома, притормозив всадников Красной саламандры и следующей за ними пехоты. Не менее половины стрелков Гелетбея и вовсе погибло в аду Липкого огня вместе с частью кавалерии и резервов. Очутившиеся в окружении войска некоторое время отчаянно дрались, надеясь пробить западный фланг и выйти из образовавшегося капкана, но моральный дух их был катастрофически сломлен. Неся огромные потери, они, наконец, сдались на милость победителей. Никто не мог бы упрекнуть этих воинов в недостатке мужества. Кроме того, задержав значительные силы ад-Сейдина, они невольно позволили отступить своим уцелевшим товарищам.

Когда все было кончено и военачальники Красной саламандры подвели итоги сражения, то выяснилось, что шах потерял убитыми и пленными не менее сорока процентов отправленного против хана Гийюра войска. Сам ад-Сейдин отделался в несколько раз меньшими потерями. Одним махом численность дислоцированной в восточной половине страны регулярной армии Гелетбея сократилась на четверть.

Несчастный ан-Бакир снова повернулся на другой бок, кляня жесткий, колючий матрас и грубое постельное белье, напоминавшее дерюгу. Это была чистейшая неправда, поскольку о бесценных пленниках заботились должным образом и создали им весьма комфортные условия, но шейху его ложе сейчас казалось сотканным из игл дикобразов. Бешенство Липкого огня пожрало края Черного буйвола, унеся несметное множество жизней, а он, старый маразматик, как ни в чем не бывало продолжает готовить для хана Гийюра все новые порции смертоносного зелья. Ведь неумолимый набег Красной саламандры остановился тогда вовсе не по желанию хана, однажды сказавшему себе "достаточно", а потому что его армия исчерпала заготовленный ресурс страшного оружия. Однако, увы, его хватило чтобы выполнить поставленную задачу. Объятая бушующим огнем столица Гелетбея пала, как пал до нее и Гибин, а в раскаленном вихре сгинул и сам шах вместе с преданными ему до конца воинами. Восточная часть страны полностью оказалась в руках ад-Сейдина, а западная, будучи блокированная со всех сторон враждебными силами, оставшись без своего верховного правителя вскоре капитулировала сама. Еще до первого снега государственность Черного буйвола перестала существовать.

С завоеванными территориями хан поступил просто. Наместником земель по западный берег Шиалы он назначил Сагала Уль

Диона, а всего что лежало по восточный — Хасана аль-Дани. Новоявленный эмир Бушерский чуть с ума не сошел от счастья и алчности, получив за свою вассальскую преданность столь великую и почетную награду. Он совершенно искренне клялся в верности Великому хану, обещая самостоятельно присоединить к империи западного и северного соседа, ежели на то будет воля повелителя. Воля, разумеется, была. Всегда удобно сделать часть работы чьими-то чужими руками, особенно если это позволит сосредоточиться на куда более важных задачах. Эмир Дирзунский был несколько более сдержан в проявлении чувств, понимая, что пострадавший от разрушительной войны край требует восстановления. Вместе с тем, подбив в уме некоторые цифры от получаемой выгоды, он воспринял назначение не без должного удовлетворения. Возросшая пошлина за все торговые пути через исконные владения Зеленой ящерицы уже принесла ему немалые деньги, и аль-Дани согласился вложиться в новые территории, наместником которых он стал, ибо те сулили ему в перспективе немалые прибыли. Эмир Дирзунский был трусом и торгашом, но трусом хитрым, а торгашом расчетливым. Теперь он был вне себя от радости что решился вовремя заключить союз с Красной саламандрой, а не пал жертвой ее огненного гнева, и прикидывал сколько золота осядет в его карманах, если он станет контролировать коммерцию и товарооборот на огромном пространстве. Порты на Шиале, торговые пути между севером и югом, западом и востоком… Аж дух захватывало! Что ж, обещания Гийюра ад-Сейдина на поверку оказались отнюдь не пустым звуком, и Хасан аль-Дани на сей раз уже совершенно открыто принес Великому хану присягу, признавая его верховным властелином образовывавшейся империи.

Сползя с кровати, ан-Бакир плеснул себе воды из стоявшего на тумбочке пузатого графина. Жадно припав к прохладной жидкости пересохшими губами, он мигом проглотил содержимое стакана, а затем наполнил его вновь. Второй раз он пил уже медленнее, осушая посудину маленькими глоточками. Ночную тишину нарушало лишь биение его собственного сердца, да плеск воды, с бульканьем исчезавшей в старческом горле. Впрочем, чему тут удивляться? С поверхности в эти треклятые подземелья не проникают никакие шумы, а толстые внутренние стены гасят любые звуки. За все время подземелья лишь раз сотряслись от какого-то сильнейшего удара. Год с чем-то назад. Говорят, один из местных алхимиков взорвался в своей лаборатории. Что ж, так ему, поганцу, и надо! Жаль не прихватил с собой все это змеиное гнездо. Поставив опустошенный стакан, шейх, кряхтя, залез обратно под одеяло, но лишь под утро сумел заснуть, да и то не столько спал,

сколько грезил с открытыми глазами.

* * *

— О чем призадумалась? — спросила Илиана подругу, рассеянно теребившую волосы у большого зеркала трюмо.
Инкрустированный черепаховый гребень что-то уж больно медленно и долго проходил по одним и тем же местам, что свидетельствовало о некой отстраненности его владелицы.
— Как ты думаешь, отец действительно собирается отдать Лейлу замуж за того заморыша? — негромко отозвалась Талара, продолжая смотреть в зеркало невидящими глазами.
Под заморышем она явно подразумевала наследного принца Зелистана, не так давно побывавшего в столице Железных земель с официальным визитом. Тема казалась довольно щекотливой, касаясь семейных дел правящей династии, но между Таларой и Илианой давным-давно установились настолько близкие и доверительные отношения, что принцесса не обращала на такие мелочи внимания. По крайней мере, тет-а-тет.
— Все к тому идет, — осторожно сказала сидевшая рядом на пуфе Илиана. — Смею предположить, что твой отец замыслил этот союз довольно давно, но лишь сейчас о нем начинают поговаривать открыто.
— Бедняжка Лейла, — вздохнула Талара. — Ты знаешь, я не питаю особенно теплых чувств к сестрам, но когда за тебя вот так решают твою судьбу, передают словно вещь из рук в руки за тысячи миль какой-то посредственности…
По всей видимости, ни малейших симпатий к принцу Зелистана она не испытывала. Впрочем, ее вполне можно было понять. Илиана, будучи в свите своей высокородной подруги, видела этого юношу, и на нее впечатления он также не произвел. Узкие плечи, впалая грудь, длинные, как жерди, ноги, и неказистое лицо, тронутое перенесенной в детстве оспой. При ходьбе он постоянно придерживал богато украшенные драгоценными камнями ножны фамильной сабли, иначе они начинали нелепо болтаться у пояса, стукаясь о бедро. Одним словом, Тамир аль-Харуддин на писаного красавца уж никак не смахивал, да и богатырской силой похвастаться не мог. Оставалась надежда, что природа хотя бы не обошла его умом, но и там, если верить слухам, дела обстояли не слишком гладко.
— Ты вроде говорила, что сестру вполне устраивает уготованная ей роль, и она считает исполнение своего предназначения делом чести, — напомнила Илиана.

— Это потому что она с младенчества даже не знала другого воспитания, никогда не имела собственной воли. Прямо-таки образчик традиционной женской доли дремучих предков, — проворчала Талара. — От этого мне ее еще больше жаль. Мне даже страшно представить себя на ее месте!
— Вряд ли тебя ждет подобная судьба, — улыбнулась глазами Илиана, вставая и помогая подруге справиться с густыми волосами.
— Да уж будем надеяться, — протянула Талара. — Отец неоднократно обещал что никогда не станет меня неволить, и я ему верю. Как и он верит в то, что я попросту сбегу, если он надумает выдать меня за какого-нибудь...
Воспитанные дамы обычно так не выражаются, но принцесса без всякого стеснения не слишком-то пристойно охарактеризовала свои мыслишки касательно подобного развития событий. Про побег, кстати, она говорила совершенно серьезно. Талара предпочтет удрать куда глаза глядят, благо что она по жизни не такая уж неумеха, нежели позволит обойтись с собой столь возмутительным образом. За компанию она прихватит Илю и Бэйла, а уж с имеющимся у принцессы капиталом они как-нибудь проживут. Последнее было тоже отнюдь не пустым звуком. Талара, не будь дурой, на всякий случай припрятала уйму ценностей в разных укромных уголках за пределами дворца и в случае чего без гроша не останется. Илиане был хорошо известен характер подруги, а посему она лишь добродушно усмехнулась — с нее станется. Вероятно, ее отец тоже имел основания полагать, что дочка заявляет так не для красного словца. Если хан намеревался сделать из нее свою опору во власти, то он двигался в верном направлении. В противном случае ад-Сейдина ждали большие семейные неприятности.
— Мне кажется, ты сейчас как-то неуверенно об этом говорила, — заметила Илиана, аккуратно заплетая принцессе толстую, черную как крыло ворона косу.
Талара промолчала, сосредоточенно изучая резные завитушки в уголках отражавших ее зеркал. В кои-то веки она скинула боевой наряд и облачилась в легкую розовую сорочку, благо что дело шло к ночи. В отражении рядом маячило синее шелковое платье подруги, украшенное тонкой серебряной вышивкой. Гардероб Илианы последние месяцы существенно пополнился личными подарками принцессы, и у нее теперь хватало дорогих и изысканных вещей, приличествующих дворцу и свите ее высочества. Пальцы Талары неторопливо перебирали нитку крупного морского жемчуга, в свете золотого канделябра завораживающе отливавшего перламутром, в то время как обнаженные по плечи руки подруги вози-

лись с ее густыми волосами.
— Да и с чего вдруг вообще такой разговор? — добавила Иля, вплетая в косу нитки жемчуга поменьше. — Ты сегодня словно сама не своя. Говоришь невпопад, постоянно витаешь в облаках, а когда я тебя спрашиваю принимаешь такой вид, будто тебя застукали за чем-то недозволительным. С тобой все в порядке?
Талара, вздохнув, оторвалась от созерцания завитушек. Все еще не произнося ни слова, она неторопливо покрутила пальцем большой рубин из красивой платиновой заколки.
— Отец хочет чтобы я отплыла на Запад, — сказала вдруг она, бросив внимательный взгляд в отражение лица Илианы.
По-женски округлившаяся шестнадцатилетняя принцесса теперь выглядела уж точно не старше своей подруги, которой никому бы и в голову не пришло дать всего одиннадцать. Более того, несведущий глаз все чаще присваивал Илиане и семнадцать, и даже восемнадцать. Талара к такому положению вещей ничуть не ревновала, ибо усматривала в нем нечто мистическое, как и многое из того, что окружало ее доверенную приближенную. Вместе с тем, она все чаще подшучивала над Илей, называя ее то малолеткой, то, наоборот, великовозрастной. Та ничуть не обижалась, поскольку в тоне принцессы не сквозило и намека на оскорбление, плюс и сама понимала, что для вопросов к ее внешности имеются вполне определенные основания.
— Это куда именно? — осторожно уточнила Илиана. — Запад большой.
Похоже, подруга только что сообщила истинную причину обуревавших ее мыслей, а возможную помолвку сестры приплела как интерлюдию.
— Тот самый, который омывают воды Адалайского океана, — пояснила Талара, по-прежнему не сводя глаз с ее лица. — Где замки, короли и рыцари; где бороздят просторы огромные морские корабли, а города полны музыки, искусства и культуры; где женщины без всякого сопровождения свободно ходят куда захотят в таких же как ты и я платьях, и никто не смеет их в чем-то ограничивать.
— Что-то нечасто я вижу тебя в платье, — улыбнулась Илиана, продолжая колдовать над косой подруги с неизменным спокойствием. Даже бровью не повела. — У тебя скоро кольчуг будет больше, чем шелковых нарядов.
— Ты поняла о чем я, — чуть нахмурилась принцесса. — Так что ты об этом думаешь?
— О Западе? — невинно спросила подруга.
— Иля, я тебя сейчас укушу! — воскликнула Талара. — Не прики-

дывайся пуфиком! О моей поездке!
На самом деле Илиана сразу все прекрасно поняла. Просто она тянула время, стараясь совладать с этой неожиданной новостью и соображая как ей следует реагировать.
— Надолго? — коротко осведомилась она, внутренне сжавшись в ожидании ответа.
— На полгода, — сообщила принцесса.
Не слишком быстро, но и без лишних слов она поведала детали.

Трудно сказать что именно взбрело в голову ад-Сейдину, только он ни с того ни с сего вдруг вспомнил о давнем желании младшей дочери побывать в тех далеких краях, откуда постоянно заказывал ей различные подарки. Хан никогда ничего не делал просто так. С другой стороны, его рациональное мышление вроде бы не касалось любимого дитя, ибо именно для него он сплошь и рядом делал исключения. Только вот странный хан для этой поездки выбрал момент. Южные земли сотрясали отголоски военных действий, и их политическая карта перекраивалась быстрее, чем иные могли себе это представить. Забот у ад-Сейдина было предостаточно, так что на общем фоне неожиданное намерение отправить Талару в заморское путешествие выглядело несколько неоднозначно. Огромный бриг с белоснежными парусами возьмет ее на борт в порту Солтенстила и в сопровождении нескольких фрегатов доставит прямо к берегам Фолькона — одного из самых больших королевств Запада. Там она пробудет несколько месяцев, дабы лично познакомиться с культурой этих далеких государств и завязать интересные знакомства. Принцессу будет сопровождать подобающая ее статусу свита из вельмож и гвардейцев, в обязанности которой вменяется неусыпная забота о благополучии и приятном времяпрепровождении ее высочества. От самой же Талары ничего особенного не потребуется: несколько визитов вежливости к королю Фолькона, присутствие при передаче верительных грамот и на паре-тройке великосветских балов, посещение посольства Железных земель, дабы оказать послу соответствующую честь — и ничего более. В остальном она вольна распоряжаться своим временем как посчитает нужным. По истечении означенного срока корабли доставят ее обратно в Солтенстил, а набравшаяся новых впечатлений принцесса возможно со временем захочет побывать на Западе еще раз.

Когда Талара закончила, подруга как раз завершила манипуляции с косой и машинально водрузила на нее заколку с рубином.
— Ну, так что скажешь? — изрекла принцесса, нетерпеливо потянув Илиану за локоть.
— А почему ты меня об этом спрашиваешь? — удивилась та. — Ты

же всегда мечтала там побывать! Вот и случай представился.
— Я не могу взять тебя с собой, — помрачнела Талара. — Отец не разрешает. Я даже пригрозила что возьму и не поеду, если он тебя не отпустит. Знаешь, что он ответил?
— Что? — невольно спросила Илиана.
— Что я вольна в своем выборе. Если не хочу — могу не ехать, но если поеду, то мне придется оставить тебя во дворце. Возможно, в другой раз все будет иначе, ведь он, мол, и так уже допустил тебя в мою свиту, но сейчас это невозможно, — не без досады в голосе сообщила принцесса.
— Понятно, — кивнула Илиана. — Но зачем ты хочешь знать мое мнение? Неужели ты думаешь, что я буду настолько эгоистична и стану уговаривать тебя не бросать меня в одиночестве? Да брось, Тали, это же не серьезно!
Принцесса засопела. Вряд ли она на самом деле думала нечто подобное. Скорее просто разрывалась на части между страстным желанием отправиться в путешествие и неприятной перспективой на полгода остаться без лучшей подруги, к которой привязалась дальше некуда. Кроме отца, ближе у нее вообще никого не было, а за прошедшее со времен приключений в Аберидже время чувство привязанности лишь многократно усилилось. В присутствии Илианы энергия принцессы била ключом, а настроение неизменно искрилось, воплощаясь в самые разнообразные затеи и выдумки. Если же по каким-то причинам подруги слишком долго не оказывалось рядом, Талара часто становилась вялой и раздражительной, будто из нее вытаскивали волшебную батарейку. Задав вопрос, принцесса незаметно для себя переложила решение на плечи Илианы и теперь надеялась получить индульгенцию, в любом случае снимающую с нее муки выбора.

Илиана, безусловно, без особого энтузиазма услышала весть о грядущем отплытии подруги. Она сама сильно к ней приросла и относилась с большой теплотой, едва ли не физически воплощавшейся в процессе общения, и ей будет очень грустно просидеть в одиночестве целых полгода. Вместе с тем Иля не могла лишить Талару давней мечты побывать в заморских краях только потому, что та не может взять ее с собой. Хорошо понимая раздиравшие принцессу сомнения, Илиана принялась ее ласково увещевать, как она периодически это делала, дабы убедить подругу в правильности принятого решения. Разумеется, ей надо ехать! Пусть посмотрит на новый мир, окунется в новую культуру. Оттуда, глядишь, привезет не только уйму новых вещей, но и новые обычаи, которые, как знать, однажды может быть даже воплотит и в собственной стране. Сама Илиана спокойно ее дождется во дворце и нику-

да не денется. У нее есть зоопарк, книжки и дядя Бэйл. Если Талара обещает ей писать, то и никаких проблем с ее не таким уж продолжительным отъездом она не видит.

Надо сказать, Иля умела уговаривать. Устроившая ей горячие обнимашки Талара заснула счастливым сном, перестав терзаться даже малейшими сомнениями. Сама же Илиана удовлетворилась тем, что подруга проведет незабываемое путешествие и наберется массы чудесных впечатлений. Добрая девушка вполне могла порадоваться вместе с Таларой, даже если на ее собственную долю в это время не выпадало ничего, кроме довольно унылого одиночества, от которого она успела отвыкнуть. Принцесса обещала писать и свое обещание не забыла, отправляя с шедшими в Солтенстил попутными кораблями пространные послания. С момента ее отбытия минуло два месяца, и уже второй раз Илиана получала увесистый свиток, запечатанный личной печатью принцессы. Одиночество навалилось на нее сильнее, чем она предполагала, но сейчас, поздним вечером, при свете свечи на прикроватной тумбочке Иля в очередной раз перечитывала начертанные рукой подруги строки, и ей становилось намного легче. Девушка словно вживую представляла себе все то, что подробно описывала Талара, и порой ей даже казалось, что и она сама побывала там, среди всего этого великолепия. Иначе откуда в ее воображении брались огромные удивительные дворцы, отливавшие на солнце фиолетовым блеском, и величественные города прекрасной архитектуры, если Илиана никогда их прежде не видела?

Впрочем, Илиана никогда не видела и обитель чародеек, но со слов Сирелины нафантазировала себе удивительнейшее место. Предоставленная сама себе, ибо ни Бэйл, ни дедушка Арбах при всех своих несомненных достоинствах никак не могли заменить ей подругу, девушка коротала время за книгами, то и дело перечитывая письма чародейки. Эти письма она надежно прятала в тайник на чердаке, ведь попадись они кому-нибудь на глаза, и у Илианы возникли бы серьезные неприятности, чреватые непредсказуемыми последствиями. Поначалу Сирелина старалась составлять послания так, дабы их содержание выглядело достаточно невинно. Позже махнула на это дело рукой, положившись на благоразумие и осторожность воспитанницы, и уже не стеснялась ни в описаниях, ни в предмете повествования. Чародейка рассказывала Илиане про обитель, как у нее идут дела и чем она занимается. Неоднократно упоминала изыскания касательно найденных в Аберидже предметов, а также свои успехи в Запретном чертоге. Последнее, само собой, с необходимыми купюрами, но все же достаточно подробно для того, чтобы Илиана имела об этой стороне ее

жизни достаточно внятное представление. Испытание Имьюнитас тянулось невыразимо медленно, но девушка однажды с радостью узнала, что у Сирелины началась долгожданная защитная реакция и она протекает весьма бурно, опережая типичные для адептов сроки. Как выяснилось, ежедневное пребывание в стенах обители было довольно условным. Некоторое время обязательную нагрузку темными чарами могла осуществлять сестра-куратор из группы Гексенхаммера, поэтому Сирелине позволялись непродолжительные вылазки в соответствующем сопровождении. Увы, про длительную отлучку речь не шла, да и сестры Гексенхаммера были слишком серьезны и дисциплинированы для того, чтобы Сирелина уговорила одну из них смотаться на денек-другой в далекий Солтенстил. Понимая настроения любимой фири, Илиана периодически увещевала ее не бросать обучение и не приезжать к ней почем зря, перечеркивая таким образом долгие месяцы и даже годы усилий. На самом деле девушке бы очень этого хотелось, но как и в случае с Таларой она не могла позволить собственному эгоизму восторжествовать за счет несомненного ущерба для близких ей людей. Не исключено, что Сирелина в свою очередь не выдержала бы столь продолжительной разлуки с воспитанницей и практически безвылазного сидения на месте, но письма Илианы помогали ей удержаться от столь опрометчивого поступка. Интенсивная переписка сглаживала последствия расставания и разделявшие обоих тысячи миль, вынуждая Бэйла наведываться на почтовую станцию втрое чаще, чем прежде. Гладиатор, впрочем, не жаловался, ибо и сам скучал по обществу голубоглазой подруги. Ведь на его долю тоже доставались добрые строки, которые красноречиво говорили что и та его не забывает.

Само собой, Илиана под руководством Сирелины не забывала изучать всевозможные премудрости, основываясь на присылаемой литературе и рукописных указаниях, разбавляя их собственным экспромтом. Находившаяся за тридевять земель чародейка от изумления только глазами хлопала. По мере взросления воспитанница усваивала информацию с головокружительной скоростью, затрачивая считанные дни на то, на что у другой ушел бы минимум месяц. Книги она проглатывала с фантастической быстротой, сложные учебники пролистывала как иллюстрированные пособия для начинающих и иной раз умудрялась в ответном письме предложить свое видение какого-нибудь вопроса, излагая его более кратко или используя иную неожиданную, но верную аргументацию. А ведь это были не простые книги, и по большей части не привычные светские учебники. При всем при этом Илиана оставалась не чародейкой, если так можно было выразиться. Сирелина

себе уже всю голову сломала, гадая над образовавшимся парадоксом, но до сих пор не находила более-менее приемлемой теории. Впрочем, неразрешимых загадок у нее хватало, ведь исследования находок из Абериджа, несмотря на заверения о близости к разгадке, на деле продвинулись не намного дальше, чем мастер Хольд в своих изысканиях касательно медальона. Сирелина так и не рискнула открыться Арадоре, а в одиночку заниматься столь непонятными и сложными вещами оказалось очень и очень непросто. Арадора могла бы оказать существенную помощь, но собственная наставница чародейки ввиду важности открытий и в интересах обители вполне способна известить обо всем Совет, а тогда пиши пропало. У Сирелины отберут всю уникальную добычу, вытрясут сведения об Абериджe и поминай ее законная прерогатива на все невероятные места и артефакты как звали. Нет уж, сами запирали в обители, дабы она не искала приключений в Солтенстиле — вот и не обессудьте!

Илиане, впрочем, помимо успехов в учебе тоже похвастаться было особо нечем. Разве что она регулярно сообщала все последние услышанные при дворце новости, да пару раз упомянула, что чародейка, возможно, при встрече ее и не узнает. Сирелина снисходительно выражала этому известное сомнение, но замечания воспитанницы неоднократно подтверждал Бэйл. Илиана так вымахала, что называть ее девочкой более язык не поворачивался, тем паче что и умственное развитие шагнуло далеко вперед. Словом, очередная загадка для Сирелины, находившей подобный случай вполне нормальным для будущих послушниц с чародейским даром, но абсолютно не понимавшей его при полном отсутствии проявления колдовской силы.

Илиане приходилось непросто и одиноко не только из-за отъезда Талары, но и в связи с сопутствующими этому обстоятельствами. Ведь без принцессы она уже не могла выбираться в город и теперь сидела взаперти, безвылазно пребывая на территории дворцового комплекса. Конечно она пользовалась там несравнимо большей свободой нежели прежде, имея право посещать не только библиотеку, но и наведываться в личные покои ее высочества, однако клетка есть клетка. Бэйл, как умел, старался развлечь названную племянницу, но поединками и физическими упражнениями, столь обожаемыми принцессой, Илиана интересовалась гораздо меньше. Она предпочитала умственную деятельность, а здесь уже гладиатор оказывался не в состоянии составить ей подходящую компанию. Сиреневозглазая девчонка перешла к таким заумным книжкам, от которых у Бэйла рябило в глазах и начинало шуметь в голове, а от ее речей он иной раз чувствовал себя непро-

ходимым тупицей. Вместе с тем, они частенько играли в мяч, волан и прочие спортивные забавы, а так же уделяли время верховой езде. Принцесса выбила для них обоих эту привилегию, и гладиатор вместе с Илианой даже имели в конюшне по собственной лошади. Это была неслыханная милость, и многие придворные ей откровенно завидовали. Вместе с тем им было прекрасно известно, что Талара добилась такого позволения от самого хана, а посему им приходилось прикусить языки. Даже в отсутствие принцессы никто не осмеливался поднимать вопрос о дарованных милостях и Илиана, уже второй раз получив от подруги пространное и увесистое письмо, по размеру смахивающее на научный трактат, ни на что не могла в ответ пожаловаться. А ее ответ, разумеется, предусматривался, и предназначенное Таларе послание уходило с подходящим попутным кораблем по личному указанию самого визиря. Получив весточку от подруги, Илиана радовалась как дитя, и на несколько дней обретала цветущее настроение, а потом еще неоднократно перечитывала насыщенные впечатлениями и событиями строки. Подарки, разумеется, Талара тоже присылала, причем с учетом интересов Илианы. Помимо лично выбранных принцессой нарядов — куда уж без них! — Иля получила уйму полезных вещей, среди которых затесалась даже такая невиданная штука как микроскоп. Стоила она немалых денег, но принцесса от бедности не страдала, а от скупости и тем более.

Бэйл скромных радостей нареченной племянницы не разделял. В отъезде Талары он усматривал нечто совсем иное, и по этому поводу сразу же известил чародеек. Множественное число фигурировало не случайно. Некогда он переписывался с одной лишь Сирелиной, полагая, что их отношения пребывают в тайне, но однажды получил послание от Арадоры. Собственная наставница его могущественной подруги сдержанно приветствовала гладиатора, давая понять, что не намерена предавать их маленькую авантюру гласности, а затем сразу перешла к делу. Теперь уже не одна Сирелина выражала серьезное беспокойство происходящим на просторах Южных земель, отголоски событий которых обозначились далеко за их пределами. Не желая делать из Бэйла откровенного шпиона, Арадора, тем не менее, просила его сделать то одно, то другое одолжение. В основном это был сбор сведений в пределах Солтенстила и его пригородов, в глазах гладиатора зачастую не имевших никакого смысла. Одновременно Арадора честно признавалась, что до сих пор во дворце ад-Сейдина у сестер не имелось доверенного человека, и его постоянное присутствие там — редкая удача. Ввиду этого, как-то скромно позабыв о не шпионской роли Бэйла, она тактично намекнула что будет рада услы-

шать обо всем, о чем говорится при дворе хана Гийюра. Сирелина, разумеется, знала о контакте Арадоры с гладиатором и особо не возражала, предпочитая иметь наставницу на своей стороне. Не знала она, что дело дойдет аж до Изабеллы. Арадора честно не выдала источник в сердце ханской столицы, но Настоятельница особо и не настаивала. Ей достаточно было передать безликому агенту запрос, предоставив непосредственный контакт старшей сестре. А запрос Бэйл получил едва лишь сообщил в обитель о грядущем отъезде принцессы крови в западное королевство Фолькон, обратив внимание на то, чего по простоте душевной не заметила Илиана. Талара без всякой задней мысли упоминала посольство, а никакого постоянного посла в Западных краях у ад-Сейдина никогда не было. Эпизодические обмены любезностями между владыками различных государств к этому никак не относились. Железные земли являлись для стран Запада далекой диковиной, точно так же, как и среди южных просторов об омываемых Адалайским океаном берегах ходило куда больше вымыслов, нежели правды. Теперь, судя по всему, вместе с принцессой в Фолькон отплывал и посланник хана с намерением открыть в королевстве полноценное представительство. Отправляя Талару в путешествие, о котором она давно мечтала, ад-Сейдин под этим соусом начинал какую-то новую политическую игру, и об ее цели и задачах оставалось только гадать. К его отцовской чести стоило отметить, что он вряд ли использовал любимую дочь как пешку в своих замыслах. Скорее всего, хан просто удачно совместил приятное с полезным. Так или иначе, но к подобному шагу следовало отнестись со всей серьезностью. Запад ли попал в поле зрение ад-Сейдина, либо же его государства проявили интерес к появлению нового значительного центра силы — это еще предстояло выяснить. На данный момент известно лишь одно: никто в целом свете даже не знает об истинной цели миссии, с которой отправились заморские корабли, а Бэйл лишь случайно оказался в курсе из-за доверительного разговора между близкими подругами.

Ночка выдалась ненастной. Небо заволокли густые низкие тучи, лишая землю хоть какого-то естественного света. Ветер то и дело хлестко бил по лицу крупными каплями дождя, неоднократно собиравшегося перейти в ливень, но в самый решающий момент неожиданно прекращавшегося вовсе. Где-то вдали солидно громыхало, а ненадолго появлявшееся зарево указывало на постреливавшие в непроглядной выси молнии. Дороги в Железных землях, что и говори, были сработаны на славу, и следующие по ним путники не увязали в грязи, даже если поливало на протяжении нескольких дней. Вместе с тем путешествовать в такую погоду все

равно приятного мало, особенно когда впереди ни зги не видно, и приходится рассчитывать лишь на собственный качающийся на ветру фонарь. Бэйл бы и носу из дома не высунул, предпочитая в свое удовольствие полеживать у теплого очага в компании хорошей бутылки вина и порции отменного жаркого. Привычку пить вино, кстати, он подцепил у чародеек, хотя прежде употреблял куда более крепкие напитки. Так нет же, тащись тут впотьмах, причем как раз из-за этих же самых чародеек, поскольку сегодня был условленный день и их светлости ждут не дождутся появления гладиатора. Ну, не его самого, а того что он вез на почтовый пункт, располагавшийся на неприметном лесистом холме неподалеку от одного из пригородов Солтенстила. С кем-то эти тетки его путают! Если бы не Сирелина, фигушки бы он позволил себя эксплуатировать подобным образом, но ради подруги… Лошадь недовольно фыркала, выбрасывая во влажный ночной воздух фонтаны микроскопических капелек, и Бэйл был с ней полностью солидарен, в душе честя далеких чародеек на все корки.

До заветного холма гладиатор добрался едва ли не на ощупь. К нему, само собой, мощеный тракт не вел, и лишь неприметная тропинка отделялась от проселочной дороги через луг, уводя в густую шумевшую листвой чащу. Не зная наверняка где находится искомый дом, чья башенка пряталась среди высоких столетних деревьев, можно было проплутать в лесу до самого утра, да и при свете дня путь к почтовой заставе оказывался не из легких. Жившая там колдунья вынуждена была соблюдать определенные меры предосторожности, поскольку обитающие в означенной башенке вороны и совы были почтовыми, и излишнее внимание ей совершенно ни к чему. Помимо своей собственной неодобрительной в глазах закона практики она ведала почтовой станцией, занимаясь пересылкой посланий в пользу чародеек севера и своих южных товарок по ремеслу. Разветвленная сеть таких станций имелась по всем Южным землям, и их местонахождение тщательно скрывалось не только укромными уголками, но и искусно наложенными чарами, отваживавшими случайных путников. Если же они все-таки забредали, то легкий дурман немного видоизменял открывавшееся им зрелище, вводя в определенное заблуждение. С подачи Сирелины Бэйл повадился ходить в это место уж скоро как два года. Тогда чародейка вручила ему особый оберег, с помощью которого он сумел благополучно отыскать домик на холме, а не забрался в какое-нибудь болото. С тех пор он бывал здесь много раз, а последние месяцы и вовсе зачастил. Вот и теперь, стараясь не обращать внимания на непогоду, гладиатор направлялся на почтовую станцию, дабы отправить чародейкам очередное послание

и осведомиться не пришло ли ему новых сообщений. В спрятанной за пазухой тубе покоилось его собственное письмо, разделенное на части для различных адресатов, а так же несколько документов собранных им в Солтенстиле по просьбе Арадоры. Если так дело пойдет и дальше, он вступит в переписку с половиной обители. Арадора уже сообщила, что Немезия, наставница Запретного чертога, проявляет известный интерес к делам колдунов из Нижних подземелий и подумывает дать ему небольшое поручение. Бэйл, разумеется, был не единственным агентом сестер в этих краях, но, как неоднократно упоминалось, лишь он имел доступ за дворцовые стены, и это положение кардинально отличало его от всех прочих.

Несмотря на окружающую темноту, слабо развеиваемую фонарем гладиатора, неторопливо ступавшая лошадь уверенно вывела его к неприметному дому, чья замшелая крыша сливалась с лесной панорамой, утопая в густых зарослях. Сейчас, понятное дело, никакой панорамы не наблюдалось и в помине, но Бэйл отлично представлял как тут все устроено. Поставив лошадь под небольшой навес среди молодых тисов, Бэйл, скользя на мокрой траве и приглушенно чертыхаясь, проследовал к дому и ступил на увитое зеленью крыльцо. Мерно шумел дождь. На фоне его звуков любые другие попросту исчезали, да и откуда бы им взяться в лесу около часу ночи? В такую погоду даже совы сидят себе по дуплам и не гугукают! Один он, как дурак, шастает тут впотьмах! А ведь еще обратно в город возвращаться… Протянув руку к дверному молоточку в виде изогнувшейся ящерицы Бэйл негромко постучал. Ответа не последовало. Дом казался совершенно безлюдным, а в его окнах нигде не горел свет, хотя гладиатор был готов поклясться что видел какую-то искру когда подъезжал к маленькой поляне. Прождав пару минут, Бэйл постучал еще раз, но снова не услышал ничего кроме шума обильно падавших с неба капель. По всей вероятности колдунья была занята какими-то своими делами. Ведь находился же кто-то внутри, раз он мельком видел неясный огонь. Гладиатор осторожно потянул медную, позеленевшую от времени дверную ручку в виде головы медведя. Крепко сбитая створка приоткрылась. Поколебавшись, широкоплечий мужчина шагнул внутрь и его фонарь немедленно выхватил из темноты прихожую, украшенную громадными оленьими рогами, овальным зеркалом и уймой всяких приспособлений для вещей и обуви.

— Заура! — позвал он, вглядываясь в глубину дома. — Заура, ты где?

Дверь за его спиной бесшумно затворилась, и шум дождя заметно поутих, раздаваясь теперь монотонным шуршанием по крыше и

стенам лесного приюта. По водостокам, журча вьющимися струйками, стекала вода, наполняя большие металлические бочки, а в окна тихонько постукивали капли. Колдунья не отзывалась. Вместе с тем она явно находилась где-то здесь, поскольку никогда не уходила оставляя дверь открытой. Бэйл все еще колебался стоит ли ему самостоятельно поискать хозяйку в ее жилище, либо же тактично удалиться несолоно хлебавши. В итоге решил что стоит. Он же не для собственного удовольствия явился, а по поручению сестер, чьи указания выполняла и сама обитательница почтовой станции. Стало быть, у них общее дело, и он имеет основания потревожить хозяйку, раз уж дверь все равно не заперта. Подняв фонарь повыше, гладиатор медленно двинулся внутрь дома, продолжая звать колдунью по имени.

Заура, по всей видимости, обосновалась здесь давно. Коренная южанка по происхождению, она практиковала типичное для южан же колдовство, столь старательно изучаемое Сирелиной в бытность ее странствующей сестрой. То бишь до того, как неугомонная чародейка пустилась во все тяжкие, с головой окунувшись в интриги и ввязавшись в неравное противостояние с Красной саламандрой. Впрочем, судя по рассказам, ей и тогда не жилось спокойно, и она вечно находила себе какие-то приключения. Теория и практика северных и южных заклинательниц разнились, где-то больше, где-то меньше, но Бэйл ничего в этом не понимал, равно как давно уже не пытался разобраться почему одни из них живут дольше, а другие, как правило, намного меньше, и чем они вообще друг от друга отличаются кроме повадок и внешности. Сирелина, разумеется, знала это назубок, но гладиатора все эти колдовские штучки интересовали постольку поскольку, и дальше исключительно необходимого в повседневном общении с подругой он себе голову особенно не загружал. Вместе с тем Бэйл не мог не обратить внимания, что в гостиной, устланной великолепными звериными шкурами и обставленной простой, но удобной мебелью, царит некоторый беспорядок, который он за Заурой прежде не примечал. Смутное беспокойство всколыхнулось в нем неясной волной, когда Бэйл, водрузив фонарь на стол и осматриваясь вокруг, вдруг заметил, что в стеклянной вазе с находившимся в ней букетом полевых цветов совершенно нет воды. Цветы выглядели свежими и распространяли легкий приятный аромат, а воды у них не было. Ерунда? Возможно, но только не для домовитой колдуньи, которая никогда бы не оставила букет сохнуть в пустой вазе. Прищурившись, Бэйл быстро окинул глазами близлежащее пространство. Ваза и не была пуста. Прежде. Ее опрокинули, вода вытекла и, судя по оставшимся следам, высохла. Цветы же сунули

на место и поставили вазу обратно как ни в чем не бывало, не потрудившись наполнить ее вновь. И кто бы это ни сделал, но уж точно не Заура! Бэйла охватило нехорошее предчувствие. Колдунья до сих пор не отзывалась, а его голос из гостиной должен хорошо разноситься по всему дому до самой крыши башенки, где по обыкновению приглушенно возились вороны и совы. Сейчас внутри царила гробовая тишина, если не считать отзвуков усердно поливавшего дождя снаружи, и это встревожило гладиатора еще больше. Положив руку на рукоять меча, он снова позвал Зауру, и снова не получил ответа, разве что тишина стала еще более зловещей. Взгляд Бэйла опять заскользил по комнате и наткнулся на задвинутые занавески, скрывавшие два небольших приземистых оконца. Шторы одного из них легко колыхались. Бэйл поначалу не придал этому никакого значения, но сейчас отчего-то затаил дыхание, глядя на них так, будто позади притаился наемный убийца. Прокравшись на цыпочках, гладиатор протянул руку, а затем резко отдернул штору. Окно было выбито. Остатки стекол выглядывали из поврежденной рамы с торчавшими из нее щепками, а на подоконнике виднелся щедро рассыпанный лесной мусор и чьи-то грязные следы. Плотно закрытые тяжелые ставни почти не пропускали потоки воздуха, но через щели просачивался сквозняк, отчего задернутые шторы и колыхались соответствующим образом. Бэйл похолодел. Отступив назад, он оглянулся, лихорадочно соображая что, собственно, происходит и что ему следует предпринять. Затем выхватил меч и устремился обратно в коридор. Там его уже ждали.

Теснота замкнутого пространства в данном случае играла против гладиатора, ибо в свете потайных фонарей проход перекрывало сразу несколько недружелюбного вида вооруженных мужчин. Острия обнаженных клинков качнулись в сторону Бэйла, а хмурые лица пристально следили за каждым его движением. Выяснять прямо на месте что это за молодцы и чего им, собственно говоря, надобно, явно не стоило. Гладиатор, затратив всего пару мгновений на принятие решения, отскочил назад и стремительно ретировался в гостиную, однако выбраться из нее другим путем не получилось. Из противоположной двери в комнату шагнуло еще несколько человек, заблокировав таким образом второй выход. Бэйл отступил в глубину гостиной, став спиной к окну и не сводя глаз с входивших людей. Ему понадобилось совсем немного времени дабы сделать кое-какие предварительные выводы. Версия с грабителями быстро отпала. Во-первых, брать у колдуньи было особо нечего, а случайное попадание неосведомленных посторонних лиц в ее дом практически исключалось. Стало быть, кто

бы сюда ни заявился, он пришел целенаправленно и явно не грабить. Охотники на ведьм? Возможно. Этих наемников и фанатиков то и дело можно встретить не только на просторах Южных земель. Подавляющее большинство из них не способно отличить ведьму от знахарки, из-за чего страдает множество невинных людей и портится репутация любого практикующего колдовство в целом. Правда, эта компания на них не очень-то похожа. Подобные персонажи обычно навешивают на себя уйму всяческого ритуального добра, да и выглядят по-другому. Объявившиеся же перед гладиатором мужчины производили совершенно иное впечатление. Вот одеть им форменные доспехи — в самый раз будет. Не исключено, они где-то там и есть, сокрытые под накинутой поверх ничем не примечательной гражданской одеждой. Кожаные, разумеется. Характерный звон кольчуги ухо Бэйла распознало бы моментально, а молодцы наверняка сидели в засаде и как минимум из-за этого не облачились в привычную броню. Да, ведь это была именно засада! А кому ее еще понадобится устраивать, как не ханской страже?

— Ни с места! Вы арестованы! — развеял последние сомнения гладиатора властный резкий голос выдвинувшегося вперед человека.

Бэйл встретился глазами с невысоким, но подтянутым малым с не грубым, но жестким лицом. Боковым зрением он наблюдал как потихоньку стараются протиснуться вдоль стен вошедшие в комнату люди и сделал предупреждающий взмах мечом. Несмотря на явное численное превосходство и вооружение, пришельцы немедленно остановились. Вероятно, у них был четкий приказ брать посетителей живыми, а для этого без крайней необходимости лучше до поры в столкновение не вступать.

— Вы, собственно, кто? — холодно поинтересовался Бэйл, небрежным движением сдвинув меч в сторону приземистого малого.

— Лейтенант Имперской стражи, — звонко отчеканил тот. — Немедленно сложите оружие!

Опаньки! Имперская стража? Доселе гладиатору не приходилось слыхать ничего подобного. Он не подал и виду, но внутренне очень напрягся, стараясь сориентироваться в обстановке. Похоже, в мире быстро происходили серьезные перемены, и вряд ли к лучшему, если ад-Сейдин уже успел организовать подобную структуру. Имперская, ни много ни мало!

— И по какому же обвинению? — все так же холодно поинтересовался Бэйл.

— Государственная измена! — заявил назвавшийся лейтенантом. — Подчинитесь, или мы будем вынуждены применить силу!

— По виду вы просто шайка бандитов, явившихся ограбить дом

беззащитной женщины, — усмехнулся Бэйл. — Что-то не похоже что вы представители какого-либо государства, или это теперь такая новая униформа: уличный бродяга сотоварищи?
На лице лейтенанта очертились скулы. Резким движением он сунул руку в карман и выудил оттуда большой металлический знак, который, придерживая края пальцами, выставил в направлении гладиатора. На черном молоте традиционно восседала красная саламандра, вот только теперь вся эта композиция виднелась на фоне перекрещенных мечей и чего-то подозрительно напоминавшего округлый фрагмент географической карты. Похоже, дела и вправду плохи.
— Меня что, должна убедить эта железка? — скривил рот гладиатор. — Первый раз вижу такую штуку. За пару монет у любого кузнеца можно заказать подобную безделушку.
— И сесть за подделку знака власти! Его обладатель имеет право бросить тебя в тюрьму или убить на месте при попытке сопротивления, — зло сказал лейтенант, которому начинала надоедать эта перепалка. — Сдавайся немедленно! Последнее предупреждение!
На самом деле Бэйл уже давно все понял и просто тянул время, дабы придумать подходящий план. Таковой подвернулся достаточно оперативно, но он выяснил еще не все что хотел. От наплыва эмоций офицер перешел на "ты", и вот-вот готов был отдать своим людям приказ, поэтому гладиатор тщательно подбирал слова.
— Где хозяйка дома? — осведомился он неожиданно миролюбивым тоном, несколько опустив свой клинок.
— Не тебе задавать вопросы! — бросил лейтенант, машинально реагируя на резко изменившееся поведение жертвы.
— Приведите ее сюда и покажите что она невредима. Это послужит доказательством что вы не убьете меня на месте, и я тут же положу оружие, — не меняя тона, предложил Бэйл.
— Ты осмеливаешься ставить мне условия? — изумился такой наглости офицер.
— Вовсе нет. Меня заботит собственная шкура, и я не хочу просто так получить в ней несколько лишних дырок, — пояснил гладиатор.
— Это невозможно, — помедлив, сказал лейтенант.
— Почему? — мягко удивился Бэйл. — Если вы ее прикончили, меня устроит увидеть и труп. Я воин и пойму была ли она убита вероломно или при сопротивлении.
— Это невозможно, — словно эхом повторил офицер в штатском с едва заметной запинкой, а глаза его как-то растерянно забегали.
— Спасибо за информацию, — усмехнулся гладиатор. — Я узнал

все что нужно.
— В каком смысле? — с нескрываемым подозрением осведомился лейтенант.
— Вы ее не поймали, верно? — улыбнулся Бэйл. — Она сбежала, иначе бы вы либо приняли мое предложение, либо заявили что она уже в тюрьме и мне представится прекрасная возможность встретиться с ней на допросе. Вы, господа стражники, просто обожаете подобные речевки! Очень предсказуемо. Точно так же, как и ваша пресловутая нерасторопность!
На самом деле вариантов было больше, но гладиатор выстрелил несколько наугад, провоцируя лейтенанта на ответ, и тот последовал незамедлительно.
— Издеваешься, мерзавец?! — взревел офицер. — Посмотрим как ты запоешь в каменном мешке! Уж будь уверен, недолго твоей сообщнице от нас бегать!
Итак, птичка все-таки упорхнула. Что ж, отлично! Значит, пора с чистой совестью уносить отсюда ноги. Не теряя более ни секунды, Бэйл рванулся с места и одним тигриным прыжком сиганул в выбитое окно. Расчет был прост: никакие ставни не удержат разогнанную массу его тела, а даже если где-то снаружи дежурит стража, то ей понадобится хотя бы минимальное время отреагировать на эффектное появление гладиатора. То самое, за которое и он предстанет во всеоружии.

Маневр сорвался самым непредсказуемым образом. Уже собиравшийся сгруппироваться Бэйл вместо ожидаемого треска вылетающих ставней услышал странный гул, с которым он налетел словно на кирпичную стену. Окно и не подумало податься, зато он пребольно ударился о какую-то незыблемую преграду, после чего отлетел от нее отброшенный силой собственного удара и свалился на пол.
— Взять его! — рявкнул опомнившийся лейтенант.
К упавшему гладиатору ринулись переодетые стражники, ибо в том что это были именно они давно отпали всякие сомнения. Бэйл, еще секунду назад распростертый на вязаном коврике, пружиной вскочил на ноги. В голове немного гудело, а плечо побаливало от перенесенного столкновения, но сетовать на судьбу можно будет после, равно как и разбираться что, собственно, произошло. Сейчас следует дать этим молодцам хороший отпор. Жаль места маловато… Одним мощным пинком стоявший поблизости стул полетел прямиком в приближавшихся справа вояк, в то время как меч Бэйла со звоном скрестился с теми что сунулись слева. Резкий взмах — и оружие ближайшего, не ожидавшего подобной атаки, со звоном улетело в стену. Стражник отпрянул назад, чем

вызвал еще большее замешательство среди напиравших товарищей, схожее с тем, что образовалось по правую руку при свидании со стулом. Второй и третий раз Бэйл попросту рубанул наискось. Теснившиеся люди хана не могли толком маневрировать и орудовать клинком, которым в основном получалось лишь колоть, в то время как гладиатор все еще позволял себе некоторую свободу в движениях. Сильный удар он произвел с определенным расчетом. Бэйл не фехтовал, не парировал и не пытался достать противника. Он лишал его оружия. Приложенное в нужную точку усилие сработало безукоризненно. Меч гладиатора, сыпанув искрами, рассек стальные сабли стражников как театральную бутафорию. Опешившие солдаты невольно попятились, таращась на образовавшиеся обрубки, а Бэйл уже подался вправо, со свистом скрестив клинок с находившейся там оправившейся троицей. Яростным напором он умудрился потеснить ее назад, разрубив саблю одного воина так же, как только что две до нее. Затем, пользуясь замешательством в стане отступившего врага, поддел ногой край стола и резким пинком перевернул его, опрокидывая на торец. В следующую секунду сам подался обратно, потянув за собой упавший на ребро стол, а к нему совершенно молниеносным выпадом присоединил мирно стоявший у стены диван, коротким рывком выдвинутый едва ли не поперек. Заняв позицию за образовавшейся баррикадой, Бэйл со свистом рассек мечом воздух, наигранно описав им окружность, и приглашающе поманил замявшихся молодцев, краем глаза высматривая чего бы еще такого прибавить к своему нехитрому заграждению. Стражники не то чтобы не ожидали такой прыти, но в замкнутом пространстве их движения оказались серьезно стеснены, и основной тактикой было всем скопом продолжать двигаться на жертву. С клинком перед собой сие выглядело весьма уверенно, но меч запертого в ловушку мужчины непостижимым образом лишал оружия их самих. Один точный удар по выставленной в его направлении сабле — и от той оставался невразумительный обломок, будто ее ковали не лучшие оружейники хана, а безрукие пьяные подмастерья. Отпрянувшие воины переглядывались, соображая что бы предпринять. Их лишившиеся оружия товарищи, все еще сжимая в руках ставшие бесполезными куски железа, отступили в задние ряды, откуда им на смену как из-под земли появились новые стражники. Тем не менее, особого энтузиазма в атаке они тоже не проявили.

— Колдовство… — зашелестело среди толпившихся людей, смотревших теперь на Бэйла с примесью боязливой осторожности.

— Чего застыли, трусы?! — рявкнул лейтенант.

Ближайший подчиненный молча продемонстрировал ему обломок

сабли, недвусмысленно кивнув в сторону гладиатора. Изрыгая проклятия, офицер решил явить собой пример и ринулся вперед. Ему никто не мешал, но и помогать, кажется, не торопился. Подскочив к баррикаде, он яростно скрестил оружие с как-то уж слишком долго сопротивлявшейся добычей.

Вероятно, лейтенант недурно владел клинком. Офицерский чин предполагал определенные заслуги и навыки, а не только бочкообразное брюхо и не менее жирное самодовольство, основанное исключительно на нашивках. Иными словами, от сержанта гвардии приходилось ожидать несколько большего, нежели от простого солдата, а лейтенант представлялся достаточно серьезным противником. На сей раз, однако, мастерство обращения с саблей ему не помогло. Видавший виды гладиатор с легкостью отразил все его выпады, а затем нанес несколько ответных ударов. Лейтенант парировал их все, но в результате вынужден был быстро отступить к подчиненным. Его сабля не выдержала очередного столкновения с искранувшим мечом Бэйла и раскололась. Лицо офицера исказилось от гнева и растерянности одновременно. Гладиатор криво усмехнулся, картинно рассекая воздух, загудевший при стремительном движении лезвия острее бритвы. У рукояти, на голубоватой стали несокрушимого меча, в свете потайных фонарей сверкнули какие-то загадочные символы. Это был тот самый меч, найденный в Аберидже и дарованный Бэйлу принцессой Таларой, и его невероятные свойства были таковы, что при правильно приложенном ударе он разрубал обычное оружие как сухую ветку.

В просторной комнате ненадолго воцарилось растерянное молчание. Стражники переглядывались, не решаясь проявить инициативу. Лейтенант, созерцая обрубок собственного клинка, шипел ругательства. Затем вскинул голову и вперил взгляд в подчиненных.

— Вперед, бездельники! — рявкнул он. — Четверо одновременно! Держаться на расстоянии ярда! С четырьмя сразу он не сможет сражаться!

Грохот упавшего на пол буфета возвестил, что Бэйл добавил к своей баррикаде еще и его, дабы сделать жизнь намеревавшихся достать его стражей еще менее легкой. На самом деле, сложившееся положение ему очень не нравилось. Более того — оно было просто отвратительным. Он зажат в угол значительным числом людей, и единственный способ вырваться из окружения означал пройти по трупам. Не то чтобы его сильно беспокоила подобная перспектива, да вот только в такой тесноте это весьма непросто. Всего один пропущенный удар кинжалом способен решить исход схватки, а получить его в замкнутом пространстве можно откуда угодно, да-

же если он изрубит нападающих в капусту. Слишком много рук и слишком мало места. А ведь вне этой комнаты наверняка есть еще желающие помешать ему выбраться из ставшего ловушкой дома.

Подгоняемые окриками лейтенанта, к Бэйлу приблизились сразу четверо стражников. Что ж, пока остается только биться и ждать подходящий случай. Всяко не лапки кверху поднимать. В чем именно этот случай будет выражаться гладиатор понятия не имел, но пока наглядно продемонстрировал офицеру Имперской стражи что и с четырьмя противниками одновременно он сражаться очень даже может. Комнату наполнил лязг оружия. Бэйл, стараясь не поддаваться гнетущим мыслям, дрался с холодной расчетливостью, которой так недоставало пребывавшим в некоторой нерешительности воинам хана. Они смотрели не столько на своего противника и его движения, сколько на молниеносно мелькавший в его руке меч, шарахаясь от него как от чумы. Каждый новый веер искр заставлял их нервно вздрагивать, а беспокойные глаза искали не как достать жертву, а как бы не получить от нее угощение. С таким боевым пылом результат оказался вполне предсказуем: двое стражников вскоре выбыли из строя, один держась за раненую руку, другой за пронзенный бок. Сабля третьего превратилась в металлолом, а четвертый рухнул без сознания на пол, получив удар рукояткой меча по голове. На смену первой четверке пришла вторая, а отключившегося воина быстро оттащили назад, но дела у нового квартета тоже шли далеко не лучшим образом.

— Стрелки, ко мне! — заорал лейтенант так, что у присутствующих зазвенело в ушах.

Бэйл помрачнел, сузив внимательные глаза. И без того дрянное положение грозило стать еще хуже. Если сейчас у стражников хватит ума отступить и вместо них из дверных проемов покажутся острия стрел натянутых луков — пиши пропало. Так же, как и если в задних рядах объявится пара лучников и начнет ловить момент для удачного выстрела. Для этого достаточно встать на стул и навести оружие на Бэйла. Замкнутое пространство с одной стороны мешало стрелкам дальше некуда, а с другой делало уязвимым и самого гладиатора, если опытный лучник выждет надлежащий момент. Бэйл лихорадочно соображал что делать дальше. Все решали считанные мгновение. Не пора ли рвануться вперед, прыгнуть в самую гущу врага и устроить мясорубку? Не исключено что последнюю в своей жизни, но лучше уж попытаться так, чем оказаться бесславно истыканным стрелами. Он уж совсем собрался осуществить отчаянное намерение, как вдруг к офицеру сунулся один из перемещавшихся в глубине комнаты стражников и что-то прошептал ему на ухо.

— Стрелки, отставить! — громыхнул лейтенант.
Лицо его отобразило смешанные чувства. Бэйл приободрился. Никак есть приказ брать явившихся в дом колдуньи именно живыми. Что ж, очень любезно. В таком разе у него еще есть шанс выпутаться. Пользуясь очередной заминкой среди атакующих, гладиатор на секунду отступил назад, сорвав и без того болтавшуюся после его неудачного броска в окно штору. Он все никак не мог понять почему выдержали ставни, едва не предав его прямиком в руки стражников самым подлым образом. Может быть, они теперь висят на волоске, и вторая попытка окажется куда успешней? Сейчас снаружи наверняка дежурит стража, но столкнуться с ней под открытым небом да еще в темноте всяко лучше, чем в этой мышеловке! Кстати, на месте этой самой стражи Бэйл бы уже сам давно сунулся в окно, чтобы достать противника с тыла. У них что, совсем нет тактического мышления?.. Последнее соображение вдруг навело гладиатора на мысль, что здесь что-то неладно. Что-то во всем происходящем не клеилось, но он никак не мог уловить что. Вновь подступившие стражники отвлекли его внимание на себя, но нахмурившийся Бэйл машинально цеплялся за возникшее у него странное ощущение, никак не шедшее теперь из головы. Он парировал и наносил контрудары, однако видение остававшегося за спиной окна неотступно маячило перед внутренним взором какой-то неясной угрозой, будто напоминание о возможном нападении. Очередным ловким выпадом разрубив саблю ближайшего стражника, Бэйл, даже сам еще не до конца отдавая себе отчет зачем он это делает, стремительно развернулся и плашмя ударил не успевший упасть на пол осколок клинка, направив его прямиком в оконный проем. Прием был поистине виртуозным, но его результаты оказались куда более впечатляющими. Не долетев до ставня каких-то полдюйма, кусок металла, громко брякнув, вдруг отлетел обратно и со звоном покатился по полу. В оконном проеме, испустив в пространство негромкий гул, прокатившейся наискось волной блеснула на мгновение невидимая преграда. Окно было перекрыто колдовским барьером!

Осознать насколько теперь все действительно стало плохо Бэйл попросту не успел. Даже если защиту поставила Заура, у него не имелось возможности снять ее каким-либо образом, а у гладиатора были основания полагать что колдунья здесь ни при чем. Наложить барьер на проем заранее — это одно, а проделать то же самое уже после того как стражники, судя по следам, проникли в комнату снаружи не имело смысла. Стало быть, преграду сотворил кто-то еще, и вряд ли это сумела осуществить теснившаяся в комнате компания, даже усердствуй она всем скопом. Ответ на без-

молвный вопрос пришел скорее, чем хотелось бы. Бэйл продолжал машинально махать клинком, отбиваясь от наседавших стражников, и вдруг явственно ощутил как нагрелась рукоятка меча. Не настолько сильно, дабы он выронил оружие из руки, но достаточно для того чтобы испытать некоторый дискомфорт. Невольно удивленный гладиатор в первый момент даже подумал, что ему просто кажется, будучи разгоряченному схваткой. Увы, причина была в ином. Ощущая ладонью идущий из рукоятки странный жар, озадаченный Бэйл в какой-то момент сделал шаг в сторону и неожиданно споткнулся о невесть откуда взявшееся там препятствие. Доселе мирно пребывавшая у стены скамеечка для ног загадочно переместилась аккурат ему под голень, и ничего не подозревавший гладиатор немедленно потерял равновесие. Он всегда отлично держался на ногах, но произошедший эффект был сродни тому, когда вы прыгаете на какую-то поверхность, группируясь в момент приземления, а означенная поверхность оказывается заметно ниже. Густая высокая трава вполне способна проделать такую неприятную штуку, скрывая свой истинный уровень. Подвернувшаяся же скамеечка подсекла гладиатора самым гнусным образом. Вместо отражения удара Бэйл всплеснул руками и едва не рухнул на пол, перевалившись через материализовавшееся препятствие и лишь чудом приземлившись на одно колено, цепляясь за импровизированную баррикаду. Ближайший стражник чуть не достал его саблей и явно намеревался нанести новый удар, пользуясь тем, что гладиатор оказался в весьма уязвимом положении. Успев подставить меч, Бэйл постарался отпрянуть и побыстрее выпрямиться, пока его не атаковали со всех сторон. В этот момент послышались раскаты подозрительно знакомого наречия. Промеж стражников вдруг прошмыгнула светящаяся белым сфера и нырнула прямиком к гладиатору. Комнату озарила яркая вспышка. Не успевший прикрыть глаза Бэйл утратил способность что-либо видеть, ослепленный потоком исторгнутого лопнувшей сферой света. Находившиеся рядом воины разделили его судьбу, издав болезненные вопли, но гладиатору от этого было не легче. Зашатавшись, он яростно зарычал, тряся головой и размахивая мечом попросту наугад. Инстинктивный шаг назад — и проклятая скамейка опять сунулась под ноги, отчего потерявший ориентацию в пространстве Бэйл на сей раз все-таки не удержался и свалился на пол. Он уже не мог видеть, как у баррикады, выступив из дальнего конца комнаты, появилась фигура в сером балахоне, смахивавшим на монашескую робу, разве только расшитую непонятными символами. Бесстрастно пройдя мимо ругавшихся на чем свет стоит трущих глаза стражников, которым что-то кричал

лейтенант, она очутилась прямо напротив гладиатора. Один из незрячих воинов случайно задел человека в балахоне саблей, но тот не обратил на это ни малейшего внимания. Оружие скользнуло по его контуру не причинив вреда, а сам контур ненадолго исказился так, будто он одновременно и был здесь, и нет, исчезая и появляясь десятки раз в секунду. Уставившись на гладиатора горевшими из-под капюшона угольками глаз, человек протянул к нему руку. Вылетевшие из широкого рукава путы немедленно обвили ноги силившегося встать Бэйла. Выкрикнув проклятие, тот вслепую попытался разрезать их мечом, который по-прежнему не выпускал из рук. Клинок скользнул по кольцам веревки с руническими символами и те немедленно опали, рассеченные могуществом зачарованной древней стали. Человек в балахоне нахмурился. Из-под капюшона послышалось злобное шипение. В следующее мгновение комнату вновь огласила колдовская речь и Бесплотный удар выбил меч из руки Бэйла, оставив его безоружным.
— Он ваш, — изрек колдун. — Его меч мой.
Повинуясь приказу офицера, вперед выскочило несколько стражников и ринулось к гладиатору, отчаянно пытавшемуся нашарить ускользнувшее оружие. Они навалились на него всем скопом, повиснув на плечах, хватая за руки и накидывая веревки. Рассвирепевший Бэйл яростно сопротивлялся. Он наносил и пропускал удары. Его мелькавшие кулаки доставили стражникам немало хлопот, один из которых отлетел в сторону и грохнулся на пол, а другой, согнувшись в три погибели, судорожно ловил открытым ртом воздух. Увы, нападавших было слишком много, а Бэйл все еще мало что видел. Сообразив что вот-вот попадет в плен, он каким-то нечеловеческим усилием вырвал руку с повисшими на ней стражниками и сунул за пазуху, нащупывая заветную тубу. В вихре событий он чуть не забыл про ее существование и теперь стремился исправить грозившую стать роковой ошибку. Вдавив палец в небольшое углубление на металлической поверхности, Бэйл ощутил слабую вибрацию и легкое тепло. Содержимое тубы было немедленно уничтожено наложенными на нее чарами. Это движение окончательно стоило ему свободы. Стражники незамедлительно воспользовались появившейся слабиной в сопротивлении гладиатора. Пропустив удар дубинкой по голове, он рухнул как подкошенный, проваливаясь в черное забвение.

– 4 –

До сих пор Бэйл никогда так долго не отсутствовал. Илиана не видела его уже четвертый день и всерьез забеспокоилась. Он и

прежде на некоторое время отлучался, но всегда предупреждал ее заранее, дабы попусту не волновать воспитанницу. Конечно гладиатор мог и приболеть, хотя за все его пребывание в Солтенстиле такого ни разу не случалось, но ведь и тогда он бы наверняка нашел способ дать о себе знать. На этот раз Бэйл как в воду канул. Пойти к нему домой самостоятельно у Илианы не было возможности, поскольку выход в город ей заказан, а без Талары все тайные вылазки стали недоступны. Девушка долго колебалась, размышляя. Не навредит ли она ему, если начнет наводить неуместные справки? Ну как Бэйл запропастился ввиду очень важных и срочных обстоятельств, о которых лучше бы никому не знать? Ведь он поддерживал тесную связь с Сирелиной, а дела с чародейкой лучше держать в тайне. Взвесив все за и против, Илиана решила наведаться к управляющему, ведавшему всеми слугами вне непосредственно дворца. Ведь нет ничего зазорного если она поинтересуется куда подевался ее знакомый садовник. Тот самый, с которым постоянно упражнялась в фехтовании принцесса.

Разодетый толстяк управляющий лишь развел руками. Он и сам хотел бы знать почему вдруг давно ставший приметным работник который день не появляется при дворце. По правде говоря, он бы уже принял соответствующие меры, но близость к ее высочеству… Понимая, что говорит сейчас с приближенной ханской дочери, которую та постоянно держала при себе, управляющий выражался доверительно-вежливым тоном, намекая на несколько щекотливые обстоятельства. Илиана быстро уразумела, что управляющему известно не больше чем ей, а из-за опасений вызвать неудовольствие принцессы он решил не связываться с Бэйлом и попросту пустил дело на самотек. Мол, придет, куда он денется. Загулял, поди, где-нибудь, пользуясь отсутствием высокой покровительницы, благо что в Солтенстиле развлечений хватает.

Ничего не добившись от толстяка, Илиана вернулась к себе домой и призадумалась пуще прежнего. В том что управляющий говорит правду она даже не сомневалась. Вот только ей-то что теперь делать? Девушка знала настоящий адрес Бэйла, который держался в тайне ото всех, кроме нее, Сирелины, да еще Талары, но какой ей от этого знания прок? Даже если она каким-то образом сумеет отправить весточку или явится лично, это ничего не изменит. Записку гладиатор прочтет если окажется дома, а в таком случае он и сам наверняка догадается известить Илиану о своем появлении. Это же относилось и к непосредственному визиту, хотя в последнем случае девушка могла бы по каким-нибудь признакам определить возможную причину отсутствия Бэйла. Больше всего Илиану угнетала очевидная невозможность что-либо

предпринять. На время отъезда Талары она поддерживала связь с внешним миром исключительно через нареченного дядю, и теперь эта ниточка неожиданно выскользнула из рук. Как ни крути, а все что ей оставалось — это терпеливо ждать, надеясь на скорое возвращение гладиатора. Наверняка он выполняет срочное поручение Сирелины, раз даже не успел об этом сообщить. Утвердившись на этой мысли, Илиана постаралась успокоиться, но так и не смогла отделаться от поселившегося в груди чувства невнятной тревоги.

На следующее утро в дверь негромко постучали. Услышав стук, Илиана вылетела из-под одеяла и, накинув халат, опрометью ринулась к двери. Это наверняка наконец-то пришел дядя Бэйл! Кому бы еще быть? Озаренное надеждой лицо померкло, когда она увидела на пороге совершенно незнакомого человека.

— Вам кого? — спросила девушка, не скрывая своего разочарования.

— Мне нужна Илиана, смотрительница зоопарка, — сказал незнакомец, окинув ее фигуру внимательным взглядом.

— Это я, — вздохнула девушка. — Что вам угодно?

— Меня просили передать вам эту птицу, — сообщил человек, указывая жестом на какой-то большой плотно закрытый тканью предмет, стоявший на земле подле его ног.

Это оказалась внушительных размеров птичья клетка. Удивившись, Илиана присела на корточки и приподняла темную драпировку. В клетке сидела большая рогатая сова с пышным рыжеватым оперением. Она сонно щурила круглые желтые глаза, один из которых приоткрылся и уставился на заглянувшую к ней девушку.

— Кто просил? — озадаченно поинтересовалась Илиана.

— Мне сказали, вы поймете, — отозвался посетитель.

Подняв на него взор, Иля увидела, как он быстро, но красноречиво приложил палец к губам, поведя глазами в сторону гвардейцев. Те, как и прежде, традиционно маячили на своем посту, хотя, по правде говоря, уже давно манкировали своими обязанностями ввиду неоднозначного положения нирелинки.

— Больше вас ничего не просили мне передать? — осторожно уточнила девушка, сообразив, что здесь не все так просто.

— Только то, что птица требует вашего внимания. Ведь попасть к вам было очень непросто, — отозвался незнакомец. — А теперь разрешите откланяться.

Кивнув Илиане, он развернулся, прошел скорым шагом мимо равнодушно посмотревших на него гвардейцев и быстро скрылся из виду. Оброненные утренним посетителем слова что-то да значили. Задумчиво посмотрев ему вслед, девушка подхватила клетку и

вернулась в дом, не забыв притворить дверь. Пройдя в свою комнату, она поставила тяжелую клетку на стол и сняла закрывавшую ее ткань. В ее жилище было не так светло как на улице, а посему сидевшая спиной к окну сова приоткрыла глаза, не опасаясь болезненно слепящей яркости голубого небосвода.
— Ну здравствуй, — сказала Илиана, внимательно рассматривая нового питомца.
Сова негромко ухнула. Это было не случайное совпадение — девушка говорила с ней на одном языке.
— Как тебя зовут, и откуда ты взялась? — улыбнулась Иля.
Птица заворочалась, шевеля крыльями и замысловато гугукуя.
— Что-что? — невольно переспросила девушка. — Неужели?
Открыв клетку, она протянула руку. Сова немедленно выкарабкалась из своего тесного узилища и взгромоздилась на запястье Илианы. Та осторожно нашарила ее правую лапу под пышным оперением и обнаружила привязанную к ней свернутую бумажку, сливавшуюся своим цветом с пернатой красавицей. Пересадив птицу на спинку стула, Илиана, с трудом сдерживая невольно нахлынувшее волнение, развернула неведомое послание. В нем содержались следующие строки:

"Ты меня не знаешь. Я очень рискую, отправляя тебе это сообщение, как рискует и тот, кто доставил тебе сову. Известный тебе гладиатор получал через меня почту. Полагаю, ты догадаешься какую. Не жди его — он арестован Имперской стражей. Я постараюсь как можно скорее известить кого следует, но за мной идут по пятам. Гладиатор и знакомая тебе женщина упоминали кто ты и где живешь, поэтому я смогла отправить тебе записку. Прими необходимые меры и будь предельно осторожна — со стражей был черный колдун!"

Прочитав написанное мелкими красивыми буквами письмецо, Илиана похолодела. С побледневшим лицом она молча смотрела на клочок бумаги, принесшей ей столь ужасную новость. Девушка пришла в себя лишь когда этот клочок неожиданно изменил цвет, а затем, подернувшись по периметру переливающимися огоньками, рассыпался на тысячи крохотных искорок. Зачарованное послание бесследно исчезло через пару минут после открытия. Встрепенувшись, Иля вспомнила про сову. Та, сидя на спинке стула, неторопливо копалась под крылом внушительным загнутым клювом. Теперь девушке стали совершенно понятны последние слова незнакомца. Уделяя подчеркнуто предложенное внимание птице, она непременно должна была обнаружить и спрятанное у нее на лапе послание. Ведь о даре Илианы не знал даже Бэйл, и то что она обнаружила бумажку быстрее благодаря прямому обще-

нию с совой — чистая случайность. Но именно благодаря этому дару сова теперь могла поведать ей гораздо больше, нежели говорилось в записке. Взволнованная Илиана немедленно приступила к расспросам.

Совы недаром считались мудрыми птицами. Уровень их умственного развития существенно выделялся на фоне многих живых существ, и с ними, в прямом смысле слова, было не только легче, но и куда продуктивнее говорить. Они, разумеется, обладали собственной спецификой мышления и словарным запасом, но Илиана с легкостью перестраивалась даже на самые сложные вариации. Кроме того, принесенная ей особь оказалась почтовой, долгие годы контактировавшей с людьми и привыкшей к ним не меньше чем к собственным сородичам. Сову не сильно интересовали творившиеся вокруг нее человеческие дела, но память у нее была что надо, и оттуда вполне можно было извлечь немало небезынтересных подробностей. Общество владеющих даром колдовства птицу давно уже не удивляло, и она воспринимала его как нечто само собой разумеющееся. Некоторые из колдуний даже умели с ней вполне прилично общаться, хотя никому из них и не снилось приблизиться к уровню Илианы. Умная птица отметила это обстоятельство, выразив девушке свое изумление. До сих пор ей не попадались люди способные взаимодействовать с ней столь высочайшим образом. Заинтригованная сова оказалась весьма словоохотлива и без утайки поведала новой хозяйке все, что та хотела знать. Ей доставляло подлинное удовольствие рассказывать как есть, ибо впервые в жизни ее прекрасно понимали. В результате Илиана узнала намного больше, чем надеялся донести до нее неизвестный отправитель.

Сову звали Шуя. Вместе с другими птицами она жила в уединенном лесном доме, принадлежавшим колдунье по имени Заура. Шую с молодости натаскали по почтовым делам, и она частенько моталась за многие мили, относя привязанное к лапе послание и возвращая ответную корреспонденцию. Такое положение вещей сову вполне устраивало: уютный насест, сытная кормежка и достаточная степень свободы, позволявшая ей охотиться в свое удовольствие. Конечно то и дело приходилось выполнять порученную работенку, но периодические дальние перелеты Шуе были не в тягость. Размяв крылья и поживившись по дороге какой-нибудь кстати подвернувшейся добычей, сова возвращалась под родную крышу с чувством выполненного долга и какое-то время отдыхала, развлекаясь возней с пернатой компанией и совершая вылазки в лес. Все неожиданно изменилось, когда к хозяйке совсем недавно заявилась большая группа людей. До сих пор в лесном доме на

холме бывали посетители совсем иного рода и уж точно никогда в таком количестве. В их намерениях читалось откровенное недружелюбие. Они потихоньку окружили дом и вломились в него одновременно с разных сторон, распахнув двери и выбив несколько окон. Среди них был тот, кто мог творить колдовство не хуже Зауры, а может быть даже и лучше. Его голос громко разносился над всеми прочими, когда он снимал защитные заклинания, намереваясь добраться до владелицы лесного приюта. Враждебные посетители не преуспели. Заура сумела ускользнуть прямо у них под носом, и когда до колдуна это дошло, он ринулся в погоню, прихватив с собой пару человек. Остальные надолго обосновались в доме и устроили там засаду. Они называли себя "Имперская стража" или что-то в этом духе, и их злые намерения чувствовали все пернатые обитатели башни. Напрасно пришельцы надеялись заполучить почтовых птиц в свои руки. Перед стремительным бегством Заура успела освободить всех подопечных, благо что для этого предусматривался отдельный механизм. Более того, теперь ни один крылатый посланник не остановится в этом пункте назначения, поскольку она заодно уничтожила привлекавший их маяк. Совы и вороны чародеек были выдрессированы особым образом. Не находя привычного условного сигнала, они, в отличие от простых почтовых голубей, никогда не приземлятся на насест, даже если во всем остальном тот будет выглядеть как прежде. В результате раздосадованные пришельцы обнаружили башенку пустой и напрасно надеялись что в нее рано или поздно кто-нибудь вернется. Покинувшие ее птицы разлетелись кто куда. Часть из них сбежала в окрестный лес в ожидании когда дом снова станет обитаемым, а часть отправилась к другим известным насестам. У натасканных чародейками сов и воронов ума для этого вполне хватало. Шуя укрылась неподалеку, и с высоты старого дерева наблюдала за происходящим. Тогда-то она и видела, как одной ненастной ночью в засаду угодил какой-то мужчина. Из-за ночной тьмы или собственной неосторожности он не заметил изменений в почтовой башне и вошел прямиком в ставший ловушкой дом. Ох и дал он жару притаившейся компании, судя по доносившимся изнутри звукам. К сожалению, в дело вмешался другой колдун, дежуривший в лесу невдалеке от места событий. Заура сумела обмануть отправившегося за ней преследователя, но на второго никак не рассчитывала. Когда бесчувственного и связанного пленника выносили из дома, она как раз показалась поблизости, но помочь схваченному человеку ничем не могла. Численное превосходство захватчиков и присутствие колдуна не позволили ей вмешаться, поэтому притаившаяся в зарослях женщина лишь молча наблюда-

ла как увозят ее ночного посетителя. Шуя узнала этого мужчину. Его звали Бэйл. Он частенько захаживал сюда по почтовым делам и колдунья, страшно рискуя, видимо потому и вернулась, дабы упредить грядущую беду. Увы, она опоздала.

Сова последовала за хозяйкой когда та удалилась в лес, на этот раз ухитрившись поджечь дом как минимум с одной стороны. Жаль она не успела сделать этого сразу. Ее едва не схватили, но занятые распространявшимся огнем пришельцы не догадались немедленно искать поджигателя, стараясь побыстрее сбить разгоравшееся пламя. Второй колдун отбыл с пленником, а первый еще не вернулся, так что у Зауры появился шанс покончить с любимым, но теперь все равно безвозвратно потерянным домом. И она его реализовала, чтобы никто больше не попался в лапы стражников.

Хозяйка была безмерно рада увидеть подлетевшую к ней птицу. Шуя не покинула ее даже тогда, когда Заура под покровом ночи пробралась в какой-то пригород и постучалась в дом к незнакомому сове человеку. Они о чем-то долго совещались, а наутро Заура исчезла, оставив Шую на попечение своего знакомца. Предварительно она привязала к лапе совы записку, а затем собственноручно посадила в большую клетку и наказала сидеть тихо. Шуе подобное обращение пришлось не слишком по сердцу, но она смирилась и проторчала в тесном узилище вплоть до тех пор, пока ее не выпустила новая хозяйка.

Да, птица изъявила желание чтобы девушка с необычными глазами, свободно общавшаяся с ней на собственном совином языке, стала ее новой хозяйкой. В ее обществе Шуя чувствовала себя спокойно и уютно, ощущая мысли человека как свои собственные. От Илианы исходили тепло и забота, хотя она могла велеть слушаться себя простым усилием воли. Сова сообщила, что хозяйка может располагать ей как заблагорассудится, но сейчас, если никто не возражает, она хочет немного подремать. Двое суток в клетке на пользу ей всяко не пошли, да и столь продолжительный разговор несколько утомил с непривычки. Илиана ласково потрепала Шую по перьям и оставила в покое. Сова немедленно смежила веки, а Илиана уселась на кровать и глубоко призадумалась.

Поведанное совой встревожило девушку сильнее некуда. Как чувствовало ее сердце что здесь неладно! Выходит, она не ошиблась. Дядю Бэйла схватили и бросили в темницу. Его дальнейшая судьба была неизвестна, но предыстория заставляла предположить самую мрачную перспективу. Разумеется, что-то Илиане пришлось додумать самостоятельно, одевая рассказ совы в более понятную

форму. Основываясь на полученной записке и известных ей самой вещах, она объединила их с речами Шуи и в результате получила крайне неприглядную картину. Только что же теперь прикажете делать? Первым порывом Илианы было написать Таларе, однако девушка немедленно наткнулась на серьезное осложнение. А что именно она ей скажет? Что дядя Бэйл арестован за тесные отношения с чародейками, а она узнала об этом от одной колдуньи? Даже при всей доброжелательности принцессы у нее глаза на лоб полезут от такого послания, и она окажется в весьма непростом положении. Нет, так никуда не годится. Таларе, конечно, сообщить надо, но для этого следует придумать какой-то другой сценарий. Зато от предупреждения Зауры отмахиваться действительно не стоит. Колдунья не знала как именно арест гладиатора отразится на той, кого доверили его опеке, поэтому изыскала возможность и драгоценное время оповестить Илиану о произошедшем несчастье. Помимо важной информации оказавшаяся в курсе событий девушка успеет скрыть все свидетельства ее общения с чародейками, минимизировав возможные плохие последствия в случае если стражники доберутся и до нее. С какой именно целью — не суть важно, так как хорошего от них уж точно ожидать не приходилось. Окинув глазами комнату, Илиана решила благоразумно последовать полученному столь необычным образом совету. Она быстро перетряхнула свое жилище, вытаскивая из тайника и разных укромных уголков все что имело хоть малейшую связь с чародейкой, оставив лишь самые безобидные книги. Письма Сирелины, специфическую литературу и неоднозначные вещи она запихала в большую сумку, которую требовалось незамедлительно спрятать понадежнее. Не теряя времени, Илиана скинула халат и одела куда более подходящий для прогулки наряд. Затем подхватила сумку и выпорхнула из дома, оставив сову мирно почивать на спинке стула.

Надежным местом все еще был заветный чердак. Забытое всеми помещение по-прежнему посещалось одной лишь Илианой, находившей в нем полный покой и уединение. Вот если и его обнаружат — тогда пиши пропало, сколько там скопилось разного вызывающего вопросы добра. Теперь к нему добавились и новые вещи, заботливо разложенные девушкой в аккуратном порядке. Переписку она на всякий случай сунула под половицу, хотя понимала, что если ее убежище найдут, то все равно перевернут его вверх дном. Интересно, стоит ли ей принести сюда сову и оставить жить здесь или нет? Птице, бесспорно, будет тут спокойно и уютно, но если кто-нибудь заметит как она летает через слуховое окно, то случайный интерес может все погубить. Хотя, собственно,

кому какое дело? Кто обращает внимание на живущую своей жизнью фауну? Ведь никто же не знает что это за сова и откуда она взялась. Вернувшись мыслями к пернатой красавице, Илиана вдруг поняла, что стала теперь не такой уж отрезанной от всего мира, как прежде. До сих пор у нее не было собственной почтовой птицы. Сирелина общалась с ней через Бэйла и привычный хорошо отлаженный канал, опасаясь, что постоянно курсирующую непосредственно к воспитаннице живность рано или поздно кто-нибудь заметит. Да, Шую, пожалуй, все-таки следует переместить на чердак, иначе ее присутствие действительно станет слишком заметным, особенно после произошедших событий. Но уже с чердака Илиана вполне может воспользоваться ее услугами и отправить весточку Сирелине. Умная, натасканная на почту сова сама знает кому ее доставить, в то время как на любую другую птицу из зверинца положиться все-таки нельзя. Даже если девушка сумела бы объяснить пернатому посланцу что от него требуется, он вполне мог заплутать в дороге, а то и вовсе забыть про полученное поручение. К тому же адреса промежуточных почтовых станций были неизвестны, а рассчитывать что незнакомая птица самостоятельно и без ошибок доберется до обители чародеек, где даже сама Илиана никогда не бывала и знала ее описание лишь со слов Сирелины — весьма легкомысленно. С Шуей же девушка обрела серьезную возможность наладить срочную линию связи с чародейкой. Уж какие-нибудь несколько вылетов совы почти наверняка пройдут без лишнего риска. Что ж, решено! До ночи Шуя пусть поспит, а как стемнеет Илиана попросит ее заняться привычным делом. Сейчас же безотлагательно стоит составить письмо Сирелине. Устроившись на мягкой лежанке, девушка вооружилась письменным прибором и, подложив широкую писчую дощечку, принялась старательно выводить слова мелким красивым почерком. Таларе, конечно, тоже надо обязательно написать. Только придумать что именно и в какой форме.

Выспавшаяся сова внимательно выслушала свою новую хозяйку. Илиана как раз отнесла ее на чердак, делая вид что идет с клеткой в птичник. Ловкий ход Зауры сработал на отлично, позволив ее посланцу доставить птицу работавшей в зверинце девушке. Уж с какими бумагами он прошел мимо стражников — кто его знает, но вряд ли у кого-то вызвала вопросы сидевшая в клетке сова, предназначенная служительнице зоопарка. Теперь же на глазах у поста гвардейцев Илиана утащила живую посылку по назначению. Вот только немного не доходя птичника она нырнула на боковую дорожку и, сделав крюк, незаметно добралась до своего убежища. Шуя как раз осваивала свое новое жилище, когда

Илиана изложила ей суть своей просьбы.
— У-ху! — ответила сова, что лишь для обладавшей уникальным даром девушки означало: "конечно, о чем речь!"
Быстро прикрутив к ее лапе тщательно запечатанное от сырости послание, девушка проинструктировала крылатую курьершу что ей следует делать. Собственно, инструкции были короткими. Шуя должна слетать к ближайшей известной ей почтовой станции и вручить письмо тамошней служительнице. Адресат указан непосредственно на внешней стороне письма, так что если служительница не полная дура, она поймет куда его следует переслать дальше. За ответом Шуя прилетит позже. Другие птицы не знают где найти отправителя, а посему она вернется за ним примерно через неделю. К тому времени, получив сообщение Сирелины, служительница уже будет поджидать сову и снарядит ее должным образом. После этого Шуя сразу же выдвинется обратно на чердак. Вот только все вылеты необходимо совершать очень осторожно. Поблизости не должно быть людей и никто не должен видеть как сова шныряет через слуховое окно. Шуя ведь помнит что произошло с лесным приютом, когда туда пришли плохие люди? Нельзя чтобы подобное случилось вновь. Сова ответила понятливым уханьем. Она не желает беды новой хозяйке и обещает быть предельно внимательной. Ни одна душа не заметит ее около чердака. Илиана повторила, что это очень важно. Шуя отозвалась, что она и с первого раза прекрасно все усвоила, но если хозяйку это успокоит, она сначала будет садиться несколько поодаль и хорошенько осматриваться, следуя на чердак только если рядом не окажется посторонних. От слуха и зрения совы им не укрыться. Илиана погладила прикрывшую глаза от ласки птицу и закончила обустраивать ей подходящий насест. Выходившее в противоположную от пруда сторону слуховое окно она оставила полуоткрытым и наглухо зафиксировала в таком положении, дабы сильный порыв ветра не грохнул рамой и не побил стекла. Когда птица бесшумно исчезла в сгустившейся темноте, девушка глубоко вздохнула и отправилась домой. Наутро она попросит визиря переслать принцессе новое письмо, а потом ей опять останется лишь ждать, терзаясь о судьбе схваченного дяди Бэйла. Собственно, может быть она зря так сильно переживает? Нет, конечно Сирелину обязательно надо известить, да и вообще событие прескверное, но что стражники могут ему предъявить? Что он приходил к колдунье? Да кто к ним не ходит? Ворожба, приворотные зелья, заговоры и снятие порчи — обыватели, хоть и боятся колдовства, сами то и дело прибегают к его таинственной силе. Правда они, как правило, имеют дело с шарлатанами, но это ничего не меняет. Сам Бэйл не колдун, и ес-

ли у него не найдут чего-либо связывающего с чародейками, то с него и взятки гладки. Постращают, оштрафуют и отпустят. Разве нет? Насколько Илиана знает, обычно тем все и заканчивается.

— У него было это, — сказал Пириаст, положив на стол меч в ножнах.

— Что-то особенное? — поинтересовался Дегонис, бросив на оружие взгляд из глубины опущенного капюшона.

— Манипулятор не смог его раскалить. И этот клинок с легкостью рассек зачарованные веревки, считающиеся неуязвимыми для простого человека и даже колдуна средней руки. Это уже не говоря о том, что он разрубал сабли стражников как жалкие деревяшки, — пояснил помощник, на время отсутствия Баратиса являвшийся старшим после него в иерархии Нижних подземелий.

Дегонис был не в состоянии лично за всем приглядывать, равно как поспеть везде и всюду, и ему требовался заместитель. Он поручал Пириасту ведать делами попроще, в то время как сам давно уже сконцентрировался на самых важных, из тех что были по силам лишь ему.

— Вот как? — заинтригованно произнес старший колдун, невольно придвинувшись поближе. — А почему я об этом узнаю только сейчас?

— Потому что только накануне и выяснилось: Манипулятору это оружие оказалось не по зубам, а пленник — не простая птица, — сообщил Пириаст. — Манипулятор рассчитывал разобраться с клинком самостоятельно — не вышло. У него не хватает знаний понять с чем он имеет дело, но заключенная в этой стали сила сомнений не вызывает, раз у него даже не получилось нагреть меч в руке владельца до такой степени, чтобы тот его выронил. Он пришел ко мне. Я хорошенько расспросил его и выяснил кое-что о том человеке, у которого нашли этот меч.

— Да, и что же? — поинтересовался Дегонис.

Он медленно провел пальцами над покоившимся в ножнах мечом и на тыльной стороне его ладони проступили красные рунические символы.

— Это некий Бэйл. Тот самый, что служит при дворце садовником и тот самый, что занимается фехтованием с принцессой Таларой. Именно его схватили на ближайшей почтовой станции чародеек. Он оказал ожесточенное сопротивление, — доложил Пириаст.

— И я узнаю об этом только сейчас?! — с нехорошим изумлением в голосе повторил Дегонис.

— Простите, мастер, но я здесь ни при чем, — быстро отозвался рыжий колдун. — Его, как и положено, арестовала Имперская стража. Мы с ней сотрудничаем, но все-таки пока ей не команду-

ем. Манипуляторы выполнили свой долг, ведь лишь благодаря им стражники вообще смогли отыскать дом колдуньи. Сама она, к сожалению, ускользнула. Это все было в рапорте.
— Еще бы я не читал рапорт, если сам и спланировал удар по гнездам чародеек! — раздраженно воскликнул Дегонис. — Выявить ячейки их почтовой сети и убежища в регионе оказалось весьма непросто, но Манипуляторы справились. Если бы не наше вмешательство, эти опасные женщины кто знает сколько лет еще преспокойно действовали бы у нас под носом! Я же сам и помогал хану создавать Имперскую стражу, я же сам и снарядил ее особые отряды нашими Манипуляторами, я же сам и сообщил им где следует искать. Да, я получил рапорт о проведенной операции. Только там не было ни слова ни про этого Бэйла, ни про его меч. Кстати, ты абсолютно прав: я чувствую в нем великую силу, которую не встречал уже очень давно. Силу из давно забытого мира…
Голос Дегониса стал очень странным, будто его обладатель погрузился в некий транс воспоминаний.
— Какого мира? — осторожно осведомился Пириаст.
— А? Неважно. Ты о нем ничего не знаешь. Никто из вас. Даже эти самонадеянные чародейки, хотя они воображают, что им известно все. Не думаю, что о нем помнит кто-нибудь из ныне живущих, — отозвался старший колдун.
Пириаст испытал почтительный трепет. Мастер невозмутимо дал понять всю глубину своих необъятных познаний, недоступных целым поколениям.
— Что говорит пленник? — вернулся к насущному вопросу Дегонис.
— Предъявленные обвинения отрицает, — усмехнулся помощник.
Он быстро ввел старшего колдуна в курс событий. С момента своего ареста гладиатор не сообщил ничего полезного и старательно разыгрывал из себя невинную жертву обстоятельств. К колдунье он приехал за целебными настойками, а меч ему подарили. Сам же он чарами не владеет и в них не разбирается, а ни про каких чародеек знать не знает. Сопротивлялся же потому что принял стражников за разбойников. Одеты они были не по форме, а показанный лейтенантом знак никогда прежде не видел. Бэйл сообщил все это сразу, и теперь, спустя несколько дней, продолжает стоять на своем. К нему еще не применяли повышенные степени допроса, но за этим дело не станет, когда обвинение соберет больше фактов о почтовой станции и колдунье по имени Заура.
— Этого ни в коем случае нельзя допустить! — заявил Дегонис.
— Почему? — искренне удивился Пириаст.
— Потому, болван, что этот Бэйл не простая птица, как ты сам из-

волил выразиться, — напомнил старший колдун. — Или ты решил не принимать во внимание его тесное знакомство с принцессой?
— Но у нас есть достаточно веские основания! — возразил помощник. — Его обвиняют в государственной измене, и если он виновен…
— Если! — выразительно изрек Дегонис. — Вот именно что ЕСЛИ. А если нет? Если все сказанное им — правда, и до чародеек ему нет ровным счетом никакого дела? Как только мы начнем хватать всех подряд за ворожбу и прочую ерунду, то в тюрьмах места не останется. И уж ни для кого не секрет, что слишком многие предпочитают обращаться за различными настойками не к врачам, а к знахаркам и колдуньям. Уж кто-то, а мы-то с тобой это отлично знаем!
— Мы что, просто поверим ему на слово? — проворчал Пириаст.
— Я этого не говорил, — наставительно произнес старший колдун. — Но доказательств у нас, мягко говоря, маловато. В металлической тубе, каковую, судя по рапорту, обнаружила при нем стража, не оказалось ничего кроме пепла. Прояви они больше расторопности и заполучи ее содержимое нетронутым, тогда, возможно, у нас на руках оказались бы неопровержимые улики связи этого Бэйла с чародейками. В противном случае его версия о происхождении предмета не опровергнута.
— Ну так у нас найдутся специалисты способные вытянуть из него куда больше, нежели он хочет сказать! — пожал плечами рыжий колдун.
— Ты меня вообще слушаешь?! — рассердился Дегонис. — С простым человеком никто бы и не церемонился, но лично у меня нет желания объясняться перед ханом касательно любимчика его дочери, если в итоге выяснится что он виновен лишь в использовании заговоренных снадобий от подагры! Или ты воображаешь что принцесса спокойно отнесется к последствиям особых методов допроса? Сейчас нам как никогда следует соблюдать осторожность и избегать любых скандалов, а одна такая промашка способна поставить все под угрозу!
— Так что же делать? — озадаченно спросил Пириаст, запутавшись в сложившейся ситуации.
— Немедленно вели перевести пленника в хорошее помещение и категорически запрети применять к нему любую форму насилия, — приказал Дегонис. — Выпускать его нельзя, но и дурно обращаться с ним — тоже. Пока идет следствие, пусть посидит под охраной Имперской стражи. Принцесса наверняка будет возмущаться, но хан воспримет куда лояльнее наше заявление о небольшом разбирательстве ввиду щекотливых обстоятельств. Он же

сам дал добро на ликвидацию деятельности чародеек, вот мы этим и занимаемся. Пленник жив-здоров, и его обязательно выпустят как только все прояснится.
— Понял, — кивнул Пириаст. — Только почему бы нам тогда не забрать его сюда, в Нижние подземелья?
Дегонис протяжно вздохнул. Должно быть, закатил глаза, досадуя с какими тупицами ему приходится иметь дело.
— Потому что сейчас он в ведении Имперской стражи, а значит и спрос в случае чего будет с них, — пояснил он усталым голосом. — Не забывай: формально мы им лишь помогаем, а то что у нас есть определенное влияние на пару высших офицеров и к нашим желаниям прислушиваются — это уже отдельный разговор. — Все, ступай немедленно и распорядись. Меч я пока оставлю себе.
Помощник ринулся исполнять полученные указания, однако у самой двери немного задержался.
— Мне было бы гораздо проще ориентироваться в делах, если бы вы заблаговременно извещали всех нас о своих планах, мастер, — робко сказал он. — Ведь даже существование Манипуляторов вы скрывали от нас до последнего. Не поймите меня превратно: просто иной раз весьма непросто следовать вашей воле, если толком не знаешь в чем именно она заключается.
— Достаточно точно исполнять мои инструкции и заниматься чем велено, — сухо сказал Дегонис. — Впрочем, я понимаю о чем ты, — добавил он, смягчаясь при виде появившегося на лице Пириаста уныния. — Я не посвящаю вас во все детали лишь для пользы дела, а не потому что считаю недостойными этого знания. Это долго объяснять. Просто так надо. Но каждый из вас по-своему важен и однажды вы все будете соответствующим образом вознаграждены. Ваших заслуг я не забуду. Не унывай, друг мой. Вы хорошо справляетесь. Все, теперь ступай.
Почтительно поклонившись, заметно приободрившийся Пириаст выскользнул из кабинета и немедленно отправился выполнять приказ наставника.

Оставшись один, Дегонис некоторое время молча сидел в своем кресле, склонив голову так, будто к чему-то прислушивался. Вокруг, однако, царила полнейшая тишина. Затем колдун встрепенулся и взял в руки принесенный помощником меч. Вынув его из ножен, он внимательно осмотрел клинок и вчитался в нанесенные на голубоватой стали символы. Водя над ними ладонью, он произнес несколько фраз на мало кому понятном языке. Металл озарился бледным светом, а символы вспыхнули загадочно переливавшимся огнем.
— Потрясающе! — медленно и негромко произнес Дегонис. — Про-

сто потрясающе! Не думал что ныне можно увидеть нечто подобное.
Его голос разительно отличался от того, каким он говорил с Пириастом. Писклявостью колдун никогда не страдал, но сейчас тембр произносимых звуков был намного ниже чем обычно, а в словах появился очень странный акцент. Нет, не акцент — скорее, само их произношение. Занимаясь мечом, Дегонис неразборчиво бормотал себе под нос, отчего казалось, что в его груди что-то гудит и ворочается. На его кистях вновь проступили алеющие знаки, словно глубоко выжженные в коже.

Потратив еще с четверть часа на изучение клинка, колдун прекратил бормотать и убрал его обратно в ножны. Ладони Дегониса приняли обычный вид, а голос вновь обрел привычные интонации.
— Что ж, как ни досадно это утверждать, но сей меч господин Бэйл вряд ли получил от чародеек, — задумчиво сказал он, как бы делая выводы самому себе. — Эти самоуверенные бабы наверняка даже не знают что это такое. Очко в его пользу. Впрочем, тем более неплохо бы узнать откуда он его взял. Но это после. Сейчас стоит побеспокоиться о том, чего там от меня хочет упрямый старец. Хотя, кажется, я догадываюсь о чем пойдет речь…

Илиана, разумеется, не знала что ввиду состоявшегося в Нижних подземельях разговора дяде Бэйлу как минимум временно ничего не грозит. Отправив сову, она с утра пораньше не забыла отдать и письмо для Талары. Визирь был очень занятым человеком, поскольку в отсутствие повелителя ведал всеми государственными делами. Тем не менее, он всегда находил минутку для приближенной принцессы, если та обращалась непосредственно по поводу своей высокой покровительницы. Поэтому Иль Машхан принял от Илианы адресованное ханской дочери послание и заверил что оно будет отправлено с первым же идущим на Запад кораблем. Кажется, ей повезло, и ближайший отплывает нынче же вечером. Поблагодарив визиря, девушка удалилась. Иль Машхан, порывшись в бумагах, извлек один из пергаментов и внимательно его просмотрел. Да, точно, вот этот корабль. Он собственноручно утвердил разрешение на отплытие, составленное начальником порта. Визирь был человеком не только дела, но и слова. Он не собирался нарушать данное Илиане обещание, тем более что речь шла о ее высочестве. Кликнув секретаря, он вручил ему письмо и велел отправить его с соответствующим судном, оформив и запечатав должным образом. Поклонившись, секретарь исчез за высокими резными дверями. Никому из них, само собой, и в голову не пришло читать адресованное дочери повелителя послание.

— Как ты себя чувствуешь, дедушка? — заботливо спросила Илиана, беспокойно оглядывая морщинистое лицо старика.
Жаркий день сменился приятной прохладой. Катившееся к горизонту солнце окрашивало небосвод в красивый багрянец и уже не палило так сильно, будто перепутало цветущий край Солтенстила с пустыней Калихари. Девушка полдня провела в теньке у большого фонтана, увлеченно листая толстенный фолиант, один вид которого мог ввергнуть в благоговейный ужас менее рьяного любителя чтения. Книги действовали на нее успокаивающе, придавая сил и восстанавливая душевное равновесие. Конечно иной раз Илиана застывала как статуя, глядя в страницы невидящими глазами, будучи отягощена невеселыми думами, но в остальном чтиво отвлекало ее от действительности. Сейчас же она сидела все в том же парке рядышком со старым шейхом, ибо сегодняшним вечером им традиционно разрешили увидеться в соответствии с утвержденным календарем. Поодаль маячили гвардейцы, окружившие место встречи. Командовавший ими лейтенант неторопливо прогуливался в сторонке, разминая ноги, наслаждаясь спавшей жарой и не особенно прислушиваясь к разговору вверенных ему людей. Впрочем, шум фонтана все равно делал их речь абсолютно неразборчивой, а торчать рядом с ними офицеру не хотелось. Конечно у него имелись определенные указания, но какой вред может нанести болтовня этого старого деда с молоденькой девчонкой? Симпатичной, кстати. Только лучше на нее не заглядываться, а то не оберешься неприятностей с принцессой. К тому же, говорят, она еще ребенок. Врут, поди — ничего похожего.
— При виде тебя — лучше чем когда бы то ни было, — ласково улыбнулся ан-Бакир, отчего морщины на его лице сложились в затейливые завитушки. — Послушай, Иля, мне надо кое-что тебе сказать.
— Мне тоже, дедушка. Это очень важно, — горячо шепнула Илиана.
Пользуясь тем, что лейтенант как раз отошел подальше, она перехватила инициативу и быстро сообщила шейху последние новости. Старик выслушал не перебивая. Лишь его лицо, быстро утратив выражение приветливости, заметно потемнело, а в глазах появилась тревога.
— Ты в этом уверена, дорогая? — только и спросил он, когда девушка закончила свой рассказ.
Задушевную беседу с совой она опустила, поскольку ан-Бакир до сих пор не знал о ее необычайном даре, хотя еще в Нирелине о чем-то таком подозревал. Просто не в таких масштабах. Илиана взяла за основу полученную записку, существенно расширив ее

содержание.
— Да, дедушка, — кивнула Илиана. — Ошибки быть не может.
— Это очень плохо, — мрачно изрек старый шейх. — Это очень, очень плохо.
Девушка выразила вежливое согласие, что радоваться аресту дяди Бэйла действительно нечего, не говоря о нарушенной связи с Сирелиной.
— Ты не понимаешь, — покачал головой ан-Бакир. — Это означает, ни много ни мало, что хан и его приспешники начали войну против чародеек. Значит, они считают что стали для этого достаточно сильны.
— Не может быть! — ахнула Илиана. — С чего ты это взял?
— Думаешь, Имперская стража, эта новая структура, случайно наткнулась на тщательно скрываемую почтовую станцию? — вздохнул шейх. — Дай небо чтобы я ошибался и это оказалось лишь стечением обстоятельств, только боюсь, что за этим кроется нечто гораздо большее.
— Я отправила Сирелине сову. Чародейки разберутся что произошло. Полагаю, и колдунья Заура известит их должным образом, — напомнила девушка. — Меня сейчас больше всего волнует что с дядей Бэйлом.
— А следовало бы волноваться о себе, — со всей серьезностью изрек вдруг ан-Бакир, взяв внучку за руку.
— Почему? — удивилась Илиана.
— Иногда ты по-прежнему бываешь наивной как дитя, хотя по виду стала почти взрослой, — с нежными нотками произнес старик.
Девушка смутилась и порозовела. Став на колено, она опустила другую руку в прохладную воду окружавшего фонтан бассейна и в ее пальцы немедленно стала тыкаться большим губастым ртом симпатичная золотая рыбка. Скамейка, на которой они сидели, располагалась прямо у кромки воды, дабы отдыхающие могли любоваться на бриллиантовые струи и наслаждаться источаемой ими свежестью.
— Если им удастся установить связь Бэйла с чародейками, от него они придут прямиком к тебе, — серьезным тоном сказал шейх, потянув внучку за ладонь.
— А зачем им я? — опешила Илиана.
— Затем, — сурово ответил ан-Бакир. — Во-первых, из-за меня. Вряд ли тот случай с неудавшимся освобождением уже забыт. Во-вторых, в прошлый раз они тебя не тронули, но сейчас вполне могут попытаться вытянуть все что тебе известно как минимум о Сирелине. Если не хуже. Ты ведь теперь действительно немало

знаешь о чародейках, не так ли? Они тоже могут так посчитать.
— Да? Я как-то об этом не думала, — растерянно произнесла Илиана. — Что же мне в таком случае делать?
— Надеюсь, я сгущаю краски. Но твои плохие новости оказались подходящей прелюдией к тому, что собирался сказать я, — с расстановкой ответил старик.
Послышались шаги приближавшегося лейтенанта. Сидевшая на скамейке парочка сделала вид, что полностью увлечена плавающими поблизости рыбками. В мраморном бассейне действительно было на что посмотреть, особенно сейчас, когда множество крупных цветастых рыб кружило подле игравших с ними пальцев девушки. Они забавно тыкались в них мордами и мимолетные прикосновения к их чешуйчатым телам не вызывали у обитательниц водоема никакого дискомфорта.
— Иля, вы с Далиной должны быть готовы бежать, — изрек вдруг ан-Бакир, когда офицер снова отошел подальше.
От неожиданности девушка вытаращила на него свои большие сиреневые глаза.
— Дай мне сказать, — предупреждающие поднял руку старик, предваряя готовые посыпаться вопросы.

Непрекращающиеся душевные терзания дошли до своей критической точки. Ан-Бакир больше не мог сознавать, что благодаря его собственным усилиям горят города, повергаются к ногам ненасытных захватчиков целые страны. Ад-Сейдин явно не собирался останавливаться, и кто знает до чего он способен дойти в своем навязчивом желании создать новую, покорную его воле империю. Долгими ночами старый шейх бессонно ворочался на постели, и перед его внутренним взором проходили бесчисленные жертвы Липкого огня. Их вереница тянулась далеко-далеко — туда, где все еще виднелись цветущие поля и нетронутые пламенем жилища. Там все еще играла музыка и люди занимались насущными делами, не ведая о нависшей над ними страшной угрозе. Но с каждым новым днем, с каждой новой отправленной партией роковой смеси их черед становился все ближе, неумолимый ураган войны все неотвратимее. Уставленный в темноту невидящий взор ан-Бакира видел языки раскаленного пламени и пепел чудовищных пожарищ, созерцал искореженные корабли и разрушенные крепости. Сотни тысяч людей, сожженных, искалеченных, обездоленных, проплывали перед ним нескончаемым хороводом, глядя куда-то в пустоту с немым укором. Старик больше не мог слышать как при его прямом содействии шествует по земле тяжелая поступь Красной саламандры, оставляя на ней глубокие выжженные следы. Однажды он заключил сделку со своей совестью, но утаил

даже от самого себя истинный возможный уровень последствий этой сделки. Смалодушничав ради близкой ему группы людей, он обрек на страдания миллионы. Спохватился шейх, увы, очень поздно, и сделанного уже не воротишь. Только лучше поздно, чем никогда, пока счет пострадавших от властелина Железных земель не утроился, не удесятерился. Ан-Бакир прекрасно понимал чем грозит его окончательный отказ сотрудничать дорогим ему людям, но более он не в силах платить за их жизни несметным количеством жизней других, пусть незнакомых, но от этого не менее настоящих. За призрачное благополучие горстки нирелинцев ежедневно умирает множество мужчин, женщин и детей, семьи остаются без крова, существующий мировой порядок рушится на глазах. И так дальше продолжаться не может!

Старый шейх уже все решил. Он честно признает свой великий грех и намерен ответить за него сполна. На его душу, по всей видимости, ляжет гибель множества заложников, но это будут последние смерти причиной которых он станет. Если его роду суждено сгинуть — пусть так, но этот род не послужит причиной гибели миллионов, после которых другие миллионы на долгие века попадут под власть Красной саламандры. Ан-Бакир, пользуясь возможностью редкой переписки с Нирелином, дарованной ему ханом с целью доказать что с оазисом все в порядке, умудрился намекнуть соплеменникам чтобы они были готовы ко всему. Сумеют ли они поднять восстание или хотя бы кому-то удастся сбежать — этого он не знал. Мужчин в оазисе осталось очень мало, но и его женщин недооценивать не стоит. Многие погибнут, но кто-то имеет шансы и уцелеть. В любом случае дальше так продолжаться не может. Шейх уже переговорил с другими Хранителями, и они единогласно поддержали его решение. В ближайшее время ан-Бакир заявит своим пленителям что больше они не добьются ни от кого из нирелинцев ни единой порции адского зелья. На этом точка.

А вот Илиана и Далина должны бежать! Пусть они будут готовы ко всему. Им следует заранее собраться и в случае малейшей опасности немедленно покинуть дворец. Как? Иля умная девочка, она наверняка что-нибудь да придумает, особенно если принять во внимание ее близость к принцессе. И лучше всего им сразу отправиться на север, в обитель чародеек. Разумеется, кружным путем. Сирелина обеспечит им защиту и покровительство, и уж где-где, а там Илиана обретет то, чего ей не сможет дать ни одно другое место. Ан-Бакир уже давно пожалел, что не отправил внучку с чародейкой еще тогда, при первом ее появлении в Нирелине. Пришло время исправить эту ошибку.

Илиана выслушала дедушку Арбаха с тяжелым сердцем. В ее глазах мелькал нескрываемый ужас. С некоторых пор для нее не было секретом зачем ад-Сейдин захватил Нирелин и удерживает в плену старого шейха, сделав остальных заложниками. Она достаточно выросла для того, чтобы знать правду, прежде скрываемую от нее и дедом, и Сирелиной. Тайна Липкого огня не являлась для нее тайной. Просто она до сих пор не осознавала всех масштабов трагедии, не думала что поставлено на карту и каким образом обеспечивается повиновение. Вошедшая в привычное русло жизнь стала чем-то самим собой разумеющимся, а привычка — страшное дело. Сгорбленный старик, опустив плечи, ждал карающего восклицания "как ты мог?!" Вместо этого Илиана с горечью прошептала:
— Бедный, бедный дедушка. Что же тебе пришлось пережить…
У ан-Бакира чуть сердце не разорвалось от этого неожиданного сочувствия, незаслуженной доброты. Не выдержав, он закрыл лицо руками. Длинная седая борода его мелко дрожала. Илиана, ощутив всю глубину мучений старика, крепко обняла деда, излив на него мощную волну теплой привязанности. Тому моментально стало легче, как всегда бывало в объятиях названной внучки. Некоторое время они так и сидели, молча, думая каждый о своем, но в целом об одном и том же.
— Ты твердо решил? — наконец шепнула Илиана.
— Да. Этому пора положить конец, — глухо отозвался старик. — Извести Далину и будьте готовы бежать из дворца. Полагаю, если тебе откажут в очередной встрече со мной, это послужит достаточным сигналом. Не рассчитывай на покровительство принцессы. Боюсь, в этом случае его окажется недостаточно, тем более что сейчас она в отъезде.

Когда девушка вернулась домой, она была сама не своя. Внешне Илиана старалась делать совершенно безразличный вид, дабы не привлекать внимание посторонних, но внутри у нее бушевала настоящая буря. За окном уже сгущались сумерки, когда она решилась заговорить с Далиной. Добрая женщина как раз закончила хлопотать над ужином и собиралась как следует попотчевать Илиану. Вместо этого у них вышел непродолжительный, но крайне непростой разговор. Далина уж думала что нет ничего страшнее большой совы, которая накануне ухнула ей навстречу, едва она переступила порог комнаты девушки. Оказалось, что есть. Женщина пришла в ужас от полученного известия. Она уже привыкла к жизни при дворце, пусть и ограниченной исключительно внешними стенами. О Нирелине, разумеется, она постоянно вспоминала с той теплотой, с которой всегда вспоминают лю-

бимый родной дом, но нынешняя спокойная жизнь ее вполне устраивала и простодушная нирелинка не забивала себе голову разными сложными вещами. Тем не менее, авторитет шейха попрежнему был непререкаем. Далина подчинилась бы его воле даже просто так, не говоря уже о поведанной в общих чертах перспективе стать жертвой отказа старика от сотрудничества с ханом. Убедившись, что Далина хорошо ее поняла и не наделает глупостей, Илиана, так и не притронувшись к ужину, уединилась в своей комнате. Там она наконец-то дала волю бурлившим в ней чувствам, но единственным их свидетелем стала лишь большая пуховая подушка.

В своем намерении положить всему конец ан-Бакир не колебался ни минуты. Он промедлил лишь сутки, дабы дать Илиане и Далине возможность подготовиться к бегству. Сам же поджидал предстоящего разговора с главным колдуном с холодной решимостью. Да, старик уже хорошо знал с кем имеет дело. Господин распорядитель был черным колдуном Дегонисом, заправлявшим всеми Нижними подземельями и имевшим немалый вес в глазах самого ад-Сейдина. Догадался ан-Бакир, разумеется, не сам, хотя нечто подобное и подозревал, а услышал от Сирелины устами собственной внучки. Чародейка призывала быть с этим колдуном крайне осторожным. Среди сестер в обители о нем ходила дурная слава. Однажды он уже имел дело с группой Гексенхаммер, но сумел ускользнуть и, как выяснилось, в итоге укрылся под надежной защитой властелина Железных земель. Теперь он командовал змеиным гнездом в дворцовых подвалах ад-Сейдина, и одно небо ведало что он там творил помимо Липкого огня, окружив себя темными колдунами и преступными алхимиками. Сейчас это старого шейха не страшило. В его возрасте смерть воспринимается как нечто само собой разумеющееся, а уверенности ему придавала твердость в принятом решении. Оно же, впервые за долгое время, существенно ослабило муки совести, сделав несомое им бремя значительно легче. Когда Дегонис переступил порог его подземного жилища, ан-Бакир встретил его спокойным светлым взглядом.

— Мне доложили, вы хотели меня видеть, — сообщил колдун, ограничившись небольшим церемонным приветствием. — Прошу вас изложить свою просьбу покороче — у меня очень много неотложных дел.

Его голос звучал несколько глуховато из-под традиционно надвинутого капюшона. Интересно, кто-нибудь вообще видел когда-нибудь скрытое под ним лицо?

— О, не беспокойтесь. Вы задержитесь ровно столько, сколько сами посчитаете нужным, — отозвался старик с едва слышной ус-

мешкой. — Я лишь хотел лично донести до вашего сведения нечто очень важное, господин распорядитель. Не более того.
— И что же это за важные сведения? — уточнил колдун, все еще не двигаясь с порога, где остановился едва вошел.
— С этого момента и впредь Хранители отказываются производить Липкий огонь, — твердым голосом заявил старый шейх. — Можете делать с нами все что хотите: угрожать, пытать, прибегать к неоднократно обещанному мщению — уверяю вас, вы напрасно потеряете время. Вам больше не принудить Хранителей к работе никакими средствами, включая угрозы в адрес безвинных заложников. Вы вольны поступать как знаете, но больше от нас вы не получите ничего. Это все, что я хотел вам сказать.
Старик ждал бури. Ждал что черный колдун сейчас начнет сыпать проклятьями, угрожая ему самой чудовищной расправой. Больше всего он опасался немедленного возмездия в адрес Илианы, но вряд ли Дегонис сразу же прибегнет к крайней мере. Для начала он испробует все остальное, а эта задержка автоматически даст внучке понять что следует немедленно бежать. Она умная девочка и наверняка уже готова. Пока колдун будет метать громы и молнии, Илиана и Далина ускользнут под самым его носом.

Дегонис зловеще молчал. Ан-Бакир даже начал подумывать, что колдун попросту задохнулся от гнева и никак не может подобрать подходящие слова. Когда пауза слишком затянулась, он хотел было что-то сказать, но колдун вдруг сдвинулся с места. Неторопливым шагом приблизившись к сидевшему за столом старому шейху, он отодвинул стул и уселся напротив. Пламя свечей медного канделябра серебрило длинную бороду старика и отливало желтизной на страницах видавшей виды потрепанной книги. Царивший под капюшоном колдуна полумрак оно не развеивало ни на секунду. Лишь вышитые на его черном балахоне символы отражали колыхание чуть трепетавшего огня.
— Я ожидал этого, — изрек Дегонис, и в его голосе не слышалось ни ярости, ни злобы.
— Вот как? — невольно удивился ан-Бакир. — Тогда, полагаю, нам тем более не о чем дальше говорить. Передайте хану Гийюру, что он больше не получит Липкий огонь. Придется его армии обходиться своими силами.
— Да, я ожидал этого, — повторил, не меняя интонации, колдун. — За вами наблюдали. В последние месяцы вы все больше проявляли нервозность и вели слишком неоднозначные разговоры. Ваше состояние красноречиво говорило само за себя, и причину его определить было нетрудно. Я все гадал насколько же вас хватит. Не хочу вас огорчать, но я не сильно ошибся в своих предположе-

ниях. Зато вы заставили меня существенно ускориться.
— Ускориться? — улыбнулся старик. — Вряд ли вашего повелителя устроит подобная формулировка. Он ждет результата, а результата я вам больше не предоставлю. Признаться, мне все же небезразлично узнать что вы теперь намерены делать.
— Ничего, — невозмутимо отозвался колдун.
— В самом деле? — поднял брови ан-Бакир. — Ваше ускорение ничего не даст. Запасы Липкого огня быстро иссякнут, а новых поступлений у вас не будет.
— С чего вы это взяли? — поинтересовался Дегонис, и в его голосе впервые отчетливо послышалась насмешка.
Старик опешил. С полминуты он растерянно моргал, вглядываясь в собеседника. Вся его реакция как-то абсолютно не соответствовала сказанному ан-Бакиром, причем не соответствовала с самого начала.
— С того, что никто из Хранителей больше и пальцем не пошевелит, дабы изготовить хоть грамм столь желанной для вас смеси, — наконец произнес шейх, не сводя глаз с темного провала капюшона. — Если вы рассчитываете вновь заставить нас работать силой и пытками — у вас ничего не выйдет.
— Ваш отказ уже ничего не меняет. Армия ад-Сейдина будет получать столько Липкого огня, сколько могут производить мои алхимики, — сообщил Дегонис.
Слова его прозвучали как грохот взорвавшегося жерла вулкана. В глазах у старика потемнело. Сидя на стуле, он почувствовал как мир вокруг него зашатался.
— Я вижу, вы удивлены? Понимаю, — снисходительно сказал колдун. — Позвольте я кое-что вам объясню.

Для Дегониса уже около трех месяцев тайна изготовления Липкого огня тайной отнюдь не являлась. В известном смысле он узнал ее еще раньше, но прежде тщательно выверял нужные пропорции, оттачивал технологический процесс, выискивал малейшие недочеты. И лишь когда окончательно убедился в отсутствии даже самых незначительных ошибок, то его уверенность в секретном знании стала абсолютной. Лучшим доказательством служил успех параллельно запущенного производства, обходившегося без какого-либо участия Хранителей. Последние недели поставки в армию удвоились, что существенно расширило стратегические возможности хана и самым прямым образом сказалось на воплощении его замыслов. Обретя независимость от Хранителей и в перспективе ничем не ограниченное количество Липкого огня, ад-Сейдин теперь позволяет себе расширить текущие планы, обратив взор туда, куда прежде не решался. Отныне росту его империи

ничто не угрожает, и она станет гораздо, гораздо больше, нежели хан рассчитывал изначально.

Дегонис говорил долго. Кажется, он упивался своим торжеством и с удовольствием излагал собеседнику раскрывавшуюся перспективу. Старый упрямец рассчитывал стать хозяином положения, а вместо этого оказался жалкой выброшенной с доски пешкой.

— Нашу работу никто не видел! Мы не допускали посторонних! Ни одна живая душа не знает деталей! Вы лжете, Дегонис! — с каким-то отчаянием воскликнул ан-Бакир, когда колдун закончил.

— Какой смысл мне лгать? — пожал плечами тот. — Мое намерение не вытрясывать из вас истину и не заставлять возобновлять работу — лучшее тому доказательство. Сидите себе в своей келье, старый упрямец.

— Но как?.. — прошептал побелевшими губами шейх.

— Видите ли, я кое-что смыслю в чарах, — любезно отозвался Дегонис. — Есть такой колдовской инструмент… Вряд ли вы о нем слышали — вы же обычный человек, пусть и с очень редким знанием. Я называю его Око. Немногим под силу изготовить подобную штуку. Это Око разместили в том зале, где вы работали из месяца в месяц. Я видел и слышал все что вы там делали. Разумеется, понадобилось немало времени дабы наблюдение принесло свои плоды, но в результате оно окупилось сторицей.

Старик издал протяжный стон, шедший из самой глубины его сраженной осознанием ужасающей реальности души. Колдун спокойно наблюдал за хлещущими через край эмоциями собеседника.

— Но зачем же тогда вам я? — наконец выдавил из себя ан-Бакир.

— Зачем вам Хранители?

— Ну а почему нет? — усмехнулся Дегонис. — Лишние руки высочайшего класса, исправно производящие значительное количество важнейшего оружия. Плюс гарантия что тайну Липкого огня более не узнает ни одна душа. Вы себя недооцениваете, милейший.

Ан-Бакир снова мучительно застонал. Слова колдуна жгли его почище каленого железа, терзали и без того настрадавшуюся душу хуже острейших железных крючьев.

— Ну-ну, не убивайтесь вы так! — заметил Дегонис. — Еще преставитесь, не ровен час. Огорчите внучку. Мне потом извиняться перед ханом за доставленные фаворитке его дочери неприятности.

Упивавшийся своей победой колдун даже не сообразил, что сболтнул лишнее. Шейх, уж на что был ослеплен свалившимся на него кошмаром, немедленно подметил эту существенную деталь, но не подал и виду.

— Я хочу ее видеть! — заявил он, стиснув кулаки.
— Не вижу препятствий, — ответил Дегонис. — Как я уже сказал, отныне ваше упрямство ничего не решает. Вы по-прежнему останетесь здесь, и в вашей жизни не произойдет особых изменений. Можете и дальше встречаться с внучкой сколько душе угодно. Только имейте в виду: ваше дальнейшее сотрудничество способно напрямую повлиять на ее судьбу. Хан благосклонно отнесется к вашему добровольному участию и может поднять ее на небывалую высоту.
— Покорнейше благодарю, но я, пожалуй, откажусь от столь лестного предложения, — отрезал шейх. — В сказанном вами меня удивляет лишь одно.
— Могу я узнать что именно? — полюбопытствовал колдун.
— Раз вы теперь знаете тайну Липкого огня, не проще ли было бы меня убить вместе со всеми Хранителями? И концы в воду, — пытливо произнес старик, пытаясь проникнуть в темноту опущенного капюшона.
— Признаться, я бы, возможно, так и сделал, — недобро усмехнулся Дегонис. — Однако хан дал вам слово, а он его держит. У него, к сожалению, тоже есть сердце, что бы вы там себе не думали, поэтому вам позволено жить. Это большая милость, и я бы посоветовал ей не пренебрегать.
Ан-Бакир усмотрел в словах колдуна нечто большее, чем тот рассчитывал сказать, но снова не подал и виду. Лишь когда Дегонис ушел, он дал волю обуревавшим его эмоциям, и не было картины более душераздирающей, чем вид разбитого горем и одновременно пожираемого бессильной яростью старика.

Деду и внучке и в самом деле позволили увидеться без каких бы то ни было препятствий. Илиана, собрав в узелок все самое ценное, действительно приготовилась бежать при первом же признаке опасности. Она уже давно жила при дворце и постоянно находясь в обществе принцессы успела изучить все его сильные и слабые места. Уж один раз миновать стражников в направлении города ей было вполне по силам. С Далиной, конечно, сложнее, но тоже возможно. Девушка с внутренним трепетом ожидала что очередное свидание с дедушкой не состоится. Исходя из последнего разговора, это означало бы сигнал к немедленному бегству. К ее невольному удивлению грядущую встречу никто не отменил.
— Ты передумал? — в порыве глубочайшего волнения спросила Илиана, пытливо вцепившись пальцами в руки старика.
— Нет, дитя мое, — отозвался ан-Бакир совершенно потерянным голосом. — Нет, я не передумал.
— Значит, ты еще не говорил с ними? — задала девушка следую-

щий вполне естественный вопрос.
То, что она услышала в ответ, сразило ее не намного меньше, чем самого шейха. Старик, стараясь держаться более-менее уверенно, хотя был практически опустошен, поведал ей подробности состоявшегося в Нижних подземельях разговора.
— Что же теперь будет? — тихо спросила Илиана, когда он закончил свое ошеломляющее повествование.
— Не знаю, Иля, не знаю, — так же негромко ответил старик. — Мне следовало уничтожить Липкий огонь еще в зародыше. Теперь Хранители бессильны.
— А мы? А Нирелин? — волновалась девушка. — Я уже собрала вещи. Я ведь не чаяла тебя сегодня увидеть.
— Пока все остается по-прежнему, — вздохнул старик. — Дегонис хорошо дал это понять. Я ни секунды не сомневаюсь что он говорил правду, в противном случае его слова и действия лишены смысла. Хранители ему больше не нужны, но я подозреваю, что хан и его приближенные просто еще не решили что с нами делать дальше. Дегонис, упиваясь своим торжеством, в запале проболтался о некоторых вещах, о которых в иных обстоятельствах наверняка предпочел бы умолчать. Если я правильно истолковал его реплику, хан слишком любит свою младшую дочь, и ее привязанность к тебе служит известным щитом для нас обоих. Отпустить он нас не может, но и причинить вред не решается. Сам-то Дегонис не особо скрывал, что лично он бы с нами не церемонился.
— Что же мы будем делать? — окончательно растерялась Илиана.
— Пока что держи ушки на макушке и будь готова ко всему, — помедлив, сказал ан-Бакир. — Сейчас тебе важнее всего дождаться возвращения Талары. С ее помощью ты сможешь прояснить собственное будущее. До тех пор постарайся не высовываться и жить как ни в чем не бывало. Это касается и Бэйла! Не вздумай пускаться во все тяжкие как твоя любимая чародейка. Кстати о ней! Когда вернется твоя сова, передай с ней вот что…

Сова появилась довольно скоро. Она обернулась быстрее чем обычно, стремясь исполнить важную просьбу новой хозяйки. Как правило, птицы делали работу машинально. На этот раз Шуя летала вполне осознанно. Спозаранку прокравшаяся на чердак Илиана обнаружила мирно дремлющую на насесте птицу и радостно бросилась ее расспрашивать. Увы, лицо девушки быстро померкло, когда она узнала детали.

Шуя не преуспела, а отправленное с ней послание так и осталось у нее на лапе. Похоже, следующую почтовую станцию постигла участь предыдущей. Маяк отсутствовал. В любом другом случае птица просто пролетела бы мимо, но она, наученная разговором с

Илианой, покрутилась вокруг, зорко поглядывая по сторонам. Самой-то ей это было абсолютно ни к чему, и сова даже не задумалась бы о чем-то подобном — она старалась для хозяйки. В итоге пернатый курьер поведал обо всем что увидел и услышал, и девушка сделала очень тревожный вывод. Судя по всему, Имперская стража побывала и там, и это уже никак не походило на простую случайность. Неужели дедушка Арбах оказался прав в своем невероятном и пугающем предположении? Илиана почувствовала как у нее вновь тревожно сжалось сердце.

— Шуя, а есть в этих краях другие почтовые станции? — быстро спросила девушка, немного поразмыслив над невеселыми новостями.

Сова утвердительно ухнула. Только сама она там не бывала, привычно курсируя между домом Зауры и той второй станцией. Дальнейшую пересылку осуществляют служительницы, и обычно без крайней необходимости вверенных им пернатых за тридевять земель не гоняют.

— Шуя, а ты сумеешь отыскать их для меня? — попросила Илиана, погладив птицу по голове.

Та совсем по-человечески почесала лапой клюв. Затем согласно закивала. Она примерно представляет где те могут находиться. Только самостоятельно отыскать их будет непросто, а посему понадобится прибегнуть к помощи других почтовых птиц. Это займет больше времени, чем обычно, учитывая что их еще надо встретить, но Шуя справится. Хозяйка не против, если она сначала поспит и отдохнет? Шуя торопилась и очень устала. Да и перекусить было бы неплохо.

Илиана немедленно упорхнула и вернулась с солидной порцией сырого мяса. Сова, обрадовавшись щедрому угощению, приступила к трапезе и объелась так, что едва могла сидеть. Илиана наказала ей никуда не улетать покуда она не составит новое послание. Шуя понимающе похлопала осоловевшими глазами и тут же погрузилась в сон.

Письмо действительно требовалось скорректировать ввиду сообщенного старым шейхом. Помимо неутешительной вести об утечке секрета Липкого огня ан-Бакир просил передать Сирелине и небезынтересные детали своего разговора с Дегонисом. Упоминание некоего Ока и существенно расширившихся планах ад-Сейдина чародейки наверняка найдут стоящими их внимания. К этому он заодно присовокуплял свои догадки и соображения, прося внучку переправить их в далекую северную обитель. Илиана подробно изложила все на бумаге, значительно увеличив размер послания. Она старалась ничего не упустить, дабы Сирелина сразу

же оказалась в курсе происходящего, не забыв упомянуть и эпизод со второй почтовой станцией. В результате хорошенько отдохнувшая сова унесла с собой несколько сложенных листков, исписанных мелкими, но разборчивыми буквами.

Шуя вернулась через неделю. Утомленная и помятая, она бесшумно впорхнула на чердак к задумчиво смотревшей в окно Илиане, гадавшей когда появится долгожданная посланница. Последние дни девушка возвращалась домой за полночь, проводя вечера в своем убежище. Далина не возражала. Во-первых, добрая женщина заметно успокоилась, узнав про отпавшую необходимость стремительного бегства. Во-вторых, Илиана была уже достаточно взрослой чтобы приходить когда сочтет нужным. Для Далины, разумеется, вымахавшая Иля все еще оставалась вверенной ее заботам маленькой девочкой, но даже хлопочущая наседка не могла отрицать очевидных изменений в развитии воспитанницы. К тому же последние месяцы Илиана частенько и вовсе не возвращалась, оставаясь ночевать в покоях Талары, правда в таких случаях она непременно давала об этом знать.

Сова объявилась настолько беззвучно, что девушка узнала о ее присутствии лишь когда за спиной послышалось тихое уханье. Обернувшись, Илиана увидела в полумраке круглые желтые глаза, смотревшие на нее усталым взглядом.

— Какие новости? — горячо зашептала девушка, в мгновение ока оказавшись подле насеста. — Шуя, с тобой все в порядке? — обеспокоенно добавила она, аккуратно ощупывая руками птицу. — Ты неважно выглядишь.

— Еще бы, — мрачно отозвалась сова. — Меня чуть не прибил один из колдунов, когда я осматривала очередную почтовую станцию.

Илиана издала приглушенный возглас. Затем принялась допытываться у птицы не болит ли у нее где-нибудь.

Похоже, на сей раз один из колдунов устроил засаду на крылатых курьеров, сбивая заклинаниями всех кто имел неосторожность появиться подле места назначения. Шуе повезло. Она не сунулась наобум, а для начала облюбовала дерево поблизости, внимательно изучая окрестности. Отсутствие маяка она заметила быстро, но, к сожалению, лишь в самый последний момент обнаружила подкравшегося к ней человека в сером. Предупрежденная своей новой хозяйкой, Шуя немедленно дала деру и ее лишь отчасти зацепили враждебные чары. На долю колдуна достались лишь сбитые ветки, а сова, получив чувствительный тычок в бок, смогла удержаться в воздухе и упорхнуть, ловко лавируя меж деревьями.

— Какой ужас! Бедняжка Шуя! — огорченно прошептала Илиана.

— Прости, я не думала что подвергну тебя такой опасности! Сильно болит?
Она осторожно проверила крылья и лапы совы, и аккуратно водила пальцами по густому оперению, изучая туловище. Затем положила ладонь на правый бок и принялась его поглаживать, будто интуитивно чувствуя что именно туда попало скользнувшее заклинание.
— Уже нет, — отозвалась птица. — У тебя хорошие руки. Да, подержи вот здесь. Это очень помогает.
Прикрыв глаза от прилива теплой умиротворяющей волны, исходившей от заботливой хозяйки, Шуя продолжила свой неутешительный рассказ.

Она смогла разыскать еще две почтовые станции, но они оказались в том же плачевном состоянии как и предыдущие. На последней сову и атаковал колдун, по всей вероятности смекнувший, что птицы более не садятся на насест из-за какой-то предосторожности чародеек и единственный способ их перехватить — сбивать прямо в воздухе. Шуя не знала преуспел он в своем намерении хотя бы отчасти или нет, поскольку больше туда не возвращалась, и если хозяйка не возражает, то она и впредь воздержалась бы от посещения того места.
— Шуя, прости моя хорошая! Я бы тебя вообще не просила туда слетать, кабы могла предположить как там опасно! — удрученно произнесла Илиана, продолжая ласково поглаживать пострадавшую сову.
— Ты не виновата, — ухнула та. — Виноваты злые люди. Ты не знала.
Она нежно пощипала клювом гладившие ее пальцы, давая понять, что ничуть не сердится и вообще на хозяйку не в обиде. Вместе с тем Шуя выразила и сожаление что не исполнила доверенное ей поручение. Целых четыре почтовых станции неожиданно выбыли из строя, включая лесной приют Зауры, а ни про какие другие сова не знала. Разумеется, имелись и еще, но находились они явно очень далеко, совсем в других краях, ведь между точками пересылки обыкновенно лежало не менее пары сотен миль. Найти их наобум возможным не представлялось. Солтенстил и его соседние регионы оказались полностью отрезаны от линии быстрых сообщений чародеек.

Наутро Илиана первым делом заскочила проведать как поживает Шуя. Она боялась последствий перенесенного нападения колдуна, но обнаружила сову в добром здравии и с неуемным аппетитом. Девушка провела бессонную ночь, совершенно потрясенная разворачивавшимися событиями. Они сыпались на нее

одно за другим, и во всем этом усматривалась некая зловещая связь. Теперь Илиана почти не сомневалась в предположении старого шейха. Четыре почтовые станции одновременно! И то она об этом знает лишь благодаря необыкновенной помощнице, с которой никто другой поговорить вообще не в состоянии. Да, похоже, дедушка Арбах был прав… Но что же теперь делать? Ох, сколько раз за последние дни она задавала себе этот вопрос… У чародеек существовал и наземный канал общения, по которому Илиана получала от наставницы увесистые посылки. Учебники-то и иные вещи с птицей не пошлешь. Только письма по нему даже в один конец доставлялись в несколько раз дольше, не говоря уже о том, что и он мог пострадать, а девушка все равно понятия не имела где его искать. Это знал Бэйл, но его держали под замком, и никаких вестей от него не было. Поделившись своими невеселыми думами с совой, Илиана, пригорюнившись, сидела на подушке, положив голову на руки. Птица бодро клевала принесенное мясо. От прежней усталости не осталось и следа.

— Ты что-то говорила про обитель, — напомнила Шуя, прищурив один глаз.

— Да, — вздохнула девушка. — Только она очень далеко на севере, за холодным перевалом, высоко на большой горе, окруженной густыми дремучими лесами. Зимой там бушуют вьюги и наметает столько снега, что человек может провалиться в него с головой.

— Сейчас не зима, — заметила Шуя. — Да и летают же как-то тамошние совы. Я что, хуже них?

— О чем это ты? — удивилась Илиана.

— Я попробую найти это место, если ты подробно расскажешь где его искать, — предложила Шуя.

Поморгав глазами, девушка поняла, что она это серьезно. Вспышка искренней радости немедленно сменилась опасениями за сову. Путешествие представлялось крайне непростым и предстояло проделать около двух тысяч миль в одну сторону, причем с учетом точного следования маршруту. Шуя же и так пострадала накануне, и Илиана не может ей позволить угробить себя в угоду человеческим прихотям. Сова настаивала. Она чувствовала себя прекрасно, от ушиба не осталось и следа, а ее всю наполняла живительная энергия. Теплые заботливые руки Илианы исцелили ее полностью, и теперь Шуя вполне способна отплатить хозяйке добром за добро. Чай не пропадет. У птицы куда больше возможностей чем у земных обитателей, поэтому у нее отличные шансы отыскать заветный оплот чародеек.

Илиана некоторое время сопротивлялась, чувствуя себя виноватой за желание бессовестно воспользоваться великодушным

предложением совы. Она даже подозревала что та нарочно уверяет ее в своем добром здравии, ведь нельзя же поправиться всего за одну ночь от простых прикосновений. Тем не менее, приходилось признать, что Шуя действительно была в порядке и выглядела просто отлично, а ее аргументы оказались достаточно весомыми. Вообще сама по себе сцена на чердаке представлялась поистине уникальной: не человек уговаривал сову, а сова уговаривала человека. В итоге девушка сдалась и составила новое послание, включив в него вновь открывшиеся обстоятельства. Чародейки и без нее поймут что с почтовыми станциями стряслась беда, но вряд ли даже их избежавшие пленения служительницы смогут поведать то, что узнала Илиана благодаря своему чудесному дару и пернатой помощнице.

* * *

Пириаст поспел вовремя. Бэйла как раз собирались хорошенько допросить, и парочка дюжих молодцев в кожаных фартуках маячила позади дознавателя не просто так. Шутки кончились, как заявил этот облеченный государственной властью тип с неприятным выражением лица. Редкие усики и не менее жидкая бородка красовались вокруг тонкогубого рта, практически лишенного естественного цвета. Маленькие близко посаженные глаза хищно поглядывали на прикованного к деревянному креслу узника. Сбоку, в поле зрения жертвы, красовался столик с подозрительного вида инструментами, а подле него краснела раскаленными углями жаровня. Дознаватель с мерзким интересом следил за реакцией заключенного, старавшегося не обращать внимания на красноречивые приготовления. Держался он, безусловно, мужественно. Что ж, посмотрим надолго ли его хватит когда мастера заплечных дел примутся за работу. Дознаватель ждал этого момента. На такие должности частенько попадают типы, которым вид чужих страданий доставляет подлинное удовольствие ввиду собственной психической либо физической неполноценности. Совсем недавно созданная Имперская стража обладала широчайшими полномочиями, подчиняясь лишь собственному начальству, а оно в свою очередь отчитывалось исключительно перед ханом. Ад-Сейдин отнюдь не желал учинять какого-либо беззакония. До простых граждан страже не было ровным счетом никакого дела. Она охотилась в первую очередь за теми, кто активно сопротивлялся созданию нового мирового порядка, выявляя очаги протестов и бунтарей, на корню пресекая подстрекательство к восстаниям и организацию диверсий. И одна из ведущих ролей в списке врагов

государства отводилась чародейкам и всем кто так или иначе был с ними связан. Им автоматически предъявлялось обвинение в государственной измене вне зависимости от гражданства — достаточно было оказаться схваченным на территории подконтрольной Красной саламандре. Дознаватель в последний раз разъяснил все это Бэйлу самым тщательным образом. Враги государства не могут рассчитывать на адвокатов и открытый судебный процесс, так что если узник не желает сгинуть в этой особой тюрьме, то ему лучше бы начать говорить. Он уже достаточно испытал терпение допрашивавших его лиц, корча из себя оскорбленную невинность. Вот только обстоятельства, при которых его захватили, заставляют серьезно усомниться в правдивости его слов. Сам узник, безусловно, не имеет никакого отношения к колдовству, и это уже подтвердилось следственным экспериментом. Тем не менее, пособничество врагам Империи — не менее тяжкое преступление, и облегчить его можно только чистосердечным признанием.

Дознаватель старательно соблюдал все пункты предписанного протокола. Со змеиной улыбкой он спокойно ждал когда заключенный последовательно отринет все предоставленные ему возможности обойтись без особых методов допроса. Тогда, честно исполнив свой долг, дознаватель будет вынужден применить соответствующие меры воздействия, на которые он настроился с самого начала. Поигрывая гусиным пером над чистым листом бумаги, дознаватель не без растущего удовлетворения наблюдал как дюжие молодцы в кожаных фартуках подступили к узнику. Тем сильнее было его неудовольствие, когда допрос неожиданно прервали. У дверей послышался какой-то шум и в сводчатое помещение, озаряемое светом чадивших факелов, вошел какой-то длинный рыжий тип в черном балахоне.

— В чем дело? — недовольно осведомился дознаватель, созерцая объявившегося перед ним человека.

Тот молча протянул ему сложенный лист бумаги. Дознаватель, приподняв бровь, развернул его и быстро пробежал глазами.

— По какому праву? — задохнулся он, подняв гневные глаза на невесть как пропущенного караульными посетителя.

Тип в черном протянул ему еще одну бумагу за большой красной печатью, немедленно приковавшей внимание дознавателя. Ее содержание он изучил куда серьезнее, после чего живо посерьезнел и сам, вникнув в суть начертанных строк. Податель сего документа имел неоспариваемое приоритетное право распоряжаться всеми вопросами касающимися колдовства, причастных к нему лиц и их соучастников, вне зависимости от того, у кого он это право истребовал. Под документом стояла собственноручная подпись хана.

— Мы делали все по правилам. Я не понимаю… — пробормотал дознаватель, не осмеливаясь ставить под сомнение полномочия столь некстати свалившегося гостя.
— Именно поэтому подобные вопросы и поручены нам, — властно пояснил Пириаст. — Ведь не случайно особые отряды Имперской стражи усилены нашими людьми. Немедленно исполните переданные вам инструкции. В остальном продолжайте действовать как положено.
— Да-да, конечно, — пробормотал дознаватель.
Он был изрядно разочарован несостоявшимся представлением, намереваясь устроить веселую жизнь упрямому узнику, но лучше не перечить гостям с грамотами подобного содержания, заверенными самим повелителем. Стараясь скрыть досаду, дознаватель отдал соответствующие распоряжения.

Об успешном выполнении приказа Пириаст сообщил мастеру сразу, но тот, удовлетворившись полученным сообщением, затребовал более подробный личный отчет лишь спустя несколько дней. Явившись на зов старшего колдуна, помощник доложил, что узник переведен во вполне приличные условия. Его новая камера даже может сойти за комнату на постоялом дворе, кабы не железная дверь и решетки на окнах, питание удовлетворительное, меры физического воздействия не применяются. Следственные действия идут своим чередом, но против Бэйла до сих пор не получено веских доказательств. Его дом тщательно обыскали и ничего не нашли. Судя по ряду признаков, он жил где-то еще, а по указанному адресу появлялся лишь эпизодически, однако выявить его подлинное место обитания не удалось.
— Он не просил с кем-нибудь связаться? — поинтересовался Дегонис, сплетя перед собой пальцы рук.
— Нет. Молчит и ведет себя смирно. Лишь все время талдычит о своей невиновности, — ответил Пириаст.
— Я склонен думать, что он оказался на почтовой станции чародеек не просто так, — задумчиво изрек Дегонис. — Тем не менее, в моем распоряжении одни лишь догадки, не подкрепленные даже косвенными доказательствами. Я без колебаний применил бы к нему самые страшные пытки, если бы был уверен в результате. Но он все-таки действительно может оказаться ни при чем — такая вероятность существует. Или же умереть не сознавшись. Тогда разгневанный после жалоб дочери хан немедленно отзовет бумагу, дающую нам весьма необходимые полномочия. На такой риск я пойти не могу.
— Можно ведь никому и не сообщать, — помедлив, заметил помощник. — Кто узнает? Был человек, и нет человека. Ищи ветра в

поле. Сейчас ведь только нам известно о том, что он находится в тюрьме Имперской стражи.
— И самой Имперской страже, — подчеркнул Дегонис. — Полагаешь, я не думал об этом? Нет, так даже более рискованно. Если история с этим Бэйлом всплывет наружу, а это вполне может произойти, поскольку принцесса наверняка будет искать своего учителя фехтования, то одной лишь потерей полномочий мы не отделаемся. Нет, я не могу ставить под угрозу весь план из-за такой мелочи. В конце концов, это всего лишь один человек. Лучше мне сразу отойти от дел, если всерьез предполагать что он способен помешать его осуществлению.
— А если он все же как-то связан с чародейками? Доступ во дворец и близость к принцессе крови делает его непростой фигурой, — осмелился напомнить Пириаст.
— Вот именно поэтому мы его и не освобождаем. Пускай посидит под замком. Дальше видно будет, — заключил Дегонис. — Меня в этой связи беспокоит кое-что совсем другое, — добавил он, помолчав. — Эта девчонка… внучка шейха…
Старший колдун объяснил. Один раз Сирелина уже предположительно связывалась через нее с ан-Бакиром, носителем тайны Липкого огня. С ребенка и взятки гладки, это понимает даже сам Дегонис. Только вот теперь этот ребенок вымахал, что само по себе вызывает известные вопросы. Не забыл колдун и про ее любопытный медальон, хоть и отложил свой интерес в долгий ящик. А вот проигнорировать то обстоятельство что Бэйл по факту регулярно находился не только в обществе принцессы, но и ее фаворитки, в свете последних событий было бы весьма недальновидно. Никаких конкретных подозрений у Дегониса нет, однако не мешало бы как следует приглядеть за внучкой шейха. Только вот как это сделать не привлекая внимания? Талара и без того не жалует обитателей Нижних подземелий, и вряд ли потерпит их появление возле своей приближенной. Хан же с ее подачи вполне может счесть подобную инициативу вторжением в частную жизнь правящей династии. С любимчиками венценосных особ лучше быть поосторожнее. От Ока толку будет маловато — девчонка постоянно пропадает вне дома. Не на голову же ей его надевать! Да и не для таких мелочей оно создавалось — для этого могущественного колдовского инструмента есть задачи посерьезнее. Иными словами, Дегонис оказался в затруднительном положении и пока не придумал как из него выбраться.
— А еще у меня не идет из ума одна, казалось бы, незначительная деталь, — помолчав, добавил старший колдун. — Откуда старик знает мое имя? Я ведь ему не говорил. Проболтался кто-то из на-

ших? Если нет, то узнать его он мог только одним путем, а это наводит на серьезные размышления.
— Надо приставить к девчонке такого шпиона, который не вызывал бы у нее подозрений, — предложил Пириаст. — Не будет подозрений, не будет и проблем.
— Да неужели? — иронично осведомился старший колдун. — И кто же, по-твоему, способен подойти на эту роль?
— Один из нирелинцев, — невозмутимо ответил помощник, и на его лице зазмеилась коварная улыбка.

Илиана как раз заканчивала уплетать приготовленный Далиной завтрак, когда в дверь негромко постучали. Девушка тут же припомнила неизвестного мужчину с совой и живо сорвалась с места, уронив ложку в тарелку.
— Я открою! — бросила она вытиравшей руки о фартук женщине.
Фантазия порой играет с нами шутки, когда против всякой реальности мы некоторое время упорно видим лишь то, что хотим. Это похоже на неожиданное пробуждение от красочного сна: он все еще стоит перед глазами и присущие ему объекты накладываются на окружающую действительность. Разум постепенно сбрасывает оковы грез; элементы сновидения, только что уверенно располагавшиеся перед ищущим взором теряют форму, растворяются среди настоящего и исчезают. Остается лишь голая истина, и иной раз протяжный вздох свидетельствует о том, что безвозвратно растаявшая иллюзия нравилась куда больше. Так случилось и с Илианой. Распахнув дверь, она подсознательно желала увидеть на пороге Бэйла, того незнакомца с клеткой, еще какого-нибудь неизвестного посетителя, принесшего весточку от чародеек, или даже неожиданно возвратившуюся Талару. На худой конец сошел бы и слуга, доставивший новое письмо от принцессы или толстяк распорядитель с новостями о гладиаторе. Ничего этого не было. На традиционно залитом солнцем пороге объявилась невысокая смуглая женщина лет сорока с зеленым платком на плечах поверх длинного домотканого платья. Темно-каштановые волосы были убраны в пучок на затылке, а с узкого лица с острыми скулами смотрели внимательные карие глаза. На губах женщины играла приветливая улыбка, с которой она встретила появившуюся в дверях Илиану. При виде больших сиреневых глаз девушки посетительница заметно вздрогнула, и в ее взоре промелькнуло неопределенное выражение, но улыбка механически растянулась еще больше. Женщина поздоровалась довольно низким и вполне приятным голосом, будто старавшимся очаровать собеседника. Илиана, всмотревшись в посетительницу, последовательно прогнала одну желаемую иллюзию за другой, и когда все ее ожидания окон-

чательно развеялась, неожиданно поняла что знает эту женщину, поскольку неоднократно видела ее прежде. Только это было не здесь, не в Солтенстиле. Там, в Нирелине. Прошло всего несколько лет, но с тех пор, казалось, минула целая вечность, оставив позади оазис мира и покоя, где под сенью раскидистых пальм паслись гурты домашнего скота, а бескрайнее синее небо смотрелось в прозрачные воды раскинувшегося среди островка зелени озера. На цветастом придверном коврике с опоясывавшей его доброжелательной надписью стояла Кальпита.

– 5 –

Недобрую память оставил по себе Пирим. Предательство толстого племянника шейха прочно засело в памяти людей, поэтому соплеменники сторонились его жены, и доморощенная ворожея оказалась едва ли не в изоляции среди и без того изолированного населения Нирелина. Сторонилась она и солдат Красной саламандры, превративших оазис в естественную тюрьму, справедливо опасаясь, что излишнее внимание к захватчикам спровоцирует запоздалое мщение со стороны соседей. Мало кто верил в ее полную непричастность к трагическим событиям. Еще слишком свежи были могилы, слишком много взошло всходов на пролитой крови, и погрузившийся в пучину тоски и отчаяния Нирелин лишь ценой невероятных усилий зажил тем, что можно было назвать тенью прежней жизни. Прямых доказательств против Кальпиты не было, а ее затворническое поведение позволило ей избежать самосуда, когда в сердцах жителей еще кипели страсти. Кальпита уже мнила себя женой нового шейха и крушение всех надежд, как ни странно, помогло ей уцелеть. Она не искала защиты у гарнизона Красной саламандры, не требовала себе привилегий за содеянное мужем. Кальпита в страхе заперлась у себя дома и не выходила оттуда целый месяц, постоянно трепеща за свою жизнь. Она пускала лишь немногочисленных посетительниц, привыкших к ее колдовским заговорам и настойкам, которым еще более-менее могла доверять. Им она клялась в своей непричастности к случившемуся, но даже в глазах своих старинных клиенток видела оттенок недоверия. Впрочем, эти же клиентки сообщили ей что страсти улеглись и нирелинцы не чувствовали ничего кроме поселившегося в их сердцах горя. Когда исхудавшая, осунувшаяся Кальпита стала появляться на людях, ее никто не трогал. Она ловила на себе настороженные, потухшие взгляды, но не было в них ни ярости, ни злобы. У жителей хватало других забот, нежели растрачивать себя на опозоренную ворожею. Женщины возделывали

грядки, пасли скот, чинили пострадавшие постройки и вообще вынуждены были взять на себя абсолютно все работы по хозяйству не только в традиционном понимании, а и вообще. Немногочисленные уцелевшие мужчины, в основном выжившие после тяжелых ранений воины, взяли на себя самую грубую работу, таская тяжести и возясь с наиболее непривлекательными делами. Они же обучали вдов и ребятишек навыкам известных им профессий, ибо до сих пор женская рука не прикасалась ни к кузнечному молоту, ни к резцу каменщика. Искалеченная жизнь Нирелина постепенно потекла своим чередом. Нанесенная ему глубокая рана не зажила, но медленно затягивалась, болела, но понемногу жгла все меньше, превращаясь в навечно обосновавшееся тоскливое воспоминание.

Кальпита стала женой предателя. В переносном, разумеется, смысле, ибо она ей изначально и была. Это формулировало отношение к ней людей. Ее избегали, но не преследовали; с ней редко разговаривали, но и не оскорбляли. Ей даже позволили работать, но особняком. Она пасла скот и стригла овец, и старалась ничем не выделяться среди и без того не жаловавших ее соплеменников. Со временем Кальпита начала осознавать, что такая участь, возможно, пострашнее смерти. Жена предателя — это клеймо было словно выжжено у нее на лбу, хорошо различимое любому встречному. Люди смотрели на нее равнодушно, как на пустое место. Порой с затаенной, поселившейся глубоко в душе болью, с молчаливым, печальным укором. Лучше бы они ее ненавидели! Она жила как в мире теней, и лишь уцелевшие клиентки, патологически не способные обойтись без мистических штучек, хоть как-то скрашивали ее серое существование, в котором не осталось ничего кроме пустоты и презрения.

Кальпита писала прошения. Раз в три месяца каждому жителю дозволялось подать коменданту гарнизона бумагу с указанием желаемых товаров. Не бесплатно, разумеется, но оазис все еще кое-что производил на обмен, и его населению было необходимо то, чем он сам себя обеспечить не в состоянии. Приходивший караван с людьми ад-Сейдина привозил дозволенные предметы. Вместе с ним прибывали и убывали солдаты, постепенно сменяясь на посту, а иной раз заглядывали и эмиссары хана, не то для проверки дел в Нирелине, не то по каким-то другим интересам в прилегавших к этой части Калихари краях. Кальпита просила о другом: забрать ее из оазиса куда угодно. Она согласна на любую работу, лишь бы не оставаться среди соплеменников. Кальпита напоминала о заслугах погибшего при исполнении интересов хана мужа, но умоляла не делать ей никаких поблажек и не оказывать публичного внимания, поскольку имеет веские основания опа-

саться за свою жизнь. Она просит лишь дозволения покинуть Нирелин. В ответ жена Пирима получала неопределенное молчание.

Однажды, когда она уже отчаялась на какие-либо изменения в своей судьбе, ее желание неожиданно удовлетворили. Явившиеся в дом Кальпиты солдаты забрали ее в дом коменданта, откуда она вышла в сопровождении конвоя лишь для того, чтобы покинуть Нирелин с отбывавшим караваном. Женщине не сказали куда ее везут, но она в любом случае была рада наконец-то оставить оазис позади, вырвавшись из гнетущего ее окружения. Путешествие оказалось долгим, но в один прекрасный день перед Кальпитой появились сверкавшие на солнце крыши и купола Солтенстила, столицы Гийюра ад-Сейдина. Ее привезли в какой-то небольшой, но ухоженный домик в одном из бесчисленных кварталов. Шум огромного города изначально оглушил Кальпиту, но здесь, в этом утопавшем в густом саду домике было довольно тихо и звуки жизни ханской столицы доносились очень приглушенно. Вечером появился человек. Его лица невозможно было разглядеть из-за низко опущенного капюшона, но держался он уверенно, а в голосе слышалась холодная властность. Кальпита поняла, что ей следует во всем подчиняться этому человеку. Ее благодарность за вызволение из Нирелина визитер встретил снисходительным кивком и предложил оказанную женщине любезность соответствующим образом оплатить.

— В следующий раз, когда тебя посетят гениальные идеи, потрудись для начала навести побольше справок о предмете их происхождения! — гневно воскликнул Дегонис, еле удерживаясь от желания наорать на помощника, а лучше бы швырнуть в него Искажающим заклятьем.

— Но ведь все более-менее получилось, — оправдывался Пириаст, немного струхнув от разноса старшего колдуна.

— Получилось, получилось, — едко передразнил его Дегонис. — Да когда старикан узнал что к его обожаемой внучке явилась жена предателя, которую он считал причастной к захвату родного оазиса, его чуть удар не хватил!

— Но ведь Кальпита все-таки стала вхожа в дом к девчонке, хотя и не так, как я надеялся, — осмелился подчеркнуть рыжий колдун.

— Теперь у нас есть там глаза и уши. Если она заметит хоть что-нибудь подозрительное, то сразу сообщит.

— А тебе не приходило в голову, что подозрительно как раз само ее появление в этом доме? — хлопнул ладонью по столу Дегонис.

Сей жест выражал у него крайнюю степень раздражения, поскольку обычно старший колдун таких проявлений эмоций себе не позволял.

— Мастер, ну вы же сами вызывали ее из Нирелина для допроса. Я полагал, что лучшей кандидатуры и представить нельзя, — оправдывался Пириаст. — Знакомое лицо, общая беда, да еще прямо у нас под рукой! Я даже одеться ей велел в те вещи, которые она носила в оазисе, чтобы произвести привычное впечатление.
— Я вызывал ее для того, чтобы навести справки, остались ли еще в Нирелине лица владеющие секретом Липкого огня. Вопрос преемственности Хранителей никто не отменял, — сказал Дегонис. — Мне рекомендовали ее как лояльного к хану члена семьи ан-Бакира, а лишь такой человек, всю жизнь проживший в оазисе и хорошо знающий всех своих соседей, мог бы внести определенную ясность. Мне и в голову не пришло какую роль она сыграла во всей этой истории! Операцией по захвату Нирелина руководил ди-Орт. Меня же интересовал Липкий огонь и его Хранители, а не то каким образом они были захвачены!
— Что она рассказала? — невольно осведомился помощник.
Несмотря на досаду, Дегонис соблаговолил снисходительно его просветить. Таковых не осталось. Все погибли во время штурма. Имена преемников держались в секрете, но сраженные горем жители, оплакивая убитых, уже не видели необходимости в сохранении этой тайны и свободно делились друг с другом безвозвратно ушедшим прошлым. В свете причины захвата Нирелина солдатами хана для них эта тема была вполне актуальной. Хранителей удалось взять живыми потому что их имена и внешность сообщили заранее. Остальным повезло куда меньше. За прошедшее со времени пленения шейха время Кальпита слышала достаточно, и рассказала все без утайки. Дегонис чувствовал, что она говорит правду, всеми силами стараясь выслужиться. К сожалению, она не сообщила о собственном вкладе в план ди-Орта, а ему это было как-то безразлично. Получив нужные сведения, колдун утратил к этой женщине какой бы то ни было интерес, и даже собирался отправить обратно, но Кальпита умоляла оставить ее здесь, ссылаясь на то, что ее могут убить за сотрудничество с людьми хана. Вполне резонно, надо сказать. Дегонис оставил ее присматривать за домом где бывают Манипуляторы и где о существовании Кальпиты узнал Пириаст.
— Эта ворожея-самоучка проявляла искренний интерес к нашему колдовскому искусству и прямо из кожи вон лезла чтобы угодить, — подхватил помощник. — Конечно чарами она не владеет, да и ее познания в ворожбе и заговорах ничего кроме улыбки не вызывают, но кое-какие зелья Кальпита варить действительно умеет. Узнав кто она и откуда, я сразу взял ее на заметку, а когда вы заговорили про желание присмотреть за внучкой шейха решил что

лучшей кандидатуры и быть не может! Преданный нам человек, хорошо знакомый девчонке.
— Слишком хорошо знакомый, как выяснилось, — проворчал Дегонис, смягчаясь, ибо нехотя признал что некоторая доля вины лежит и на нем. — После свидания с внучкой старик просто рвал и метал, и мне даже пришлось его утихомиривать. Кажется, он даже утрату своего бесценного секрета переживал куда меньше. Я лично спасал твою затею, дорогой Пириаст, хорошенько проинструктировав Кальпиту. Только тогда она и созналась как обстояло дело в Нирелине, что позволило мне придумать ей соответствующее прикрытие. Сама по себе твоя идея хороша, да только реализация подкачала. Признаться, я не был уверен в благополучном исходе…
— А что старый хрыч? — осторожно спросил Пириаст, с облегчением понимая, что буря миновала. — Он имеет огромное влияние на внучку и ту женщину, Далину.
— Настороже. Не думаю что шейх до конца поверил в преподнесенную ему историю, но свой запрет не пускать Кальпиту на порог он снял. А этого нам пока вполне достаточно, — отозвался Дегонис. — В противном случай, друг мой, ты в компании своей протеже уже ехал бы в Нирелин.
Пириаст так и не понял шутил старший колдун или нет, а посему сделал угодливо-глуповатое лицо, не позволяющее определить оценил он юмор учителя или же признавал свою оплошность.

Ан-Бакир, в свою очередь, понял все. Поначалу он действительно осерчал так, что готов был раскатать все ненавистные подземелья по камешку. Шейх как никто другой знал всю глубину предательства Пирима, ведь подлый племянник, упиваясь своим гнусным торжеством, не скрывал оказанных захватчикам услуг. В невиновность его жены, якобы не ведавшей о планах мужа, старик не верил ни на секунду. Пирим ведь не отрицал предположение ан-Бакира о происхождении убившего стражу подземного хода яда. Открыто не признал, но и не отрицал. И даже если он просто издевался над плененным стариком, усугубляя его муки, а сам использовал отраву без ведома Кальпиты, та все равно не могла пребывать в заблуждении относительно замыслов супруга. Гнев, тем не менее, быстро пошел на убыль, когда ан-Бакир неожиданно сообразил чем, вероятно, вызвано ее появление. Он дал себя успокоить, а затем и уговорить. Только отнюдь не из жалости или правдоподобия версии вдовы Пирима, которая, к тому же, с самого начала невзлюбила его приемную внучку.
— Послушай, дитя мое, — сказал старик Илиане, когда они снова увиделись. — Эта женщина причинила немало зла и сейчас навер-

няка явилась отнюдь не во имя его искупления. Ты должна быть с ней очень осторожна, но не подавай и виду что тебе известно ее истинное лицо. Кому бы ни служила Кальпита, приставили ее не просто так, однако из всех соглядатаев самый лучший тот, о чьей роли тебе хорошо известно. Сыграй с ней в ответную игру. Далина для этого слишком простодушна, поэтому хватит с нее моих указаний, которые ты ей передашь, но сама держи ухо востро и наблюдай. У тебя в доме есть что-нибудь компрометирующее?

— Нет, — быстро ответила Илиана, сообразив, куда клонит дедушка Арбах.

— Отлично, — кивнул шейх. — Пусть так и остается. Пусть Кальпита воображает, что ты ей веришь. Стерегись ее, и мы будем водить врагов за нос так долго, как долго она будет уверена в отсутствии за нами каких-либо грешков. А для пущей убедительности пришли ее ко мне. Скажи, что ты пыталась уговорить меня выслушать ее, и я кое-как согласился.

Эта встреча была игрой двух актеров, каждый из которых намеревался ввести другого в заблуждение. Шейх изобразил бурю гнева, откровенное недоверие, презрение к жене предателя и возмущение ее приходом в дом его внучки как ни в чем ни бывало с жалкими попытками оправдаться. Старик апеллировал к страшным событиям в оазисе, распаляясь при воскрешении сцены измены Пирима, и сыпал обвинениями. Он лишь старался не переиграть, дабы струхнувшая вдова покойного племянника чего доброго не сбежала, опасаясь немедленного возмездия разъяренного старика. Выглядел-то он вполне натурально, и несмотря на свои девяносто три года действительно испытывал сильное и вполне реализуемое желание свернуть ей шею. Гвардейцы не успели бы ее спасти.

Кальпита, внутренне трясясь от страха, каялась. Не в том, что активно принимала участие в коварных планах супруга, а в том что не распознала их заранее и не сообщила шейху. Она действительно разделяла точку зрения Пирима касательно сотрудничества с ханом, но и представить себе не могла каким именно образом он в результате поступит. Знала она и про почтовых голубей, подаренных мужу от имени самого властелина Железных земель, только Пирим не посвящал ее в детали переписки. Говорил лишь о своей приверженности союзу с ад-Сейдином и что если ему удастся убедить ан-Бакира в несомненной пользе этого союза, то он, Пирим, получит большую награду и займет достойное место как доверенное лицо хана. Его жена, разумеется, разделит с ним все причитающиеся блага. Только до поры это большой секрет. Говорить о нем никому нельзя, чтобы не сорвать и без того хрупкие

переговоры. Шейх ад-Сейдину не доверяет и уж точно не станет слушать аргументы племянника, если выяснится что тот представляет его интересы. Такие речи кружили Кальпите голову, и она не видела ничего плохого в переговорах, особенно если те завершатся к выгоде обеих сторон. А потом грянула беда. Муж знал о существовании ядов, ведь она, знахарка и ворожея, травила ими клопов и крыс, снабжая этими опасными, но надежными зельями своих клиентов. Когда он попросил сильнодействующее средство — в бастионе, мол, развелись грызуны, — Кальпита без всякой задней мысли вручила ему желаемое, даже не представляя для какой страшной цели ему понадобилась отрава. Она узнала об этом лишь позже, когда произошло непоправимое. Ее заклеймили как жену предателя, и ей ужасно тяжело сознавать, что она действительно виновата, хотя все же и не так, как считает шейх. Ей нельзя было верить людям хана и следовало догадаться о планах мужа. Она оставалась слепа, и теперь будет нести его вину на своих плечах до конца дней. Только пусть люди станут к ней хоть немного снисходительнее. Ушедшего не воротишь и содеянного не исправишь, но она может попытаться искупить свою вину, приняв участие в восстановлении Нирелина.

Это был очень важный акцент. Кальпита упомянула его в связи со своим неожиданным появлением. Прошлой осенью ее вывезли из оазиса какие-то люди и с тех пор она жила под замком в закрытом охраняемом доме. На вопрос что она тут делает, ей с усмешкой отвечали что поведение шейха ан-Бакира вызывает беспокойство, и вскоре, возможно, понадобится действенное средство, дабы убедить его быть паинькой. Ей намекнули о чем речь, и с тех пор Кальпита жила в постоянном страхе. Она была нужна как жертва для лютых пыток, если шейх откажется делать то, что должен. Что именно, догадаться было нетрудно, поскольку всем уцелевшим нирелинцам прекрасно известна цель захвата их родного дома. Когда за ней пришли, она уж думала что ей настал конец. Вместо этого ее привели во дворец и поселили рядом с Далиной. Кальпите сказали, что как заложник она больше не представляет интереса, возиться с ее возвращением в Нирелин никто не будет, а отпускать на все четыре стороны тоже рановато. Пускай пока все нирелинцы в Солтенстиле поживут вместе. Их отправят домой когда посчитают, что они совершенно безвредны и в них отпала всякая необходимость. До тех пор пусть сидят смирно и не высовываются. Кальпита так и не поняла почему в ее судьбе вдруг наступила такая перемена, и первым делом пришла к Далине. Дальше ан-Бакир, видимо, все уже и сам знает.

Да, кто бы ни инструктировал Кальпиту, он сделал это хоро-

шо. Он даже объяснил прокол почему выбор пал на ненавидимую шейхом вдову Пирима. Это была чистейшая случайность. Пленители об этой ненависти понятия не имели, выбрав наугад одного из членов семьи ан-Бакира. Пытки Далины и Илианы — крайняя мера, не имеющая пути назад. До них шейха собирались стращать кем попроще, и кого совсем не жалко. Кто ж знал, что издевательства над Кальпитой его наоборот порадуют?

О решении ан-Бакира вдову Пирима известила Далина, все-таки пустив ее в свой дом, куда еще несколько дней назад путь нежеланной гостье стал заказан. Далина сообщила, что шейх ей все равно не доверяет и Кальпите придется хорошенько постараться, если она действительно хочет искупить вину. Кальпита со слезами благодарности устроила такую душещипательную сцену, что ей прекрасно удалось бы обмануть не только Далину, но и Илиану. Вот только с последней у нее этот номер не прошел. И дело было не в том, что девушка в первую очередь верила деду, хорошенько запомнив все им сказанное. Кальпита вызывала у Илианы смутное знакомое чувство, необъяснимое, но вполне разборчивое. Она ощущала его и прежде. Еще маленькой девочкой она называла Пирима "проди", хотя тогда не могла толком выразить откуда взялось это слово и как его правильно перевести на общеизвестный язык. Теперь Илиана это знала. "Способный предать" — вот как в приближении истолковывалось нареченное таким образом ощущение. На общем языке это было слово "предатель".

Запутанная выходила ситуация. Ан-Бакир не верил Кальпите ни на грош, но сознательно разрешил поддерживать с ней отношения, однако зачем это надо просветил только внучку. Далина верила шейху, и стала относиться к новой соседке вполне приветливо, отлично и естественно играя свою роль, ибо и сама о ней не подозревала. Илиана же насчет Кальпиты иллюзий не строила, но не подавала и виду, подыгрывая Далине. Дегонис, в свою очередь, не доверял шейху, но на данный момент его, так или иначе, вполне устраивало появление доверенного соглядатая подле все больше привлекавшей внимание колдуна внучки ан-Бакира. Вот только имелась в этом хитросплетении и еще одна сторона, о которой никто из всех заинтересованных лиц даже не подумал. Это была сама Кальпита. И знай черный колдун о намерениях вдовы Пирима, он ни за что бы не подпустил ее к Илиане и за милю.

Кальпита ненавидела Илиану. Она недолюбливала ее еще в Нирелине, и хотя благоразумно не выражалась об этом открыто, внушенные ей чувства проявлялись в отношении и речах мужа. Теперь ее неприязнь к приемышу ан-Бакира приняла патологиче-

ский характер. Повернутая на мистицизме и оккультных штучках несостоявшаяся ведьма винила во всех своих бедах Илиану, причем даже в тех, к которым та чисто физически не имела отношения. Даже в гибели собственного мужа. Даже против малейшей здравой логики. Едва увидев вновь большие сиреневые глаза невероятно выросшей девочки, Кальпита поняла что ненавидит ее смертельно. Она явилась на порог как служительница черных колдунов, намереваясь преданно исполнять их волю, но перешагнула его уже совсем с другой целью. Догадайся о ней колдуны — и они бы наперегонки бросились хватать Кальпиту, стремясь предотвратить порожденный злобой замысел.

Теперь Илиане впору было порадоваться, что она догадалась переправить Шую на чердак, включая все так или иначе связывавшее ее с чародейкой. Обычные же книги и учебники вопросов у Кальпиты не вызывали. Любовь девочки к чтению была известна еще по Нирелину, и хотя женское образование в Железных землях не поощрялось, законодательно его никто не преследовал. Разве что сама сложность некоторых книг могла удивить и довольно сведущего специалиста, но это уже разговор отдельный. Сова, кстати, уже который день как отсутствовала, отправившись в долгое путешествие к обители чародеек. Даже по самым оптимистичным расчетам вернется она нескоро, а уж как выйдет на самом деле и вовсе нельзя угадать. Так или иначе, она прилетит в убежище на чердаке, а не прямиком в комнату Илианы, а значит и волноваться не о чем. Глядя на негромко толковавших Кальпиту с Далиной, девушка припомнила как она объясняла птице куда той следует направиться. Это была та еще задачка! Сова не человек, и ткнуть пару раз в карту, водя по ней пальцем — совершенно дохлый номер. Что такое карта вообще Шуя еще кое-как соображала, но мыслила совершенно иным образом, и спроецировать нарисованное на плоскости в ее привычное воображение не получалось. Илиана ведь и сама никогда не видела не только место назначения, а и вообще все те края, которые предстояло пересечь крылатой посланнице. Ей приходилось апеллировать к имевшимся в памяти совы образам, ориентируя их на расстояние и схожесть ключевых объектов. Большой город, широкая мощеная дорога, река, озеро, горная цепь... Известные Шуе элементы последовательно складывались в строго заданном направлении, а уж с чувством ориентации в сторонах света у птицы было все в порядке. Под конец весьма непростого разговора девушка даже заподозрила, что сова с ее подачи начала немного кумекать в расстеленной карте, на которой основывалась сама Илиана. Сейчас, сидя в гостиной и вспоминая об этом эпизоде, она невольно улыбалась, краем уха

прислушиваясь к житейским пересудам двух устроившихся поблизости женщин.

Кальпита неплохо умела втираться в доверие, и Далина разговаривала с ней о жизни при дворце так, будто и не было всех прошедших лет, образовавших пропасть между жизнью в Нирелине и всем что было после. Как новичок, Кальпита просила ввести ее в курс дела, и Далина, неожиданно обретя возможность поговорить о самых простых вещах, проявила большую словоохотливость. Набив руку на изготовлении зелий, Кальпита наловчилась заваривать и весьма недурной чай. В Солтенстиле имелся просто колоссальный выбор сортов, отчего у ворожеи прямо-таки глаза разбегались, как, впрочем, и от обилия прежде недоступных для нее ингредиентов. Про ингредиенты она помалкивала, как и про имевшуюся у нее возможность выходить за дворцовые стены, а с чаем постоянно экспериментировала и приходила потчевать им соседок. Вот и на этот раз фарфоровые чашки — подарок принцессы — щедро наполнялись благоухающим напитком из стоявшего на углях чайника. На передвижном столике красовались вазочки с сахаром и сладостями, а на овальном блюде расположился большой пирог с курицей и грибами. Кальпита состряпала его сама и просила оказать ей любезность, отведав хоть кусочек. Простодушная Далина, отдавая должное душистому чаю, нашла пирог очень даже недурным, и женщины немедленно ударились в обсуждение кулинарных тонкостей. Стояло самое начало июля, и теплый летний вечер как нельзя лучше располагал к спокойной и непринужденной беседе. Илиану особенности приготовления снеди не особо волновали. Готовить она умела, но постольку поскольку, ограничиваясь обыденными вещами и всяко не ставя себе поварское искусство за непременную цель в жизни. Далина пробовала ее научить, но воспитанница очевидным образом проявляла куда больше интереса к своим заумным книжкам, нежели к кастрюлям и сковородкам. Девушка довольно плотно поела и разговоры о кулинарии навевали на нее сонливость, ведь к приготовленному Далиной ужину добавился и сытный пирог Кальпиты. Илиана из вежливости приняла предложенный ей кусок и пришла к выводу, что блюдо удалось гостье действительно неплохо. Добавки она просить не стала, но свою тарелку опустошила до конца. Вкус у пирога казался несколько специфическим, но вполне приятным. Кальпита явно не скупилась на комбинации специй, как следует приправив предварительно обработанные курицу и грибы. Золотистая корочка ничуть не подгорела, а находившееся под ней содержимое пропеклось практически идеально.

Допив чай, Илиана почувствовала что ее глаза вовсю слипа-

ются. Разговор двух женщин казался мерно жужжащей мухой и нагонял такую дрему, что девушка начала клевать носом прямо в кресле. Весь вечер сохраняя совершенно невозмутимую мину, она исподтишка приглядывала за Кальпитой, посматривая на нее из-под длинных опущенных ресниц. Ворожея вела себя совершенно естественно, и что бы ни было у нее на уме, она это мастерски скрывала. Более того, сегодня она даже казалась еще доброжелательнее чем обычно, и прямо-таки лучилась какой-то скрытой радостью и удовлетворением. Не иначе как находила благоприятной реакцию соседок на ее угощение и общество. Далина-то точно позволила себя провести и довольно быстро стала считать компанию Кальпиты вполне подходящей. Илиана же лишь изображала некоторую долю приветливости — немного больше, чем требовала простая вежливость. Ровно столько, чтобы дать понять гостье, что она к ней еще не привыкла, но и не сторонится как от нежеланного посетителя. Сама же Кальпита внешне чувствовала себя в доме у соседок вполне непринужденно: болтала с Далиной и временами посылала улыбки Илиане. В первый-то день недолго она улыбалась, когда пришла поздороваться и вдруг узнала в открывшей ей девушке маленькую приемную внучку шейха. Ее и без того узкое лицо невольно вытянулось, демонстрируя крайнюю степень ошеломления. Кальпита быстро взяла себя в руки и потом долго извинялась за свою не слишком вежливую реакцию, вызванную невероятными переменами в Илиане. С тех пор она держалась с девушкой отменно предупредительно и ни разу не выразила какого-либо неудовольствия, являя собой прямо-таки образец добрососедских отношений. Вот только иной раз каким-то шестым чувством девушка ловила на себе пытливый настороженный взгляд, но стоило ей встретиться глазами с Кальпитой, как в тех можно было заметить лишь все прежнее выражение симпатии. С расспросами ворожея тоже не лезла, ограничиваясь умеренным и вполне объяснимым любопытством об общеизвестных фактах из жизни Илианы. Та, вполне осознавая к чему бы такой невинный интерес, словно невзначай рассказывала о себе даже больше, нежели осмелилась осведомиться Кальпита. В той, разумеется, форме и в том содержании, в которых надо было поведать именно соглядатаю: о своих увлечениях, о работе в зверинце, о Таларе, о Бэйле… От последнего все еще не было никаких вестей, и Илиане стоило немалого труда невозмутимо высказываться насчет его затянувшегося отсутствия. Иной раз она так глубоко задумывалась о его судьбе и обо всем произошедшем в последнее время, что встрепенувшись невольно боялась, не подслушали ли ее сокровенные мысли, не выразила ли она их на лице. Вот и сейчас видения начинали за-

стилать сознательный взор и перед ним все отчетливее появлялись совершенно не присущие простой и чистенькой гостиной элементы: оживленно болтающий Бэйл, загадочно мерцающая глазами Сирелина и картинно размахивающая мечом Талара. Не будучи способна увидеть близких ей людей вживую, объевшаяся Илиана грезила наяву, только что не порываясь вступить с ними в долгожданный разговор.
— Дорогая, с тобой все в порядке? — услышала вдруг девушка обращенный к ней заботливый голос Далины.
Похлопав ресницами, Илиана поняла что все еще сидит в кресле, а обе женщины, прервав чаепитие, смотрят в ее сторону. Настежь распахнутое окно с легко колыхавшейся занавеской привносило в комнату ночную свежесть. В наступивших сумерках упоительно стрекотали многочисленные цикады.
— Ох, извините, — смущенно произнесла девушка, отчаянно зевая. — Кажется, я здорово наелась и меня сморило. Пойду-ка я прилягу. Все было очень вкусно, спасибо вам всем большое.
Про себя же понадеялась, что не имела привычку болтать во сне и не звала чародейку по имени, ибо большей оплошности и представить себе трудно. Обе женщины закивали, пожелав ей доброй ночи. Зевнув еще раз так, будто хотела проглотить Вселенную, Илиана залпом выпила еще чашку остывающего чая и удалилась в свою комнату. Добравшись до постели, она рухнула на подушку и сразу же заснула глубоким сном.

Илиана никак не могла отыскать обитель чародеек. Мимо величественно проплывали дремучие леса с густыми кронами вековых деревьев, чьи вершины тянулись к бездонному синему небу. Бескрайние поля с волнами колыхавшейся на ветру травы сменялись чередой разбегавшихся в разные стороны дорог, пересекавших реки и петлявших между озерами. Серебрились в солнечных лучах воды большой реки, чью поверхность бороздило множество грациозных кораблей с наполненными ветром парусами и гордыми вымпелами на мачтах. Один город следовал за другим, показавшаяся россыпь селений быстро исчезала для того, чтобы ей на смену пришла другая, еще более живописная, но вместе с тем и куда менее ожидаемая. Илиана отчаянно старалась следовать приметному пути, столь хорошо описанному Сирелиной и тщательно вычитанному из многочисленных книг. Она силилась припомнить карту, но та полностью выпала из памяти. Почему-то чем дальше она забиралась, тем больше окружающая действительность не соответствовала имевшимся о ней сведениям. Это был совершенно другой мир, ничуть не похожий на те края, куда держала путь девушка. Однако, как ни странно, он постепенно начи-

нал казаться знакомым, хотя это знакомство представлялось необъяснимым. Илиана рвалась вперед, прилагая неимоверные усилия дабы выбраться на правильный маршрут и отыскать заветную обитель. Она начинала сильно уставать. Прежде наполненное воздушной легкостью тело наливала свинцовая тяжесть, конечности деревенели, а в голове болезненно пульсировало натужное биение сердца. Некогда теплое солнце, ласкавшее кожу своими золотистыми лучами, теперь нещадно палило жарким огнем, будто вознамерилось сжечь парившую путешественницу дотла. Прохладные струи синего эфира превратились в злой суховей, царапавший девушку колючими песчинками. В груди появился и стал расти тяжелый камень, чей вес все заметнее начинал тянуть к земле. Илиана сопротивлялась гнетущим ощущениям, продолжая нестись над просторами все дальше и дальше, стиснув зубы и не намереваясь сворачивать с намеченного пути. А тот упорно заводил ее совсем не туда, будто некая неведомая сила сбивала ее с толку, направляя в другое место. Илиана наперекор действительности все еще надеялась увидеть вдали высокую гору, увенчанную снежной шапкой вечных снегов, под которыми тянулись к звездам красивые дома и башни прибежища чародеек. Вместо этого перед ней показался лежавший в руинах город. В его середине, на небольшой возвышенности, отливали темно-фиолетовым цветом невероятно искореженные развалины некогда великолепного дворца. От его крыши не осталось и следа, фрагменты обрушенных стен были раскиданы далеко вокруг. В сохранившихся участках кладки зияли провалы окон, а над каким-то чудом уцелевшей центральной частью осколками торчал разбитый купол. Несмотря на чудовищный уровень разрушений, Илиана мгновенно узнала что перед ней находится. Она понятия не имела откуда, но только видела эти стены не впервые и они были ей хорошо знакомы. И без того с натугой качавшее кровь сердце болезненно сжалось при виде ужасной разрухи и запустения, в висках заныло, а в животе появился жар. Девушка держала путь в обитель, но прибыла совсем не туда. Вместе с тем у нее появилась странная уверенность, что она оказалась именно там, где и следовало. Наполнявшая тело тяжесть стала непомерной. Илиана коснулась стопами песка и с трудом перебирая ногами двинулась вглубь разрушенной неведомой силой постройки. Она не знала зачем, но что-то звало ее туда, в центр, под изорванные своды высокого купола, некогда покрытого изумительной росписью. Он мог становиться прозрачным, и тогда в огромный тронный зал прямо с неба глядели бесчисленные звезды. Сейчас этот зал был пуст. Разбитые статуи таращились на Илиану незрячими глазами, а слой песка устилал плиты мраморно-

го пола с изящным узором из белого металла. Он не скрывал мрамор лишь в самой середине, опоясывая свободное пространство геометрически ровным кругом. Выйдя в этот круг, девушка огляделась. Силы стремительно покидали слабеющее тело, но вместе с тем она явственно ощущала, как в нем зарождается какая-то могущественная волна противодействия, яростно сопротивлявшаяся накатывавшему недугу.

Колдуны! Они устроили ей засаду! Бесшумно появившиеся фигуры в длинных переливающихся одеждах медленно приближались к застывшей Илиане. Она хотела убежать, но вдруг обнаружила что неспособна пошевелиться. Незнакомцы, чьих лиц девушка никак не могла рассмотреть, окружили свободное от песка пространство, воздев руки к небу. Их губы беззвучно шевелились, а взоры уставились куда-то в бесконечность. Не в силах пошевелить и пальцем, Илиана молча наблюдала, как расходятся, раскачиваются в такт неведомому ритуалу пришельцы, казавшиеся теперь размытыми пятнами, источающими волны мерцающего света. Этот свет распространялся все дальше, пронизывая весь зал и собираясь в одну большую сферу, эпицентром которой была она сама. Сфера росла и ширилась, и вскоре достигла той самой границы, за которой лежал песок. Затем она стремительно стала набирать плотность, засияв так, что через нее уже ничего нельзя было рассмотреть. Ее поверхность превратилась в непроглядные белые стены, а пространство внутри залило ровное густое свечение. Оно неожиданно обрело такую же плотность как вода, и Илиана почувствовала как с головой погрузилась в его струящуюся сущность. Ей вдруг стало совсем плохо. Она с трудом дышала, тело утрачивало жизненные функции. Окутывавший ее жидкий свет лился в легкие, впитывался в кожу, проникал в каждую клетку тела. Он нес облегчение, без которого девушка уже упала бы бездыханной, боролся с охватившим ее недугом. И вдруг в какой-то момент сфера взорвалась. Сверкнула чудовищной мощности вспышка и наступила кромешная тьма, неподвластная ни свету, ни даже самому времени. Страшный болезненный удар поразил Илиану прямо в живот. Согнувшись в три погибели, она рухнула на невидимый во мраке пол и сквозь сжатые зубы испустила протяжный жалобный стон. В следующее мгновение в груди вспыхнула яркая всепожирающая звезда. Ее яростное пламя проникло в каждую частичку существа Илианы, выжигая проникшее в нее зло. Волна за волной, широким могучим приливом это пламя распространялось по страдавшему телу, изгоняя из него все вредоносные элементы до последнего атома и возвращая его в здоровое первозданное состояние. Боль исчезла. Она не отступила — она просто

испарилась, не успев даже удариться в паническое бегство. Вместе с ней исчезли и все тяжелые ощущения, тело вновь обрело легкость, конечности подвижность, а голова стала спокойной и ясной. На смену теплу пришла прохлада. Она холодила спину и отчего-то отдавалась в ней чем-то жестким и очень неудобным. Вернув себе возможность двигаться, Илиана пошевелилась и неожиданно поняла, что она лежит на полу в собственной комнате, погруженной в темноту глубокой ночи.

Рывком приняв сидячее положение, девушка встряхнула головой, соображая как это она скатилась с кровати. Вскарабкавшись обратно на постель, Илиана подтянула свисавшее одеяло и подмяла под себя подушку, устраиваясь поудобнее. В сонной голове мелькали обрывки неясных мыслей. Похоже, ей грезился полет. Да, вроде бы Илиана искала обитель, не иначе как поменявшись местами с Шуей и проносясь высоко над землей не хуже птицы. Правда у нее не слишком-то ладилось. Заплутала, забрела совсем не туда, а потом свалилась с небес на землю. Вероятно, именно тогда произошло падение с кровати и связанные с ним неприятные впечатления. Кстати о них! Кажется, Илиане только что было очень плохо, однако все болезненные ощущения она проспала, получая их невольный отклик в виде вторжения в сновидения. Вот вам и наглядный пример почему не стоит переедать на ночь! Хорошо хоть больше ничего не болит, живот не жжет и не ноет, а тело вместо тягучего одеревенения исполнено теплой приятной неги. Смежив веки, девушка почти успела заснуть снова, как вдруг до ее уха донесся негромкий стон. Приоткрыв один глаз, Илиана невольно прислушалась, силясь понять, был ли он на самом деле, или же наваливавшаяся дрема сыграла с ней очередную шутку. Ночь хранила глубокое безмолвие, не нарушаемое даже тихим шелестом листвы за окном. В столь поздний час разве что дворцовые гвардейцы стояли на своих постах, но они не имели привычки орать каждые пятнадцать минут, сообщая что все в порядке и можно спокойно почивать. Какой уж тут сон? А кроме них в это время суток и бодрствовать-то особенно некому. Протяжно зевнув, девушка потянулась и совсем уж было решила что ей просто показалось, как звук повторился снова. Живо оторвавшись от подушки, Илиана привстала на локте, напряженно всматриваясь в ночную темноту. На сей раз ошибка исключалась. Этот жалобный стон определенно издавало живое существо, вот только пока неясно где именно. Спросонья девушка довольно туго соображала, поэтому лишь с третьего раза до нее дошло, что источник звука находится в ее собственном доме в районе кухни. Он как будто стал еще тише и мучительнее, словно некто с каждой минутой все сильнее

страдал и при этом быстро слабел. Вздрогнув, Илиана поняла кто бы этим некто мог быть. Сонливость как рукой сняло. Соскочив с кровати, она простучала босыми ногами по полу и очутилась в коротком коридоре. Дверь в комнату Далины оказалась приоткрыта, но девушка туда и не заглядывала. Мягкий ворсистый палас скрадывал ее быструю поступь, поэтому Илиана в своей белой ночной рубашке возникла на кухне практически как привидение. Как привидение она и побелела, когда увидела лежавшую подле стола Далину. Все помещение заливал ровный лунный свет, мягко серебря кухонное убранство. Через приоткрытое окно с занавеской из тонкого газа его лучи беспрепятственно проникали внутрь, играя таинственными блестками в хрустальной и стеклянной утвари. Они же ложились и на лицо распростертой на полу женщины, но не было в их игре ни очарования, ни таинственности. Лицо Далины напоминало гипсовую маску. Если помимо мертвенной белизны на нем и присутствовали какие-то краски, то разве что слабые оттенки синего или зеленого — в лунном свете сразу и не определишь. Через приоткрытые губы вырвался все тот же тяжелый стон, еще тише и мучительнее чем прежде. Вне себя от ужаса Илиана кинулась к пребывавшей в столь плачевном состоянии женщине, зовя ее по имени.

Далина была еще жива, но силы покидали ее прямо на глазах. Судя по открытой крышке графина, коробке со снадобьями да валявшейся подле руки чашке, почувствовав недомогание, она пришла на кухню, намереваясь что-то принять, да так и упала. Недуг, вероятно, скрутил ее очень быстро, поскольку либо женщина не успела позвать на помощь, либо у нее это уже не получилось. Илиана, продолжая звать Далину, приложила руку к мертвенно-бледному, всему в испарине лбу, нащупала пульс, проверила веки и язык. Она прямо-таки ощущала как страдает бесчувственное тело и как все меньше в нем остается жизненной энергии. Придворного лекаря звать было некогда. В памяти хороводом закружились полученные прежде знания: от знахарей в Нирелине, от Сирелины, из многочисленных книг... С диагнозом девушка определилась весьма споро. Еще не закончили сновать ее руки, пугаясь исходившему от Далины жару, как она поняла что имеет дело с сильнейшим отравлением. Это понимание пришло подсознательно, скорее на основе исходивших от больной волн недуга, нежели какого-либо набора симптомов. Впрочем, последних тоже хватало. Пружиной вскочив на ноги, Илиана ринулась к себе в комнату за находившимися там лекарствами.

Скорее, это был целый набор медика-экспериментатора. Готовые микстуры сочетались с сушеными травами, истолченными

порошками, мазями, каплями и уймой находившихся в незавершенной стадии веществ. Имелись и кое-какие подручные приспособления. Девушка никогда не теряла интерес к медицине, и свои ширившиеся познания обычно практиковала на вверенных ей подопечных из зверинца, порой выручая и Бэйла с Далиной от желудочных колик и мелких житейских недомоганий. Помогали ее мази и притирания частенько набивавшей шишки и синяки Таларе. Правда на сей раз все было очень серьезно, и Илиана понятия не имела, преуспеет ли она хоть немного. Только выбора у нее все равно не оставалось.

Первым делом она вызвала у Далины сильнейшую рвоту. Организм еще достаточно функционировал для того, чтобы запустилась естественная реакция, ставшая следствием обильного промывания с добавлением мерзкой, но чрезвычайно действенной жидкости. Следом за этим девушка накачала Далину сильнодействующим средством, чей секрет раскрыла ей чародейка. В нем не было ни капли колдовства, но крайне сложно приготовляемая штука оказывала поистине чудодейственный эффект, когда речь шла о жизни и смерти. Неправильно созданный эликсир был способен и вовсе убить несчастного пациента, но Илиана не ошиблась ни на йоту ни в дозировке, ни в рецептуре. Пугающая восковая маска лица Далины немного порозовела, а тяжелое замирающее дыхание, чередуемое большими пугающими паузами, стало несколько полегче. Следовало незамедлительно применить верное противоядие. Стимулирующие свойства зелья продлятся недолго, и каждая секунда была на счету. Только с этим-то и возникла самая большая проблема. Илиана не знала наверняка каким ядом оказалась поражена Далина. Выраженных симптомов недостаточно, а делать лабораторный анализ у нее попросту нет времени, даже если под рукой нашлась бы набитая оборудованием комната. Приходилось уповать на везение и шедшие из глубины подсознания импульсы. Наскоро намешав мудреную смесь из нескольких прежде не комбинировавшихся ингредиентов, Илиана, трясясь от непредсказуемости ее последствий, влила образовавшийся коктейль в рот продолжавшей пребывать в беспамятстве женщины. Затем поочередно добавила несколько уже вполне типичных средств, являвшихся достаточно универсальными при отравлении биологическими ядами. Минеральные девушка отмела почти сразу. В уверенности появившегося у нее ощущения она не сомневалась. Просто знала и все, а откуда — можно пораскинуть мозгами и позже. Поразившая Далину отрава носила очень тяжелый и разрушительный характер. Напрягая память, Илиана вспоминала почерпнутые ей знания и где-то в них смутно всплывали различные

семейства грибов, способных дать подобный опасный для жизни результат. Вот только ни один из них полностью не подходил под наблюдаемый эффект. Девушка заподозрила, что имеет дело с хитрой комбинацией, к тому же усиленной каким-то дополнительным воздействием. Все это выглядело невероятно зловеще, и чем больше раскладывались по полочкам лихорадочно вертевшиеся мысли Илианы, тем меньше произошедшее походило на случайное отравление.

Исчерпав все имевшиеся в ее распоряжении средства, девушке оставалось только ждать. Устроив голову Далины у себя на коленях, она положила ей одну руку на живот, а другую на лоб, то и дело протирая его смоченной в охлаждающем растворе тряпочкой. Женщину продолжал терзать сильный жар, но сейчас это всяко было лучше, нежели сменись он вдруг пугающим холодом. В последнем случае это означало бы скорый конец. Тело пока еще боролось, и Илиане приходилось уповать на правильно примененное лечение. Подействуют принятые ей меры или нет — она не знала. Девушка сделала все на что была способна, и теперь могла лишь изливать волны любви и участия на преисполненную страданиями Далину. В месте прикосновения ее рук жар унимался, сменяясь совершенно нормальной температурой тела, но снять его полностью пока не удавалось. Со стороны могло показаться, что заботливо возившаяся над больной Илиана тихонько убаюкивает по-прежнему не приходившую в себя женщину. Наполнявший кухню лунный свет окутывал безмолвную сцену каким-то таинственным мистицизмом. Губы девушки шептали что-то успокаивающее, а руки ласково унимали исходившую от тела хворь, ощущая идущую в нем борьбу не на жизнь, а насмерть, и силясь повлиять на этот критический процесс.

Илиана просидела так до утра, уставившись невидящими глазами в пространство и целиком сосредоточившись на ощущениях. Еще несколько раз она давала больной снадобья, надеясь закрепить достигнутый эффект, а заодно хорошенько прибралась вокруг. Лишь когда веки Далины дрогнули, а в открывшихся глазах отразилась ясность мысли, девушка поняла что кризис миновал. Жар быстро спадал. На смену ему приходил отнюдь не смертный холод, а обильная испарина чувствовавшего облечение организма. Подложив Далине под голову подушку, девушка прямо на полу обложила ее одеялами, напоила укрепляющим снадобьем, а затем, велев не шевелиться, со всех ног припустила за лекарем.

Эскулап явился незамедлительно. Появление приближенной Талары, пребывавшей в явном смятении, и ее короткий рассказ заставили его пошевеливаться. Перенеся больную с помощью де-

вушки на постель, лекарь сразу приступил к осмотру, продолжая выслушивать Илиану о принятых мерах. Во всяком случае, тех, которые ему можно было сообщить. Врач хвалил и укорял девушку одновременно. Хвалил за умело проведенное лечение, но говорил что и позвать его надо было все-таки гораздо раньше, а не дожидаться когда пострадавшей станет легче. Сам же осмотр, поведанные симптомы и общий сбор сведений заставляли его все сильнее хмуриться. Взяв у Далины анализы, включая образец вышедшей при промывании желудка рвоты, лекарь велел девушке отнести их его помощнику, а сюда немедленно позвать его коллегу.

Вдвоем врачи хлопотали над больной достаточно долго. Лишь убедившись что в данный момент ее жизнь вне опасности, они прописали целый комплекс мер, от снадобий до питания, а сами удалились, продолжая о чем-то негромко совещаться и обещая вскоре заглянуть снова. В случае ухудшения самочувствия Илиане велели более не заниматься самодеятельностью, а сразу же бежать к ним. У нее же самой эскулапы тоже взяли анализы, насторожившись упоминанием девушки о собственных ночных ощущениях. Прихватили они и все остатки пищи, включая крошки из мусорного ведра. Врачи намеревались сопоставить все данные чтобы точно определить источник и вид ядовитого вещества. Отравление при дворе хана — случай вопиющий, и подобные вещи следует исследовать самым тщательным образом, дабы пресечь возможный источник заражения. Илиана осталась хлопотать у постели Далины. Теперь, вверенная заботам двух опытных лекарей, женщина наверняка пойдет на поправку. Впрочем, судя по интуиции девушки, это уже происходило. Непосредственная угроза миновала, и Илиана пребывала в спокойной уверенности что испытывавшая сильнейшую слабость Далина вскоре станет на ноги.

* * *

— Мастер? — удивленно спросил Пириаст, когда к нему в комнату неожиданно явился Дегонис.

Рыжий колдун как раз собирался прилечь вздремнуть. Час был очень поздний, и появление учителя в собственных покоях подчиненного выглядело необычно.

— Где Кальпита? — мрачно осведомился Дегонис.

— Не знаю. Наверное, дома, а что? — растерялся помощник.

— Ее там нет. Как, впрочем, и где-либо еще. Отправляйся к Имперской страже и вели объявить ее в розыск. Живо! — последнее слово старший колдун бросил таким тоном, что Пириаст заметно занервничал.

— Что происходит, мастер? — озабоченно произнес он, нашаривая висевшую в шкафу одежду.
— Что происходит? Я скажу тебе, что происходит! — зло отозвался Дегонис. — Твоя протеже намеревалась отправить на тот свет обоих нирелинок самой короткой дорогой.
— Как?! — испуганно разинул рот Пириаст. — Откуда такие сведения?
— Я только что говорил с придворным врачом, с которым поддерживаю отношения на профессиональной почве, — жестко сказал старший колдун. — Ошибки быть не может. Врач, собственно, и известил меня потому, что прежде подобного случая в своей практике попросту не встречал.
— Я слышал, что одна из нирелинок вчера чем-то сильно отравилась. Далина, приемная тетка девчонки, — растерянно развел руками помощник. — Это точно был яд?
— Точно, — холодно подтвердил Дегонис. — Его было такое количество, что хватило бы убить слона. Врача по большому счету удивил не столько факт обнаружения отравы, сколько то, что обе нирелинки до сих пор живы.
— А при чем тут Кальпита? — тупо спросил Пириаст.
— При том, мой верный и исполнительный друг, что этот яд был обнаружен в остатках принесенного ей пирога. Она собственноручно его испекла и добавила в начинку такую адскую смесь, что ей можно было бы угробить уйму народу, — нехорошим тоном разъяснил старший колдун. — А когда я вознамерился задать Кальпите пару вопросов, то выяснилось, что она исчезла. Полагаю, это отнюдь не совпадение.
Пириаст почувствовал себя весьма неуютно. Кажется, мастер недвусмысленно намекал о его неблаговидной роли во всей этой дикой истории, поскольку именно ему принадлежала идея привлечь Кальпиту.
— Ничего не понимаю. Зачем ей травить тех, за кем мы велели ей присматривать? — не то все еще недоумевал, не то цеплялся за соломинку помощник.
— Вот когда поймаем, тогда и спросим, — сурово заявил Дегонис.
— Пока что мне твердо известно: никакой случайностью тут и не пахнет. Подобные яды с неба не падают. Я лично проверил результаты исследований врача и пришел к выводу, что он абсолютно прав. Даже подметил кое-что укрывшееся от него, ведь при всем своем опыте и знаниях он не разбирается в колдовстве так, как я.
При последних словах Пириаст серьезно побледнел и дальнейшие пояснения выслушал со все возрастающим испугом.

Смертоносность начинки пирога впечатляла. Кальпита ис-

пользовала комбинацию нескольких различных ядовитых грибов, включая один невероятно редкий вид. Похоже, она действительно неплохо разбиралась в ядах, поскольку любителю такое изготовить было попросту не под силу: не хватило бы ни знаний, ни умения. Хитрость адской смеси заключалась сразу в целом комплексе достоинств. У нее были ничуть не отталкивающие вкус и запах, отлично маскируемые набором специй. Яд не действовал слишком быстро, давая возможность ускользнуть отравителю и до поры не вызывая подозрений у жертвы. Яд был абсолютно убийственным. Плотно заполненный желудок мог замедлить его действие, но пораженный им человек обязан умереть за несколько часов, если не принять меры еще до появления первых симптомов. Комбинация ядовитых грибов отлично изменяла их воздействие по отдельности, ослабляя нежелательные эффекты, наращивая и расширяя нужные. Но даже это было еще не все. Полученная отрава оказалась усилена колдовским зельем, использовавшимся Манипуляторами совсем для других задач. В итоге пирог Кальпиты изготавливался только с одной целью: гарантированно убить любого, кто съест хотя бы небольшой кусочек. Пожалуй, перед заслуженным наказанием у нее стоило вытрясти технологию приготовления жуткого варева. Пригодится.

— Что-то тут не вяжется. Ведь нирелинка, кажется, идет на поправку? Вторая же, насколько мне известно, вообще не пострадала, — окончательно растерялся Пириаст, внимательно дослушав учителя. — Простите, мастер, я совсем запутался.

— Просто здесь, честно говоря, начинается самое интересное, — сказал Дегонис каким-то вдруг ставшим загадочным тоном. — Далина обязана была умереть, но каким-то неведомым образом выжила и действительно уверенно поправляется. Что же касается девчонки… — старший колдун выдержал многозначительную паузу. — В ее анализах обнаружено такое количество яда, что она должна была быть мертва задолго до того, как их взяли. Вместе с тем девчонка совершенно здорова и на самочувствие не жалуется, если только вместо нее по дворцу не разгуливает привидение.

— Колдовство? — расширил глаза помощник, сообразив куда клонит учитель.

— Другого объяснения у меня нет, — кивнул Дегонис. — К сожалению, охрану у дома нирелинок сняли, поэтому я не в состоянии утверждать наверняка был у них еще кто-нибудь ночью или нет. Учитывая обстоятельства, могу заключить лишь одно: либо к девчонке приходила чародейка, либо чародейка она сама.

Когда Пириаст опрометью ринулся в штаб Имперской стражи с распоряжением объявить в розыск Кальпиту, Дегонис отправил-

ся в свои покои. Отравительница далеко не уйдет, и он еще предъявит ей соответствующий счет, уж будьте уверены. Колдун даже успел заготовить соответствующую легенду, если ему придется объясняться с ханом касательно недавнего инцидента. Вот правда сам инцидент вызывал у Дегониса серьезную озабоченность, причем не столько самим фактом произошедшего, сколько своей исключительностью. В выводах придворного врача он не сомневался, тем более что лично проверил их в своей лаборатории. Из-за усиления колдовским зельем смертоносность яда оказалась даже сильнее, чем представлял себе лекарь. Вероятно, Кальпита раздобыла соответствующую субстанцию у Манипуляторов, пользуясь имевшимся у нее доступом. Это лишний раз подтверждало ее вину, но сейчас Дегониса куда больше беспокоил достигнутый ей результат, а точнее его очевидное отсутствие. Безусловно, стоило порадоваться, что замысел Кальпиты потерпел неудачу и нирелинки не на том свете. Оставалось выяснить почему. Колдун не знал ни одного живого существа, способного самостоятельно поправиться после столь страшного отравления, не говоря уже о том, чтобы даже не чувствовать недомогания с такой чудовищной концентрацией токсинов в теле. Причиной благополучного исцеления могли быть лишь очень сильные и специфические чары, примененные весьма искусно и со знанием дела. Таким способны похвастаться достаточно немногие, и по всему выходило, что у Дегониса под носом опять объявилась какая-то могущественная чародейка. Пожалуй, кому-нибудь из тех, входящих в ненавистный Гексенхаммер, вполне по плечу осуществить необходимое лечение. Однако на расстоянии его не выполнишь. Получается, одна из этих самоуверенных женщин без особого труда снова пробирается прямо во дворец, а Дегонису об этом ничего не известно! Колдун злобно выругался. Просто уму непостижимо! Столько принято всяких мер, а чародейки продолжают сюда ходить как к себе домой! Неужели все его подчиненные со всеми своими хитростями и вся дворцовая стража неспособны предотвратить подобное проникновение? Впрочем, имелся и еще один вариант. Чародейка не явилась во дворец — она уже в нем была. И первой кандидатурой на эту роль становилась внучка старого шейха. Только Дегонис и сам сомневался в этой своей версии. Откуда бы у девчонки такая сила? С ней можно родиться, но ей еще надобно овладеть. Да и проявилась бы она за прошедшие годы уж хоть как-нибудь, чем немедленно привлекла бы к себе внимание колдунов. Конечно если только… Если только кто-то заранее не научил девчонку хорошенько скрывать свои способности. Ведь ее, кажется, всерьез на колдовство-то и не проверяли. Поначалу было совершенно ни к

чему, потом ни до того, а с некоторых пор… Интересно, возможно ли одному владеющему даром колдовства обмануть другого при доскональной проверке, утаив свою сущность? Если да, если чародейки наловчились делать нечто подобное, то у Дегониса и его компании могут появиться серьезные проблемы.

Дегонис задумчиво уставился в какую-то неопределенную точку, чуть склонив голову так, будто прислушивался к некоему ему одному слышному голосу. В такой позе его иногда заставали подчиненные, когда он размышлял о чем-то значимом, стараясь проникнуть в сокрытую от него суть. Медальон! Колдун припомнил заинтересовавшую его некогда безделушку Илианы из белого металла с большим красным камнем и затейливой вязью на обороте. А ну как эта штука не просто так, и именно она маскирует таящиеся в девчонке чары? Если да, то он, Дегонис, полный осел, до сих пор не замечавший у себя под носом столь значимые вещи. Подобные предметы в теории вполне могли существовать, и колдуну было об этом известно. Предназначались они обычно для сдерживания каких-либо сил, но при должной сноровке и правильном применении теория не исключала и полной блокировки чар, являвшейся своеобразным Нейтралом, действующим лишь на носителя. Продолжительность эффекта вызывала бы вопросы, но на какое-то время его появление опровергать нельзя. Дегонис негромко крякнул с досады, продолжая пребывать в напряженных раздумьях. Притащить бы девчонку сюда, в Нижние подземелья… Уж он бы изыскал возможность вытянуть из нее всю правду! Ведь так или иначе она что-нибудь да знает. Обязана знать! Кто-то позавчера исцелил обеих нирелинок от убийственного яда, избавив от неизбежной смерти, и девчонка не могла не знать кто. Пожалуй, все-таки наступила пора с ней побеседовать. Принцесса принцессой, но теперь у Дегониса имеются весьма веские основания задать ее приближенной несколько вопросов, тем более что в сумме их накопилось уже немало. Только желательно проделать это достаточно аккуратно, не прибегая к излишнему шуму. Пока любая причастность внучки шейха к чародейству не доказана, она лишь важный свидетель. Если ее всего лишь вылечили, Талара вполне может заступиться за фаворитку как действовавшую из естественных побуждений и без злого умысла. Ох, до каких еще пор он, Дегонис, будет вынужден мириться с прихотями этой семейки?.. Ничего, уже не за горами тот день, когда все изменится.

Приняв решение, колдун поднялся из-за письменного стола в кабинете и удалился вглубь своих покоев. Подойдя к стенному книжному шкафу, он провел рукой вдоль стоявших на полках фолиантов. В их корешках поочередно зажглись отдельные слова из

оттиснутых названий, составлявшие в сумме кодовую фразу. Когда алый свет, обрамленный золотистым ореолом, зажег последнее слово, шкаф бесшумно провалился в пол. Дегонис проследовал в образовавшийся проход, и потайная дверь немедленно затворилась обратно. Из посторонних пройти здесь мог лишь обладающий даром колдовства, однако даже ему не отыскать сокрытую заветную комбинацию — прием, известный с древности, но довольно немногим избранным. Дегонис справедливо полагал, что ныне этот секрет считался утраченным. Ох как колдун бы неприятно удивился, проведай он о похождениях Илианы и Талары в Аберидже…

В неведомой для всех части подземелий Дегонис держал самые ценные вещи и вел свои нечестивые изыскания. Пожалуй, не только излишне щепетильные чародейки, а и собственные приспешники нашли бы их несколько сомнительными, но потому колдун и не посвящал недостаточно развитые умы в глубины открывавшихся возможностей. Каждому свое. Очутившись в хранилище, колдун открыл свинцовый ларец примерно в фут длиной, покрытый множеством рун и надписей, на первый взгляд казавшихся разрозненными, но вместе образующих единое целое. Внутри, на ложе из черного бархата, покоился небольшой шар около четырех дюймов в диаметре. Он выглядел абсолютно прозрачным, будто отлитым из стекла, однако стоило лишь Дегонису взять круглый предмет в руку, как в его недрах появилось какое-то движение. В центре образовалась светлая точка, которая росла и ширилась по мере того, как колдун продолжал удерживать шар в пальцах, нашептывая заклинание. Точка исторгала многочисленные струйки, похожие на те, что оставляют брошенные в воду гранулы перманганата калия, окрашивая ее в ровный цвет, разве что их оттенок был не фиолетовым. Не прошло и минуты как они охватили все внутреннее пространство, превратив шар из прозрачного в насыщенно красный. Затем в глубине обнаружилось что-то еще. Поначалу производившее впечатление непроглядного черного сгустка, оно вытягивалось в стороны до тех пор, пока не приняло строгую ромбовидную форму, узкую по ширине и длинную в высоту. Закончив обретать свой вид, этот ромб на несколько секунд застыл на месте, а потом вдруг задвигался внутри стеклянного вместилища наподобие зрачка в радужной оболочке. Казалось, Дегонис держит на ладони чей-то большой глаз.

В известном смысле так оно и было. Именно этот инструмент колдун называл Око, и именно оно позволило ему постигнуть тайну Липкого огня, наблюдая за Хранителями тогда, когда они об этом даже не подозревали. Разумеется, подобное присутствие

зрачка не могло оставаться незамеченным, но для маскировки имелось и специальное приспособление. Есть же очки, полностью скрывающие глаза владельца, в то время как сам он через них прекрасно видит; есть и соответствующие зеркала. Достав из того же свинцового ларца особый чехол, Дегонис живо надел его на Око. Теперь можно было подумать, что у него в руках просто некий отливающий серебром предмет сферической формы, с длинной тонкой застежкой сверху вниз. Удовлетворенно хмыкнув, колдун положил шар во внутренний карман и покинул секретную область, а вернувшись в свой кабинет немедленно послал за капитаном гвардии. Этот надежный человек ведал охраной и погрузкой Липкого огня и ему Дегонис вполне мог доверить небольшую просьбу довольно деликатного свойства.

Илиана была в зверинце когда к ней неожиданно подошел мужчина крепкого телосложения, одетый в форму офицера дворцовой гвардии. Форменный же плащ с неизменной Красной саламандрой колыхался в такт ходьбе, а нагрудный знак различия позволял определить в нем чин капитана. Лицо воина выглядело не грубым, но суровым. Он старался делать вполне приветливое лицо, только привычка командовать особым подразделением значительного числа людей накладывала на него свой отпечаток. Впрочем, Илиана, скользнув по нему внимательным взглядом, почувствовала, что зла он ей не желает, однако явился по какому-то делу. За время своего пребывания во дворце девушка неоднократно видела этого человека, просто прежде он не уделял ей отдельного внимания, равно как и большинству других придворных, занимаясь сугубо служебными задачами. Интересно, чем вдруг вызван его визит? Наверное, это как-то связано с недавним отравлением Далины и исчезновением Кальпиты.

— Это вы Илиана? — спросил офицер, останавливаясь подле девушки.

Он не забыл вежливо ее поприветствовать, и в его голосе не звучало ни малейшей враждебности. Разве что его взгляд выразил заметное беспокойство, узрев с кем именно возится молодая особа. Ближайшая клетка оказалась открыта и подле Илианы, мотая хвостом, крутился большой тигренок размером со здоровенную собаку. Посмотрев на подросшего полосатого хищника, поднявшего голову при его приближении и вполне способного разорвать человека, офицер невольно положил ладонь на рукоять меча.

— Здравствуйте. Да, это я, — отозвалась девушка. — Не волнуйтесь, он вас не тронет, — быстро добавила она, догадавшись об опасениях посетителя.

— Капитан Ларадон, — представился офицер, с трудом переводя

взгляд с животного на собеседницу.
— Я могу чем-то вам помочь, капитан? — осведомилась Илиана, созерцая висевшую у него на шее странную сферическую штуку, немного отливавшую серебром.
— Да, если вас не затруднит, — кивнул офицер. — Только не могли бы вы сначала запереть этого зверя? Признаться, мне несколько неуютно в его присутствии.
Под зверем он явно подразумевал тигренка, усевшегося подле девушки и не сводившего глаз с большой круглой висюльки. Для Илианы же это был любимый детеныш Зары, которого она навещала чтобы дать ему размяться и немного поиграть.
— Вам как срочно? Возможно, вы просто заглянете чуть позже? — немного помедлив, предложила девушка. — Я скоро закончу с Тиззи. Мне не хотелось бы сейчас отправлять его в клетку. Он очень расстроится, так как я давно к нему не приходила.
Офицеру, разумеется, было невдомек, что Илиана сейчас говорит сущую правду и ничуть не приукрашивает заботящий ее эмоциональный фон животного. Он заколебался. Капитан хорошо помнил указания Дегониса и обязательное условие побеседовать с девушкой строго наедине, избегая любых свидетелей и даже малейшего принуждения. Все должно произойти в естественной обстановке и какие-либо "давайте пройдем в мой кабинет" категорически исключались. Случай сейчас представился самый что ни на есть подходящий, ибо дома Илиана была не одна, а затем отправилась в зверинец вместе с катившим тележку слугой. Распределив содержимое тележки вдоль клеток, слуга удалился, а рядом с девушкой наконец-то не оказалось ни души. Пожалуй, не стоит упускать столь удачную возможность.
— Что ж, я положусь на ваше умение управлять своим питомцем, — сказал капитан. — Только я хотел бы вас предупредить... Может выйти крайне прискорбно, если он вдруг на меня прыгнет. Я же воин и... мой меч порой... действует быстрее, чем успевает осознать разум.
Последнюю фразу он произнес с запинками, как бы неловко извиняясь за свои боевые рефлексы. Илиана заверила офицера гвардии что ничего подобного не произойдет. Ему надо проявить открытую враждебность чтобы тигренок его атаковал, а если в его планы не входит причинить вред ни ему, ни ей, то и беспокоиться не о чем. Капитан натянуто улыбнулся, понадеясь про себя, что девчонка знает о чем говорит. Илиана же погладила Тиззи (это было уменьшительным от имени Тизур), лишний раз давая ему понять что все в порядке. Ее немного удивила странная реакция тигренка, внимательно уставившегося куда-то на гвардейца, но

она отлично контролировала поведение животного.
— Итак, капитан, зачем вы хотели меня видеть? — вновь поинтересовалась девушка, когда вопрос оказался исчерпан.
— Понимаете, тема немного щекотливая, — пояснил офицер, ничуть не лукавя. — Именно поэтому я и хотел переговорить с вами наедине. Она касается случившегося позавчера с вашей тетушкой.
— Я так и подумала, — посерьезнев, кивнула Илиана, решив, что правильно угадала цель визита гвардейца.
Тот же на самом деле лишь заходил издали, отталкиваясь от наверняка волновавшей собеседницу темы, и под этим благовидным предлогом намеревался аккуратно получить от нее некоторые сведения.

На самом деле, будь у Дегониса возможность, он послал бы одного из своих подручных, обладавших куда большим даром ядовитого красноречия и врожденной хитрости, однако появление кого-то из колдунов — это уж слишком. Капитан дворцовой гвардии — лицо заслуживающее доверия даже в глазах принцессы, в отличие от обитателей Нижних подземелий. В свете же недавних событий его визит выглядел вполне объяснимым. Дегонис тщательно проинструктировал офицера, и тот пообещал исполнить все в точности. Колдуну он, разумеется, не подчинялся, но у капитана Ларадона имелось личное распоряжение хана обеспечивать алхимикам безопасность и оказывать им всяческое содействие. Этот офицер относился к Дегонису и его компании достаточно лояльно, служа исключительно интересам повелителя и империи. У колдунов хватало ума скрывать от гвардейцев явно неприглядные вещи, вследствие чего капитан находил деятельность владеющего чарами помощника ад-Сейдина вполне приемлемой. К тому же он был осведомлен о наличии у Дегониса бумаги за подписью хана, предоставлявшей ему приоритетное право разбираться с вопросами касательно колдовства. Посему его деятельность в этой области нареканий не вызывала, тем более если она шла на благо государства. В результате и получилось, что сегодня капитан Ларадон оказался в несколько необычной для себя роли, вооруженный наставлениями Дегониса и сферообразной штуковиной на шее, закрепленной с помощью специальной подвески на цепочке. С ее помощью колдун мог видеть и слышать все вокруг, и гвардейский офицер был одним из немногих посвященных в тайну могущественного инструмента.

Капитан Ларадон быстро ввел девушку в курс дела. Илиана заметно побледнела, когда услышала что есть основания считать Кальпиту причастной к отравлению. В данный момент ее место-

нахождение неизвестно, но перед домом нирелинок желательно выставить стражу, ибо не исключено что беглянка решится на вторую попытку. Если Илиана не возражает, гвардейцы займут пост еще до наступления ночи и станут там находиться неотлучно. На сей раз это нужно для безопасности девушки и ее тети, но капитан хочет заручиться их личным согласием, памятуя о предыдущем назначении караула. Поскольку тетя все еще нездорова, с офицера будет достаточно одобрения ухаживающей за ней Илианы. В случае отказа он не сможет дать гарантии, что злоумышленница не проникнет в дом в отсутствие хозяев и не добавит яд еще куда-нибудь.

— Какой ужас! — всплеснула руками Илиана. — А вы совершенно уверены что она хотела нас отравить? Что это намеренное отравление? И что это ее рук дело?

Вопросы она задала вполне искренне, хотя отнюдь не пребывала в иллюзиях касательно Кальпиты. Просто роль приставленного колдунами соглядатая никак не вязалась с подобным злодеянием, и концы с концами не сходились. Возжелай они устранить нирелинок, так наверняка придумали бы способ получше, а не разыгрывали детективную драму. И уж всяко начали бы с Хранителей, а не с безобидных женщин. Дедушку Арбаха, правда, Илиана еще не видела и как раз собиралась на встречу аккурат сегодня, но ее неоднократно успели заверить в его добром здравии.

— К сожалению, это правда, — кивнул капитан Ларадон. — Придворными лекарями и алхимиками были произведены все необходимые исследования. Это был яд, и яд невероятно смертоносный, добавленный с очевидным желанием убить. Улик против вашей соседки Кальпиты более чем достаточно, а уж само ее исчезновение той же ночью и вовсе красноречивее некуда.

— Уму непостижимо… — прошептала ошарашенная девушка. — А мы-то думали что она пришла совсем с другой целью…

— Мне искренне жаль разочаровывать вас столь дурным известием об особе, которую вы считали своей родственницей и пустили в свой дом, но факты говорят за себя, — участливо сказал офицер, превратно истолковав слова собеседницы. — Теперь, надеюсь, вы понимаете всю щекотливость сложившейся ситуации, и почему мне было необходимо с вами переговорить.

— Да-да, конечно, — согласилась Илиана. — Если дело обстоит именно таким образом, то, полагаю, вы правы. Поставьте ваших солдат возле дома — я не хочу подвергать опасности жизнь тетушки.

— Не только вашей тетушки, — заметил капитан. — И вашу тоже.

Увидев как вытянулось лицо девушки, он тут же объяснил. Иссле-

дования показали, что в ее анализах содержалось в несколько раз большее количество ядовитых веществ, нежели у Далины.
— Вы сказали, что яд был в пироге. Мы с тетушкой обе его ели, причем я взяла всего один кусок. Да ведь и Кальпита ела его с нами! — растерялась Илиана. — Как же такое может быть?!
"К этому мы еще подойдем, барышня", — подумал офицер, а вслух изрек совсем другое: — А вы не напомните кто резал пирог и раскладывал его по тарелкам?
— Кальпита, — обратившись к воспоминаниям, ответила девушка после небольшой паузы.
Капитан усмехнулся и поделился с ней сделанными выводами. С логической точки зрения это все объясняло и подтверждало имевшиеся предположения. Пирог был отравлен не целиком, а на треть. Кальпита знала откуда отрезать, дабы не отравиться самой, а тому кого хотела убить подсовывала угощение с нужной стороны. Далина, вероятно, пала случайной жертвой, поскольку ей, скорее всего, достались пограничные куски. Хотела бы злоумышленница избавиться от обеих, она бы попотчевала их одинаково. Колоссальная же разница в концентрации обнаруженного в анализах яда указывает в пользу изложенной версии.
— Но я отлично себя чувствую, — озадаченно произнесла Илиана.
— Ваша логика мне ясна и в целом я бы с ней полностью согласилась, если бы не одна деталь: я в нее совершенно не вписываюсь. Исходя из озвученного вами, я не могла помочь тетушке, потому что должна была быть мертва. Да, я чувствовала во сне недомогание, и, кажется, весьма болезненное, однако когда проснулась от него уже и следа не осталось.
Капитан Ларадон окинул ее внимательным взглядом. Похоже, девушка говорит искренне, иначе с чего она сама заявляет о столь вопиющем несоответствии, которое и привлекло внимание Дегониса.
— В этом и состоит вторая часть этой деликатной истории, — подбирая слова, неторопливо заговорил офицер. — С первой мы уже разобрались. Подобный случай нельзя придавать огласке, ибо отравление при дворе самого хана — нечто вопиющее, и надо немедленно, но негласно принять соответствующие меры. Вторая же… — он немного помялся. — Вас, как я понимаю, интересует почему в вашем случае яд почти не подействовал? Признаюсь честно: врачей тоже. Полученная вами доза превышает смертельную в десятки раз. Значит, либо мы наблюдаем самое настоящее чудо, либо…
— Либо? — невольно переспросила Илиана.
— Скажите, а кто лечил вашу тетушку? До тех пор, пока вы не по-

звали лекарей, — осведомился вдруг капитан.
— Я сама, — немного смущенно ответила девушка. — А к чему такой вопрос?
— Ваши познания в медицине впечатляют: это подтвердили оба придворных врача. Они заявили, что в данных обстоятельствах даже им вряд ли удалось бы столь быстро применить не менее эффективное лечение, не зная наверняка какая именно отрава поразила организм. А это очень сведущие и опытные мастера своего дела, — сказал капитан, пытливо глядя на собеседницу.
Та откровенно порозовела, окончательно смутившись и очевидно застеснявшись столь лестной оценки своих способностей. Ларадон ожидал несколько иной реакции и был слегка удивлен, но тут же продолжил:
— Тем не менее, самое интересное не в этом. Скажите, вы случайно не прибегали к чему-нибудь такому, о чем не сообщили врачам? При полученной дозировке остановить смертоносное действие яда, а затем полностью свести его на нет невозможно без помощи колдовства.
Смущение на лице девушки неожиданно сменилось растерянностью. Оно было настолько заметно, что Илиана прочла его в глазах собеседника и попыталась принять более невозмутимый вид, куда вероятнее соответствующий простому удивлению.
— Н-нет, — помедлив, ответила она, и для нее это была чистейшая правда.
Собеседник застал девушку врасплох самим упоминанием колдовства, ввиду последних событий немедленно вызвавшим в памяти образы Бэйла и Сирелины. Примененная же рецептура чародеек была здесь совершенно ни при чем. Никаких чар в ней не содержалось, и Илиане данное обстоятельство известно лучше кого бы то ни было. Увы, капитан этого не знал, а посему его следующий вопрос прозвучал довольно ожидаемо.
— Вы ведь из небольшого, очень уединенно живущего старинного народа. Вы не использовали какие-нибудь заговоры или обряды? Шаманские ритуалы, племенные обычаи? Не беспокойтесь, я не исключаю ваше неведение касательно их особенных свойств. Вы просто делали как вас учили, а рассказать постеснялись, — произнес он вполне доброжелательно, но девушка впервые за все время почувствовала некий скрытый подтекст.
Илиана помотала головой и пояснила, что все-таки способна отличить порошки и микстуры от мистицизма. А чем она потчевала тетушку, может показать хоть сейчас. Свои знания она почерпнула из книг, включая дворцовую библиотеку, и никакого колдовства в них точно нет.

— В таком случае простите мою назойливость, но той ночью у вас не было каких-нибудь посетителей? — по-прежнему любезно осведомился капитан. — Возможно, вам помог кто-то другой; кто-то, о ком вы не решаетесь упомянуть, чтобы не доставить ему или ей лишних неприятностей.
Девушка вновь ответила отрицательно, причем офицер готов был поклясться что она говорит правду, если только в ней не растет звезда театральных подмостков.
— Понимаете, я в затруднительном положении, — пояснил он, развивая тему. — История с отравлением сама по себе из ряда вон, а если на нее накладывается еще и колдовство, то ситуация и вовсе становится чрезвычайной. Может подняться большой скандал и полетят ни в чем не повинные головы. Если же я смогу установить источник целебных чар, то дело уладится само собой. В лечении людей нет ровным счетом ничего предосудительного.
— Я вас очень хорошо понимаю, но кроме меня и тетушки в доме действительно никого не было, — уверенно сообщила Илиана. — Боюсь, мне нечего добавить к тому что я уже рассказала.
Она догадывалась куда клонит офицер, однако сообщила ему сущую истину. Был ли его интерес как-то связан с арестом Бэйла и, как следствие, связями с Сирелиной или нет, она не знала, но весь фокус заключался в том, что тогда действительно обошлось без всякого колдовства. Илиана ничего от капитана не утаила, но тем не менее чувствовала, что он ей не верит. Не верит по той самой причине, которой, как она знала, попросту не было.
— Простите, но вы меня в чем-то подозреваете? — спросила девушка, погладив тигренка куда более нервно, чем обычно.
Тому, видимо, передавалось ее эмоциональное состояние, потому что и сам он проявлял признаки беспокойства. Хвост Тиззи мелко подрагивал, а глаза следили за чем-то в области нагрудного знака гвардейца. Увлеченный непростой беседой с девушкой, тот давно уже не обращал на животное внимания, сосредоточившись на наблюдениях за собеседницей. Давить на нее было нельзя, а потому капитан Ларадон из кожи вон лез чтобы удерживаться в рамках вызванного обстоятельствами служебного интереса. Услышав вопрос Илианы, он понял что достиг опасной черты.
— Разумеется нет! — живо ответил он с самым огорченным видом, на какой только был способен. — Сожалею, если мои расспросы вас огорчают. Они происходят лишь из стремления обеспечить безопасность вверенных под мою ответственность людей, в том числе и вашу. Случись что еще и… старшим офицерам дворцовой охраны придется несладко. С вас, как с пострадавшей, и спросу нет, а вот мне придется отвечать.

— Понимаю, вы в непростом положении, — смилостивилась девушка. — Только мне действительно нечего добавить. О произошедшем той ночью вы теперь знаете столько же, сколько я сама.
Офицер вздохнул. Его не покидало ощущение, что юная особа с сиреневыми глазами ему не лжет, а если что и скрывает, то не относящееся к делу. Кстати о глазах! Из-под своих длинных ресниц они смотрели на него столь мягко и одновременно пронизывающе, что капитану иной раз казалось будто девушка видит его насквозь; лучились подлинной добротой и вместе с тем сквозили пристальным вниманием одновременно. Странное чувство.
— Что ж, в таком случае мои дальнейшие расспросы не имеют смысла, — сказал капитан, не скрывая некоторого разочарования.
Ему показалось или круглый предмет на его груди шевельнулся с выражением явного неудовольствия? Тигренок ощутимо насторожился и его зрачки стали совсем огромными как у засекшего добычу хищника, но этого никто не заметил.
— Сожалею, что больше ничем не могу помочь, — развела руками Илиана.
— Тогда, если позволите, еще только одна вещь, и я более не посмею вас задерживать, — извиняющимся голосом произнес Ларадон, вложив в интонацию вежливую просьбу.
Он довольно быстро смог добиться от девушки ее собственного согласия на восстановление поста стражи, еще бдительнее, нежели раньше. К сожалению, капитан не преуспел в остальном, не сумев выудить из Илианы никаких сведений, однако ему следовало сделать кое-что еще.
— И что это за вещь? — осторожно поинтересовалась девушка.
Офицер объяснил. Поскольку речь идет об усиленном колдовством яде и перекрестном влиянии чар, итоговая комбинация способна оказаться непредсказуемой. Не исключено, что Илиана все еще находится под его воздействием, и он лишь дремлет до поры, дожидаясь своего часа. Как вариант, это вполне объясняет наличие его высокой, но не причиняющей вреда концентрации. Отравительница, скорее всего, отнюдь не рассчитывала на подобный эффект, но целебные чары могли не нейтрализовать, а лишь отсрочить действие яда ввиду его значительного количества, гипотетически изменившего свойства. Капитан не хочет понапрасну пугать, но есть некоторая вероятность, что он до сих пор гнездится в теле жертвы и активируется в любой момент. И это подозрение лучше всего проверить, причем не откладывая в долгий ящик.
— Что вы предлагаете? — поежилась Илиана, невольно посмотрев на свои руки, в чьих венах, возможно, текла смертоносная отрава.
— Отправиться к лекарю и снова взять у меня анализы?

— О, не извольте беспокоиться, это дело всего пары минут и его можно осуществить прямо сейчас, — заверил офицер.
— В смысле прямо здесь взять у меня кровь? — без особого энтузиазма уточнила девушка, невольно убрав руки за спину.
Оставшийся без ее прикосновения Тиззи заметно напрягся, продолжая смотреть в одну видимую лишь ему точку.
— Ну что вы! Никакого членовредительства! — успокоил капитан. — Всего и труда подержать в руках одну вещицу.
Поймав вопросительный взгляд девушки, он тут же пояснил. У него с собой искусно созданный алхимический кристалл. Он обладает единственным свойством: определять наличие колдовства. Какого именно — кристалл поведать не мог, но зато отлично демонстрировал его интенсивность. Иными словами, если в руках девушки детектор засветится каким-либо цветом, то чем ярче будет этот цвет, тем большая сила чар в ней присутствует. Это сразу позволит установить наличие заколдованного яда и вовремя принять соответствующие меры. Вся процедура совершенно безболезненна и не требует никаких усилий, ибо чего сложного минутку-другую подержать в ладонях нисколько не тяжелый предмет. Вынув из кармана означенную вещицу, капитан предъявил ее Илиане. Та внимательно осмотрела алхимический инструмент и не нашла в нем ничего предосудительного. Красиво ограненный ромбовидный кристалл, на вид совершенно прозрачный, сверху и снизу упирался в металлические диски, по одному с каждой стороны, что придавало ему известное сходство с песочными часами. По ребру дисков шли какие-то надписи мелким шрифтом, а на плоскостях были изображены крупные символы. Илиана и виду не подала что они ей знакомы. Символы обозначали принадлежность чар к области света или тьмы, в данном случае являя собой и логическую и геометрическую противоположность. Девушка заподозрила, что детектор умел гораздо больше, нежели сообщил ей капитан, и оказалась весьма недалеко от истины.

Кристалл-детектор усовершенствовал и зачаровал лично Дегонис. Подозревая, что в случае с девчонкой обычная методика может не сработать, он хорошенько постарался, использовав лучшее что имелось в его арсенале. Если внучка шейха чародейка, хитрый инструмент покажет не только ее сущность, но и направленность этой сущности, ее силу и уровень развития. Капитан, скорее всего, не сумеет правильно передать ему всю сложную игру света в кристалле, но Дегонису это и не надо. Запершись в сокрытой от всех части подземелья, колдун недвижно сидел в большом кресле из кожи подозрительно напоминавшей человеческую. Положив руки на подлокотники, он пребывал в глубоком трансе и

сейчас видел и слышал все, что видело и слышало подвешенное у капитана на шее Око. Он созерцал Илиану так, будто и сам там стоял рядом с ней, улавливая игру солнечного света в ее волосах и малейшую интонацию голоса. Ларадон немногого добился от этой девчонки, но все же пост стражи будет восстановлен, и на сей раз мимо него и мышь не проскочит, а теперь Дегонис вот-вот узнает есть ли у внучки шейха чародейский дар или нет. Возможно, она рассчитывает обмануть "алхимический кристалл", ну да на сей раз ей это не удастся.

И вновь капитану показалось будто круглый предмет на цепочке слегка пошевелился. Тигренок дернул хвостом и немного осклабил клыки. Ларадон уже собирался передать кристалл протянувшей руку девушке, как что-то его остановило. Что-то, словно промелькнувшее прямо в голове и едва уловимо вмешавшееся в ход собственных мыслей. Ах да! Он же чуть не забыл о наставлении Дегониса!

— Извините за бестактность, но не могли бы вы на время проверки снять ваш медальон? — сказал он, указывая пальцем в область груди девушки.

— Откуда вы про него знаете? — насторожилась Илиана.

— Да кто из гвардейцев о нем не знает после той истории, когда один остолоп отнял его у вас, за что едва не поплатился головой, — улыбнулся офицер.

— А… да, — успокоилась девушка. — А зачем?

Ларадон пояснил. Для чистоты эксперимента требуется удалить любые вещи, способные оказаться талисманами, оберегами и иными штуковинами подобного рода. Их влияние следует полностью исключить, иначе полученный результат будет недостоверен, поскольку возможные искажения повлияют на него непредсказуемым образом. Поэтому для надежности всех проходящих тест всегда просят снять похожие предметы, и в просьбе капитана нет ничего навязчивого или предосудительного. Илиана тут же получит его обратно, как только алхимический кристалл побывает у нее в руках.

— Ну, если так, то ладно, — вздохнула Илиана.

По всему было видать, что ей не хотелось расставаться с медальоном даже ненадолго, но слова капитана звучали вполне логично и никакого подвоха в них не ощущалось. Что изменится за пару минут? Расстегнув застежку, девушка сняла медальон и протянула его офицеру, приняв от него взамен прозрачный кристалл.

— Что мне с ним делать? — спросила она.

— Ровным счетом ничего, — улыбнулся тот. — Просто подержите его между ладоней.

Глядя как девушка совершенно спокойно уступила его просьбе и взяла детектор, капитан Ларадон окончательно уверился в ее чистой совести. Будь девчонка колдуньей, она бы начала юлить и наверняка воспротивилась проверке под каким-либо предлогом, однако ничего похожего не произошло. Тем временем из Ока на грани восприятия полились какие-то слова. Ни гвардейский офицер, ни девушка их не слышали, и лишь Тиззи стал раздувать ноздри, шевеля мохнатыми ушами как локаторами. Пребывавший в трансе Дегонис, уставившись на кристалл в руках Илианы, шептал заклинание.
— Какая красивая вещица, — невольно заметил капитан, поднося медальон поближе к глазам чтобы хорошенько рассмотреть. — Откуда она у вас?
— Не знаю. Всегда была, сколько я себя помню, — отозвалась Илиана, посматривая то на медальон, то на кристалл, по-прежнему остававшийся совершенно прозрачным. — Меня с ним нашли еще совсем маленькой.
— Да, я слышал что вы приемный ребенок, — кивнул Ларадон. — Не обижайтесь, но вы не слишком-то похожи на южанку. Если бы не загар, то я бы поклялся что вы откуда-то из совсем других краев. Вы знали своих родителей?
— Я ничего не помню о своем прошлом, — покачала головой девушка. — За все прошедшие семь лет так и не вспомнила.
— Семь? — капитан похлопал глазами. — Но вы сказали, что вас с ним нашли совсем маленькой!
— Так и есть, — подтвердила Илиана. — Тогда мне было около четырех. Так считает дедушка Арбах.
— Но это означает что сейчас вам…
— Одиннадцать, — улыбнулась девушка.
У капитана натурально отвалилась челюсть. Он окинул собеседницу с головы до ног так, словно видел ее впервые.
— Невероятно, — пробормотал офицер. — Ведь по виду все девятнадцать! Да и не только по виду…
Кажется, Дегонис что-то упоминал о заметном несоответствии в возрасте, но Ларадон и помыслить не мог ничего подобного. Должно быть, здесь просто какая-то ошибка. Если девчонка приемыш, то ее истинных лет на самом деле никто не знает. В противном случае стать настолько развитой в столь юных годах — редчайший феномен даже в глазах капитана.
— Скажите, долго мне еще держать эту штуку? — поинтересовалась Илиана. — Она вроде бы никак не реагирует.
— А ваш медальон, он не может пролить свет на ваше происхождение? — пропустил ее вопрос мимо ушей заинтригованный офи-

цер. — Тут нет какой-нибудь подсказки, надписи?
Держа вещицу на ладони красным каплевидным камнем вверх, Ларадон перевернул его обратной стороной, где всю ее поверхность покрывала сложная вязь. На первый взгляд казалось, что в ней содержится какой-то текст, но чем дольше капитан всматривался, тем сильнее рябило у него в глазах, а в голове начинало шуметь. Вязь будто разбегалась в стороны, никак не давая сосредоточиться и сфокусировать взгляд, уловить элементы хитросплетенного орнамента и выстроить их в логическом порядке. Поморгав внезапно потяжелевшими веками, Ларадон хотел было оставить медальон в покое и опустить руку, но неожиданно осознал что та ему не подчиняется. Это еще что за новости?! Оторопев, он сделал над собой усилие, но оно оказалось совершенно безрезультатным. Рука, будто чужая, продолжала держать медальон вязью кверху менее чем в футе от лица. От лица и от скрытого в чехле Ока.

Находившийся в трансе Дегонис внезапно задергался, будто в конвульсиях. Скрюченные пальцы заскребли по подлокотникам, дыхание с хрипом вырывалось из изогнувшейся колесом груди. Внутри Ока пробудился огонь. Он выплескивался из его недр и заполнял все внутреннее пространство, вихрясь и бурля так, словно в него проникла сама преисподняя. Дегонис все еще видел и слышал происходящее, но оно оказалось обрамлено пылающей кромкой, окутано багровым заревом. Нечто неимоверно могущественное вынырнуло из глубин колдовской сферы и пыталось подчинить себе происходящее.

Висевший на груди капитана круглый серебристый предмет внезапно окутался красноватым ореолом. С каждой секундой свечение становилось все ярче, наливаясь рвущейся изнутри неведомой силой. Удивленная этим явлением Илиана подняла взор на офицера и невольно сделала шаг назад, поразившись выражению его лица. Черты исказились, мускулы подергивались, губы дрожали. Во взгляде все еще читалась мысль, но ее быстро застилала оранжевая дымка.
— Что с вами, капитан? — боязливо спросила девушка, пораженная этой жутковатой игре света и облика.
В ответ ей раздалось низкое протяжное рычание, с вибрацией и перекатами. Оно отдаленно напоминало грозный рев крупного хищника, но это было нечто совсем, совсем иное. Тиззи прижал уши и осклабился. Илиана испугалась не на шутку, и не столько вырвавшемуся в пространство раскатистому звуку, сколько тому, откуда он шел. Губы капитана оставались сжаты, а источник рычания находился в светившимся красным круглом предмете. По-

том раздался голос. Такой же низкий, искаженный не столько неким акцентом или дефектами речи, сколько тем, что принадлежал явно не человеку.
— А-а-а! — гудел этот голос, перемежаясь с утробным рычанием. — Непостижимо! Немыслимо!
Струхнувшая девушка попятилась, обдумывая стремительное бегство. Несколько раздавшихся из теперь уже ярко сиявшего кругляша протяжных низкочастотных рулад всерьез пошатнули ее душевное равновесие.
— Эти письмена! Я узнаю их! — снова обрел членораздельность жуткий голос. — Сгинули в небытие!.. Преданы забвению!.. Откуда?!
Стряхнув оцепенение, Илиана собралась удирать. У нее окончательно испарилось всяческое желание дожидаться чем кончится эта неожиданно оборачивавшаяся каким-то кошмаром наяву сцена. Она мельком взглянула на лицо капитана. Теперь его черты выглядели относительно спокойно, но казались словно высеченными из камня. На лице офицера более не дрожал ни единый мускул, а глаза полностью застилала оранжевая дымка.
— Взять ее! Привести ко мне девчонку! Я хочу знать! — вдруг рявкнул голос, по-прежнему перемежая слова гулким рыком.
Некогда серебристая оболочка висевшего на шее капитана предмета вдруг полыхнула и испарилась в какую-то секунду. Под ней оказалась идеальной формы сфера. Внутри нее бушевал ярко-красный огонь. Он кипел и плескался так, как кипит лава в жерле извергающегося вулкана. Вырывавшиеся из недр столбы пламени разбегались в бешеном вихре и сполохах. Посредине сферы, в оранжевом ореоле, уставился прямо на Илиану черный как первозданная тьма узкий ромбовидный зрачок. Долго гадать кому был адресован приказ не пришлось. Только что недвижно стоявший на месте капитан шагнул к девушке и резко протянул к ней руку.

Илиана отшатнулась. Она так и не успела убежать, завороженная открывшимся ей непостижимым зрелищем. От него веяло неукротимой злобой и каким-то необычайным могуществом, но также чем-то очень древним и давно забытым. Забытым, и вместе с тем казавшимся смутно знакомым. Капитан сделал еще шаг, и его левая рука, выронив на землю медальон, схватила девушку за плечо. Илиана вырвалась, но Ларадон уже вцепился в нее и правой, перехватив запястье, причем вцепился так сильно, что девушка вскрикнула от боли. Выражение лица офицера оставалось абсолютно бесстрастным, а двигался он так, что напоминал ожившую статую. Лишь его глаза не подходили ни каменному изваянию, ни человеку — глазницы заполнял ровный оранжевый

свет без какого-либо признака белков или зрачков. В следующую секунду с коротким рыком Тиззи бросился на гвардейца. Размеры и вес подрастающего тигра без труда позволили ему опрокинуть капитана на землю. Выпустив руку девушки, тот не удержал равновесие и грянулся на спину, но тут же каким-то невероятным усилием отшвырнул прочь навалившееся на него тяжелое животное. Отлетевший в сторону Тиззи крутанулся в воздухе, приземлившись на все четыре лапы, и одним прыжком вновь налетел на поднимавшегося человека. Капитан успел закрыться локтем, и зубы молодого хищника бессильно скользнули по кольчужному доспеху, однако он снова оказался сбит с ног и свалился вместе с полосатым зверем. Сделав рывок и вцепившись пальцами в густой мех, офицер поднатужился и на сей раз отбросил защитника девушки на добрых пять ярдов. У человека просто не могло быть такой силы! Взъерошенный Тиззи, получив чувствительный тычок, тем не менее и не думал униматься, и тут же ринулся в новую атаку. В ином другом случае тигренок, возможно, убрался бы подобру-поздорову от источавшего злобу странного противника, но он не собирался бросать в беде Илиану. К сожалению, в данном случае бой был неравным. Вскочивший капитан с лязгом выхватил меч, по-прежнему не дрогнув ни единым мускулом, словно все происходящее его не касалось. Когда Тиззи уже налетал на него одним длинным прыжком, он чуть отступил влево, сделав короткое движение. Со свистом блеснула острая сталь. Промахнувшийся тигренок упал на землю, но не приземлился на лапы, а прокатился по траве и остался лежать неподвижно. Его бок тяжело вздымался, а из приоткрытой пасти раздался тихий жалобный звук. Земля вокруг него потемнела.

Илиана в ужасе наблюдала за стремительно разыгравшейся трагедией. Она даже не успела позвать Тиззи, не успела сообразить что вообще происходит, как несчастный тигренок оказался сражен клинком охваченного неведомым воздействием капитана. Тот же, избавившись от досадной помехи, уже вновь подступал к ней, зловеще светя оранжевыми глазами. В руке он все еще держал меч, и по его гладкой стали растекалась кровь, спадая алыми каплями в придорожную пыль. Побелевшая как полотно девушка прямо-таки ощутила боль лежавшего рядом тяжелораненого животного. Она перевела взор с его окровавленного бока на меч капитана, по которому струилась покидавшая тигренка жизнь. Глаза ее расширились. Зрачки стали огромными как у совы в полночный час, сердце захолонуло, дыхание остановилось. На мгновение перед Илианой вдруг вновь возник тот воин в оазисе, занесший клинок над ней, съежившейся в страхе маленькой девочкой.

Илиана выбросила вперед руку, словно защищаясь от мучительного видения. В следующую секунду произошло нечто непостижимое. Ее глаза заволокло алым светом. Этот же свет окутал всю ее фигуру призрачным ореолом, уверенно светясь даже в ярких солнечных лучах, щедро ниспадавших с безоблачного июльского неба. По телу подступавшего к девушке офицера прошла судорога. Застыв в искривленной позе, будто пораженный столбняком, он неожиданно мелко затрясся всеми мышцами сразу. Вены вздулись. На лице и руках — везде, где только было видно, они проступили волнистыми багровыми дорожками, выпирая из кожи под охватившим их неумолимым напором. Точки переплетения сосудов вздыбились и пошли огромными буграми, раздувая скрывавшую их плоть. Изо рта, глазниц и ушей потекли струйки крови. Из груди капитана вырвался и тут же замер сдавленный хрип. Оранжевый свет в глазницах стал рассеиваться, а пылавшая огнем сфера подернулась дымкой. За все время непродолжительной драмы она еще что-то ревела, но теперь вдруг умолкла, и потускневший зрачок бессильно метался в стеклянном вместилище. Плохо понимая что и зачем она делает, Илиана махнула рукой. Ее глаза сияли алым как две зажегшиеся на лице звезды. Меч вылетел из пальцев капитана, а его самого отшвырнуло назад будто перышко. Мешком свалившись на землю, он так и замер в скрюченной позе, уставившись невидящим взором в небо. Сочившаяся отовсюду кровь быстро густела, прочерчивая сохнущие полосы и превращаясь в желеобразные комки. На плаще и доспехах появились многочисленные пятна. Гвардеец не подавал признаков жизни. Казалось, наступила какая-то звенящая тишина.

Илиана опустила руку. Она была как в тумане. Совершенно не отдавая себе отчета в том что происходит, девушка перевела взор с изогнутого тела Ларадона на Тиззи. От него исходили явственно различимые волны жизни, и они быстро угасали. Приблизившись к нему, Илиана положила ладонь на оставленную клинком рану, и окружавший ее алый ореол вспыхнул с новой силой. Затем стал гаснуть. Немного поколебавшись, он подержался какое-то время, а затем померк окончательно. Глаза девушки прояснились и стали обычными сиреневыми, туман в голове развеялся. Вскочив на ноги, она отпрянула назад и окинула взором всю дикую сцену. Тиззи пошевелился и задышал гораздо легче. Похоже, хлад смерти отступил от него прочь, и животное почувствовало себя гораздо лучше. По капитану же было совершенно невозможно определить, жив он или мертв. Илиану затрясло. Ее стало колотить так, будто на нее напал жесточайший приступ лихорадки. До отказа расширенные глаза в ужасе бегали из стороны в сторону,

грудь часто вздымалась, сердце заходилось в бешеном ритме. Взор девушки наткнулся на лежавший в траве медальон. Быстро шагнув к нему, она подняла платиновый диск и дрожавшими руками одела обратно на шею. Затем опрометью ринулась прочь.

Дворцовая стража бдительно следила за всеми прибывавшими посетителями, и попытаться проскочить мимо нее было чрезвычайно опасно для жизни. Вместе с тем гвардейцы как-то не ожидали что кто-нибудь попытается вихрем унестись из самого дворца. Одна половина ворот оставалась открыта, а решетку и вовсе никто не опускал, так что предъявившие разрешение на проход знакомые люди миновали пост без лишних задержек. Незнакомых же отправляли на дополнительное подтверждение личности, с которым пришлось в бытность своего найма садовником столкнуться и Бэйлу. Вот и сейчас гвардейцы, неся свою обыденную вахту, спокойно переговаривались между собой, и появление стремглав пронесшейся мимо них молодой девушки оказалось для них полнейшей неожиданностью. Запоздалые крики и требования немедленно остановиться сотрясли воздух с такой же пользой, с какой можно было приказать солнцу не заходить. Хватаясь за оружие, стража, звеня доспехами, выскочила из арки, стараясь настигнуть беглянку. Какое там — она уже пересекла площадь и исчезла в боковой улице. Гвардейцы, ругаясь на чем свет стоит, растерянно переглянулись.

– 6 –

Илиана бежала невзвидя света. Страх и отчаяние гнали ее вперед как преследуемую гончими лань. Она убила капитана дворцовой гвардии. И КАК убила! Необъяснимое поведение самого офицера, сильно смахивавшее на одержимость, жуткая огненная сфера с чьим-то живущим в ней глазом — все это тоже было из ряда вон, но в сравнении с содеянным ей самой отходило на второй план. Илиана сознавала, что капитана убила именно она. Не сфера, нет — девушка сделала это с гвардейцем самостоятельно, хотя и понятия не имела как. С ней что-то произошло. Что-то до поры дремавшее в глубинах ее сущности вдруг вырвалось на волю и мгновенно сломило казавшегося высеченным из камня, усиленного непонятным воздействием человека. Даже не сломило — скомкало как набитый соломой бумажный пакет и вышвырнуло прочь. Ведьма! Колдовство! Вот что теперь скажет о ней любой, до кого дойдет пугающее известие о разыгравшейся трагедии. Сотворить такое не способна даже Сирелина! Но что же теперь делать?!

Убийство офицера дворцовой гвардии не могло остаться без последствий. Кто станет слушать ее жалкий лепет про какой-то огненный глаз и что она просто защищалась? ТАК не защищаются. От нее отвернется даже Талара, когда узнает на какие страшные дела способна ее лучшая подруга. Никто ее не защитит. Никто! Возможно, даже Сирелина. Чародейки обычно не имеют дел с ведьмами, а к наиболее опасным из них посылают сестер Гексенхаммера. Во дворце оставаться нельзя! Если ее не видели сейчас, обязательно разыщут впоследствии, догадавшись, чьих рук это преступное дело. Тогда ее схватят, запрут как бешеного зверя и конец. Далина, дедушка Арбах — что они о ней подумают?! И что с ними теперь будет?..

С бешено бьющимся сердцем и расширенными до предела глазами Илиана приняла единственно верное решение — немедленно бежать. Прочь из дворца, где отныне ей грозит неминуемый арест с весьма неприглядным будущим! Скрыться! Скрыться как можно дальше отсюда, забившись в какую-нибудь неприметную щель! Накачанная адреналином кровь пульсировала в жилах сумасшедшим потоком, придавая движениям девушки невероятную стремительность. На одних инстинктах она проскочила мимо стоявших в карауле у ворот стражников и вылетела на прилегавшую площадь. Мимо шли какие-то люди, неторопливо перебирали ногами ишаки и верблюды. Илиана стрелой пронеслась по узорным каменным плитам, огибая встречных как стоячих, и скрылась в одной из улиц. Она даже не видела что высыпавшие из арки стражники почти сразу потеряли ее из виду и быстро прекратили погоню. Илиана продолжала бежать во весь дух, стараясь оказаться от дворца как можно дальше. Удалившись от места преступления, она надеялась где-нибудь спрятаться, но ее головокружительное передвижение само по себе привлекало внимание. Люди шарахались от бегущей со всех ног девушки, провожая ее неодобрительным ворчанием. Некоторые раздраженно ругались, иные с досадой грозили кулаками. Кто-то предположил что это убегает воровка. Какой-то олух в шутку крикнул "держи вора", а другой безмозглый дурак подхватил. Подобный вброс всегда находит в толпе обывателей живейший отклик и вскоре все кому не лень орали вслед убегавшей девушке соответствующие призывы, не прошедшие мимо ушей городских стражников. Илиана и опомниться не успела, как за ней уже гналось несколько вооруженных патрулей, перекликаясь друг с другом сигнальными свистками. Девушка плохо воспринимала происходящее. Пребывая в совершенно неадекватном состоянии, она думала что ее преследует погоня из дворца и окончательно потеряла способность соображать. Улицы

превращались в капкан. Ее пытались толкнуть, схватить, поставить ей подножку или бросить каким-нибудь предметом. Повсюду Илиана видела враждебные лица, старавшиеся воспрепятствовать ей тем или иным образом. Она начала спотыкаться и несколько раз чуть не упала на радость жаждавшим ее поимки горожанам. Протянутые руки скользили по волосам и одежде девушки, но пока еще охотники оставались с носом. Только надолго ли? Теряя последние силы, Илиана поднажала, и на какое-то время ей удалось оторваться от преследователей. Перескочив пару заборов и миновав цветочный скверик, она влетела в небольшой тенистый переулок с безликими домами и, задыхаясь, метнулась в его спасительную глубину. Увы, та оказалась ловушкой. Переулок заканчивался тупиком, а высота стен однозначно не позволяла перемахнуть через них каким бы то ни было образом. Застыв на месте, Илиана лихорадочно осмотрелась по сторонам, но выхода нигде не наблюдалось. Развернувшись, она было припустила обратно, как вдруг впереди послышался характерный звон кольчуги ханской стражи. Резко затормозив, девушка метнулась назад и присела за грудой кирпичей, оставшихся в конце тупика от недавнего строительства. Сердце Илианы выпрыгивало из бешено вздымавшейся груди, и это с учетом регулярных тренировок с гладиатором. Без них она бы давно уже упала без сил на мостовой и ее сейчас тащили бы в тюрьму довольные собой стражники. Впрочем, за этим дело явно не станет. Объявившийся на выходе из переулка патруль о чем-то переговаривался, внимательно изучая окрестности. Приближавшиеся свистки и крики свидетельствовали о том, что объект охоты побежал куда-то сюда, но вокруг никого не было видно. Съежившись за кирпичами, дрожавшая от страха Илиана боялась пошевелиться. Кажется, к стражникам уже подошел один из прежних преследователей и принялся им что-то сбивчиво говорить, не иначе как описывая приметы беглянки. Посовещавшись, воины разделились. Большинство направилось в соседние улицы, но как минимум один, судя раздавшимся грузным шагам, решил проверить переулок. Девушка зажала ладонью рот, боясь, что слишком громкое дыхание выдаст ее присутствие. Впрочем, это уже ничего не могло изменить: стражник неумолимо надвигался, а спрятаться больше негде. Свернувшись в клубочек, Илиана вжалась в кирпичи так, словно хотела слиться с ними в единое целое. Еще какая-нибудь минута, и ее непременно обнаружат! Девушка в отчаянии закрыла глаза, и теперь в ее сознании существовал только мерный топот ног становившегося все ближе человека. Неожиданно сбоку от нее послышался тихий скрежещущий звук. Илиана моментально обернулась, не успев даже осознать новую опасность, которая

сейчас покончит со всеми мучениями загнанной жертвы. Ее глаза нашарили в земле невесть откуда взявшийся темный проем.
— Пс-с-с-ст! — раздался вдруг оттуда чей-то тихий голос. — Полезай сюда. Скорее, дуреха!
Илиана, уж на что сейчас крайне туго соображала, быстро решила что из двух зол выбирают меньшее. Не заставив упрашивать себя дважды, она плюхнулась на четвереньки, а затем шустро протиснулась в появившийся лаз. Подошедший стражник заглянул за сложенные кирпичи, разочарованно вздохнул, убрал руку с рукояти меча и отправился восвояси, так и не заметив тихонько закрывшуюся прямо у него под носом забитую листьями решетку водостока.

Очутившись в полумраке какой-то неизвестной ямы, Илиана не сразу разглядела своих спасителей. Лишь когда стражник удалился и опасность миновала, она куда более сознательно огляделась вокруг и поняла что находится в тоннеле городской сточной системы. На фоне его покрытой тиной и плесенью стен не сразу можно было заметить две чумазые мордашки в каких-то невообразимых лохмотьях. Настороженные глаза внимательно изучали озиравшуюся девушку, словно решали, не допустили ли они ошибку, позвав ее сюда. Илиана убежала из дворца в чем есть, и ее платье несколько не соответствовало окружающей обстановке. Тем не менее, у нее был такой испуганный вид, что спасители выступили из тени, сочтя незнакомку не представляющей угрозы. В просачивавшимся из решетки водостока неясном свете перед Илианой предстали худенькие мальчик и девочка лет двенадцати. Их взоры излучали бесхитростное любопытство.
— Я Галана, а это Скич, — просто сказала девочка, поочередно ткнув пальцем на себя и на спутника. — А как тебя зовут?
— Илиана, — отозвалась девушка, вновь обнаружив способность разговаривать.
— Почему за тобой гнались стражники, Илиана? — спросила девочка, с нескрываемым интересом разглядывая ее синее платье с пояском на серебряной застежке.
— А почему вы решили что они за мной гнались? — заметно забеспокоилась девушка.
— Да мы еще за полквартала отсюда услышали погоню, — хихикнула Галана. — Нам хорошо знакомы крики "держи вора". А потом появляешься ты, дыша как загнанная лошадь, и прячешься от стражи в таком месте, где тебя обнаружит даже слепой. Не бойся. Нас нечего бояться, мы сами прячемся. Ты что, промышляешь в богатых домах?
— А? — растерялась Илиана.

— Ну ты красивая и ты очень хорошо одета, — пояснила девочка. — Втираешься в доверие к богачам и тащишь все что плохо лежит? Это, наверное, жутко здоровски — бывать в их больших великолепных усадьбах! Нас-то туда и на полет стрелы не подпустят… Наша Фариза так работает. Только в домах попроще.
— Так ты решила, что я воровка? — сообразила девушка.
— А разве нет? — нахмурилась Галана.
Она чуть отступила назад, и в ее озорных глазах появилось недоверие. Резким движением она поправила свои пепельные волосы, сплетенные в две короткие косички, и повела курносым носиком, забавно выдававшимся на смуглом личике.
— Меня преследовали по другой причине, — пояснила Илиана. — И мне было бы очень плохо, если бы меня схватили, так что я очень признательна вам за помощь. Я уж думала, мне конец.
Стресс остался позади, и к девушке возвращалась ясность мысли. Она быстро сообразила, что бы такого сказать этой чумазой парочке, дабы не играть почетную роль вора и вместе с тем не спугнуть ее почем зря. Кажется, слова возымели действие. Всколыхнувшаяся было во взгляде девочки настороженность испарилась, вновь сменившись жадным любопытством.
— А что ты тогда натворила? — живо спросила она, подойдя к Илиане вплотную.
— А твой товарищ, он все время молчит? — отозвалась девушка, кивнув в сторону мальчика с соломенными волосами и простым крестьянским лицом.
За его широкими скулами виднелись немного оттопыренные уши, а довольно толстые губы изогнулись в непонятном выражении.
— Не обращай внимания, он не особо разговорчив, — махнула рукой Галана. — Видишь, он улыбается? Ты ему нравишься, иначе он стал бы мрачен как туча, а то и вовсе отошел бы подальше.
— Улыбается? Вот бы никогда не подумала, — проворчала Илиана, помахав худенькому парнишке.
Если это непонятное выражение действительно означало улыбку, то она стала еще шире.
— Так что ты натворила? — повторила свой вопрос девочка, нетерпеливо потянув собеседницу за рукав.
И прежде чем Илиана успела ответить, сама тут же выложила такой ворох предположений, что девушка только диву давалась. Пользуясь паузой, она наскоро прикидывала как ей поступить. С одной стороны, отшивать спасших ее ребятишек как-то нехорошо, тем более что они в ее нынешнем положении могли и пригодиться. С другой, когда по городу пройдет клич "разыскивается ведьма", еще неизвестно как обернется дело. Когда Галана вновь стала ее

теребить, Илиана сообразила что пора бы уже чего-нибудь ответить.
— Меня долгое время держали в заложниках, и я сбежала, — прибегла она к своему традиционному методу не лгать, а говорить сущую правду, только определенной порцией и в нужном свете. — Если меня поймают, мне несдобровать. Пожалуйста, не говорите никому что видели меня!
— Как интересно! — воскликнула девочка, едва не захлопав в ладоши. — Расскажи-расскажи! И не бойся — со стражниками мы не дружим. Они отправят нас в приют, а по мне так лучше умереть на улице, чем там оказаться! Там только говорят что кругом облагодетельствуют никому не нужных детей, за что те должны быть бесконечно благодарны! А на деле держат как в тюрьме, заставляют работать с утра до ночи, едва кормят и вообще очень плохо обращаются.
Гм. То ли девочка нахваталась чьих-то чужих фраз, то ли сама хорошенько хлебнула прелестей какого-то милосердного заведения. Якобы милосердного. Илиане приходилось слыхать о тамошних порядках, и заботой об одиноких детях их точно нельзя было назвать. Она хотела задать уточняющий вопрос, но в животе у собеседницы вдруг так громко заурчало, что слова замерли у девушки на языке. Худоба обоих ребятишек бросилась в глаза еще сильнее чем прежде, и Илиана всколыхнувшимся в ней странным ощущением уже прочла ответ на то, что собиралась узнать. От спасителей исходила аура отчетливо читаемого голода.
— Как давно вы не ели? — осведомилась она.
— С вечера, — потупилась Галана. — Сегодня у нас был очень неудачный день.
— Силы небесные, это ж почти сутки! — ахнула Илиана.
— Да ничего, мы привыкли, — пожала плечами девочка. — Когда везет, когда нет. Обычно Скич что-нибудь раздобудет, да и я не оплошаю, но в этот раз удача не на нашей стороне.
Девушка машинально провела руками вдоль пояса, но в платье отсутствовали карманы, а кошелька при ней не имелось. Стало быть, и денег тоже тю-тю! Так себе, между прочим, открытие, поскольку ей самой теперь надо как-то жить. Близкое ощущение голодных детей вызывало очень печальное чувство, но вместе с тем заставляло пошевеливаться активно искавшие решение мысли. И это решение пришло довольно быстро. Дом Бэйла! Не тот, известный во дворце для отвода глаз, а настоящий, где он принимал Сирелину, и где их столь неожиданно застукала Талара. Если он до сих пор никому не известен, то гладиатор будет явно не против, ежели Илиана позаимствует кое-что на первое время. Ведь и он сам, и

чародейка наказывали ей пользоваться всем имеющимся в их распоряжении в случае необходимости. Правда самая большая проблема заключалась как раз в "если не известен". А ну как арестовавшие гладиатора люди проведали про его существование и устроили там засаду? Бэйл, конечно, вряд ли проговорился, но кто знает… Что ж, придется проверить это самостоятельно. Так или иначе, Илиана уже неоднократно подумывала наведаться туда, даже после послания от Зауры, но раньше у нее не было такой возможности. Теперь есть.

— Скажи, Галана, как далеко идут водосточные тоннели? — спросила она, сформулировав для себя план действий.

Как оказалось, на это у нее ушло всего несколько секунд.

— Под всем городом. Это целая система, очень большая и очень сложная. Даже мы знаем только некоторую часть, хотя давно уже пользуемся ей как отличным убежищем, — сообщила девочка. — А что?

— Вы можете провести меня… э-э-э… — запнувшись, Илиана на всякий случай назвала не совсем точный адрес, решив не выдавать с потрохами убежище Бэйла.

Оттуда, тем не менее, она легко доберется до нужного дома. Девочка немного подумала. Смешно наморщив лобик, она водила перед собой в воздухе чумазым пальчиком.

— Да, можем. Правда, Скич? — улыбнулась она, апеллируя к мальчику.

Тот солидно кивнул, подтверждая слова спутницы.

— А зачем тебе туда? — задала вполне резонный вопрос Галана.

— Скажем так, если мы туда доберемся, у нас будут деньги еда. Устраивает такой расклад? — усмехнулась Илиана.

Загоревшиеся глаза ребятишек ответили ей более чем красноречиво.

Система сточных тоннелей явно не входила в число достопримечательностей Солтенстила. Запахи здесь, что и говори, вполне соответствовали содержимому, а на чистоту приходилось рассчитывать с таким же успехом, с каким ей будет блистать устроенный во дворце свинарник. Встречались, разумеется, места и почище, но они то и дело перемежались с совсем уж неприглядными участками. Большие и малые трубы разбегались в разные стороны, отходя от широких и узких тоннелей. В одних можно было стоять в полный рост и даже до потолка было еще далеко, в других приходилось идти согнувшись в три погибели. Периодически все эти разветвлявшиеся переходы объединялись в небольших выложенных кирпичом или камнем проходных помещениях, не иначе как имевших некое техническое назначение. Из находившихся в сте-

нах проемов то и дело сочилась какая-то подозрительного вида жижа, с потолка и решеток гулко капала вода, а по напольным желобам ручьями бежали неизменные бурые потоки, собираясь на центральных магистралях в настоящие реки. Илиана моментально потерялась в этом подземном царстве, однако ребятишки уверенно вели ее вперед, приглядывая, чтобы девушка не отставала. Контакта с неприглядными водами обычно удавалось избегать, ступая по выложенным вдоль замызганных стен возвышениям, но девушка с непривычки пару раз чуть не грохнулась прямо в журчащее болото, намочив ноги лишь самую малость. Теперь Илиане становилось понятно почему она до сих пор даже не представляла себе всей паутины скрытых под городом проходов. Сюда мало кто осмеливался соваться, а стража предпочитала ловить мелких жуликов на поверхности.

— Галана, а под дворцом тоже имеется такое великолепие? — спросила она, прервав завязавшийся разговор.

Собственно, Илиана выкладывала сгоравшей от любопытства девчушке историю своего содержания в плену и побега из-под стражи в таком виде, чтобы и не наврать с три короба, и не разболтать то, чего ребенку знать совсем не надобно.

— Там связанный с рекой обводный канал. Пути нет, — отозвалась девочка. — Ходят слухи, что под ним есть глубинные туннели, оставшиеся еще с древних времен, но им никто не верит. Некоторые пытались проникнуть в залитые водой коридоры, но это очень опасно. Кто-то так и не вернулся, и уж точно никто не преуспел.

Илиана понятия не имела сколько прошло времени с начала путешествия, когда они наконец-то добрались до нужного места. Сейчас бы ей очень не помешали подаренные Сирелиной часы, упорно показывавшие тень на циферблате, несмотря на отсутствие у девушки чародейского дара. Ну, теперь-то она знала почему. Она ведьма, так что удивляться здесь нечему. Впрочем, сгодились бы и простые луковичные.

— Пришли! — заявила девчушка с двумя косичками, указывая пальцем вверх на забранный мелкой решеткой люк.

Его нашел Скич, немного порыскав взад и вперед с видом вынюхивающей добычу гончей. К люку вели вделанные в кирпичную стену изрядно поржавевшие, но все еще крепкие металлические ступеньки-скобы. Илиана попросила ее сориентировать. Девчушка без запинки сообщила названия улиц, тыкая пальцем в соответствующие стороны.

— Отлично! — отозвалась девушка, хватаясь за неприятно осклизлый металл. — Ждите меня здесь.

— Ты же вернешься? — раздался вдруг вопрос заданный таким

тоном, что у Илианы защемило сердце.
Она обернулась и встретилась взглядом с голодной девочкой, смотревшей на нее с надеждой и одновременно страхом оказаться брошенной. Илиана почувствовала, что с ней, видимо, прежде так поступали не раз.
— Да, вернусь! — твердо сказала девушка, проникая словами прямо в мысли волновавшегося ребенка. — Обязательно дождитесь меня.
Она и не думала лгать, и излучаемая сиреневыми глазами уверенность передалась Галане. Та озарилась улыбкой и кивнула, ощущение излучаемой ей тревоги исчезло.

Водосточный люк находился в закутке меж двух домов, окруженный кустарником и мелкой чахлой растительностью. Отодвинув его в сторону (и как только дети умудряются справляться с таким весом), Илиана выбралась на поверхность и вернула крышку на место. Вечерело. До заката было еще далеко, однако солнце перевалило за дневной рубеж и теперь уверенно начинало снижение, купаясь в набежавших с востока облаках. Покрутив головой по сторонам, девушка убедилась, что ее появление осталось незамеченным. Сорвав пучок травы, она немного потерла обувь, дабы хоть немного отчистить ее от налипшей грязи, и кружной дорогой направилась к находившемуся неподалеку дому гладиатора.

К счастью, он был пуст. Ну, в том смысле, что застать там самого Бэйла стало бы чудесным сюрпризом, однако помимо отсутствия хозяина в нем также не имелось и засады. Илиана наверняка попалась бы в расставленные силки Имперской стражи в сопровождении зловещих Манипуляторов, но эта теплая компания до сих пор пребывала в неведении относительно подлинного места жительства гладиатора.

Первым делом Илиана напилась. О, как она пила, неожиданно осознав что чувствует сильнейшую жажду. Вода в бутылках не протухла и проблем с ее наличием не возникло. Уцелели и оставленные чародейкой напитки. Затем девушка осмотрелась. Похоже, Бэйл не появлялся здесь со времени своего ареста, и ничто не указывало на спешку или беспорядок. Он просто ушел и уже не вернулся. Эх... Илиана пригорюнилась, только поделать ничего не могла. Покружив по дому, она почувствовала, что ее прямо-таки подмывает завалиться на постель и как следует поспать. Впервые с момента побега из дворца девушка почувствовала себя в относительной безопасности, и усталость брала свое, однако взгляд на съестные припасы напомнил ей об ожидавших ребятишках. Что-то уже испортилось, но хватало и хороших продуктов в виде копченостей, солонины, печенья и прочего добра. Выбрав подходя-

щую корзинку, Илиана напихала в нее разной провизии, добавив бутылки с водой и напитком чародейки. Затем прошла в комнату, выдвинула ящик стола и достала один из небольших кошельков, где мелодично звенели монеты. Сунув его в перекинутую через плечо позаимствованную в шкафу сумку, девушка собралась было уходить, но затем, подумав, приблизилась к очагу. Давно потухшие угли ее не интересовали, а вот под одной из напольных каменных плит обнаружилось солидное углубление со стоявшим там ларцом. В ларце сыскалось множество мешочков, чье содержимое разительно отличалось от кошелька. Схватив верхний мешочек, Илиана закрыла ларец и вернула его назад, не забыв водрузить плиту на место. Потом снова ее подняла и ринулась к письменному столу. Окунув перо в чернильницу с еще не высохшими чернилами, девушка немного помедлила, после чего вывела на листе бумаги следующие строки:

"Дорогие дядя Бэйл и Сирелина! Вы услышите про меня ужасные вещи. Я не в силах сказать что там правда, а что нет. Не ищите меня, я сама найду вас, если смогу это сделать. Надеюсь, у вас все в порядке. Позаботьтесь о тете Далине и дедушке Арбахе. Извинитесь за меня перед Таларой. Ваша Иля."

Положив записку на ларец, Илиана теперь уже окончательно запечатала тайник. Затем подхватила корзинку и покинула дом столь же незаметно, как и появилась.

Чумазая парочка приветствовала ее возвращение радостными возгласами.

— Вот видишь, я же тебе говорила… — донеслось до слуха Илианы негромкое замечание девчушки.

— Ну-с, кто у нас тут проголодался? — вопросила девушка, предъявляя содержимое корзинки.

При виде копченостей, сыров, орехов, сушеных фруктов и кондитерских изделий у ребятишек аж глаза засияли. Илиана насилу заставила их ополоснуть руки из бутылки с водой и вытереть чистой салфеткой. Не лишнее, надо сказать, дело после подземных похождений. Сточный тоннель — вообще неподходящее место для трапезы, но другого в данных обстоятельствах не наблюдалось.

Девушка давненько не видала как кто-нибудь так уплетал еду за обе щеки. Она даже боялась что дети вот-вот подавятся, и упрашивала жевать дольше и глотать осторожнее. Куда там… Сама Илиана ела куда скромнее, но сравнивать ее прежнее существование с полуголодной жизнью маленьких оборванцев, мягко говоря, не приходилось.

— Ух как вкусно-о-о-о! — приговаривала Галана с до отказа набитым ртом.

Скич согласно кивал, попеременно воюя то с сыром, то с куском колбасы твердого копчения и не отвлекаясь на досужие разговоры.
— Ты много принесла! Здесь на всех хватит! — радовалась девчушка, вгрызаясь зубами в сладкое печенье и прихлебывая воду прямо из бутылки.
— На всех? — не поняла Илиана.
— М-м-м? М-м, мн-мн-мн, м? — осведомился парнишка, мотнув головой на девушку, на спутницу, и в каком-то неизвестном направлении.
— Да, мы приведем ее к ребятам, — кивнули два заплетенных хвостика. — Полагаю, она нам подойдет.

Место, куда юная парочка привела свою новую знакомую, было неплохо укрыто от посторонних глаз. Прежде здесь находилась старая насосная станция, ибо в остатках конструкций до сих пор можно было угадать большие ручные насосы, усиленные противовесами. Служащие использовали ее во времена продолжительных дождей, когда уровень воды в резервуарах достигал критической отметки и возникала необходимость в прямой откачке. К подобной мере прибегали и в случае каких-либо засоров или неполадок в системе естественного самотека. Такие модернизированные станции успешно применялись до сих пор, даже когда город значительно разросся и комплекс сточных тоннелей заметно усовершенствовали. Эту же не стали переделывать и окончательно забросили после того как из-за размытой кладки обрушился вход, завалив переднюю часть помещения толстым слоем глины. Со временем, однако, нашелся и другой лаз. Замусоренный тупиковый тоннель не привлекал внимания редко бывавших там служащих, но он граничил с выходившим на поверхность вентиляционным колодцем, в свою очередь соединявшимся с заброшенной станцией прямоугольным окном в стене. Ныне обосновавшаяся внутри компания наткнулась на этот лаз совершенно случайно. Она расширила его так, чтобы можно было без труда проходить нагнув голову, и замаскировала вход старыми матрасами, дававшими к тому же отличную звукоизоляцию, а затем обустроила свое новое убежище. За прилаженной неказисто сбитой, но крепкой дверью с надежным засовом появилось вполне сносное пристанище. Там было сыровато, но терпимо, а временами сочившаяся вода собиралась в одном из концов помещения и уходила в имевшийся слив. Спальные места предохраняли от попадания влаги дощатые настилы, расположенные на кирпичных подставках. На досках лежали соломенные тюфяки с соломой же набитыми подушками и старыми одеялами с множеством цветастых за-

платок. В самом сухом углу находился самодельный очаг с дымоходом в виде грубо пригнанной, но действующей жестяной трубы, составленной из раздельных фрагментов. Труба выводила в вентиляционный колодец, где вытягивавшийся дым незаметно развеивался. На очаге готовили нехитрую провизию и там же сушились скромные пожитки обитателей насосной станции, по большей части рассованные по стоявшим у постелей деревянным ящикам. Удобства предусматривались в закутке соседнего сточного тоннеля. Воду доставляли с поверхности через имевшийся неподалеку люк позади полуразрушенного барака, благо что по соседству протекал арык. В небогатом районе водился самый разный люд, поэтому здесь без труда можно было приходить и уходить когда вздумается, не привлекая к себе особенного внимания ни своим видом, ни повадками. В убежище наблюдалось восемь постелей, но лишь шесть из них выглядели обитаемыми.

Оказавшись внутри, Илиана невольно озиралась по сторонам, в то время как Галана и Скич представили ее остальным. В основном Галана, поскольку наевшийся парнишка по-прежнему помалкивал и лишь добродушно кивал когда надо, подтверждая слова подруги. На девушку уставилось три новых пары глаз. Самой маленькой из их обладателей по имени Тиша было всего десять лет. Она обычно хлопотала по хозяйству, присматривая за общим домом, пока более старшие уходили на промысел. Двух других звали Ангур и Дэя. Ангуру, худощавому юноше, исполнилось шестнадцать, и он вовсю пытался бриться, стараясь казаться старше, хотя с растительностью на лице у него было определенно туговато. На его долю выпала роль защитника убежища и смотреться совершенным юнцом ему представлялось как-то несолидно. У парня даже имелся меч, который он, изучая новоприбывшую, для пущей убедительности положил на колени. Пятнадцатилетняя Дэя выглядела столь хрупко, что, казалось, задень ее, и она немедленно разобьется на множество осколков. Вместе с тем эта девушка обладала отличными гибкостью и проворством, чрезвычайно полезными при ее не самой законной профессии, а складывавшееся впечатление на деле являлось чрезвычайно обманчивым. Под складками невзрачной одежды таилось тело заправской акробатки, способной как ловко стянуть что плохо лежит из самых недоступных мест, так и вовремя унести ноги, с легкостью перемахивая через практически любые преграды. Иными словами, для домушницы, забиравшейся в открытые окна едва ли не по отвесной стене, она подходила практически идеально.

Все эти сведения Илиана обрела не благодаря дару ясновидения, а почерпнула из болтовни девчушки с косичками, пока та

вместе со Скичем вела ее в родное убежище.
— А тебе который год, Илиана? — поинтересовалась Дэя, не отказав себе в удовольствии полакомиться содержимым принесенной корзины.
Наевшаяся давеча Галана уже успела поведать остальным обстоятельства встречи с девушкой в голубом платье и историю ее побега из-под стражи. Настороженность в глазах новой троицы поубавилась, а вкусная снедь очевидным образом способствовала появлению некоторого расположения. Скромная похлебка на очаге существенно отличалась от сыров и колбас, и хотя про нее тоже не забыли, серьезное дополнение к ужину не осталось без внимания.
— Один… — чуть не ляпнула Илиана и осеклась, сообразив, что это, пожалуй, будет не самая лучшая ее реплика. — Девятнадцать, — быстро поправилась она, усаживаясь поближе к очагу.
— Я так и подумала, — кивнула Дэя. — Что ж, лишние руки нам не помешают. Если надумаешь остаться, буду рада.
— А если свалит? — проворчал Ангур. — Свалит и разболтает кому-нибудь о нашем убежище. Вообще я не понимаю почему Галана и Скич вдруг притащили к нам первую же встречную. Вы же ее совсем не знаете! Довольно опрометчиво, ребятки.
— Она хорошая! Я сразу это поняла! — с жаром заявила девчушка с косичками, устроившись подле Илианы и протягивая лапки к огню. — Она не обманет.
— Я и не говорил что обманет, — поморщился темноволосый парень. — Но если уйдет и проболтается о нас невесть кому, чего в этом хорошего?
— Да ну тебя, Ангур, — фыркнула Дэя. — Я немного разбираюсь в людях. Она только выглядит богачкой, а на деле совсем не такая как все эти разодетые чопорные свиньи, и явно не круглая дура. Я вполне верю ее истории, хотя поначалу мне показалось, что она просто сбежала из родительского дома, не желая чтобы ее выдали замуж за какого-нибудь старого урода. А может так и есть, а?
Дэя хитро подмигнула новоприбывшей, но тут же добавила что это просто шутка.
— Ты чем занималась, Илиана? — спросила она, когда остальные отсмеялись. — Что ты умеешь делать?
— Меня обучали знахари, — мгновение подумав, отозвалась та, решив для начала ограничиться такой нейтральной фразой.
В ответ послышался гул удивленных голосов.
— Так ты лекарь? — вытаращил глаза Ангур. — Ты что, действительно умеешь лечить людей?
— Ну, надеюсь что да, — уклончиво ответила Илиана, поскольку пациентов у нее покамест было маловато. — Людей и животных.

— Это здорово! — восторженно заявила Галана. — Свой лекарь нам очень-очень пригодится!
— У меня на колене ушиб никак не проходит, — сообщил юноша. — Долбанулся о чертову рухлядь когда таскал сюда воду. Можешь это дело как-то поправить?
— Покажи, — улыбнулась Илиана.
Возможно, это была простая проверка, но в любом случае разве она могла отказать в такой малости? Юноша закатал штанину потертых шаровар и предъявил внушительного вида синяк, окруженный по краям расползавшейся желтизной. Должно быть, он действительно сильно ударился, да еще и не принимал никаких мер. Илиана, ощупав пальцами пострадавшее место, отчего Ангур едва не вскрикнул, рекомендовала нужную мазь и компресс, а заодно посоветовала не дожидаться пока в следующий раз нога загноится и отвалится. Она, конечно, преувеличила, но ее комментарий приняли за чистую монету.
— Где у вас коробка с лекарствами? — осведомилась Илиана.
Ее слова встретили дружным смехом.
— Там же где и фарфоровый сервиз, справа от ящика со столовым серебром, — веселилась Дэя.
Ее вьющиеся волосы рассыпались по плечам множеством колыхавшихся завитушек. Обычно она собирала их в хвостик, дабы они не мешали заниматься делом, но сейчас распустила. Илиана порозовела, поняв свою ошибку.
— Я завтра попробую стащить все что нужно. Да и Скич постарается. Правда, Скич? — отсмеявшись, сказала Дэя.
Растянувшийся на видавшем виды стуле парнишка важно кивнул, продолжая сонно глядеть на весело потрескивавший в очаге огонь.
— Нет, так не пойдет, — покачала головой Илиана. — Самое лучшее — это купить все необходимое у аптекаря. Под рукой всегда должны быть кое-какие средства на все случаи жизни.
— Мы не настолько богаты. Порошки аптекарей нам не по карману, — подала голос Тиша, до сих пор скромно помалкивавшая над постепенно уменьшавшимся количеством печенья.
— Я сама все куплю. Только скажите где найти ближайшую лавку, — пояснила Илиана, нащупав в сумке кошелек.
— У тебя и деньги есть? — удивился Ангур.
— Конечно. Я же говорила что мы ходили за едой и деньгами, разве нет? — напомнила Галана.
Перехватив руку Илианы, она вступила с ней в небольшой спор. Девчушка вызвалась сбегать самостоятельно, нежели сначала долго объяснять куда надо идти от ближайшего люка, после чего но-

вая знакомая все равно заблудится и потеряется. Час уже поздний и время для подобных прогулок тоже не самое подходящее. Сама же Галана отлично знает здешние места и чувствует себя здесь как рыба в воде. Она быстренько сбегает к знакомому торговцу снадобьями и купит все необходимое. Его лавка уже закрыта, но он привык продавать соседям лекарства и в неурочный час. Илиана поначалу упиралась, не желая отправлять двенадцатилетнюю девочку одну когда на улице уже смеркается, но вскоре сообразила что юной компании к подобному не привыкать.
— Хорошо, есть где записать? Я составлю перечень, — проворчала сдавшаяся девушка.
На мгновение она испугалась что и сейчас ее поднимут на смех, однако в убежище все же сыскался годный письменный прибор и большая стопка мятой оберточной бумаги на разные нужды. Илиана быстро накидала длиннющий список, после чего вручила девчушке три серебряные монеты — для обитавшей в заброшенной насосной станции компании явно немалые деньги.
— Этого точно хватит даже для самого жадного аптекаря, — сказала она. — И не забудь прихватить мешок, чтобы все это дотащить. В руках не унесешь.
Галана махнула хвостиками и стремглав упорхнула.

Вернулась она где-то через полчаса, задыхавшаяся, но довольная выполненным поручением. Открывший на стук торговец оказался немало изумлен откуда у маленькой оборванки такие деньги, но та догадалась заявить что ее послала госпожа срочно прикупить кое-какие снадобья. Поскольку речь шла о лекарствах, на которые девчонка вряд ли бы стала тратить украденные монеты, торговец честно отгрузил товар по списку и даже вручил причитающуюся сдачу. Разбирая принесенные покупки в большую коробку, Илиана слушала девчушку и кое-что сразу взяла себе на заметку. Пожалуй, кому-то здесь не помешает пара-тройка новых, куда более приличных вещей. Из всех присутствующих относительно нормально одета только Дэя. Наряд Ангура выглядел весьма потрепанно, а уж у самых младших и вовсе производил удручающее впечатление: дыра на дыре, заплатка на заплатке.

Остаток вечера прошел в разговорах. С обработанным коленом юноша сразу почувствовал облегчение и его расположение к новой знакомой заметно прибавилось. Похоже, та не соврала и действительно разбиралась в знахарской науке, ведь маленькая компания ни разу не слыхала и половины названий целебного добра. Давным-давно забыв про меч, он потягивал горячий чай и со снисходительным видом слушал девичью болтовню. Тиша и Скич уже вовсю сопели носами, а Илиана, Дэя и Галана общались на

разные темы.
— Откуда твое платье? Такие в Солтенстиле шьют только на заказ, — полюбопытствовала Дэя.
— С Запада, — ляпнула Илиана.
Это был очередной подарок принцессы, и у нее в гардеробе хватало подобных нарядов. Она все еще не успела перестроиться для новой обстановки и ее заявление повергло собеседниц в состояние полушока, ведь вещь стоила огромных денег. Пришлось спешно оправдываться и объяснять наличие синего платья специфическими вкусами тех людей, от которых она сбежала. Почувствовав, что начинает завираться, Илиана плавно увела беседу от скользкой темы, а потом довольно ловко переключила ее на житие маленькой общины. Никто из собеседниц не видел ничего зазорного в общих чертах поведать об их нехитром существовании, и при свете одинокой свечи Илиана услышала довольно грустную историю юных обитателей улиц.

* * *

Когда до обители стали доходить тревожные известия, Сирелина как раз закончила очередную часть обучения, с блеском подтвердив его выдержанным на болотах испытанием. Она немного беспокоилась почему не отвечают на письма Илиана и Бэйл, но в целом находилась в приподнятом настроении, будучи довольна собственными успехами, и вовсю мечтала об окончании курса Имьюнитас. Это знаменательное событие назревало самое позднее в конце осени, и Сирелина намеревалась первым делом махнуть в Солтенстил. У Немезии, возможно, на сей счет другие планы, но Сирелину это не касается. Она достаточно проторчала в обители и наконец-то сможет себе позволить лично заняться воспитанницей. Ну, любимой воспитанницей, поскольку послушницы в лице Флеи и ее подруг, Лады и Аширы, с некоторых пор тоже обрели этот статус, пусть и условно. Теперь чародейка имела реальную возможность добиться его и по-настоящему, но решила не торопить события. Девушки еще молодые и учиться им предстоит достаточно долго, а Сирелина не хочет снова стать прикованной к обители на постоянной основе. Наставнице нельзя надолго покидать своих подопечных. Сначала она устроит судьбу Илианы, а там и видно будет. Посему и заведующая Запретным чертогом пусть не строит на нее планов на ближайшее время. Немезии, видать, и самой не нравится эта идея, но Сирелина начала подозревать суровую старшую сестру в намерении прочить ее в группу Гексенхаммера в качестве стажера. Алеада, полевой куратор Сирелины, дала ей весь-

ма неплохую характеристику, во всяком случае, по меркам этой придирчивой компании. В бочку меда, само собой, она вкатила целую флотилию ложек дегтя, но вместе с тем явно нашептала предводительнице и ряд небезынтересных обстоятельств, о чем, собственно, обещала еще на болотах у Жозефины. Немезия попрежнему не меняла мнения касательно недостаточно рассудительного поведения излишне взбалмошной и недопустимо легкомысленной Сирелины, но отмахиваться от ее природных данных считала непозволительной роскошью. До доверительных бесед непосредственно с ней она не снисходила, но некоторые подробности Сирелина в частном порядке узнала от Арадоры. Бурно развивавшийся иммунитет к темным чарам и всплеск собственных сил, позволявший три раза подряд без перерыва задействовать посох мощным заклинанием — это было кое-что даже в глазах наставницы Запретного чертога. Если так дело пойдет и дальше, не исключена подача на рассмотрение Совета рекомендации определить Сирелину в группу Гексенхаммер. В таком случае воспитанница Арадоры окажется одной из самых молодых чародеек, удостоенных этой чести.

Закончив сегодняшние занятия в Запретном чертоге и вернувшись в собственные покои, Сирелина составила очередное письмо двум своим близким людям в Солтенстил. Оно, разумеется, состояло из совершенно раздельных частей. Негоже смущать юное создание личными разговорами между взрослыми, а гладиатору в свою очередь отнюдь незачем знать подробности взаимоотношений чародейки и ее воспитанницы. Запечатав и упаковав послание в тубус, Сирелина отправила горгулью в почтовую службу, а сама уселась перекусить. Ей еще предстояли занятия с Флеей сотоварищи, поэтому вечерок намечался довольно энергичный. Послушницы, впечатленные побегом наставницы на доске вдоль отвесной горы, упросили научить их парящему колдовству. Силенок у них для этого было, мягко говоря, маловато, но Сирелина, не желая попусту расстраивать девушек, придумала интересный выход. Над одной такой доской, с легкой подачи самой чародейки названной Воланборд, они учились плести чары сразу втроем. Этого тоже было пока недостаточно для уверенного снижения на малой скорости, но в качестве тренировки действовать сообща и осваивать новые высоты чародейского искусства вполне подходило. Упражнения, разумеется, проходили все в том же бассейне, совмещая увлекательную практику с водными процедурами. Ни о каких вышках пятнадцати ярдах высоты и речи быть не могло, но с трех девушки быстро добрались до пяти, откуда теперь с визгом шлепались в прозрачную воду, вздымая тучи алмазных брызг. Вместо

традиционных ученических нарядов они щеголяли в изящных купальниках и столь разительная перемена в учебной обстановке доставляла им необычайное удовольствие. Сирелина, посмеиваясь, подстраховывала послушниц на случай слишком раннего и неудачного падения Восходящим потоком. Быстро сотворенное заклинание было слабовато чтобы приподнять вес человека, но для смягчения удара о воду его хватало с лихвой, оставляя такой контакт почти безболезненным.

Девушки делали заметные успехи и Сирелине, как непосредственной наставнице, это было очень приятно. Закончив трапезу, чародейка допила бокал освежающего напитка и совсем собралась было отправляться в бассейн, как тут вернулась расстроенная горгулья и доложила что отправить письмо не удалось. Досадуя на задержку, Сирелина осведомилась в чем дело. Иногда обширные помещения почтовой службы закрывались на профилактику. Уборка, уход за пернатыми посланцами, проверка функционирования подразделения и учета корреспонденции — все эти регулярные работы требовали некоторого времени. Обитель чародеек была центром, куда стекались вести с самых разных краев и множества точек, поэтому и почтовая служба в ней требовала намного больше забот, нежели на простой промежуточной станции. Горгулья помотала головой. Почта просто закрыта и никакие отправки временно не осуществляются. Дежурная ничего толком не объяснила, ограничившись комментариями в духе "приходите попозже". Проворчав нечто совсем нелестное в адрес расторопности почтовиков, Сирелина наказала горгулье сходить еще разок через пару часиков, а сама отправилась в бассейн. Горгулья, выбравшись в окно и устроившись на карнизе, подперла голову лапой, обретя сходство с изваяниями на городских крышах, и уставилась на снежную вершину.

Вечер в бассейне прошел более чем занятно. Сирелина несколько раз показала на личном примере как следует спускаться. С самой высокой вышки она кружила над водой, закладывая такие лихие виражи, что девушки аж хлопали от восторга. Чародейка уже настолько хорошо овладела техникой планирования на Воланборде, что теряла высоту неторопливо, позволяя себе выделывать различные пируэты. Порой, резко ухнув вниз, она набирала головокружительную скорость, но лишь для того, чтобы выполнить акробатический трюк, включая петли и полный оборот вокруг оси. Притормаживая у самой воды, она выбивала из нее по касательной целый веер брызг, эффектно останавливаясь при помощи все тех же парящих чар, и преспокойно выбиралась из бассейна, шагая в нем по голень и неся доску подмышкой. Либо же лихо соска-

кивала на узорный мрамор около волнующейся поверхности даже не замочив ноги. Полеты чародейки напоминали спуск по заснеженному склону, только вместо покатого наста в ее распоряжении имелся лишь воздух. Сирелина, конечно, красовалась, но ее представление распаляло в послушницах энтузиазм, заставляя их тренироваться с неослабевающим усердием. Плеск и хохот веселой компании никому не мешал, тем более что бассейн в обители имелся не один, а посетители появлялись не так уж и часто. Места хватало всем, и совмещавшая купание с практическим чародейством компания чувствовала себя в своей тарелке.

За весь вечер Сирелина столько раз вымокла до нитки, что почувствовала невольное облегчение когда вернулась домой и ей больше не надо было периодически колдовать над просушкой одежды. Сама-то она окуналась редко, зато поднимаемых девушками брызг с лихвой хватало и на ее долю. Чародейка как раз переодевалась, когда в приоткрытую дверь заглянула горгулья и сообщила что почта по-прежнему не работает. Приглашения "зайти попозже" сменились предложением "приходите завтра". Чертыхнувшись, Сирелина отпустила помощницу на ночную прогулку, а сама завалилась спать.

К вечеру следующего дня по обители поползли нехорошие слухи. В давным-давно отлаженной работе почтовой службы возникли какие-то перебои, но чем они были вызваны никто толком не знал, а старшие чародейки ни с того ни с сего устроили внезапное совещание. Теперь уже далеко не одна Сирелина выражала недовольство невозможностью отправить корреспонденцию, однако все двери почты и вовсе были заперты, а на них красовалась табличка "закрыто по техническим причинам". Не объясняя этих причин, попадавшиеся на глаза служащие ссылались на распоряжение старших сестер и сверх этого никаких комментариев не давали. Данное явление выглядело крайне необычно и вызывало уйму плодившихся предположений. Троица послушниц приставала с расспросами к Сирелине, говоря, что по обители распространяются самые невероятные слухи, только чародейка знала не больше девушек. Она уже неоднократно пыталась попасть к Арадоре, но двери той оставались закрыты.

На четвертые сутки разнеслась невероятная весть: полностью прервана связь с частью почтовых станций! Поступавшие донесения носили достаточно обрывочный характер, однако в целом можно было заключить что на них совершено самое настоящее нападение. Похоже, потеряно сообщение с целым регионом и общая картина происходящего лишь начинает устанавливаться. Старшие чародейки до сих пор не сделали официального заявле-

ния, поскольку еще не обладали пониманием ситуации в целом, и это заставляло добрую половину обители выдвигать различные предположения одно фантастичнее другого. Одна-две скомпрометированные станции — такое иногда случалось, а вот чтобы сразу много… Кто же вообще мог совершить нечто подобное? Истинная причина на деле оказалась куда проще всяких заумных идей и вместе с тем гораздо серьезнее.

Сирелина сумела попасть к наставнице уже за полночь. Дверь по-прежнему была заперта, но Арадора по стуку узнала скарапанья подопечной и отворила. Судя по кругам под глазами, наставница долго не спала и бодростью явно не лучилась. Тем не менее, она мотнула светловолосой чародейке головой, чтобы та проходила. Сирелина не заставила себя упрашивать и юркнула внутрь, после чего хозяйка тут же закрыла вход на замок.

— Нетрудно догадаться зачем ты пришла, — негромко сказала Арадора, предлагая гостье усесться у камина и наливая себе бокал красного вина.

— Что происходит? — осведомилась Сирелина. — Отправка корреспонденции полностью прекращена. Никто ничего толком не знает, а последние полуофициальные новости вообще из ряда вон! Всем подряд слухам я не верю, но случилось явно что-то очень серьезное, раз в этом задействованы все старшие сестры. Совет собирается что-нибудь сообщить?

Хорошенько отпив из бокала, Арадора немного помолчала, подыскивая подходящие слова для формулировки ответа.

— Да, завтра Изабелла сделает заявление, — наконец произнесла она, изучая насыщенно рубиновый цвет напитка. — Довольно общее, надо сказать, но все же. Точной информации пока маловато, чтобы подробно осветить происходящее.

— А я могу сейчас услышать более полную версию? — жадно спросила волновавшаяся Сирелина. — Похоже, дело дрянь, только я, как и остальные, теряюсь в догадках в чем именно.

Арадора снова помолчала, как бы решая, стоит делиться с ней имеющимися сведениями или нет. Она неторопливо прихлебывала вино и Сирелина откровенно теряла терпение, однако помалкивала, понимая, что подгонять сейчас наставницу уж точно не самая лучшая идея.

— Все что я тебе скажу должно остаться между нами, хорошо? — вздохнув, молвила, наконец, Арадора. — Если ты кому-нибудь проболтаешься, на подобные секреты с моей стороны впредь рассчитывать не придется.

Сирелина выразила полнейшее согласие. Арадора, еще раз вздохнув, неторопливо заговорила усталым голосом.

Слухи о нападении оказались более чем правдивы. Некоторые почтовые станции атаковали группы неизвестных, причем сделали это везде практически одновременно. Учитывая количество инцидентов и невозможность подобного совпадения, речь не могла идти о простой случайности. Это не говоря уже о том, что всякий раз сценарий выглядел очень похоже. Каждую точку окружало значительное число вооруженных людей, после чего они вламывались в нее с разных сторон, стараясь захватить служительницу. Большинству удалось ускользнуть, но о судьбе нескольких из них до сих пор ничего не было известно. Система защитных чар работала исправно. Она помогала избежать нежелательного обнаружения, а если такое по какой-либо причине все-таки происходило, то предупреждала о появлении посторонних. С ее помощью служительницы и сумели вовремя сбежать; во всяком случае, те их них, кто дали о себе знать. Только на сей раз атакующих выдали не столько сами защитные чары, сколько их снятие, свидетельствовавшее о чужеродном вмешательстве. Хитро сплетенное колдовство содержало определенные дополнения, и при образовании бреши посылало соответствующие сигналы. Например, разрушенный защитный барьер одновременно высвобождал и пружину кукушки в настенных часах-ходиках, а развеянный дурман преображал и часть пространства самой почтовой станции. Практически любые чары, так или иначе, завязывались на контрольном механизме-индикаторе, позволявшем как минимум вовремя отследить их исчезновение. В основном это было задумано дабы служительница поддерживала защитное колдовство в рабочем состоянии и немедленно обновляла его при срабатывании индикатора, если банально запамятовала это сделать. Такие оплошности происходили отнюдь не редко, ведь забывают же сплошь и рядом люди завести часы или набрать воды в умывальник, кастрюлю на плите или утюг на углях. Колдунья тоже человек, и в ежедневной рутине вполне могла не возобновить дурман должным образом, либо же проморгать ослабевание поставленной преграды. Из-за этого порой происходили курьезные случаи, когда грибники набредали на невесть откуда взявшуюся избушку или какой-нибудь путник к своему величайшему удивлению натыкался на никогда прежде не виданную постройку. Узреть на своем пороге незваных гостей — хороший урок для зазевавшейся колдуньи, но как правило все проходило гладко: посетителей ловко спроваживали подобру-поздорову, а чары восстанавливали. Первые потом и сами не понимали привиделось им или нет, а вторые исправно функционировали до следующего казуса. А вот в случае с последовавшими нападениями сигнальные механизмы выполнили свое предназначение иным обра-

зом: оповестили служительниц о грядущей опасности. И это было самое тревожное известие, ибо развеять искусное колдовство самостоятельно простому смертному не под силу. Некто сначала определил присутствие маскировочных и дурманящих чар и поочередно снял их, а затем вышел на источник и убрал непосредственную защиту почтовой станции. Нападавшие не ведали, что подобные действия автоматически приводят ее в нерабочее состояние, удаляя для прибывавших птиц соответствующий маяк, как и не ведали и о том, что колдунья оказывается предупреждена о вторжении. Тем не менее, сам факт подобного вторжения представлялся из ряда вон, и сообщения о них до сих пор продолжали поступать.

На данный момент чародейки лишились не менее дюжины почтовых станций, и почти все они располагались на подконтрольных Красной саламандре территориях. Связь с Железными землями и всем что находилось южнее и западнее полностью прекращена. Серьезно нарушено сообщение в эмиратах Аеш, Бушер и Дирзун. Ситуация в некогда принадлежавших шаху Гелетбею землях непонятна. Две почтовые точки в восточном ханстве также заставляют предположить худшее.

Нападавшие действовали целенаправленно и явно знали зачем пришли. На обычных солдат они не смахивали, тем более что обычные солдаты до сих пор не щеголяли в компании колдунов. Присутствие же оных уже не подлежало сомнению из имевшихся свидетельств и элементарной логики. Совет чародеек старался не делать поспешных выводов, но по всему выходило, что за всем стоял Гийюр ад-Сейдин, ибо больше никто бы не осмелился на столь враждебный акт. Избежавшие пленения колдуньи сообщали о переодетых воинах, ведущих себя не как обычные солдаты. Среди общей массы донесений все чаще фигурировала некая прежде неизвестная Имперская стража, и это наводило старших сестер на определенные мысли. Служительницы захваченных почтовых станций сейчас держат путь в обитель и скоро прибудут лично, а тогда их получится хорошенько расспросить, чтобы сопоставить все факты. Ну, те из них, кто в данный момент не скрывается от преследования, ибо есть и такие тревожные послания. Нападавшие, похоже, не только выводили из строя тщательно скрываемые точки чародеек, но и старались захватить их хозяек, пустив по горячему следу колдунов.

По распоряжению Совета отправление корреспонденции из обители и между станциями приостановлено. На все почтовые отделения в срочном порядке разосланы соответствующие предупреждения, служительницы извещены о возможной опасности.

Пересылка разрешена только в направлении обители. Обратно письма уходят лишь с непосредственного указания старших сестер. Исходя из ежедневно поступающих донесений ситуация продолжает усугубляться, а область с утраченными линиями коммуникаций растет. Совет незамедлительно задействовал наземные каналы связи, но их скорость и эффективность, к сожалению, несравнима с воздушным сообщением. Сейчас задачей первостепенной важности является извещение всех агентов о компрометации почтовых станций, установленной или возможной. Агенты не должны попасть в лапы людей ад-Сейдина или кого-то другого, кто действует на подконтрольной ему территории. Увы, приходится уповать на их осторожность, ибо сроки наземного оповещения оставляют желать лучшего, а далеко не все пользующиеся услугами почтовых станций живут по одним и тем же известным чародейкам адресам. Захват этих людей может повлечь совершенно непредсказуемые последствия в зависимости от их личной осведомленности в той или иной области.

Сирелина слушала наставницу в глубочайшем волнении, затаив дыхание и вытаращив глаза. Даже ей, при всей фантазии и неоднократных личных столкновениях с приспешниками хана Гийюра не приходило в голову ничего подобного. Позаимствовав у Арадоры подходящую карту, она попросила обозначить текущее положение дел. Старшая сестра, пошевелив пальцами, быстрыми движениями их осветившихся кончиков стала наносить произошедшие изменения и соответствующим образом окрашивать области в зависимости от их статуса и влияния. Сирелина внимательно смотрела на сеть загоревшихся зеленых точек, символизировавших почтовые станции, и как часть из них стала красной или желтой. Связывавшие зеленые точки линии разрывались. Красные сигнализировали о потере отделения, желтые предполагали его пока еще неопределенное состояние. Схема вышла более чем наглядной и с первого взгляда становилось понятно: чародейки утратили контакт с доброй третью юго-западных земель и что там происходило теперь могли узнать лишь куда более примитивными методами. Учитывая расстояние, особенности рельефа, погоду, границы между государствами и региональные культурные обычаи такая информационная задержка поистине удручала.

— Это объявление войны! — заявила Сирелина, сопоставив окрашенные области с нынешней политической картой. — Ад-Сейдин более не намерен терпеть наше присутствие ни на своих исконных, ни на захваченных землях.

— Не торопись с выводами, — вздохнула Арадора. — Вне всяких сомнений, шаг более чем недружественный, но хан пока действует

на своей территории и его государство находится в состоянии войны. Подобная… мера может быть вызвана опасениями в шпионаже в пользу противника. Для того чтобы определить его цели совету требуется больше данных.
— Это я-то тороплюсь с выводами?! — возмутилась Сирелина. — А какие вам еще нужны доказательства? Когда ад-Сейдин вторгнется в северные княжества и открыто объявит войну чародейкам? Может тогда, наконец, Совет прозреет и согласится что я была права, когда собиралась помешать его завоевательским амбициям?! Ваша политика невмешательства приведет к катастрофе!
— Тебе известно, что есть страны, где колдовство находится под полным запретом, — заметила Арадора. — Закрытие тамошних станций тебя вряд ли бы так поразило. В Железных землях чародейство открыто не запрещалось, но отношение к нему носило выраженный отрицательный характер. Ад-сейдин мог пересмотреть сложившуюся практику как минимум на время ведения войны.
— А своих колдунов при этом у него становится все больше! — сердито воскликнула Сирелина. — Это тоже так, незначительный пустячок?
— Появление подобных лиц среди нападавших вне всяких сомнений внушает большую тревогу, — согласилась наставница. — Требуется собрать о них побольше данных, дабы точно понимать с кем мы имеем дело.
— И что Совет намерен предпринять в связи со сложившейся обстановкой? — едко поинтересовалась Сирелина.
— Всех кого могли в срочном порядке уже предупредили и продолжают предупреждать. Почтовые станции перешли в режим усиленной безопасности и держат ухо востро. Дано указание отозвать подвергающихся непосредственной опасности лиц, — неторопливо перечисляла Арадора. — Кроме того, по распоряжению Совета начат оперативный сбор сведений непосредственно по вопросу состоявшегося вторжения в сферу наших интересов. Агенты на местах постараются разузнать как можно больше.
— Негусто, — хмуро заметила Сирелина.
— Совет обдумывает идею отправить к ад-Сейдину уполномоченное лицо для официального прояснения ситуации. В зависимости от ответа и собранных за время его получения фактов он примет дальнейшее решение, — сообщила Арадора.
— Что ж, спасибо и на этом, — сухо заявила Сирелина. — Теперь я, по крайней мере, знаю почему мне не отвечают Илиана и Бэйл.
— Кстати об этом… — каким-то изменившимся тоном вдруг произнесла наставница. — Я же тебе еще не все сказала. Думаешь, почему я так запросто взяла и выложила тебе столько закрытой

пока информации? Только потому что ты постучалась на ночь глядя со своим неуемным любопытством?
— И почему же? — насторожилась светловолосая чародейка, испытующе глядя на Арадору и ощутив всколыхнувшуюся смутную тревогу.
Арадора неожиданно мягко положила свою ладонь на руку Сирелины и от этого жеста у той все внутри затрепетало.
— Да говори уже! — воскликнула она с сильно забившимся сердцем, предчувствуя недоброе.
— Бэйл. Его схватили на станции Зауры, — негромко произнесла наставница, осознав что с трудом может глядеть подопечной в глаза.
Сирелина замерла, будто пронзенная навылет выскочившим из ниоткуда клинком. Затем вскочила с изменившимся выражением лица, добела стиснув костяшки пальцев. Издав протяжный стон, она забегала по гостиной, ломая руки. С ее губ срывались какие-то нечленораздельные слова, пальцы искрили, а в воздухе ощутимо повеяло электричеством.
— Кажется, она привязалась к нему сильнее, чем и сама считала, — пробормотала Арадора, искоса наблюдая за метаниями голубоглазой чародейки.
Наставница не лезла с увещеваниями, хотя испытывала искреннее участие. Слова сейчас были бесполезны, и следовало дать молодой женщине немного прийти в себя после удручающего известия. Сделав витиеватый жест, Арадора поманила с буфетного столика графин с вином покрепче. Хрустальная посудина плавно подлетела на ее зов, легонько покачиваясь в воздухе, избавилась от пробки и любезно наполнила второй нарисовавшийся схожим образом бокал. Весьма кстати, потому что подскочившая Сирелина тут же ухватила его за тонкие стенки и осушила в три больших глотка. Ее светлые волосы слегка растрепались от наэлектризованных пальцев, которые она то и дело запускала в свою густую прическу, а в глазах отражалось какое-то болезненное чувство.
— Что с Илианой? — коротко спросила она, неимоверно страшась ответа.
— Несмотря на грозившую ей опасность, Заура умудрилась связаться с твоей воспитанницей, предупредив об аресте Бэйла. На тот момент с ней было все в порядке, — уверенным голосом сказала Арадора.
Это заметно успокоило пребывавшую в изрядном смятении чародейку. Услышь она сейчас про беду с Илианой — и ее душевное равновесие окончательно вышло бы из-под контроля. Арадора уже жалела что не подготовила ее должным образом, ошибившись в

глубине испытываемых чувств. Взглянув в пустой бокал, Сирелина недвусмысленно покачала им туда-сюда. Повинуясь движению кисти наставницы, воспаривший графин услужливо наполнил его почти до краев. Вторую порцию Сирелина проглотила не намного медленнее, чем первую. Затем отправила бокал на ближайший столик и плюхнулась обратно в кресло.

— Я слушаю, — коротко изрекла она, сцепив пальцы и стараясь выглядеть спокойной.

Арадора быстро передала ей все, что сообщила Заура, начиная от нападения на почтовую станцию и заканчивая весточкой Илиане. Даже против значительного числа врагов у попавшего в засаду гладиатора еще имелись какие-то шансы, но их окончательно свело на нет вмешательство колдуна. Заура ничем не могла ему помочь, но все же сумела оказать важную услугу, отправив воспитаннице Бэйла и Сирелины предупреждающее послание. Вручивший девушке клетку с совой человек заверил, что при мимолетной встрече она выглядела совершенно нормально. По его разумению, по крайней мере к тому часу ее не коснулись никакие неприятности.

— Заура очень рисковала, когда задержалась подле Солтенстила ради твоей Илианы, — аккуратно подчеркнула Арадора. — За ней по пятам шли двое колдунов, но она все же сумела их перехитрить и ускользнула.

— Я ценю это. Я поблагодарю ее лично, когда Заура прибудет в обитель, — медленно кивнула Сирелина, давая понять, что не пропустила мимо ушей вклад южной колдуньи. — Значит, у Илианы теперь есть почтовая сова…

— К сожалению, это ей абсолютно ничего не дает. Все ближайшие почтовые станции утрачены, а птицы летают только хорошо изученным маршрутом, — напомнила наставница.

Сирелина подняла на нее задумчивый взгляд и на ее лице промелькнула загадочная улыбка.

— Она умная девочка, она что-нибудь придумает, — сказала молодая чародейка, замерцав глубиной голубых глаз.

— Не хочется тебя огорчать, только ничего тут не придумаешь, — озабоченно покачала головой Арадора. — А вот на себя навлечь неприятности — это запросто. Такая сова вполне может скомпрометировать свою хозяйку, особенно если ее застукают с посланием. Впрочем, ты говорила, что Илиана состоит при зверинце… Что ж, Заура сделала ловкий ход.

— Она догадается что ей делать, я в нее верю, — твердо заявила Сирелина.

— Вопрос заключается в том, что собираешься делать ты, — заме-

тила наставница, внимательно поглядывая на собеседницу.
Она пояснила. Арадора поделилась секретом исключительно по доброте душевной. Лучше Сирелине услышать о пленении гладиатора сразу и от нее, а не гораздо позже и как-нибудь иначе. Теперь самое важное чтобы чародейка не наделала глупостей в своем фирменном стиле и не отправилась геройствовать очертя голову, рискуя окончательно испортить и без того непростую ситуацию.
— То есть ты намекаешь что я опять должна сидеть сложа руки?! — нехорошо изумилась Сирелина, вытаращившись на Арадору.
— Отнюдь, — наставительно подняла палец та. — Ты продолжишь усердно заниматься и закончишь начатое обучение. Возможно, в скором времени нам понадобится каждый адепт Запретного чертога, а у сестер Гексенхаммера дел будет и вовсе невпроворот. Они — единственные, кого по-настоящему боятся черные колдуны, а посему и ненавидят их всем своим существом. Ты что предпочитаешь, бесславно сгинуть, пытаясь вытащить своего Бэйла неизвестно откуда, либо же принести пользу хорошо подготовленным специалистом? Учитывая сколько времени прошло с момента пленения Бэйла, он либо уже мертв, либо сбежал сам, либо для него мало что изменится. Таких как он могут держать годами, надеясь выбить новые признания, либо же использовать в качестве приманки. В любом случае, если он все еще жив, его шансы на то чтобы и дальше оставаться живым весьма высоки.
Увещевая Сирелину, Арадора все же умолчала, что допрашивать заключенных тоже можно по-разному, чтобы лишний раз не бередить впечатлительную фантазию светловолосой чародейки. Она действительно искренне ей сочувствовала, из-за чего и посвятила в должностную тайну, но отнюдь не желала чтобы подопечная в очередной раз пустилась во все тяжкие. Для этого у нее еще будет время, если ситуация станет складываться неблагоприятным образом.

Сирелину пришлось уговаривать долго. Лишь когда Арадора разрешила ей задействовать наземный канал для связи с Илианой и клятвенно пообещала передать агентам в Солтенстиле запрос на сбор сведений о судьбе Бэйла, она несколько успокоилась. Громким словом "агент", кстати, именовалось условное лицо, поддерживавшее сотрудничество с чародейками в той или иной форме. Это были самые разные люди: прямые исполнители воли чародеек, их коллеги или единомышленники, лица, чьи интересы совпадали с их интересами, или граждане по той или иной причине склонные к сотрудничеству. Сирелина давно это знала, как знала и то, что среди агентов имелись как простые информаторы, так и очень

серьезные специалисты самого разного профиля. Ад-Сейдин, возможно, тоже. Если он стал считать, что чародейки остались единственными, кто в состоянии помешать его планам, то он проявил куда большую дальновидность, нежели их собственный Совет, не воспринявший его вовремя как растущую угрозу. Помимо всего прочего Сирелина тревожно обдумывала и это, вернувшись от Арадоры и бессонно ворочаясь в своей постели. Наставница, насилу сломив сопротивление подопечной, взмолилась дать ей поспать хоть пару часиков, поскольку спозаранку ей снова необходимо присутствовать в Совете. Арадора не была до конца уверена удалось ли ей убедить настырную и своенравную Сирелину не делать глупостей, но она старалась как могла, и надеялась на искру благоразумия отнюдь не глупой молодой женщины.

Сирелина не сомкнула глаз до утра. Терзаясь мыслями о Бэйле, из-за чего то и дело страдала подушка, она невольно возвращалась к размышлениям о замыслах хана. Тот не мог не понимать, что чародейки все-таки хранят нейтралитет. Что же толкнуло его на столь агрессивный шаг, способный заставить их передумать? Ответ, как ни крути, напрашивался только один: он решил нанести удар первым. А это, в свою очередь, могло случиться только по еще более очевидной причине: в планах ад-Сейдина содержалось нечто такое, что все равно вынудило бы чародеек выступить против него. И с его точки зрения куда лучше, если это произойдет когда их влияние окажется подорвано, а человеческие ресурсы истощены.

Примерно в то же время когда Илиана пробиралась с парочкой своих новых знакомцев по сточным тоннелям Солтенстила к дому гладиатора, Сирелину неожиданно вызвали в зал Совета прямо из Запретного чертога. За прошедшие с того разговора у Арадоры дни чародейка отводила душу в делах еще неистовее, чем когда-либо прежде. Ее иммунитет прямо-таки огнем горел при взаимодействии с темным колдовством, и Немезия допустила ее к занятиям с самыми опасными вещами, способными навредить какому-нибудь новичку сильнейшим образом. Сирелина доводила себя до изнеможения, выкладываясь на полную катушку с утра до ночи, дабы постараться отвлечься от гнетущих мыслей. Она и раньше прибегала к такому действенному методу, но теперь работала едва ли не на износ. Извещение от Совета застало ее за очередным занятием с одной из заместительниц Немезии. Ввиду столь уважительной причины как поступивший вызов практическое задание прервали, а Сирелину немедленно отпустили. Не теряя ни секунды, чародейка быстро проследовала в центральный корпус, где с незапамятных времен собирались Старшие чародей-

ки. Она прекрасно понимала, что в свете последних событий ее просто так приглашать не будут, и взволнованно гадала чем вызвано такое особое внимание. Поначалу Сирелина даже испугалась еще каких-нибудь дурных вестей, но пришла к выводу, что в таком случае Арадора постаралась бы сообщить ей лично. В Совет же всегда приглашают по какому-то делу, и чем серьезнее обстановка, тем серьезнее это дело.

Когда Сирелина вошла, в зале никого не было кроме занимавших свои места старших сестер. Они сидели в высоких резных креслах черного дерева, располагавшихся подковой у колонн вдоль внутреннего периметра, где по центру традиционно председательствовала Настоятельница. В мраморный пол, на удалении пары ярдов от кресел, был вделан большой зеркальный овал, обрамленный сложной вязью из рун и надписей. Сейчас его заполняла рельефная карта, и несведущий взгляд ни за что бы не догадался что перед ним лишь искусно наведенная иллюзия. Этот овал, само собой, не был простым элементом декора, а являлся сложнейшим колдовским инструментом, управлять которым оказывалось по силам лишь самым могущественным чародейкам. Называлось сие творение Зеркало мира. Сирелина приблизилась к Совету, встав в самом конце "подковы", и произнесла церемонное приветствие. Она окинула взглядом умолкнувших при ее появлении старших сестер, по выражению их лиц пытаясь определить для чего ее все-таки позвали. Часть кресел пустовала, но отнюдь не потому, что их законные владелицы находились в отъезде. Их попросту не существовало. Количество мест в зале Совета безмолвно свидетельствовало об оставшихся в прошлом великих временах, когда чародеек было гораздо, гораздо больше. Сейчас же их насчитывалось немногим более дюжины. Сирелина бросила пытливый взор на Арадору, но вид наставницы помог ей ничуть не больше чем речь немого.

— Присаживайся, Сирелина, — пригласила Настоятельница, и к явившейся на зов чародейке проворно подъехало гостевое кресло.

Поблагодарив за любезность, та опустилась на предложенное сиденье и немедленно осведомилась зачем она здесь.

— Тебе пришло послание, — сообщила Изабелла, посмотрев на находившуюся в противоположном конце "подковы" чародейку с каким-то загадочным выражением.

Несмотря на некоторое расстояние между собой, собравшиеся отлично слышали друг друга. Их голоса автоматически усиливались чарами, в равной степени раздаваясь на одинаковой громкости для всех собеседников.

— Послание? От кого? — немало удивилась Сирелина. — И для

этого меня позвали на заседание Совета?
— Ну это уж смотря какое послание, — заметила Настоятельница.
Она сделала легкий жест запястьем и что-то прошептала. Откуда-то из-за ее кресла вдруг выпорхнула крупная рогатая сова с пышным рыжеватым оперением, уселась на подлокотник и посмотрела на нее большими круглыми глазами.
— Это Сирелина, — сказала сове Изабелла, откровенно наблюдая за ее реакцией.
Птица повернула голову в указанном пальцем направлении, узрела светловолосую чародейку и, радостно ухнув, метнулась прямо к ней.
— Сова знает мое имя?! — оторопела Сирелина, вытаращившись на пернатую живность, едва не плюхнувшуюся ей на колени.
— Она даже знает как оно пишется, — усмехнулась Изабелла.
Настоятельница пояснила. Прибывшего курьера сначала обнаружила одна из служительниц почты, но птица, хотя и настойчиво привлекала к себе внимание, никому не давалась в руки. Когда ее хотели усмирить, она и вовсе вырвалась и упорхнула в окно, но как выяснилось, отнюдь не улетела. Она спустилась в сад, где умудрилась начертить лапой на песке "Сирелина", после чего уселась рядышком и стала громко гугукать. Там на нее и наткнулись чародейки, привлеченные необычными звуками.
— Я знаю чья это сова! — взволнованно воскликнула Сирелина, ощупывая ее лапы.
На одной из них обнаружилось плотно свернутое послание. В руках чародейки немедленно оказалось несколько листков, мелко исписанных хорошо знакомым красивым почерком.
— Это от Илианы, моей воспитанницы! — сообщила Сирелина, получив несомненное доказательство своей догадки.
Старшие чародейки заметно встрепенулись, но промолчали. Изабелла, стараясь сохранять невозмутимость, предложила:
— Прошу тебя прочесть письмо здесь и сейчас. Затем зачитать Совету. Полагаю, учитывая обстоятельства, там наверняка содержится нечто такое, что ему следует знать.
Сирелина уже жадно впитывала драгоценные строки, доверенные девушкой пернатой посланнице. Чем больше она вникала в их суть, тем больше мрачнела и изумлялась одновременно. Мрачнела из-за изложенных в сообщении удручающих событий, но изумлялась становившимся просто невероятными способностям Илианы. Закончив чтение, Сирелина некоторое время сидела неподвижно, собираясь с мыслями. Ее никто не торопил.
— Сейчас я ознакомлю вас с содержанием этого письма, — наконец сказала она, оглядев членов Совета. — Прошу вас выслушать

его до конца, несмотря на то, что многое в нем покажется совершенно невероятным. Вопросы вы сможете задать позже.
Старшие сестры легонько кивнули, проявив полное единодушие. Сирелина, пошелестев листками, зачитала содержавшийся на них текст, опустив лишь личные подробности между собой и воспитанницей. Когда она закончила, в Совете повисло тяжелое молчание. Старшие чародейки невольно переглядывались, как бы спрашивая друг у друга верно ли все то, что они услышали? Изложенные в письме сведения самым непосредственным образом перекликались с уже поступившими в обитель донесениями. Вместе с тем они были заметно шире и содержали много чего нового, вот только их основной источник оказывался из ряда вон!
— Прошу прощения, но, если я правильно поняла, твоя воспитанница основывается на наблюдениях полученных... СОВОЙ?! — подняла брови Димиура, блондинка средних лет, помладше Арадоры, но намного старше Сирелины.
В ведении этой сестры как раз и находилась вся почтовая служба, и она решила первой высказаться по хорошо знакомой ей теме. Впрочем, ее мнение очевидным образом разделяли и остальные члены Совета, за исключением, разве что, Арадоры. Та, поглядывая на Сирелину, как-то загадочно улыбалась, подозревая, что в рукаве у подопечной спрятан не просто козырь, а козырной туз. Причем не один.
— Вижу, что тайна изготовления Липкого огня, теперь уже окончательно попавшая в руки колдунов ад-Сейдина, показалась не столь поразительной в сравнении с этим обстоятельством, — усмехнулась Сирелина. — Что ж, я вполне могу вас понять. Уверяю, полученные от Илианы сведения достоверны. Лучшим доказательством является сама сова, преспокойно сидящая сейчас перед вами. Как, по-вашему, она разыскала обитель, находящуюся от Солтенстила за две с лишним тысячи миль, где никогда прежде не бывала? Почему она искала именно меня, да еще самостоятельно написала мое имя?
— За этим мы тебя и позвали. В надежде что ты прояснишь детали столь необычного случая, — подала голос Изабелла.
— Это письмо — какая-то провокация! Мне хорошо известны способности почтовых птиц. Абсолютно невозможно отправить их наобум за тысячи миль, да еще на раз-два научить писать имя адресата, — заявила Димиура.
— Только не для Илианы, — спокойным, но выразительным голосом отозвалась Сирелина.
— Поясни, — сказала Настоятельница, подняв руку и остановив раздавшиеся возгласы.

В глазах Сирелины блеснули озорные искорки. То, что она сейчас сообщит Совету, будет сродни грому среди ясного неба. Видимо, пришло время раскрыть эту удивительную тайну.
— Илиана владеет совершенным даром общения с живыми существами. Она может говорить с ними так же, как мы сейчас беседуем друг с другом, понимать их даже лучше, чем это возможно между нами, — сказала Сирелина невозмутимым голосом, как бы просто констатируя истину. — До этого момента я сама не знала что ее дар развился до такой степени. Теперь ей под силу не только расспросить сову обо всем, что та видела, причем видела и запоминала по ее просьбе, а даже объяснить к кому и куда надо слетать, хотя незнакомое место назначения находится за тридевять земель, а адресата сова в лучшем случае видела мельком.
Словно в подтверждение ее слов сидящая на подлокотнике гостевого кресла пернатая красавица негромко ухнула. Впрочем, скорее всего она просто выражала удовлетворение ласковым поглаживаниям, которыми одаривала ее чародейка.
— Но это невозможно! — ошеломленно воскликнула Димиура. — Никто не в состоянии настолько хорошо понимать птиц!
— Вы меня не поняли, — вкрадчиво улыбнулась Сирелина. — Не только птиц. ВСЕХ живых существ. Всех без исключения!
Старшие сестры утратили дар речи. Все взоры устремились на приглашенную чародейку, и в них сейчас сквозило одно и то же схожее выражение: шутит она или действительно говорит всерьез?!
— Прежде я предлагала некоторым членам Совета забрать эту девочку в обитель, — не удержавшись, мстительно напомнила Сирелина. — Тогда мне сообщили что в этом не усматривается острой необходимости. Полагаю, теперь это мнение будет пересмотрено.
— Подобный талант — астрономическая редкость! — веско заявила Изабелла. — Нечто подобное упоминалось в литературе, но восходило к столь далеким временам, а имеющиеся свидетельства были настолько неполны и обрывочны, что до сих пор такое уникальное качество принято считать возможным лишь теоретически. Если это правда, если твоя воспитанница владеет означенным даром, то я первая признаю свою ошибку и окажу ей любую помощь. Но ты должна меня убедить.
Перешедшие на Настоятельницу взгляды старших сестер вновь обратились на Сирелину. Согласно кивнув, та заговорила.

Говорила она долго, начав с далекого Нирелина и гордого кота по имени Дирх, гуртов овец и верблюдов. Затем перечислила собственные наблюдения и реплики, проскальзывавшие в разговорах с Илианой, лишь со временем раскрывшие свой подлинный

смысл. Существование Абериджа хитрая чародейка опустила, но ее обитатель по имени Бус остался в повествовании, и кот работающий гидом по развалинам Совет натурально впечатлил. Закончилось все признанием Илианы своей наставнице и рядом последовавших опытов с различными животными, после чего Сирелина окончательно уверилась что подросшая девочка говорит чистейшую правду. В части письма, которую чародейка намеренно не зачитала Совету сразу, предвидя излишне поспешные вопросы, содержались прямолинейные выкладки воспитанницы касательно ее общения с совой. Илиана включила их между делом, как комментарии для Сирелины, а не чтобы убедить чародейку в своих возможностях — та о них и без того уже знала. Помимо прочего, Илиана сообщала о предпринятых усилиях по координации совы, надеясь, что предложивший добровольную помощь пернатый курьер сумеет разыскать обитель и встретится с Сирелиной. Для этого она и научила птицу писать ее имя, чтобы иметь дополнительную возможность дать понять к кому она следует. То, что сова сама предложила отправиться на поиски обители, упоминалось отдельно, совершенно ясно и без всякой задней мысли. Илиана, судя по всему, стыдилась, что подвергла ее такому серьезному испытанию.

— Похоже, моя воспитанница слегка перестаралась, внушая птице мысль найти именно меня. В результате та приняла все за чистую монету и никому не давалась в руки, пока не встретила требуемого адресата, — подытожила Сирелина в установившейся гробовой тишине. — Кстати, ее зовут Шуя. Это не кличка данная людьми, это ее подлинное имя, названное Илиане самой совой.

— Шуя, — не то позвала, не то просто эхом повторила смятенная Димиура.

Сова повернула голову и вопросительно уставилась на блондинку круглыми желтыми глазами.

— А она способна доставить сообщение назад? — не сдержавшись, осведомилась заведующая почтовой службой.

— Да, — кивнула Сирелина. — Моя воспитанница предвидела возможные затруднения с нашей стороны, поэтому заранее объяснила сове кодовый сигнал и упомянула его в письме. Когда ей трижды повторят в глаза имя Илианы, она немедленно отправится обратно в Солтенстил. Это не обязательно должна сделать именно я.

— Силы небесные… — пробормотала Димиура. — Если это правда, мне даже не представить насколько эта девочка может усовершенствовать всю нашу почту, особенно сейчас! Иметь возможность инструктировать любого посланца, направлять его к кому угодно и куда угодно — об этом не приходилось даже мечтать!

— В достоверности сказанного мной Совет может быть полностью уверен, — заявила Сирелина. — Я лично была свидетелем не вызывающей сомнения демонстрации уникальных способностей Илианы и верю ей как себе. Надеюсь, мое слово для Совета не пустой звук. Сова, между прочим, тоже его дает. По-своему, разумеется, в виде ее присутствия здесь и сейчас. Кстати, есть и еще весьма интригующий нюанс, — добавила она, немного поколебавшись. — Илиана беспрепятственно использует по назначению вещи, которые может задействовать только обладающий чародейским даром. При этом я так и не смогла обнаружить в ней даже малейшего его присутствия, хотя приложила все усилия. Признаюсь, данную загадку я до сих пор так и не разрешила. Подозреваю, что эти две ее особенности могут быть как-то связаны.
— В таком случае, лучшим доказательством столь феноменальных способностей будет личное присутствие самой Илианы, — отметила Настоятельница. — Развивая мысль уважаемой Димиуры, пока даже трудно представить какие возможности имеет обладатель подобного таланта вообще, а не только касательно почтовой службы. И что может произойти, если эти возможности попадут не в те руки. Сирелина, кому еще кроме тебя известно о тайне твоей воспитанницы?
— Таларе, — отозвалась ставшая звездой часа чародейка. — В меньшей степени, чем мне, но известно. Ну, касательно взаимоотношений с животным миром.
— Это кто? — вздохнув, уточнила Изабелла.
Сирелина запнулась, выразительно посмотрев на собственную наставницу. Та поняла ее взгляд и пришла на помощь, смягчив потрясение номер два.
— Талара — это младшая дочь Гийюра ад-Сейдина, принцесса крови. Они с Илианой лучшие подруги, — сообщила Арадора.
— Да вы обе вообще в своем уме?! — изумилась Изабелла, теряя присущий ей спокойно-рассудительный вид под поднявшийся гул голосов Совета. — Вы знали об этом и молчали, пока столь уникальный ребенок находился прямо в логове нашего потенциального противника, где заправляет эта змея Дегонис?!
— О даре Илианы я не знала. Только о том, что девочки дружат. Не вижу ничего предосудительного в такой дружбе, из которой в будущем, возможно, удастся извлечь немалую пользу, — спокойно сказала Арадора. — Осмелюсь напомнить, что про существование Илианы и особенности ее пребывания в Солтенстиле была осведомлена не я одна. Уважаемая Настоятельница просто могла что-то запамятовать ввиду значительного количества неотложных дел. Сирелина неоднократно порывалась вывезти воспитанницу в оби-

тель даже без нашего разрешения, в котором ей, между прочим, постоянно отказывали, но не сумела этого сделать из-за статуса заложника девочки. Вопрос Липкого огня с повестки дня до сих пор никто не снимал, тем более что сегодня он появился в ней в новом свете. Илиана никогда бы добровольно не покинула дворец, боясь навлечь беду на близких ей людей, и никогда не простила бы своих похитителей, увези мы ее силой.
Изабелла, сообразив куда клонит Арадора, прикусила язык. Она же угомонила и остальных членов Совета, явно не пришедших в бурный восторг от прозвучавшего известия.
— Кстати об этом, — подумав, сказала Настоятельница. — Теперь, как я понимаю, девочка свободна от статуса заложника, коли ан-Бакир через нее сообщает, что Дегонису стал известен секрет изготовления адской смеси, вкупе с остальными немаловажными подробностями. Полагаю, следует принять меры для ее скорейшего прибытия в обитель.
— Раньше что-то никто особенно не торопился принять участие в ее судьбе, — сердито проворчала Сирелина. — Конечно, раз Илиана стала таким ценным призом, сейчас все кому не лень пожелают ее заполучить. Напоминаю, что это моя воспитанница, и я никому ее не отдам!
— Сирелина, ты как всегда в своем репертуаре! — неодобрительно подала голос Немезия. — Вопрос слишком серьезный чтобы заниматься им единолично.
— На твою роль наставницы никто и не претендует, — мягко сказала Арадора, бросив многозначительный взгляд на Изабеллу.
— Да, на сей счет можешь быть спокойна, — подтвердила та, сделав знак заведующей Запретным чертогом. — Воспитание Илианы останется в твоем ведении, но ввиду всех новых обстоятельств ты должна способствовать ее прибытию сюда. Связь с Железными землями полностью утрачена. Оставлять ее там теперь — невероятный риск, на который Совет не имеет права пойти. Поправьте меня, если я ошибаюсь.
Старшие сестры выразили полное согласие.
— Я бы много чего могла сделать, кабы неотлучно находилась при ней, а не торчала тут по вашей милости годами! — напомнила Сирелина. — Я бы постаралась помочь Бэйлу и уже увезла Илиану!
Сердившаяся чародейка ничуть не выдала своей осведомленностью Арадору, ибо в письме воспитанница поднимала обстоятельства ареста гладиатора вместе с детально изложенной ролью Имперской стражи. Последнее, стоило заметить, явилось для Совета очень ценным свидетельством, как и вообще немалая часть того, что содержалось в столь невероятно доставленном послании.

— Ах да, Бэйл… Тот агент, которому и я поручала кое-какие задания оказался нашим старым добрым Бэйлом, якобы ушедшим в бессрочный отпуск. Мило, — усмехнулась Изабелла. — Сирелина даром времени не теряла.
— Между прочим, он сейчас в лапах Имперской стражи! Не повод для веселья! — возмутилась та. — Кстати, надеюсь, теперь уже нет сомнений в том, что за агрессией стоит именно эта созданная ад-Сейдином структура, недвусмысленно усиленная колдунами?
— Сожалею, если мои слова показались тебе бестактными. Я не хотела тебя задеть, — поправилась Настоятельница, пропуская вторую часть сказанного.
— Я бы прямо сейчас отправилась за Бэйлом и Илианой, но вам прекрасно известно что меня удерживает, — несколько смягчилась Сирелина. — Жду не дождусь конца осени, когда мой курс Имьюнитас подойдет к концу. Заранее предупреждаю: я не уверена что Илиана захочет поехать с кем-то еще. Она находится в сложных обстоятельствах, и если кому ее и удастся уговорить, то только мне.
— Ты можешь ей написать, и сестры передадут твое письмо, доказав что действуют от твоего имени, — пожала плечами Немезия.
— Сколько времени требуется Сирелине для завершения текущего курса? — осведомилась Настоятельница, повернув голову к заведующей Запретным чертогом.
Та немного растерялась, замявшись под неожиданно поставленным ребром вопросом.
— Тебе же хорошо это известно, — наконец ответила она, встретившись взглядом с Изабеллой.
— Именно поэтому я сейчас и спрашиваю во всеуслышание, — твердо пояснила та, блеснув глазами.
— Фактически, он уже закончен, — нехотя сообщила Немезия. — Для нормального сворачивания проводимого комплекса процедур и занятий понадобится около трех недель. От силы месяц.
— А вы говорили, что мне тут минимум до середины осени торчать! — ахнула Сирелина. — Опять обманули?!
— Все индивидуально. Если бы мы сказали иное, тебя бы уже давно и след простыл! — нахмурилась Немезия. — А к наукам Запретного чертога и тому что он дает нельзя относиться легкомысленно! Твой курс был закончен когда ты первый раз покинула обитель в сопровождении полевого куратора. Неужели ты всерьез считала, что я выпущу за пределы наших стен нуждающегося в постоянном воздействии адепта, доверив его судьбу воле случая? Развитие твоего иммунитета протекало настолько бурно, что я не сочла возможным прерывать этот процесс. Благодаря моей дальновидности

он у тебя сейчас намного сильнее, чем мог бы быть. Не в последнюю очередь из-за этого обстоятельства я намеревалась подать заявку на зачисление тебя стажером в Гексенхаммер.
Сирелина аж задохнулась от возмущения и Арадора была вынуждена вмешаться, пока ее подопечная не наломала дров под приливом хлестнувших через край эмоций.
— Тогда я выношу на голосование Совета следующее предложение, — заявила Изабелла, когда страсти немного улеглись. — Ровно через месяц Сирелина отправится в Солтенстил с заданием во что бы то ни стало доставить сюда свою воспитанницу Илиану. Ее соответствующее сопровождение в целях безопасности всего мероприятия мы обсудим позже. Сирелине рекомендуется послать сообщение Илиане с наказом сидеть тише воды вплоть до ее скорого прибытия. Подходящий способ для этого у нее есть.
Совет проголосовал практически единогласно за исключением одной лишь воздержавшейся Немезии.

– 7 –

Чародейки, разумеется, еще не знали что Илианы во дворце нет. Девушка уже несколько дней скрывалась в старой насосной станции, быстро подружившись с ее немногочисленными обитателями. Поначалу она подумывала потихоньку ускользнуть рано утром, когда все еще спали, и отнюдь не потому, что ей не понравилась маленькая компания или ее дурно приняли. Илиана боялась неизвестности. Вполне вероятно, что городская стража уже получила листовки с ее приметами и беглянку объявили в розыск за колдовство и убийство. С такими обвинениями ютившиеся под землей ребята вряд ли будут рады ее видеть, учитывая что она скрыла от них истинную причину побега. Кому охота находиться вблизи от ведьмы и убийцы, от которой невесть чего можно ожидать? За ее голову наверняка объявят хорошую награду, и Илиана станет одной из самых преследуемых преступниц Солтенстила. Даже если ребята не выдадут ее страже, то уж точно прогонят прочь, провожая настороженными и презрительными взглядами. Лучше уж уйти самой.

Девушка банально проспала. Организм брал свое из-за пережитых накануне потрясений. Ее разбудила Дэя, сообщив что завтрак готов. Илиана давненько не употребляла столь скромную и грубоватую пищу, но отказаться означало бы обидеть гостеприимных хозяев. Наскоро ополоснувшись в умывальнике, она присоединилась к остальным.

За завтраком Дэя выразила мысль, что Илиане нельзя оста-

ваться в таком виде. Ее красивое синее платье привлечет к ней слишком много внимания, облегчая работу потенциальным преследователям. Девушке незамедлительно следовало переодеться. С этим Илиана полностью согласилась, решив, что покинуть маленькую ватагу она сможет и позже, а сейчас ей стоит обзавестись подходящими вещами. Дэя вытащила из подобия сундука какую-то ветошь. Для постоянного ношения она не очень-то годилась, но как временное средство маскировки, чтобы добраться до нужной лавки — вполне. Дэя и Галана наперебой предлагали составить девушке компанию, и та нашла целесообразным воспользоваться их услугами. В конце концов, они знали прилегающий район как свои пять пальцев, а стража вряд ли обратит внимание на троих девчонок в невыразительных обносках, когда разыскивает одну хорошо одетую придворную. Скич, помахав им рукой, отправился промышлять. Как оказалось, этот молчун таскал с лотков продукты, добывая таким не слишком-то порядочным образом провизию в общий котел. Ангур решил принести побольше воды в потемневшую от времени бочку, а заодно и раздобыть дров. От иссиня-черного синяка на его колене не осталось и следа, и впечатленный знахарским искусством Илианы парень развел кипучую деятельность. В самом деле, не девчонкам же тяжести таскать? Тиша, закрыв за остальными дверь, традиционно занялась хозяйскими делами: уборкой, мытьем посуды и прочими хлопотами. В убежище всегда кто-то должен был оставаться, дабы присматривать за нехитрыми пожитками и не допустить проникновения посторонних. Закрытая изнутри грубая, но крепкая дверь являлась достаточно серьезным препятствием, а Тиша в случае необходимости могла немного пошуметь и дать понять незваному гостю что в помещении кто-то есть. В сточных тоннелях огромного города обитала не только эта горстка ребят, а и множество всякого сброда, от которого лучше держаться подальше. Подобная предосторожность была не только не лишней, но и необходимой.

В подходящих лавках Илиана накупила столько всякого добра, что она и ее спутницы насилу утащили все обратно. Девушка не только переоделась сама, нарядившись в простые, но практичные рубашку и шаровары с накинутым поверх широким дорожным плащом с капюшоном. Памятуя о довольно плачевном виде своих новых знакомцев, она набрала вещей и для них. Дэя и Галана поначалу отказывались, но потом сдались, не в силах противостоять искушению. Даже на не так уж уныло одетой Дэе перемена сказалась весьма заметно, а на избавившихся от тряпья Тишу и Галану и смотреть стало приятно. Тиша простодушно радовалась обновкам, в которых чувствовала себя гораздо удобнее и уверен-

нее. Галана, отмытая и расчесанная не без помощи Илианы, с удовольствием вертелась перед новым настольным зеркалом. Дэя, облачившись в хорошо сшитый и отлично сидевший на ней кожаный комплект заправской путешественницы, заявила, что она будет не она, если под это дело что-нибудь не стырит. Илиана не успела ее остановить, и юная разбойница резво упорхнула.

Когда она вернулась, обстановка в убежище несколько преобразилась. На столе красовалась чистенькая скатерть, на кроватях лежали новые одеяла, а со стенки уверенно тикали большие часы — дорогое, но необходимое с точки зрения Илианы приобретение. Пол устилало несколько симпатичных ковриков, а у очага Тиша хлопотала над приобретенными стопками посуды. Илиана на пару с Галаной ходили по лавкам еще несколько раз и накупили уйму всякой всячины. Похоже, что для девчушки с косичками такой внушительный поход по магазинам состоялся впервые в жизни, и она открыто наслаждалась новым ощущением. За свою платежеспособность Илиана не волновалась. Все покупки в сумме обошлись ей менее одной золотой монеты, а таковых у нее хватало вместе с драгоценными камнями в мешочке из потайного ларца. Кошелек же наполнился серебром, и самой дорогой покупкой за него стала пара приличных мечей плюс неплохой кожаный панцирь для Ангура. Бэйл научил Илиану разбираться в оружии, и в лавке кузнеца она сумела сделать правильный выбор за вполне умеренную плату. Торговец подивился познаниям девчонки и лично от себя добавил в качестве бесплатной нагрузки небольшой кинжал.

— А зачем два? — осведомился Ангур, не скрывая своей радости при виде ценного и очень полезного подарка.

— Второй для меня, — пояснила Илиана.

Она, конечно, не Талара, но в ее нынешнем положении не помешает иметь надежное средство самообороны.

— Хочешь сказать, что ты умеешь с ним обращаться? — насмешливо произнес темноволосый парень. — Брось, это не для девчонок! Знахарство — это да, тут тебе и карты в руки, но оружие предоставь мужчинам.

— Бери меч, мужчина, — в тон ему ответила Илиана. — Бери и нападай. Посмотрим, что у тебя выйдет.

Ангур начал было отнекиваться, но она сумела его раззадорить, уязвив самолюбие, и он решил преподать самоуверенной барышне небольшой урок. Вышло у него так себе. Чего бы он там себе ни задумывал, Илиана пресекла это на корню, выбив клинок из руки Ангура быстрее, чем тот сообразил что происходит. Затем проделала это снова, когда позволила парню вооружиться повторно, а

на третий раз легко отвела его выпад в сторону и приставила лезвие к горлу. Уроки гладиатора не прошли даром.
— Откуда ты вообще свалилась? — беззлобно поинтересовался Ангур, признав себя полностью побежденным. — Настоящая сенсация для нашего бедного дома. Признаться, теперь я по уши рад что Галана и Скич привели тебя сюда, а не бросили где-нибудь в тоннелях. В жизни не припомню чтобы кто-нибудь проявлял о нас такую бескорыстную и щедрую заботу. Кстати, научишь меня паре приемчиков? Лопни мои глаза, если ты не обращаешься с мечом не хуже заправского воина!
Убрав оружие в ножны, Илиана, улыбнувшись, пообещала что-нибудь придумать.

Вылазки за товарами сообщили девушке немаловажную информацию: ее никто не искал. Углы домов и улиц не были расклеены объявлениями "разыскивается ведьма" с ее портретами крупным планом, а стражники совершенно равнодушно проходили мимо, дежурно поглядывая по сторонам, но без какого-либо гончего сыска. Возможно, о ее преступлениях все-таки известили кого следует, однако внешне все выглядело спокойно и никакой нездоровой суеты не наблюдалось. Илиана поначалу удивилась, а затем подумала, что несколько переоценила свою собственную значимость. Эта мысль, поселившись в ней на первый день, окончательно укрепилась на третий. С насосной станции она так никуда и не ушла, не найдя подходящего предлога, и по-прежнему оставалась с ребятами, поглощенная заботами об улучшении условий их жизни. Раздобыв букварь и несколько книжек, она начала учить грамоте самых младших. Впрочем, познания старших тоже оставляли желать лучшего. Дэя и Ангур едва складывали заглавные буквы чтобы прочесть самые простые вывески, да и то им это не всегда удавалось. Благодаря походам в лавку, в убежище появились запасы провианта и множества насущных вещей, вследствие чего у маленькой компании неожиданно образовалось свободное время, прежде посвященное обеспечению выживания. Недостатка в учениках у Илианы не оказалось.

На четвертую ночь девушке не спалось. Бесхитростные рассуждения Галаны о том, чем она займется когда научится читать и писать заставили ее призадуматься о собственной судьбе. Девчушка, похоже, уже воспринимала присутствие Илианы как нечто само собой разумеющееся. Сама же Илиана все еще не отдавала себе отчета что она здесь, собственно говоря, делает. Ее доброе и отзывчивое сердце, вне всякого сомнения, не осталось безучастным к нуждам выброшенных на обочину жизни юных оборванцев, но основная причина, пожалуй, крылась не в этом. Илиана попро-

сту не знала что ей делать дальше. Временное убежище она обрела, у нее имелись одеяло, крыша над головой и еда в тарелке. Она не была одинока и не предоставлена самой себе. Возможно, именно это не в последнюю очередь не давало ей потихоньку ускользнуть из старой насосной станции, чтобы не оставаться со своими проблемами наедине со всем миром. Вместе с тем стоило хорошенько поразмыслить о сложившейся ситуации, чтобы принять для себя какое-то решение. Дворец для Илианы был потерян и в этом она даже не сомневалась. Самым логичным теперь, спустя несколько дней, когда отошедшая от сильнейшего стресса голова вновь работала ясно и четко, выглядела идея отправиться на поиски обители чародеек. Илиану останавливало два обстоятельства. Первое: она ужасно боялась что чародейки отнесутся к ней не самым лучшим образом. Ведьм они не жаловали, и девушке это было прекрасно известно. Если она способна убить человека одним лишь движением руки, то не факт что ее будет рада видеть даже Сирелина после того как выяснит, что ошибалась в воспитаннице самым коренным образом. Вторым обстоятельством являлись дорогие ей люди. Илиана не в силах просто взять и бросить их на произвол судьбы, не узнав как отразился ее внезапный побег на тете Далине и дедушке Арбахе и не подав о себе хоть какую-то весточку. Впрочем, возможно и они больше не захотят иметь дела с чудовищем… Но хотя бы сама Илиана должна убедиться что у них все хорошо. Тетя Далина уже шла на поправку и за ее физическое здоровье девушка не волновалась, чего теперь никак нельзя было сказать о здоровье душевном. Каким ударом может стать для доброй женщины известие о том, что она пригрела смертоносную змею!

Илиана едва не застонала от охватившего ее отчаяния, вцепившись зубами в новую подушку. Старые теперь служили отличными сиденьями перед теплым очагом, разложенные на толстом, покрывавшем кирпичный пол ковре. Все выстроенные за последние дни защитные барьеры рухнули, и девушка оказалась один на один с тягостными мыслями, страшась собственной натуры и еще больше того, что подумают о ней близкие люди. Как же ей теперь поступить?.. Удалиться в леса и жить в дремучей чаще, как испокон веков поступали многие ведьмы? Да уж, отличная перспектива, без какого-либо внятного будущего. Уехать в далекие страны и начать самостоятельную новую жизнь? А ну как затаившаяся в ней сущность вновь вырвется на волю, да еще где-нибудь в людном месте! При одной мысли о вилах и факелах, которыми обыватели обычно сопровождали линчевание ведьм, Илиану начинала бить мелкая дрожь. Как заканчивали жизнь эти несчастные, по

большей части отнюдь не виновные в приписываемых им злодеяниях, девушке было прекрасно известно. Фактически Илиана понятия не имела чего ожидать от себя самой, и это изначально вносило в любые попытки дальнейшего планирования элемент абсолютной неопределенности. Пожалуй, идея с дикой лесной чащей не так уж плоха. Она будет не первой, кто последует по такому пути, и вряд ли последней. В ее дебрях Илиана никому не навредит, а уж прожить как-нибудь сумеет. В конце концов, она любит животных и природу, и проведет среди них годы полные тишины и гармонии. Тогда она известит и Сирелину о том, где ее искать, и чародейка всегда сможет навестить ее когда захочет. Если захочет…

Илиана неожиданно подумала, почему при всех своих метаниях и боязни неизвестного, страхам причинить кому-нибудь вред и ужасам разоблачения она совершенно спокойно чувствует себя в компании обосновавшихся в сточных трубах ребят. Ответ пришел быстро: они были такими же отщепенцами как теперь и она сама. Одинокие, никому не нужные и предоставленные сами себе, при этом совершенно не излучающие какую-либо угрозу, способную вновь спровоцировать у Илианы приступ неконтролируемой вспышки неведомой силы. С ними она ощущала себя в безопасности, а забота о своих новых друзьях позволяла ей отвлечься от тяжких мыслей, целиком и полностью посвятив себя доброму делу. Не все ведьмы злые. Даже те из них, кто от природы наделен темным и сеющим несчастья могуществом. Именно такие уходили в леса и горы, прячась от людей, но сами порой помогали им чем могли, от врачевания ран и недугов до защиты от каких-нибудь врагов. Они вынуждены были вести уединенный образ жизни, чтобы кому-нибудь не навредить, но по своей сути отнюдь не являлись средоточием зла. Об этом рассказывала воспитаннице Сирелина, ведь в противном случае сестры Гексенхаммера гонялись бы за всеми ведьмами подряд. Нет, в этом не было острой необходимости и на практике все оказывалось гораздо сложнее, чем могло показаться на первый взгляд.

Повернувшись на бок, Илиана посмотрела на соседнюю кровать, куда перебралась поближе к ней девчушка с косичками. Галана испытывала к новой знакомой самую живейшую симпатию и наверняка ужасно расстроится, если та вдруг покинет убежище столь же неожиданно, как и появилась. Полумрак помещения разгонял лишь прикрученный фитиль стоявшей на столе масляной лампы. В ее тусклом свете было видно как девчушка разметалась по постели и сладко сопела в потолок, приоткрыв рот. Тонкое шерстяное одеяло с веселеньким узором сползло на бок, но в убе-

жище было достаточно тепло чтобы ее это не беспокоило. Впрочем, сырость тоже давала себя знать. Как ни крути, а дом маленькой компании при всех своих плюсах имел и очевидные минусы. Тихонько поднявшись на ноги, Илиана подошла к соседке и поправила ее постель, заботливо накрыв Галану как положено. Девчушка забормотала что-то сквозь сон и повернулась на бок, бессознательно поелозив высунутыми из-под одеяла тонкими смуглыми руками. С ее пальцев неожиданно посыпались маленькие зеленоватые искорки. Илиана вытаращила глаза. Они тут же развеялись, но в царившей полумгле их посверкивание обозначилось более чем отчетливо, чтобы девушка была совершенно уверена что ей не показалось. Ого! Вот это сюрприз! Илиана хорошо знала что это значит. Похожим образом искрила Сирелина, когда была чем-нибудь сильно взволнована или по какой-то причине теряла над собой контроль. Столь необычный и красивый эффект отнюдь не являлся ее исключительной чертой. В той или иной степени он был характерен для всех носительниц колдовского дара. Так порой проявлялась их удивительная сущность при неосознанном или эмоциональном соприкосновении с сокрытым от простых смертных слоем ткани мироздания. Послушниц сызмальства учили держать свои чувства и таланты в узде, но неугомонную Сирелину мелькавшие временами искорки характеризовали самым наглядным образом. Затаив дыхание, Илиана всмотрелась в лицо безмятежно спящей девочки. Затем, не издав ни звука, вернулась на свою кровать и уже не поднималась с нее до утра.

Пока на следующий день девушка соображала как бы поаккуратнее разузнать известна ли остальным особенность Галаны, объявилась их предводительница Фариза. Сделав по инерции несколько шагов, она остановилась и стала обводить преобразившееся убежище удивленным взглядом, быстро наткнувшимся на новенькую. Илиана сидела за столом вместе с тремя младшими членами общины, и они все вместе усердно изучали грамоту. Двое старших упражнялись в метании подаренного Дэе кинжала, и юная разбойница неплохо в этом преуспевала.

— Ну, здравствуй, — низким голосом сказала Фариза, подходя к столу и кладя на табурет большой узелок, набитый чем-то тяжелым и угловатым. — Я так понимаю, все новое что я вижу вокруг — твоих рук дело, если только никто из моих ребят вдруг не получил наследство или Дэя не обнесла какого-то богатея. Кто ты и как тебя зовут?

Из рассказов маленькой компании Илиана уже хорошо представляла себе эту особу и теперь находила что ожидание довольно близко совпадает с действительностью. Короткие, до плеч, темные

волосы обрамляли простое, но довольно привлекательное лицо с густыми бровями. Несколько крупное телосложение в целом вполне соответствовало ее среднему росту, а смуглая кожа выдавала типичную южанку. Нижняя челюсть была излишне широковата, но она ничуть не портила общего впечатления, а полные губы вполне подходили к округлым щекам. В свои двадцать лет Фариза казалась вполне взрослой женщиной. Жизненные невзгоды и забота о младших взрастили ее раньше времени, и вокруг добрых, но настороженных карих глаз уже залегли неглубокие морщинки. В убежище Фариза была старшей не только по возрасту, но и по статусу. По мере возможности она занималась воспитанием младших и приглядывала за старшими, обеспечивала подопечным основной источник дохода и несла за их жизни всю полноту ответственности.

Илиана вежливо представилась. Дальше она сказать ничего не успела, потому что инициативу у нее живо перехватила бойкая Галана и принялась выкладывать обстоятельства появления новой знакомой. Подошедшие Ангур и Дэя тоже не отказывали себе в удовольствии ввернуть пару-тройку фраз, и в результате Фариза выслушала практически всех кроме самой Илианы.

— Понятно, — кивнула она, внимательно, но без намека на какое-либо недружелюбие изучая светловолосую девушку. — Похоже, ты уже успела очаровать наших обормотов и обрела у них большую популярность. Тебе-то самой есть что добавить? Полагаю, обо мне они наболтали точно так же, и особой нужды распинаться кто я такая нет.

Илиана быстро восполнила допущенные ребятами пробелы и в некоторых случаях придала их словам менее романтическую окраску, созданную на волне искреннего расположения. Затем подтвердила, что про саму Фаризу ей действительно наговорили немало.

— Надолго ты у нас? — осведомилась старшая девушка. — Только не надо лгать, говори как есть. Нашей маленькой общине не нужны лишние потрясения.

— Если честно, не знаю, — отозвалась Илиана, спокойно выдержав ее пристальный взгляд. — Я еще не решила что мне делать дальше.

— Что ж, в таком случае дай знать когда что-нибудь надумаешь, — сказала Фариза. — Я не собираюсь на тебя давить, и ты всегда вольна поступать как пожелаешь. Просто мы привыкли рассчитывать друг на друга, ибо больше нам полагаться не на кого. Поэтому чем быстрее твои намерения прояснятся, тем будет лучше для всех. А пока — добро пожаловать. Учитывая красноречивые об-

стоятельства, твое присутствие в нашем доме явно не в убыток.
Лица ребят выразили заметное облегчение. Они немного волновались как Фариза примет полюбившуюся им новенькую и теперь испытывали живейшую радость, наперебой начав хвастаться своими обновками.
— Помогите-ка мне лучше разобрать добычу, болтуны, — невольно улыбнулась старшая. — Впрочем, как я погляжу, вы не больно-то в ней нуждаетесь. И чем это у нас так вкусно пахнет?..

Вещи из узелка предназначались на продажу знакомому скупщику краденого. Давал он за них негусто — всего лишь десять процентов от стоимости, и то наверняка занижал оную, пользуясь уязвимым положением клиентов. Торговаться с ним особо не приходилось, а обращаться к кому-либо другому большого смысла не имело: выгода небольшая, зато доверия к сделке куда меньше. Фариза устраивалась в зажиточные дома под видом прислуги, а затем, пользуясь случаем, прихватывала кое-какие вещи и исчезала. Она никогда не брала что-нибудь слишком ценное, чтобы разозленные хозяева не объявляли ее в розыск с фонарями, ограничиваясь добычей попроще. Больше всего в ходу было столовое серебро, светильники, элементы одежды, различные безделушки и мелкие предметы обихода. Их можно было без труда перепродавать, не боясь что вещь опознают и зададут ряд неприятных вопросов. При этом весь улов заранее хорошенько осматривался, чтобы отыскать какие-либо метки и заблаговременно их удалить. Мера отнюдь не лишняя, учитывая довольно обширный опыт Фаризы в делах подобного рода. Некоторые хозяева имели патологическую склонность клеймить принадлежавшее им имущество. С вещей спарывались вышитые имена и инициалы, если таковые имелись. Содержавшие индивидуальный знак вилки, ложки и подсвечники старательно избавлялись от компрометирующего рисунка, либо же отправлялись на лом, если таковое оказывалось затруднительно или невозможно. Фариза частенько пропадала по нескольку дней, затем появлялась, и если не с пустыми руками, то вся компания быстро разбирала добытое барахло, подготавливая его к продаже. Два глаза хорошо, а несколько — лучше. На вырученные деньги община существовала пару недель, а старшая, передохнув, подыскивала себе новое дело, параллельно занимаясь своими подопечными. Как только подворачивался очередной подходящий вариант, все повторялось заново.

На этот раз улов Фаризы считался относительно удачным, и за него можно было выручить несколько монет. Небольшую часть традиционно откладывали на черный день, а остальное пускали на насущные нужды. Подбив итоговую стоимость, Фариза снова упа-

ковала все вещи в узелок, намереваясь спозаранку отнести его куда следует. Заталкивавшая упрямо торчавший небольшой канделябр рука соскользнула и потревожила повязку на указательном пальце. Темноволосая девушка поморщилась, а на платок брызнуло несколько капелек крови.
— Сильно поранилась? — озабоченно спросил Ангур. — Выглядит неважно.
— А, пустяки, — отозвалась Фариза, поправляя набухшую повязку. — Порезалась когда выбиралась через окно. Пройдет.
— Покажи Илиане, она теперь у нас за знахарку, — убежденно предложил парень. — Мое колено за одну ночь вылечила.
— Так уж и за одну ночь? Я помню твой синячище — смотреть страшно было, — подняла бровь старшая.
Ангур задрал штанину и предъявил чистейшую кожу без малейшего намека на какой-либо ушиб.
— И суток не прошло, — заявил он. — Дай ей свою руку, она явно знает что делает. Давай-давай, не упрямься, глупо отказываться от помощи умелого лекаря, тем более что и лекарств у нас теперь хоть отбавляй.
— Ну, если ты не против, — пожала плечами Фариза, обращаясь к Илиане.
Та сделала Ангуру знак принести коробку со снадобьями, а сама осторожно взяла протянутое запястье и разрезала не слишком удачно наложенную повязку. Порез выглядел неважно. Он оказался весьма глубоким, почти до кости, и в него уже попала грязь. Плоть вокруг раны воспалилась и явно беспокоила Фаризу все сильнее, хотя она и виду не подавала, а кровь то и дело брызгала снова из-за неудачного расположения пореза. Сам по себе заживать он мог очень долго, а в случае попадания инфекции был чреват серьезными осложнениями.
— Ай-яй-яй, — покачала головой Илиана. — Ну-ка присядь.
Фариза подчинилась, исподтишка поглядывая за действиями новенькой. Та умело промыла рану каким-то пенящимся средством из большого стеклянного пузырька. Затем помазала подозрительно жгучим составом и присыпала не менее приятными по ощущениям мелкими гранулами. Выдавив в рану какую-то густую мазь, она старательно наложила новую повязку, пропитанную еще одним раствором, и зачем-то подержала палец в ладонях, будто проверяя, хорошо ли держится наложенная конструкция. Вытерпевшая всю несколько болезненную процедуру Фариза сразу почувствовала облегчение. Ноющая боль ушла, постреливание в пальце исчезло, а жжение вокруг пореза сменилось приятной прохладой.
— Постарайся без нужды не шевелить им, — сказала Илиана, за-

кончив свои врачебные манипуляции. — Я использовала специальный состав. Загустев, он склеит края раны и не даст им расходиться, но это не значит что ты можешь немедленно вытворять им что угодно. На заживление нужно время.
— Спасибо, — поблагодарила Фариза. — Не знаю как насчет остального, а врачевать ты, похоже, действительно умеешь. Приятная неожиданность — услуги лекарей нам обычно не по карману.
— Пустяки, — скромно отозвалась Илиана.
В тот день они ни о чем больше не разговаривали. Фариза общалась со своими подопечными, и было видно что при всей своей напускной суровости она за них волновалась и сильно по ним соскучилась.

Беседа возобновилась на следующие сутки ближе к вечеру, и возобновилась самым неожиданным для Илианы образом. Хозяйничающая Фариза разослала всю компанию кого куда, и они с Илианой остались совершенно одни. Темноволосая девушка штопала у очага прохудившиеся вещи, а новенькая старательно наводила порядок, приняв дежурство от отправившейся с Галаной Тиши. Покончив с уборкой, Илиана присела рядышком, поставив на огонь большой начищенный до блеска чайник. Она прикупила несколько банок чая и вся компания теперь с удовольствием хлебала душистый напиток, ибо прежде обычно ограничивалась простым кипятком. Наблюдая как закипает видавшая виды посудина, Илиана поглядывала на орудовавшую иголкой и ниткой Фаризу, непроизвольно ерзая на табурете.
— Да говори уже, — вдруг предложила та, не отрываясь от шитья. — Не делай такой вид — по тебе за милю видать что ты хочешь мне что-то сказать.
Илиана немного помялась, но Фариза была права: она действительно обдумывала как бы кое-что у нее разузнать и стоит ли вообще это делать.
— Я хотела спросить о Галане… Скажи, ты не замечала за ней ничего необычного? — осторожно поинтересовалась Илиана, не решаясь напрямик выложить причинно-следственную связь между своим ночным наблюдением и знанием соответствующей природы вещей.
— Что ты имеешь в виду? Знаю ли я что у нее есть колдовской дар, также как и у тебя? — сказала вдруг Фариза, подняв на собеседницу внимательные глаза.
Отпрянувшая Илиана чуть не свалилась с табуретки. Побледнев, она уставилась на изучавшую ее темноволосую девушку.
— Я не понимаю о чем ты, — пролепетала Илиана с видом пойманного за руку преступника. — С чего ты такое взяла?

— Я видела колено Ангура за день до твоего появления. За сутки такое не проходит, — пояснила Фариза. — А такое и тем более, — добавила она, сдвинув повязку и предъявив Илиане свой палец. На месте вчерашнего глубокого пореза в обрамлении новой розовой кожи красовался полностью затянувшийся рубец. От некогда глубокой раны не осталось и следа, исключая рассасывающиеся косметические изменения. Лицо Илианы вытянулось. Вытаращив глаза, она созерцала произошедшие невероятные изменения.
— Но я всего лишь провела самое обычное лечение! — отнекивалась она, чувствуя как голова начинает идти кругом. — Меня этому учили… Я много читала… Я сделала все как положено!
— Ты знаешь, я в этом не сомневаюсь, — неожиданно мягко сказала Фариза. — Твои манипуляции безусловно свидетельствуют в твою пользу. Только ни одно лекарство на такое не способно. На заживление нужно время — твои собственные вчерашние слова. Но не столь же малое! Брось, я же не круглая дура. Однако твоя реакция подсказывает мне, что ты, похоже, и сама не ведаешь истинной причины столь быстрого улучшения. Не исключено, что это стало происходить совсем недавно. Возможно, это даже как-то связано с историей твоего бегства.
Забыв про плюющийся паром чайник, Илиана вскочила с места, оглядываясь как затравленный зверек.
— Сядь, здесь тебе нечего бояться, — предложила Фариза, и в ее голосе отчетливо засквозила доброжелательность. — И от тебя тоже шарахаться никто не будет. Я в жизни не поверю что человек, который может ТАКОЕ — злобное исчадие ада. Сядь, и сними с огня чайник, пока он весь не выкипел. Давай, не валяй дурака. Еще не хватало чтобы ты зайцем припустила по тоннелям. Мне потом вообще никто не поверит что я тебя не выгнала.
Фариза не излучала ни малейшей враждебности. Ровно наоборот, она смотрела на испуганную девушку вполне дружелюбно и даже сочувственно. Илиане подумалось, что знай Фариза о ее выходке во дворце — наверняка заговорила бы по-другому. Тем не менее, она постаралась взять себя в руки. Взяв с очага чайник, она плеснула себе здоровенную глиняную кружку чая, положив туда поистине лошадиную дозу мяты. Сейчас ей, пожалуй, такое средство не помешает.
— Галана рассказывала тебе о своем прошлом? — спросила Фариза как ни в чем не бывало. — Рассказывала как попала в нашу маленькую общину?
— Она говорила что сбежала из приюта, — кое-как выдавила из себя Илиана, дуя на горячий чай.
Мята приятно успокаивала и лишь высокая температура мешала

девушке быстро осушить кружку до дна.
— Это не совсем так, — заметила Фариза, решив, похоже, дать ошеломленной собеседнице прийти в себя и возвращаясь к ее собственному вопросу. — Она действительно жила в приюте, но по определенной причине ее решили перевезти в другое заведение. Догадываешься по какой?
Илиана кивнула, сообразив, о чем идет речь.
— Хотят слухи, что это не самое приятное место на земле, — продолжила Фариза, возвращаясь к шитью. — Галана воспользовалась представившимся случаем и сбежала прямо в порту Солтенстила, когда ее собирались посадить на корабль и отправить вниз по Идлису. Она долго пряталась в сточных тоннелях, а затем пришла сюда. Единственная из всех, кто самостоятельно набрел на это место.
— Как же она его разыскала? — невольно удивилась Илиана. — Это же почти невозможно!
— Так же, как и встретила тебя, — загадочно улыбнулась Фариза, встретившись взором с сиреневыми глазами собеседницы. — Тебе не показалось странным, что в таком огромном городе тебя загнали в угол, а там тут как тут на выручку приходит наша юная Галана? Проще состояние в кости выиграть.
Илиана озадаченно почесала в затылке и пришла к выводу, что Фариза, пожалуй, права. Как-то до сих пор она не задумывалась о вероятности произошедшего впопыхах события.
— У нее есть дар предвидения, — развеяла последние сомнения старшая девушка. — Пока еще слабый, и она совсем не умеет им управлять, но некоторые ее озарения уже неоднократно сбывались.

Илиана слышала о такой вариации колдовских способностей от Сирелины и читала в присылаемых ей книгах. Большинство гадалок и предсказателей являлись прожженными шарлатанами всех мастей, от самых примитивных уличных жуликов до завсегдатаев богатых домов, берущих за свои сеансы огромные деньги. Настоящих провидцев было очень мало, и их дар работал крайне непредсказуемым образом. Он мог долгое время дремать, ничем себя не выдавая, а потом выплеснуться в самый неподходящий момент, навеяв какое-нибудь видение. Его сила, продолжительность и яркость зависели от индивидуальных особенностей ясновидящего и вызвавших его факторов. Порой редкий талант проявлялся в виде вещего сна, частенько забываемого при пробуждении как и все прочие. Такой сон зачастую оказывался довольно абстрактным, и лишь опыт и знания помогали расшифровать увиденное, раскрыв его подлинное значение. К сожалению, это в

свою очередь породило появление всяких "сонников", услужливо выдающих готовую версию любых сновидений, и вещие сны действительно одаренных людей затерялись в груде обывательского мусора как алмаз в куче навоза.

В случае с предвидением следовало неукоснительно помнить две основных особенности. Оно всегда показывало именно вероятное будущее, а не обязательно свершившееся. Лишь прошлое не знает сослагательного наклонения, а грядущее всегда можно изменить. При этом увиденные предпосылки помогали это вероятное будущее воплотить, либо же наоборот — его избежать. Разглядеть и понять их в зачастую бурно и спонтанно разворачивавшемся видении было куда важнее, нежели досконально запечатлеть в памяти картинку саму по себе. С этим непременно перекликалось второе правило, гласившее, что провидец способен узреть лишь то, в чем так или иначе задействован и он сам. Иными словами, настоящий обладатель дара предсказания каждый раз видит собственное будущее, в той или иной степени. Он был в порту или на базаре, когда это произошло, видел предполагаемое событие вблизи или издали, с каким-либо человеком случится нечто такое, что этот человек больше не сможет оказывать влияние на судьбу самого провидца, и прочее в том же духе. Считается, лишь избранные обладали настолько уникальными способностями, что их непосредственное участие в видениях становилось весьма условным. Такие могли увидеть и разрушение Хал-Амина, находясь от него за тысячи миль, и захват Нирелина. Со слов Сирелины, подобных уникумов не встречалось уже несколько веков, и постепенно сам факт их существования начинал подвергаться сомнению.

В остальном ясновидящие зачастую ничем не отличались от обычных людей. Их дар имел самое прямое отношение к колдовской природе, но это не означало, что они умели колдовать в принципе. Сирелина рассказывала, что в обители иной раз обучались наделенные предвидением девочки, но при этом чародейками они не были. Сестры же относились к таким талантам уважительно, однако культа из них не делали. При этом есть ли среди них самих наделенные таким даром Сирелина почему-то не упоминала. Припомнив все эти сведения, Илиана спросила, выражается ли дар Галаны как-нибудь еще.

— Если ты имеешь в виду умеет ли она что-нибудь колдовать, то нет, — ответила Фариза. — Во всяком случае, пока.

— Остальные знают? — помолчав, уточнила Илиана.

— Разумеется. Здесь у каждого есть какая-нибудь грустная история, и она для него по-своему тайна, но друг от друга у нас секретов нет, — ответила темноволосая девушка, заканчивая штопать

одну вещь и принимаясь за следующую.
— А почему она тогда мне не сказала? — задумчиво потерла висок Илиана.
— Вы еще мало знакомы. Галана не открылась тебе, потому что она, как и ты, боится своей тайны, — пояснила Фариза. — Кстати, ты-то сама ничем не хочешь со мной поделиться?
Илиана видимо напряглась. Она уже несколько успокоилась, и возвращение разговора к ее собственной персоне не выбило ее из колеи. Вместе с тем девушка при всем желании не могла ничего рассказать Фаризе, потому что и рассказывать, собственно говоря, было особо нечего. Илиана лишь после слов собеседницы, узрев ее чудесным образом затянувшуюся рану, вдруг провела параллель между столь же удивительным выздоровлением Далины от тяжелейшего отравления, не говоря уже про свое собственное. Похоже, капитан Ларадон был прав, когда утверждал, что здесь не обошлось без колдовства. От этого же колдовства он вскоре и пал, но Илиана только сейчас сообразила, что может оказаться причастной и к исцелению Далины совсем не тем образом, каким она предполагала.
— Я не знаю. Честно, — прибавила Илиана, заметив как недоверчиво сузились глаза Фаризы. — Вместе с тем ты, наверное, права в своем предположении. Что-то со мной не так, и я до сих пор не знаю что.
— У тебя дар целителя, вот что, но ты его боишься, — сказала глава общины. — Боишься потому, что всю жизнь тебе внушали: колдовство очень опасно, колдовство — это зло. Не удивительно если ты теперь напугана до чертиков, особенно если твои способности проявились каким-нибудь заметным для окружающих образом, что и спровоцировало твое бегство.
На сей раз Фариза оказалась довольно далеко от истины, но Илиана решила что пусть уж та пребывает в своем заблуждении, нежели узнает правду. Тем более что она, возможно, действительно может влиять на выздоровление людей. Особенно когда убьет кого-нибудь. Жизнь за жизнь. Этот ужасный метод могли использовать особо могущественные ведьмы, исцеляя одного за счет смерти другого. У сестер Гексенхаммера они не пользовались большой симпатией. Если это действительно так, то все сходится самым гнетущим для Илианы образом.
— Мне надо разобраться в себе, прежде чем делать какие-то выводы, — в итоге только и сказала Илиана, чувствуя на себе пристальные взгляды продолжавшей заниматься шитьем Фаризы. — Чем я могу с тобой поделиться, если и сама плохо отдаю себе отчет в происходящем?

— Хорошо, я тебе верю, — помолчав, кивнула темноволосая девушка. — Только не обмани сама себя, ладно? И я бы на твоем месте поделилась хотя бы с Галаной. Если она узнает, что ты такая же как она, ну, по-своему, то ты станешь ей лучшей подругой. Хотя она и так постоянно рядом с тобой вертится. Вообще все наши тебя на удивление быстро приняли, но особенно я доверяю чутью Галаны. Сама теперь понимаешь почему. Если она считает тебя хорошим человеком, то, вероятно, так и есть, даже если ты сама так не думаешь.

В целом, разговор с Фаризой закончился благоприятно. Старшая девушка даже упомянула чтобы Илиана не обращала внимания, если она порой будет ворчать или покажется слишком требовательной. Фариза привыкла заботиться о своих подопечных, следить, чтобы их никто не обидел, воспитывать и опекать, и эта привычка наложила на нее определенный отпечаток. К тому же жизнь суровая штука и совсем не балует ни ее, ни ребят своим расположением. Поведение Илианы и ее отношение к членам маленькой общины в неприветливых серых буднях — редкое исключение. Фариза хочет чтобы ребята выросли достойными людьми, а не промышляли всю жизнь кражами и прочими неприглядными поступками. Именно поэтому она и не позволяет им воровать покрупному, требуя ограничиваться лишь самым необходимым, и никогда ничего не брать у честных людей. Скич, к примеру, несмотря на свою простоватую внешность очень талантливый вор, но благодаря влиянию Фаризы таскает лишь продукты в общий котел, да и то у обсчитывающих покупателей торговцев. А он мог бы красть намного, намного больше, ежели уж на слух сумел определить, что в сумке у Илианы помимо меди и серебра позвякивают золотые монеты и драгоценные камни.

К вечеру вся маленькая компания оказалась в сборе. Тиша и Галана притащили целый ворох продуктов и теперь возились с кастрюлей и сковородками, приготовляя ужин. Скич в силу привычки умыкнул в порту коробку вяленой рыбы и старательно развешивал ее на вытяжной трубе — самом сухом месте убежища. Ангур приволок два мешка угля, и хотя копоти от него было больше, эффективность решала дело в его пользу. Последней явилась Дэя. По заданию старшей девушки она выведывала не требуется ли где на время прислуга, а заодно прихватила уйму последних новостей и сплетен. Илиана невольно прислушивалась к словам юной разбойницы, но в них не содержалось и намека ни про какую-нибудь ведьму, ни про смерть капитана дворцовой гвардии.

После дружного застолья Илиана немного позанималась с младшими ребятами. Они делали быстрые успехи, особенно Гала-

на. Всего за несколько дней девчушка наловчилась читать по слогам, и теперь с превеликим интересом водила пальчиком по крупному шрифту сборника сказок. Фариза поглядывала на это дело с явным одобрением, справедливо полагая, что грамотность серьезно поможет ее подопечным в будущей жизни. Учитель из новой девушки был явно лучше чем из нее, раз Илиана меньше чем за неделю смогла добиться того, чего у Фаризы не получалось за долгие месяцы. Впрочем, старшая девушка подолгу отсутствовала, не имея возможности полноценно заниматься с ребятами. К тому же она сама владела грамотой весьма посредственно, медленно читала и с трудом могла что-нибудь написать. Где уж там других учить...

Когда урок был закончен, Илиана в награду за усердие продолжила читать ребятам сказку. Дело шло к ночи, и настенные часы — по достоинству оцененное всеми приобретение — натикали уже начало одиннадцатого. Юные слушатели зевали, но старались следить за повествованием с неослабевающим вниманием. Просто усталость брала свое. Им очень нравились истории про волшебников и волшебниц. Илиана знала, что изложенное в них весьма далеко от истины, но не отказывала в столь нечастом удовольствии, тем более что сказки были добрыми.

— Вот бы я тоже была такой волшебницей! — с жаром воскликнула Галана, когда повествование подошло к концу.

— Пора спать, мечтательница, — улыбнулась Илиана. — К тому же ты и так настоящая волшебница! Кто меня спас от погони?

Девчушка смущенно улыбнулась, но было видно, что эти слова были ей приятны.

— Я до сих пор удивляюсь как ты там столь вовремя оказалась, — добавила Илиана, лукаво посмотрев на зардевшуюся Галану. — Прямо не верится. Можно подумать, что ты меня поджидала.

Галана смутилась, отведя глаза.

— Просто так получилась, — скромно сказала она, водя пальчиком по узору на скатерти стола. — У меня так бывает.

Илиана поняла, что девчушка действительно очутилась в том водостоке не случайно, и сейчас практически об этом проговорилась. "У меня так бывает" сообщило ей более чем достаточно.

— Это потому что ты и есть самая настоящая волшебница, — шепнула Галане на ушко Илиана. — Ты ведь предвидела ту встречу, правда?

Девчушка вскинула на нее взволнованные глаза, в которых отразилось заметное беспокойство.

— Кто тебе сказал? — так же шепотом произнесла она, не сводя пытливого взора с новой подруги.

— Я видела ночью как ты во сне искрила пальчиками, — тихонько пояснила Илиана и не думая выдавать Фаризу. — Я хорошо знаю что это значит. Я ведь и сама немного такая.
— Правда?! — изумилась Галана, широко распахнув ресницы.
— Правда, — совершенно серьезно кивнула Илиана. — И я тоже, как и ты, боюсь что про это узнают окружающие. Это одна из причин почему я убежала.
Девчушка пришла в неописуемый восторг. В порыве радости она схватила руки Илианы, явно намереваясь ей что-то сказать. В следующее мгновение с ней произошла разительная перемена. Черты ее лица застыли в какой-то неестественной маске, глаза заполонила чернота, поглотив белки и радужную оболочку. Какая-нибудь секунда — и они превратились в два бездонных озера, где не было видно ни единого проблеска света. Смуглая кожа заметно побледнела, грудь сильно вздымалась. Прикасавшиеся к Илиане пальцы стали ледяными. Сидевшие поблизости ребята, с любопытством прислушивавшиеся о чем это там перешептываются Галана и новенькая, испуганно отпрянули.
— Он придет, — изрекла вдруг Галана низким не своим голосом.
Губы казались сжатыми, но звук выходил из ее рта самым непонятным образом.
— Он придет сюда. Весь в черном, как мрак который его породил. С огненным глазом, которым он зрит, — продолжала вещать преобразившаяся девчушка.
Илиана остолбенела, не сводя с нее ошеломленного взора. Остальные члены маленькой общины тоже замерли, пораженные этой сценой.
— Его лица никто не видит, но он видит лица других, — слова Галаны гулко наполняли пространство. — Он ищет то, что давно исчезло. Ищет то, что не может существовать. Его хозяин ждет. Он повелевает. Он требует. Огненный глаз пылает. Дает силу, порабощает, требует дань. Он придет. Кровавый рубин зовет его. Он видит его. Он все ближе. Он придет.
Гулкая потусторонняя речь прекратилась. Закатив прояснившиеся глаза, Галана покачнулась и непременно рухнула бы на пол, если бы ее не подхватила Илиана.
— Аптечку! Живо! — крикнула она, держа едва дышавшую девчушку.
Дэя и Ангур наперегонки бросились к коробке с лекарствами.
— Что с ней? — негромко спросила Фариза, помогая Илиане перенести Галану на кровать. — Я никогда прежде такого не видела.
— Это было видение. Слишком сильное для такой маленькой девочки, — пояснила Илиана, на секунду встретившись с ней глаза-

ми. — Тиша, Скич, принесите еще одеяла! Она холодна как лед!

Спустя четверть часа укутанная Галана стараниями Илианы наконец-то пришла в себя. Открыв глаза, она с удивлением посмотрела на склонившиеся к ней взволнованные лица.

— Чего это вы так на меня уставились? — спросила девчушка своим обычным хоть и несколько слабым голосом.

— Галана, милая, как же ты нас всех напугала! — воскликнула Фариза, по-матерински прижимая ее к себе.

У остальных ребят вырвался вздох облегчения.

— А что случилось? Я говорила с Илианой, а потом… Потом я ничего не помню, — растерянно сказала девочка с косичками, хлопая глазами.

Фариза и Илиана обменялись выразительным взглядом.

* * *

Дегонис сидел в кресле и изучал трясущуюся от страха женщину. Он с трудом подавлял в себе желание немедленно устроить какое-нибудь членовредительство, но утешал себя мыслью, что это можно будет провернуть потом, не только для удовольствия, а и с несомненной пользой для дела. Сначала он должен кое-что прояснить. У него имеется ряд вопросов, на которые нужны ответы, и в свете недавних событий ему пригодится любая информация, даже от ворожеи-недоучки.

— Итак, скажи, есть ли у меня хотя бы одно основание не подвергнуть тебя немедленно самой мучительной смерти за столь вопиющее пренебрежение моей волей? — произнес он зловещим тоном.

Кальпиту схватили на постоялом дворе уже довольно далеко от Солтенстила. Ворожея понимала, что сотворенное ей черное дело не останется безнаказанным и возмездие за него будет неотвратимым. Собрав заранее приготовленные пожитки, она покинула дворец, пользуясь своим правом свободного посещения, и отправилась куда подальше, держа путь на восток. Вот только конспиратор вышел из нее так себе и навык скрываться от погони оставлял желать лучшего. Кальпита могла бы залечь на дно, затаиться где-нибудь в пригороде, если уж не хотела оставаться в самом Солтенстиле, сесть на корабль или уйти пешком в малонаселенную местность. Вместо этого она перемещалась на почтовых дилижансах, останавливаясь на постоялых дворах. Там ее и повязала Имперская стража, следуя полученным с курьером приметам. Такие курьеры постоянно сновали по дорогам взад и вперед, и Дегонис живо принял все меры для того, чтобы люди хана задержали сбе-

жавшую отравительницу. Жаль с чародейками не выходило столь же просто и гладко…
— Я слушаю, — напомнил Дегонис, поигрывая пальцами на подлокотнике кресла в виде головы какого-то осклабленного монстра.
Вдова Пирима что-то сбивчиво залепетала, но в ее болтовне прослеживалось слишком мало членораздельных слов. Похоже, ее следовало слегка мотивировать. Дегонис сделал короткий жест запястьем. Из-под его кресла выползло с дюжину крупных змей. Окружив женщину, они принялись злобно шипеть на нее, приняв угрожающие стойки.
— Один мой приказ — и они зажалят тебя до смерти, — пояснил колдун. — Смерть от их яда будет весьма мучительной. Советую начинать говорить более внятно.
Кальпита бухнулась на колени и взмолилась о пощаде, стараясь не смотреть на извивавшихся рядом гадом. Ворожея и отравительница панически боялась черного колдуна.
— Объясни мне, почему ты ослушалась моей воли? — холодно спросил колдун. — Тебя приставили следить за девчонкой, а ты вместо этого решила ее убить. Если бы я хотел избавиться от внучки шейха, я сделал бы это как-нибудь иначе. Ты нарушила мои планы, решив взять на себя смелость распоряжаться вещами, которые тебя не касаются. Твое вмешательство оказалось крайне несвоевременным и серьезно осложнило мой замысел, пустив его по непредвиденному пути.
— Простите, господин! — завывала Кальпита. — Я не хотела подвести вас! Я не смогла с собой совладать. Эта ведьма должна была умереть! Она приносила лишь одни несчастья с тех пор, как появилась. Я говорила об этом еще тогда, в Нирелине, но меня слушал лишь мой несчастный покойный муж! Она повинна в его смерти, повинна во всех бедах оазиса. Она навлекла бы беду и на этот прекрасный дворец, и на его повелителя. Она песчаная ведьма, суть зло и порождение зла! Ее нельзя было оставлять в живых! Я ненавидела ее столь сильно, что забыла про все на свете. Я отомстила за мужа и все наши страдания. Простите, господин!
— Песчаная ведьма? Что ты имеешь в виду? — осведомился Дегонис из темноты своего непроницаемого капюшона.
— Вы разве не знаете, мой господин? Ее нашли в самом сердце пустыни после ужасной песчаной бури. Она сидела там как ни в чем не бывало в каких-то неведомых развалинах. Совсем дитя! Одна! Меж бескрайних барханов! За сотни миль от обитаемых мест! Я сразу сказала что здесь дело нечисто!
Да, Дегонис знал что внучка шейха — найденыш, и слышал какую-то занятную историю про ее появление, но в подробности ни-

когда не вдавался. У него хватало дел и без того, чтобы как базарная баба выслушивать подробности чьей-то семейной жизни. Какая, черт побери, разница, нашли эту девчонку под кустом или в разбойничьем логове, отыскали в старых развалинах или же выкрали из цыганского табора? Теперь, впрочем, разница была. К Хранителям особо с расспросами не пристанешь, зато Кальпита, пожалуй, способна пролить свет на кое-какие детали. Поэтому она, собственно, все еще жива, а не стала жертвой подходящего случаю ритуала. Теплая плоть и дымящаяся кровь у Дегониса всегда найдут свое применение.

— Расскажи толком. Расскажи все что знаешь о появлении этой девчонки в Нирелине, — предложил Дегонис. — И прекрати, наконец, причитать! Твои стенания меня раздражают.

Пошевелив пальцами, он несколько утихомирил подступавших к женщине змей. Те, прекратив агрессивно наседать, отползли назад и, свернувшись в клубок, напоминали о себе Кальпите тихим шипением.

— Да-да, мой господин! Конечно, мой господин! — забормотала вдова Пирима, силясь собраться с мыслями.

Рассказ у нее малость затянулся. Кальпита то и дело повторялась, говоря одно и то же на разные лады, либо акцентировала внимание на совершенно ненужных мелочах. Вместе с тем она продвигалась и по сути, а посему Дегонис, нервно постукивая пальцами по подлокотнику, дослушал ее историю до конца, лишь иногда короткими репликами возвращая рассказчицу в русло повествования. Он остановил Кальпиту лишь тогда, когда она перестала добавлять что-либо новое, зациклившись на пережевывании уже сказанного.

— На карте показать сможешь? — осведомился он. — Где именно ваш караван наткнулся на эти развалины?

Кальпита утвердительно закивала. Махнув рукой, Дегонис подозвал к себе вынырнувший с книжкой полки большой атлас. Самостоятельно перелистнувшиеся страницы раскрылись в нужном месте и зависли перед ним в воздухе. На хорошей глянцевой бумаге была изображена большая часть пустыни Калихари с прилегающими к ней северными и восточными пограничными землями. Среди прочего можно было различить и Желтые холмы, и далекий Нирелин. Поманив Кальпиту, колдун предложил ей указать искомое место. Приблизившаяся женщина, помедлив, всмотрелась в атлас и уверенно ткнула пальцами в какую-то точку. Там была чистая пустыня без малейшего признака воды или растительности.

— Уверена? — недоверчиво произнес Дегонис.

Кальпита истово поклялась каким-то заковыристым выражением. Вероятно, оно имело для нее важное мистическое значение, хотя колдун нашел его полнейшей ахинеей.
— Откуда ты столь хорошо знаешь где именно его искать? — недоверчиво спросил он.
— Захир сообщал точные координаты. Мой муж запомнил. Я запомнила, — торопливо пояснила Кальпита. — Шейх потом трижды отправлял людей на поиски этого места, но они так ничего и не обнаружили, хотя точно знали где искать. А они умели искать, поверьте! Наш народ — дети песков. Это колдовство, мой господин! Песчаные ведьмы, не иначе! Они подсунули свое исчадие нам на погибель и собирают жатву.
Женщина тут же назвала колдуну желаемые цифры и тот, сверившись с картой, убедился что с означенной точкой она не ошиблась. Дегонис нахмурился, хотя под опущенным капюшоном игра его лица оставалась совершенно непроницаемой. Склонив голову на бок он, казалось, прислушивается к чему-то такому, что было слышно лишь ему одному. Кальпита застыла на месте, не осмеливаясь нарушить установившееся молчание.
— У тебя есть доказательства того, что ты не лжешь? — наконец спросил колдун. — Возможно, ты просто хочешь заговорить мне зубы в надежде спасти свою жалкую шкуру.
— Есть, мой господин! — с жаром воскликнула Кальпита к его полной неожиданности. — Велите принести мою сумку. Ее отобрали у меня ваши… доблестные стражи.
Неопределенно хмыкнув, Дегонис хлопнул в ладоши и позвал стоявшую за дверью охрану. Ни бегства женщины, ни ее нападения колдун, разумеется, не боялся, но должен же был кто-то отвести ее в приготовленное узилище. Не самому же возиться.
— Немедленно принесите сюда вещи этой женщины, — распорядился Дегонис, едва в дверном проеме объявилось двое гвардейцев. — Я жду.
Стражи живо исчезли. Немного осмелевшая Кальпита попросила у Дегониса воды. Тот движением пальцев подогнал к ней графин и стакан, а затем вернул их на место, когда женщина гулко утолила жажду пересохшего от волнения горла. Пущай напьется. Лучше будет соображать. В том же что под рукой колдуна оказалась и книжная полка и посудина с водой не было ничего удивительного. Он допрашивал Кальпиту в том самом доме, где она прежде находилась в услужении. Здесь располагался перевалочный пункт Манипуляторов. Здесь они останавливались передохнуть и отсюда же отбывали по делам, в том числе по прямым поручениям Дегониса. Колдуны не должны тратить время на житейские мелочи и опре-

деленный штат прислуги им был необходим. В этот штат входила и оставленная в Солтенстиле вдова Пирима, раз уж она сама считала величайшей честью угождать столь могущественным людям.

За дверью послышался шум, и вернувшиеся стражи притащили изъятые пожитки Кальпиты. Положив их на круглый стол, они, следуя знаку Дегониса, тут же удалились. Колдун сделал приглашающий жест. Женщина кинулась к сумке. Вытряхнув ее содержимое на скатерть, она разгребла груду разного барахла и схватила кусок какого-то минерала. Приблизившись к Дегонису, она протянула его на раскрытой ладони. На ней покоилось нечто сильно напоминавшее осколок вулканического стекла темно-фиолетового цвета.

— Что это? — коротко бросил колдун.

— Это кусок тех развалин, мой господин, — скороговоркой пояснила Кальпита. — Точно такой же Захир принес шейху, а старый хрыч потом отдал его той чародейке. Этот я выкупила у одного из караванщиков.

Легкое мановение руки — и вот уже находка перекочевала с ладони женщины в пальцы колдуна.

— Это обычный обсидиан, — изрек он после беглого осмотра отливавшего фиолетовым обломка. — Не вижу ничего особенного.

— Так кажется только на первый взгляд, мой господин, — сообщила Кальпита. — Так думала и та чародейка. Только этот обсидиан не разрушить никакими силами. Мы старались, поверьте. И она тоже.

Лишь хорошо знавшие Дегониса смогли бы заметить как он от этих, в общем-то, не особо примечательных слов вдруг почему-то напрягся. Не спуская глаз с куска фиолетового обсидиана, он велел Кальпите подать ему пресс-папье, словно позабыл о своих возможностях без труда перемещать вещи. Ворожея с готовностью вручила ему тяжелый предмет, которым колдун незамедлительно долбанул брошенный на пол кусок вулканического стекла. Обсидиан — хрупкая порода, и от такого варварского обращения она непременно разлетелась бы вдребезги. Предоставленный же Кальпитой образец даже не поцарапался. Дегонис проделал механический опыт несколько раз, варьируя предметы, силу, и угол удара — результат оставался неизменным.

— Повтори координаты. Покажи еще раз где именно его нашли, — каким-то глухим голосом вдруг потребовал Дегонис так, будто за него говорил кто-то еще.

Кальпита, струхнув от этой внезапной перемены, по памяти назвала цифры и вновь ткнула в подлетевший атлас. Дегонис пошевелил пальцами, и в указанном месте появилась соответствующая

метка с подписанными навигационными данными.
— Если ты солгала, я собственноручно предам тебя самой лютой смерти, — заявил колдун все тем же жутковатым голосом.
Кальпита бухнулась на колени и поклялась что сказала сущую истину.
— Хорошо, — кивнул колдун. — Я позволю тебе жить пока не найду девчонку. Если выяснится, что ты меня обманула — пеняй на себя. Если сообщенное тобой правда — возможно, я позволю тебе жить; возможно, ты еще пригодишься.
Ворожея, поморгав, не сразу осознала сказанное Дегонисом.
— Как?! — оторопела она, вытаращив глаза. — Девчонка жива?!
— Насколько мне известно, жива и здравствует, — подтвердил колдун.
— Но это невозможно! — возопила, вскакивая, Кальпита, забыв про страх перед одетым в черное человеком и клубке шевелящихся у его ног змей. — От этого яда не спастись! Я напичкала ее отравой как крысу! Такая доза убила бы десятерых!
— Мы тоже пришли к такому выводу, — согласился Дегонис. — Тем не менее, у нас есть основания считать, что девчонка исцелила и себя, и свою тетку. Причем совершенно самостоятельно, без чьей-либо помощи.
— А-а-а-а! — завопила Кальпита, остервенело хватаясь за голову. — Проклятая ведьма! Убейте ее, мой господин! Скорее убейте! Это не человек, это дьявол!

С ворожеей случился самый настоящий припадок. Она была совершенно уверена, что ненавистная Илиана давно мертва и теперь, узнав об оказавшейся бессильной своей самой смертоносной отраве, пришла в полнейшее исступление. Вообще подобное отношение выглядело довольно нелогичным. Вдова Пирима величала Илиану отродьем песчаных ведьм, средоточием зла. Вместе с тем она преклонялась перед тем, кто по своей сути и методам вряд ли составлял прямую противоположность. Дегонис молча наблюдал как Кальпита елозит по полу, ударяясь в него лбом, и дергает себя за волосы.
— Достаточно! — заявил вдруг он громовым голосом, от которого задрожали стены комнаты и зазвенело в ушах.
Ворожея затрепетала и замерла. Затем, кое-как придя в себя, осмелилась поднять на колдуна смятенный взор.
— Если ты поможешь мне ее поймать, я, так и быть, пощажу тебя, — сообщил Дегонис. — Только имей в виду: один шаг без моего ведома — и тебе конец; один волос упадет с ее головы без моего разрешения — и твоей участи испугаются даже в аду!
— Так она что, сбежала? — опешила Кальпита, насилу сообразив о

чем толкует колдун.
— К сожалению, да. Спровоцированная твоей самодеятельностью ситуация развилась самым непредсказуемым образом, — мрачно подтвердил Дегонис. — Девчонка в бегах, и теперь я еще больше хочу ее заполучить во что бы то ни стало.
— Но вам-то зачем эта ведьма, мой господин? — удивилась Кальпита.
— У нее есть одна важная вещь, а девчонка может быть ключом к ее пониманию, — задумчиво произнес Дегонис. — Теперь я начинаю склоняться к мысли, что эта вещь и место где ее нашли — связаны. Он желает… — колдун на секунду запнулся. — Я желаю знать как.
— Так отберите эту вещь, а девчонку убейте, — предложила ворожея, чувствуя как в ней вновь закипает ненависть.
— Это всегда успеется, — заметил колдун. — Повторю: девчонка может быть ключом. Тем самым, без которого не удается вновь отыскать обсидиановые развалины. Он… Я должен быть уверен. На ошибку я не имею права.
— Но чем я способна помочь вам в ее поисках? — осторожно спросила Кальпита. — Я сделаю все что в моих силах, но только чего же именно вы от меня хотите?
— Расскажи, куда бы она могла пойти? — предложил колдун. — Из нас двоих ты всяко лучше ее знаешь. Девчонка в бегах, она думает, что ее ищут. Что она будет делать и куда направится? Расскажи мне о ней вообще все что знаешь, только беспристрастно, без этих своих воплей про ведьму.

Отправив Кальпиту под замок, Дегонис как минимум до поры действительно решил ее пощадить. Еще пригодится. Вдова Пирима, конечно, не входила в круг близких знакомых внучки шейха, однако кое-что о ней действительно знала. К тому же возможны непредвиденные случайности, вроде появившегося практически из ниоткуда обломка неразрушимого обсидиана. Дегонис, кстати, любопытства ради поинтересовался у Кальпиты почему она его хранила. Женщину привлекали уникальные свойства осколка вулканического стекла, и она искала ему применение в своих алхимических и ворожейских изысканиях. Похоже, она была одной из доморощенных невежд, веривших в существование философского камня и чудодейственные комбинации слюны жаб с порошком из костей летучей мыши. Впрочем, травить вдова Пирима действительно умела.

С точки зрения как следует поразмыслившей Кальпиты, Илиана с большой вероятностью все еще находилась в Солтенстиле. Она ни за что не бросит своих тетку и деда, и почти наверняка

попытается с ними связаться. Девчонка слишком сильно привязана к ним, чтобы сбежать куда глаза глядят и больше никогда не возвращаться. Прибыв в Нижние подземелья, Дегонис заперся в своих покоях и долго сидел в кабинете, оставаясь совершенно неподвижным. Губы его что-то негромко шептали. Казалось, он разговаривал с кем-то невидимым.

* * *

— В чем дело, Прус, — осведомился пожилой мужчина, подходя к изучавшему что-то соседу.
— А то сам что ли не видишь? — отозвался тот. — На вот, полюбуйся.
Он стоял в упор от небольшой расщелины, змеившейся с севера на юг. Твердая каменистая земля осыпалась в нее мелкими песчинками, а по краям сиротливо торчали пучки пожухлой травы. Впрочем, здесь, примерно в паре миль от дома, где жил бывший геолог, а ныне обыкновенный самогонщик, эта трава хотя бы была. В сторону серых гор и без того не слишком плодородная почва быстро сходила на нет, превращаясь в полностью безжизненную равнину. Способный хоть что-то взрастить слой сменялся застывшим базальтом и невнятными бурыми отложениями, поверх которых стелился вулканический песок да острые камни. Схожие расщелины встречались достаточно часто, изломанным узором пересекая потрескавшуюся землю, и чередовались с не слишком глубокими ямами. Порой в них застаивалась неприглядного цвета вода, от которой попахивало серой. Одна из таких ям как раз виднелась на дне раскинувшейся у ног двоих мужчин впадины, но ни дожди, ни иная эрозия не имели к ее появлению никакого отношения. В ее центре лежал довольно большой камень, футов пять в диаметре, и, судя по всем признакам, именно он послужил образованию означенного кратера.
— Помнишь, не так давно что-то основательно бухнуло, аж земля задрожала? — поинтересовался Прус. — Я ведь не поленился выяснить что это было. Вот тебе и ответ.
Пожилой Жиль внимательно изучал каменюку, пристроившуюся в глубине расщелины.
— Полагаешь, виновата эта глыба? — озабоченно произнес он, потирая подбородок.
— Я полагаю, что свались эта штука подальше, на твой или мой дом, мало бы не показалось, — совершенно серьезно заявил Прус.
— Еще я полагаю, что это только начало. Громыхнувшая далеко в горах сопка вряд ли выплюнула один такой камушек. Просто боль-

шая их часть упала не долетая до наших мест, и лишь несколько плюхнулись на равнину, а один донесло аж досюда. Обычно такое происходит только при серьезном извержении. Очень странно, что подобные куски породы залетают на столь большое расстояние при единоразовом выбросе. Как будто курящееся жерло вдруг поднатужилось и выплеснуло порцию каменных ядер, после чего не вскипело пуще прежнего, а вновь успокоилось. Кстати, ты когда последний раз всматривался в горы? Дымков там заметно прибавилось.

— Как ты вообще нашел этот булыжник? — вместо ответа спросил Жиль.

— Нашел, потому что искал, — отозвался худощавый сосед. — Нетрудно сообразить что способно вызвать столь характерный гул и грохот. — Пришлось, конечно, хорошенько порыскать по округе, а потому и наткнулся я на него далеко не сразу.

— По-моему, в горах то и дело что-то гудит, — заметил пожилой мужчина, не сводя глаз с покоившегося в яме вулканического снаряда. — Я и внимания особо не обращаю.

— Вот то-то и оно! — многозначительно поднял палец Прус. — Именно что не обращаешь. Привык. Привык, и даже не замечаешь, что раньше так не было. Что-то где-то гудело — да, погромыхивало — да, но далеко и нас не касалось. В основном же горы месяцами хранили молчание и лишь изредка напоминали о себе далеким шумом. Теперь же курящихся за горизонтом сопок явно прибавилось и дьявол меня раздери, если там не просыпается большой вулкан! Гул явно усилился, и земля ныне подрагивает гораздо чаще, чем прежде. Когда ветер дует с востока, даже дышать становится тяжелее. И уж прежде никогда с неба не валилось таких вот подарочков. Если их выплюнула пробуждающаяся гора, освобождая дорогу клокочущей в ее недрах силе, хочется верить, что эта сила найдет себе выход наружу каким-нибудь не слишком разрушительным способом.

Пожилой Жиль как следует обдумал слова товарища. Он не поленился явиться на его зов и сейчас старательно соображал не напрасно ли потратил время и силы. Крупный кусок породы выглядел вполне безобидно, но если Прус прав и такая штука рухнет на крышу его замшелого домишка, то последствия окажутся весьма плачевными. Однако до сих пор серые горы никогда не угрожали поселенцам напрямую, ограничиваясь далеким ворчанием. Падение дурацкого камня могло оказаться простой случайностью. Всякое бывает. Явление, конечно, неприятное, но бить в набат пока рановато.

— А ты непременно хочешь дождаться, когда с неба начнут ва-

литься целые скалы? — мрачно изрек Прус. — Тогда поздно будет. Ты ведь явно не понял что именно меня беспокоит больше всего. Представляешь какой силы должен быть выброс, что из-за расстояния мы даже не услышали характерного взрыва, а он, тем не менее, донес едва ли не к нашему порогу эту тяжеленную посылочку. И представляешь что будет, если способный на такое вулкан пробудится во всю мощь и начнет извергаться по-настоящему?

Жиль оценил возможную перспективу и она ему не понравилась. Даже при всех своих скромных познаниях он сообразил куда клонит сосед и чем чревато неблагоприятное развитие событий. Тот же подливал масла в огонь нелицеприятными описаниями, вовсю раскочегаривая не слишком богатую фантазию товарища.

— Хорошо, что ты предлагаешь? — вздохнув, осведомился Жиль. — Помнится, я тебя уже об этом как-то спрашивал, но тогда все так ничем и не кончилось.

— Если подобные выбросы повторятся, я предлагаю собирать манатки и убираться отсюда подальше, не дожидаясь когда очередной камень убьет кого-нибудь из нас, — самым серьезным тоном заявил Прус. — Не знаю как ты, а я в такую рулетку играть не хочу. Предупреждаю — если такая штука грянется рядом с моим домом, я не стану тебя упрашивать и уйду со всей семьей на запад.

— Давай так, — подумав, сообщил Жиль. — Если нечто подобное долетит до наших наделов, отчалим вместе. Если же пусть даже большие по размеру камни изредка станут валиться где-то на этой безжизненной равнине — мне наплевать. Твой экземпляр, возможно, случайно залетел дальше всех, и для меня это пока не повод бросать насиженное место. Согласен?

Прус нахмурился. Он прекрасно понимал сомнения товарища. Ему и самому не по душе было бы просто взять и оставить небогатое имущество, отправившись с семьей куда глаза глядят. Только и недооценивать опасность нельзя, особенно когда появляются такие вот знамения. Впрочем, по-своему Жиль все-таки прав. Камень-рекордсмен упал на излете и не факт что любой другой превзойдет его результат. История знала немало случаев, когда люди жили вблизи от действующего вулкана и его выбросы до них попросту не доставали. Впрочем, о падающих с неба глыбах, выброшенных откуда-то из-за горизонта, в ней также не упоминалось. В отличие от своего пожилого товарища, Прус кое-что понимал в сейсмической активности, поскольку некогда имел самое непосредственное отношение к геологии. Поведение серых гор казалось ему довольно странным. Складывалось такое ощущение, словно

они реагировали на какое-то единоразовое потрясение, после чего вновь успокаивались. При этом общий фон их активности постепенно нарастал, и хотя все еще не внушал серьезной тревоги, невольно заставлял задуматься о перспективах развития этого процесса. Покоившийся на дне расщелины камень уже никак не соответствовал излишней мнительности, а все чаще шумевшие вершины заметно контрастировали с прежним безмолвием. Прус, однако, не в состоянии был предсказать дальнейшее развитие событий. Даже действительно пробуждаясь, горы способны расходиться десятки лет, ворча и погромыхивая за пределами видимости, поплевывая дымом и кусками породы. И этим все дело запросто может и ограничиться. Некоторые города долгие века существовали вблизи какого-нибудь временами просыпавшегося огнедышащего жерла и ничего им не делалось.
— Ладно, уговорил, — проворчал Прус. — Но ловлю тебя на слове: один камень в мой огород, в прямом смысле слова, и мы убираемся отсюда подальше. Идет?
— Идет, — согласился Жиль. — Кстати, у тебя выпить есть?..

– 8 –

На произошедшем еще в июне малом военном совете присутствовало всего несколько человек. Помимо самого Гийюра ад-Сейдина и следовавшего за ним тенью да-Эрудана в шатре находились лишь командующий гвардией ди-Шерриф и глава особой канцелярии Мухарраф. Хан только что прочел доставленное от ди-Орта донесение, в котором сообщалось о результатах выполнения его миссии.
— Весь северо-запад наш, — подытожил хан. — По его возвращении в ставку я собираюсь наградить Тиграна первым имперским орденом.
Собравшиеся встретили слова повелителя одобрительными возгласами. Им было чему порадоваться. Тал Дауд подчинил себе северные территории и объявил себя их наместником от имени единой Империи. Следовало немедленно направить туда контингент для установления законности и порядка, ибо высшие вельможи знали, что эмир Аешский не слишком щепетилен на завоеванных землях. Империя должна быть гарантом закона и стабильности. Саргал Уль Дион, возлюбленный племянник своего покойного дяди, не без помощи воинов ди-Орта аннексировал владения своих соседей, принесших вассальную присягу Великому хану и лично эмиру Бушерскому как его официальному представителю. Этой войне, которую ад-Сейдин проводил чужими руками, настал конец, и над

северо-западными землями теперь развивались стяги Красной саламандры. Эффективность работы экспедиционных корпусов ди-Орта внушала уважение. Поддержав союзные войска в нужное время в нужном месте, они обеспечили быстрое включение новых территорий в состав стремительно растущей Империи. Основная же армия ад-Сейдина, пользуясь возможностью не отвлекаться на менее значительные цели, окончательно разгромила сразу двух важных противников, захватив обширные территории к востоку и северу от прежних владений шаха Гелетбея. Переставший существовать Черный буйвол теперь являлся крупной административной единицей Империи, поделенной по руслу Шиалы между Голубой щукой и Зеленой ящерицей на Западный Бафион и Восточный Бафион соответственно. Прежнее название государства Бафелон, не особо-то и бывшее в ходу даже при жизни шаха, было строжайше запрещено к употреблению. С плацдарма Восточного Бафиона войска ад-Сейдина при продолжавшейся поддержке соединений аль-Дани осуществили вторжение в сопредельные страны до того, как те успели объединиться перед лицом неминуемой угрозы. Вклинившись между надеявшимися соединиться силами, армия хана отрезала их друг от друга и начала развивать наступление сразу по двум направлениям. Воевать одновременно на оба фронта ей было гораздо тяжелее, но умелые действия полководцев и общее численное превосходство позволяли хорошо маневрировать, охватывая значительное пространство. Клин ширился, противник терял укрепление за укреплением, отступая все дальше вглубь своих земель и постепенно утрачивая надежду на воссоединение. Она совсем угасла, когда ад-Сейдин разгадал согласованный маневр по внезапному перемещению вражеских армий на юг, с целью зайти ему в тыл с оставленного Восточного Бафиона, и сумел его упредить. Оба так и не сумевших слиться в единый ударный кулак неприятеля окончательно утратили какое-либо стратегическое преимущество и вынуждены были обороняться по отдельности. Под мощью набравшей обороты военной машины Красной саламандры они пали незадолго до того, как с северо-запада пришло известие о расширении Империи.

— Ди-Шерриф, твои солдаты готовы? — спросил ад-Сейдин, обращая взор на командующего гвардейскими частями.

— Да, мой хан. Они выступят сразу как только получат приказ, — кивнул полководец.

— Сейчас в очередной раз следует сохранить элемент неожиданности. Возможно, это даже важнее чем когда-либо, — подчеркнул повелитель. — Гвардейцы возьмут под контроль все ключевые точки и обеспечат проход основных соединений. Все ждут, что мы

двинемся на восток, но не знают где именно, поскольку граница нашего присутствия растянулась более чем на тысячу миль. Вместо этого мы выступим на север. Это очень недружелюбные земли с сильно пересеченной местностью. Наша армия потеряет в них всю свою ударную мощь и в случае боевых действий завязнет очень надолго, а партизанская война превратит все не слишком ценное государство в один затяжной конфликт. Нам следует взять его быстро и без возни. Оно не сильно интересует меня само по себе — куда важнее что находится за ним.

— Мои эмиссары докладывают, что вся власть в Кирионе держится за счет центрального правительства, — подал голос откашлявшийся Мухарраф.

Он вкратце напомнил присутствующим особенности страны, упомянутой сейчас повелителем.

Крутые холмы и густые леса, быстрые глубокие реки и невероятно изрезанный ландшафт, протянувшийся далеко с запада на восток — такой выглядела самая холодная окраина южных земель, за которой начинались северные королевства и княжества. Кирион уже мало чем отличался от своих расположенных выше соседей. Зимой его накрывали снега, а температура падала настолько сильно, что привыкшим к куда более теплому климату воинам хана и думать было нечего соваться туда в холодное время года без соответствующей экипировки. Промышленно развитым это полуварварское государство уж точно называть не приходилось. Оно жило добычей леса, минералов и пушным зверем. Примитивные шахты как кротовые норы усеивали бесчисленные холмы, а в густых лесах били непуганую дичь опытные охотники. Крупных городов не имелось вовсе — одни поселения, какие-то больше, какие-то меньше, образованные по родовому и религиозному признаку. Некогда пришедшие с юга народы смешались с северными племенами и за много веков образовали свой уникальный конгломерат, объединив сразу несколько культур. По виду они все еще больше походили на южан, а посему Кирион географически и этнографически считался частью южных земель, но образ жизни населявших его людей заметно отличался от их пращуров. В Кирионе всем заправлял верховный клан, и лишь он своим авторитетом скреплял некогда совершенно разрозненные феоды. Этот авторитет держался на фанатичной преданности, завязанной на местных верованиях и обычаях. Многочисленные кланы настолько чтили верховного вождя, что безоговорочно выполняли любые его приказы, если те не противоречили укоренившимся традициям и духу предков. Иными словами, в случае вторжения чужаков они годами будут биться до последнего человека, но не прекратят борьбу,

пока их священный вождь призывает к сопротивлению. Столица Кириона носила весьма условный характер и ее захват не принесет никакой пользы. Верхушка клана верховного вождя может преспокойно перемещаться по стране, постоянно меняя местонахождение, и пройдет немало времени, прежде чем ее удастся обезвредить. Захватчику придется либо миля за милей прочесывать недружелюбные и опасные земли, где за каждым камнем, за каждым деревом его будут поджидать озлобленные племена, либо сжечь их дотла от края до края, не оставив даже пепла. И в том и в другом случае на это могут уйти годы. Единственный способ всего этого избежать — одним махом лишить феоды их лидера, раздробив монолит на множество самостоятельных образований. Предоставленные сами себе, феоды окажутся как минимум куда более сговорчивы. Правда при таком развитии событий возможно постепенное сползание Кириона в неконтролируемый хаос, но племена уже не станут выступать единым партизанским фронтом, занятые исключительно междоусобными конфликтами. Будет вполне достаточно обеспечить опорные точки и сквозные коридоры безопасности с севера на юг до тех пор, пока Красная саламандра не установит свою централизованную власть.

— Вопрос заключается в том, как это сделать, — подытожил глава особой канцелярии. — На сей раз никакие экспедиционные корпуса не помогут. Крупному отряду пройти через Кирион незаметно попросту невозможно, а верхушка правящего клана немедленно покинет свою резиденцию и превратится в неуловимого призрака.

— А вот здесь нам окажут помощь доселе тщательно скрываемые силы, — сказал ад-Сейдин, делая жест ладонью в сторону еще одного члена малого военного совета, до сих пор молча сидевшего в сторонке.

Этим человеком был Баратис. Поднявшись, он приблизился к собравшимся за расстеленной на столе карте людям.

— Ваш советник по алхимии и колдовству? — удивился ди-Шерриф. — Повелитель, при всем моем уважении, что он может сделать там, где не в силах преуспеть целая армия?

— Не он сам. Группа подготовленных и подчиненных ему специалистов, — ответил хан. — Говори, Баратис. Познакомь моих верных приближенных с нашим планом.

Низкорослый человек в неприглядном сером балахоне вызывал едва ли не улыбку, и высшие сановники смотрели на него с заметным недоумением. Лишь да-Эрудан обменялся с повелителем понимающим взглядом. Начальник лейб-гвардии и Тигран ди-Орт были единственными, кого хан Гийюр посвящал во все свои секреты.

— Уважаемые члены малого военного совета, я постараюсь не быть многословным, — негромко, но выразительно произнес Баратис, вооружившись указкой. — Полагаю, ни для кого из вас не новость, что особые отряды Имперской стражи усилены владеющими колдовством специалистами. Я бы сказал, хорошо владеющими колдовством. Ввиду специфики возникающих перед этими отрядами задач их присутствие более чем оправдано и попросту необходимо.
— Да-да, нам об этом известно, — кивнул сутулый Мухарраф. — Но что с того? Вы же не предлагаете вместо регулярной армии использовать Имперскую стражу?
— Разумеется нет, — усмехнулся Баратис. — А вот моих специалистов — да.
Он сделал небольшую паузу, дабы присутствующие осознали смысл сказанного.
— Каким образом? — поинтересовался командующий гвардией. — Какой от этого будет толк? Разве пара колдунов способна заменить штурмовую колонну?
— Нет. Но я ведь не случайно упомянул Имперскую стражу, — спокойно ответил Баратис. — Без моих специалистов ее отряд может оказаться совершенно беззащитен перед колдовством врага, не так ли? Полагаю, инциденты с чародейками для вас не тайна. Значит, автоматически выходит, что каждый из моих людей обладает силой, способной совладать с несколькими десятками вооруженных воинов, если вдвоем они должны справиться с тем, кто в свою очередь справится со стражниками. Уже неплохо, согласитесь. А теперь представьте что произойдет, если в одном месте их соберется сразу десятка три.
Баратис вновь замолчал, давая слушателям как следует пораскинуть мозгами.
— Минутку! — воскликнул начинавший понимать ди-Шерриф. — Вы хотите сказать, что намерены бросить в бой тридцать колдунов?! Мы солдаты, и до сих пор никогда не прибегали к подобным методам!
— Хотите вы этого или нет, но придется, — пожал плечами Баратис. — Вам же прекрасно известна конечная цель северного похода. Мне неприятно это говорить, но без помощи моих людей вся армия повелителя может оказаться бессильной.
Издав возглас глубочайшего возмущения, командующий гвардией посмотрел на властелина Железных земель.
— Он прав, — подтвердил хан. — С могущественными чарами можно справиться лишь при помощи не менее сильного колдовства. А с нашей стороны будет еще и огромное войско. Союз мечей,

заклинаний и Липкого огня сломит любого врага! И когда мы с ним покончим, уже ничто не остановит становление Империи. А дабы быть уверенными в победе и испытать наши силы, самым наглядным образом послужит и затеянная операция. Наши колдуны покажут на что они способны. Если они преуспеют, армия Красной саламандры станет непобедимой; если же нет — на север можно даже не соваться. Их долго готовили, само их существование много лет держалось в секрете. И вот теперь они собираются выступить на сцену. Я сам должен убедиться в их эффективности, и лучшим доказательством послужит падение Кириона.

Даже если высшие сановники находили использование колдунов не слишком хорошей идеей, они не осмелились возразить повелителю, бывшему не только в курсе плана, а и лично стоявшему за его разработкой. Переглянувшись, ди-Шерриф и Мухарраф воззрились на да-Эрудана и по лицу последнего поняли, что ему давно уже все известно.

— Если такова воля повелителя, мы принимаем ее безоговорочно и внимательно слушаем его советника, — заявил командующий гвардией.

— Продолжай, Баратис, — кивнул ад-Сейдин.

— Прошу вас взглянуть на карту, — сказал колдун, протянув указку в направлении одного из поселений Кириона. — Здесь находится условная столица этой полуварварской страны. Мои люди используют не только свою силу. Они приложат ее с учетом культуры этого народа, его верований и обычаев. Наши колдуны разыграют такую карту, на которую армия, при всем ее несомненном потенциале физически не способна. И именно эта карта одним точным ударом не просто лишит Кирион верховной власти, а и дискредитирует ее в глазах всех кланов.

Баратис переместил указку и невольно загоревшиеся глаза присутствующих машинально передвинулись вслед за ней.

— Вот что мы сделаем, — начал излагать план колдун. — Вот здесь находится…

* * *

Ночь выдалась темной. Накануне шумно и зло бушевала непогода и грохотавшие молнии падали где-то в лесу, поджигая спонтанные костры. Они быстро затухали, но из-за поднявшегося тумана напоминали блуждающие болотные огоньки, навевавшие суеверные страхи. В этих краях всякий знал, что встретиться с таким огоньком не к добру, и ни в коем случае нельзя идти за ним, если только не хочешь навлечь на себя беду, а то и вовсе сгинуть в

топких дебрях. Появление же подобных огоньков в святилищах считалось очень дурной приметой. Неупокоенные души просто так не приходят, и либо святость места каким-либо образом нарушена, либо оно недостаточно справляется со своим назначением. Вот и сегодня не со стороны ли погоста виднелись подозрительные светлячки? Надо бы сказать жрецу, а то не ровен час…

Часовой поежился. Не столько от холода, ибо бушевавшее более суток ненастье отчего-то пролило с небес совсем немного воды, и было вполне себе тепло и даже сухо, но от неприятных мыслей. Сурового воина нельзя испугать ни врагом, ни смертью, но затемно на земле иной раз появляется такое, от чего лучше держаться подальше. Бесстрашные мужчины его племени никого не боялись на этой земле, но про другой мир — мир мертвых, — сказ был отдельный. Стоять на страже горда верховного вождя весьма почетно само по себе, но в темную ночь подобным удовольствием вполне можно поступиться. В окнах терема кое-где еще горел свет, но в остальном все городище погрузилось в сон. Лишь немногочисленные факелы на столбах светили себе под нос, выхватывая из густого мрака ближайшие предметы. Тишина — как в могиле! Хоть бы какая собака залаяла, но обычно горластые псы, не иначе как убоявшись громыхавших небес, помалкивали, разбежавшись по будкам трусливо поджав хвосты. Городище окружала дремучая лесная чаща, и лишь с одного края несла свои холодные воды неторопливая река. Только ни ее тихого плеска, ни уханья филинов не доносилось до уха часового. Внешний земляной вал с частоколом надежно защищал жителей от внезапного вторжения лесных обитателей или неприятеля. Вот только способен ли он помочь против потусторонних сил?..

Часовой снова поежился. Раздавшиеся неподалеку тихие шаги вывели его из оцепенения, но мужества явно не прибавили. Покрепче сжав копье, он напрасно таращился в ночную тьму, силясь разглядеть кто это там тащится.

— Эй, кого там несет? — хрипло осведомился часовой, стараясь, чтобы его голос предательски не дрогнул.

Ответа не последовало, только шаги стали еще ближе. Стоявший на посту у боковых ворот воин уж точно не стал храбрее, однако вопрос повторил, присовокупив к нему обещание пустить в молчуна стрелу. Чиркнувшее о кремень кресало выбило сноп ярких искорок, в свете которых заалела короткая табачная трубка, осветившая лицо человека. Оно было знакомым, поэтому часовой признал воеводу за пару секунд до того, как тот ответил:

— Спокойно, парень! Свои!

Часовой мигом приободрился и когда воевода подошел, его глазам

представился солидный рослый мужчина, никоим образом не косившийся во мрак, хватаясь за оберег и беззвучно шепча слова защитного наговора.
— Как дела дружок? — поинтересовался воевода, останавливаясь у часового и выпуская клубы ароматного дыма.
При каждой затяжке трубкой они окутывали его густую рыжую бороду, накладывая на ее и без того огненные завитки краснова-тый отблеск тлеющего табака.
— Все тихо, сенобл, — бодро, но приглушенно отозвался воин, молодцевато отсалютовав копьем. — Темно — хоть глаз коли, но тихо. Только гроза еще погромыхивает, будь она неладна. И как вы в такую ночину-то без огня?
— Да вот у меня огонь — верная трубка, — усмехнулся воевода.
Сенобл было типичным обращением к вышестоящему начальству или уважаемому человеку, что формально не всегда, кстати, совпадало.
— К тому же ты знаешь, в темноте я вижу не намного хуже кошки. Во всяком случае, в нескольких ярдах от себя, а больше мне в нашем родном горде и не надо, — добавил воевода, попыхивая трубкой.
— Что-то вы припозднились. Совещание у холдакса? — полюбопытствовал часовой, кивая на темную теперь боковую залу приземистого терема.
— Да, задержались у верховного, — добродушно кивнул рыжебородый, не одергивая воина за излишнее любопытство.
— Чужаки? — коротко прибавил часовой.
— Да, — снова кивнул воевода. — Составляли им ответ взамен на их очередное лестное предложение о дозволении топтать землю наших предков. Мы уж точно лучше знаем что бы они одобрили, а что нет! На то у нас и есть верховный вождь, чтобы разбираться в таких вопросах. Ему только сами предки могут приказывать.
Часовой согласно фыркнул, демонстрируя полную солидарность с неприязнью к чужакам, все чаще беспокоивших Кирион своими посланниками. Говорят, у них могучая армия. Что ж, пусть приходят, ежели им чего окажется не по нраву. Тогда и поглядим чего она стоит — не они первые, не они последние.
— Ладно, пойду, — сказал воевода, докуривая трубку. — Спать охота — сил нет. Уж глухая ночь стоит, только совы бдят да наши часовые, а мне еще вставать спозаранку.
— Доброй ночи, сенобл, — отсалютовал копьем часовой.
— И тебе того же, — отозвался рыжебородый и неспешно скрылся в темноте, направляясь прямиком к своему дому
Оставшийся на посту воин поправил чадивший факел, и облизы-

вавшее его пламя вспыхнуло ярче, выхватив из темноты все пространство подле боковых ворот, мимо которых только что прошел воевода. Внутри горда жили только высшие представители племени холдакса — верховного вождя. С семьями, разумеется. Помимо самого холдакса Врандга это означало присутствие воеводы, верховного жреца и троих примаго — военных советников верховного вождя по разным вопросам. Вероятно, они все и засиделись допоздна, и лишь сейчас огни в тереме окончательно угасли, сменившись изредка мелькавшим пламенем масляной лампы или лучины. Сам же горд представлял собой небольшое отгороженное собственным частоколом поселение внутри городища с обычными домами для обычных жителей. Внутри гордов селился вождь либо иная знать вместе с приближенными и домочадцами, а все остальные где-нибудь снаружи. Для дозора внутри горда выбирались воины из городища и это считалось большой честью — назначали только самых опытных и достойных. Свой-то дом у часового был несколькими улицами ниже окружавшего небольшой холм частокола, но идти туда затемно к счастью не придется, поскольку на посту его сменят не раньше утра. Можно, конечно, запалить и факел, но куда надежнее добрый глоток медовухи из спрятанной за пазуху фляги. Храбрости прибавится, а мимо нужных поворотов все равно и на ощупь не промажешь — одни бревенчатые заборы, за которыми лишь крыши домов и видно, знай держись рукой за стенку. Дозорным воинам, разумеется, выдавалось соответствующее снаряжение, включая факелы, но чем больше сэкономишь на нем за месяц, тем больше получишь жалованье. Усмехнувшись, часовой отхлебнул из обернутой в бересту фляги и почувствовал, как его нервозность перед темнотой отступает, сменяясь разгоравшимся в груди приятным теплом. В самом деле, кого внутри горда-то бояться? Здесь, за частоколом, вообще все свои, разве что какой-нибудь святотатец захочет поживиться добром верховного вождя или осмелится поднять руку на его священную особу, но с такими у стражи разговор короткий.

Лес по-прежнему молчал. Не напоминали о себе его ночные обитатели, не шумели хвойные кроны вековых деревьев. Молоком сгустившийся туман окутал их едва ли не до самых вершин, подступив к земляному валу городища. Он же стелился над речной водой, заливая ее от берега до берега непроницаемым полотном. Должно быть, туман и глушил все звуки, а продолжавшая ходить вокруг горда гроза разогнала по норам все живое. Луна и звезды спрятались за плотными тучами, но белую пелену вполне можно было разглядеть в свете факелов над внешними воротами городища. В самом же поселении его до их пор не наблюдалось. Оно

было относительно новым, это поселение — всего несколько веков от роду, когда очередной холдакс заложил здесь первый дом. С тех пор правящий клан неоднократно менялся, но многие верховные вожди выбирали своей основной резиденцией именно это место. Расположение его вблизи путеводного тракта, возможность перемещаться по воде на ладьях и естественная защита в виде рельефа, богатого на дичь и руды, делали такой выбор вполне обоснованным. К тому же святость созданного по всем правилам капища неоднократно подтверждалась добрыми знамениями и милостью духов предков. В нем проводились торжественные службы, когда по особым праздникам собирались предводители всех кланов, дабы убедиться в праведности полномочий верховного вождя. И год от года твердое и справедливое правление холдакса по-прежнему несло феодам мир и благополучие, разрешая внутренние конфликты и определяя внешнюю политику.

Стоявший у ворот воин встрепенулся лишь когда где-то в стороне вновь послышались неторопливые шаги, сопровождавшиеся каким-то тихим странным звуком. Будто ребенок нес деревянную трещотку, и она слегка погромыхивала движущимися частями. Очнувшись от накативших дум, часовой поднял голову и задал дежурный вопрос. Подходивший человек опять не отозвался, но на сей раз стражник не стал обещать отправить наугад стрелу, а просто повторил свое "кого там несет" более грозным тоном. Лишь на третий раз, когда ответа вновь не последовало, он переместил копье острием вперед и присовокупил пару членовредительских обещаний. Часовой особо не возмущался, предполагая, что это в очередной раз идет кто-то из сеноблов, а посему и не торопится отзываться на окрик призванного его же охранять часового. Под хмельком с ними такое часто бывало. Может быть, это даже возвращается кружной дорогой воевода, забывший что-нибудь у холдакса.

Часовой не ошибся. Ну, касательно воеводы вообще. Это действительно оказался он, собственной персоной, вот только вид его разом вогнал воина в такой дикий ступор, что он натурально превратился в изваяние. Даже лицо побелело так, что мало чем отличалось от гипсовой маски. Выглядел воевода неважно. Заплесневевшая одежда лохмотьями высовывалась из-под богато украшенного доспеха вместе с останками гниющей плоти. Иссохшие от тлена руки, обтянутые бурой, с язвами, кожей двумя плетями болтались вдоль костяного тела. Из обутых в дорогие сапоги ног в прорехи штанов торчали шишки коленей. Спутанные седые волосы свисали из-под стального шлема мятой грязной гривой. Через ввалившиеся щеки торчали зубы, а из провалов глазниц вместо

глаз горели два красных уголька. Шеи не было вовсе — там зиял сгнивший провал до самых позвонков. Раздававшийся с каждым шагом странный звук издавало не ожерелье или детская трещотка, а ударявшиеся кости. Едва ли с ушедшим не столь давно почивать воеводой могла произойти столь жуткая метаморфоза, но она с ним и не происходила. Просто это был другой воевода. Тот, что уже с год как скончался и покоился в домовине на четырех столбах в самом дальнем необитаемом конце горда, отведенном под родовой погост. Согласно обычаю, знатных предков хоронили всегда поблизости, дабы они своим незримым присутствием направляли потомков. Открытый же способ погребения мертвых являлся отличительной чертой Кириона. На его погостах вырастали целые избы на обкуренных столбах, где количество тлеющих обитателей варьировалось в зависимости от их социальной принадлежности и статуса. В иных домах на курных ногах размещалось под сотню покойников, разделенных на отдельные комнаты, ярусы и ложа.

Часовой, заикаясь, попытался что-то сказать и осознал, что утратил дар речи. Невыразимый ужас сковал его при виде ковылявшего благородного мертвеца. В том, что это был именно он, не имелось ни малейших сомнений. Появившись в свете факела, усопший воевода подходил все ближе, а стражник лишь похолодевшей рукой хватался за оберег, пытаясь выдавить из себя хотя бы отгоняющие выходцев с того света слова. Покойник положил костяную ладонь на рукоять меча, висевшего у него на жемчужном поясе со следами разложения. Прямо в глаза часовому уставились тлеющие в пустых глазницах красные огоньки. Стражника заколотило. Не в силах издать хоть какой-нибудь вопль, он, собрав всю волю в кулак лишь сумел приподнять копье и всадить его в грудь восставшему из гроба воеводе. Нижняя челюсть мертвеца отвалилась, и откуда-то из его гниющих внутренностей послышалось злобное шипение. Схватив костяными пальцами пронзившее его насквозь копье, покойник выдернул древко с такой легкостью, будто обращался с соломинкой. Лязгнул выхватываемый из ножен меч. Часовой попятился и собрался дать деру куда глаза глядят. Его сраженный безумным зрелищем мозг перестал мыслить рационально, и ни ударить в висевший рядом колокол, ни закричать во всю силу легких он оказался не в состоянии. После неудавшейся атаки копьем разума хватило лишь на жалкую попытку бегства. Увы, и она не увенчалась успехом. Не успел стражник сделать и пары шагов, как из темноты вслед за разлагавшимся воеводой выступило еще несколько мертвецов. Большинство из них было еще более жуткого вида, в разном облачении и на разной стадии

тления. Всех их объединяло то, что они немыслимым образом двигались, в их глазницах горел красный огонь, и они были вооружены. Затрясшиеся колени часового бессильно подогнулись. Объятый суеверным ужасом он осел на землю, не спуская налитых безумием глаз с подходивших покойников. Взмыл меч воеводы, сверкнув в тусклом пламени приделанного к столбу факела. Затем опустился, издав сочный мясистый звук.

Когда в городище ударил набат, часть домов уже пылала, охваченная жадным огнем. Полуодетые женщины, дети, хватавшиеся за оружие мужчины беспорядочно выбегали из жилищ, пытаясь разобраться в наполнивших пространство криках и сообразить что происходит. В пляшущем отсвете факелов и быстро распространявшихся пожарищ их встречали точно такие же жители, наталкивавшиеся друг на друга в паническом страхе. С беспросветно черного неба, поражая слух оглушительным грохотом, сыпались молнии. Каждый их удар испепелял на месте какого-нибудь человека или поджигал все новые дома и подсобные постройки. Не было от них никакой защиты, и поразить они могли кого угодно. Разве что не разгуливавших среди обычных жителей мертвецов. Вооруженные тем, с чем их похоронили на погосте, они методично раздавали удары направо и налево, сражая всех, кто пытался остановить их продвижение. Не сразу бившиеся в панике люди сообразили, что их мертвые предки — а это были они, — убивают лишь тех, кто осмеливался скрестить с ними клинки. Среди вздымавшихся к небу полыхавших костров того, что некогда было добротно срубленными домами они все шли и шли, минуя кучки трясущихся от ужаса потомков. Мертвая армия погоста, покинув свое вечное пристанище, шла к горду, окружая его со всех сторон.

Живые жители превратившегося в тленный кошмар городища разделились на три категории. Одни пытались оказать нежити сопротивление и быстро падали, сраженные их нечеловеческими по силе ударами. Их не мог бы выдержать и бык, не то что обычный воин. Мечи мертвецов рассекали броню, пронзали лучшие доспехи, разили наповал, уродуя брызгавшие кровью тела. Самих же их никакое оружие не брало и даже огонь — верный друг против любой поднявшейся из гроба твари не оказывал сколь-нибудь заметного действия. На эту немыслимую схватку взирала другая часть людей, неспособная ни сопротивляться, ни бежать. Последним занималась лишь третья, пока их соседи в панике смотрели на разверзшийся ад. Кто-то сообразил, что мертвецы убивают лишь тех, кто осмеливается встать у них на пути, кто-то просто нашел в себе силы целенаправленно удирать, а не метаться на ожившем кладбище среди пылающих стен. Иные более-менее ор-

ганизованно спасали семьи. Вот только покинуть городище им не удалось. Во всех воротах стояла стена непроглядной тьмы, и в ней тонула любая искра. Оттуда появлялись лишь все новые умершие, но живым в нее ходу не было. Рискнувшие сунуться во мрак смельчаки немедленно пожирались им так, будто вместо этой тьмы их охватывало жаркое пламя, пожиравшее плоть до костей. Сквозь окутывавшие тела черные клубы змеились бордовые трещины, прорывались сполохи огня. Но не было у него температуры. Это был холодный огонь. Дьявольский.

Все врата горда оказались запечатанными неведомой и явно потусторонней силой точно таким же образом. Более того, даже по его стенам в свете жарких пожарищ невесть откуда выросли колючие корневища, превратившие частокол в непроходимую преграду. Корневища не просто ощеривались своими острыми шипами — они шевелились наподобие змей, будто выискивая жертву непрерывно движущимися кольцами. И туда, к горду, вместе с мертвецами направлялись голубоватые болотные огоньки. Все большим числом они проникали в городище через недоступную живым завесу и тускло светящимися фонариками неторопливо плыли в нескольких футах над землей. Люди шарахались от них как от чумы, боясь прикосновения неупокоенного духа еще сильнее, чем объятий гниющего трупа. Ибо страшное это было касание. Человек, в грудь которого влетал огонек, мгновенно умирал. Черты его лица застывали навеки, покрытые инеем словно в лютый холод. Огоньки в долю секунды замораживали жертву заживо. Мертвецы шли и шли, гремя костями и горя угольками глаз, и меж них летели беспокойные души, освещая их погребальным светом. Взиравшие на поход армии мертвых жители узрели в небе над теремом холдакса кроваво-красный знак. Поначалу показавшийся лишь видением, он все ярче нарастал, пока не засиял настоящим костром, сложенным из множества раздельных углей. Зловещее это было сияние, поскольку местным жителям сей знак был хорошо знаком. Подобным символом обозначали древнее проклятье. Особо суеверные, забыв про творившийся вокруг хаос, упали на колени, творя молитвы. Другие застыли соляными столбами, не способные оторвать взгляда от парившего в воздухе зрелища. Воины опустили мечи. Никто больше не пытался остановить явившихся в город предков, в которых жители узнавали своих умерших родных, воспрепятствовать парившим над землей неприкаянным духам.

— Прокляты… Прокляты… Проклятье… Это проклятье… Это кара… — зашелестело по городищу среди гула вздымавшегося пламени и грохота все еще изредка бьющих молний.

Даже не подверженные религиозной истерии были не в силах противостоять разворачивавшемуся кошмару, не находя ему другого объяснения кроме гнева пращуров.

Все еще сопротивлялся лишь горд. Возникшие с родового погоста благородные мертвецы, перебив часть часовых, открыли ворота подходившей нежити. Уцелевшим стражам все-таки удалось поднять тревогу. Вот только сбежать через неожиданно окружившую горд мглу уже не вышло. Заблокированы оказались и оба подземных хода, тянувшиеся на случай непредвиденного бегства за пределы поселения. Там, как и на частоколе, сплошной массой воцарились шевелящиеся шипастые корни, готовые разорвать в клочья любого. Собравшись в две большие группы, верхушка правящего клана во главе с верховным вождем шарахалась то туда, то сюда, не находя выхода из образовавшейся ловушки. А к ним все ближе подбирались мертвецы. Выходцев из собственного погоста кое-как удавалось сдерживать уцелевшим воинам, но вряд ли при помощи верховного жреца, чьи ритуальные выкрики и завывания не приносили вообще никакого эффекта. Однако атакующих становилось все больше, и бежать от них было некуда. Последний, кто сунулся в завесу клубящейся тьмы, умер в таких жутких страданиях, что его печальный опыт не позволял повторить столь наглядный эксперимент. Вопли несчастного все еще стояли в ушах, перекрывая грохот молний, плач женщин и гул пламени. От его на глазах изъеденной плоти не осталось даже клочка, но белеющие в свете пожарища кости все еще торчали из стены мрака. Не лучше напоминали о себе и останки тех, кто имел несчастье попасть в объятия колючих колец частокола.

— В капище! В капище! — орал верховный жрец, подталкивая соплеменников в сторону окруженного высокой оградой святилища. — Укроемся в капище! Забаррикадируем входы! Святость этого места защитит нас от злых духов!

На первый взгляд идея была хороша, тем более что альтернативы у нее особо не имелось. Впрочем, в капище проследовали не все. Два примаго вместе с приближенными и домочадцами ринулись к терему холдакса и забаррикадировались в нем, не потрудившись даже дождаться всех желавших попасть туда же соплеменников. Последние пали под ударами мертвецов, пытавшихся высадить двери и забраться в спешно закрываемые наглухо окна. В капище же спрятались почти все, кто был еще жив и оставался снаружи — довольно-таки приличное количество народа, исключая нескольких защищавших вход воинов, прикрывавших отход верховного вождя. Только вот по здравому размышлению получалось, что из одной ловушки люди попросту забились в другую, еще меньшую

по размеру, выхода из которой уже вообще никуда не имелось.

Мертвецы окружили оба убежища, где верхушка правящего клана надеялась избежать жуткой участи. Предполагаемая святость капища давала им в этом некоторую надежду. Жрец и его прислужники кричали как ненормальные, срывая охрипшие глотки и совершая защитные ритуалы с таким приплясыванием, будто это танцевали с бубном северные шаманы. Их трясло от страха.

Первым пал терем. В него на удивление до сих пор не попала ни одна молния, хотя они во множестве били и в горд, и в городище. Мертвецы с методичным упорством ломали двери, старались пробиться в окна. Двери, однако, поставили на славу, а крепкие запоры были призваны сдержать даже удары тарана. Не лучше у атакующих обстояли дела и с окнами. Ходячие покойники не обладали должной подвижностью, дабы карабкаться по стенам, подоконникам и наличникам. Плотно затворенные ставни и придвинутая тяжелая мебель перекрыли им доступ и с этой стороны, превратив дом холдакса в наглухо запечатанную крепость. Казалось, запершиеся внутри люди наконец-то обрели безопасное укрытие, и лишь огонь грозил его непреодолимым стенам. Мертвецы же огня не несли, а молнии до сих пор ни разу не поразили ни терем, ни его окрестности. Собравшиеся в капище на некоторое время даже подумали, что ошиблись в выборе убежища, но им представилась возможность хотя бы на время убедиться в обратном. К терему, без помех минуя завесу тьмы, приближались болотные огоньки. Их голубоватое свечение стало еще ярче, когда они подступили вплотную к жилищу верховного вождя. Затем произошло нечто неожиданное. Огоньки воспарили вверх, скользя вдоль стен с такой же легкостью, с какой парили над землей. Добравшись до крыши, они устремились к вершинам печных труб и один за другим исчезли в глубине дымоходов. Это видели даже жители городища, в ужасе созерцавшие разворачивавшуюся трагедию. Спустя всего несколько секунд из терема раздались такие истошные крики, что их было слышно далеко за пределами горда. Они продолжались около минуты, показавшейся остававшимся в живых вечностью, а затем внезапно смолкли. Нетрудно было догадаться что послужило тому причиной, особенно когда часть огоньков покинула терем точно таким же образом, как и проникла внутрь. Осталось неясным отчего вдруг подались запоры на парадной двери терема. Один за другим мертвецы неторопливо проходили внутрь и скрывались в глубине обширного дома. Никто не знал что они там делали, поскольку теперь все внимание возможных наблюдателей сосредоточилось на капище.

Огоньки также подступили к его стенам. Казалось бы, они с

легкостью могут перемахнуть и их, поскольку высота ограды разительно отличалась от высоты терема в меньшую сторону. Тем не менее, огоньки остановились, не долетая до последнего рубежа какой-нибудь десяток ярдов. Мертвецы продолжали размеренно ломиться, но не особо напористо, и перекрытые входы вполне удерживали их снаружи. Верховный жрец приписал эту заслугу святилищу и себе лично, о чем незамедлительно и возвестил. Для собственного ли успокоения или для поднятия авторитета — осталось неизвестным, хотя на тот момент ограда капища действительно оставалась чистой, а немыслимый враг приближался к ней довольно неохотно. Только вот радость воспрявших духом людей была недолгой. В центре святилища, промеж ритуальных и родовых столбов земля вдруг подернулась какой-то дымкой. Затем из нее с бульканьем стала выступать мерзкого вида темная жижа сродни той, что в избытке наполняет недра топей. Так бывает при проседании почвы в заболоченной местности, но этот процесс обычно занимает достаточно продолжительное время. Здесь же он происходил прямо на глазах. Лужа быстро росла, расползаясь в стороны, бурля и выплевывая крупные пузыри. Отчетливо потянуло тиной. Не просто тиной — с привкусом могильного тлена, как если бы в грязь закопали трупы, а потоки воды размыли бы ее до состояния жижи вместе с гниющей плотью. Жрец и остальные вытаращенными глазами уставились на мерзкий процесс, казавшийся просто немыслимым в столь священном месте. А затем из гнилостной грязи показались щупальца. Ее края только начинали подступать к ногам все дальше жавшихся людей, а в центре болотины уже вздыбилось некое подобие спрута, шевелившее скользкими пупырчатыми конечностями. Каждый крупный пупырышек то сжимался, то разжимался, и из него то и дело выныривал белесый коготь. Подняв луки, воины принялись стрелять в непонятную тварь, состоявшую, казалось, все из той же жижи, только более плотной, сгустившейся настолько, что она обрела самостоятельность и ожила по прихоти неведомой силы. Стрелы с чавканьем втыкались в грязь, бессильно увязая в ней без всякого вреда для поднимавшегося из недр месива монстра. Продолжалось это недолго. Не потому, что воинам стало жалко стрел, а просто оживший сгусток вдруг начал выплевывать их обратно. Измазанные вонючей грязью острия со свистом рассекали воздух, проносясь мимо людей, а порой и попадая в них куда придется. Послышались болезненные вскрики. Рана в месте попадания стрелы тут же сильно опухала, плоть становилась сизой с черными прожилками, появлялся нестерпимо пахнущий гной. Казалось, это было касание самой смерти, ибо человек начинал гнить заживо. Шедшая было на убыль па-

ника резко пошла в гору. Люди закричали и принялись беспорядочно метаться, стараясь избежать подползавшей к ним участи. Но бежать было некуда. Жижа занимала все больше пространства, и вот она уже миновала не только внутренний круг ритуальных столбов, но и средний. Внутренний зашатался, а затем с гулкими звуками стал погружаться в разверзшуюся пучину. Толстые высокие столбы один за другим, фут за футом уходили в некогда твердую землю, которую не могли размыть даже сильные дожди. Капище превращалось в бездонное болото, источавшее сильный трупный запах.

Снаружи усилились какие-то голоса. Поначалу их совершенно нельзя было разобрать на общем фоне криков, гула пожарищ и издаваемого мертвецами шума. Теперь же они слышались довольно отчетливо. Трясущиеся от страха люди затыкали уши, стараясь не слышать раскаты непонятной зловещей речи. Это загробными голосами вещали восставшие мертвые предки, неся проклятье и погибель живым потомкам. Трясина подступала. Кто-то, оступившись, уже упал в нее и теперь, истошно вопя, старался выбраться из ее чавкающих объятий. Несчастных жертв соплеменники тянули изо всех сил, и пока это даже удавалось, но глубина скрытой в жиже ямы поражала воображение. Впрочем, вытягивали не всех. Тем, до кого доползали отвратительные, непрерывно впускавшие и выпускавшие когти щупальца помочь было уже ничем нельзя. Они утаскивали добычу прямиком в центр некогда святого места, где неистовствовал неведомый монстр. Его обвившие жертву конечности вонзали в нее хищно подрагивавшие крючья когтей, оказавшихся полыми. Сквозь них из агонизирующего тела тут же начинала высасываться горячая кровь на радость жадно хлюпающему чудовищу. Затем затихшая обескровленная оболочка навсегда исчезала в дьявольской пучине.

Многие предпочли такой кончине встречу с мертвецами. Жижа уже миновала последний, внешний круг столбов и теперь вовсю сокращала остававшуюся нетронутой полосу земли. Не слушая уже никого — ни верховного вождя, ни жреца, оказавшихся неспособными обуздать адское отродье, люди пытались отворить входы. Не тут-то было! Они оказались намертво запечатаны некой неведомой силой, и сброшенные запоры не играли никакой роли. Двери оставались как влитые, и все попытки отворить их стали столь же успешными, как если бы попавшие в ловушку бедолаги попробовали раскатать бревна изгороди. Не желая погибать в воняющем трупами месиве и когтях гнусной твари, люди подставляли к ограде все что можно, карабкались друг по другу наверх. Те, кому это удавалось, безумными глазами смотрели вниз.

Вокруг капища, шириной в несколько ярдов, вплотную к стене разверзлось оплавленное кольцо; пышущий жаром разлом совершенно неопределенной глубины. Отчетливо потянуло серой. Мертвецы уже не колотили в двери — они стояли по его внешнюю сторону плотным строем. Часть из них раскачивалась в каком-то одним им ведомом ритме, оглашая пространство хриплым карканьем непонятных слов. Дюжина человек, оседлав изгородь, совершенно утратила возможность соображать, оказавшись между двумя смертоносными ямами — бездонным огнем и чавкающим болотом. Впрочем, ограда капища в данный момент казалась безопасной и все больше людей взбирались на нее как могли, поскольку воняющая мертвечиной трясина уже вплотную подступала к могучим бревнам. Ненадолго. Как-то по-особому хлюпнув, чудовище исторгло крупный ком черной тины. Мелькнув в воздухе, он ударил одного из сидевших на ограде мужчин и тот, кувырнувшись наружу, с отчаянным воплем полетел прямо в пламенеющую пучину. Живым в ад. И новый плевок. И новая жертва отправилась прямиком в преисподнюю, на радость обитавшим там демонам. Терявшим рассудок людям даже казалось, что они слышат доносящийся из недр разлома хохот. Или не казалось?

Пребывавший в смятении народ городища видел как погибало капище. Оно находилось на самой высокой точке холма и хорошо просматривалось над частоколом горда. На вершине ограды, окруженные исходившим из раздвинувшейся земли красным свечением, сидели их соплеменники, представители верхушки правящего клана, и один за другим падали в жгучую бездну. Простой народ уже никто не трогал. Все мертвецы и болотные огоньки проследовали в горд. Пожары все еще бушевали, но новых очагов не появлялось — удары молний прекратились и теперь вовсю догорали и рушились лишь объятые пламенем постройки. Жители городища, однако, стояли как вкопанные, сраженные открывшимся зрелищем. Полыхавший в небесах знак, возвещавший о проклятье, обрушил свою ярость на святое место. Некогда святое, не иначе, ведь такой ужас мог приключиться лишь на осквернённой земле. На глазах соплеменников некоторые представители знати, мужчины и женщины, сами, помутившись рассудком, с сатанинским смехом прыгали со стены в ту или иную сторону. В том числе прижимавшие к себе детей матери. Изгородь была достаточно широка, чтобы на ней одновременно могло уместиться немало человек, а посему и присутствие на ней детей тоже оказалось вполне возможным. И они не избежали общей участи. Внутри, от края до края раскинулась зловонная топь с бурлящей жижей, пожравшей всех, кто не успел забраться наверх. От ритуальных и родовых

столбов не осталось и следа. Снаружи неумолимо пламенел раскаленный разлом, и в него, одна за другой, слетали сбиваемые плевками болотного отродья обреченные жертвы. Тварь выросла поистине исполинской. Цеплявшиеся друг за друга и за вершину ограды люди были не в силах удержаться под ударами исторгаемых ей тяжеленных комьев тины. Затем наступил конец. Речь раскачивавшихся мертвецов достигла своего апогея. Земля задрожала так, что вибрация ощущалась по всему городищу. Раскаленный разлом начал шириться, подступил под изгородь и в него стали обваливаться бревна вместе с остававшимися на них обезумевшими страдальцами. Несколько минут — и на месте капища образовался жаркий кратер, куда ухнули и последние представители верхушки правящего клана, и ограда, и болото с разросшимся в нем чудовищем. На какое-то время все стихло, и лишь к темному небу поднимался отсвет от распахнувшихся земных недр. Затем земля вновь задрожала и красное свечение угасло. Адские глубины сомкнулись. О святилище теперь напоминала лишь большая воронка. Напоследок из нее с гулким шумом вылетело с дюжину крупных предметов, с грохотом свалившихся где-то внутри горда. Через несколько секунд там окончательно наступила тишина. Испытавшие чудовищный шок жители городища далеко не сразу осознали, что кошмар окончен. Часть их домов еще пылала, но знак в небе погас. Бесследно развеялись голубоватые болотные огоньки, исчезли покрывавшие частокол извивающиеся корни. От стен мглы, пожиравших все живое, также не осталось ни малейшей тени, а мертвецы осели не землю и более с нее не вставали. Опомнившиеся люди в панике бросились прочь, покидая поселение и ныряя в начинавшийся развеиваться туман.

Они провели ночь в лесу, дрожа от страха и холода. Их не могли согреть даже разведенные костры, а в рот не лезло ни кусочка чудом подвернувшегося под руку провианта. К утру от тумана не осталось ни облачка. Он словно втянулся в почву и лес приобрел присущий ему суровый, но красивый и привычный вид. Группа смельчаков, обустроив женщин и детей, рискнула вернуться в городище. Там было тихо как на погосте, которое оно, в общем-то, не столь давно и напоминало. Огонь не перекинулся на все постройки, и сгорела только часть домов, хотя сейчас мало кто представлял себе возможным вернуться обратно. Пройдя по безлюдным улицам, наполненным запахом пожарищ, воины заглянули в горд. Здесь были уничтожены все дома, кроме терема. Кругом вповалку лежали мертвецы. Они более не шевелились, свалившись кто куда. Двигавшая их неведомая сила покинула тлеющие тела, и теперь они таращились глазницами в прояснившееся небо, испус-

кая тяжелый трупный запах. От капища осталась лишь здоровенная воронка, от обитавших же в горде людей — ни следа. Их всех поглотила минувшая ночь и ярость разбушевавшейся потусторонней стихии. Зато нашлось кое-что другое. Выброшенными из провалившегося в недра земли святилища оказались родовые столбы племен. Всех, кроме правящего клана. Его так и не смогли отыскать. Внутри же неведомо как уцелевшего терема мертвецы также уничтожили все носившее на себе его печать. Остальные же знаки остались нетронутыми, включая государственную символику чужаков, лежавшую на видном месте — Красную саламандру.

* * *

Весть разлетелась быстро. Подхваченная народной молвой, она прокатилась по всему Кириону, постепенно достигая его самых далеких окраин. Люди испуганно перешептывались. Не столь страшно было потерять верховного вождя — выбрать-то можно и нового, подумаешь годик-другой кланы посталкиваются лбами, — сколько то, как именно он оказался потерян. Показания очевидцев, найденные на месте красноречивые и пугающие свидетельства — все говорило о том, что сами предки восстали с погоста против неправедных действий холдакса Врандга. Восстали и покарали его и всех приближенных страшной смертью, включая родных и близких. С предками шутки плохи. Их заветы надо чтить, их обычаи требуется соблюдать. Неслучайно вся центральная власть держалась на этих незыблемых китах, исповедуемых всеми племенами, и пока ее легитимность подтверждалась добрыми знамениями, она была безоговорочной и нерушимой. И вот в один момент эта власть исчезла, прогневив духов, ибо только они имели полное право ее низвергнуть. Сам правящий клан по большей части уцелел, лишившись только верхушки. Среди простых людей потерь было относительно немного, и, опять же исходя из свидетельств, предки пришли за лидерами, а не их соплеменниками. Клан, разумеется, быстро попал в разряд изгоев. От него все шарахались, боясь прикоснуться к крамоле, навлечь на себя сень их проклятия, а пострадавшее городище стало необитаемым и даже запретным. Ведь не случайно на месте низвергнутого в адскую бездну капища нашли все родовые столбы племен, кроме принадлежавшего к верховному вождю! Ох, не случайно! Духи прямо сказали, что не гневаются на остальных, и не стали забирать священные символы других народов. Вместе с тем обычных жителей они все-таки оставили в живых, не переложив на них вину правящей верхушки. Ее соплеменникам дозволили искупить грех, в чем бы

он ни состоял, и однажды, возможно, это произойдет. До тех пор пусть найдут себе новое пристанище и держатся стороной. Их не будут объявлять вне закона и гнать прочь, но и задерживаться среди чтущих предков людей им тоже не стоит. Зато вожди племен с благосклонностью встречали посланцев Великого хана. Символику его власти, обнаруженную в уцелевшем тереме проклятого горда, как и знаки прочих родов нашли полностью нетронутой, хотя все остальное было повреждено или уничтожено мертвыми пращурами. Учитывая произошедшее — достаточно красноречивое обстоятельство, и лучше бы от него не отмахиваться. Доселе прохладно встречаемые чужаки пользовались вышедшим на новый уровень гостеприимством. Вожди кланов старались выяснить, чем могло быть вызвано подчеркнутое внимание духов, расспрашивая иноземцев о делах, которые они вели с низвергнутым холдаксом. Те, не таясь, честно поведали, что просили верховного вождя о дружбе. Предлагали многостороннюю помощь товарами и технологиями взамен на дозволение основать несколько небольших фортов на незанятой земле и позволить войскам Великого хана перемещаться с севера на юг и с юга на север, никоим образом не тревожа местных жителей. У самого же Великого хана и в мыслях не было злоумышлять против благородных племен прекрасной страны, и в это непростое время он предпочел бы заключить с ними полноценный взаимовыгодный союз. Верховный вождь ответил категоричным отказом, заявив, что в таком союзе не усматривает надобности. Великий хан не терял надежды, продолжая отправлять к нему послов и даже не помышляя действовать силой, но холдакс Врандг был непреклонен.

Вожди, быстро обмозговав услышанное, сделали соответствующие выводы. Мнение холдакса предков явно не устроило, и, похоже, не устроило сильно, если они усмотрели в нем настолько значительный ущерб для всех объединенных кланов. Возможно, не стоило столь поспешно отказываться от дружбы с могущественным властелином, Империя которого, по слухам, росла день ото дня, и который при этом относился к суверенитету Кириона с должным уважением. Возможно, ему следует оказать несколько пустяковых услуг. Если предки не тронули флаг и печати Красной саламандры, не уничтожили писем и вообще ничего из того что нашлось в проклятом тереме, не слишком ли опрометчиво будет отнестись к такому очевидному вниманию с пренебрежением? Даже если холдакса покарали за нечто иное, предки ясно дали понять, что не видят ничего предосудительного в появлении Красной саламандры на своих исконных землях. В разумных, конечно, пределах. Что ж, в таком разе эти пределы можно и обсудить, и если

все обстоит именно так, как и поведали гости, то какой-то взаимовыгодный компромисс вполне допустим. Тем более вскоре предстоят выборы нового верховного вождя, и заручиться поддержкой и ресурсами могущественного союзника будет, пожалуй, отнюдь не лишне. Ведь не исключена значительная вероятность, что в конечном счете победит сильнейший, как сплошь и рядом происходило и в былые времена. И подобные мысли посетили всех вождей племен, принимавших у себя посланников Великого хана.

Члены малого военного совета при ханской ставке были ошеломлены. В кратчайшие сроки сразу от нескольких кланов Кириона поступило согласие на переговоры и допуск на земли своих феодов. Разумеется, не просто так, но их запросы были каплей в море по сравнению с тем, что могла потерять Красная саламандра, увязни она в этом недружественном краю. И больше всего — время, столь драгоценное в стратегической перспективе. Впечатлены оказались даже ди-Орт и да-Эрудан, а про командующего гвардией и главу особой канцелярии и вовсе говорить не приходилось.

— Как?! — вот, в основном, к какой краткой сути сводились сыпавшиеся на Баратиса вопросы.

Ад-Сейдин специально собрал приближенных, посвященных в план этого особого советника, дабы тот поведал им о действиях своих людей, раскрыл некоторые детали. Ведь в дальнейшем колдунам предстояло сражаться с армией бок о бок, участвовать во множестве операций и в итоге занять свое заслуженное место в новой Империи. Остальным же про это до поры знать не полагалось. Для всех прочих, включая даже высокопоставленных вельмож, предложение со стороны вождей Кириона — заслуга исключительно дипломатии посланцев. Баратис на сей раз выглядел более солидно в глазах присутствующих, жаждавших узнать подробности, а посему позволил себе немного потянуть время, вновь знакомя слушателей с картой, прежде чем приступил к повествованию.

Колдунам было хорошо известно о верованиях племен этой полуварварской страны. Они укоренились в их сознании настолько прочно, что пытаться продуктивно действовать вразрез с ними было абсолютно бесперспективно. Стало быть, следовало использовать эту их упертость должным образом, обратить силу, скреплявшую их ослиным упрямством, в слабость. Холдакс избирался согласно воле предков, и пока его приказы соответствовали устоявшимся традициям, только предки могли дать понять, что он им не угоден. Уж к каким ухищрениям прибегали жрецы, дабы обеспечить соответствующие чудеса и знамения, и верили ли они сами

во всю эту белиберду — вопрос отдельный, однако факт оставался фактом. И колдуны пришли к простому выводу: раз с верховным вождем нельзя договориться, а армия помочь не в состоянии, значит всю работу сделают предки. В прямом смысле слова. Ведь даже преуспей посланная ханом диверсионная группа в устранении правящей верхушки, она в результате способна добиться как раз обратного результата. Догадавшись чьих рук это дело, племена настроились бы настолько враждебно, что переговоры остались бы недостижимой мечтой. Замысел же колдунов предполагал использование их самой ортодоксальной части обычаев и верований в своих интересах. Вступать в переговоры с какими-то там духами и убеждать их повлиять на ныне живущих потомков не имелось ни малейшей необходимости даже при наличии такой возможности. Колдуны, хорошо изучив диспозицию и разработав план, попросту использовали мертвые оболочки. Согласно традициям, кирионцы хоронили своих усопших открытым способом, помещая их в своеобразные избы на обкуренных ногах. Сами избы могли отличаться по внешнему виду, от большого дома без окон до индивидуальной домовины, а обкуривал опоры жрец. На этих опорах жилище покойника стояло на земле, и упомянутый ритуал как провожал усопшего в загробный мир, так и удерживал его от возвращения обратно. Видимо, для верховного жреца стало большим сюрпризом, что толку от этого ритуала немного, зато колдуны воспользовались более чем удачным стечением обстоятельств. Всего и делов было открыть дома мертвых, чтобы те беспрепятственно вновь ступили на землю. Сами же погосты располагались не только вблизи от городища. Согласно тем же традициям, благородные покойники хоронились в особой части горда, дабы своим незримым духом всегда быть вблизи правящих потомков и направлять их советом и помощью. Это существенно упрощало задачу, и прямо в центре лагеря противника у колдунов появился диверсионный отряд. Подготовка была очень тщательной. Следовало разместить особые руны на домах, куда должны ударять молнии, нанести незримые простым людям знаки на изгородь, линию врат и много чего еще. Все последующие заклинания били точно в цель, и без предварительных действий их реализация была бы гораздо слабее, а то и попросту стала невозможной. Колдуны до поры хорошо маскировались под приезжих гостей и беспрепятственно перемещались по городищу, используя маскировочные чары. С величайшей, разумеется, осторожностью, зная их сложную специфику. Труднее всего пришлось в горде, но они попали туда в группе посланников ад-Сейдина. Дальше уже — дело техники. Накануне запланированной атаки колдуны в преддверии множества управляемых мол-

ний спровоцировали серьезную бурю, навеявшую жуткую грозу, но сильного дождя не допускали. В их намерения плохая видимость никак не входила, а вот нагнать в лесу туману стоило, дабы суеверные жители не заметили никаких манипуляций на погосте и не заподозрили неладное. Когда нужный час настал, мертвецы, повинуясь чарам колдунов, поднялись из своих последних пристанищ и отправились играть отведенную им роль. Среди этих мертвецов шагали и сами колдуны, изменившие внешность при помощи одежды и обыкновенного грима. Маскировочные чары могли спасть да и отъедали лишние силы, а для них это был слишком большой риск. Часовых удалось ликвидировать без лишнего шума, пользуясь их суеверностью и навеянным дурманом. Затемненное сознание не позволило им вовремя поднять тревогу, и мертвецы беспрепятственно отворили ворота. Когда их наконец-то заметили, было уже поздно. Молнии били в строго отведенные места, а колдуны заклинаниями разжигали пожары, пользуясь действием заранее расставленных рун. Было важно чтобы все городище не сгорело дотла вместе с жителями, поскольку им требовалось множество свидетелей. Руны противоположного действия удерживали другие постройки от возгорания, и колдуны периодически вмешивались, дабы бушующее пламя не перекинулось на них. Болотные огоньки, перепугавшие суеверных кирионцев, на деле были сгустками стихии холода. Эдакий шарик, обладающий настолько низкой температурой, что при касании попросту замораживающий цель прямо на месте. В крупном бою толку от него немного, ведь каждая такая сфера требует подготовки для вызова и их количество сильно ограничено. Куда проще перебить врага другими средствами, включая банальные мечи и стрелы, но в данном случае они подходили идеально. Заморозив для наглядности нескольких людей, болотные они же могильные огоньки беспрепятственно проникли в терем через дымоходы и перебили всех кто там укрылся. Затем колдуны без помех отворили никем более не удерживаемую дверь и под видом мертвецов вошли внутрь. Там они старательно уничтожили все символы правящего клана и многое другое, но в обязательном порядке показательно-нетронутым оставили родовые знаки других племен и символику Красной саламандры. Флаг, письма, дары и печати, размещенные на видных местах, просто обязаны были приковать к себе внимание любого явившегося посмотреть на последствия. Существовала, правда, вероятность, что кирионцы со страху и вовсе не сунутся в терем, но колдуны слегка помогли им набраться мужества, скорректировав эмоциональный настрой. Ведь они способны не только внушать ужас и дурманить сознание.

Сложнее всего дело обстояло с капищем. Все должно было выглядеть так, что святилище с предсказуемо укрывшимся там холдаксом пожрет сама преисподняя, являя собой такое же наглядное доказательство гнева предков, как и соответствующий знак в небе. Последнее, правда, довольно простой фокус сродни ярмарочным развлечениям. Тем не менее, сил собравшихся одним скопом колдунов хватило чтобы осуществить задуманное, и на глазах у жителей городища их капище постигла весьма незавидная участь. Выплюнутые напоследок столбы — тоже часть тщательно разработанного плана, и она более чем удалась. Прочие заклинания вроде стен тьмы и колючек на частоколе также себя вполне оправдали, а искать где у холдакса подземный ход — очевидное предположение — даже не понадобилось. Чары по периметру изгороди действовали не только по поверхности, но и пробивали находившиеся под ними пустоты. В конечном счете, добившись желаемого результата, колдуны сняли все свои заклинания, и жители оказались предоставлены сами себе. Большинство из них поддалось влиянию, и их оцепенение от страха носило не только природный характер — колдунам было важно заставить их смотреть на происходящее, особенно на горд. Часть кирионцев, однако, пыталась убежать, но заклинатели им не препятствовали, дабы не испортить общую картину. Просто не выпускали за пределы городища.

В итоге все сработало в лучшем виде, а затем несколько незначительных манипуляций со знамениями и другой ерундой у прочих вождей — и вуаля! — послов Великого хана встречают как дорогих гостей. Без особых колебаний предводители племен согласны допустить воинов Красной саламандры на земли своих феодов и мечтают о дружбе с Империей. Вот вам и наглядный пример, когда слепая вера и упертая приверженность традициям, неспособность мыслить самостоятельно и рационально ведет вас как овец на бойню, а вы и в ус не дуете.

Когда Баратис закончил, на некоторое время воцарилось молчание. Ди-Шерриф и Мухарраф находились под сильным воздействием от услышанного и довольно долго подбирали слова.

— Способности ваших людей, несомненно, впечатляют, — осторожно произнес, наконец, командующий гвардией. — Но поднимать мертвых... Мне одному кажется что это уже как-то через чур?

— Цель оправдывает средства, — спокойно заметил Баратис. — К тому же мы не тревожили останки граждан Империи.

— Я наслышан о том, что называют некромантией, — подал голос и глава особой канцелярии. — Неспроста это дело пользуется столь дурной славой.

— Вот потому и пользуется, что владеющие ей умеют вот так переломить ситуацию, сделать то, что неподвластно куда более щепетильным людям, — парировал колдун. — Кроме того, мы следовали интересам Империи и с дозволения повелителя. Без его одобрения мы и шагу не ступим, действуя строго в рамках заранее оговоренного. За редким, может быть, исключением в силу критических обстоятельств.
Хан кивнул, когда взоры сановников невольно обратились на него.
— Хорошо, пусть так, — проворчал ди-Шерриф. — А что мешает вам точно так же обратить ваши способности против нас?
— Даже если бы мы захотели это сделать, а это не так, ибо мы не желаем отвечать повелителю столь черной неблагодарностью, то вы сами и мешаете, — парировал Баратис.
— О чем это вы? — озадаченно спросил военачальник.
— Да полноте вам! — усмехнулся колдун. — Армия от нас мокрого места не оставит, случись-таки нечто подобное. Ведь сразу станет ясно чьих рук подобные проделки. Мы заинтересованы в вас, вы в нас. Мы поможем вам разбить врага, с которым вам, уж простите, без нашего содействия не совладать, а вы дадите нам спокойно жить и не беспокоиться о своем будущем. И то и другое пойдет на пользу новой Империи, и ее могущество останется в веках, прославляемое на все времена.
— Почему же тогда лишь столь узкий круг лиц посвящен в ваше участие? — не унимался высший гвардеец.
— Потому что широкому кругу людей, и особенно простым солдатам, горожанам, обывателям, куда труднее объяснить, что идет на пользу Империи, а что нет, — пояснил доселе молчавший ди-Орт.
— Работа этих специалистов уже оказалась бесценной, ведь именно с их помощью мы сами отныне владеем секретом изготовления Липкого огня, — заявил ад-Сейдин. — Их участие в дальнейшем также строго необходимо. Полагаю, вам излишне напоминать о некоторых прелюбопытных событиях в моей собственной столице. А ведь там была всего одна женщина, которую так и не поймала вся стража Солтенстила, хотя гонялась за ней с высунутыми языками. Теперь представьте, если их будет две сотни!
Сановники переглянулись, сообразив, что имеет в виду повелитель.

Баратис, само собой, сначала сообщил обо всем лично хану Гийюру, едва только поступили вести от исполнителей, и продолжал держать его в курсе. Его доклад заметно отличался куда большими подробностями, не упомянутыми затем на малом военном совете. Однако самый полный отчет получил Дегонис. Несколько позднее, разумеется, ведь на доставку сообщения от став-

ки ад-Сейдина на севере Восточного Бафиона до Солтенстила требовалось время. В послании, составленном на таком языке, что понять его могли весьма немногие, Баратис извещал старшего колдуна о ходе событий, не вдаваясь в красочное описание деталей, поскольку упоминаемые вещи Дегонис прекрасно знал отнюдь не понаслышке. Ему следовало передать результаты, а не произвести на него впечатление как на прочих. Хитрым образом запечатанный пергамент, быстро обращающийся в прах, если его не открывала опытная рука, нейтрализующая заклятье, содержал следующие строки:

"Учитель. Наш план продолжает успешно развиваться. Манипуляторы доказали свою эффективность в полевых условиях, осуществив санкционированную ханом операцию в Кирионе. Уровень развития их индивидуальных сил и слаженность действий позволили беспрепятственно осуществить задуманное. Призыв Болотника прошел как по маслу. С Разломом также не возникло проблем. Пока что он был еще довольно незначительным, но каждая новая жатва будет увеличивать его площадь. Покровители остались довольны. Награда не заставила себя ждать, и Манипуляторы сообщают о росте уровня энергии. Их способности воздействовать на сознание и эмоциональное состояние людей, особенно в их массе, увеличиваются. Городище холдакса Врандга стало отличной площадкой для испытаний. О полном контроле, разумеется, речь не идет, ибо мы оба знаем, что это не под силу никому из живущих. Тем не менее, слабые умы они искусно направляют в нужную сторону, а на средние влияют достаточно существенно. Люди даже не подозревают, что их реакция носит не природный характер, а действия спровоцированы посторонним вмешательством ни в процессе, ни после. Манипуляторы имели возможность в этом убедиться, когда вели дальнейшее наблюдение за обработанными объектами. Сильные умы им пока что недоступны, но и в их сознании порой удается посеять зерна сомнения. Усиление колебаний и сглаживание положительных эффектов вплоть до полного снятия — их следующая ступень развития. Прогнозы на это самые благоприятные. Способность деморализовать противника и настроить его против наших врагов становится все более реальной.

Хан теперь уже официально ввел Манипуляторов в структуру Империи как боевые единицы. Пока еще только на малом военном совете, где помимо двух его фаворитов присутствовали ди-Шерриф и Мухарраф, но начало нашей открытой деятельности положено. Статус помощников по особым вопросам остается в прошлом. Присутствие Манипуляторов в миссиях послов отлично удается скрывать озвученной мной на малом военном совете ле-

гендой. Все полагают, что они исподтишка проделывают пугающие суеверных людей фокусы и даже не подозревают насколько значителен их вклад в лояльность вождей Кириона и решение тех вступить с Красной саламандрой в переговоры. Работать с этими дремучими варварами Манипуляторам труднее всего, хотя, казалось бы, должно быть наоборот. Воздействовать на эмиров, беев и прочих владык, подталкивать их к нужному решению было куда проще даже для их прежнего уровня развития. Благодаря успехам наших специалистов дипломатия Красной саламандры до сих пор продвигалась семимильными шагами. К сожалению, исходя из донесений верных нам людей, вынужден сообщить, что твои предположения, учитель, оказались верны. На севере от подобного вмешательства нам лучше воздержаться. Влияние врага там слишком велико, и мы очень рискуем себя раскрыть.

Добрая весть. Хан вновь допустил нас к своему сыну. Теперь наследный принц Камаль находится под нашим неусыпным надзором. Приставленные к нему Манипуляторы не допустят, чтобы с ним хоть что-нибудь случилось. За его жизнь и безопасность они отвечают головой. Сделать это иной раз непросто, поскольку юноша рвется принимать личное участие в боевых действиях и его пыл приходится умерять. Отец по-прежнему вверяет его заботам Дир Абала, недавно произведенного в чин имперского адмирала. Когда флот пойдет вверх по Шиале, трое Манипуляторов отправятся с Камалем, дабы обеспечить свое непрерывное присутствие. Помимо прочего они постараются не допустить, чтобы принц крови рисковал собой так, как он это делал при штурме Тироля. К сожалению, Шиала загибает слишком далеко на северо-восток, из-за чего и возникла вся задерживающая нас возня с Кирионом. С каждым днем противник становится все ближе к разгадке планов Красной саламандры, и это чревато непредсказуемыми последствиями. Флот отплывет в нужный час, дабы отрезать любую возможную помощь врагу с восточных берегов реки. Об этом часе я извещу тебя позднее, учитель, сразу как только сам узнаю о нем от хана. В свою очередь прошу тебя сообщить мне о сроках прибытия следующей группы Манипуляторов. Несмотря на их очевидные успехи в совершенствовании способностей, для полноценного вторжения нынешнего количества недостаточно, а ввиду последних событий хан может захотеть ускорить продолжение кампании. Если есть возможность, их отправку желательно ускорить, увеличив при этом численность. Твой верный ученик Баратис.

P.S. Хан и его приближенные полагают, что в Кирионе было задействовано около трех десятков наших людей. Реальная цифра им неизвестна.

P.P.S. Гексенхаммер пока не объявлялся."

В своем послании Баратис не обращался к Дегонису "мастер", как это делали все остальные, именовал "учитель" и называл на ты. Баратис имел на такую фамильярность полное право. Лишь этого невзрачного, низенького и щуплого колдуна Дегонис считал своим истинным учеником и лишь ему доверял все планы. Только для Баратиса появление Манипуляторов не оказалось сюрпризом, как не оказалось и многое другое. И лишь Баратис знал конечную цель всех замыслов. Именно поэтому в сообщении он и употреблял слово "наш" в соответствующем контексте. Однако пока это письмо шло к адресату, старший колдун был озабочен одним чрезвычайно важным делом, о котором не знал даже приближенный ученик.

Старшего колдуна уже который день заботили поиски столь некстати исчезнувшей девчонки, внучки шейха. Не забывал он и про остальные дела, но это у него оказалось в высшем приоритете. После разговора с Кальпитой, помещенной под надежную охрану дабы она снова не выкинула какой-нибудь фортель, Дегонис как следует обдумал слова отравительницы. Сильная привязанность между ан-Бакиром и его внучкой была ему хорошо известна, раз уж ей столь удачно пользовались для воздействия на старого упрямца и саму юную заложницу. Возможно, Кальпита права, и девчонка все еще где-то в Солтенстиле, нашла себе убежище и обдумывает как связаться с близкими ей людьми. Довольно глупо, надо сказать, поскольку в этом случае у Дегониса появляются неплохие шансы выйти на ее след. Сам-то он, доведись ему оказаться на месте беглянки, постарался бы удалиться от города как можно дальше, для начала затерявшись в массе людей, а затем перемещаясь вдали от основных трактов. Но что взять с молоденькой дурехи?..

Вошел Пириаст. Дегонис поморщился, раздосадованный, что его отвлекли от раздумий, но под извечным капюшоном это осталось незамеченным. Впрочем, он сам, помнится, вызывал помощника узнать как идут означенные поиски. Просто тот припоздился, и старший колдун успел позабыть о его грядущем визите.

— Ну? — коротко осведомился Дегонис.

— Имперская стража не нашла и следа девчонки, — сообщил Пириаст. — Они продолжают обшаривать город.

— В каком это смысле — обшаривать? — оторопел старший колдун, мигом представивший как дюжие молодцы усердно переворачивают Солтенстил вверх дном. — Я же велел — ни малейшего шума! Чтобы ни одна живая душа даже не заподозрила кого они ищут! Что они вообще кого-то ищут!

— Я не это имел в виду. Я хотел сказать, что они внимательно

проверяют город, подключили всех ищеек и соглядатаев, — быстро поправился Пириаст. — Пока ничего.
— Ясно, — мрачно отозвался Дегонис. — Хорошо, можешь идти. Вели продолжать поиски и держи меня в курсе.
— Мастер, я все никак в толк не возьму. Если девчонка еще в столице, почему бы просто не объявить ее в розыск? — почесал в затылке помощник.
— Потому что я не желаю поднимать нездоровую шумиху вокруг этой истории, — пояснил старший колдун. — Именно поэтому я замял происшествие во дворце. Для всех дело обстоит так, что девчонка просто сбежала и не вернулась. Возможно, потерялась. Я это даже ее деду втолковывал, когда он пристал ко мне с расспросами почему внучка не приходит на свидания. Мне с трудом удалось привести его в чувство. В чем он меня только не обвинял… Я ему заявил, что хочу увидеть его внучку живой и невредимой не меньше, чем он сам. Знал бы он, что я ничуть не лгу… Какое там!
— Это потому теперь все Хранители живут под одной крышей по соседству с той женщиной, Далиной, где была и девчонка? В бывшем доме Кальпиты, — сообразил Пириаст.
— Да. Мне насилу удалось втолковать упрямому шейху, что я сам без понятия что случилось и постараюсь приложить все силы чтобы найти девочку. Аккуратно и без шума. А когда найду, тогда он сам и спросит чего ей вдруг в голову ударило, — подтвердил Дегонис. — Ты знаешь, когда я это ему озвучил, он как-то изменился в лице и перестал на меня наседать. Возможно, решил, что внучка и впрямь могла куда-то отправиться. Знать бы куда…
— Мастер, а вам-то она зачем? — у Пириаста, видимо, поднакопилось вопросов, и теперь он пытался хоть как-то прояснить ситуацию.
— Считай, что я пытаюсь избежать скандала с принцессой, — отрезал Дегонис. — Поэтому девчонка нужна мне живой, невредимой и со всеми вещами, которые при ней найдут. Если кто-то ее хотя бы поцарапает или украдет хоть булавку из ее волос, я устрою ему такой кошмар, в сравнении с которым побледнеют самые изощренные пытки! Так и передай. Нашедшего же ждет большая награда. ОЧЕНЬ большая.
— Так может, мы не там ищем? Может, она давно не в Солтенстиле? — развел руками помощник.
— Она в Солтенстиле, — помедлив, отозвался Дегонис. — Ищите лучше. Тысяча золотых тому, кто приведет ее ко мне. Тебя это тоже касается. Все, оставь меня!
Пириаст исчез. Посмотрев ему вслед, старший колдун негромко вздохнул. Полной уверенности в своих же словах он не испытывал.

Вместе с тем, лучше бы это было так. Однако эти дуралеи из Имперской стражи, пожалуй, до зимы искать будут. Манипуляторы, следуя его прямому приказу, стараются изо всех сил, но их возможности все же не безграничны. Что ж, значит, все-таки пора подключить кое-что еще. Ведь его личный Покровитель тоже считает, что девчонка где-то неподалеку. Он чувствует кровавый рубин. Увидев его через Око, он уже не может его забыть и требует отыскать как можно скорее. Он говорит, это не просто камень. И не простая безделушка. Ах если бы сам Покровитель тогда проявил немного сдержанности и не спровоцировал последовавшую сцену… Вместе с тем, для Дегониса в создавшейся ситуации нашлись и плюсы. Покровитель наделил его дополнительными возможностями. Теперь ему по плечу было нечто новенькое. Правда, довольно опасно использовать это в городе, но таково Его желание. Ну, пусть будет так. Проклятье, и почему он, Дегонис, заранее не поставил метку на эту девчонку?! Ищи теперь иголку в стоге сена…

Глухая ночь застала колдуна на берегу Идлиса, подле зева одного из огромных сточных тоннелей. Место было совершенно безлюдным. Стекавшие в реку городские сбросы посетителей не привлекали, а прилегавшая местность достопримечательностью также не являлась. Этой грязи, нечистот, выброшенного на топкий берег гниющего хлама и старого полуразмытого кладбища в соседстве со скотомогильником избегали даже нищие и бродяги, а стража и добропорядочные жители и вовсе обходили стороной. Для Дегониса же оно подходило как нельзя кстати. Углубившись в тоннель по замызганной дорожке и не обращая внимания на дурно пахнущую воду, он нашел подходящую площадку пошире ярдах в пятидесяти от выхода. Покатая стена оказалась заиленной менявшимся уровнем реки, и ее пришлось сначала отчистить, прежде чем разрисовать особыми мелками. Для того что Дегонис задумал годилась даже такая поверхность. Когда с этим было покончено, колдун разложил Круг Призыва и зажег красные свечи. Здесь, в тоннеле, он мог не опасаться что его кто-нибудь увидит. Немного теплой крови на настенный рисунок, куски еще не остывшей плоти здесь и здесь — ну, можно начинать…

Признаться, Дегонис ждал результата не без некоторого внутреннего трепета. Врата к Кругу Призыва открывались и прежде, превращаясь из сложного изображения на стене в колеблющийся односторонний портал, но до сих пор он использовал его для чего попроще. Сейчас же ему предстояло сотворить доселе недоступное. Поэтому когда из врат показалось то, что он надеялся увидеть, колдун без ложной скромности преисполнился гордости и

уверенности в собственном могуществе. Покровитель не обманул и доверил ему власть и над этим. Теперь и он не должен подвести Покровителя.

Близилась середина июля. Когда Дегонис закрыл портал и погасил Круг Призыва, гонец с письмом Баратиса как раз сделал первую смену лошадей. Прошло около двух недель с тех пор как Манипуляторы осуществили операцию по устранению и дискредитации холдакса Врандга, и менее недели со дня вызова Сирелины в зал Совета. О последнем, разумеется, ни Дегонис, ни Баратис не знали, как до этого чародейки не успели узнать и о событиях в Кирионе. Одновременно никто из них понятия не имел про разговор в одной маленькой компании.

– 9 –

Примерно в ту же пору когда Баратис отправил письмо старшему колдуну, несколько дней отмалчивавшаяся Илиана неожиданно объявила ребятам что уходит. Ее заявление не вызвало у них большого энтузиазма. Обитатели заброшенной насосной станции уже заметили, что с тех пор как у Галаны произошло самое сильное за все время видение новенькая девушка сама не своя. Она постоянно о чем-то задумывалась, часто отвечала невпопад, стала какой-то рассеянной и то и дело хмурилась, уставившись невидящими глазами в пространство. Это происходило с ней даже во время занятий с самыми юными обитателями убежища, но от расспросов Илиана упорно уклонялась, а окружающие особо не настаивали. Вероятно, они решили что новенькую напугало поведение Галаны, и это произвело на нее не самое благоприятное впечатление. Так считала даже Фатима, поглядывая на светловолосую девушку без укора во взоре, но с некоторым разочарованием. В известном смысле ребята оказались правы: Илиана действительно кое-чего страшилась, но отнюдь не девчушки с косичками.

— Как? Почему? Ну чего ты? — посыпались на Илиану со всех сторон эмоциональные вопросы.

К ней уже настолько привыкли, и она у всех вызывала такое живейшее расположение, что вот так взять и на пустом месте потерять новую подругу никто не хотел. Илиана чувствовала себя просто ужасно под взглядами ребят. Она уже собиралась пробормотать подходящее оправдание своему намерению, как вдруг кто-то тронул ее за локоть.

— Это из-за меня, да? — спросила Галана, глядя на нее мокрыми щенячьими глазами.

У Илианы чуть сердце не разорвалось от этого несчастного взгляда. Придуманная было легенда застыла на языке.
— Ну что ты, конечно же нет! — воскликнула она, но из-за избытка чувств ее слова прозвучали несколько специфично и девчушка им явно не поверила.
— Зачем ты меня обманываешь? Скажи правду, — всхлипнула Галана. — Мне же рассказали что тогда произошло. Я тебя испугала и больше не нравлюсь. Ты больше не хочешь находиться рядом с такой как я!
— Милая моя, ну с чего ты это взяла? — ласково взяла ее за руку Илиана.
— С того! — обиженно выдернула лапку девчушка. — Потому что с того момента тебя как подменили!
— Галана, ты тут совсем не при чем, — продолжала увещевать Илиана, чувствуя, как ее голос звучит предательски фальшиво.
Не потому что она лгала, а потому что истинная причина была очень близка.
— Уж честно призналась бы как есть и спокойно ушла. Никто тебя винить не будет, — угрюмо произнесла Фариза. — Только не мучай почем зря бедняжку! Она и так из-за своих особенностей настрадалась.
Галана, окончательно расстроившись, вырвалась из рук пытавшейся ее обнять Илианы, бросилась на постель и горько расплакалась.
— Силы небесные, да я просто не могу подвергать вас такой опасности! — вырвалось у Илианы, не выдержавшей душевной муки.
Она тут же прикусила язык, но было поздно. В убежище повисло молчание. Даже Галана, живо перестав рыдать, подняла голову и уставилась на Илиану с изменившимся выражением лица.
— Та-а-ак, а вот с этого момента поподробнее, — негромко предложила Фариза, подходя ближе и усаживаясь рядом с проболтавшейся новенькой.
Илиана попробовала было отпираться, но слово, как говорится, не воробей. На нее насели все обитатели убежища, включая вернувшуюся Галану. На ее щеках еще не высохли слезы, которые она утирала ладошкой, но новых уже не появлялось, а во взоре читалось неподдельное внимание.
— Какой смысл мне рассказывать? — уныло вздохнула Илиана. — Когда вы все услышите, то сами меня прогоните.
— А вот это уже нам решать, — заметила Фариза, и остальные подтвердили ее реплику кто возгласами, кто кивками.
Илиана, отнекиваясь, машинально покосилась в сторону двери.
— Даже не думай, — усмехнулась Дэя, заметив этот красноречи-

вый взгляд.
Она демонстративно подошла к выходу, заперла его на замок, а ключ сунула себе в карман. Затем вернулась к столу и устроилась напротив Илианы.
— Выпущу когда расколешься. Может быть, — подмигнула она.
— Что ж, будь по-вашему, — закусила губу Илиана. — Только постарайтесь потом не кидать в меня камни, а просто выставьте похорошему. Я ведь и так собиралась уйти сама. И мне будет тяжело увидеть ваши… изменившиеся лица.

Стараясь не смотреть никому в глаза, она негромко поведала куда более приближенную к действительности историю своего побега. Разумеется, во все подробности своей жизни она не вдавалась, но непосредственно относящиеся к текущей ситуации моменты не скрывала. Ее решение в самом деле связано с видением Галаны, только не потому что она испытывает к девочке неприязнь, а из-за содержания самого видения. Кто бы ни был упоминавшийся в нем некто в черном, он явно придет за Илианой. Она его не знает, зато прекрасно понимает о каком огненном оке шла речь и что за кровавый рубин зовет его неизвестного хозяина. Сцену во дворце, где Илиана жила и более этого не скрывала, хотя и не упомянула как и почему там оказалась, она описала довольно детально, не забыв рассказать и про отравление тети Далины. Также Илиана показала свой медальон с каплевидным кроваво-красным рубином, проведя прямую связь между ним и жутким огненным оком. Говоря про капитана Ларадона, она скупо роняла слова, еле выдавливая их из себя, а закончила все известием про черных колдунов, гнездившихся в подземельях дворца. По ее предположениям, за ней придет кто-то из них, потому что это четко прозвучало в посетившем Галану видении. И он все ближе. Стало быть, ей надо уходить, потому что это очень плохие люди, и она не хочет навлечь беду на ни в чем не повинных обитателей убежища.

Когда Илиана закончила, она, опустив голову, смотрела прямо в пол, страшась поднять на кого-нибудь взор.
— Теперь, когда вы все знаете, позвольте мне уйти, — тихо произнесла она. — Вам лучше держаться подальше от такой как я и от тех бед, что я с собой несу. Я понятия не имею как поступит с вами черный колдун, если найдет меня здесь. Может быть, никак, а может быть… не оставит свидетелей.
— Почему ты не рассказала нам сразу? — спросил Ангур.
— Потому и не рассказала. Какой вменяемый человек захочет жить с ведьмой? — хмуро отозвалась Илиана. — Я собиралась уйти на следующий же день, но задержалась. А потом еще и еще. Не

знаю что меня удерживало. Эгоизм, не иначе. Всяко лучше оставаться тут, чем идти куда глаза глядят.
— Дура ты, а не ведьма, — беззлобно усмехнулась Фариза. — А не ушла ты потому что не бросила ребят, понимая, что в твоих силах им помочь. Ушел бы как раз эгоист. Оставил бы пару монет в благодарность за спасение и ушел, предоставив маленьким нищим и дальше влачить свое жалкое существование. Ведьмы так не поступают. Ведьмы не лечат, не заботятся о младших, не учат их грамоте и вообще не ведут себя так, как ты!
— И не убивают, — глухо отозвалась Илиана. — Капитан гвардии, разумеется, сам себя прикончил.
— Ты защищалась, — парировала Фариза. — Нам известно что ты целитель. Твоя история это лишь подтвердила, просто попутно выяснилось, что ты и сама этого не знала. Что же касается того гвардейца… Кто знает какое злое колдовство из того огненного глаза исказило твои природные способности. Ты об этом не задумывалась? Сама сказала, что гвардеец был под действием неких чар, и чар явно не светлых. Так с чего ты взяла, что произошедшее с ним исключительно твоих рук дело, а не влияние чьей-то злой воли, пусть даже и не преднамеренное?
Илиана впервые с тех пор как ее разговорили подняла глаза и посмотрела на старшую девушку. На лице той не было и намека на враждебность. Наоборот — там читались участие и сострадание. Говорила она явно искренне, и говорила такое, о чем сама Илиана как-то раньше не задумывалась. Инверсия действия. Да, кажется, Сирелина что-то такое упоминала. Особый вид нейтрального колдовства, когда положительный эффект преобразуется в отрицательный и наоборот. Иными словами, вместо того чтобы согреть человека ты его заморозишь, а при попытке вылечить — навредишь. Гм, такое вполне возможно. Илиана робко оглядела остальных. Ни в чьем взоре она не увидела неприязни. Ребята на удивление явно не собирались ее линчевать и излучали вполне очевидное дружелюбие.
— А ты умеешь убеждать, — слабо улыбнулась Илиана. — Совсем как Сир…
Ох, что-то она стала больно болтливой. Столько раз уже языком намолола, а теперь еще и чуть чародейку не выдала. К счастью, оборванный конец фразы прошел у всех мимо ушей.
— Мы все считаем тебя хорошим человеком, но Галана у нас лучше любого индикатора. Если она так думает, значит так и есть. Кто мы такие чтобы спорить с ясновидящей? — подмигнула Дэя.
Она достала из кармана ключ от входного замка и демонстративно помахала им перед Илианой.

— Хочешь ключик? А вот и не получишь, — рассмеялась она, и ее смех подхватили все остальные.
Громче всех заливалась Тиша, привалившаяся к Илиане с правого бока. С левого к ней под локоть подсунулась Галана, давно забывшая про горькие слезы.
— Если ты еще не поняла, мы своих в беде не бросаем, — коротко подытожила Фариза. — А ты для всех нас теперь своя.
— Но что же мне тогда делать? — развела руками Илиана, неожиданно ощутив, как у нее с души свалился огромный тяжкий груз.
Ей вдруг стало так легко, словно она вот-вот оторвется от скамьи и воспарит к потолку. Крутившее нервы напряжение спало и на смену ему пришло чувство глубокого облегчения.
— Я вам всем очень благодарна за теплоту и поддержку, правда, спасибо! — искренне продолжила Илиана. — Но вы не понимаете с кем мне, видимо, предстоит столкнуться. Это черные колдуны. Для них что десятилетняя Тиша, что взрослый воин — вообще никакой разницы. Пачкой прихлопнут и не заметят. А вы ребята, уж простите, ну точно не воины. А они — зло, к которому очень серьезно относятся даже чародейки!
Тьфу ты, неладная, опять язык бежит впереди телеги! Илиана прикрыла ладонью болтливый рот, но окружающие поняли ее слова исключительно в сравнении.
— Да, мы слышали о чародейках, — кивнула Дэя. — О них ходит немало легенд. Говорят, в Солтенстиле пару раз кого-то из них пытались поймать. Шуму было… Стража заявляла что преуспела, да в народе не иссякают слухи что их оставили с носом. Мне говорили про снежную бурю посреди жаркого лета и стражников, разбегающихся от падающих ледяных глыб. Жаль я не видела этого зрелища!..
— Это настоящие волшебницы! Совсем как в сказках! Вот бы увидеть! — мечтательно воскликнула Тиша.
У Илианы язык чесался рассказать про свое знакомство с Сирелиной и похождения чародейки, а заодно и поведать что джинн, снежная буря и одураченные помятые стражники — сущая правда. И помимо прочего объяснить, что сестер из далекой обители по большей части представляют совсем не такими, какие они есть, и все чаще эти заблуждения не в их пользу. Нет уж, хватит на сегодня с ребят потрясений.
— Так что же мне делать? — повторила свой вопрос Илиана. — Нельзя просто так сидеть и ждать когда за мной придет… тот, в черном.
— …Как мрак, который его породил, — эхом добавила Фариза, тоже хорошо запомнившая слова из видения Галаны. — Да, ты пра-

ва, нельзя. Но горячку пороть не будем. Сейчас предлагаю лечь спать, ибо время уже позднее. А завтра и решим как поступить. И повторю еще разок, для особо непонятливых: мы своих в беде не бросаем. На тот случай, если захочешь потихоньку ускользнуть пока все спят, знай: ты этим всех очень сильно обидишь. До глубины души, и мы тебе этого не простим. Все, живо умываться и по кроватям!

В сточных тоннелях, как Илиана уже узнала от своих юных друзей, обитали не только они. Сеть подземных коммуникаций Солтенстила была поистине огромной, соединялась множеством переходов и лазов, и не было, наверное, ни одного человека знавшего ее досконально. У реки, в глубоких подземных каналах, обустраивали свои убежища контрабандисты. Наряду с ними совершенно законные грузы поставлялись на лодках прямо в прибрежные дома, ибо многие имели в подвале люк к такому вот сообщению с водной дорогой. Расположенные вблизи Идлиса склады, мастерские и даже гостиницы имели обширные подвалы, зачастую соединявшиеся дверью покрепче с подземной городской сетью. Туда беспрепятственно можно было выбросить испортившиеся продукты или слить чаны отработанных жидкостей. На санитарное состояние города это влияло всяко лучше, нежели нечто подобное происходило бы прямо на заднем дворе или на улице. Вообще без развитых сооружений доставки питьевой воды открытым арычным и закрытым трубным способом вкупе с мощной инженерно-технической системой сточных вод Солтенстил просто не смог бы разрастись до нынешних огромных размеров. Поэтому не приходилось удивляться его обширным подземным пространствам и тому, что там обитали деклассированные элементы общества, преступники, сумасшедшие или просто чудаки. Поодиночке и группами они подыскивали себе места поприличнее и порой жили там на протяжении многих лет. Ребята старались держаться поодаль от подобного соседства и их заброшенная насосная станция, находившаяся в довольно уединенном секторе, очень этому способствовала. Когда неподалеку показывался какой-нибудь оборванец, ему даже в голову не приходило что где-то тут сокрыто неплохо обустроенное и довольно уютное, хоть и сыроватое жилище.

Один из таких оборванцев как раз устроился на ночлег, забравшись в нишу стены тоннеля неподалеку от реки. На поверку ниша оказалась довольно маленькая. Целиком там бродяга не помещался, зато в ней было суше и уютнее, нежели на полу шедшей вдоль центрального сточного русла дорожке. Такие имелись вдоль стен каждого тоннеля, дабы служащим и иным людям не приходилось месить грязь по колено, а то и по пояс в мутной воде. Подсте-

лив листы картона и развернув на них коврик, бродяга разложил рядом свои скромные пожитки, улегся и почувствовал себя намного лучше. Недавняя погоня порядком его измотала, но преследователи остались с носом, а он с добычей. За серебряный подсвечник удалось получить кое-какие деньжонки. Теперь в мешке имеется еда и бутылка отличного крепкого пойла! Открыв пробку, бродяга приложился к содержимому и удовлетворенно крякнул, почувствовав обжигающее действие спиртного. Отломив кусок от краюхи хлеба, он присоединил к ней вареное яйцо, половинку луковицы, и принялся с удовольствием жевать. У обычного человека исходивший от воды запах отбил бы всякий аппетит, но оборванцу было не привыкать. Темновато только, ибо свет в сточный тоннель проникал лишь через отдушины в вентиляционных стержнях и водостоки. Видимость здесь даже днем была так себе, а ночью вообще хоть глаз коли. Да и ладно! На сей случай у бродяги имеется старый масляный фонарь. Прикрутил его, чтобы светил себе под нос, поставил рядышком — и никаких проблем.

Где-то неподалеку послышался негромкий шум. Бродяга уже задремал, как следует приложившись к выпивке и утолив томительное чувство голода, но машинально поднял голову и нащупал рукой мешок с припасами. Крысы, будь они неладны! Этих тварей везде хватает, а в тоннелях они иной раз обитают колониями. Поговаривают, что больных и немощных они даже могут сожрать заживо. Брешут, конечно, но за припасами лучше приглядывать. Подтянув к себе провизию поближе, бродяга вновь было стал клевать носом, как шум повторился. Крысиную возню он отнюдь не напоминал. Скорее — чью-то крадущуюся походку. Бродяга обеспокоился. Обычно обитатели тоннелей не нападали друг на друга, считая эту территорию нейтральной, но и грабежи здесь все-таки отнюдь не редкость. Некоторые отбросы общества промышляли даже здесь, среди таких же обездоленных или скрывающихся от общества элементов. Бродяга похлопал ладонью рядом с собой и нашарил рукоятку большого мясницкого ножа. Старый и с зазубринами, он все еще хорошо служил своему хозяину и не раз помогал выпутаться из какой-нибудь передряги. Чьи-то шаги как будто стали ближе.

— Эй, кто там, проваливай подобру-поздорову, — проворчал бродяга из своей ниши, всматриваясь в темноту.

Шаги стихли. Кто бы их ни производил, он замер на месте, прислушиваясь. Прислушивался и оборванец, продолжая ломать глаза о непроглядную тьму. Ниша располагалась так, что он мог бы видеть уходивший вдаль тоннель, миновавший ее на изгибе. Вот только отсвет слабого огонька масляной лампы, поставленной на

дорожку, окончательно не позволял что-либо рассмотреть.

Минут пять бродяга, привстав на локте, силился уловить хоть какие-нибудь признаки жизни. Потом, проворчав несколько ругательств, он снова опустил голову на подобие подушки, намереваясь заснуть. Наверное, незваный гость ушел на цыпочках, не желая затевать свару с бодрствующим человеком. Однако стоило бродяге задышать ровнее, начав погружаться в сон, как в тоннеле опять послышались звуки движения, причем на этот раз они оказались совсем близко. Бродяга струхнул. Живо сев на своей убогой постели, он схватил нож и недвусмысленно выставил его перед собой.

— Только сунься, кем бы ты ни был! — хрипло заявил он, помахав лезвием. — Кишки выпущу.

Ответа не последовало. Вместо этого буквально в нескольких ярдах раздалось нечто очень похожее на стук когтей по камню и тихое рычание. Оборванец испугался всерьез. Похоже, к нему в гости явился отнюдь не человек, и сейчас он находился очень близко. Высунувшись из ниши, бродяга, продолжая держать впереди нож, протянул руку к масляной лампе, крутанул фитиль и убрал заглушку. В следующую секунду он в ужасе отпрянул назад, вытаращив глаза. Свет ярко загоревшейся лампы выхватил из темноты стоявшее буквально ярдах в четырех чудовище. По виду оно напоминало крупную собаку, но одного взгляда было достаточно, чтобы уяснить — это сходство достаточно условно. Вместо шерсти на теле зверя клубилась тьма, ходя по ней волнами так, как треплет порой ветер обычную мохнатую шкуру. В глазницах отражался красный огонь, вспыхнувший при попадании в них лучей от светильника. В вытянутой ощеренной пасти виднелись зубы. Нет, не обычные белые или желтые клыки, а будто тлеющие на концах угольки. Внутренней же части пасти не наблюдалось. Вместо нее за остриями клыков перед взором представал все тот же непроглядный мрак. Из могучих, волнующихся чернотой лап торчали здоровенные когти. Они то и издавали тот постукивающий о камень звук. Откуда-то из утробы этого порождения тьмы доносилось глухое рычание. Неудивительно, что без источника света бродяга не замечал это чудовище даже вблизи — оно попросту сливалось с наполнявшей тоннель чернотой, словно являясь ее ожившей частью.

Тварь присела на изготовку, осклабив пасть еще шире, как делают псы перед тем как броситься. Бродяга, в ужасе вскрикнув, замахал перед собой ножом.

— Убирайся! Прочь, исчадие ада! — крикнул он, чувствуя как по спине побежали мурашки.

Его прошиб холодный пот, а заледеневшие руки затрясло будто от сильнейшего похмелья. Дьявольское отродье зарычало еще злее и сделало несколько шагов вперед с очевидно недружелюбными намерениями. Оно недвусмысленным образом готовилось к нападению, но при этом косилось куда-то чуть в сторону. Огонь! Тварь боится огня лампы! Осененной этой мыслью, бродяга вновь высунулся из ниши и схватил светильник, намереваясь выставить его перед собой и не подпускать чудовище ни на дюйм. Слева, практически в упор, раздалось утробное рычание, и в нос отчетливо ударил удушливый запах серы. Бродяга повернул голову и окаменел. В полутора ярдах от него, осклабив зубы, стояла еще одна тварь, точная копия первой. Застигнутого врасплох человека захлестнула паника, но сделать он уже ничего не успел. Коротко рыкнув, клубящаяся тьмой собака рванулась вперед и вцепилась в державшую светильник руку. Казалось, будто в плоть вонзилось раскаленное клеймо кузнеца, которым обычно метят домашний скот. Вскрикнув от пронзившей его жгучей боли, бродяга выронил лампу, немедленно разбившуюся о каменную дорожку. Через осколки стекла пролилось остававшееся в ней масло, и перед нишей полыхнуло пламя. Сквозь него, все с тем же глухим рычанием, прыгнула первая собака и ударила бродягу в грудь, отбросив его в нишу. Тот истошно заорал, в безумном страхе отмахиваясь ножом. Лезвие скользило вдоль жуткого туловища, вздымая на нем сполохи тьмы, но не нанося сколько-нибудь заметного вреда. Чудовище вгрызлось в державшую лезвие кисть. Пышущие жаром челюсти сомкнулись, обжигая кожу, и пальцы кричащего бродяги разжались. Зазвенев, нож упал на кирпичный пол ниши, а в нее уже ворвалась вторая собака и насела на отбивавшегося человека, заваливая его на пол. Злобный хрип и звуки с хрустом перемалываемых костей наполнили маленький закуток. Ополоумевший от ужаса оборванец отбивался как мог, окончательно утратив остатки разума в захлестнувшей его жуткой боли. Чудовищные псы, горя распалявшимися с каждым новым укусом красными глазами, неистово терзали плоть, срывая мясо до костей и подбираясь к горлу. На несколько секунд тоннель наполнили такие звуки, которые заставили бы побледнеть даже самого стойкого на свете человека. Разрываемый живьем на части несчастный вопил так, что содрогались камни. Затем тлеющие углями клыки вскрыли трахею и сонную артерию. Несчастный, закатив глаза, забился в предсмертных судорогах, захлебываясь собственной кровью. Еще через несколько секунд наступила тишина, прерываемая только звуками жуткого пиршества двух ненасытных глоток.

Когда все было кончено, от человека остались в основном

только обглоданные кости в груде изодранной окровавленной одежды. Пресытившиеся порождения мрака, отойдя от ниши, потянули носами, а затем на сей раз совершенно беззвучно побежали в разные стороны.

На исходе вторых суток, когда Илиана, Фариза и Дэя препирались что же им в итоге следует предпринять, явился Ангур. Подойдя к столу, он схватил чайник и с шумом стал пить прямо из носика. Фариза хотела было сделать ему соответствующее замечание, что культурные люди с общей посудой так не поступают, но когда юноша поставил чайник обратно она увидела что он белый как мел.

— Что это с тобой? На тебе лица нет! — воскликнула она.

— Мне кажется, я кого-то видел, — выдавил из себя Ангур, опершись руками о стол.

Пальцы его дрожали. От солидной порции воды ему явно полегчало, но общее состояние продолжало соответствовать сильнейшему нервному напряжению.

— Кого? Где? — спросила Фариза, не сводя с него пытливого взора. — Да говори уже!

— Погоди! Ты же видишь, он напуган, — сказала Илиана.

Вытащив то, что с некоторых пор именовалось аптечкой, она быстро намешала в стакан каких-то капель, после чего едва ли не насильно сунула посудину Ангуру.

— На! Пей! До дна! — велела она.

Когда юноша опорожнил стакан, ему стало заметно лучше. Илиана знала толк в снадобьях, и хорошее успокоительное подействовало на пациента благоприятным образом. Руки перестали дрожать, а взор стал куда более осмысленным. На лицо постепенно возвращалась краска, дыхание выравнивалось.

— Садись. Рассказывай! — велела Фариза, положив ладонь парню на плечо.

Илиана и Дэя придвинулись поближе. Уже устроившиеся на кроватях самые юные обитатели убежища оторвали головы от подушек и навострили уши.

Ангур ходил на разведку в удаленные от насосной станции части подземелья. Обычно ребята старались не вступать в контакт с бродягами, но на этот раз ему вменялось в задачу поразнюхать всякие слухи и сплетни. Среди вороха болтовни могла проскользнуть и интересующая обитателей убежища информация, не имеющая значения для прочих, но чрезвычайно важная для них. За бутылку выпивки нищие и бродяги становились даже словоохотливее чем за деньги и с удовольствием делились последними новостями, как на поверхности, так и под ней. Им всегда было что

порассказать, но сегодняшние новости звучали несколько тревожно. За последние двое суток в сточных тоннелях нашли несколько разорванных людей, по всей видимости, одиночек. Их обглодали подчистую, кожи-то почти не осталось. Судя по прорехам на одежде и царапинам на костях, это была работа какого-то животного или животных, что куда вероятнее. В местах прикосновения клыков одежда и кости казались слегка обожженными, и это выглядело еще страннее, чем сам по себе факт такого нападения. Подобные случаи порой приключались и прежде, когда стая крыс заедала обессилевшего человека, либо же группа бездомных собак, забредшая от реки, с голодухи нападала на кого-нибудь из бродяг. Вот только случаи эти были единичными, а тут поговаривают что за минувшие два дня число жертв идет едва ли не на дюжину. При этом никто толком ничего не видел, если не считать баек чудаков и конченых пьяниц о неких тенях, таящихся в темноте.

Слушая эти красноречивые россказни, навеянные больше крепким спиртным, нежели достоверными фактами, Ангур старался осторожно разузнать, не разыскивает ли кто-нибудь молодую девушку, не наводит ли о ней справки. Бродяги, гогоча, отвечали, что таких девушек разыскивают все кому не лень и обычно находят в соответствующих заведениях у разного рода мадам. Юноша потратил целый день, пытаясь нащупать в нескончаемом ворохе сплетен и сальных историй признаки грозящей Илиане опасности, но улов его в итоге оказался не слишком велик. В последнем подземном притоне он проторчал допоздна и ускользнул когда бродяги затеяли очередную свару. Несколько показанных Илианой приемов ему очень пригодились и сунувшаяся к Ангуру пара пьяных оборванцев живо оставила его в покое, узрев ловко закружившее жало меча. Поспешив оставить сточный притон, юноша кружной дорогой отправился домой, на случай если кто-то из местного отребья увяжется за ним. Его опасения не оправдались и все было тихо вплоть до тех пор, пока до насосной станции не осталось всего три поворота. Здесь Ангуру почудилось что кто-то следует за ним на грани слышимости. Остановившись, он прислушался, но в тоннеле не раздавалось ни звука. Постояв с минуту, юноша продолжил путь, но через некоторое время вновь ощутил где-то позади чью-то едва уловимую поступь. Это ему не понравилось. Свернув за угол, Ангур прошел немного вперед, а затем вдруг рысью ринулся назад, до отказа выкрутив фонарь. Вылетев на перекресток, он поднял его высоко над головой, дабы свет как можно дальше ударил в стороны. Тогда он и увидел ЭТО. Из темноты что-то выступало. Что-то, похожее на крупную собаку, только это было явно нечто другое. Одно мгновение — и ОНО метнулось во

мрак, причем казалось будто выскочивший из него плотный сгусток просто вернулся обратно, скрываясь от устремившегося к нему света. Глазам Ангура на долю секунду представились два красных зрачка, что-то похожее на светящиеся зубы и волнующаяся тьма, а до слуха донесся скрежет когтей о камень и быстро стихшее ворчание. После этого наступила тишина, и более ничто не показывалось из видимого конца сточного тоннеля. Однако и того что увидел Ангур вполне хватило чтобы у него душа ушла в пятки. Ему живо припомнились рассказы о найденных накануне обглоданных жертвах, и юноша похолодел от страха. Выхватив меч, он на каких-то ставшими вдруг ватными ногах пошел дальше, ярко светя фонарем и постоянно оглядываясь. За ним вроде бы больше никто не следовал, но воображение то и дело рисовало ему неведомую тварь и гнало его все дальше и все быстрее, пока он не достиг спасительных дверей убежища.

Закончив рассказ, Ангур было снова потянулся к чайнику, но Фариза, предвосхитив его намерение, сунула ему кружку чая, куда Илиана добавила еще несколько капель успокоительного. Юноша уже почти полностью пришел в себя, но безропотно выпил предложенное. В свете убежища и компании друзей его недавние страхи теперь казались скорее плодом разыгравшегося воображения. Илиана, однако же, так не думала.

— Ты пришел сюда прямой дорогой? — быстро спросила она, внимательно глядя на Ангура.

— Д-да, — кивнул тот, подумав. — С перепугу я уже не петлял, а побыстрее двинул к дому.

— Плохо, — мрачно сказала девушка, забарабанив пальцами по столу.

Напрягая память, она рылась в хранившемся в ней бестиарии, силясь отыскать что-то похожее на увиденное Ангуром. Разных тварей на свете было — пруд пруди, и Илиана, в отличие от опытных чародеек, узнавала далеко не всех, хотя старательно изучила немало соответствующих книг. Тем не менее, кое-что все-таки приходило ей на ум, вычленяясь из множества подходивших под описание объектов в определенный тип, и это что-то Илиане очень не нравилось. Она не знала, что будь на ее месте Сирелина, то чародейка мигом бы идентифицировала описанную юношей тварь и немедленно пришла в боевую готовность. Илиане же оставалось только гадать. К счастью, ее подозрения оказались довольно близки к истине. Девушка очнулась от размышлений когда Дэя потянула ее за локоть и спросила о чем она призадумалась.

— Утром мы уходим, — сообщила Илиана. — Следовало бы уйти сейчас, но ночью это очень опасно. Уйдем утром. До тех пор надо

на всякий случай привалить дверь чем потяжелее. У входа будем дежурить по очереди. Я первая.
— Мне кажется, это не самая удачная идея, — с сомнением произнесла Фариза, воззрившись на Илиану. — Мы же еще не закончили обсуждение, а ты вот так сразу за всех все решила?
— Фариза, я боюсь что эта тварь — дело рук черных колдунов, — пояснила Илиана. — Если это то, о чем я думаю, тогда я еще слишком медлю.
Старшая девушка встретилась с ней глазами и прочла в них нечто такое, что сразу поняла — дело, похоже, действительно весьма серьезно.
— Хорошо, — вздохнула она. — Утром уходим. Жаль только бросать давно насиженное место и столько всякого добра.
— Берите лишь самое необходимое. Все остальное купим снова, благо что средств на такой случай у меня более чем хватает, — отозвалась Илиана. — Спасибо, — добавила она, ответив Фаризе красноречивым взглядом.
Махнув рукой — мол, чего уж там, — та встала и пошла собирать вещи.

Тяжелее всего Илиане было расставаться со своим медальоном. Она сильно изменилась в лице, когда вещица из белого металла с затейливой вязью и кроваво-красным каплевидным рубином опустилась в небольшую нишу неровного пола. Присыпав ее сверху глиной и привалив осколком кирпича, Илиана поднялась и направилась к выходу, силясь сдержать эмоции. Никогда она не расставалась с этим медальоном, и он для нее был очень дорог. Девушка чувствовала, что эта вещица связывает ее с неким забытым прошлым, является ее неотрывной частичкой, а теперь она собственноручно от нее избавляется. Быть может, навсегда. И быть может, теперь она так никогда и не узнает про соединявшую их нить. Вместе с тем, видение Галаны звучало более чем красноречиво: некто ищет именно кровавый рубин и, вероятно, именно по его следу идут неведомые твари. Науськанные хозяином, они чувствуют его присутствие и с каждым часом становятся все ближе. Каким образом, что вообще происходит — ответов у Илианы не было. Благодаря предсказанию девчушки с косичками она лишь знала чем все может кончиться и теперь всячески стремилась этого избежать. Впрочем, скорее не избежать, а свершить, только по-своему. Человек в черном действительно придет в заброшенную насосную станцию к кровавому рубину. Это произошло в видении и так случится на самом деле. Только ни Илианы, ни ее друзей здесь уже не будет. Медальоном придется пожертвовать, зато никого из них он не получит!

— Мне жаль, — вполголоса произнесла стоявшая у дверей Фариза. — Я вижу как дорога тебе эта вещь.
— Из-за меня вы лишились дома, а ты жалеешь какую-то безделушку, — грустно заметила Илиана.
— Но ведь ты, как я понимаю, уже подыскала нам новый? — улыбнулась старшая девушка.

Это была сущая правда. Илиана еще и прежде подумывала, что сырое подземелье не самое подходящее пристанище для ребят, особенно наиболее юных. Она даже размышляла не купить ли им подходящий домик, дабы жить там всей компанией на совершенно законных основаниях, но ее удерживало собственное нелегальное положение и вопрос с оформлением купчей. При этом девушке было точно известно одно место, где можно беспрепятственно поселиться и где их никто не станет искать. Никто кроме своих. Теперь же, когда в срочном порядке пришлось оставить убежище, и выбора-то особенно не оставалось. С этим местом, правда, были связаны кое-какие неприятности, чреватые серьезной опасностью, но их вполне можно избежать, если не соваться куда не следует. Зато жилого пространства там имелось хоть отбавляй, и вся маленькая ватага наверняка отыщет для себя пару пригодных для проживания помещений. Называлось это место…
— Аберидж! — воскликнула девчушка с косичками, с любопытством оглядывая приближавшиеся развалины. — Мы будем жить в Аберидже!
— Галана! — ахнула Илиана, округлив на нее глаза. — Откуда ты знаешь куда мы идем?!
— Я видела их во сне, — смущенно ответила девчушка. — Так ведь все это называется, верно?
Илиана и Фариза в очередной раз обменялись многозначительным взглядом.
— Что еще ты видела? Не расскажешь? — предложила Илиана, взяв девочку за руку.
— Не знаю. Это сложно, — растерялась Галана. — Обычно я вспоминаю свои картинки лишь когда вижу их воплощение наяву.
— Если что-то еще вспомнишь — сразу говори мне, хорошо? — попросила Илиана, погладив девочку по голове.
— Конечно, — кивнула та. — А там живет кот? В моем сне был большой толстый кот. Он там самый главный…
Уже ничему не удивляясь, Илиана провела всю группу прямиком к главным воротам. Означенный кот, учуяв приближение старой знакомой, выбежал навстречу. При виде спутников Илианы он немного притормозил, но девушка быстро дала ему понять что все в порядке. Забавные звуки, которые она при этом издавала, пове-

селили ребят, за исключением разве что одной Фаризы. В этой сцене она заподозрила нечто большее, нежели остальные.

Ворота открыла Дэя. По части замков она была та еще мастерица, и мало имелось на свете запоров не поддающихся ее ловким пальчикам вооруженным простой заколкой, а ведь у юной разбойницы, помимо прочего, имелась еще и связка очень даже приличных отмычек. Ну, не сами ворота, а калитку в их створе — больше-то и незачем. Первой прошла Илиана, а за ней гуськом все остальные. Тиша и Галана сразу потянулись к коту, но тот быстро отпрянул в сторонку.

— Его зовут Бус. Он недолюбливает людей и к вам еще не привык, — пояснила Илиана. — Потому и живет в одиночестве вдали от всех. Когда привыкнет — сам придет ластиться.

В одном девушка ошиблась — Бус в Аберидже пребывал далеко не в одиночестве. Он-таки сколотил себе колонию, и теперь здесь обитало десятка четыре котов и кошек всех мастей плюс их подрастающие выводки. Может и больше — с числительными у Буса было туговато, и в разговоре с Илианой он частенько путался. С его мохнатой братией никаких проблем не возникло. Благодаря беспрепятственному общению кота с девушкой предводитель колонии объявил своим вассалам, что пришли друзья и их можно не опасаться. А заодно предупредил, что и трогать их нельзя, ибо уличные кошки довольно ревниво относились к своему жилищу и чужаков в него не допускали. Авторитет округлившегося как бочка Буса был непререкаем, поэтому колония восприняла появление группы ребят вполне удовлетворительно. Кроме того, среди них была Илиана, и животные чувствовали исходящие от нее особые волны, никогда прежде ими не ощущаемые. От нее веяло теплом и доверием, и вскоре девушка оказалась прямо-таки окружена кольцом любопытных кошек.

— С крысами, я полагаю, тут проблем нет, — усмехнулась Дэя, оглядывая видневшихся повсюду четвероногих охотников.

— Крысы везде есть. Но они, разумеется, держатся от котов подальше, потому что те на них постоянно и с удовольствием охотятся, — отозвалась распрямившаяся Илиана.

Сидя на корточках, она только что о чем-то переговорила с Бусом на глазах у спутников, дивившихся чего она там такое заладила с этим упитанным полосатым зверем.

— Идемте, — добавила она, мотнув головой. — Бус нас проводит.

Ребята подумали что девушка шутит, но кот, подняв хвост, недвусмысленно возглавил процессию и направился куда-то вглубь заброшенных построек. Илиана двинулась за ним. Другим, переглянувшись, оставалось лишь последовать за этой парочкой.

Бус привел их во вполне приличное помещение. Располагалось оно на втором этаже и выходило окнами во двор примерно посредине между входом в комплекс и левым концом "подковы" двора с заколоченным колодцем. Почти все стекла оказались целыми, а недостающие прорехи легко заклеивались бумагой или занавешивались тканью. Внутри имелось достаточное количество кроватей и немного уцелевшей мебели, плюс старый, замусоренный, но все еще действующий камин. Вероятно, некогда тут размещалось спальное отделение для служащих больницы. Соседние комнаты пострадали от времени и дурного обращения несколько больше, но при желании маленькая компания была способна без особого труда привести их в порядок. На первом же этаже, совсем неподалеку, находилась большая кухня с очагом и каменными столами, давая возможность без хлопот приготовить еду. Нашелся даже запас топлива в кладовой в виде целой груды забытого угля. Ангур вылез оттуда черный как трубочист и заявил что с растопкой у них проблем не будет. Даже отмылся он довольно быстро, поскольку колодец хоть и оказался заколоченным, зато на кухню поступала вода из большого бака на чердаке, заполнявшегося как ручным насосом, так и дождевой водой. Насос не иначе как подключался к подземному водоносному слою или соединялся с колодцем, но сейчас он не работал и Ангур пока не стал разбираться почему. В данный момент у ребят хватало иных забот.

Поручив Тише и Галане подмести новое жилище и вообще навести в нем порядок, остальные отправились закупить предметы первой необходимости. Растянулось это на целый день, зато к ночи просторная комната приобрела вполне жилой вид. Старые, но вполне крепкие кровати устилали добротные матрасы с мягкими подушками и теплыми шерстяными одеялами, на окнах появились занавески, на столах скатерти. Маленькая компания на первое время оказалась снабжена посудой, провизией и целой уймой всяких полезных мелочей. Почти все, кроме самого необходимого, пришлось приобретать заново, но с этим не возникло ни малейших хлопот, учитывая платежеспособность Илианы. Из подземного убежища ребята прихватили сколько смогли, стараясь выбирать наиболее ценное. Книги, аптечка, настенные часы, личные вещи, детские игрушки, с которыми младшие не хотели расставаться… Габаритные и тяжелые предметы оставляли. Теперь в преобразившейся комнате Абериджа на столах светили новые канделябры, а у каждого из ребят имелся свой персональный масляный фонарь, наполнявшийся из большого жбана масла. Его, пыхтя и обливаясь потом, притащил Ангур как раз когда солнце клонилось к закату.

— А мне тут нравится! — заявила Галана, устроившись у окошка и

наблюдая как темнеет вечернее небо, где в выси неторопливо чертили круги птицы. — Также тихо и спокойно, как и у нас, только сухо и свежо.
С последним, разумеется, трудно было поспорить. Вместо сырого подземелья ребята очутились во вполне светлом и хорошо проветриваемом помещении. Стоило немного протопить камин — и от малейшего присутствия влаги не осталось и следа. Обычно подобные меры в теплых южных краях не требовались даже зимой, но на первый раз это оказалось не лишним. Через открытое окно в комнату вливался свежий воздух, а вид на заросший двор вызывал куда больше симпатий, нежели мрачные стены заброшенной насосной станции. Удобства имелись этажом ниже, и при желании даже имелась возможность ополоснуться целиком, если сначала нагреть немного воды. В ванной комнате еще уцелело несколько предметов обихода, начиная от раковин и заканчивая большой мыльней. В общем, Илиана даже сама не ожидала что все сложится столь удачно. Ведь они с Таларой не обшаривали Аберидж сверху донизу, не особо интересуясь явно не содержавшими сокровищ областями, а довольно быстро отправились шастать по подвалам, коих здесь имелось великое множество. На их счет, кстати, Илиана уже несколько раз предупредила ребят — ни под каким предлогом вниз не соваться! Если кому-то что-то там понадобится или заинтересует — только с ней, иначе ни-ни!
— Почему? — живо спросила Дэя, в глазах которой разгорался хорошо знакомый Илиане интерес, неоднократно наблюдаемый ей во взоре у принцессы.
— Да, почему? — пискнула Тиша, расставлявшая в найденных вазочках сорванные во дворе цветы. — Там что, водятся привидения?
Ах, если бы… Девастаторы. Это было куда похуже обычных призраков и уж точно не сказка на ночь для маленьких девочек. Илиана, разумеется, знала, что они заперты глубоко в тайном подземелье и попасть туда без чародейского ключа невозможно. Тем не менее, в недрах Абериджа могли таиться и иные опасности, а посему пусть ребята держатся от них подальше. В остальном же он вполне безобиден и в этом Илиана была вполне уверена: улучив минутку, она как следует расспросила шнырявшего неподалеку Буса. Кот вместе со своей колонией успел изучить все доступные закоулки и подтвердил что за все время его обитания здесь никаких неприятностей не случалось. А он знал что говорил, поскольку эпизод с ожившими доспехами и опустившимся вниз подъемником до сих пор не изгладился из его памяти. Сведения вездесущей кошачьей компании сомнений не вызывали, а посему Илиана

окончательно уверилась в надежности Абериджа.
— Давайте начистоту, — предложила, она, как следует поразмыслив. — Я расскажу вам одну историю, а вы дадите мне твердое обещание слушаться, хорошо?
Ребята выразили согласие. Даже Фариза, у которой на языке давно вертелась масса вопросов откуда новая подруга знает про это место.

Илиана поведала про свои похождения в Абериджe. С купюрами, разумеется, дабы почем зря не стращать слушателей и дабы та же Фариза не передумала здесь оставаться, убоявшись за своих подопечных. Она упомянула могущественное колдовство, ловушки и иные неизвестные опасности, но подчеркнула, что попасть в опасную область без нее не удастся. При этом, от греха подальше, лучше в подвалы вообще не соваться и тогда новым жителям Абериджа совершенно ничего не угрожает.

Истории про заброшенный комплекс затянулись далеко за полночь. Илиане пришлось применить все свое красноречие чтобы не перепугать ребят, но при этом внушить им требуемую степень осторожности. В определенный момент ей на помощь пришла Фариза и использовала свой авторитет, добившись клятвенного обещания не ходить ниже уровня первого этажа. Для Дэи это было отнюдь не лишне, поскольку услышанное лишь раззадоривало ее любопытство, и Илиана подозревала, что юная разбойница не откажет себе в удовольствии порыскать по таинственным подвалам.
— А как быть со входом? — спросила Дэя, намного надувшись из-за наложенного запрета.
— А что с ним не так? — поинтересовалась Илиана.
— Ключи есть? Мне что, каждый раз открывать и закрывать ворота отмычкой? — пояснила взломщица. — Нас тут вон сколько.
Вопрос был очень даже по существу и над ним стоило как следует поразмыслить. Илиана ответила, что займется этим завтра, а сейчас, пожалуй, пора уже ложиться спать.

Впервые за долгое время ребята заснули на свежем воздухе без малейшего признака сырости. Ветерок из приоткрытого окна наполнял просторную комнату ароматами дикорастущих цветов, травы и листвы. Даже лампу зажигать не понадобилось — через отдернутые занавески проникавшие внутрь лучи взошедшего на небосводе месяца серебрили жилище таинственным сказочным светом. Маленькая компания могла почивать спокойно — неподалеку, уставившись в ночь большими внимательными глазами, несли вахту четыре кота. Илиана попросила Буса приглядеть за спящими, и предводитель колонии подошел к делу со всей ответственностью не хуже офицера гвардии. Мохнатые сторожа карау-

лили покой новых соседей до утра.

Поведение вынырнувших из темноты глустров красноречиво свидетельствовало о том, что они наконец-то напали на след. Дегонис категорически запретил им трогать кого-либо в непосредственной близости от объекта поисков. Глустры слушались его беспрекословно, но сама их природа все же требовала жертв. В противном случае порождения мрака значительно теряли свою эффективность. Сливаться с тенями, передвигаться бесшумно и чуять на большом расстоянии они могли только хорошенько утолив свой жуткий голод. Что ж, в сточных тоннелях достаточно никчемных бродяг — лишь бы без свидетелей. Глустры хорошо усвоили наставления колдуна, и, бросившись на поиски, попутно выискивали подходящие одинокие жертвы. Пресытившись, им понадобилось совсем немного времени чтобы уловить присутствие желанной цели. Натаскать на нее глустров Дегонис, разумеется, был не в состоянии, но их чутье направлял сам Покровитель. Глустры знали что искать, от колдуна лишь требовалось организовать этот процесс. Имперская стража способна месяцами безуспешно прочесывать Солтенстил, а теневые псы добились результата в кратчайшие сроки. Жаль их нельзя использовать сплошь и рядом — ох как бы это сильно облегчило многие поставленные задачи! Впрочем, не за горами тот день, когда подобное станет вполне возможным…

— Веди! — приказал Дегонис, слушая ворчание ерзавшего перед ним исчадия тьмы.

Развернувшись, глустр затрусил вглубь тоннеля в компании еще нескольких сородичей. Быстрым шагом колдун последовал за ним.

Помощь ему особо не требовалась. Гвардейцы будут почем зря мешаться под ногами, да и знакомить их с глустрами явно не стоит. Обитателей Нижних подземелий Дегонис также посвящал только в то, во что считал нужным, и до поры им про этих существ тоже лучше не знать. Исключение составляли Баратис и Манипуляторы, но первый сейчас пребывал в ханской ставке за полторы тысячи миль, а у вторых и без того хватало забот. К тому же вопрос настолько важен, что пока он касается только Покровителя самого Дегониса. Сам же Дегонис обладал вполне достаточными силами чтобы управиться практически с любым противником, а сопровождаемый целой стаей глустров он становился почти непобедим. Разве что чародейки Гексенхаммера, будь они неладны, способны нарушить его планы и доставить массу неприятностей, но вряд ли они сегодня встретятся ему на пути в глубине сточных тоннелей Солтенстила. В своих возможностях колдун не сомневался. Он сумеет обезвредить всех кто окажется подле девчонки, а ее

саму захватить живой и невредимой. Глустры же разорвут любого кто осмелится ему помешать, равно как и настигнут убегающую добычу. Иными словами, даже если внучку шейха охраняет хоть дюжина воинов, для Дегониса это сущий пустяк.

Повинуясь воле колдуна, теневые псы вели его так, чтобы по пути ни с кем не столкнуться, однако пары случайных встреч избежать не удалось. Дегонис, впрочем, по этому поводу не особо расстроился. В первый раз им попался одинокий нищий, во второй компания из трех сомнительного вида молодцев. Без всяких церемоний колдун живо обездвижил на свою беду появившихся людей, лишив их возможности кричать. Все остальное сделали глустры, с удовольствием поживившиеся новыми жертвами. Для Дегониса жизни этих людей не представляли ни малейшей ценности, и он без всяких угрызений совести использовал их как топливо для печи, подпитывая порождения мрака. В том новом порядке, который намеревался построить черный колдун, им заранее была уготована роль простых ресурсов. Глустрам же такой хозяин подходил как нельзя кстати, и они, дарованные Покровителем, подчинялись ему беспрекословно, ведя себя так, как ведут преданные собаки в присутствии любимого человека.

Илиана не знала, что в самую глухую ночную пору, когда она и ее юные друзья спокойно почивали в Аберидже, ведомый глустрами колдун ступил в старую насосную станцию. Отдав соответствующие распоряжения псам, он без труда открыл хорошо замаскированную дверь и исчадия тьмы по команде ворвались внутрь. Следом за ними вошел и Дегонис. Осветив помещение, он убедился что в нем нет ни души. Вместе с тем глустры, ворча, крутились возле его дальнего конца, пробуя лапами твердую глину. Проследовав на их зов, колдун быстро разыскал тайник. В нем лежал искомый медальон с кровавым каплевидным рубином. Вне всяких сомнений это была та самая вещица, столь страстно интересовавшая Покровителя. Вместе с тем девчонки поблизости не оказалось. Дегонис, злобно выругавшись так, что его руки аж поочередно осветились красным и зеленым светом, велел глустрам хорошенько обшарить помещение, а одному из них на всякий случай дал понюхать медальон. Глустр, старательно изучив вещицу, пригнулся и растерянно заворчал. Дегонис чертыхнулся. Жаль что этим замечательным созданиям нельзя подсунуть одну из оставшихся во дворце тряпок Илианы. Глустр — не обычная собака, и его чутье работает совершенно по другим законам. Просто так взять и науськать его по оставшемуся на чьей-либо вещи запаху невозможно. Для этого требуются простые псы-следопыты, да только они в свою очередь не обладают достоинствами глустров.

Вот если бы в распоряжении Дегониса имелся фиал с кровью девчонки… Да чтоб вас всех!

Проторчав в пустой насосной станции около часа, колдун пришел к выводу что его одурачили. На первый взгляд помещение казалось жилым, но в нем очевидным образом отсутствовали многие личные вещи. Помимо ряда иных косвенных признаков, само наличие медальона отдельно от девчонки выглядело вполне красноречиво. Насколько знал Дегонис, внучка шейха вроде как с ним никогда не расставалась и даже купалась не снимая цепочки. Похоже, она каким-то образом предвидела появление колдуна и заранее избавилась от медальона, скрывшись в неизвестном направлении. Вот же сообразительная пигалица! Но как она узнала?.. Кажется, девчонка действительно не так проста. Уникальный медальон теперь в руках у Дегониса и Покровитель явно доволен, но Илиану все же следует разыскать. Покровитель желает знать как вещица к ней попала и при каких обстоятельствах. Кроме того, исходя из наведенных колдуном справок и собственных размышлений, девчонка вполне может оказаться неким ключом для доступа в сокрытые песками развалины. Если это ТЕ САМЫЕ развалины, то…

Покинув насосную станцию, Дегонис отправился в свое логово. На сегодня его поиски завершены. На всякий случай он оставил дежурить внутри несколько глустров, однако колдун был почти уверен, что прежние обитатели сюда уже не вернутся. Завтра следует хорошенько обмозговать как отыскать ускользнувшую беглянку, а пока надо заняться ее медальоном.

Илиана отнюдь не забыла вопрос Дэи. Ловкая разбойница подрядилась изготовить восковой слепок, а с него любой механик сумеет сделать нужный ключ в желаемом количестве. Предложение выглядело вполне разумным, но у Илианы имелись и свои соображения. Пока вся ватага под руководством Фаризы продолжала заниматься обустройством нового жилища и прилегающих окрестностей, девушка отправилась побеседовать с Бусом. Она нашла его сыто нежившимся на солнышке подле замусоренного фонтана. На одних крысах, разумеется, колония существовать не могла, но торговцы продолжали доставлять коту персональную провизию. Кроме того, это сам Бус не любил выходить в город, а его шерстяная братия особо не привередничала, добывая провиант в близлежащем районе, рыбных и мясных лавках. Умудрившись перенять у Илианы некоторые знания о человеческой природе, Бус научил определенным навыкам и своих вассалов, что позволило тем действовать куда эффективнее. Уж как он это сделал — девушка понятия не имела, однако она все больше начинала

подозревать, что ее влияние на животных одним лишь общением не ограничивается. Насилу пробившись к предводителю колонии, поскольку вокруг нее кружили желавшие внимания коты и кошки, Илиана уселась рядышком с замурчавшим знакомцем.
— Слушай, Бус, есть вопрос, — сказала Илиана, почесав полосатую бочку за ухом.
— Мр-р-р? — совсем по-кошачьи осведомился тот, млея от ласки.
— Нет ли из Абериджа какого-то скрытого хода? Если мы будем постоянно ходить туда и сюда, то однажды это кто-нибудь заметит. Даже для пользующихся столь дурной репутацией развалин из этого ничего хорошего не выйдет, — объяснила девушка.
Кот, лениво полизав здоровенную лапу, встряхнул головой. В его представлении означенная суть вещей выглядела несколько иначе, поэтому Илиана дополнительно пояснила ему о чем она толкует.
— Кажется, я знаю что тебя может заинтересовать, — сопоставил просьбу девушки со своей памятью кот. — Мои сородичи частенько там шастают.
— Значит, здесь все-таки есть потайной ход?! — радостно воскликнула Илиана. — А почему ты мне раньше не говорил, когда мы бывали здесь с Таларой?
— Раньше я сам не знал. Этот путь нашли мои хлопцы, — фыркнул кот (он употребил иное слово, но в переводе на общеизвестный язык южных земель оно звучало примерно так). — Кроме того, я без понятия как там сможет пройти человек. У нас-то свои ходы.
— С чего ты тогда взял что это мне подходит? — разочарованно протянула Илиана. — Вы-то где угодно пролезете.
Бус вздохнул, всем своим видом показывая как иной раз тяжело говорить с бестолковым человеком. Даже с таким как Илиана.
— Идем, — сказал он, спрыгивая с пригретого лежбища. — Проще показать.

Холм, на котором располагался Аберидж, был достаточно высоким, чтобы под развалинами уместилось еще два формально находящихся не ниже уровня земли этажа. Спустившись вслед за Бусом на минус второй этаж, Илиана прошла в западную часть Абериджа. Снаружи, ярдах в ста, находилось старое кладбище и безлюднее места было трудно сыскать во всем Солтенстиле.
— Вот здесь лаз, видишь, — указал кот, с трудом протиснувшись в какую-то дыру у самого пола, то ли вентиляционную отдушину, то ли скважину под давно рассыпавшуюся трубу, а затем вновь появившись обратно.
— И что? — спросила девушка, изучив кошачий ход и пожав плечами. — Я же не фири чтобы там протиснуться. Ну, фея.
— А то, — совсем с человеческой эмоцией отозвался Бус. — Здесь

по соседству большие пустоты и оттуда пахнет людьми. А входа в них мы нигде не нашли — только щели и трещины. Стало быть, он хорошо спрятан. Ты же умеешь искать такие штуки — я помню. Вот и поищи. Ты спросила меня, есть ли в Абериджe скрытый ход, и я привел тебя сюда. Если он и существует, то где-то здесь.
Поразмыслив, Илиана пришла к выводу что ей следует поблагодарить кота, а не пенять ему за ложные сведения. На самом деле животное проявило куда больше сообразительности, нежели от него можно было ожидать, и теперь с явным интересом собиралось наблюдать за поисками девушки. Погладив Буса и честно сказав ему спасибо, воспринятое с должным удовлетворением, Илиана принялась рыскать вокруг обозначенной четвероногим спутником области.

Ушло у нее часа четыре, прежде чем девушка выстроила в уме искомое пространство, отсекая от него известные секции Абериджа и определяя возможные подходы. Тем временем к Бусу присоединилось несколько его любопытных сородичей, и они все вместе помогали Илиане, работая носами как локаторами и выискивая малейшие сквозняки. Впрочем, как и прежде, тайник оказался сплошным монолитом, и через него даже для котов не проникало ни малейшей струйки воздуха. Ломая голову, девушка ходила взад и вперед, прежде чем бросила пытаться отыскать иголку в стоге сена и попробовала мыслить логически. Она уже хорошо представляла себе всю ближайшую секцию и теперь старалась вычислить где бы неизвестный архитектор разместил искомый вход. Им обязана была руководить хоть какая-то логика, и ее лишь следовало разгадать. Логика, на удивление, была довольно простой. В очередной раз спустившись по лестнице с предыдущего этажа, Илиана, остановившись на прилегающей площадке, посмотрела влево и вправо в уходившие боковые коридоры. Затем покружила на ней с нарисованной картой, не поленившись с час назад сходить за пером и бумагой и набросать ее просто, но наглядно. Переводя взор с листа на стены и пол, девушка вдруг заметила то, что прежде ускользало от ее внимания. Узорная плита под ногами казалась выполненной немного неравномерно. От большого квадрата с мозаикой, занимавшего все пространство площадки, в каждую сторону отходил длинный треугольный луч. Один тянулся к лестнице, другие два в отходившие от нее части коридора. С противоположного же от лестницы края плита прилегала вплотную к стене. Внешне все было естественно, но сыскалась в геометрической композиции любопытная деталь. По периметру плиты шла внутренняя окантовка, шириной в треть фута. Ее хорошо было видно со всех сторон кроме одной — там, где на-

ходилась означенная стена. Окантовка заходила под нее на всю ширину, что выглядело достаточно странно. Получалось, стена как бы накрывала собой часть плиты. Простая случайность? Ошибка в проектировании? Сунув карту за пазуху, Илиана приблизилась к стене и внимательно ее осмотрела. Затем прикоснулась к ней ладонями. Ого! А вот и знакомое покалывание в пальцах! Девушка до сих пор не ведала что это с ней такое происходит, но одно знала наверняка — подобный эффект проявлялся у нее не просто так. С утроенным вниманием она принялась изучать казавшуюся совершенно обычной каменную кладку и поймала себя на мысли будто что-то все время ускользает от ее пытливого взора. Она медленно перемещала пальцы вдоль стены, стараясь уловить где покалывание становилось сильнее, а где слабее. И вновь ей померещились какие-то призрачные контуры, совсем как тогда, когда она обнаружила потайную комнату с ожившими доспехами.
— Правее, — изрек вдруг Бус. — Правее и выше.
— А? — не поняла Илиана, обернувшись на четвероного приятеля.
— Руку, говорю, подними, — пояснил кот. — Ты же рисунок ощупываешь, так чего хватаешься за пустоту? Видишь что ли плохо?
До девушки не сразу дошло о чем он толкует. Лишь спустя некоторое время она поняла, что Бус отчетливо созерцает на стене некое изображение там, где Илиана, как ни всматривалась, наблюдала лишь обычный серый камень. Она, как слепой, ориентировалась на покалывание, а кот был в полной уверенности что девушка зачем-то оглаживает ладонями картинку. Зачем? Ей виднее, точно так же как и тому человеку, который намалевал здесь это изображение. Ему, коту, до человеческих художеств не было ни малейшего дела.
— Вот оно что! — воскликнула Илиана, хлопая себя по лбу. — Ты его видишь, а я-то нет! Хитро придумано. Если я не ошибаюсь, то без ультрафиолетового света мне не обойтись.
Бусу немало польстило это замечание. Приятно, однако, обладать недоступными даже для такой как Илиана возможностями.

Ввиду нового обстоятельства поиски временно прекратились. Для продолжения требовался специальный инструмент, без которого девушка так и будет возиться на ощупь, не видя всей картины в целостности. Зачем же попусту устраивать себе трудности на пустом месте? Она знала что ей необходимо, и эту вещь вполне можно раздобыть в Солтенстиле, ибо в огромном городе всякого добра хватает. Узнав в чем дело, сходить вызвалась Дэя. Илиана подозревала, что разбойница по старой привычке просто стянет желаемое, а потому, вручив деньги, строго-настрого наказала обойтись без фокусов. Разумеется, она объяснила где и что искать,

и Дэя немедленно упорхнула, радуясь случаю бросить начинавшую надоедать уборку. Вернулась она довольно скоро, таща покупку в небольшом холщовом мешке. Илиана, выудив принесенное добро, убедилась, что это действительно то, что нужно. В алхимической лавке Дэю поняли с полуслова. Специальная лампа со сменными стеклами поставлялась в комплекте с нужными реагентами. Выставив подходящую комбинацию стекол, Илиана засыпала куда следует химические реактивы и снова удалилась в подвал.

Бус пребывал все там же, таращась в темноту зоркими глазами. Встретив девушку мурчанием, он поинтересовался что она принесла. Илиана пояснила, велев коту прищуриться, а то и вовсе отвернуться пока она запаливает специальный светильник. Смешанные компоненты сработали как положено. Начавшаяся реакция зажгла внутри лампы весьма специфический огонь. Испускаемый ей свет, пройдя через фильтр стекол, излучал в том числе в ультрафиолетовом диапазоне. Догадка Илианы оказалась верна. Поставив хитроумное устройство у стены, она стала изучать ясно обозначившийся рисунок. Теперь его было отлично видно, и девушка без труда продолжила искать разгадку. Ее чувствительные пальцы более не шарили вслепую, а старательно нащупывали ключевые элементы загадочного узора. Его содержание оставалось совершенно непонятным, но Илиана, не ломая над ним голову, полагалась на свое удивительное чутье. И оно ее снова не подвело. Всего несколько минут медленного перемещения ладоней по изображению, и девушка, повинуясь подсознательному импульсу, поочередно вдавила несколько элементов. Вдавила точно так же, как это делали призрачные фигуры. Она не успевала заметить точное место их прикосновений и находила его при помощи покалывания, зато отчетливо видела куда последовательно перемещаются их руки. Подобное явление находилось за гранью ее понимания. Илиана словно мельком наблюдала проекции некогда проделывавших эти манипуляции людей, оставшийся за ними фантомный след. Как только она отходила стены, дымчатые контуры исчезали. Стоило же ей вернуться и прикоснуться к светившемуся в ультрафиолете рисунку, и через некоторое время они начинали появляться вновь неясными, но вполне заметными очертаниями. Какова была природа этих видений, Илиана понятия не имела и лишь подозревала, что они как-то связаны с ее собственной. Той, о которой не ведала ни она сама, ни даже Сирелина. Сейчас, впрочем, такими загадками голову можно и не забивать, а просто воспользоваться их плодами. Что девушка и сделала. Едва она нажала на заключительный в последовательности элемент, как где-то внутри стены раздался негромкий щелчок и доселе казавшийся

цельным монолит раздался. Кусок серого камня с тихим скрежетом ушел в пол, следуя по металлическим направляющим. Когда он остановился, прилегавшая к лестнице Т-образная площадка превратилась в крестовидную, а плита обрела и законченную окантовку, и четвертый треугольный луч, смотревший внутрь появившегося прохода. В длину он целиком состоял из вершины опустившейся части стены. Переглянувшись с донельзя заинтригованным Бусом, Илиана, на всякий случай вытащив из ножен меч, шагнула внутрь. Впрочем, она стала не первой исследовательницей. Перед ней, столкнувшись на входе, в новый лаз устремилось с полдюжины любопытных котов.

Потайное помещение хорошо вписывалось в обозначенную на карте область. Оценивая открывавшееся взору пространство, девушка поглядывала на свою схему и делала соответствующие пометки. Помещение не таило какой-либо видимой угрозы и его принадлежность также не вызывала вопросов. Судя по убранству, некогда здесь находилось что-то вроде кордегардии. За центральным проходом, окруженным рядом колонн, оставалось еще достаточно места для оружейных стендов, очага и дюжины каменных кроватей с деревянным настилом. Здесь нашелся даже небольшой резервуар для воды, наполняемый из крана, а у каждой кровати размещалось некое подобие каменного шкафа без дверок, плюс несколько сундуков явно для личных вещей. Помимо прочего имелись и столы со стульями, тоже каменные и тоже обделанные деревом. Иными словами, высокое, в нижние минус два этажа помещение выглядело вполне пригодным для продолжительного дежурства. Часть охраны прямо здесь могла отдыхать, в то время как другая несла свою вахту. Бегло оглядевшись по сторонам, Илиана прошла в противоположный конец кордегардии и ожидаемо обнаружила там еще одну дверь, на сей раз вполне различимую изнутри. Открывалась она совершенно прозаически. Повернув ручку опускавшегося засова, девушка выглянула наружу и поняла что она очутилась за пределами Абериджа. Еще несколько шагов — и она высунула голову из какого-то проема, увидев впереди старое кладбище с враставшими в землю надгробиями и приземистыми замшелыми склепами. Как выяснилось, из некоего подобия склепа она сама и выглянула, только склеп этот был небольшим, пустым, и служил потайными вратами в древние развалины. Вот снаружи эти врата оказались все-таки не без головоломки, но Илиана живо ее разгадала. Ее пальцы в несколько минут нащупали замаскированный секрет, благо что она наверняка знала где искать, и скрытый механизм подался без малейших каприз. Фактически нажатие нужных элементов задействовало пружину с

обратной стороны двери, автоматически поднимавшую высвобожденный засов. Изнутри он опускался и поднимался с помощью ручки, а извне отпирался вышеуказанным способом. Простая, но эффективная конструкция.

Илиана возликовала. Отныне и она, и ребята смогут входить в Аберидж и выходить из него совершенно незамеченными, пользуясь обнаруженным ей потайным ходом. Красота да и только! Пока коты, выбравшись наружу, старательно обнюхивали новое место, девушка отправилась поглядеть как поживает первая дверь. Она определенно была намного сложнее, ибо чего стоили одни потуги с ультрафиолетом. Изнутри дело выглядело не лучше. Относительная простота входной двери совершенно не вязалась с мудреностью внутренней, но на кой ляд кому-то приспичило так делать, узнать было не у кого, поскольку прежние владельцы Абериджа давным-давно обратились в прах. В кордегардии, что самое любопытное, на подвижной стене также обнаружился видимый лишь в ультрафиолете рисунок, когда Илиана активировала запиравшее устройство, сыскавшееся чуть в сторонке, и вернула плиту на место. Казалось, некто убрал обычный замок и зачем-то запечатал вход столь хитрым образом. Причем запечатал, похоже, очень нетривиально. Мелькнувшую у девушки догадку следовало немедленно проверить, тем более что она все равно собиралась сообщить о своей находке ребятам.

Долго собирать маленькую компанию не пришлось. Узнав зачем их зовет Илиана, все немедленно сбежались к ней и дружно отправились знакомиться с секретным ходом. Тут-то девушка и поняла что внутреннюю дверь способен открыть далеко не каждый. Ребята, как ни пытались, ни в свете ультрафиолета, ни без него так и не смогли заставить плиту опуститься в пол, бесплодно тыкая в заветную комбинацию. Одну Галану зловредные кнопки слушались столь же беспрекословно как и Илиану, из чего последняя сделала вывод что дверь поддается только имеющим отношение к колдовской природе.

— Прямо детектор чародеев, — заметила Фариза, уяснив пояснение Илианы. — Хочешь кого проверить — тащи к этой дверце и предлагай ее отворить.

— Не все так просто, — покачала головой та. — Опытный чародей может сделать так, что он нажмет правильную последовательность, а дверь не откроется, равно как и повернет колдовской ключ, а тот не сработает. Он сделает это намеренно. Опытные чародеи умеют скрывать свою природу, и раскрыть их может лишь другой чародей.

— Да и шут с ними, — улыбнулась Фариза. — Нам-то что с этой

глыбой делать?
По здравому размышлению Илиана предложила внутреннюю потайную дверь попросту не закрывать. Если не задействовать запирающий механизм, она вроде бы так и остается утопленной в пол. Достаточно не оставлять открытой внешнюю.
— Годится, — кивнул Ангур. — А в случае чего мы всегда можем сделать крюк и явиться через главные ворота. От них, кстати, все равно следует сделать ключ, как и предлагала Дэя.
На том и порешили. Однако не успела маленькая компания порадоваться столь удачно складывавшимся обстоятельствам, как произошло нечто неожиданное. Троица старших все еще стояла у секретного прохода, обсуждая детали, а младшие вовсю шныряли рядом, изучая новое помещение. Все были поглощены своим занятием и даже не услышали как тихонько отворилась наружная дверь и в кордегардию кто-то вошел. В ней царил полумрак, поскольку свет проникал внутрь лишь через хорошо замаскированные вентиляционные отверстия в потолке, и то что никто сразу не заметил прибывших было вполне объяснимо. Ребята ошеломленно повернулись когда неподалеку раздался чей-то сердитый голос:
— Эй, вы еще кто такие?!
Галана, Тиша, Дэя и Скич живо порскнули к застывшим столбами Фаризе, Ангуру и Илиане, таращившимся на объявившиеся неподалеку фигуры. Те не вступали в область освещенную принесенными фонарями, поэтому ничего из попыток разглядеть кто это свалился как снег на голову не выходило. Илиана положила ладонь на рукоять меча. Аналогично поступил и Ангур.
— Э, давайте без глупостей, ладно? — предложил тот же голос.
— Ты говорила что посторонних здесь не бывает, — заметила волновавшаяся Фариза. — И как это понимать?
— Отличный вопрос, — сообщил голос. — Мы до сих пор думали точно так же!
— Если вы пришли не со злом, выйдите на свет. Неприлично вот так разговаривать из темноты не представившись, — сказала Илиана, не убирая руки с оружия.
В полумраке послышалось приглушенное бормотание. Затем в свет фонарей выступило двое. Это были молодые люди лет двадцати трех - двадцати пяти. Оба безусые и безбородые, одетые в невзрачные, типичные халаты жителей небогатого пригорода, оба с настороженными, но незлыми лицами, и оба не сводившие глаз со сгрудившихся напротив ребят. Тот что был пониже, среднего роста кареглазый брюнет, уголком рта что-то нашептывал своему более высокому товарищу, шатену с серыми глазами.
— Итак, скажете вы, наконец, кто такие и каким образом очути-

лись в нашем убежище? — поинтересовался темноволосый, перестав шептать. — А то ведь мы, знаете ли, до сего момента считали его тайным и вполне себе безопасным, пока неизвестно откуда не объявилась шайка недорослей. Скажите на милость как это вообще возможно? И каким образом вы умудрились отворить этот проход, что у вас за спиной?! Даже нам сие оказалось не под силу!
— Вашем убежище?! — негодующе воскликнула Илиана. — А ну-ка Бус, приведи сюда свой клан и пусть он покажет кто здесь хозяин!
Никто даже не понял что она имела в виду, но находившийся поблизости толстый полосатый кот тут же ускакал вглубь Абериджа.
— Разумеется, нашего! — не менее любезно заявил второй визитер, повыше. — Мы первые его нашли. Вон там лежат наши вещи.
Возникла короткая словесная перепалка, в ходе которой обе стороны не слишком-то вежливо адресовались друг другу. Даже горячившаяся и обычно спокойная Илиана разошлась больше обычного, не думая уступать и пяди прав на Аберидж. Дэя так и вовсе упражнялась в остроумии. Конец безобразию положила Фариза. Громко велев всем замолчать, отчего в кордегардии установилась удивленная тишина, она представила своих спутников, а затем поинтересовалась как зовут вновь прибывших.
— Я Ювион. Это Алдар, — помедлив, отозвался более высокий, не слушая шиканья товарища. — Мы живем в этом укромном месте уже который месяц и хотели бы знать чем обязаны вашему неожиданному появлению.
— Я хожу в эти развалины уже не первый год, так что ваши притязания несколько припозднились, — ответила Илиана. — Если мне вдруг потребуется предъявить доказательства, поверьте, они вам не очень понравятся. Однако причина нашего присутствия, вероятно, схожа с вашей: я привела сюда ребят дабы они обрели новый дом. Мы не любим посторонних глаз, поэтому Аберидж отлично нам подходит. И поэтому ваш визит несколько выбил меня из колеи. До нынешнего часа у меня были основания полагать, что в здесь не бывает ни души.
— Очень тебя понимаю, подруга, — усмехнулся назвавшийся Ювионом, делая несколько шагов навстречу Илиане.
В следующую секунду он обнаружил что окружен целой стаей нарысившихся котов и кошек. Бус привел большую часть отдыхавшего клана. Животные, недобро сверкая желтыми и зелеными глазами, дыбили шерсть и приглушенно урчали, выказывая самые недружелюбные намерения. Некоторые весьма неприятно шипели.
— Давай без резких движений, — предложила прищурившаяся Илиана. — Говорят, страшнее кошки зверя нет, а тут их штук двадцать-тридцать. Поверь, тебе не захочется с ними связывать-

ся. Кстати, они считают себя законными хозяевами Абериджа, так что советую быть с ними повежливее, пока они не надумали выдворить вас восвояси.
— Это ты их что ли науськала?! — у Ювиона натурально отвалилась челюсть. — А отозвать можешь? Признаться, я чувствую себя весьма неуютно. Обещаю — вам совершенно нечего опасаться. Полагаю, мы вполне способны договориться. Вы же явно неспроста здесь скрываетесь? Мы тоже.
Обдумав слова молодого человека, Илиана наклонилась и что-то сказала стоявшему подле ее ног полосатому коту. Тот в свою очередь издал несколько специфических звуков. Заслышав их, мохнатая компания перестала разыгрывать из себя диких зверей и отошла подальше, однако и совсем не удалилась. Устроившись в сторонке, кошачья братия посверкивала оттуда настороженными глазами, готовая в любой момент опять пойти в атаку.
— Голову даю на отсечение что этот котяра тебя понимает! — не выдержала Фариза, со вчера подозревавшая Илиану в не самом тривиальном обращении с четвероногим обитателем Абериджа.
— Я сейчас пришел к такому же выводу, — кивнул Ювион, с явным облегчением наблюдая отступление животных. — Теперь мне, по крайней мере, понятно как вы сюда попали. Ваша Илиана — колдунья или около того. Потому что отыскать потайной ход без помощи чар достаточно проблематично.
Илиана нахмурилась, машинально приняв боевую стойку. О ее природных особенностях лучше бы никому не знать.
— Ты ошибаешься. Я никакая не колдунья, — заявила она, мрачно глядя на молодого человека. — В жизни не слышала большей глупости.
— Тебе не нужно бояться, — подал вдруг голос Алдар, подходя к товарищу. — Похоже, мы с тобой в одной лодке. Раз такое дело, то и мы не станем таиться. Ювион, покажи ей.
Илиана не успела сообразить что именно ей должны были продемонстрировать, как парень повыше протянул к ней ладонь и что-то беззвучно прошептал. Над ладонью, прямо из ниоткуда, возник небольшой сгусток огня, заплясавший язычками пламени. Ребята ахнули. Алдар в свою очередь точно таким же образом вызвал облачко холода, из которого на его пальцы посыпались самые настоящие снежинки.
— Поэтому мы и скрываемся, — пояснил он. — Не знаю в курсе вы или нет, но таким как мы уготована весьма незавидная участь и мы решили ее избежать.
— Я знаю! — выступила вперед Галана, переводя заблестевшие глаза с одной стихии на другую. — Их сажают на корабль и оправ-

ляют в очень плохое место на юге.
— Не совсем так, девочка, — невесело произнес Ювион. — Многих других — возможно, но с нашими способностями отправляют в противоположном направлении. Ближе к истокам Идлиса есть один уединенный горный монастырь. Такие как мы оттуда уже не выходят, либо же им настолько сворачивают мозги, что они даже не помнят себя прежних.
— Давайте присядем и поговорим, — миролюбиво предложила Фариза. — Похоже, нам есть что сказать друг другу. Хотите здесь, хотите у нас.
— Давайте у вас, — живо отозвался Алдар. — Мы еще не были внутри, поскольку так и не смогли отпереть вторую потайную дверь, хотя само ее существование от нас не укрылось. Если это сделала вот эта самая Илиана, то ее способности многократно превосходят наши.

Спустя полчаса вся компания собралась на втором этаже Абериджа в соседней со спальной комнате, превращенной в гостиную. Фариза и Тиша поставили на длинный большой стол горячий чайник и добавили к нему разной мелкой снеди, а о скатерти и салфетках позаботилась Дэя. Илиана, успокоив многочисленных сородичей Буса, уселась с краю скамейки, поглаживая не отходившего от нее предводителя колонии. Она старалась не смотреть на новых знакомцев, но чувствовала на себе их внимательные взгляды. От парней не веяло ни враждебностью, ни злыми помыслами — одним лишь чистым любопытством, волнением и… какой-то неловкостью весьма похожей на смущение.

Первыми поведали о себе молодые люди, справедливо рассудив, что таким образом завоюют себе доверие более юных обитателей Абериджа. Тех же им опасаться очевидно не стоило, поскольку эта ребятня вряд ли работает на стражников или кого похуже. Кроме того, среди них самих оказалась как минимум одна сильная колдунья, а значит их интересы хотя бы частично совпадали.

За свои способности Алдар и Ювион уже давно были лишены родительского дома. В их краях к колдовству относились намного хуже чем в Железных землях. Уличенные в запретном природном даре люди помещались в особое учреждение под неусыпный надзор. Дальнейшая их судьба складывалась в зависимости от развития и направленности этого дара. Признанных безвредными отпускали. Как правило, это были наиболее слабые индивиды, либо же их способности в принципе не причиняли прямого вреда. Умеренно и среднеразвитых могли ограничивать в свободе до конца жизни. Хуже всего приходилось наиболее одаренным, особенно ес-

ли их силы с годами заметно росли. Таких держали в четырех стенах, изолируя от общества, либо же отправляли в иные заведения, от греха подальше, причем порой за это платили хозяева узилища, а порой платили им — в зависимости от ситуации. За Алдара и Ювиона заплатили. Их продали в далекую горную обитель Железных земель, куда запирали самых необычных. Произошло это минувшей осенью. Молодых людей передали из рук в руки какому-то типу в сером балахоне в сопровождении группы вооруженных людей, по виду похожих на воинов, но одетых как простые обыватели. Тип в сером являлся колдуном. Парням нетрудно было об этом догадаться, тем более что он всю дорогу держал их в состоянии оцепенелого дурмана, потчуя не только какой-то усыпляющей настойкой, но и накладывая чары. Алдар и Ювион пришли в себя когда влияние колдуна ненадолго ослабло. Вероятно, он куда-то отлучился, и его задержали какие-то дела. Молодые люди пришли в себя достаточно для того, чтобы вновь начать осознавать окружающее. Куда бы их ни везли, вырисовывавшаяся перспектива ничего хорошего не предвещала. Плеск волн за бортом корабля подсказал им что они куда-то плывут. Сопоставив обрывочные воспоминания последних дней, выплывавшие из навеянного дурмана, парни сообразили, что судно поднимается вверх по Идлису. Манипуляторы. Из них выйдут отличные манипуляторы — так приговаривал человек в сером, окутывая головы пленников спутывающими сознание чарами. Видения, приходившие вслед за этим, заставляли трепетать очнувшийся от колдовской отравы разум. Вспомнить в чем именно они заключились было почти невозможно, но веяло от них чем-то тяжелым и мрачным, чем-то порабощающим и демоническим. Обменявшись друг с другом ощущениями, Алдар и Ювион тут же решили бежать. Замок в каюте Алдар открыл без труда. Стихия огня, которой он владел от природы, помогала ему отлично управляться с замками, нагревая вещество с разной интенсивностью, в том числе пластины металла всевозможных запоров. Короткое движение рукой — и они выбрались в темный трюм. Стражи не было. Вероятно, конвоиры посчитали что пребывавшим в бессознательном состоянии молодым людям дополнительная охрана не требовалась.

Сориентировались парни довольно быстро, учитывая все еще затуманенное мышление. На палубу подниматься было слишком рискованно, а прятаться где-то внутри — бессмысленно. Они тихонько прокрались в кормовую часть, откуда проникли в последнюю секцию трюма. Поднявшись по узкой лестнице, молодые люди заглянули в приоткрытую дверь одной из нижних кают. На постели дремал переодетый воин, скорее всего офицер. Внимание

Алдара и Ювиона привлекло окно в корме. Дело очевидно шло к ночи, и за ним виднелся рассеянный свет, окрашенный в характерные тона наступавших сумерек. Скользнув в каюту, парни первым делом обезвредили офицера. Стихия холода Ювиона сковала ему язык и члены, поставив на грань жизни и смерти. Выжил он или нет — парни не знали и, честно говоря, особо об этом не беспокоились. Ювион мог бы вообще убить этого типа, но нашел в себе силы обойтись без крайних мер, ограничившись строго необходимым. Если же он все-таки отправился в мир иной, то и поделом, раз участвовал в столь гнусной миссии. Ибо нечего неволить людей лишь за то, что они имели несчастье родиться не такими как все, да еще делать из них послушных марионеток.

Прикрыв выведенное из строя полузамороженное тело покрывалом, молодые люди заперли дверь и бросились к окну. Открыв его, они оглядели открывавшиеся просторы. Береговая линия была далековато, но оба довольно хорошо плавали, а другого шанса бежать у них наверняка не найдется. Порывшись в каюте, они связали веревку из каких-то тряпок и опустили ее почти до самой воды. По ней парни и спустились в волны Идлиса, а сгущавшиеся сумерки помогли им остаться незамеченными.

В Солтенстил Алдар и Ювион прибыли на лодке, угнанной с ближайшего причала, благо что вниз по течению она скользила без всякого труда, направляемая легким всплеском весел. Им понадобилось всего три дня чтобы достичь города, а стража, проверявшая все проплывавшие суда, не обратила ни малейшего внимания на лодчонку с двумя юношами. Мысль спрятаться в огромной столице Железных земель пришла им обоим практически одновременно. Таким как они затаиться в удаленной сельской местности даже сложнее, нежели среди стечения немалого количества народа разных национальностей. В том улье, который представлял из себя Солтенстил, искать пару человек все равно что иголку в стоге сена. А по прошествии времени молодые люди спокойно отправятся куда посчитают нужным.

Причалив лодку у скопления утлых хижин бедного квартала, парни скрылись в лабиринте построек. Кое-какие средства на первое время у них имелись, поскольку у воина в каюте сыскался довольно увесистый кошелек, да и в комоде обнаружилось несколько лишних монет. Остановившись на каком-то дешевом постоялом дворе — настоящей дыре, — молодые люди принялись обдумывать как им поступить дальше. Чтобы не болтаться по таким вот местам требовалось подыскать подходящее убежище без посторонних глаз. Им стал Аберидж. Парни наткнулись на него не сразу, но собранные сведения в итоге привели их на прилегавшее

к заброшенным постройкам кладбище, где они облюбовали у подножия холма небольшой пустующий склеп. Условия проживания в нем были так себе, но теплые южные края делали существование внутри вполне сносным, стоило занавесить входной проем и обустроить две лежанки. Старинные развалины вместе с соседним погостом пользовались в городе дурной репутацией и люди старались их избегать, а как раз это молодым людям и требовалось. В склепе, однако, они надолго не задержались. Алдар продолжал экспериментировать со своим даром. Для того чтобы зажечь лампу или как-то иначе осветить пространство ему не требовалось огниво. Молодой человек мог удерживать сгусток пламени над ладонью, пользуясь им как факелом, и с его помощью с любопытством изучал причудливые узоры стен облюбованного склепа. Тогда-то он и обнаружил, что часть противоположной от входа плиты реагирует на приближение его колдовского огня. Объяснить это ощущение постороннему человеку было невозможно, поскольку простому обывателю с факелом не дано испытать нечто подобное. Коротко говоря, внутри украшенного резным рисунком камня происходило некое возмущение, и Алдар это возмущение улавливал, как улавливал двигавшиеся внутри нагреваемого им замка цилиндры и пластины.

Дальше было дело техники. Заподозрив что в пустующем склепе имеется тайник, молодой человек старательно приступил к поискам. Определив границы предположительно подвижной части стены, он последовательно овевал колдовским теплом ее участки, нащупывая сокрытые элементы. Вскоре его внутреннему взору предстал некий встроенный в толщу камня механизм, и он даже определил где находятся нажимные пластины. С ними, однако, Алдар возиться не стал. Для него в этом не было ни малейшей необходимости. Он принялся воздействовать напрямую на само устройство и вскоре его усилия увенчались успехом. Щелкнув металлическими деталями, часть стены подалась, и секретная плита открылась почти как самая обычная дверь.

Находка оказалась поистине изумительной. За потайной дверью обнаружилось большое пригодное для жизни помещение с кроватями и прочей обшитой деревом каменной мебелью. Имелся даже резервуар для воды и над ним свешивался вполне рабочий кран. Вода, скорее всего, поступала дождевая, и поэтому парни не злоупотребляли свалившимся на них благом, ограничиваясь самым насущным. Очаг, на удивление, также пребывал в рабочем состоянии. Куда уж уходил дымоход — кто его знает, но с тех самых пор Алдар и Ювион обрели вполне приличное убежище, о котором и мечтать не могли. Определив как правильно открывается

внешний замок, Алдар сообщил об этом товарищу, а сам постепенно продолжил свои изыскания. Через некоторое время он наткнулся еще на одну потайную дверь — там, где подсказывала логика. Уж больно красноречиво выглядело устройство секретной комнаты чтобы она кончилась ничем. Алдар сумел почувствовать скрытую область, но дальше у него дело застопорилось. Как он ни старался, а на сей раз совладать с хорошо замаскированным механизмом у него не вышло. Либо тот оказался слишком хитроумным и не поддавался на манипуляции молодого колдуна, либо его запечатывало что-то еще, и это что-то у Алдара никак не получалось найти и преодолеть. Много раз он подступался к неумолимой стене, и каждый раз терпел фиаско, оставаясь ни с чем. Когда Алдар обнаружил в своем убежище незваных гостей, его удивление разрослось вне всяких границ, едва он понял, что явились те как раз оттуда, где он так и не преуспел.

— Ну же, не разочаруй меня! — воскликнул молодой человек, обращаясь к Илиане, когда закончил свою историю. — Не говори что изнутри этот проход открывается каким-нибудь банальным способом! Поведай как тебе удалось расколоть этот орешек.

После всего услышанного девушка не стала скрытничать и вкратце пересказала Алдару историю своих манипуляций, начиная от особого ощущения в пальцах и заканчивая светившей ультрафиолетом алхимической лампой. Немного поколебавшись, упомянула она и про призрачные контуры, словно подсказывавшие ей правильную последовательность.

— Фантастика! — воскликнул тот, с невольным восхищением глядя на новую знакомую. — Великолепное сочетание колдовства и знаний! Черт побери, а я еще до сего момента наивно гордился своими способностями! Вот мне и урок не зазнаваться.

Впечатлены оказались не только молодые люди. Ребята также смотрели на Илиану с изумлением, а в глазах Галаны и вовсе читался неподдельный восторг.

— Да, наша подруга вне всяких сомнений очень одаренный, необычный и интересный человек, — согласилась Фариза, для которой многое услышанное сейчас тоже стало в диковинку. — В этом уверены мы все, кроме нее самой. Она-то считает себя ведьмой и едва ли не средоточием зла, хотя на самом деле обладает уникальными целительскими способностями.

— Ведьма? Целитель? Ну-ка расскажи! — с неподдельным вниманием воскликнул Ювион.

Несмотря на протесты покрасневшей Илианы, Фариза вкратце объяснила молодым людям что она имела в виду, сделав серьезный акцент на даре светловолосой девушки заживлять раны и нивели-

ровать действие ядов. Закончила она, подчеркнув, что сама Илиана боится своих способностей и считает их недобрыми.
— Да мне бы такие таланты, вот я бы уж точно не жаловался! — воздел руки к небу, точнее, к каменному потолку Алдар. — Если все это правда, то это просто потрясающе! Что ж, тогда мне более чем понятно почему ваша Илиана прячется… Добро пожаловать в клуб!
Парни немедленно пристали с расспросами к окончательно смутившейся девушке и Фаризе даже пришлось на них прикрикнуть чтобы те оставили подругу в покое.
— Полагаю, теперь моя очередь поделиться с вами как мы все здесь очутились, — сказала она, сделав обеспокоенной Илиане знак — не переживай, мол, лишнего не сболтну.

История союза маленькой компании выглядела менее занимательной до тех пор, пока на сцену не выступил черный колдун и неведомые твари. Пророческий дар Галаны не остался в секрете, но чувства Илианы Фариза действительно пощадила, не упомянув некоторые щекотливые детали. Молодые люди отдали должное удивительному таланту юной ясновидящей, отчего та зарделась от удовольствия, но больше всего их, без сомнения, поразила светловолосая девушка.
— Мы сбежали от заклинателя в сером, ты от колдуна в черном. Между нами довольно много общего, не находишь? — подмигнул Ювион, глядя на Илиану.
Встретившись взором с ее сиреневыми глазами он вдруг смутился и отвернулся, с нарочитым усердием занявшись чайником. Тем не менее, парень был совершенно прав, и Илиана нашла их повествование стоящим самого пристального внимания. Забравшая молодых людей группа крайне подозрительно напоминала нападавшие на почтовые станции чародеек отряды. Те же переодетые в гражданскую одежду воины, тот же колдун в сером… Совпадение? Не похоже. Но зачем Имперской страже понадобилось выкупать юношей чтобы отвезти их в далекий уединенный монастырь? Здесь был какой-то умысел, но какой — Илиана терялась в догадках. Машинально поглаживая пригревшегося кота, она старалась нащупать хоть какую-нибудь ниточку, но у нее практически не было нужных сведений. Об этом месте Илиана не слыхала даже от Сирелины. Впрочем, чародейка физически не способна была рассказать ей обо всем на свете за то время, что они провели вместе, а в письмах и книгах о нем не упоминалось. Кстати о коте!
— Послушай, Бус, почему ты мне не сказал что там кто-то живет? — прошептала девушка на ухо полосатому спутнику.
— Я говорил что из тех пустот пахнет людьми, — степенно заметил

мохнатый друг. — Разве я виноват что ты такой тугодум и тебе надо разжевывать очевидные вещи?
Илиана невольно улыбнулась, находя объяснение кота не лишенным вполне человеческой иронии. Кажется, с тех пор как они первый раз встретились, Бус изрядно поднаторел в общении с ней и границы его мышления расширились. Или это лишь плод ее воображения?
— Алдар, хватит таращиться на Илиану, дыру протрешь! — бесхитростно заявила Дэя, поигрывая кинжалом.
Беседуя с Галаной, чьи пророческие способности его заинтриговали, тот косился на светловолосую девушку и явно не подозревал что это заметно.
— Я полагаю, мы поладим, — заявил Алдар, отводя взгляд как ни в чем не бывало. — Ну, в смысле мы все, — быстро поправился он.
На лице Дэи расплывалось откровенное ехидство, и парень стал развивать свою мысль, пока та не прицепилась к прозвучавшим словам. Она была проста. Никаких причин для конфликта между молодыми людьми и ребятами не имелось, и они вполне могут жить под одной крышей. Места ведь на всех хватит. Их многое объединяло: схожие жизненные обстоятельства, схожие тайны. Возможно, сама судьба свела их вместе, как бы ни театрально это прозвучало.

Вопрос был простой, но вместе с тем требовал обсуждения. Затянулось оно до полуночи, благо что окна выходили во внутренний двор и из города никто не видел света зажженных ламп. В результате как таковых противников проживать по соседству не оказалось, когда собравшиеся утрясли все детали. Парни сообщили, что будут и дальше оставаться в старом помещении, как минимум пока ребята к ним не привыкнут, работая бесплатными сторожами потайного хода. Те же в свою очередь предложили приходить в гости, делить трапезу и досуг. На том и порешили.
— Только без глупостей, ладно? — сурово сказала Фариза.
— О чем это ты? — осведомился Ювион.
— Ты знаешь о чем. Не все из нас дети, — тем же тоном продолжила темноволосая девушка. — Если что, имейте в виду: меч у Илианы на поясе отнюдь не для красоты. Она владеет им не хуже заправского воина. Да и нашего Ангура кое-чему успела научить.
— А есть то, чего ты не умеешь? — невольно вырвалось у воззрившегося на Илиану Алдара.
— Я не умею вызывать ни огонь, ни стужу, равно как и управлять ими, — вздохнула та. — По правде говоря, я вообще не умею колдовать и плохо понимаю в чем заключаются мои способности.
— Возможно в чем-то таком, что пока за гранью нашего понима-

ния, — задумчиво отозвался Ювион. — Кстати, а вы собираетесь выходить в город или так и будете отсиживаться в Аберидже? — добавил он, встрепенувшись.
— Постоянно выходим. Как мы, по-твоему, добываем себе провизию, одежду и все эти замечательные вещицы? — пожала плечами Дэя. — А это ты к чему?
— Видели сегодня объявления? Через три дня состоится Высшее судилище. Я слыхал, такого не было уже очень давно, — пояснил Ювион. — Презанятное, говорят, будет зрелище. Предлагаю сходить всем вместе и посмотреть.
— Да ладно, разве их не отменили? — удивилась Фариза.
— Похоже, нет, раз об этом сообщают официальные листовки, — развел руками молодой человек.
Посыпавшиеся со всех сторон вопросы дали понять, что большая часть юной компании понятия не имеет о чем речь. Фариза объяснила.

В стародавние времена, когда вина какого-либо человека не была установлена в достаточной мере, власти могли пойти на так называемое Высшее судилище — предоставить решать судьбу обвиняемого высшим силам. Это означало, ни много ни мало, серию поединков, сложность которых возрастала раз от раза. В зависимости от тяжести обвинения, их число варьировалось от одного до семи, по одному на каждый день недели. Если испытуемый побеждал во всех, то высшие силы ясно выражали свою волю, и он считался полностью оправданным. Если же нет, то... то смотря как он проигрывал. Смертельные исходы были отнюдь не редкостью. Проводились означенные Судилища на специальной арене и на них каждый раз собирались охочие до зрелищ толпы. В прежние века их даже специально устраивали почаще, наравне с гладиаторскими боями, дабы народу было на что поглазеть, причем многие узники, страшась грядущей кары, сами выбирали такой путь собственной защиты. Еще дед нынешнего правителя Железных земель прекратил эту практику, сочтя ее не только варварской, но и глупой. Высшие силы ему были нужны лишь тогда, когда он намеревался оправдать их волей собственные действия. В остальном дед ад-Сейдина первый придал старинному кличу Железных земель "ахар бала", то бишь "судьбу вершим", совершенно новый смысл. Он вершил ее сам, и его потомки следовали тому же принципу. Прошло уже много лет со времени последнего Высшего судилища и сама Фариза ввиду своего молодого возраста знает о их существовании лишь понаслышке. Просто она в силу привычки и взятой на себя ответственности за ребят лучше разбирается в жизни Солтенстила, а посему и ее знания не ограничиваются од-

ними лишь насущными заботами.

Когда Фариза закончила, ее рассказ вызвал у ребят заметное оживление.

— Я бы посмотрел, — заявил Ангур. — Любопытно как минимум потому, с чего это вдруг власти надумали возродить старый обычай. Только я бы не брал с собой самых маленьких.

— Это почему это? — возмутилась Тиша. — Я тоже хочу пойти! Я и так почти все время сидела в нашем старом доме и теперь хочу гулять!

Она устроила с Ангуром настоящую перепалку, и остальным даже пришлось вмешаться. Сторонники нашлись у обоих. Одни считали что Ангур прав и малышам не стоит смотреть на жестокую потеху. Другие — что в окружающем мире самых прозаических жестокостей куда больше, и если идти, то всем, а не делить общину на тех кому можно и кому нельзя. Победила Тиша. За нее оказалось больше голосов, включая Ювиона. Его мнение, правда, в компании ребят сейчас веса не имело, зато он вступил в оживленную дискуссию с товарищем, доказывая, что бессмысленно с малолетства ограждать детей от подобных зрелищ. Правильно и вовремя поданное социальное явление куда безопасней и полезнее для воспитания, нежели попытка оградить ребенка от всех тягот внешнего мира словно овощ в теплице. Ангур вяло отнекивался — мол, каждому возрасту свое, на что Ювион резонно возражал: после самостоятельной жизни на улице эти ребята куда взрослее двадцатилетних неженок из зажиточных семей. Фариза, конечно, могла просто запретить, пользуясь своим авторитетом, но она заняла нейтральную позицию, ожидая решения большинства. Большинство решило.

— Что ж, так тому и быть, — вздохнула она, одобрив совместный поход.

Тиша и Скич выразили ее словам живейшее одобрение. Удовлетворение выказала даже Дэя, поскольку подозревала что ее при случае тоже отнесут к недорослям.

— Интересно, кто же это такой, что из-за него вдруг решили возродить старинный закон? — поинтересовалась она, вновь поигрывая острым кинжалом с такой легкостью, будто это было перо для письма.

— Понятия не имею, — отозвался Ювион. — В листовках сказано лишь что Судилище начнется через три дня.

— И в чем его обвиняют? — не отставала Дэя.

— Согласно старинной традиции, обвинение публично не оглашается, чтобы до определения вердикта не навешивать на человека ярлык, — пояснила Фариза. — Если он заслужит оправдание, то по

его желанию оно и вовсе может остаться не названным. Публике известно только его имя. Никакой предвзятости.
— Так и есть, — кивнул Ювион. — В официальных листовках нет ничего кроме имени и времени проведения Судилища.
— И как же его зовут? Это ведь мужчина, да? — полюбопытствовала юная разбойница. — Бьюсь об заклад, наверняка здесь что-то очень необычное, учитывая все обстоятельства!
— Это некий Бэйл, — ответил молодой человек.
Илиана, побелев как мел, со звоном уронила на пол чашку.

– 10 –

Гладиатор безвылазно томился в своем узилище. Обращались с ним на удивление хорошо и даже кормили куда лучше, нежели в какой-нибудь дешевой гостинице, а уж на камеру и вовсе грех было жаловаться. Вместе с тем, он отнюдь не привык к такому вот сидению на месте и откровенно маялся, лишенный возможности любой продуктивной деятельности. Его даже на допросы перестали вызывать, а просто держали здесь и на все требования уточнить как долго сие будет продолжаться отвечали "следствие идет" и увещевали набраться терпения. Да, именно увещевали, а не огрызались, сиди, мол, висельник, и не рыпайся. Гладиатор подозревал, что его необычное положение между небом и землей связано с какими-то щекотливыми обстоятельствами, но в чем именно они заключались понятия не имел. Сирелина наверняка сообразила бы в чем тут дело, а он лишь блуждал впотьмах и его единственной догадкой была близость к принцессе Таларе. Возможно, именно из-за нее ввиду недостатка улик его и содержат столь щепетильным образом.

От скуки Бэйл даже стал читать. Одними отжиманиями от пола, стойками на руках и прочими физическими упражнениями он просто не мог заполнить пустые сутки, как ни старался. Книги никогда не являлись его коньком, но за неимением иного развлечения… Увлекательное оказалось занятие! Удовлетворив просьбу узника, тюремщики принесли целую кипу литературы на выбор, поскольку сам гладиатор был не в состоянии определить чего бы ему хотелось. Очередное, кстати, подтверждение исключительного с ним обращения, ведь книги стоили дорого и абы кому их просто так приносить никто бы не стал. Впрочем, у него имелся своеобразный залог в виде изъятого, но не конфискованного кошелька с достаточно солидной суммой. Религиозную тематику гладиатор отверг сразу, а страсть Сирелины и Илианы к заумным учебникам и прочим познавательным фолиантам он тоже отнюдь не разделял.

Перелистав навскидку несколько томиков, Бэйл остановил свой выбор на каком-то легком историческом романе и к своей полной неожиданности ушел в него с головой. К тому времени как в его просторной камере наконец-то объявился посетитель, он прочел, пожалуй, больше книг, чем за всю свою жизнь, и явно не собирался останавливаться на достигнутом. Когда перед ним вырос какой-то тип в черном балахоне, Бэйл некоторое время хлопал на него глазами, пытаясь выкарабкаться из окутавших его навеянных фантазией видений.

— Надеюсь, с вами здесь хорошо обращаются? — изрек этот человек ровным и каким-то совершенно неэмоциональным голосом. — Не возражаете, если я присяду?

Он подтянул стул — да, именно стул, а не какую-нибудь шаткую табуретку, традиционную спутницу многих темниц, — и уселся, едва удивленный гладиатор ответил кивком.

— Я полагаю, у вас имеются вопросы касательно вашего здесь пребывания, — не то поинтересовался, не то констатировал посетитель в черном.

О да, вопросы у Бэйла были! Сев на постели, он попытался прочесть на лице визитера возможную причину интереса к его персоне, но из этого ровным счетом ничего не вышло. Под низко опущенным капюшоном невозможно было что-либо разглядеть, и гладиатор живо припомнил рассказы Илианы о неком Мастере из Нижних подземелий, с которым имел дело Арбах ан-Бакир. Не он ли это заявился к нему в гости? Впрочем, какая разница, если сейчас у Бэйла получится прояснить детали собственного положения. Не теряя времени, он, обычно не слишком словоохотливый, прямо-таки засыпал посетителя вопросами. Тот слушал молча, не перебивая и давая пленнику Имперской стражи выговориться. Когда поток слов наконец-то иссяк, из-под капюшона раздался по-прежнему ровный и лишенный эмоций голос.

— Я хорошо понимаю вашу озабоченность. Вынужден сообщить, что она не лишена оснований и есть довольно приличная вероятность что вы застряли здесь надолго, — сообщил он.

— Но это возмутительно! — воскликнул Бэйл. — Вы держите человека без суда и следствия и открыто заявляете что так будет продолжаться и впредь?!

— Следствие как-раз-таки продолжается, и в этом заключается ваша основная проблема. Для обвинения недостаточно улик, а учитывая его тяжесть, отпустить вас также не могут. Тут либо полное оправдание, либо приговор, — пояснил странный гость. — Вы в руках Имперской стражи и поверьте — у них хватит полномочий держать вас здесь неопределенный срок.

— Но это неприемлемо! — возмутился гладиатор. — Если я виновен — осудите. Если нет — отпустите. Я не желаю отбывать пожизненное заключение из-за чьей-то нерасторопности!
— Именно поэтому я здесь, — неожиданно более мягким тоном заявил посетитель.
— О чем это вы? — оторопел Бэйл.
Человек в черном пояснил. На самом деле, именно значительная близость к принцессе крови уберегла узника от крайних степеней допроса. В случае если бы он все же оказался невиновен, хотя на таких допросах обычно сознаются во всем, ситуация обернулась бы крайне неприглядно. Вмешательство некоторых влиятельных лиц помогло избежать потенциального скандала, но вместе с тем Имперская стража очутилась в трудном положении. Не имея возможности доказать вину заключенного, выпустить его в виду вышеупомянутых причин она также не может. В итоге и вышло, что узник застрял в неопределенном статусе и сейчас, пожалуй, никто не знает как долго это продлится.
— Хорошенькое дельце! — продолжал кипятиться Бэйл. — И это все что вы имеете мне сообщить? Весьма признателен за разъяснения!
— Вы совершенно напрасно сердитесь. Я пришел предложить вам выход, — молвил посетитель едва ли не доброжелательно.
— Неужели? — недоверчиво хмыкнул гладиатор. — И в чем же он заключается?
— Скажите, вам доводилось слышать о Высшем судилище?..

Дегонис, а это был действительно он, времени даром не терял. Явившись еще затемно к себе в логово с медальоном Илианы, он имел непродолжительный сеанс с Оком, после чего, оставив в стороне прочие дела, основательно озаботился поисками сбежавшей внучки шейха. Мысль, подогретая настойчивым желанием Покровителя, работала так быстро, как только могла. Полагаться на глустров особо не приходилось. Тенепсы, конечно, все еще рыскают в подземельях Солтенстила, но их шансы отыскать девчонку сведены к минимуму. Если они не столкнутся с ней нос к носу, то не сумеют почуять искомую цель даже спрячься та от них в нескольких ярдах. Эх, все-таки стоит завести коллекцию фиалов с кровью как можно большего числа лиц... Ну да это после. Вопрос: что делать сейчас? Дегонис перебрал множество идей, и ни одна не устроила его полностью ввиду довольно продолжительного временного периода на реализацию с непредсказуемым итоговым результатом. Вместе с тем у него потихоньку образовался и краеугольный камень, от которого следовало отталкиваться. В распоряжении колдуна имелся лишь один настоящий рычаг воздейст-

вия на девчонку — ее привязанность к родным и близким. Остальных попросту не существовало. Но как же так поступить, чтобы и цели достичь, и палку не перегнуть? Ведь не облепишь же Солтенстил объявлениями а-ля "Илиана, приходи немедленно во дворец или мы убьем всю твою родню!" Требуется каким-то образом сделать так, чтобы девчонка оказалась в нужном месте в нужное время, и чтобы это произошло самым естественным образом. И вся эта затея обязана выглядеть достаточно оправданной даже в глазах принцессы, что б этой царственнородной занозе пусто было! М-да, непростая задачка, что и говори…

Стремительно работавший, подстегнутый велением Покровителя ум Дегониса наткнулся на подходящее решение когда солнце уже показалось из-за горизонта. Прокрутив его в голове несколько раз и изучив с разных сторон, он пришел к выводу, что идея действительно стоящая и у нее есть отличные шансы на успех. Решив не доверять столь ответственное дело помощникам, колдун, не откладывая его в долгий ящик, живо собрался и быстрым шагом направился прямиком в особую тюрьму Имперской стражи. Верительные грамоты за подписью властелина Железных земель распахнули перед ним все двери, и вскоре он ступил в камеру Бэйла.

Замысел колдуна был куда хитрее, нежели он озвучил его внимательному слушателю. Дегонис открыто заявил что сам узник его не интересует, но у него есть причины постараться избежать грядущего скандала с ее высочеством. У него нет рычагов влияния просто взять и вызволить ее любимого садовника из темницы, но вместе с тем он нашел и подходящий выход, если только узник на него согласится. В этом колдун не солгал. Прикрытие его замысла в том и заключалось: он всеми силами старался заблаговременно уладить неприятную сторону дела с принцессой Таларой и никто бы не смог обвинить его в том, что он не старался. Вот только истинная подоплека предложения Дегониса преследовала совсем другие цели.

Бэйл, выслушав человека в черном, заявил, что действительно слышал кое-что о так называемом Высшем судилище, но многое ему не ясно. Колдун с готовностью ввел его в курс дела. Когда он закончил, гладиатор глубоко задумался. Дегонис его не торопил, продолжая сидеть не шелохнувшись, будто высеченная на табуретке статуя. Его манера себя вести вообще казалась странной и могла заставить нервничать более впечатлительную натуру, но Бэйлу сейчас уж точно не до таких мелочей. Он старательно размышлял над словами посетителя, а не над тем почему и как тот выглядел. Пришлись эти слова ко двору. Дегонис правильно рассудил, что под маской садовника скрывается как минимум быв-

ший воин или опытный наемник, ибо кто еще мог столь серьезно заразить принцессу воинственными штучками и задать перцу целому отряду Имперской стражи? Стало быть, и его предложение он воспримет как хороший шанс, а не практически верную гибель. Так оно и вышло.
— Так вы говорите, я буду полностью оправдан? — медленно протянул Бэйл, когда хорошенько обдумал услышанное.
— Если пройдете испытание — вне всяких сомнений. Закон это гарантирует, — подтвердил колдун. — Даже Имперской страже придется подчиниться.
— А мой меч? Мне его вернут? — осведомился гладиатор.
— В этом случае — да, — кивнул Дегонис. — Но только в этом. Иначе даже если Имперская стража все-таки вас выпустит, меч конфискуют. Он представляет собой уникальный раритет, наделенный неведомыми чарами, и как минимум ввиду специфики имеющихся в вас адрес подозрений его заберут для дальнейших исследований.
— Понятно, — поморщился Бэйл. — А это испытание… В чем именно оно будет состоять?
— Это зависит от тяжести обвинения, — сказал колдун. — В вашем случае… Из-за подозрений в преступной связи с объявленными вне закона чародейками вам же вменяется государственная измена, так что…
— Чародеек объявили вне закона? — живо переспросил гладиатор, стараясь придать своему голосу исключительно любопытный, а отнюдь не взволнованный тон.
— Да, — с легкой досадой кивнул Дегонис, соображая, не сболтнул ли он сейчас лишнего. Впрочем, все равно скоро об этом узнают все подданные новой Империи. — И это для вас и выходит боком, хотя лично я осмелюсь предположить, что вы, даже если действительно контактировали с этими особами, делали это по неведению, без всякой задней мысли и намерения нанести вред действующей власти. Но это, увы, в нынешних обстоятельствах не имеет значения. Итак, к ответу на ваш вопрос…

Человек в черном пообещал, что сумеет свести количество поединков до пяти, по одному на каждый день. Начнутся они с самых простых, однако под конец узнику придется хорошенько постараться, дабы выйти из них победителем. Со стороны выглядело так, будто он всерьез заботится о Бэйле и старается помочь ему выпутаться из сложного положения, пусть его и не интересовало благополучие арестанта. На деле же все обстояло иначе. Дегонису было необходимо как можно дольше задействовать Бэйла на глазах всего города. Он бы с радостью не только заставил придворно-

го садовника оттрубить все семь поединков, но и удвоил бы их число, будь у него такая возможность. Вместе с тем гибель Бэйла в планы колдуна отнюдь не входила, а последние два испытания носили столь тяжкий и труднопреодолимый характер, что у него имелись веские основания опасаться за положительный исход. Если садовник в итоге окажется оправдан, даже ханская дочь не станет искать виноватого чтобы выместить на нем свой гнев. В случае же его смерти поведение принцессы чревато непредсказуемыми последствиями. Дегонису, честно говоря, было действительно наплевать, выживет узник или нет — в его замысле он лишь марионетка. При этом чем больше колдун убьет зайцев разом, тем лучше, и живой Бэйл его расчетливый ум устраивал куда значительнее, нежели мертвый. Даже если он якшается с чародейками. Пожалуй, особенно, если он якшается с чародейками! Надежная ниточка, ведущая к этим излишне уверенным в своем могуществе женщинам еще пригодится.

Колдун невольно задумался и к действительности его вернул вопрос узника. В целом Бэйлу предложение понравилось. Он был гладиатором и предстоящие пять поединков находил вполне приемлемыми. Ему доводилось бывать и в худших ситуациях. Если неожиданный посетитель говорит правду и по окончании Судилища обвинения будут полностью сняты, то упускать такой великолепный шанс попросту недопустимо. Да и получить обратно свой замечательный меч тоже отнюдь не лишне.

— Как и когда вы сможете все это устроить? — осведомился Бэйл.

Колдун вынул из рукава какой-то свиток и протянул его заключенному.

— Это надо подписать, — сказал он.

Развернув свиток, гладиатор быстро пробежал глазами текст. Это было составленное по всей форме требование Высшего судилища, адресованное визирю. На нем стояла сегодняшняя дата.

— Разве вы не дадите мне возможность подумать? — нахмурился Бэйл. — Что за спешка?

— Видите ли, дела призывают покинуть меня Солтенстил, и, боюсь, в следующий раз я не скоро сумею вам помочь, — пояснил безликий посетитель. — Сейчас же я даю вам полную гарантию, что ваша бумага будет подписана незамедлительно. Поверьте, я знаю о чем говорю, ибо вы станете первым, чье ходатайство о Высшем судилище утвердят за последние восемьдесят лет. Поставьте подпись, и через три дня у вас состоится первый бой, а еще через пять, если преуспеете, то станете свободным человеком и сможете вернуться на прежнее место. И никто не посмеет сказать вам дурного слова под страхом соответствующего наказания.

Таков закон.
— Должно быть, вы весьма влиятельный человек, — заметил Бэйл.
— О, моя скромная роль не имеет значения, — отмахнулся Дегонис, тряхнув рукавом своего черного одеяния. — Делаю что в моих силах на пользу всем. Солдаты Имперской стражи преданы повелителю, но порой они перегибают палку и даже не понимают, что своими действиями скорее вредят Империи, нежели приносят ей пользу. Но пока им простительно — это еще слишком молодое образование.
Поставленный перед фактом, гладиатор попросил четверть часа на размышление. Колдун согласился и даже покинул узилище, предоставив арестанту возможность поразмыслить в одиночестве.

Дегонис рассчитал правильно. Ему неизвестно было прошлое Бэйла, но сейчас, сидя напротив него, он безошибочно распознал в нем бывалого воина. Впрочем, кто бы еще сумел дать отпор целому отряду Имперской стражи?.. Но из кожи вон колдун лез не просто так, и даже говорил довольно дружелюбным голосом, чего за ним обыкновенно не наблюдалось. Он создавал Бэйлу такие условия, которые бы тот наверняка принял. Подталкивал сыграть отведенную роль в его плане и сделать это так, что сам исполнитель будет пребывать касательно нее в святом неведении. Даже спешил Дегонис весьма обоснованно. Он панически боялся что девчонка, уже один раз невесть как обдурившая его с медальоном, на сей раз все-таки покинет Солтенстил. В этом случае шансы ее отыскать окажутся сведены к минимуму, а недовольство Покровителя строго наоборот — вырастет до прежде невиданных масштабов. Признаться, возвращаясь в камеру, колдун испытывал сильное волнение, скрываемое непроницаемой завесой черного капюшона. К его великому облегчению сидевший у письменного прибора Бэйл протянул ему только что подписанный свиток.
— Вы поступили правильно, — с искренними нотками одобрения заявил Дегонис. — Теперь отдыхайте и готовьтесь к поединкам. Вам понадобятся силы. Сегодня же вас переведут в особое помещение, где предоставят все необходимое для подготовки, включая улучшенный рацион питания. Надеюсь через восемь дней увидеть вас свободным гражданином Империи.
"Гм, любопытно. Если это тот самый Мастер из Нижних подземелий, то он, возможно, не такой уж плохой человек, — подумал гладиатор, когда за посетителем закрылась тяжелая окованная железом дверь и в коридоре стихли его шаги. — Иначе с чего бы ему так стараться ради меня, пусть и не лично в моих интересах?"
Бэйл до сих пор не ведал что произошло во дворце с момента его пленения, а посему и судьба Илианы была ему неизвестна. Знай он

о побеге девушки, то необычное предложение колдуна не показалось бы ему столь удачным и любезным, и у него имелись бы основания заподозрить посетителя в неких скрытых намерениях. И в этом предположении он оказался бы весьма недалек от истины. "Что ж, гражданин Бэйл, надеюсь, не пройдет и восьми дней, как твоя юная подружка окажется у меня в руках", — так думал колдун, спешными шагами покидая особую тюрьму Имперской стражи и направляясь прямиком к визирю.

Началась последняя декада июля, когда огромная толпа народу собралась вокруг внушительных размеров арены, где в стародавние времена проводились Высшие судилища. В столице не смолкали пересуды с чего это вдруг власти пошли на, казалось бы, канувший в прошлое обычай. Однако, в конечном счете, людей волновало в первую очередь само необычайное зрелище, а не то чем оно было вызвано. Как и рассчитал Дегонис. Привлеченные редчайшей забавой, о которой едва помнили деды и прадеды, граждане Солтенстила валили валом, и к полудню — часу начала первого поединка, — народу скопилось тьма тьмущая.

Ребята устроились на вершине одного из входов на арену, превращенного в балкон для зрителей. Места там стоили весьма дорого, но Илиана, ошеломленная грядущим событием, раскошелилась на всех, тем более что недостатка средств девушка не испытывала. Новые обитатели Абериджа пришли все вместе, начиная от юной Тиши и заканчивая молодыми колдунами. Маленькая компания и двое парней довольно быстро поладили и теперь общались вполне свободно: Алдар вовсю обменивался колкими шуточками с Дэей, а Ювион живо обсуждал с Ангуром предстоящий поединок. Помалкивала одна Фариза. Степенно оглядывая собравшихся зрителей, она машинально присматривалась к скоплению стражников. Девушка понимала, что никакой угрозы те не несут, а призваны поддерживать порядок в столь значительном столпотворении. Она примечала вооруженных воинов исключительно в силу привычки. Тех же и впрямь было хоть отбавляй. Живые цепочки, разделявшие зрительские сектора арены, перемежались с крупными группами у каждого входа, а еще на подступах к Судилищу начинали встречаться усиленные патрули. Они же не торопясь проходили и между рядами людей, бдительно поглядывая по сторонам. Многие из них оказались с собаками. Взятые на поводок псы вышагивали возле стражников, то уткнувшись носом вниз, то поднимая морды и усиленно ловя расширенными ноздрями воздух. Отлично вышколенные животные не выказывали ни малейшей агрессии и слушались команд беспрекословно. Гражданам совершенно нечего было опасаться этих четве-

роногих служителей закона, и на них никто не обращал внимания. Столь значительные меры безопасности вообще мало кого удивляли. Власти просто обязаны обеспечить порядок при проведении редкого события, помноженного на вызванное им огромное количество публики. Даже шнырявшие в толпе карманники свели свою деятельность к минимуму, опасаясь стечения стражников и их шастающих поблизости клыкастых спутников. Если от стражника при случае можно затеряться в толпе, то ускользнуть от науськанной собаки будет на порядок сложнее. Фариза строгонастрого наказала всем подопечным не выкидывать никаких фокусов. Это касалось в первую очередь Скича и Дэи. Первый был просто мастером стянуть чужую собственность, а юная разбойница воспринимала возможность что-нибудь присвоить как охотничий трофей. Среди публики имелось немало разодетых особ, и эта парочка, пожалуй, не откажет себе в искушении поживиться какой-нибудь брошкой или ожерельем, стибрить алмазную булавку или позаимствовать чьи-нибудь богато отделанные карманные часы. Ребята вроде бы хорошо усвоили наставления Фаризы и сидели смирно. Впрочем, все их внимание поглощала арена и предстоящее зрелище. Бдительно изучив подопечных и убедившись в видимом отсутствии у них криминальных замыслов, Фариза успокоилась, краем уха прислушиваясь к оживленной болтовне спутников. Жаль ей не с кем поговорить. Это неплохо выходило у нее с Илианой, но та ни с того ни с сего осталась в Аберидже, хотя щедро заплатила за всех остальных. Причина, на взгляд Фаризы, была совершенно надуманная, и старшая девушка подозревала что здесь кроется нечто большее, о чем новая подруга умалчивает. То ли у нее есть какие-то основания избегать Высшего судилища, либо же вообще мероприятий такого типа, то ли тот, кому предстоит доказывать на арене свою невиновность ей так или иначе знаком.

По арене эхом прокатился оглушительный рев толпы. Все взгляды оказались прикованы к самому центру, где появился широкоплечий мужчина, облаченный в клепаные кожаные доспехи с коротким мечом на поясе. Сопровождавшие его по-особому разодетые стражники удалились, и испытуемый остался совершенно один. Выхватив клинок из ножен, он отсалютовал зрителям, и те немедленно ответили довольным гулом и криками. Бэйл, а Илиана, будь она здесь, сразу же признала бы близкого друга Сирелины, большую часть жизни сражался гладиатором и не сумел отказать себе в удовольствии превратить Высшее судилище в очередной бой на потеху почтеннейшей публике. Сейчас он приветствовал толпу так, как делал это всегда, и толпа, обрадованная столь неожиданному поведению бойца, готовилась к интересному зрели-

щу. Бэйл не подкачал.

С лязгом поднялась одна из больших железных решеток, перекрывавших арочные проходы во внутренние помещения арены. На гладкий песок, утробно похрюкивая, выбежал здоровенный вепрь, размером с крупного теленка. Остановившись, он принялся принюхиваться, шевеля могучим рылом. Серая щетина стояла дыбом, копыта нервно перетаптывались. Его маленькие глазки беспокойно сновали вокруг, обшаривая окружающее пространство, пока крутившийся на месте кабан не заметил одиноко стоявшего человека. Издав разъяренный пронзительный визг, вепрь наклонил голову и ринулся в атаку.

К такому повороту событий гладиатор был более чем готов. Посетитель в черном проинструктировал его очень старательно и об особенностях каждого их пяти поединков Бэйла известили заранее. Он заблаговременно выбрал оружие и экипировку, а в тренажерном зале, предоставленном в его полное распоряжение, вовсю отрабатывал упражнения и слегка подзабытые приемы. Человек в черном был настолько любезен, что даже поведал Бэйлу про особую настойку, которой накачали вепря перед тем как выпустить на арену. Матерый кабан, разумеется, зверь не из приятных и в ярости невероятно опасен, но и кидаться как одержимый он может не захотеть, ограничиваясь угрожающими звуками. Чтобы придать ему максимум агрессии и заставить нападать, животное и пичкали особой настойкой на корнях и травах. Под ее воздействием вепрь приходил в состояние неконтролируемого бешенства и начинал бросаться на все что движется. Бэйлу же, как ни странно, это было только на руку. Заранее осведомленный о грядущем поведении кабана, он устроил для глазевших граждан и гостей Солтенстила настоящее представление.

Когда кабан на всех парах проскочил мимо, опытный воин без труда мог покончить с ним одним ударом, однако он этого не сделал. Увернувшись в самый последний момент, Бэйл лишь смахнул острым мечом немного плотной серой щетины, позволив животному остаться целехоньким. Зрители, завидев эдакий эффектный финт, радостно взревели. Гладиатор слегка поклонился, пользуясь разворотом грузного противника. Он играл на публику. Броски разогнавшегося кабана лишали того возможности маневрировать, а посему Бэйл с легкостью уклонялся от его атак, полностью контролируя ход поединка. И он, имея возможность закончить его сразу, театрально тянул время, доставляя зрителям удовольствие. Как гладиатор он привык заручаться их поддержкой, а когда на твоей стороне вся ревущая от восторга толпа — это кое-что да значит.

Новый бросок кабана оказался для него ничуть не более результативным. Опоенный зверь, кидавшийся на человека аки бешеный бык, снова пролетел мимо цели, а Бэйл плашмя приложил его мечом по крестцу. Зрители возликовали. Разъяренное животное в третий раз пошло в атаку, и на сей раз гладиатор выкинул номер похлеще. Практически перед самой мордой вепря он высоко подпрыгнул и сделал сальто через голову. Кабан пробежал под ним, а он приземлился на ноги, умудрившись развернуться к противнику лицом. С трибун послышались громкие аплодисменты.

Еще несколько раз вепрь атаковал гладиатора, и всегда тот ускользал от него с оскорбительной легкостью, придумывая какой-нибудь новый зрелищный элемент. Однако бесконечно долго так продолжать не стоило. Во-первых, людям скоро приестся определенное однообразие, во-вторых, кабан явно стал сбавлять напор, теряя в скорости и заметно прибавляя маневренности. То ли очухивался от действия коварного снадобья, то ли просто уставал и предпочитал сменить тактику. Бэйл понял, что шутки кончились. Тем не менее, банально прикончить свирепого противника он по-прежнему не хотел. Бурные восторги толпы неожиданно воскресили в его памяти громкие овации прежних дней и славу одного из лучших бойцов арены. Гладиатор осознал, что ему все еще нравится пребывать в лучах всеобщего внимания и демонстрировать молодецкую удаль и боевые качества. Ему шел шестой десяток, а он был все еще способен заткнуть за пояс нынешних юнцов. Распаленный жадно взиравшей за его действиями публикой, он пошел на серьезный риск. Подпустив вепря совсем близко и практически закружив с ним на небольшом пятачке, Бэйл вдруг подбросил свой меч высоко в воздух. Затем, позволив кабану развернуться, неожиданно схватил его за выпиравшие клыки. Зверь, осатанев от столь возмутительного обращения, насел что есть мочи, и гладиатор еле устоял, упершись ногами в подавшийся песок. Тяжелая туша вепря, дико визжа, перла на него, взрывая копытами небольшие барханы, а Бэйл изо всех сил удерживал ее на месте. Казалось, человек и кабан застыли друг напротив друга, сцепившись в крепких объятиях. Момент был невероятно напряженным. Гладиатор даже подумал что переоценил собственные возможности, поскольку еще немного — и он не сможет более противостоять грузному матерому животному. Как бы желание покрасоваться и блеснуть удалью не вышло ему боком! Вепрь, поднатужившись, сдвинул его на целый фут. Еще немного, и он вырвется из хватки! На счастье Бэйла, конец критической ситуации положил наконец-то упавший меч. Вернувшись обратно под действием силы тяготения, он вонзился сверху вниз в основание шеи вепря, примерно

как и рассчитывал гладиатор. Кабан испустил захлебывающийся визг. Ноги его подогнулись. Зашатавшись, он упал на колени, а затем, качнувшись, тяжело завалился на бок, заливая кровью белый песок арены. Толпа взревела. Вскочив, вопящие от восторга зрители устроили гладиатору оглушительные овации. Бэйл, утерев с лица катившийся градом пот, выдернул дымящийся алым меч из поверженного вепря и вновь отсалютовал трибунам. Взыгравшие трубы, оповещавшие об окончании поединка, утонули в поднявшейся над ареной буре голосов.

— А этот Бэйл впечатляет! — заключил Ангур, когда ребята покидали Судилище. — Если так пойдет и дальше, у него отличный шансы выйти сухим из воды, в чем бы там его не обвиняли. Жаль Илиана не видела. Пропустить такое потрясающее зрелище! Нет, вы видели что он провернул в конце?! Это ж какой сноровкой надо обладать, какой силищей!.. Вернусь — обязательно ей расскажу в мельчайших подробностях.

Нечто подобное думал и Дегонис, наблюдавший за ходом схватки из укромного уголка, где он пребывал в недосягаемости для посторонних взоров. "Пожалуй, этот молодчик прекрасно обойдется и без моей помощи, — думал колдун, глядя как Бэйл гордо удаляется в открывшийся выход. — Впрочем, лучше не рисковать. Подстраховаться никогда не помешает. В других поединках ему придется куда сложнее, а он должен выдержать их все. Пусть он играет свою роль, а я сыграю свою." Дегонис, само собой, явился на арену отнюдь не для того, чтобы насладиться схваткой. Безусловно, он намеревался убедиться, что его марионетка хорошо справляется с поставленной задачей. Вместе с тем, колдун непрерывно ожидал доклада офицеров стражи. Увы, они так и не принесли ему желанного известия. Дегонис разочарованно вздохнул. Он и не рассчитывал преуспеть в первый же день, учитывая огромный наплыв любопытствующей публики, но все-таки... Ну, завтра будет еще один поединок. А затем еще один. И так пока Бэйл не пройдет все пять. Четыре оставшихся сулили неплохие шансы на успех. Поправив капюшон, колдун развернулся и скрылся в глубине темного прохода.

Красочные рассказы ребят о прошедшем поединке восторгов у Илианы отнюдь не вызвали. Наоборот, она отчего-то хмурилась и была достаточно немногословной. От Фаризы не укрылось, что подруга, словно невзначай, расспрашивала не столько о том, чего вытворял испытуемый, сколько как он выглядел. Все сочли означенный интерес к внешности чисто женской чертой, и лишь Фариза укрепилась в своих подозрениях. Улучив минутку, она отвела Илиану в сторону и без обиняков спросила:

— Ты боишься что это хорошо знакомый тебе человек, так? Судя по реакции, твои худшие подозрения подтвердились.
Илиана пробовала было отнекиваться, но заставшая ее врасплох Фариза уже получила доказательство своих предположений.
— Брось, Илиана, ты среди друзей. Неужели это настолько великая тайна, что после всего уже тобой рассказанного ты все еще продолжаешь скрытничать? — с укоризной покачала она головой.
Илиана вздохнула. Само по себе знакомство с Бэйлом можно было и не утаивать. Вот только сам гладиатор на короткой ноге не только с Таларой, но и с чародейкой Сирелиной, и как бы эта ниточка в результате не размотала целый клубочек.
— Да, я знаю его, — наконец призналась она, решив поведать часть правды. — Он работал при дворце садовником, и это он научил меня обращаться с оружием.
Не вдаваясь в подробности и полностью исключив из повествования принцессу и чародейку, Илиана посвятила Фаризу в основу своих взаимоотношений с Бэйлом, упомянув, что он для нее вроде приемного дяди. Впрочем, в ее случае слово "приемный" вообще всегда можно было опускать, поскольку единокровных родственников у Илианы попросту не имелось, либо она про них не знала.
— А теперь ты настолько боишься исхода Судилища, что даже не приходишь на арену? — только и спросила Фариза, когда подруга выложила подноготную.
— Что-то вроде того, — невесело отозвалась Илиана. — Я прекрасно понимаю что он гладиатор и участвовал в великом множестве боев, но видеть их самой, да еще в таких обстоятельствах...
— Поверь, тебе, похоже, не стоит опасаться за его судьбу, — ободряюще улыбнулась Фариза. — Видела бы ты что он сегодня вытворял... Если у кого и есть шансы благополучно выдержать все испытания, то это у него, и шансы просто прекрасные. Дело, конечно, твое, но я бы пришла и поддержала своего дядю хотя бы мысленно. Но ты поступай, разумеется, как знаешь. Кстати... Если позволишь, у меня есть еще один вопрос.
— Валяй, — махнула рукой Илиана.
— Твой полосатый приятель, этот толстый котяра... Он ведь тебя отлично понимает, верно? И не уверяй что нет — я не настолько наивна как остальные, — медленно произнесла Фариза, не спуская глаз с подруги и внимательно следя за ее реакцией.
— Да. И не только он, — решила не отпираться почем зря Илиана. — Но сейчас мне не хотелось бы об этом говорить. Это слишком сложно и непривычно. Возможно, позже, когда для этого найдется подходящее время.
— Хорошо, — не стала настаивать Фариза. — Ладно, идем к ребя-

там, а то они, кажись, уже начинают подозревать нас в каких-то интригах.
— Спасибо, — сказала вдруг Илиана.
— За что? — удивилась Фариза.
— За то что не наседаешь с расспросами, — грустно улыбнулась Илиана. — И никому не говоришь, — добавила она многозначительно.
— Ты полна тайн, — негромко отозвалась старшая девушка. — Человек имеет право на секреты, но твои с каждым разом все более удивительны.
— Поверь, ничего хорошего в этом нет, и я многое бы отдала чтобы никогда с большинством из них не связываться, — еще раз вздохнула Илиана.
Больше они в тот день не разговаривали.

Не пришла Илиана и на второй поединок. На сей раз к Бэйлу выпустили горного медведя — противника более чем серьезного. Огромный свирепый хищник обладал не только подвижностью при всех своих внушительных габаритах, но и в башке у него имелось побольше мозгов, нежели у одурманенного вепря. Впрочем, излишним умом медведь все же не отличался, а посему с ним вполне можно было сладить, особенно если учесть должный уровень подготовки. За всю свою жизнь гладиатору с кем только не приходилось иметь дело, а посему он не нашел ничего непосильного в очередном испытании. Предупрежденный доброжелателем в черном о размерах, весе и нраве зверя, Бэйл вооружился палашом и копьем, причем не с обычным древком, а металлическим. Он мог потребовать себе любое снаряжение из имевшегося при арене арсенала и стараниями Дегониса ему предоставили желаемое, хотя копье целиком из железа там изначально отсутствовало. Искусный кузнец быстро соорудил срочный заказ, и гладиатор остался вполне доволен. Сделав с копьем несколько упражнений, он окончательно уверился, что это то, что надо. Вес у него, конечно, был тот еще, но для тренированных мускулов Бэйла он оказался приемлем. Зато могучий медведь уже не сможет переломить его лапой, одним махом лишив таким образом человека львиной доли шансов на победу.

Медведь осторожничал. Он и гладиатор довольно долго кружили друг напротив друга, не вступая в прямое противостояние. Бэйл не знал, что колдун, озаботившись его судьбой, втайне от всех вколол хищнику некое снадобье, сделавшее того более вялым. Не настолько чтобы это стало заметно, но достаточно для того, чтобы зверь не действовал во всю свою прыть. Ведь в ловкости с его только казавшейся неповоротливой тушей лучше было не со-

ревноваться. Посверкивая хорошенько начищенным панцирем нагрудного доспеха, Бэйл выжидал благоприятный момент. Да, на сей раз он облачился именно в такой тип брони. Она излишне стесняла движения, зато и давала надежную защиту от возможного удара медвежьей лапы, от которого не спасет даже кольчуга. До такого удара, разумеется, доводить не стоит, но мало ли как повернется дело. Ведь именно на крайний случай гладиатор прихватил и палаш, покамест висевший у него на поясе, ибо он обеими руками держал копье, направленное острием в здоровенного противника.

Сегодня Бэйлу было не до бахвальства, да и зрители очевидно не ждали каких-нибудь трюков, с замиранием сердца следя за движениями вразвалочку кружившего медведя. Несколько раз хищник неторопливой трусцой заходил на человека, но пока что не довел ни одну атаку до конца на перемещавшегося по дуге Бэйла. У последнего не было особого желания встречать громадную тушу острием копья в грудь, поскольку укол мог не оказать должного эффекта, а шанса на другой скорее всего уже не будет. Следовало спровоцировать медведя на определенную реакцию, и гладиатору требовался подходящий случай. Он, наконец, настал, когда зверь чуть отступил, помаргивая маленькими глазками, смотревшимися прямо-таки неестественно на здоровой как котел башке. Издавая громкие угрожающие крики, сродни тем, которыми пугают дичь загонщики, Бэйл вдруг рывками стал приближаться к хищнику. Медведь, почуяв очевидным образом выраженную агрессию, живо осерчал. Взревев, он поднялся на задние лапы, приняв свою типичную стойку. Этого гладиатор и добивался. Подскочив в мгновение ока, он нанес удар жалом копья, уперев его противоположный край в твердый песок. Вес грузного хищника сыграл против него, когда тот осел на неумолимый металлический стержень. Пораженный в сердце, медведь нанизал сам себя на разящее железо и едва Бэйл отступил, не в силах удерживать навалившуюся тушу, судьба грозного противника была решена. Дабы милосердно прервать агонию животного, гладиатор выхватил палаш и одним махом перерубил шейную артерию. Медведь дернулся и затих. Толпа, впечатленная расчетливой точностью испытуемого, встретила окончание поединка дружными аплодисментами.

Зрители разошлись, и Дегонис вынужден был констатировать что его сети вновь оказались пустыми. Поведением Бэйла он был вполне удовлетворен, ведь второй небольшой вклад колдуна остался невостребованным. Помимо сделанного медведю укола Дегонис смазал острие копья особым составом. Даже если бы гладиатор

просто поразил зверя хоть куда-нибудь, в его кровоток должен был попасть нервнопаралитический яд. На месте это медведя бы не убило, зато нанесло достаточно ущерба для того, чтобы дать Бэйлу возможность нанести еще один удар, а затем еще. И со стороны все выглядело бы вполне естественно. Ну, узник отлично справился и самостоятельно, и это хорошо. Однако результатами самой своей затеи колдун доволен отнюдь не был. Второй день из пяти мимо. Беспокоиться пока преждевременно, но все же…

Илиана с облегчением выслушала рассказ вернувшихся ребят об очередном успехе гладиатора. Поединок с медведем носил не настолько зрелищный характер как предыдущий, но распаленное воображение рассказчиков наделило его уймой не существовавших подробностей. Впрочем, этим сейчас наверняка занималась добрая половина города, оживленно обсуждая состоявшееся представление. Разумеется, подобные потехи сплошь и рядом случались и на обычных аренах, но здесь речь шла о человеке защищавшем себя в Судилище, и покамест защищавшем более чем успешно. Это придавало происходящему несравненный антураж и особый колорит, делая поединок в глазах обывателей куда привлекательнее и окружая его героическим ореолом. Почесывая за ухом нежившегося Буса, Илиана мучительно размышляла сидеть ли ей в Аберидже дальше. Почему она, собственно, не ходит вместе со всеми? Ведь не для потехи же, поглазеть на подвергающего себя опасности близкого человека, а чтобы его поддержать. К тому же, возможно, ей как-то удастся передать о себе весточку, а то и вовсе мимолетом встретиться с Бэйлом, когда тот, обретя свободу, покинет арену. Если покинет… Б-р-р-р! О последнем лучше вообще не думать и даже близко не подпускать столь тягостные мысли.

Кот замурчал, вибрируя всем своим бочкообразным телом. Мурчание действовало на девушку очень успокаивающе и полосатый, похоже, об этом знал, поскольку прибегал к означенному приему всякий раз когда она начинала сильно переживать. Вообще присутствие Буса придавало Илиане комфорта и даже уверенности, а предводитель колонии бывал у нее все чаще. Млея в волнах исходившего от девушки тепла и жизненной силы, он дарил ей взамен все на что был способен. Каждую ночь покой ребят охраняли четвероногие сторожа, бдительно неся караул не только у порога спальни, но и при входе в Аберидж. Практически вся колония приглядывала, не появляется ли поблизости от развалин кто-нибудь посторонний, а сам Бус продолжал осваивать новые высоты общения, отвлекая Илиану от мрачных мыслей. Вот и сейчас, чувствуя задумчивую озабоченность девушки, он что-то проворчал в усы, причмокнул зубастой пастью и мягко боднул головой

гладившую его руку, переключая внимание на себя.
— Ты чего Бус? — шепнула невольно улыбнувшаяся Илиана, склонившись к мохнатому уху.
— Что тебя так беспокоит? — спросил кот. — Разве тебе тут плохо? Или два новых человека не по душе? С тех пор как они появились, с тобой что-то происходит. Только скажи — и мои хлопцы выставят их в два счета. Живо забудут сюда дорогу.
— Помнишь Бэйла? — ответила девушка.
— Это который? Тот здоровяк, что приходил с тобой и твоей подругой с длинным пышным хвостом? — приоткрыл глаз Бус. — А потом еще с чаровницей?
Под чаровницей он очевидно подразумевал Сирелину, а подругой с пышным хвостом являлась Талара, обладавшая великолепной косой.
— Он самый, — подтвердила Илиана. — И он в беде.
Вкратце она поведала четвероногому приятелю где сейчас находился гладиатор и что ее так тревожило.
— Я бы сходил, — заключил кот, внимательно выслушав девушку. — Вечно вы, люди, создаете себе проблемы на пустом месте. Сходи и не забивай себе голову. И постарайся с ним встретиться — это же отличная возможность.
— Ну, если ты мне это советуешь… — усмехнулась Илиана.
— Разумеется, — проворчал кот. — Только стерегись стражников. Нам с тобой с ними лучше дел не иметь. Сделай так чтобы тебя узнал только твой Бэйл.

Третье испытание представляло собой полосу препятствий. Давненько уже не вытаскивали на арену целую уйму хитрых конструкций, сделанных в свое время на совесть умелыми механиками. Выглядевшая непрерывной длинная полоса имела блочную структуру, состоявшую из раздельных частей, собранных воедино. Каждый кусок нес строго свое назначение и входил в определенный сегмент, а те в свою очередь выстраивались один за другим в соответствии с заранее составленной схемой. Полоса могла варьироваться в зависимости от требуемой сложности как по длине, так и по наполнению. Предложенная Бэйлу выглядела достаточно устрашающе. Многие были наслышаны о маятниках-секирах, снующих клинках и кольях, крутящихся бочках, передвижных бревнах, коварных ямах-ловушках и трамплинах. По схожему принципу строились тренажеры не только для бойцов арены, но и обычных воинов. Только вот цели у них предполагались разные. Представленный сейчас на Судилище не предназначался для тренировки людей — он был рассчитан на явное членовредительство. Он не стремился развивать навыки и физические качества испытуемого

— в его задачу входило не допустить человека до желанного финиша, ранив, а то и вовсе покалечив или убив.

Илиана устроилась на балконе возле самых перил между Фаризой и Галаной. Доверительная беседа с двумя совершенно разными существами, давшими в итоге один и тот же совет, убедила девушку ему последовать. Переломив свои колебания, она все-таки присоединилась к компании ребят и вместе с ними явилась на Высшее судилище. Против обыкновения ее тело скрывала длинная просторная одежда, смахивавшая на чадру. Покрывавший голову капюшон делал невозможным любые попытки рассмотреть девушку сбоку. Лишь спереди взору возможного наблюдателя представало ее спрятанное за плотной вуалью лицо, над которой мерцали глубокие сиреневые глаза. Внешний вид никогда не драпировавшейся наглухо Илианы поначалу вызывал у ребят вопросы, но Фариза пресекла их на корню. Отстаньте, мол, от подруги — она наконец-то решилась выбраться в город и не хочет чтобы ее случайно узнали. Вас ей только с вашими длинными языками и не хватало! Именно поэтому сидевшая по правую руку от Илианы Галана помалкивала, хотя обычно щебетала о том, о сем, то и дело теребя старшую подругу. Впрочем, саму Илиану сильно подмывало побеседовать с девчушкой касательно ее талантов, а именно вполне определенных видений. Не удалось ли ей случайно подсмотреть что-нибудь из будущего Бэйла и ее собственного, а особенно все вместе? Однако девушка знала, что пророческий дар Галаны работает исключительно самостоятельно и пытаться направлять его каким-либо образом бесполезно. Он проявляется совершенно непредсказуемо и заранее неизвестно что именно узрит девочка с косичками. Сама же она обычно вспоминала об увиденном только когда то начинало воплощаться в действительности. Иными словами, Галана давно бы сама уже прожужжала Илиане все уши, если бы ей было что сказать. Охваченная беспокойством девушка держала юную провидицу за руку наполовину от волнения, наполовину в надежде пробудить у той какие-нибудь образы. Галана сидела спокойно, вполне довольная столь дружественным жестом, и была полностью поглощена разворачивавшимся на арене действием.

На сей раз Бэйл облачился в короткую кольчугу, довольно плотно облегавшую фигуру. От удара секиры она не спасет, зато скользящее лезвие не травмирует тело, позволив в нужный момент выиграть драгоценные доли секунды и избежать ранений. В остальном же гладиатор решил обойтись и вовсе без доспеха. Какой толк в шлеме, если любой потенциальный удар так или иначе выведет его из строя? На кой ляд напяливать стесняющую движения

ножную броню или накладки, если они все равно не уберегут от движущихся шипов и выскакивающих из помоста клинков и пик? Подобного рода полосы препятствий, иной раз устраиваемых на потеху, любители острых ощущений обычно проходили в специальном снаряжении. Оно было способно защитить от большинства критических попаданий, но Бэйл сразу понял что в данном случае это явно не его выбор. В эдакой неповоротливой сбруе он вряд ли доберется до финиша. Поэтому, кроме легкой кольчуги, во всем остальном его наряд составлял самую обычную одежду. Разве что сапоги гладиатор потребовал с особой подошвой, обладавшей повышенной сцепляемостью на скользких и наклонных поверхностях.

Запаса времени у Бэйла было предостаточно. По условиям испытания он обязан пройти всю полосу целиком от и до, но это не означало выполнить задачу исключительно с первой попытки. Гладиатор мог в любой момент сойти с дистанции и начать заново — правила ничего такого не возбраняли. Бэйл же пошел еще дальше. Хорошо изучив все параграфы, он приступил к освоению полосы частями. Зайдя пару раз с самого старта, он довольно быстро переключился на другие сегменты, вызывавшие у него наибольшую озабоченность. Ведь для себя он почти сразу определил какие из препятствий сумеет пройти быстро и без труда, а где придется как следует попотеть. Толпа затаив дыхание следила как он умудряется вскарабкаться на помост где-нибудь в середине зловеще жалящих механизмов и как ни в чем не бывало маневрирует на небольшом отрезке пути, после чего соскакивает на песок. Судьи безмолвствовали. Пока испытуемый не вмешивался в работу сложной системы и не выводил из строя ее узлы, он волен был делать что заблагорассудится: хоть сидеть сложа руки или бегать трусцой по периметру. Если за отведенные четыре часа он не пройдет всю полосу без перерыва, то испытание будет считаться проваленным, со всеми вытекающими.

Илиана, временами холодея от ужаса, следила за действиями гладиатора. Иной раз казалось, что разящее железо сейчас настигнет жертву, но нет — Бэйл благополучно избегал гибельного свидания с очередным маятником, уворачивался от выскочившего из настила клинка или перемахивал через торчавшие шипы. Толпа ахала, когда подле его ног разверзалась коварная яма, набитая какой-нибудь малоприятной гадостью, а девушка в испуге закрывала глаза. Полоса обладала самым разнообразным коварством, и даже банальные грязевые участки имелись не просто так. Ну что ужасного произойдет, если испытуемый грянется с подвижного бревна в густую слякоть или же скатится в нее с наклонной по-

верхности, над которой то и дело проносилась какая-нибудь разящая штуковина? Сразу — ровным счетом ничего. Зато измазанному человеку куда сложнее придется в дальнейшем. Стоит не вовремя поскользнуться, стоит допустить одно неверное движение и… Бэйл, разумеется, в грязь не падал ни лицом, ни чем бы то ни было еще. Ловко избегая подстав и ловушек, он продолжал осваивать участок за участком, отрабатывая элементы прохождения. Тяжелее всего приходилось там, где препятствия брались только от определенной скорости. Для этого гладиатор, поджидая момент, приближался к ним загодя, тщательно рассчитывая траекторию пути и повороты тела. Именно поэтому он заходил на такие сегменты не с самого начала полосы — пока доберешься да соскочишь потеряешь столько времени и сил, что так не хватит ни дня, ни энергии. Илиана, затаив дыхание, наблюдала как Бэйл с видимым спокойствием продолжает порхать среди гудевших и лязгавших убийственных механизмов, и страшнее сегодняшнего дня для нее был, пожалуй, лишь день падения Нирелина.

Наблюдал за гладиатором и Дегонис. Все с того же укромного места он не без волнения следил за действиями придворного садовника, на поверку оказавшегося весьма серьезным малым. Будет крайне некстати, если тот окажется нанизан на острый металл или рассечен с гулом проносившейся секирой. Колдун, разумеется, и тут принял кое-какие меры, в частности замедлил действие некоторых конструкций и подкрутил пару винтиков в общей системе, но все равно слишком многое зависело от самого Бэйла. К счастью тот отлично справлялся и до сих пор не давал поводов усомниться в своей расторопности. Как минимум до успешного исхода плана Дегониса он должен оставаться живым и невредимым. Колдун как раз размышлял о том, не допустил ли он в этом плане какой-нибудь непростительной промашки, когда позади послышались торопливые шаги. Повернувшись, Дегонис увидел появившегося капитана Имперской стражи.

— Господин, собаки что-то почуяли! — доложил тот обладателю грамот за подписью самого хана. — Прикажете перекрыть сектора?

— Ни в коем случае! — поднял ладонь колдун в останавливающем жесте. — Внимания не привлекать! Сузить область поисков. Направить туда дополнительные патрули с ищейками. В случае обнаружения цель не трогать, приставить к ней наблюдателей и немедленно сообщить мне. Цель следует схватить только в случае прямой угрозы ее потери. О любых изменениях в ходе поисков докладывать немедленно!

— Будет исполнено, — отсалютовал капитан и спешно удалился

отдать соответствующие распоряжения.

Илиана не смогла высидеть до конца. Когда в очередной раз Бэйл, уклоняясь от пролетавшего бревна, зацепился за колючую изгородь и едва не сорвался в пламенеющие угли, повиснув на одной руке, она не выдержала и покинула балкон. Ребята нашли ее уже в Аберидже, куда девушка пришла как зомби, не в силах оставить мысли о смертоносной полосе препятствий.

— Он справился! Справился, слышишь?! — еще издали крикнула Фариза, чтобы сократить мучительные секунды ожидания томившейся без вестей Илианы.

Из груди той вырвался облегченный вздох, слышимый даже за пределами просторной комнаты.

— Экая ты впечатлительная! — заявил Ювион, когда вся группа гурьбой ввалилась в гостиную. — Сбежала на самом интересном месте!

Фариза посмотрела на него с таким выражением, что молодой человек живо прикусил язык.

— Нет, правда, этот Бэйл просто молодец! — воскликнул Ангур. — Ты только послушай!..

И вот уже в третий раз он выложил Илиане целый ворох подробностей, подлинных и выдуманных, как делал это, сгорая от нетерпения, предыдущие два. Сердце девушки забилось ровнее. Переведя дух, она с искренним интересом следила за повествованием, забыв про успокоительную настойку, которую до этого глушила лошадиными порциями. Остаток вечера прошел в легкой дружеской атмосфере.

Куда менее миролюбиво был настроен Дегонис.

— Как это "потеряли"?! — негодовал он, едва удерживаясь от настоящего разноса. — Каким, скажите на милость, образом такое вообще возможно? У ваших собак что, чутье отбило?!

Когда зрители разошлись, выяснилось, что стражники не преуспели. Несмотря на значительную концентрацию ищеек в одной области, те так и не сумели разыскать в толпе желанную цель. Более того, они и вовсе ее упустили.

— Сожалею, господин, — развел руками капитан. — Мои офицеры выполнили все указания, но патрули никого не обнаружили. С уверенностью могу заявить что собаки не ошиблись. Объект наших поисков определенно присутствовал где-то на восточных трибунах. Вместе с тем установить его точное местонахождение не удалось. Сейчас мои люди продолжают проверять служебные помещения.

— Обойдите с собаками все зрительские сектора в восточной части! Если они не сумели вовремя отыскать девчонку, то хотя бы

пусть выяснят где она была. Это же элементарно! — раздраженно заявил колдун.
— Боюсь, это бесполезно, — несколько смущенно ответил капитан. — На трибунах уже хорошенько поработали уборщики, ведь они выходят сразу как только удаляются посетители. Мы же в столице — арены содержатся в образцовом порядке. Все отмыто и вычищено.
От возмущения Дегонис едва не потерял дар речи. По тому как нервно сцепились его пальцы можно было предположить что он испытывает значительный прилив эмоций.
— Вы что, издеваетесь? Никому не пришло в голову немного повременить с уничтожением следов? — всерьез рассердился он, стараясь не взреветь благим матом. — Это такая очевидная вещь!
— Мы рассчитывали найти девушку до того как трибуны опустеют, — пояснил капитан. — Когда мы спохватились, было уже поздно. В следующий раз подобного не повторится.
— Это если она появится в следующий раз, чего может не произойти, — раздраженно отозвался Дегонис. — Как ее пропустили ищейки на входе и выходе?
— Господин, это огромная арена с огромным количеством зрителей, — куда более уверенно заявил капитан Имперской стражи, на сей раз чувствуя свою правоту. — Мы не можем пропускать людей ни по одному, ни даже цепочкой — образуется жуткая давка. Они идут широким потоком, поэтому нет ничего удивительного что даже наши собаки не в силах охватить всю насыщенную запахами толпу. Их чутью тоже есть предел.
Колдун, уж на что был разозлен, внял логичному доводу офицера. Он сам требовал соблюдать величайшую осторожность и не привлекать внимания, а тщательный досмотр к такому указанию явно не относился. Проклятье, неужели неуловимая девчонка снова его провела?! Что ж, остается надеяться на лучшее.
— Завтра сразу же уделите повышенное внимание восточному сектору, — распорядился Дегонис, решив что выговаривать сейчас капитану бесполезно и даже неосмотрительно. — Если она снова объявится, то не исключено что на прежнем месте. В любом случае, постарайтесь не оплошать!
— Сделаем все возможное, — заверил капитан.

С точки зрения Бэйла, самым сложным испытанием пока что являлась полоса препятствий. Организаторы Судилища наверняка считали иначе, поставив бездушные механизмы по сложности ниже живых противников. Гладиатору же управиться с людьми было куда проще, чем избежать нежелательного знакомства с адской конструкцией. Он провел столько поединков и имел дело с такими

мастерами боевых искусств, что пара обычных воинов не представляет для него достаточно серьезной угрозы.

Про четвертый раунд Судилища ему традиционно и заблаговременно поведал человек в черном. На сей раз противниками Бэйла станут два проштрафившихся солдата действующей армии. За какие именно грехи — не суть важно, но приговор, выраженный в определенном количестве гладиаторских боев, в итоге привел их на арену на стороне обвинения. Исходя из имеющихся сведений, оба были бывалыми воинами и отлично знали с какой стороны держать меч. Тот что постарше и покрупнее — сержант, повидавший множество сражений и не менее десяти лет командовавший отрядом. Воевать врукопашную ему не привыкать, и умений на этом поприще у него хватало. Полученные шрамы свидетельствовали, что за спинами подчиненных он не отсиживался. При этом биться на поле боя группой или в одиночку — не одно и то же. Собственные качества сержанта заметно уступали его способности атаковать и защищаться в составе подразделения. Второй, молодой и тощий на вид солдат являлся отъявленным драчуном и забиякой, за что, по всей видимости, в результате и пошел под суд. Недостаток опыта он компенсировал изрядной прытью, и недооценивать его не стоило. Действовать штрафники будут в паре, но задира почти наверняка захочет блеснуть удалью и проявит несогласованную инициативу. Демонстративно утереть нос сержанту и обойти его на повороте как раз то, чего от него следует ожидать.

Бэйл извлекал из полученной информации прямую пользу, заранее выбирая наиболее подходящее снаряжение и планируя тактику. До сих пор доброжелатель не давал повода усомниться в истинности своих слов, и гладиатор был ему весьма признателен. Какие бы там мотивы этим человеком не двигали, помощь он оказывал вполне существенную. Поэтому когда Бэйл очутился лицом к лицу с означенными воинами, он быстро пришел к выводу что тип в черном его ничуть не обманул.

Соперники нарядились в типичные доспехи действующей армии, разве что без знаков различия и государственной принадлежности. Каждый вооружился привычными мечом и щитом, и гладиатор мало чем от них отличался, избрав схожую экипировку. Только его кольчуга была короче и легче, а меч немного тоньше и длиннее. Также на груди у Бэйла не было вставок из защитных пластин, излишне утяжелявших броню, и он предпочитал обходиться без перчаток, сжимая рукоять открытыми пальцами. Солдаты, как и следовало ожидать, подступали под командованием сержанта. Приблизившись к гладиатору бок о бок, они, одновре-

менно прикрывая друг друга, принялись пробовать его неторопливыми выпадами. Зазвенело скрестившееся железо.

Илиана вновь заняла свое место между Фаризой и Галаной, одетая точно так же, как и в прошлый раз. После томительного ожидания начала поединка пришел черед тревожного созерцания. Наблюдая как Бэйл кружит по арене с выставленными против него воинами, она на прежний манер хваталась за руку девчушки с косичками, бледнея от волнения. Илиана знала, что гладиатору к подобному не привыкать, и всего с двумя солдатами он вполне управится, но не могла совладать с разыгравшимися нервами. Ее томило странное чувство, но девушка списывала его на переживания, посвященные судьбе боровшегося за свободу Бэйла.

Схожие ощущения беспокоили и Галану. Волнение Илианы отчасти передалось и ей, и девчушка легонько ерзала на сиденье, хмурясь в смутном предчувствии какой-то беды. Подозревая что дело может напрямую касаться человека на арене, она помалкивала, предпочитая держать свои сомнения при себе. Илиана вон и так принимает все слишком близко к сердцу, зачем же расстраивать ее еще больше? Возможно, такие зрелища ей действительно не по душе, либо она слишком прониклась участью представшего перед Высшим судилищем испытуемого. С Илианы станется, с ее-то добрым сердцем и желанием помогать ближнему. Тот же вроде как держался молодцом, и было не похоже чтобы ему что-то угрожало. Неясные предчувствия Галаны вполне могли быть ошибочными, а то и вовсе не связанными с поединком. Нет, определенно не стоит почем зря тревожить Илиану, чьи тонкие подрагивающие пальцы невольно ищут в ее руке поддержку.

За Бэйла действительно переживать не требовалось. Оценив обстановку, он, разумеется, ничуть не расслабился, но стал совершенно спокоен. Этой парочке придется хорошенько постараться чтобы добраться до него, и шансов у них на это, мягко говоря, маловато. Пока они держатся вместе, гладиатор не полезет на рожон, дожидаясь случая разделаться с ними поодиночке. Для этого их можно спровоцировать, либо же улучить подходящий момент, когда молодой, исходя из предположений доброжелателя в черном, пренебрежет стратегией сержанта и проявит инициативу. Бэйл никуда не спешил. Он помнил про зрителей и теперь, имея дело с обычными людьми, а не могучим медведем или бездушными механизмами, вновь мог позволить себе добавить театральности для охочей до развлечений толпы. Все свои навыки и опыт он вложил не в намерение побыстрее разделаться с противниками, а в желание сделать это наиболее зрелищно. Здесь не лесной домик колдуньи и не целый отряд жаждущей его шкуры Имперской стражи.

Вопрос о прямом выживании, как бы ни странно сие прозвучало применительно к арене Судилища не стоит, а значит Бэйл поиграет с солдатами как кошка с мышкой, до последнего позволяющая не терять надежду на спасение из ее когтей.

Стараниями гладиатора толпа вовсю заводилась. Ее симпатии окончательно перекочевали на сторону испытуемого. Если бы решение зависело исключительно от милости людей, то после успешного исхода текущего поединка они практически единогласно вынесли бы оправдательный вердикт. Схватка на арене разгоралась, и теперь лязг скрещивающегося железа доносился на порядок чаще. Солдаты наседали, а Бэйл эффектно от них отбивался, периодически предпринимая контратаки и заставляя нападающих отступить. Он полностью контролировал ситуацию, бдительно следя за врагом и разгадывая все его замыслы, но не подавал и виду, предлагая толпе ахать и охать сколько ей заблагорассудится. Превосходство во владении оружием и боевых навыках позволяли ему выделывать недурные финты и живописные трюки, впечатлявшие зрителей куда больше подлинного искусства боя. Ведь истинно мастерский поединок лишен всяческих красот. Он скоротечен и совсем непригляден для стороннего наблюдателя. Если же схватка носит продолжительный характер, значит либо у противников недостаточно опыта, либо они откровенно играют на публику. По крайней мере, один из них. Бэйл даже не мешал своим оппонентам немного передохнуть, когда они, подвыдохнувшись и тяжело дыша, отступали, прикрываясь щитами.

Вторично прозвеневший гонг возвестил об очередном четвертьчасовом перерыве. Организаторы Судилища также не упускали из виду элемент привлекательности для зрителей, а потому умышленно растягивали потеху, давая бойцам паузу чтобы восстановить силы. Толпе вряд ли понравится, если все закончится в течение каких-нибудь нескольких минут. Когда сражающиеся не дают продырявить себя сразу, почему бы не предоставить им шанс махать клинками подольше?

Продолжительное представление устраивало не только публику. Дегонис был также вполне удовлетворен, поскольку ему требовалось время. Закончись испытание быстро — и Имперская стража почти наверняка не преуспеет, а он опять останется с пустыми руками. Пока патрули с собаками осторожно проверяли восточные трибуны, колдун прилагал все усилия дабы влиять на ход поединка. Бэйлом он был очень даже доволен — тот отнюдь не торопился разделаться с солдатами и эффектно тянул время, мастерски разыгрывая для народа настоящее шоу. Дегонис же в свою очередь влиял на поведение его оппонентов. Благодаря наложенным мет-

кам и подлитому в питье снадобью колдун получил отличную возможность воздействовать на воинов-штрафников своими чарами. Он сдерживал их напор, внушая чувство неуверенности, старался подавить волю и ослаблял хватку. Нечто подобное практиковали его Манипуляторы, и с каждым месяцем практиковали все эффективнее. Уровень же самого Дегониса намного их превосходил. На такие мелочи он обычно не разменивался, но в данном случае положение обязывало. Колдун, разумеется, подумывал соответствующим образом обрабатывать и Бэйла, но по здравому размышлению все-таки отказался от этой затеи и теперь ничуть об этом не жалел. Дело было в том, что очарованный человек утрачивал наиболее чувствительную часть контроля над собой, а его умения и качества ухудшались. Подверженный постороннему вмешательству боец хоть и направлялся желаемым образом, но сражался при этом не столь эффективно как мог бы, и в некоторых случаях выигрыш оказывался крайне сомнительным. Однако такова была цена за наложенные чары. Воодушевить или деморализовать целый отряд — это одно, а манипулировать таким видным индивидом как Бэйл — совсем другое. К счастью, тот как по заказу отлично управлялся и сам в полном соответствии с планом, и колдун даже проникся к своей марионетке некоторой симпатией. Пожалуй, без прямой необходимости его действительно можно не устранять — еще пригодится.

Дегонис как раз подумывал когда ему стоит спровоцировать у молодого солдата реакцию неподчинения сержанту, как тут явился капитан Имперской стражи.

— Господин, ищейки вновь почуяли цель! — доложил он. — Ошибка исключена.

— Где? — коротко осведомился заволновавшийся колдун.

— Восточные трибуны, где-то в трех центральных секторах, — сообщил офицер.

— Немедленно сужайте область поисков и постарайтесь не допустить вчерашнего промаха, — приказал Дегонис. — Близко к девчонке не подходить. Если она поймет что мы ее выслеживаем, то снова сбежит, а я лично обещаю пожизненную каторгу любому, кто натравит на нее собак. Я отправляюсь в западную ложу для важных гостей. Ищите меня там. О любых изменениях в ходе поисков докладывать незамедлительно.

Капитан кивнул и тут же удалился. Дегонис в свою очередь поспешил к западным трибунам.

Из ложи для важных гостей в этой части арены отлично просматривались центральные сектора восточной. Вооружившись хорошей подзорной трубой, колдун, стоя в тени, принялся сосредо-

точенно рассматривать ряды зрителей. Ложа была занята, но он, предвидя такой поворот событий, успел забронировать себе укромное место, откуда теперь вел пристальное наблюдение, стараясь разглядеть в разношерстной толпе знакомое лицо. Выходило у него так себе. Даже всего три означенных сектора являли собой столь значительное столпотворение, что искать среди разнообразной публики внучку шейха представлялось очень нетривиальной задачей. Перемещая окуляр, Дегонис, чертыхаясь и шепча проклятия, усиленно всматривался в разодетых кто во что горазд людей, но девчонки не обнаруживал. В подзорную трубу было хорошо видно, как там и сям аккуратно перемещаются патрули стражи, держа на поводке старательно принюхивающихся псов. Потребовались некоторые усилия чтобы раздобыть во дворце кое-какие вещи Илианы, в достаточной мере сохранившие ее запах. По нему ищейки и ориентировались, выискивая среди громадного столпотворения одного единственного человека, только прогресс шел медленно. То ли исходный запах подвыветрился и был слишком слаб, то ли толпа забивала собакам ноздри, но они с трудом улавливали цель, зачастую подолгу кружа на одном месте. Дело все же двигалось, и колдун хорошо видел как Имперская стража постепенно уменьшает радиус поисков.

Тем временем поединок возобновился. Дегонис так увлекся разглядыванием трибун, что позабыл о бойцах, и те оказались предоставлены сами себе. Влияние чар развеялось. После нескольких неудачных атак, отраженных до сих пор не получившим ни единой царапины гладиатором, солдаты вдруг почувствовали изменения в восприятии действительности. Сильнее всего перемена сказалась на молодом. Дегонис намеревался в подходящую минуту вызвать у него реакцию неповиновения, но выяснилось, что для этого достаточно просто убрать чары. Пока сержант, ощущая прилив боевого духа, соображал с чего это они до сих пор так осторожничали, солдат взял инициативу в свои руки. Удаль ударила ему в голову. Решив, что именно из-за нерешительности сержанта они до сих пор и возятся, молодой воин стал действовать по своему усмотрению. Покинув старшего, он, не обращая внимания на последовавшие окрики, двинулся по дуге вбок, рассчитывая обойти противника сзади. Сама по себе идея выглядела вполне логичной: зажать врага меж двух огней и напасть разом с противоположных концов. Да только Бэйл был отнюдь не дурак. У него имелось предостаточно вариантов избежать такого неприятного развития событий — смещаться самому, либо же откровенно отбежать в сторону. Тем не менее, он позволил солдату забраться ему за спину. Чуть повернув голову и косясь краем глаза, гладиатор

ждал его неминуемой атаки, не забывая и про сержанта. Атака, разумеется, не заставила себя ждать. Ничуть не сомневаясь в успехе, молодой забияка ринулся на противника, намереваясь либо покончить с ним, либо заставить развернуться тылом к сержанту. Он никак не ожидал что у врага окажутся глаза на затылке. Бэйл уклонился, одновременно развернувшись вполоборота и парировав выпад. В следующую секунду он выбил у застигнутого врасплох солдата меч, а затем со всего маху врезал ему по голове рукояткой своего. Молодой воин рухнул как подкошенный. Подскочивший сержант не успел совсем чуть-чуть. Отступивший на шаг Бэйл легко отразил его удары клинком и щитом, а затем, сместившись подальше от распростертого на песке бесчувственного тела, перешел в стремительную контратаку.

Вот теперь оставшийся в одиночестве сержант по-настоящему понял с кем имеет дело. Если до сих пор у него и оставались какие-то иллюзии, то сейчас они окончательно испарились. Бэйл не давал ему ни секунды передышки, наседая с неизменным упорством и доводя до полного изнеможения. По лбу сержанта ручьями стекал пот. Он тяжело дышал, из последних сил отбивая атаки дьявольски неутомимого противника, чувствуя как вес надетых на нем доспехов вдруг вырос прямо-таки многократно. И вот уже меч гладиатора начал его доставать. Одно за другим сержант получал ранения разной степени тяжести, и начавшаяся кровопотеря ничуть не прибавила ему хорошего самочувствия. По искаженному выражению лица стало понятно, что он практически утратил веру в благоприятный для себя исход и сопротивляется с отчаянием обреченного. Когда Бэйл обрушил на него серию могучих ударов, сержант сумел блокировать их своим круглым металлическим щитом, но осознал, что его левая рука онемела из-за серьезных ушибов. После этого щит продержался у него недолго и вскоре уже валялся на белом песке арены, куда капала сочившаяся из-под кольчуги кровь. Теперь уже и до последнего осла дошло кто выходит победителем из поединка. С одним только мечом и одной действующей рукой сержант, у которого от кровопотери начинала кружиться голова, просто не мог долго сопротивляться. Пощады он не просил. Гордость бывалого воина не позволяла ему пойти на такой унизительный шаг, и он, побледнев и стиснув зубы, решил принять смерть достойно. Ох, не о таком конце он мечтал. Героически пасть на поле боя в ореоле славы или испустить дух жалким штрафником на арене под свист и улюлюканье безумствующей толпы — между этими двумя исходами была несравнимая разница. Бэйл догадался что происходило в душе на глазах сдававшего соперника. Восторженно ревущая толпа вне всяких

сомнений жаждала его крови. Решив не продлевать агонию убеленного сединой воина, гладиатор, выполнив заключительную серию ударов, отбросил меч сержанта далеко в сторону. В следующую секунду он сбил его с ног и придавил коленом грудь. Разящее острие клинка сверкнувшей молнией вонзилось в песок в каком-то дюйме от шеи поверженного противника. Заточенное лезвие прижалось к пульсировавшей под кожей сонной артерии, готовое в одно мгновение рассечь ее надвое. Сержант зажмурился, ожидая конца.

— Признаешь себя побежденным? — неожиданно изрек Бэйл.

Не веря своим ушам, воин открыл глаза. Встретившись взором с гладиатором и осознав что тот ничуть не шутит, он решил не искушать судьбу и приподнял руки открытыми ладонями вверх. Выпрямившись, Бэйл отошел от лежавшего сержанта на пару шагов и последовательно отсалютовал судьям и зрителям, после чего с силой воткнул меч в песок. Толпа, слегка разочарованная не состоявшимся кровавым финалом, тем не менее оценила его великодушие, проявленное по отношению к седовласому воину действующей армии, и разразилась аплодисментами. Судьи переглянулись. Предполагалось, что в живых останется только одна из сторон, и ситуация получилась нестандартная. Оглядевшись и быстро посовещавшись, они учли мнение зрителей и решили не идти против их симпатий. Трубы возвестили об окончании испытания. Вывешенный зеленый вымпел сообщил что оно пройдено успешно.

Дегонис, поглощенный поисками внучки шейха, умудрился пропустить самую драматичную часть событий. Взыгравшие трубы ознаменовали не только завершение четвертого дня Судилища — под их медный перелив взор Дегониса наконец-то наткнулся на знакомые черты. Случайностью это отнюдь не было. Явившийся незадолго до обнаружения капитан сообщил, что цель находится где-то на балконе над главным восточным входом на арену. Точнее, не заходя непосредственно туда, патрули определить не могли. Колдун приказал стражникам быть наготове и ждать его сигнала, а сам немедленно навел подзорную трубу на означенную область и стал внимательно изучать каждого сидевшего там зрителя. Сидели, впрочем, не все. Многие повскакивали с мест в порыве бушующих эмоций, оживленно крича и жестикулируя. Публики на большом балконе хватало, но круг поисков сузился достаточно для того, чтобы Дегонис наконец-то сумел разглядеть Илиану. Да, со стороны, что и говори, ее было просто не узнать. Колдун вполне мог бы пройти мимо, ломая голову над поимкой беглянки, и даже не догадаться что она была от него в каком-то ярде. Лишь заглянув девчонке в лицо Дегонис безошибочно опознал большие сире-

невые глаза, видневшиеся над плотной вуалью. Сиди она к нему хотя бы наполовину в профиль — и колдуну уже не удалось бы вычислить ее среди массы людей даже в ограниченном пространстве. Старомодная одежда, полностью скрывавшая фигуру от макушки до пят, делала женщин полностью безликими, и в данный момент колдун был совершенно солидарен с ханом, боровшимся с этим архаичным явлением.

Убедившись что он не ошибся, Дегонис возликовал. Это несомненно была именно Илиана собственной персоной, сидевшая около какой-то самой обычной на вид молодежи, в том числе и совсем юной. Она неплохо замаскировалась, и если бы не чутье собак, то ни Имперская стража, ни сам колдун ни в жизнь бы на нее не наткнулись при таком огромном столпотворении. Расчет Дегониса оправдался: внучка шейха все-таки явилась на Высшее судилище, устроенное для ее дорогого Бэйла. По счастью, достаточно дорогого для того, чтобы расклеенные по всему Солтенстилу официальные листовки подвигли ее не проигнорировать столь знаменательное событие. Теперь она во все глаза смотрела как садовник сражается за свою свободу и… Нет, постойте, да она уже не смотрит, она встает! Встает и уходит! До забывшего про окружающую действительность Дегониса дошло, что поединок закончен, и зрители начинают удаляться. От волнения колдуна аж затрясло. Капитан Имперской стражи молча стоял рядом, ожидая приказаний.
— Схватить! — чуть было не заорал Дегонис, видя как Илиана вот-вот смешается с толпой и исчезнет.
Патрули стражников, хоть и находились неподалеку, все еще не знали кого именно им следует взять. У них имелись недурно выполненные изображения девчонки, но увидеть ее сейчас без прямого указания пальцем они не сумеют, а расстояние не позволяло этого сделать. Стоит им получить сигнал капитана — и на трибунах поднимется невероятная суматоха. В ней Илиана вполне способна ускользнуть, и велика вероятность что она, почуяв западню, больше не появится. Несколько томительных секунд колдун размышлял какой приказ ему сейчас следует отдать. Инстинкты, подстегиваемые трепетом перед Покровителем, наперебой вопили: "схватить!", "немедленно!", "не упускать!". Исключительно силой воли Дегонис принял иное решение, продиктованное холодной логикой и здравым смыслом. Завтра девчонка придет снова. Последний, пятый день Судилища она вряд ли пропустит, раз уж появляется на арене не в первый раз и очевидно в одном и том же месте. Значит, пусть сейчас спокойно отправляется восвояси. К ее очередному визиту колдун успеет хорошенько подготовиться.

Илиане не спалось. Ворочаясь на вполне удобной постели, она

легла на спину и посмотрела в окно, за которым на темном небе мерцали далекие звезды. Помнится, еще в оазисе Сирелина учила ее находить созвездия, рассказывала об устройстве небесной сферы и объясняла кардинальную разницу между астрологами и астрономами. Ох как давно это было… Казалось, с тех пор прошла целая вечность и это происходило словно в другой жизни. А может, так оно и было? Илиана чувствовала, что невероятно изменилась и продолжала меняться, поразительно быстро повзрослев не только внешне, но и внутренне. И было кроме этого взросления что-то еще. Что-то совершенно непонятное ей, но приближавшееся с каждым новым рассветом.

С негромким мурлыканьем на постель из полумрака запрыгнуло нечто крайне тяжелое и упитанное. Бус. Полосатый котяра, проверив как дела у колонии и выполнив все приличествующие предводителю обязанности вернулся к любимому человеку. Притоптав себе место, он грузно завалился на бок и, выставив лапу, лениво принялся ее облизывать. Всем своим умиротворенным видом он давал понять: спите спокойно, Аберидж под присмотром. Протянув руку, Илиана погладила мохнатый бок.

— Ты чего не спишь? — проворчал кот.

Девушка и сама не знала. Ей было как-то тревожно, в голову лезли всякие мысли и у нее никак не получалось от них отделаться. К тому же до сих пор ей не удалось привлечь внимание Бэйла, что, в общем-то, было и не удивительно в такой толпе, и не факт что это получится завтра. А ведь завтра последний день Судилища. Куда направится гладиатор когда вновь станет свободным человеком?

— Бус, ты не мог бы сделать мне одно большое одолжение? — тихонько спросила Илиана.

Последний день Судилища собрал поистине неимоверное количество публики. Люди, наслышанные об интересном зрелище, стояли даже в проходах, и местами камню негде было упасть. Цепочки стражников еле сдерживали напор толпы, и патрули с ищейками насилу протискивались среди волнующихся рядов, порой подолгу застревая без движения. Ребята кое-как пробрались на свои места, благо что на балконе ввиду их дороговизны было чуть посвободнее, и уселись в ожидании поединка. Сегодня должна была решиться судьба испытуемого, и сегодня ему уготовили самый динамичный и жестокий бой. Удивляться его сложности не приходилось, ибо пятая схватка предполагала весьма серьезное обвинение. Седьмую же за все прошлые века Судилища и вовсе преодолевали считанные единицы. Вышедший на арену Бэйл, приветствовав толпу традиционным салютом, сорвал бурю аплодисментов и готовился к бою, до которого оставались какие-то

минуты. Илиана, затаив дыхание, не спускала с него бездонных сиреневых глаз. Трибуны ненадолго притихли в ожидании извещающих о начале испытания звука труб, жадно ловя каждое движение на арене.

Сегодня действительно было на что посмотреть. Против Бэйла с равными промежутками по пять минут станут выпускать по одному бойцу. А еще через полчаса, вне зависимости от того успеет он управиться со всеми предыдущими оппонентами или нет, решетки на западных и восточных проходах поднимутся, и оттуда одновременно выбежит сразу дюжина человек. Обратно же арену спустя максимум час сможет покинуть только один, кто бы он ни был. Если по истечении этого времени в живых останется большее число людей, то всех их объявят проигравшими. К честно выбывшим из строя относились лишь мертвые, тяжелораненые и лежащие без сознания. Симулянтов ждала немедленная казнь. Возникал вопрос, кто были все эти участники кровавого побоища помимо, естественно, самого Бэйла. Ответ был прост: преступники, приговоренные к смерти либо же пожизненной каторге. Поединок предлагался им как альтернатива, как шанс избежать более худшей участи. Уцелевший получал помилование. При этом даже в случае гибели испытуемого для них продолжали действовать все те же условия: свободу обретает лишь кто-то один. Это позволяло избежать откровенного сговора, когда вся компания объединится против защищающего себя обвиняемого. В нынешнем поединке каждый был сам за себя, и поистине лишь Высшие силы могли решить кому именно посчастливится выжить в поднявшемся хаосе. Никакой предвзятости — один лишь подлинный жребий судьбы.

Дегонис, не желая напрасной гибели Бэйла, от негласной помощи перешел к откровенному вмешательству. В правилах имелась небольшая тонкость, и колдун настоятельно рекомендовал садовнику ей воспользоваться. Если к моменту появления двенадцати бойцов Бэйл разделается со всеми предыдущими противниками и останется в одиночестве, то он обязан занять позицию в центральном кругу, обведенном жирной красной линией. Таким образом организаторы Судилища намеревались выставить его напоказ перед новыми участниками поединка. Этим обязательным условием можно было пренебречь при наличии боеспособного оппонента, с которым испытуемый имел право продолжать сражаться, не отвлекаясь на что-либо иное. Означенная тонкость давала отличную стратегическую лазейку. Бэйлу следует поочередно расправиться со всеми одиночными врагами, ни в коем случае не допуская их скопления. Последнего же он должен быстро заманить подальше

от центра и боковых ворот, куда-нибудь в самый южный или северный конец арены. Подобный трюк приведет к вполне естественному развитию событий: появившиеся из-за поднятых решеток новые бойцы скорее кинутся друг на друга, нежели всей гурьбой отправятся атаковать Бэйла. Сойдутся ли они стенка на стенку или же затеют резню непосредственно у западных и восточных трибун — без разницы. Главное что на долю садовника почти наверняка достанутся считанные единицы, с которыми он с его-то навыками управится без труда. Свои инструкции Дегонис, разумеется, изложил ему заранее. Гладиатор нашел наставления человека в черном очень разумными и даже выразил ему свою признательность. Определенно, помощь этого типа приходилась весьма кстати, и было бы черной неблагодарностью отрицать его очевидные заслуги. Ведь тот даже на несколько дней отсрочил свои дела и остался в Солтенстиле на время проведения Судилища, хотя изначально торопился и торопил Бэйла, настаивая не тянуть с подписанием прошения.

— Что ж, вы можете меня отблагодарить, — сказал Дегонис, благосклонно выслушав слова садовника.

— Как? — живо осведомился тот.

Колдун объяснил. Бэйл был немало изумлен его достаточно необычным желанием, но не нашел в нем ничего предосудительного. Пожав плечами, он сделал как его просили.

Торжественно зазвучавшие трубы объявили о начале последнего пятого испытания. Гладиатор, взмахнув мечом, устремился навстречу первому противнику. Он помнил, что на каждого из одиночек у него будет только пять минут, поэтому не собирался слишком сильно затягивать представление. При этом про тактическую составляющую Бэйл также не забывал. Ему необходимо постепенно смещаться от центра на север или на юг, и лучше начать это делать сразу, нежели потом рисковать очутиться в неприглядном положении. Каждый новый соперник будет приближаться как раз тогда, когда гладиатор покончит с предыдущим, образовывая своеобразную эстафету. И каждого Бэйл станет отводить все дальше к заранее намеченной позиции. Совмещая зрелищность и стратегию, он даст публике желаемое, а под шумок незаметно обеспечит себе ключевое преимущество.

Ожидания жаждавшей хорошей драки и драматизма толпы оправдывались. Поочередно выскакивавшие на арену бойцы, вооруженные кто палицей, кто саблей, кто булавой, со всех ног поспешали к сражающимся и не добегали совсем немного. Испытуемый в последнюю минуту успевал совладать с текущим противником и стойко встречал следующего. Один за другим они постепен-

но теснили его к южному краю арены, но обвиняемый держался молодцом и не давал себя в обиду. На этот раз ему приходилось иметь дело с самыми разношерстными оппонентами, по большей части откровенным сбродом. Но сбродом отчаянным и злым. Хмурые детины со здоровенными ручищами и торчавшими из-под шлемов космами чередовались с худыми жилистыми малыми, чьи повадки наводили на мысли о темных переулках и перерезанных глотках. И те и другие, отпетые преступники, облачались кто во что горазд, и выбрав оружие по своему вкусу надеялись завоевать свободу. Бэйл, понятное дело, им такой возможности не давал, и толпа приветствовала его очередную победу выкриками и одобрительным гулом. Назревал критический момент. Первые отведенные полчаса были на исходе, и вскоре в бой бросятся сразу двенадцать враждебных друг другу человек. Внимание зрителей оказалось настолько приковано к происходящему, что их карманы сейчас беспрепятственно смог бы не таясь обчистить даже совершенный неумеха.

Илиана, как и все, не сводила глаз с Бэйла, когда к ней со стороны прохода протиснулся какой-то мужчина в неприметной форме служителя арены. Поглощенная схваткой, девушка даже не сразу поняла что ее зовут, и обернулась лишь когда услышала свое имя дважды.

— Вы Илиана? — в третий раз негромко спросил неизвестный, окидывая внимательным взором закутанную в просторные одежды фигуру.

В больших сиреневых глазах отразилась тревога.

— Вам нечего бояться. У меня для вас послание от друга, — все также тихо сказал мужчина.

— Послание? Какое послание? — невольно переспросила девушка.

Ребята как и все окружающие жадно созерцали поединок. Лишь Фариза с Галаной, привлеченные раздавшимися рядом словами, повернули головы и настороженно посмотрели на обращавшегося к их подруге типа. Вместо ответа тот протянул Илиане сложенный листок бумаги. Развернув его, она бросила взгляд на несколько начертанных строк и издала радостный возглас. Девушка узнала почерк Бэйла.

"Лишь Высшее судилище сделало это возможным. Если мои слова что-то значат, я надеюсь, что к ним прислушаются и отнесутся с должным вниманием. Я выражаю податель сего письма благодарность и доверие за предложенную помощь. В случае своей победы я готов немедленно повторить это лично на организованной им встрече. Считаю, что такую поспешность оправдывают сложившиеся обстоятельства и прошу переговорить со мной как

можно скорее".

Перечитав записку дважды, Илиана воззрилась на ее подателя. Тот, очевидно ожидая вопроса, наклонился поближе и тут же пояснил горячим заговорщицким шепотом, роняя короткие поспешные фразы:

— Идемте со мной. У нас очень мало времени. Я проведу вас. Он встретится с вами под ареной. Там вы его дождетесь.

— Прямо сейчас? — заколебалась Илиана, не зная как ей поступить.

— Прошу вас, поспешите! Позднее это может стать невозможным! — взмолился посланец. — Бэйл написал бы вам об этом, но из осторожности его послание не содержит деталей. Он сам расскажет вам обо всем. У вас будет несколько минут наедине. Потом его увезут, и вы можете очень долго не увидеться!

— А откуда вы узнали где ее искать? — спросила вдруг прислушивавшаяся к короткому разговору Фариза, делая знак Галане помолчать.

— Он надеялся что вы придете и узнал вас, но не подал и виду. За каждым его движением следят. Умоляю, поторопитесь! Проход не будет долго оставаться без охраны! — дрожащим голосом произнес служитель, отвечая на вопрос, но адресуя слова девушке с сиреневыми глазами.

— Хорошо, идемте, — решительно сказала Илиана, поднимаясь с места.

— Мне пойти с тобой? — обеспокоилась Фариза, и Галана выразила с ней солидарность.

— Я согласился провести только вас! Я и так очень рискую из-за вас головой! Вашим друзьям придется остаться! — заметно испугался служитель.

— Хорошо, я следую за вами, — кивнула Илиана. — Все в порядке, я узнаю почерк Бэйла. Записку действительно написал он, — добавила она, обращаясь к схватившей ее за руку Фаризе. — Не ждите меня. Я вернусь сегодня попозже.

Перешагнув через потертую скамью с низкой спинкой, девушка присоединилась к взволнованному незнакомцу и отправилась за ним, аккуратно лавируя между людьми. Покинув балкон, она следом за провожатым протиснулась между рядами зрителей и вскоре скрылась в толпе по направлению к ближайшей лестнице.

Провожатый немного приободрился. Когда они подошли к двери ведущей в служебные помещения арены и проскользнули внутрь, он пояснил, что ему удалось ненадолго оставить один из проходов к подземному арсеналу без охраны. Как у него это получилось — отдельная история, не заслуживающая сейчас драгоцен-

ного времени. После окончания испытания Бэйл появится там чтобы снять доспехи и положить оружие. В этот момент он и девушка останутся наедине. Илиана должна спрятаться в арсенале до тех пор, пока туда не придет ее друг. Потом, когда встреча закончится, она снова укроется в ожидании пока все разойдутся. Позднее служитель выведет ее за пределы арены. Свою заинтересованность незнакомец отнюдь не скрывал. Бэйл обещал ему щедрое вознаграждение и за означенную сумму служитель был готов рискнуть своей шкурой.

Прошли они действительно очень ловко, никого по пути не встретив. Вероятно, служитель действительно хорошо все спланировал, умудрившись миновать посты многочисленной стражи и обслуживающий персонал.

— Сюда, — шепнул он, открывая очередную дверь. — Мы почти на месте. Помните — ни единого звука пока не появится Бэйл. Он сам вас позовет, так что сидите тихо как мышка и не высовывайтесь. Если что, я знать вас не знаю!

— Да-да, конечно, я сделаю все как вы сказали, — заверила проводника Илиана.

Силы небесные, неужели она наконец-то увидит дядю Бэйла?! Ох, ей так много надо ему сказать! Кстати, а собственно, что именно она ему скажет? Ведь столько всего произошло и с ним, и с ней самой. Пожалуй, это стоит хорошенько обдумать пока она будет находиться в арсенале. Ступив вслед за служителем в какое-то слабо освещенное помещение, Илиана остановилась, дожидаясь пока спутник, звеня связкой ключей, запрет дверь обратно. То что произошло вслед за этим стало для нее полнейшей неожиданностью. Служитель, резко толкнув ее внутрь, в мгновение ока выскочил за порог и захлопнул тяжелую створку. Лязгнул задвигаемый засов. Девушка, ошеломленная столь грубым обращением, в первый момент попросту растерялась. Затем, испугавшись, сообразила что происходит нечто совсем неладное. К сожалению, слишком поздно. Откуда-то из противоположного конца помещения раздался низкий зловещий голос и из-за нагромождения каких-то коробок появилась фигура в черном. Слух Илианы поразило колдовское наречие. Ковер, на котором она стояла, взметнулся вверх, трансформируясь в густую ячеистую сеть, и в следующую секунду девушка оказалась по самую шею облеплена плотной липкой паутиной. Отчаянно вскрикнув, она попыталась высвободиться, но все ее движения сковали прочные путы. Из занавешенных боковых ниш, откинув скрывавшие их пологи, к ней метнулись какие-то люди. Илиану схватило несколько пар рук, а к ее лицу крепко прижали пропитанную жидкостью ткань. В нос девушки ударил

сильный резкий запах. Покачнувшись, она мотнула головой и рванулась, стремясь избежать его пагубного воздействия, но уже проваливалась в темноту, теряя сознание. Глаза Илианы закатились, и она непременно рухнула бы на пол, если бы удерживавшие ее руки не остановили падение, подхватив обмякшее бесчувственное тело. Приблизившаяся фигура в черном удовлетворенно наблюдала как четверо облеченных в серые балахоны помощников аккуратно укладывают девушку на носилки.

— Обращаться с ней как с королевой! — напомнил им Дегонис. — Один синяк, одна царапина — и я лично спущу с провинившегося шкуру! И ни в коем случае не давайте ей прийти в себя. Пока я не знаю ее возможностей, девчонка все время должна оставаться в бессознательном состоянии.

— Вы разве не едете с нами, Мастер? — спросил один из Манипуляторов.

— Нет, у меня здесь еще остались дела, — отозвался старший колдун. — Отвезите ее на базу. Экипаж ждет у северного запасного выхода. Не забудьте: выступаем завтра на рассвете.

Когда Манипуляторы унесли Илиану, Дегонис проследовал в тот самый арсенал, где Бэйл якобы должен был с ней встретиться. Переодетый служителем искусный соглядатай отлично исполнил свою роль. Для нее Дегонис решил не использовать кого-то из владеющих колдовским даром — кто знает, вдруг необычная девчонка сумеет его почувствовать и поймет что это ловушка. С Бэйлом теперь собирался встретиться сам колдун. Взглянув на стол, где подле письменного прибора все еще лежали два куска бумаги, он усмехнулся, довольный собственной хитростью. Полученная Илианой записка действительно была собственноручно начертана Бэйлом. Просто написал он ее под диктовку Дегониса, а тот потом отрезал верхнюю и нижнюю часть.

"Существующая законодательная система не позволяла мне рассчитывать на правосудие. Полномочия Имперской стражи лишали меня права на беспристрастное судебное разбирательство и полагающиеся по закону юридические процедуры. Одновременно недостаточность собранных Имперской стражей улик также не давала ей доказать выдвинутые против меня обвинения. В сложившейся правовой неопределенности меня могли продержать взаперти неограниченно долго без контактов с внешним миром и возможности защитить свое честное имя. Сегодня я получил реальный шанс обрести свободу". Такие строки содержались в первой части документа.

"Из личного опыта подтверждаю, что оказавшиеся в подобном моему положении люди не имеют возможности выйти из бес-

срочного заключения. Разрешение на Высшее судилище позволит им хотя бы временно избежать произвола Имперской стражи до тех пор, пока не будет устранен законодательный пробел в обеспечении их гражданских прав. Готов свидетельствовать что такой пробел существует и выражаю прошение его устранить. Бэйл". Это содержалось в конце. Середину Дегонис вырезал и вручил лжеслужащему, чтобы тот показал ее Илиане. Само же письмо он якобы намеревался отнести лично визирю, на встречу с которым обещал привести и Бэйла, дабы ускорить принятие важных изменений в правовом поле.

Скомкав обе бумажки, колдун поднес их к пламени свечей канделябра. Бросив охваченные огнем листки на металлический поднос, он смотрел как они быстро превращаются в пепел.

Ребята прождали Илиану напрасно — девушка так и не вернулась. С каждым часом ожидания они волновались все больше, мрачнея и переглядываясь. Всех томило предчувствие какой-то беды. У них до последнего оставалась надежда, что подруга просто задержалась по неотложному делу ввиду состоявшегося свидания, о котором поведала всем Фариза. Эта надежда развеялась, когда в середине ночи Аберидж вдруг пронзил крик задремавшей было Галаны:

— Нет! Не надо! Убьет! Он убьет ее!

– 11 –

До отъезда Сирелины из обители оставалось около двух недель. Последняя декада июля застала ее в дремучих лесах Кириона вблизи от его северных границ. Чародейке не терпелось отправиться в Солтенстил за Илианой, но срок был оговорен Советом и изменению не подлежал. При этом, дабы попросту не терять времени, Сирелине нашли подходящее задание аккурат по части Запретного чертога. Кризис с почтовыми станциями оказался не единственным неприятным известием. Происшествие в Кирионе, оставшемся без верховного вождя, выглядело более чем тревожно. Обывателям россказни про восставших из гробов предков, покаравших неправедного холдакса, вполне могли показаться правдоподобными. Суеверные люди вообще склонны к мистицизму и за ширмой откровенных сказок сплошь и рядом не различают подлинную действительность. Сестры обители к ним не относились. За поднявшимися из могил мертвецами наверняка стояло чье-то сильное колдовство. Очень сильное, если верить слухам и поступавшим донесениям. С последними из-за нарушенной почтовой связи было особенно туго, а потому чародейки толком не знали что

именно приключилось в Кирионе. Они лишь строили предположения, а поскольку в случае с таким черным и опасным колдовством на них лучше не полагаться, то Советом было принято решение послать в означенное государство нескольких сестер для прояснения обстановки и проведения расследования. Не было ничего удивительного что разобраться с вопросом вероятного колдовства было поручено адептам Запретного чертога. Стараниями Немезии, пожелавшей еще разок проверить молодую слушательницу в деле, Сирелина и очутилась в чаще леса в компании своего неизменного куратора.

В целом задание светловолосой чародейке нравилось, тем более что грядущему отъезду в Солтенстил оно не мешало, а Алеада заранее сообщила: на сей раз все по-честному, никакого подвоха. Немезия послала их, разумеется, не одних. Непосредственно в подвергшееся нападению мертвецов городище отправились другие сестры. Алеаде же с Сирелиной вменялось изучить окрестные области, собрать сведения у местных жителей и подтвердить либо же опровергнуть присутствие какого-либо колдовства вне пострадавшего поселения. Сирелине, разумеется, хотелось лично побывать на месте зловещего и загадочного события, но даже суровая Немезия решила почем зря не рисковать новенькой. Ей отвели роль попроще, и та, досадуя на отсутствие настоящих приключений, честно исполняла долг. Впрочем, без них все-таки не обошлось. Пока сестры Гексенхаммера исследовали покинутое поселение, Сирелина и Алеада побывали на небольших лесных стоянках, переговорили с охотниками и рудокопами. Чужаков те, разумеется, недолюбливали, но официально женщины являлись представителями одного из северных княжеств, а к ним кирионцы относились куда дружелюбнее, нежели ко всем прочим. От них-то Сирелина с Алеадой и узнали некоторые подробности ночного кошмара в родовом городище холдакса, а также о текущем положении дел. Городище ныне стоит в запустении: его покинули все жители и оно считается проклятым. Местные боятся туда ходить и у них для этого имеется предостаточно оснований. Окрестные леса поразила порча и в них завелось какое-то зло. Сгинуло уже несколько охотников. Обглоданные и изувеченные останки троих из них удалось обнаружить. Судя по ранам на телах и следам на земле напавший зверь обладал исполинскими габаритами и невероятной жестокостью. Трудно было поверить что бывалых охотников растерзал какой-нибудь дикий кабан, пусть даже и очень большой, однако в пользу этой версии говорил один живой свидетель. Вместе с товарищем он шел через лес и там они наткнулись на огромного свирепого вепря. Его не брали ни копья, ни стрелы. Жуткого вида чу-

довище накинулось на людей, и не было в жизни чудом уцелевшего человека зрелища страшнее. Его товарищ пал, сраженный клыками дьявольского монстра, из чьей толстой шкуры торчал обломок переломившегося копья. Выживший же мог благодарить за свое спасение воды быстрой речки, куда он свалился и был вынесен на берег двумя милями ниже по течению.

Внимательно выслушав затрясшегося от воспоминаний рассказчика, чародейки отправились в указанную часть леса. Та находилась гораздо севернее заброшенного городища и относительно недалеко от внешней границы. Какое им было дело до свирепого животного? Самое прямое. Уж больно многое в словах охотника указывало на подозрительное происхождение кровожадного монстра. Понятно что воображение бедолаги, пораженное кошмарным событием, видело все в особом свете, придумывая несуществующие детали, приукрашивая имевшие место и порой не замечая подлинные. Вместе с тем даже разбушевавшаяся фантазия испуганного человека вряд ли столь точно увязала между собой несколько довольно характерных элементов. Если этот громадный вепрь существовал в действительности, он почти наверняка имел колдовскую природу. В силу непосредственной опасности для людей Алеада и Сирелина после непродолжительного совещания решили разобраться с этим случаем особо. Узнав куда они идут, местные жители честно попробовали их отговорить, но чародейки сообщили что намерены найти и устранить вселявшего страх в округу зверя. Помогать им никто не стал, ибо не сыскалось ни одного проводника желающего рискнуть своей шкурой, но и препятствовать тоже. Двоих храбрых женщин лишь заверили, что если им удастся избавить леса от поселившегося в них чудовища, то они всегда будут здесь желанными гостями.

С провожатым, всю жизнь прожившим в дремучей чаще и умеющим читать следы так же, как библиотекарь старинные свитки, чародейки нашли бы источник всех бед гораздо быстрее. Тем не менее, они преуспели и самостоятельно, наткнувшись на исходе очередного дня на свежие отпечатки копыт. Ошибка исключалась — отпечатки эти были поистине гигантскими. Судя по всему, означенный вепрь размерами лишь немного не дотягивал до взрослого медведя, что недооценивать точно не стоило. Сориентировавшись в обстановке, чародейки пошли по его следам, стараясь не упустить их из виду. У каждой помимо традиционного посоха Гексенхаммера имелся лук со стрелами и короткий меч, но они хорошо помнили о рассказе охотника. Вепрь, вероятно, может оказаться невосприимчив к обычному оружию и следует держать ухо востро, дабы из-за собственного ротозейства не стать его очеред-

ными жертвами. Сирелину это касалось напрямую. Голова у нее была забита мыслями о близившемся отъезде пополам с иными событиями, где не последнее место отводилось нападению на почтовые станции и планам ад-Сейдина. К последнему сестры направили официального посланца, но из-за похода в Кирион Сирелина пока не знала как развивались дальнейшие события. Теперь она сгорала от желания узнать последние новости, но в глухом лесу это было невозможно. Хочешь не хочешь, а придется потерпеть до возвращения в обитель, и чем быстрее они тут закончат, тем быстрее и вернутся. Местные, кстати, поговаривают о каком-то договоре между вождями нескольких кланов Кириона с представителями Красной саламандры… Плохо, если хотя бы часть из этих разговоров соответствует действительности. Предполагалось что хан повернет свои армии на восток и обрушит на одно из сопредельных государств. Так что же ему понадобилось от совсем не лакомого Кириона?..

Призадумавшуюся Сирелину тронула за локоть Алеада. В ответ на вопросительный взгляд она приложила палец к губам, а затем указала куда-то вперед — туда, где в просвете деревьев виднелась звериная тропа, огибавшая высокий холм. Там, меж нагромождений крупных замшелых валунов, обросших стелющимся кустарником, виднелась какая-то неясная серая масса. Шелестевший хвоей и листьями ветер доносил странный неприятный запах и чье-то приглушенное чавканье, перемежаемое протяжными сиплыми звуками. Пошептавшись, чародейки осторожно двинулись вдоль тропы, утопая ногами в мягком ковре зеленого мха с вкраплениями стебельков вызревавших ягод брусники.

Кабан вкушал сытную трапезу. Окровавленные клыки кромсали свежую плоть, а острые зубы вырывали из нее целые сочащиеся ломти. Могучая туша медленно и неравномерно раздувалась от низкого свистящего дыхания, вырывавшегося из глотки с какими-то необъяснимыми промежутками. Прогалину наполнял хруст перемалываемых костей, перемежаемый утробным похрюкиванием. Неприятный запах усилился, навеивая мысли о неглубоких плохо засыпанных могилах. Грызя добычу, кабан топтался над тушей молодого оленя, вздымаясь над ней боками покрытыми плотной серой щетиной. На них зияли длинные глубокие раны, в которых белели ребра и копошились опарыши. Синюшное мясо, распухшее и утратившее изначальную структуру, выглядывало из раздавшихся разрезов, источая тот самый неприятный запах, ставший совсем густым. В воздухе отчетливо тянуло гниением. Многие из ран выглядели совсем старыми. В них набились земля и личинки, живые и издохшие, а из левой задней лапы торчали ого-

ленные кости с ошметками некогда покрывавших ее мышц. Могучий вепрь был давно мертв, но не истлел меж древесных корней, а до сих пор топтал землю своими огромными копытами, оставляя на ней заполнявшиеся водой следы. На его боку отчетливо виднелась выжженная в шкуре некромантская руна, обрамленная письменами помельче, складывавшимися в одну зловещую роспись. При виде этого отнюдь не природного украшения чародейки многозначительно переглянулись. Отнюдь не добрая сила подняла животное на ноги, вернув ему подобие жизни. Жизни настолько извращенной, что привычный всеядный рацион оно сменило на пожирание свежей плоти. На сей раз жертвой его неутолимого голода пал молодой олень. Судя по следам, вепрь настиг его и убил, а теперь пировал поверженной добычей. Вероятно, точно таким же образом не гнушался он и людьми, и пропавшие охотники имели к этому самое прямое отношение.

Под ногой Сирелины хрустнула ветка. Чародейка замерла, стараясь слиться с деревьями. Находившаяся от нее ярдах в десяти Алеада также прильнула к толстому сосновому стволу. Прекратив жевать, кабан поднял испачканное кровью рыло и его маленькие, горевшие злобой глазки уставились в лесную чащу. Ноздри несколько раз шумно втянули воздух, принюхиваясь к окружающим запахам. До сих пор легкий ветерок, дувший сначала от кабана, а теперь ставший боковым не давал ему почуять приближавшихся чародеек. Казалось, все обойдется и на этот раз, но ветер как назло переменил направление и обоняние мертвого зверя уловило близкое присутствие людей. Разразившись свирепым визгом, смахивавшим на агонию продырявленной волынки, вепрь, забыв про оленя, развернулся и принялся взрывать копытами землю. Вряд ли он таким образом выражал свое дружелюбное приветствие и несомненный восторг по поводу появления двух женщин. Скорее, готовился к атаке.

Выхватив лук, Сирелина натянула тетиву и одну за другой выпустила две стрелы. Обе, скользнув над прогалиной, достигли цели и поразили пригнувшего морду кабана в холку. Чародейка, разумеется, не была клинической идиоткой, надеясь сразить мертвую плоть обычным кусочком железа. Охотники наверняка допускали именно эту ошибку, за что и расплачивались своими жизнями. Впрочем, ничего другого они сделать и не могли. Чародейка могла. Рунические стрелы, заранее зачарованные особым образом, вгрызлись в пораженную скверной плоть, вступив с ней в бурное противоборство. Кабан ощутил сильнейшее жжение, если, конечно, он вообще еще что-либо чувствовал. Это ему явно не понравилось. Истошно заверещав, он ринулся вперед.

Вероятно, творение некроманта все еще не видело женщин, а ориентировалось лишь по запаху. Только это объясняло почему чудовище, подминая кусты и ломая ветки, побежало скорее между чародеек, чем на одну из них. Алеада сделала Сирелине красноречивый знак. Кивнув, та уткнула свой белоснежный посох торцом в землю точно так же, как и куратор. С уст чародеек дружно полилась колдовская речь, резонирующая друг от друга одинаковыми словами. Оба посоха осветились. Меж них, озарившись мимолетным отблеском, установилась энергетическая стена. Подскочивший вепрь со всего маху влетел прямо в нее. Пространство озарила яркая вспышка, будто в прозрачное полотно ударила молния и подожгла его, сделав видимым. Вся стена засияла белым светом, а эпицентр столкновения прямо-таки полыхнул слепящим чародейским огнем. Кабан заверещал так, словно его поджаривали заживо. В известном смысле, так оно и было. Световой барьер должен был выжечь из охваченного неестественной жизнью тела все темные чары, развеять их без следа. Тем не менее, этого не произошло. Проскочив сквозь вызванную чародейками стену кабан сохранил прежнюю активность. Более того, теперь он взъярился до крайности, прямо-таки исходя злобой и ненавистью. Его вздыбленная серая туша дымилась, руны на боках заалели и казались выложенными раскаленными углями. Потянуло горелым мясом и паленой шерстью. Однако же вепрь и не думал умирать второй раз. Не успела исчезнуть колдовская преграда, как он уже развернулся и снова ринулся в атаку. На сей раз совершенно прямую — аккурат в опешившую от неудачи Алеаду, очутившуюся к нему гораздо ближе напарницы. Служительница Гексенхаммера ворон все-таки не считала и замешкалась только на секунду-другую. Подлетевшего кабана встретила еще одна яркая вспышка. Ударив концом посоха о землю, Алеада ослепила вепря очищающим светом, а сама отпрыгнула в сторону. Чудовище со всего маху врезалось в сосну, у которой только что стояла чародейка. Нормальное живое существо от такого удара если бы и не покалечилось, то по крайней мере оказалось оглушено. Неживому вепрю, содравшему клыками кору и осыпавшему шкуру хвоей и шишками было хоть бы хны. Свет еще больше раскалил испещрявшие его плоть руны, а тяжелые запахи усилились, становясь просто нестерпимыми. По всему было заметно что заклинания чародеек производят определенный эффект, но он на удивление отнюдь не соответствовал ожидаемому. В идеале злые чары должны были покинуть тлеющую плоть, наконец-то позволив ей упокоиться с миром, причем сама плоть страдала в меньшей степени. Выходило же с точностью до наоборот — гнездившемуся в чудовище колдовству все было ни-

почем, и лишь его тело постепенно обжигалось и обугливалось. Алеада, не дожидаясь пока ворочавшийся у сосны кабан доберется до нее клыками успела укрыться за другим деревом, быстро соображая что можно предпринять. Реакция творения некроманта на чары света не вписывалась ни в какие рамки, и следовало немедленно сообразить в чем тут загвоздка, пока не желавший издыхать вепрь не разнообразил свое меню двумя незадачливыми охотницами.

В дымившуюся тушу монстра одна за другой вонзилось еще несколько стрел. Отошедшая по дуге Сирелина, опустошая в цель колчан, заодно отвлекала ее от находившейся в опасной близости сестры, чтобы дать той время и возможность для маневра. Особым умом вепрь, к счастью, не отличался, и ринулся на лучницу, забыв про находившуюся куда ближе женщину. Нечего было и думать встречать эдакого монстра обыкновенным коротким мечом. Сирелина сейчас не отказалась бы проверить на вепре палаш Бэйла, великодушно предоставленный ей гладиатором в Солтенстиле. Этот древний раритет из Абериджа чародейка хранила в своих покоях, постепенно открывая его чудесные свойства, и пока не рисковала брать с собой в путешествия. Жаль только что и на этот раз она оказалась столь же осторожна. Подобный опыт стал бы невероятно ценным, особенно если учесть что чары света действовали на ожившего кабана довольно посредственно, и испытать на нем загадочное оружие было бы крайне любопытно. Впрочем, у громадной нежити на сей счет наверняка имелось совершенно иное мнение, и она явно намеревалась его немедленно продемонстрировать. Кабан недвусмысленно пытался настигнуть обстрелявшую его женщину, и ближний бой с ним становился невероятно опасным. Сирелина, решив пока не изобретать колесо, поступила так же, как и напарница: долбанула посохом в лесной ковер, опалив чудовище вспышкой света, и юркнула за большой камень.

Теперь уже настал черед Алеады заниматься не унимавшимся вепрем. Пока он кружил и топтался возле камня, надеясь достать ускользавшую от него чародейку, служительница Гексенхаммера вознамерилась взять быка за рога. Пользуясь предоставленной паузой, она нараспев прочла продолжительное заклинание схожее с тем, каким Сирелина не столь давно ликвидировала Лигнеров. Когда речитатив достиг апогея, Алеада воздела пальцы левой руки к небу, вызвав откуда-то сверху грохочущий разряд. Поразив вепря наподобие молнии, на которую он был похож лишь по виду, но отнюдь не по сути, этот разряд должен был немедленно развеять злые чары. Нежити действительно изрядно досталось, ибо заклинание выжгло на ее спине дымящуюся язву, а во все стороны по-

сыпалась тлеющая шерсть, но она все еще продолжала активно двигаться. Алеада, не веря своим глазам, смотрела как кабан, опять переключившись с одной женщины на другую, грузно разворачивается к ней и бросается в атаку. Появившаяся из-за камня Сирелина выпустила ему вдогонку пару стрел, но чудовище уже не обратило на них ни малейшего внимания, сосредоточенное на болезненно поразившем его человеке. Алеада встретила зверя столбом яркого света, ударившего из кончика посоха прямо в увенчанное торчавшими клыками рыло. За это она чуть не поплатилась, поскольку такая направленная атака оставила ей куда меньше времени на отступление. Ненадолго ослепленный кабан промахнулся совсем немного, толкнув темноволосую чародейку на мягкий лесной ковер. Быстро откатившись в сторону, та живо вскочила на ноги, подобрав упавший посох, но обнаружила что монстр ее все еще не видит. Злобно визжа и издавая гулкие хрипы, он яростно тряс головой, стараясь отогнать висевшую прямо у него перед глазами светящуюся сферу. Сирелина, завидев в каком опасном положении оказалась напарница, призвала осветительные чары и использовала их таким оригинальным образом. Теперь она была поглощена управлением сферой, удерживая ее в непосредственной близости от морды вепря и лишая того возможности что-либо разглядеть.

— Отлично! Продолжай в том же духе! — одобрительно воскликнула Алеада.

— Почему он все еще жив?! — крикнула в ответ Сирелина, для пущей надежности подгоняя к щетинистой морде еще один сиявший шар.

— Здесь есть что-то еще! Что-то, что мы упускаем! — отозвалась Алеада, отступая к напарнице.

— Какие будут предложения? — осведомилась Сирелина.

Вместо ответа темноволосая чародейка угостила вепря новым заклинанием. Тот, так и не сумев избавиться от назойливых, лишавших зрения сфер явно решил нападать ориентируясь на слух и запах. Заклятие Алеады поспело весьма вовремя. Не успело чудовище сдвинуться и на пару ярдов, как его ноги до самого брюха опутали выступившие из почвы крепкие толстые стебли. Кабан яростно вырывался, но с каждой секундой их становилось все больше, и они постепенно начинали прижимать его к земле. Мощь существа поистине впечатляла: уж на что была сильна Алеада, а оно умудрялось фут за футом продвигаться вперед, обрывая обхватившие его растительные оковы. Лишь ее непрерывное колдовство замедляло этот порыв, накладывая все новые и новые путы. Задействовать подобный прием на быстро движущейся цели было

крайне проблематично, поэтому пока вепрь носился взад-вперед, стебли не успевали бы его должным образом обездвижить, и трюк Сирелины со сферами пришелся очень кстати. Удивляться столь запоздалому тактическому маневру не приходилось. Изначально чародейки рассчитывали без хлопот покончить с чудищем заклинаниями света, а не возиться с ним столь долго и столь малоэффективно.

— Держи его крепче! Я осмотрю эту тварь поближе! — заявила Сирелина, приближаясь к заходившемуся от бешенства и визга кабану.

— Будь осторожнее! — напутствовала Алеада, сначала хотев удержать напарницу, а затем решив, что это не такая уж плохая идея.

Предоставив практикантке возможность хорошенько изучить нежить вблизи, она сосредоточилась на удерживающих чарах, окончательно прижавших цель к земле. Стебли теперь обвивали не только ноги пораженного скверной животного, но также шею и даже спину, сплетаясь поверх серой щетины длинными темно-зелеными изгибами. Держа посох наперевес и не сводя его вершины с плененного вепря, Сирелина остановилась от него в нескольких футах. Окинув взором иссеченный и опаленный бок могучего монстра, она вгляделась в алевшие на нем знаки. В глазах чародейки неожиданно промелькнуло понимание. Вытянув посох вперед, она коснулась им ходившей ходуном мертвой плоти и шепнула заклинание. Вершина посоха осветилась. Кабан отозвался на это действие оглушительным визгом, будто его пронзили раскаленным прутом, а руны на толстой как броня шкуре выступили еще сильнее, складываясь в единый узор. Его больше не закрывала щетина с фрагментами наслаивающегося гнилого мяса, и он был виден вполне ясно и отчетливо.

— Дарегон! — воскликнула Сирелина. — Это не нежить, это дарегон!

— Какая же я дура! Как же я сама не сообразила! — сердито хлопнула себя по лбу Алеада, отчего едва не утратила контроль над сдерживающим заклятьем.

Вепрь грузно заворочался и даже чуть приподнялся, но одно мановение ее пальцев — и он вновь оказался прижат к земле неумолимыми растительными веревками.

— Не упрекай себя понапрасну. У него под шкурой второй слой рун. Сразу его было незаметно, пока мы не сожгли часть мертвой плоти, — пояснила Сирелина.

— Даже так?.. — нахмурилась Алеада. — Что ж, полагаю, ты теперь знаешь что делать. Действуй!

Служительница Гексенхаммера позволила напарнице про-

явить свои знания на практике, поскольку та была обязана хорошо знать не только что такое дарегон, но и как с ним управиться. Ведь Сирелина ничуть не ошиблась — встретившееся им чудовище классифицировалось именно таким образом, и кто-то наложил заклятье весьма искусно и не менее изощренно. В отличие от обычной нежити, поднятой к извращенному подобию жизни силой некроманта, дарегон являлся существом в известном смысле одухотворенным. Плоть наполняло не только колдовство — в ней гнездился дух, как правило недобрый, и она отнюдь не обязательно должна быть живая. В случае с означенным вепрем некромант постарался на славу. Сначала он снял с мертвого животного шкуру и на его мясе начертал соответствующие руны, удерживающие призванную сущность внутри. Затем вернул шкуру на место и даже частично прирастил ее обратно, после чего уже непосредственно на ней выжег знаки поднимающие нежить. Когда же вепрь действительно стал нежитью, он провел ритуал, вселяющий в нее выбранную сущность. Оказавшись запертым внутри столь неестественной оболочки, дух, и без того наверняка злой, окончательно повел себя недружелюбно. Потребность кабана в живой плоти напрямую объяснялась именно им, за счет чего он поддерживал свои силы и связь с окружающим миром. Ведь нежить не может существовать бесконечно долго без подпитки колдовством. Дарегону же за счет энергии самого духа такая подпитка была не нужна. С точки зрения искусства колдовства он являлся куда более совершенным созданием, но созданием несравнимо чудовищнее и опаснее. Если нежить представлялась творением обычного некроманта, то дарегон был по плечу скорее сведущему демонологу. Разница заключалась в том, что некромантия считалась хоть и порицаемым, но не обязательно преступным искусством, балансирующим, что называется, на грани фола. Некоторые вполне приличные заклинатели практиковали и изучали его в качестве хобби, не переходя известную черту. Демонолог же в жажде запретных знаний и могущества однозначно оказывался по другую грань, не гнушаясь искать их в стане врагов человечества. Такие заклинатели представляли наибольшую угрозу, и через них якобы подвластные им демоны могли обрести большую власть. Особенно если демонолог был очень силен и сам не осознавал что его используют. Они всегда допускали одну и ту же ошибку: не столь страшно призвать демона, важно зачем это было сделано. Уверенные в своей силе и стойкости мастера запретных чар полагали что вполне способны получить все желаемое. На деле выходило иначе. Чем больше они пользовались дарованными возможностями, вкушая новые умения и могущество, тем больше подпадали под влияние

демонов. В итоге, мало-помалу, ослепленный жаждой величия и совращенный соблазнительными посулами кукловод сам превращался в марионетку с непредсказуемым конечным результатом. Всякий раз давая человеку то что он хочет, демон забирал частичку его души, отравляя разум, и в определенный момент такая трансформация становилась необратимой. Иными словами, демонологи были крайне опасными людьми и их деятельность следовало пресекать при первой же возможности. Адептов Запретного чертога, в зависимости от круга обучения, знакомили с этой зловещей стороной колдовского искусства и натаскивали противостоять искушениям.

Сирелина знала о дарегонах и их создателях вполне достаточно. Немезия успела вбить в ее голову множество важных знаний, и чародейка успешно применяла их на практике. Отойдя на несколько шагов от вепря, она всадила ему в бок столб сияющего света, выжигая мертвую плоть на месте главной руны. На сей раз он был направлен точно в правильную цель, поэтому эффект не заставил себя долго ждать. Вепрь не завизжал и не захрипел. Из его утробы вырвался громкий протяжный звук, нечто среднее между стоном и криком, с куда больше человеческими интонациями, нежели звериными. Он шел не из глотки, а прямо изнутри туши, окутавшейся темной дымкой так, будто ее влажная шкура сушилась под лучами жаркого солнца, только вместо белых испарений над ней вились густые черные. Неожиданно скованный стеблями кабан вскочил на ноги и кинулся к Сирелине. Возможно, жестокая агония придала ему напоследок лишних сил. Впрочем, наложенные Алеадой путы скорее всего просто не выдержали сияющего удара Сирелины и опали, пожухнув и рассыпавшись в прах. Алеада, к счастью, не растерялась. Мигом развернув свой посох, она влепила чудовищу во второй бок точно такой же столб света, поразив остававшуюся там ключевую руну. Удерживавшее духа начертанное заклинание окончательно разрушилось. Вепрь, лишенный колдовства, обратился в обычную мертвую плоть, каковой давно уже являлся, рухнул к ногам Сирелины и более не двигался.

— А ты сильна. От выстрела твоего посоха рассыпались даже мои корни, хотя их должно было задеть лишь косвенно. Впредь стоит это учитывать, — констатировала Алеада, подходя к поверженному чудовищу. — Вообще ты держалась молодцом, поздравляю.

На месте воплощавших дарегона знаков дымились глубокие опаленные впадины, источавшие отвратительный запах горелого тухлого мяса. Сирелина перевела дыхание. Комплимент куратора ей был приятен, тем более что на сей раз та не нашла повода для критики.

— Откуда здесь эта тварь? — поинтересовалась светловолосая чародейка, трогая носком сапога поверженного монстра.
— Отличный вопрос, — отозвалась служительница Гексенхаммера. — Не знаю что там накопают сестры в городище холдакса, но одно могу сказать наверняка: что бы там ни говорили местные жители, здесь не обошлось без черного колдовства, и колдовства весьма умелого. Никакие высшие силы, месть духов и прочая ерунда тут ни при чем. Кто-то хорошенько постарался чтобы все выглядело именно так, и пусть меня прогонят из обители если сестры вскорости не подтвердят мои слова. Однако давай-ка изучим нашего пахучего друга. Я понимаю что это весьма неаппетитное занятие, но он все еще способен дать нам ответы на некоторые вопросы.

Вскрытие мертвого вепря затянулось до вечера. Эта мера не стала для Сирелины сюрпризом, хотя удовольствия от нее она точно не получила. В Запретном чертоге слушателей учили внимательно препарировать подвергавшиеся воздействию темного колдовства останки, дабы точнее определить его природу, время и качество наложения.

Кабан умер довольно давно — об этом свидетельствовала стадия разложения. Более того, изначально он не обладал столь исполинскими размерами, увеличенными за счет злых чар и питания угнездившегося в нем злого духа. Алеада сделала крайне неприятное открытие: сам по себе вепрь мог существовать весьма продолжительное время. Потребление свежей плоти подпитывало дух достаточно для того, чтобы он в свою очередь сдерживал тление тела на низком уровне. Если создавший дарегона колдун усовершенствует свое искусство, то он вполне способен получить неограниченно долго живущую кровожадную тварь. Удачное сочетание некромантии и демонологии грозило воплотиться в полностью самостоятельную нечисть. Несмотря на всю очевидную гнусь творения рук неизвестного заклинателя, Алеада отдавала должное его мастерству. У служительниц Гексенхаммера было не принято недооценивать противника.

Закончив изыскания и тщательно записав их результаты в отдельный свиток, чародейки предали останки вепря земле.
— Ну, что теперь? — осведомилась Сирелина.
— Вернемся в исходное поселение и сообщим местным жителям что с их маленькой проблемой покончено, — сообщила Алеада. — А по дороге попробуем отыскать следы сотворившего это чудище хозяина.
— Думаешь, он еще где-то здесь? — оживилась Сирелина, окинув окружающую чащу взглядом почуявшего добычу охотника.

— Я не люблю спешить с выводами, — медленно отозвалась Алеада. — Но если тебе интересно мое мнение, то я подозреваю что кто-то превратил леса вокруг оставленного городища в своеобразную испытательную площадку. Если я права, этот дарегон может оказаться не единственной напастью. Однако подождем что скажут сестры.
— И что будет если ты права? — осторожно спросила Сирелина.
— Если я права, тогда Гексенхаммер выследит где гнездятся преступные заклинатели, явится к ним в полном составе и уничтожит. Чай не впервой, — сурово заявила Алеада.

Посланные в Кирион чародейки принесли в обитель весьма тревожную весть. Поджидавшие их там новости оказались ничуть не лучше. Сестры утратили множество почтовых станций на подконтрольных Красной саламандре землях, а их агентов выслеживали и арестовывали. Чтобы не потерять все почтовые точки, уцелевшие в недружелюбных краях станции были законсервированы впредь до дальнейших указаний. Все донесения отправлялись наземным способом и кружным путем, что существенно сказывалось на сроках их получения. Снаряженный же к ад-Сейдину посланник получил весьма неопределенный ответ, хотя его приняли должным образом, удостоив соответствующей аудиенции. Взяв несколько дней на размышление, хан в итоге сообщил, что правовой статус тех кого представляет посланник ему не совсем понятен. Он, хан, полновластный правитель не только Железных земель, а и всей новой Империи. От чьего конкретно имени выступают чародейки? Если от имени какого-либо государства, то у посланца нет соответствующих верительных грамот. Если же от своего, то ад-Сейдин не давал им разрешения вести деятельность на его территории. Разумеется это отнюдь не означает открытую вражду. Если чародейки заявят себя как официальное лицо, после чего выразят свою позицию, все переговоры пойдут в более конструктивном русле и хан не сомневается что им удастся выстроить взаимовыгодные отношения. На данный же момент он склонен воспринимать их деятельность как незаконную и потенциально опасную. Интересы государства для него превыше всего, а намерения до недавнего времени свободно и бесконтрольно промышлявших в Империи сестер ему неизвестны. Хан предлагает им перенести отношения на новый уровень, закрепив его в правовом поле и устранив все возможные недоразумения, и рассчитывает на понимание. Он ведь не посылает своих людей чтобы, допустим, набирать в краях чародеек рекрутов, строить там форты или проявлять какую-либо иную активность? Почему же чародейки удивляются что он в свою очередь не желает терпеть подобного само-

управства на территории Империи?

Фактически, посланец вернулся ни с чем. Отсутствие внятного результата, однако, иной раз тоже результат. Старшие чародейки заподозрили, что ад-Сейдин попросту тянет время с неясными намерениями, но выраженные им пожелания носили вполне обоснованный характер. В конце концов, трудно было не признать, что он имел полное право заявить то, что заявил. Вопрос заключался в том, какую цель он на самом деле преследовал.

— По-моему, хан откровенно водит вас за нос! — заявила Сирелина в своем традиционно-бунтарском стиле. — Как еще можно трактовать его продолжающуюся агрессию? О каком конструктивном сотрудничестве может идти речь, если он продолжает гонения на наших людей и наши южные сестры постоянно подвергаются опасности?

— Ад-Сейдин намерен установить жесткий контроль над землями своей новой Империи, — ответила Арадора. — Он не из тех властелинов кто готов терпеть чужое влияние в подвластных ему границах. К примеру, ты сама давала ему неоднократный повод подозревать чародеек во вмешательстве в свои дела. Если ты помнишь, хан даже выражал нам свое неудовольствие.

— Так я, что ли, во всех бедах и виновата? — возмутилась Сирелина, одарив наставницу негодующим взглядом.

— Не говори ерунды! Разумеется нет, и все сестры это понимают, хотя ты знаешь что многие из них не одобряли твои выходки, — строго сказала Арадора. — Но формальный повод преследовать сестер у него есть. Он объявил колдовство в Империи вне закона. В том, разумеется случае, если заклинатель не имеет соответствующей грамоты от властей.

— То есть те колдуны, с помощью которых Имперская стража нападала на наших сестер, его устраивают? — едко осведомилась Сирелина.

— Они работают на хана. Мы работаем на себя, и ад-Сейдину это прекрасно известно. От этого обстоятельства он уже не в восторге, но ему наверняка еще меньше нравится мысль о том что будет, если мы вдруг примем сторону его врагов, и примем куда серьезнее в сравнении с твоими стараниями помочь ан-Нуадону, — задумчиво изрекла наставница.

— И что решил Совет? — коротко поинтересовалась упрямая чародейка.

— Если дело всего лишь в налогах, то это вполне приемлемо, — отозвалась Арадора, не обращая внимания на тон собеседницы. — Мы даже обсуждаем идею оказывать хану некоторую помощь, не связанную напрямую с военными действиями. Возможно, ад-

Сейдин хочет использовать опыт наших почтовых станций в собственных нуждах. Признаться, доступная нам скорость доставки сообщений существенно сказалась бы на росте его государственного могущества. Все равно наша монополия на быструю связь была лишь вопросом времени. Колдуны хана рано или поздно управятся самостоятельно точно также, как они уже это сделали с Липким огнем. Карт-бланш от повелителя открывает им широкие возможности для реализации самых разных проектов. Если взамен на оплату патентов и взаимодействие в гражданской сфере ад-Сейдин оставит нас в покое и позволит заниматься своими делами, то сестры в известном смысле даже выиграют. С официальной грамотой от имперских властей уже никто не посмеет тронуть их под страхом сурового наказания.

— Что-то я не поняла! Совет соображает чем можно поторговаться с ханом? — ахнула Сирелина. — И чем же еще он готов пожертвовать? Ему не доводилось слыхать про гибельность политики умиротворения агрессора? Отхватив один кусок, хан захочет еще, а затем еще! И так вплоть до тех пор пока не сожрет нас целиком под угрозой взять тоже самое, но силой! Ведь что-то вроде этого сейчас и происходит!

— Что сейчас происходит — наша самая большая забота, — нахмурилась Арадора. — Что если колдуны ад-Сейдина имеют самое прямое отношение к событиям в Кирионе? Сам хан, возможно, не понимает с какими людьми и силами он решил связаться, но мы понимаем это слишком хорошо. Кстати, осталось всего четверть часа до твоего появления в Совете. Предлагаю тебе еще выпить чаю и немного успокоиться.

Арадора подразумевала доклад, который должны были сделать вернувшиеся из Кириона сестры Гексенхаммера. По прибытии им предоставили два часа чтобы привести себя в порядок, после чего старшие сестры намеревались заслушать отчет о проведенном расследовании. Сирелина, наскоро умывшись и переодевшись, прибежала к ожидавшей ее визита наставнице и вкратце поведала что удалось узнать. В ответ Арадора поделилась с ней своими новостями.

— Вам удалось установить кто причастен к нападению нежити на городище холдакса? — вот ключевой вопрос, который задала она и который обязательно зададут в Совете, прежде чем делать какие-либо выводы.

Поскольку Сирелина ответила на него отрицательно, проводить параллель с людьми хана не представлялось возможным. Вместе с тем сестры Гексенхаммера однозначно установили что само нападение исключительно рукотворно и не просто спровоцировано

случайным или неопытным колдовством, а проведено намеренно и очень расчетливо. Его масштабы впечатляли, а примененные методы заставляли предположить очень плохие вещи. Сестры подозревали, что помимо прочего нападавшие призывали Болотника — демона выглядевшего как чудовище из трясины, и использовавшего эту трясину для поглощения попавших в нее людей. Он обожал пировать живыми телами и только серьезная сила могла устроить его появление где-то кроме мест изначально для этого подходящих: осквернённых погостах, проклятой топи, нечестивых святилищах и других в том же духе. Лишь еще большая сила была способна открыть небольшой Разлом под стенами сгинувшего капища, если верить ползущим по Кириону слухам, порожденным болтовней очевидцев. Впрочем, в них было больше суеверного вымысла, нежели правды, хотя именно благодаря этим россказням сестры определяли предполагаемое развитие событий. Создать такую брешь между мирами мало кому по плечу, и прямых доказательств этому явлению сестры не обнаружили. Однако косвенные улики не позволяли исключить догадку полностью. Стало быть, в теории там орудовали не только умелые некроманты, но и сильные демонологи. Несколько тварей, обнаруженных в окрестных лесах, наталкивали на мысль об одновременном употреблении обоих видов колдовства, как порознь, так и в скрещенном виде. К сожалению, приложившие руку к гнусным деяниям либо покинули те края, либо хорошо скрывались, избегая обнаружения. Последнее какое-то время вполне осуществимо, если заранее знать методы сестер Гексенхаммера. Следовало иметь в виду: речь шла не о паре-тройке лиц, поскольку провернуть такое способна лишь группа довольно значительной численности. На данный момент установить какие-либо личности не удалось, но можно не сомневаться что люди обладающие подобными способностями вскоре проявят себя снова.

Все это накладывалось на сведения о неких договорах между вождями Кириона и Красной саламандрой, внушавших известную тревогу. Если они соответствовали действительности, то ад-Сейдин получил право возвести несколько фортов в землях вдруг ставших лояльными феодов и даже разместить там гарнизоны взамен на всестороннюю помощь их населению. Таким образом его присутствие вплотную придвигалось к северным княжествам. Какие же цели он преследовал, обращая внимание на ничуть не богатую, архаичную и полуварварскую страну? Элементарная логика заставляла предположить некую связь между зловещим колдовством и последующими событиями к вящей выгоде Красной саламандры. Вот только сам ли хан Гийюр разработал и реализо-

вал столь крамольный замысел или же воспользовался услугами сторонних лиц, сделавших леса Кириона площадкой для своих нечестивых экспериментов? Ответа на сей вопрос пока что не имелось. Как бы там ни было, вероятность простого совпадения достаточно невелика, и сестрам впору задуматься каких именно колдунов призвал к себе на службу властелин Железных земель. А призвал он их совершенно точно, поскольку их наличие как минимум в составе Имперской стражи уже не вызывало сомнений.

— Неплохая работа, — подытожила Арадора, направляясь вместе с подопечной в зал Совета. — За тот небольшой отрезок времени, что вы провели в Кирионе, трудно требовать чего-либо большего. Похоже, сестры Гексенхаммера хорошего о тебе мнения. У тебя есть повод для гордости. Полагаю, Немезия вскоре проведет церемониальный обряд твоего посвящения в следующую ступень адептов Запретного чертога. Вряд ли она с этим затянет, поскольку на днях твой отъезд в Солтенстил. На сей счет можешь не сомневаться — Совет не передумал и даже предоставит тебе соответствующее прикрытие.

— Досадно что я, как назло, уезжаю в самый разгар событий, — проворчала Сирелина.

— Ты что, передумала? — удивилась наставница, задержав руку на большой двустворчатой двери. — Ты же так рвалась к своей воспитаннице!

— Ни в коем разе, — мотнула головой Сирелина. — Но очень жаль что долгожданная поездка состоится именно сейчас.

— Успеешь еще набегаться, — как-то невесело произнесла Арадора. — Боюсь что успеешь.

Поздно вечером Сирелина очутилась в очередной компании владеющих колдовским даром особ, разве что ее собеседницам было несравнимо меньше лет чем сестрам Гексенхаммера. Чародейку одолевали мрачные мысли, и чем больше она отвечала на расспросы Флеи и ее подруг, тем тяжелее становилось у нее на сердце. Ведь их настойчивый интерес касался как раз того, что уже не первую неделю будоражило всю обитель.

— Сирелина, ну расскажи! — теребила ее рыженькая послушница.

— Старшие от нас все скрывают! — просительно вторили ей Лада и Ашира. — А мы тоже имеем право знать, мы тоже чародейки!

При последних словах Сирелина невольно улыбнулась, но тут же прикрыла лицо ладонями, чтобы почем зря не обидеть девушек. Ведь когда-то она сама была такой же, и будущую странствующую сестру сильно задевало, если ее не воспринимали всерьез. Вернувшись из зала Совета, Сирелина обнаружила под своими дверями троицу послушниц и не стала их прогонять, пригласив войти.

Результатами этого Совета она была удовлетворена частично. Похоже, старшие сестры наконец-то зашевелились, хотя по ее мнению они делали это несколько поздновато и недостаточно активно. Но лучше так, чем никак.
— Если я разболтаю вам обо всем, мне сильно достанется, — заметила Сирелина.
— Мы же никому не скажем! — воскликнула Флея и подруги клятвенно подтвердили ее заверение. — Но сколько же можно оставаться в неведении? Мы же делились с тобой своими секретами, а ты нам, выходит, не доверяешь?
Сирелина согласилась что с послушницами действительно обходятся довольно несправедливо. Сестры не посвящали их во внешние дела, считая что это помешает сосредоточиться на учебе, а посему о последних событиях те знали весьма отдаленно. Между тем впервые за долгое время обитель столкнулась с реальной угрозой, и она касалась всех и каждого. Пожалуй, не будет ничего плохого, если девушки узнают истинное положение вещей за вычетом того, о чем чародейка не имела права говорить. В конце концов, эта юная компания близка ей по духу и раз уж Сирелина взяла ее под свое покровительство, пусть и неофициально, то и вести себя надо соответствующе.
— Ладно, кое-что я вам расскажу, — добродушно проворчала чародейка. — Только чтобы никому ни слова, иначе нашу шайку заговорщиц наверняка разгонят. Со всеми вытекающими. Некоторые из сестер до сих пор мечтают узнать как я удрала из обители, и они могут сделать определенные выводы.

Об этом разговоре она вспоминала когда на исходе первой недели августа наконец-то покинула обитель. Несясь вскачь по вьющейся к горной цепи дороге, обрамленной тронутыми подступавшим дыханием осени лесами, Сирелина не без удовольствия констатировала что у нее образовалась собственная группа поддержки. Флея сотоварищи, окончательно проникшись расположением чародейки, только что не ходили за ней хвостом и для них она стала куда большим авторитетом, нежели кто-либо еще. Пожалуй, такими темпами Сирелина сколотит общество единомышленников и воспитает его в своем фирменном стиле. А что, почему бы и нет? Особенно если однажды она вдруг станет старшей сестрой, что отнюдь не исключала Арадора.

Текущие события волновали не только чародеек, пытавшихся выяснить что на уме у ад-Сейдина и как он связан с черным колдовством в Кирионе. Беспокоили они и самого хана. Меряя шагами свой большой шатер, традиционно лишенный ненужной роскоши, он сильно хмурился, поглядывая на склонившегося над

свитками Баратиса. Низенький колдун, утирая платком выступивший на лице пот, отмахивался от назойливых насекомых, проникавших через откинутый полог. Стоял жаркий день, и в шатре было душновато.
— Мне хотелось бы точнее знать причины столь неожиданной рекомендации, — заявил ад-Сейдин, не переставая ходить взад-вперед. — Она полностью идет вразрез с подготовленным планом! Мои войска ждут приказа, а тут на тебе!
По правде говоря, Баратис и сам оказался немало ошеломлен поступившим сообщением от учителя. Весь тактический расчет строился на неожиданном ударе, для чего армии и требовалось быстро и беспрепятственно миновать Кирион. Ввиду близившейся осени и следующей за ней холодной северной зимы тянуть с кампанией было нельзя. Армия южан не сможет полноценно воевать в непривычных для себя погодных условиях и вынуждена будет встать на зимовку на оккупированной территории. Это автоматически предполагало своевременный захват запланированных ключевых точек, где такая зимовка была бы не только возможной, но и оправданной. Молниеносный гамбит сулил желанную победу, разрозненных противников и как минимум изоляцию главного из них. Если удастся вывести его из игры, то разгром остальных станет лишь вопросом времени. Тогда новая Империя не только раскинется небывало широко, но и никто уже не осмелится бросить ей вызов. Дальше — как знать. Ведь есть еще много земель, куда прежде не осмеливались бросать взор южные государи. До сего момента Дегонис не только поддерживал этот план, всячески помогая ад-Сейдину людьми и ресурсами, но и сам подтолкнул повелителя к его осуществлению. По большому счету, если хорошенько вдуматься, на деле выходило, что разработка плана принадлежит именно старшему колдуну, а хана и его советников он сумел уверить в его приоритетной необходимости. Растущие группы Манипуляторов, операция в Кирионе, союз с вождями варваров, грядущий удар войсковых соединений при поддержке флота на Шиале — все это увязывалось в единую картину. С той, разве что, разницей, что конечный замысел ад-Сейдину и Дегонису виделся поразному. И теперь, ни с того ни с сего, вместо обещанного подкрепления новыми Манипуляторами и отмашкой на старт кампании Дегонис вдруг велит Баратису всеми силами повлиять на хана, дабы тот отложил нападение до следующей весны. Прямо-таки уму непостижимо!
— Повелитель, мастер выражает серьезное опасение что время, возможно, упущено, — сказал низенький колдун, выдерживая недовольный взгляд ад-Сейдина. — Существует слишком большая

вероятность, что наши войска застрянут в снегах не достигнув конечной цели. К сожалению, мы не успели закончить все приготовления к началу июля, а теперь на дворе начало августа. Минус один месяц — как раз тот срок, которого нам может не хватить чтобы выполнить поставленные задачи. А это, увы, чревато отнюдь не затягиванием кампании, а созданием критической ситуации. Не столь страшно не убить медведя, сколь разбудить его в берлоге, самому при этом оказавшись в крайне невыгодном положении. Ведь мы оба знаем о каком именно медведе идет речь. И что последует, если мы не преуспеем в наших намерениях, а сами намерения уже будут выданы с головой.
— Аргументы Дегониса мне вполне понятны, — раздраженно отозвался хан. — Звучат они весьма убедительно, и я бы непременно прислушался к его совету, кабы то чем он пугает не приключится как раз в обратном случае. Ведь чем дольше мы тянем, тем больше шансов что наш замысел станет раскрыт. Между прочим, именно это он и сам подчеркивал твоими устами, когда просил меня поспешить.
— Именно так, — кивнул Баратис, соображая как бы убедить повелителя в том, в чем он сам сейчас испытывал значительную неопределенность. — Но из двух зол, как говорится, выбирают меньшее. Мастер считает, что риск застрять в снегах на подступах к цели куда хуже вынужденного ожидания, даже если противник поймет что у нас на уме. В случае переноса кампании на весну, в распоряжении наших войск будет вдвое больше времени, а это колоссальный запас на случай любых неожиданностей. И до весны мы можем всячески пытаться обманывать противника, ведя политические игры, плетя интриги и давая любые обещания, которые все равно не придется выполнять. Если же мы атакуем немедленно, то увязшая в снегах армия окажется в тяжелом положении. Можно даже не сомневаться в образовании враждебного нам военного союза, а с востока по заледеневшей Шиале ему на помощь почти наверняка придет подкрепление. Ведь флот вынужден будет вернуться к местам базирования и уже не сможет пресекать любые попытки переправиться через реку. Враг наверняка попытается отрезать нашу армию от продовольственных поставок, что сделает ее положение по-настоящему плачевным. С учетом что он будет действовать в привычной ему обстановке это более чем вероятно. До сих пор нам удавалось бесперебойно снабжать войска всем необходимым даже на периферии Империи, но наша отлаженная логистика вряд ли справится с холодной зимой, глубоким снегом и нападающим исподтишка противником. Нам не хватит сил сопровождать обозы, тем более что враг наверняка поймет

всю уязвимость создавшегося положения и сосредоточится на их разгроме. Кирион же, глядя на такое развитие событий, тоже может передумать, особенно если его к этому склонят северные соседи и их могущественные покровительницы.

Продолжительная речь Баратиса произвела на хана заметное впечатление. Он глубоко задумался, взвешивая каждое слово советника по алхимии и колдовству. Тот хорошенько постарался, наконец-то увязав все прежде разрозненные доводы в единую конструкцию, и ад-Сейдин находил ее достойной внимания. При всех своих обширных планах и необъятных мечтах он все-таки был реалистом и не мог отмахиваться от чего-либо просто потому, что оно его не устраивало. На голом оптимизме далеко не уедешь, и только полный идиот всегда будет исходить лишь из наилучшего результата, отвергая менее радужные варианты и саму мысль о неудаче. Такой идиот еще может преуспеть, скажем, в торговле, но вот огромную Империю он точно не построит — слишком много случайностей, и кости не всякий раз станут выпадать в его пользу. История знавала немало полководцев проигравших войну как раз потому, что они попросту игнорировали не самый благоприятный расклад, а мысль о поражении и вовсе не допускали. В результате, оказываясь в сложных обстоятельствах, они зачастую даже не имели запасного плана как будут из них выпутываться.

Баратис молча ждал, не мешая повелителю размышлять. Следуя указанию учителя, он сделал все что мог, и теперь слово за самим ад-Сейдином. Аудиенция длилась без малого два часа, и раз он до сих пор его не выставил, то можно было с уверенностью заключить, что хан относится к речам колдуна со всей серьезностью.

— Больше Дегонис ничего не сообщает? — спросил вдруг ад-Сейдин, останавливаясь подле Баратиса.

— Ни единого слова, — покачал головой колдун, и это была сущая правда.

Ну, почти. Дегонис действительно ничего не объяснил даже своему верному ученику, но лично ему указал причину такой неожиданной смены решения, хоть и не обмолвился о том, что ее вызвало. Во всяком случае, на этот раз.

— Что ж, тогда на этом все, — заключил хан. — Завтра я соберу Военный совет. На нем и будет принято решение о дальнейшей судьбе кампании.

Поклонившись, Баратис немедленно удалился, гадая, удалось ли ему выполнить поручение учителя или нет. Увы, при любом исходе тот еще довольно долго об этом не узнает, так как не сможет своевременно прочесть отчет Баратиса. Не только этот — все поступающие донесения, ввиду чего, не имея возможности принять не-

посредственное участие в ходе важнейшей кампании и контролировать ход событий, Дегонис и надеялся эту кампанию отложить. Причина была крайне проста: старший колдун неожиданно покинул Солтенстил и отправился в никому не известном направлении.

* * *

Дегонис путешествовал редко. Еще реже он путешествовал столь далеко. С тех пор как властелин Железных земель взял его под свое покровительство, он обычно просиживал в Нижних подземельях, не выбираясь дальше пределов столицы. Его личное присутствие как правило нигде не требовалось, за считанными исключениями. Он умудрялся плести свою паутину не покидая логова, и лишь иногда отправлялся сделать что-то такое, что было не под силу его подчиненным. Вот и на сей раз колдун мог заниматься безотлагательным вопросом только лично, не посвящая в него и ближайших помощников. Дело было даже не в его важности, а в самой сути, в которую не был способен проникнуть никто, кроме Дегониса, и никто кроме Дегониса был физически не в силах хотя бы понять о чем идет речь. Важность, впрочем, тоже никоим образом не стоило сбрасывать со счетов, ведь ради этого дела колдун оставил Солтенстил как раз тогда, когда вот-вот должна была начаться срежессированная им военная кампания. Именно поэтому он срочно отписал Баратису, веля всеми силами повлиять на ад-Сейдина, чтобы тот попридержал войска до весны. И даже не стал дожидаться ответа, который теперь прочтет очень нескоро, как и вообще узнает какие-либо новости. Ведь крайне трудно организовать курьерскую доставку входящей и исходящей корреспонденции, когда ты вовсю поспешаешь за сотни миль от места своего обитания, да еще держишь пункт назначения в тайне.

Отряд передвигался с очень большой скоростью. Шесть Манипуляторов, одетых в бежевые балахоны с капюшонами, чередовались с дюжиной гвардейцев в белых бурнусах, под которыми звенели кольчуги с пластинчатыми накладками. Каждый был вооружен под завязку, и за каждым в поводу бежала лошадь, навьюченная припасами. В теории, одних колдунов было более чем достаточно чтобы справиться с любыми возможными неприятностями. На практике же иной раз лучше обойтись без чар и не привлекать к себе внимания, а вид внушительной процессии может заблаговременно отпугнуть большинство недоброжелателей. Кроме того, даже Дегонис обычно не отказывался от страховки в виде вооруженной стражи, предпочитая совмещать колдовство и железо, ум и силу. Каждый хорош в своей роли, и подспорье в лице

двенадцати самых надежных гвардейцев было отнюдь не лишним. Это были опытные тренированные воины. Возможно, каждый из них уступал тому садовнику, Бэйлу, на поверку оказавшемуся высококлассным бойцом, но в остальном с ними мало кто мог сравниться. В дворцовую гвардию старались отбирать лучших, и допущенных в Нижние подземелья Дегонис постепенно перетягивал под свое влияние. Командовал этими гвардейцами небезызвестный Илиане капитан Ларадон, правда терзаемая страхами девушка не знала что он выжил, хоть и действительно побывал на грани смерти. Колдун хорошенько постарался чтобы о событиях того дня никто не узнал, включая самого пострадавшего. Офицер мало что помнил, зато постигшее его потрясение Дегонис использовал себе во благо, задурив гвардейцу голову и затуманив сознание. Сейчас, оставив Нижние подземелья на попечение Пириаста, Дегонис был спокоен, зная что за их безопасность отвечает лично Ларадон, с недавних пор преданный воле колдуна. Капитан же и отбирал солдат для сопровождения в эту самую поездку, поставив во главе одного из своих лейтенантов.

В путешествие Дегонис взял не только самых верных гвардейцев, но и наиболее преданных Манипуляторов. Впрочем, все они были преданы старшему колдуну и беспрекословно подчинялись его воле, но он призвал наиболее одаренных из тех, кому доверял больше всего. Сейчас шестеро из них, равномерно рассредоточенные между солдатами, бдительно посматривали по сторонам, не забывая о возложенной на них ответственности. В Железных землях путникам, снабженным ханскими охранными грамотами, не угрожало ничего, но за их пределами такой уверенности не было. Дегонис для надежности с удовольствием прихватил бы с собой втрое больше народу, но столь значительная процессия скажется на продолжительности пути. Кроме того, дело было секретное и щекотливое, а посему он вынужден был максимально сократить число посвященных лиц, пусть и лишь косвенно. Кавалькада насчитывала ровно два десятка человек. Девятнадцатым был сам Дегонис. Даже в этих обстоятельствах он не сменил свой традиционный черный балахон с вышитыми на нем серебряными знаками, но поверх него все-таки накинул бежевый плащ, чтобы не сильно выделяться на фоне остальных спутников. Ведь Манипуляторы избавились от своего серого одеяния не просто так, равно как и гвардейцы нарядились в белые бурнусы. Там, куда они направлялись, темные вещи были строго противопоказаны, да и внешний вид в целом должен вводить случайных наблюдателей в заблуждение. Держа поводья резво перебиравшей ногами вороной кобылы, Дегонис ехал подле еще одной лошади, второй из всего

отряда, включая его собственную, без навьюченной пары. Лицо колдуна по-прежнему оставалось непроницаемым, скрытое под неизменно надвинутым капюшоном. Никто не видел что было под ним то ли из-за густой вуали, то ли слоя непонятно как обосновавшейся там темноты, но зато сам колдун, судя по всему, видел очень хорошо. Ведь не случайно он не спускал глаз с соседней лошади, мчавшейся с ним бок о бок, то и дело оборачиваясь к ней самым недвусмысленным образом. Собственно, смотрел он не на лошадь, а на ее ношу. В специальном седле, сооруженном таким образом, чтобы седок мог путешествовать лежа, непробудным сном спала Илиана.

Дегонис не отходил от девушки ни на шаг с тех пор, как ранним утром, на исходе июля, отряд покинул Солтенстил и направился на юго-восток. Не доверяя никому опеку над ней, он позволял Манипуляторам его сменить лишь на период своего непродолжительного сна, и то они дежурили сразу по трое. Гвардейцам же и вовсе было строжайше запрещено прикасаться к девушке, за исключением если бы ей угрожала какая-либо опасность. Колдун самолично организовывал Илиане непрерывный сон, пичкая ее настойками и непрерывно окутывая чарами. Он же обеспечивал ей питание и гигиену не хуже самой заботливой сиделки, благо что его колдовского искусства вполне хватало для таких целей, позволяя не прибегать к банальным и низменным методам. Заодно Дегонис вел за девушкой постоянное наблюдение, и чем больше проходило времени, тем больше он терялся в догадках. Илиана абсолютно никак не реагировала на все его тесты. Если бы он собственными глазами не видел через Око ее реакцию на нападение капитана Ларадона, то готов был бы поклясться, что в девчонке нет ни малейшего намека на чародейскую природу. Она казалась самым обычным человеком, совершенно здоровой и привлекательной молодой девушкой. Каким же тогда образом она умудрилась едва не уничтожить офицера гвардии на месте, причем охваченного на тот момент великой внешней силой? Дегонис не знал никого, кому бы это было по зубам одним лишь мановением руки, и это внушало ему настороженное удивление, смешанное с растерянностью. Именно поэтому он и держал Илиану в состоянии близком к анабиозу, поскольку понятия не имел чего от нее можно ожидать. Ведь колдун впоследствии видел и пострадавшего от сабли Ларадона тигра. Тот непременно должен был испустить дух еще тогда, но неизвестно как выжил, а от нанесенной ему раны не осталось даже рубца. По всем очевидным предпосылкам внучка шейха должна быть или уникальной чародейкой, или невероятно могущественной ведьмой — Дегонис отлично знал эту разницу, —

но она дьявольски непостижимым образом не являлась ни той, ни другой. Такую ведьму, кстати, колдун не отказался бы перетянуть на свою сторону, но пока об этом приходилось лишь мечтать. Девчонка упорно отказывалась реагировать на все эксперименты и Дегонис прямо-таки хватался за голову, пытаясь разобраться в ее природе. Впрочем, не исключено что способности Илианы носили спонтанный характер, и были вызваны неким посторонним воздействием. Например, каким-нибудь предметом. Например, ее медальоном, чье феноменальное происхождение было ведомо лишь Покровителю, а через него стало известно и самому Дегонису. На тот момент вещица все еще была подле нее, находясь в руках Ларадона, и Илиана проявила себя когда одержимый гвардеец на нее напал. Не это ли послужило своего рода катализатором? Хорошенько поразмыслив, колдун в какой-то момент достал спрятанный за пазухой медальон на цепочке и одел его на шею девушки. На всякий случай. Все равно он должен будет как минимум ненадолго вернуться к владелице когда отряд приблизится к месту назначения. Сейчас же Дегонис уже ничего не мог выжать из этой штуковины, проведя над ней все опыты на которые только был способен. Медальон выглядел обычной драгоценной безделушкой, и если бы не знания Покровителя, то колдун никогда бы не уловил исходившей от него крупинки неизвестного доселе волшебства. Возможно, того самого, что делало его неразрушимым, как и осколок фиолетового обсидиана. Иными словами, тайна на тайне, и Покровитель пожелал чтобы он разобрался с этим незамедлительно. Что ж, будем надеяться что девчонка со своим медальоном послужит ключом к затерянным развалинам, и там, среди древних как само время камней, Дегонис сумеет приподнять завесу попавших в его руки загадок.

Кавалькада продвигалась настолько быстро, что уже через одиннадцать дней оказалась у самой границы бескрайней Калихари. Где-то по другую ее сторону плескался Дарнейский океан, на чьих берегах, состоявших в основном из дюн и прерий, обитали кочевники. Они же свободно жили и у вод Идлиса, находившегося сейчас далеко на западе. Эти края были настолько дикими и неосвоенными, что никого особенно не интересовали. Имевшиеся там поселения зачастую использовались как колонии для ссыльных и преступников, а так же лиц по каким-либо причинам изолированным от цивилизации. Еще меньше южные народы привлекала пустыня. Редко кто осмеливался пересекать ее целиком, от края до края, да и особой надобности в этом, надо сказать, попросту не было. Обитатели оазисов наподобие Нирелина и странствующие торговцы старались идти к пункту своего назначения кратчайшим

путем, не забираясь для этого в самое сердце безжизненных песков. Возглавляемый Дегонисом отряд, однако, держал путь именно туда, в самое что ни на есть пекло. Интересовавшее колдуна место располагалось несколько севернее географического центра пустыни с заметным сдвигом на восток в направлении Нирелина. То самое, куда чуть более семи лет назад забрел преследуемый невиданным песчаным штормом караван Захира, и которое с тех пор больше никто не видел. Возможно, оно вновь сгинуло в толще песка, и эта версия не вызывала сомнений ни у кого, кроме Дегониса. У колдуна имелись некоторые основания подозревать нечто большее, и эту догадку следовало проверить.

В ночь на двенадцатые сутки группа разбила лагерь у покрытого густой бурой травой холма ввиду волнистой линии барханов. Теперь всадников ждала самая трудная часть путешествия. В предпоследнем поселке, заранее выбранном Дегонисом, они сменили быстроходных лошадей на выносливых верблюдов. Нагруженные припасами двугорбые животные должны были обеспечить достаточно быстрый и уверенный переход вглубь Калихари — туда, где ни на одной карте не имелось даже малейшего упоминания о каком-либо присутствии человека. Будь предводителем отряда кто-нибудь другой, то спутники, возможно, начали бы роптать, опасаясь отправиться на верную смерть. Дегонису верили все. Манипуляторы подчинялись ему беспрекословно, уверенные в мудрости и силе мастера. Гвардейцы, хоть и обходились без фанатизма, тоже вполне доверяли хозяину Нижних подземелий, способному на поистине фантастические вещи. Они все еще были лояльны хану, но тот сам определил их под начало капитана Ларадона, а последний в свою очередь уже вовсю сотрудничал со старшим колдуном, имевшим от ад-Сейдина верительные грамоты. Пока Нижние подземелья работали на благо Империи, Дегонис мог свободно распоряжаться многими ее силами, и расчетливый колдун, играя в большую игру, не забывал обзаводиться новыми сторонниками. Присутствующие в группе гвардейцы не рискнули бы нарушить прямой приказ хана, буде такое приключилось прямо сейчас, но в остальном вряд ли стали подчиняться кому-то кроме Дегониса. Колдуну задавали лишь самые обычные вопросы: когда выступать, когда сделать привал, как долго планируется путешествие? О его цели и о том зачем в отряде едет молодая девушка, причем едет столь странным образом, Дегониса никто не спрашивал. Вышколенные гвардейцы если и косили взглядом, то скорее из-за привлекательности спутницы, чья вызванная колдовским сном бледность еще сильнее отличала ее от южанок. Манипуляторы же считали что мастер и без того оказал им большое доверие,

взяв с собой. В остальном же он даст объяснения если сам того пожелает. Таким образом даже когда Дегонис заявил, что они выступают рано утром и дорога через пески займет не менее девяти дней, все приняли это как должное и стали устраиваться на ночлег. Припасов должно было хватить недели на три, и продолжительность нелегкого похода вполне вписывалась в указанные рамки. Кроме того, шестеро Манипуляторов обеспечивали надлежащую сохранность воды и провизии, и люди не рисковали остаться среди голых песков без капли влаги.

Покуда гвардейцы и колдуны занимались обустройством лагеря, Дегонис забрался на вершину холма, не забыв прихватить с собой верблюда, несшего спавшую в седле Илиану. Расчистив в траве круглую площадку, старший колдун исчертил ее сложным и понятным лишь посвященным рисунком, перемежавшимся с символами мало кому известного алфавита. Даже Манипуляторы знали только часть из них. Расстелив в центре площадки спальник, Дегонис уложил на него девушку. Та оставалась совершенно безучастной ко всем его действиям и не шелохнулась. Лишь ее веки слегка дрогнули, а губы беззвучно пошевелились. Внимательно всмотревшись в бледноватое лицо, колдун влил в рот пленницы несколько капель сильнодействующего средства и, занеся руку над ее головой, долго бубнил какое-то заклинание. Не одно, судя по всему, поскольку пару раз сменил не только ладонь, но и интонацию. Илианы он при этом не касался. Убедившись, что дыхание внучки шейха стало ровнее, а щеки порозовели, Дегонис удовлетворенно кивнул. Главное — не перестараться. Излишне продолжительное пребывание в глубоком зачарованном сне на пользу уж точно не идет, а ему важно довезти девчонку до места живой и невредимой. Хорошо что снадобья, которыми он ее потчует, до сих пор оказывают самые незначительные побочные эффекты, иначе ему пришлось бы снизить дозу, а это чревато спонтанным и нежелательным бодрствованием. Впрочем, Дегонис полагал что причиной является его собственное колдовское искусство: тонкий расчет пополам с надлежащей паутиной чар, смесь подлинной алхимии и сильных заклинаний.

Выведенные на земле знаки служили не только очередной попыткой Дегониса поставить на Илиане очередной тест. Помимо прочего они были еще и защитным оберегом. Кто бы ни рискнул вторгнуться в наведенный барьер, будь-то степной волк или случайный разбойник, он бы немедленно и очень горько пожалел о своем опрометчивом намерении. При этом не выпустит барьер и саму девушку. Ей, разумеется, он не причинит вреда, но у Дегониса в распоряжении окажется достаточно времени чтобы вновь

обрести над Илианой полный контроль, пока та испытывает на себе последствия наложенных чар. Пришедшие на смену мастеру Манипуляторы знали об этих тонкостях, а потому, когда уставший и огорченный очередной неудачей Дегонис прилег отдохнуть, даже и не думали приближаться к оберегу. Они лишь бдительно приглядывали за мирно спящей девушкой и не спускали глаз с темных холмов, покрытых стелющейся бурой травой. Пока у разложенного в небольшом углублении костра дежурила пара гвардейцев, они несли свою вахту подле молодой пленницы. Здесь, вблизи от необъятных песков, уже вовсю чувствовалось дыхание пустыни. Дневной зной ощутимо дополнялся тянувшим со стороны Калихари суховеем, а ночной холод хищно покусывал тела, заставляя кутаться в вещи потеплее. Устроившись поближе к потрескивавшему костру, путники заворачивались в шерстяные одеяла, а кое-кто поверх белого бурнуса накидывал и халат. По части пустынь и свойственных им перепадов температур у гвардейцев опыта было маловато, зато его с лихвой дополняли знания колдунов. Только благодаря им в отряде имелось все необходимое, а обеспечение надлежащих условий путешествия и вовсе целиком и полностью ложилось на их плечи. Пожалуй, если бы присутствие колдунов в армии заключалось строго в хозяйственной функции, то подавляющее большинство воинов быстро приняло бы их в свои объятия. Заклинателям, однако, требовалось нечто большее.

Илиана пошевелилась. Чуткое ухо одного из Манипуляторов уловило это движение и он машинально обернулся, ища глазами откуда оно последовало. Под усыпанным звездами небом холмистая равнина приобретала поистине загадочный вид, и зоркий взгляд колдуна заскользил по отсвечивавшим серебром стеблям травы. Девушка пошевелилась снова. Старательно подоткнутое Дегонисом одеяло поползло в сторону и высвободившая руку Илиана издала глубокий вздох. Манипулятор вздрогнул и привлек внимание двух других стражей. Подойдя, те уставились на девушку, соображая, стоит ли тревожить почивавшего мастера. Выяснилось, что стоит. Немного поворочавшись, Илиана что-то негромко забормотала и неожиданно села на постели. Взволнованно переглянувшись, двое Манипуляторов немедленно заняли позиции по противоположные стороны круга, а третий кинулся будить лежавшего неподалеку Дегониса.

Старший колдун пробудился мгновенно. Открыв глаза, словно и вовсе не спал, он живо уяснил в чем дело и опрометью кинулся к девушке. Та, к счастью, и не помышляла убегать, а так и сидела на месте, уставившись вдаль невидящим взором. С ее уст периодически срывались какие-то неразборчивые слова, будто

Илиана с кем-то говорила, но Дегонис, как ни ломал слух, так и не смог понять хоть что-нибудь. Похоже, она говорила на каком-то абсолютно неизвестном ему наречии. Убедившись, что пленница не проявляет попыток к бегству, Дегонис приблизился и осторожными пассами снял заклятье. Опустившись на колено подле Илианы, он внимательно всмотрелся в ее глаза, пощупал пульс и провел еще несколько изучающих манипуляций. Девушка сидела спокойно, едва реагируя на прикосновения, и вела себя как сомнамбула, но внимательный взгляд колдуна подметил слабые признаки возвращения сознания. Озабоченно пробубнив что-то себе под нос, Дегонис велел принести его дорожную сумку.

Через полчаса ему вновь удалось уложить просыпавшуюся девушку. Закутав ее в одеяло, колдун восстановил защитный барьер и отошел в сторонку, продолжая пребывать в некотором беспокойстве. Он долго возился с какими-то снадобьями, постукивая крышками коробочек и звеня склянками. Манипуляторы не вмешивались, не получая каких-либо распоряжений. Лишь когда Дегонис отложил сумку и выпрямился, они подошли на его негромкий зов.

Отъезд состоялся на час раньше чем обычно. Солнце еще только занималось, когда отряд, собрав вещи и потушив костер, погрузился на верблюдов и пересек границу песков. Причины поторопиться у колдуна имелись вполне веские. Судя по всему, действие настойки заметно ослабло и более не оказывало на пленницу достаточного эффекта. Чары все еще усиливали ее действие, но общее состояние становилось нестабильным, что вызывало у колдуна известные опасения за контроль над девушкой. Выработал ли ее организм устойчивость к снадобью, либо же и вовсе выходил из-под его воздействия, проверить без надлежащей экипировки было очень проблематично. Дегонис исходил из имеющихся у него возможностей. Побаиваясь увеличить количество зелья чтобы не навредить Илиане, он на скорую руку изменил его состав и усилил схожими по принципу действия чарами. Это помогло, но колдун, оглядываясь на предыдущий опыт, уже не был уверен во временном промежутке, а потому решил поторапливаться. Отныне подъем переносился на час раньше, а отбой на полчаса позже. Дневной перерыв также сокращался на полчаса. В результате общая продолжительность пути уменьшалась почти на сутки, предположительно позволяя достичь места назначения за восемь дней, а не за девять. Этот результат Дегонис тоже надеялся улучшить за счет изменения условий путешествия. Ведь переход по пустыне — не увеселительная прогулка через парк. Загоняя людей и животных, вместо экономии времени можно получить прямо обратный ре-

зультат.

Задачу по изменению означенных условий Дегонис возложил на Манипуляторов, поскольку сам продолжал находиться подле Илианы, приглядывая за ней с удвоенным вниманием. Постараться им пришлось изрядно. В пустыне лишних глаз не имелось, так что опасаться открытого применения колдовства не стоило, зато там хватало палящего солнца и рыхлого песка, осыпавшегося под ногами бредущих верблюдов. Как следует расстаравшись, колдуны наладили охлаждение людей и животных, преимущественно через металл надетых под бурнусами кольчуг, и задействовали Парящие чары. Достичь такого же эффекта как Сирелине на болотах им не удавалось, поскольку сто сорок четыре ноги тридцати восьми верблюдов для шести пусть даже сильных колдунов — явный перебор, но этого и не требовалось. Ввиду вмешательства Манипуляторов ступни животных проседали в песок барханов несколько меньше, создавая впечатление движения по холмистой, но более твердой дороге. Благодаря этому верблюды ощутимо прибавили в скорости и с величественного шага перешли на бег трусцой. Задействование же стихии холода помогало избегать излишнего перегрева, и, как следствие, снижать утомляемость путешественников, позволяя им меньше отдыхать. Картина, разумеется, отнюдь не напоминала процессию с зонтиками, под каждым из которых парила дышащая снежинками сфера. Такие фокусы были скорее по части Сирелины, да и то не слишком далеко от Круга Стихий. Внешне все выглядело не столь зрелищно, разве что вокруг одежды воинов, седел и вообще любых металлических вещей вилась легкая дымка, будто кто-то в жаркий день приоткрыл дверь на ледник. С Манипуляторов, что называется, семь потов сходило. Сбивать температуру с двух десятков всадников и еще большего количества животных, которых еще надлежало обеспечить увеличенной проходимостью — это вам не фейерверками постреливать и не кролика из шляпы доставать. Дегонис, однако, был непреклонен и требований не уменьшал. Он лишь снял с колдунов все остальные обязанности, оставив за ними вышеозначенные функции, и позволял отдыхать все свободное время, чтобы восстановить потраченные силы. Дегонис понимал, что бесконечно долго его подчиненные выдерживать такую нагрузку не смогут, а посему надеялся что их хватит хотя бы на неделю пути. Манипуляторы же не роптали, считая выпавшее на их долю испытание своеобразным экзаменом от мастера, и собирались выдержать его с честью.

На исходе седьмого дня теперь уже ежечасно сверявшийся с картой, компасом и зачарованным секстантом Дегонис отдал приказ остановиться. Судя по координатам, отряд находился где-то в

районе цели, но ее до сих пор нигде не было видно. Нахмурившись под своим непроницаемым капюшоном, старший колдун внимательно обозревал окрестности, но не мог разглядеть ничего нового кроме неизменно колышущейся в мареве линии горизонта. Двое находившихся рядом Манипуляторов проделывали тоже самое в подзорные трубы, но и у них результат был ничуть не лучше. Предполагая известную погрешность в изначальных измерениях, проведенных караванщиками Нирелина, Дегонис ожидал некоторой неточности, но она не должна была выходить за определенные рамки. До заката оставалось часа два. Немного поразмыслив, колдун приказал восьмерым гвардейцам удалиться от отряда до пределов видимости в восемь разных сторон света. Сам же, заняв с оставшимися людьми позицию на бархане повыше, наблюдал за их перемещением и особенно за подаваемыми сигналами. Увы, сколь он ни напрягал глаза, этих сигналов так и не последовало. Гвардейцы добрались до линии горизонта и вынуждены были вернуться ввиду наступавших сумерек и опасения потерять отряд из виду. Дегонис их не винил — солдаты честно выполнили что от них требовалось, и сотворение чудес было уж всяко не по их части. Ничем не выдавая растущего беспокойства, колдун велел разбить лагерь между парой больших барханов.

Требовалось спешно принять какое-то решение. Припасов вполне хватит чтобы покружить по пустыне еще несколько дней, но Дегонис нутром ощущал что это не принесет каких-либо результатов. Ведь до него ровно точно так же поступали другие, и, насколько ему было известно, не преуспели. Здесь крылось что-то еще. Что-то, что ускользало от их понимания, но что-то, что Дегонис обязан был разгадать, дабы позорно не отступить и не вызвать неудовольствие Покровителя.

Как ни крути, все мысли колдуна сводились к девушке и ее феноменальному медальону. Судя по всему, она и сама понятия не имела что за вещь носила на шее, раз вместе с принцессой Таларой обращалась к мастеру Хольду. Старик геральдист, разумеется, ничем им не помог, хотя честно старался, и вот как раз это было в порядке вещей. Подобным знанием не должен обладать никто из ныне живущих, и им не владел бы и сам Дегонис, кабы не получил сведения непосредственно от Покровителя. Тем не менее, факт оставался фактом: медальон у девчонки был, а саму ее вместе с ним нашли где-то здесь после чудовищной песчаной бури. Дегонис был колдуном. Очень сильным колдуном. Для него выглядело очевидным, что здесь не обошлось без чар, и теперь он пытался понять имеется ли в его распоряжении возможность инициировать ли их проявление. Может быть, девчонка с медальоном вовсе не ключ?

Возможно ли, что ее саму использовала некая группа лиц в секретном и неизвестном ему ритуале, в котором сама же и сгинула, не совладав с разгулом пробужденной стихии? Предположим, ребенок должен был стать жертвой, но по какой-то причине дело не заладилось, в результате чего погибли все кроме него? Да, такое возможно. Но медальон, как ни крути, почти наверняка имел определенное значение, и Дегонис напряженно гадал какое. Способности Илианы, само собой, тоже вызывали вопросы, но может быть именно за эти способности ее и хотели принести в жертву, чтобы развеять довлеющие над этим местом чары? Окропить медальон ее кровью? И именно поэтому, ввиду редкости самого дитя, чья сущность пока сокрыта от колдуна, сей ритуал сам по себе оказался величайшей редкостью? Да, такое тоже не исключено. Прошипев себе под нос проклятье, Дегонис воззрился на мирно лежавшую рядышком Илиану и поразился удивительно безмятежному выражению ее лица. Бледность полностью покинула щеки девушки и теперь на них красовались лишь природные оттенки, включая полученный загар. Странно, но казалось что сейчас Илиана еще больше отличается от типичной южанки, хотя длительное пребывание в невольном путешествии ей белил уж точно не прибавило. Девушка дышала настолько ровно и спокойно, и выглядела настолько умиротворенно, что производила совершенно необъяснимое впечатление. С таким видом лежат в своей уютной постели под крышей родного дома, а не пребывают в мире грез, навеянных настойками и дурманом черного колдуна. Нет, поистине с этой девчонкой что-то не так! Ох знать бы что именно… Дегонис, поколебавшись, вдруг снял все свои чары, а затем, влив в губы пленницы зелье обратного действия, провел ладонью над ее лицом, шепча заклинание. Потом еще немного поколдовал у изголовья, и остановился лишь когда девушка открыла глаза. В них все еще читались сновидения, но они быстро улетучивались, уступая место движению разума. Дегонис вывел Илиану из состояния колдовского сна.

Зачем он это сделал? Трудно сказать. Возможно, под влиянием необходимости сделать какой-либо выбор. Бесчувственная девушка в известном смысле была удалена от этого мира, окутанная заклятьями Дегониса. Толку от нее сейчас в таком состоянии очевидно не наблюдалось. Несмотря на возможные непредсказуемые осложнения, стоило узнать будет ли какая-нибудь польза, если она окажется в сознании.

Первой реакцией Илианы был испуг. Припомнив последние события, она резко приподнялась на локте, огляделась по сторонам и вытаращилась на сидевшего подле нее человека в черном. В

отблеске горевшего неподалеку костра он показался ей зловещим призраком.
— Не бойся, — произнес Дегонис настолько мягко и доброжелательно, что знавшие его до сих пор даже представить себе не могли, что он на такое способен. — Тебе совершенно нечего бояться.
Это была чистейшая ложь, ибо колдун пока еще не знал чего он намерен в итоге сделать с пленницей, но в данный момент ему было необходимо расположить ее к себе, и он сам старался верить в сказанное. Он использовал те же таланты, что и Манипуляторы, создавая у жертвы желаемую эмоциональную реакцию, только Дегонис был намного, намного сильнее любого из них. Вскочив на ноги, девушка затравленно огляделась по сторонам.
— Выслушай меня всего несколько минут, после чего можешь бежать, если хочешь. Ты же видишь — тебя никто не держит, и охрану я тоже не зову, — быстро добавил колдун все тем же миролюбивым тоном.
Илиана, отступив от него на несколько шагов, соображала что ей предпринять. Голова еще не полностью оправилась от продолжительного дурмана, так что скорость реакции запаздывала.
— Заклинаю тебя: выслушай меня! — взывал к ней Дегонис. — Обещаю: после этого ты поступишь так, как пожелаешь! Какой смысл мне лгать, если я мог бы оставить тебя связанной?
Всерьез подумывавшая дать деру Илиана нашла этот аргумент достаточно убедительным. Кроме того, окружающая обстановка доверия не внушала, и песчаные барханы под бездонным звездным небом к бегству также не располагали. Особенно если учесть, что девушка не понимала каким образом она очутилась в какой-то пустыне, если последнее что она помнила относилось к арене в Солтенстиле. Пожалуй, разумно будет выслушать человека в черном, в котором она заподозрила господина Распорядителя из Нижних подземелий, то бишь черного колдуна Дегониса. От дедушки Арбаха и Сирелины она наслушалась про него достаточно, так что ей не составило труда сопоставить элементарные факты. Похоже, видение Галаны касалось именно его. Подобное соображение Илиану ничуть не обрадовало, но она решила что теперь, раз представляется такая возможность, не лишне узнать чего ему от нее, собственно, надобно.
— Хорошо, я слушаю, — ответила, наконец, девушка.
— Присядь. Присядь, и я велю принести тебе поесть. Готов поклясться, ты сейчас чувствуешь сильный голод, — предложил Дегонис.
— Постою. А ты вроде собирался что-то сказать, нет? — заметила Илиана, продолжая пребывать в готовой к бегству стойке.

— Разумеется, — согласно кивнул колдун. — Но я бы на твоем месте перекусил, пока я буду говорить. Одно другому не мешает, а если тебя не устроят мои речи, то в случае если ты решишь упорхнуть за эти барханы тебе понадобятся силы. Не так ли?
Звучало чертовски убедительно. Нахмурившись, Илиана сосредоточенно размышляла в чем здесь подвох, но ответа пока не находила. До сих пор она явно была в полной власти колдуна, так зачем бы ему ставить себя в столь уязвимое положение? Ладно, пока можно принять его предложение, тем более что в желудке действительно появилось сильнейшее томление.
— Хорошо, я слушаю, — вновь отозвалась девушка, усаживаясь обратно на постель, с которой только что вскочила.
Хлопнув в ладоши, Дегонис велел принести ей еду и питье, и пока Илиана накинулась на них изголодавшимся волком принялся вещать негромким ласковым голосом.

История у колдуна вышла хоть куда. Стараясь взывать к рассудку девушки, он честно делился с ней подлинными намерениями, просто озвучивал их лишь частично, оставляя сокрытым львиную долю замысла. Так работали Манипуляторы. Добавление правды значительно усиливало конечный эффект, а умалчивание определенных деталей никак его не портило. Дегонису, собственно, было совершенно не важно убеждать девчонку сотрудничать. Он хотел внушить ей нужный эмоциональный фон, чтобы она не начала вытворять всякие глупости. Вот только в процессе повествования колдун неожиданно для себя обнаружил, что его ухищрения не действуют. Илиана, вовсю работавшая челюстями, не выказывала никаких признаков того, что Дегонис хотя бы частично добился своей цели. Абсолютная устойчивость к попыткам контроля для такого сильного колдуна как Дегонис явилась крайне неприятным сюрпризом. Кем бы ни была внучка шейха, она начинала вызывать у него определенное уважение. Уважение, смешанное с беспокойством. Сообразив, что Манипуляционные чары не действуют, колдун был вынужден прибегнуть к иной тактике. Она заключалась в том, чтобы любой ценой привлечь девушку на свою сторону, хотя бы временно, убедив ее что у них сейчас одна цель. В этом, стоило отдать ему должное, он преуспел.

Откровенность колдуна поражала Илиану. Он выражал сожаление что заставил ее себя бояться, ибо не стал скрывать что он действительно тот самый господин Распорядитель, под началом которого работал ее дед. И он же заявил, что лишь благодаря ему садовник Бэйл избежал допроса и пыток, а также в итоге обрел свободу. Да, Дегонис поступил достаточно сурово, подвергнув его испытаниям на арене Высшего судилища, но он не видел иного

способа найти убежавшую Илиану. Само же судилище проходило под его зорким присмотром, и он не допустил бы гибели Бэйла, постоянно принимая соответствующие меры. Таким образом Дегонис убил сразу двух зайцев: нашел беглянку и вызволил ее друга из лап Имперской стражи. Позднее у девушки появится возможность самой получить от него подтверждение слов колдуна, но сейчас им следует заняться иной задачей. Илиана ведь хочет узнать хоть что-нибудь о своем происхождении и о том что за медальон она носит? Который ей, кстати, вернули как законной владелице. В данный момент их желания в известной степени совпадают. Дегонис пошел на столь сложный и рискованный план, пленил и увез ее лишь для того, чтобы она помогла ему проникнуть в тайну развалин, обнаруженных караванщиками Нирелина в сердце Калихари. У него и в мыслях не было причинять ей какое-либо зло, равно как и ее близким. Да, у нее есть право винить его в некоторых своих несчастьях, и он позднее готов компенсировать причиненные неудобства. Допустим, содействовать в освобождении ее родных. Но сейчас колдун предлагает ей вместе попытаться отыскать и исследовать развалины в надежде найти ответы на интересующие их вопросы. Илиана, конечно, вольна отринуть эту идею и попытаться сбежать, но сама она вряд ли доберется живой до обитаемой земли. А без их совместных усилий никто никогда не узнает правды, которая, возможно, откроется им уже завтра. Колдуном движет чисто научный интерес, поскольку он связан с удивительными древними вещами. Ради этого он даже забросил все дела в Солтенстиле и примчался сюда, не желая упускать выпавший ему шанс. Так неужели Илиана в свою очередь хочет упустить свой?

— Почему я должна верить твоим словам? — хмуро спросила девушка, когда Дегонис умолк.

— Я мог бы угрожать тебе многими вещами, но лучшей убедительностью служит моя искренность, — подчеркнул колдун. — Мне нет смысла причинять вред ни тебе, ни твоим близким. А все свои действия с твоими поисками и похищением я уже объяснил, и ты вроде как даже согласилась с руководившей мной логикой.

Да, черт побери, Илиана действительно находила предпринятые Дегонисом шаги не лишенными очевидного смысла, и это возмущало ее до глубины души. В том числе потому, что они, как это ни дико звучало, частично оправдывали его действия. А еще больше Илиану возмущало что колдун в итоге оказался прав: ей действительно тоже очень захотелось проникнуть в тайну развалин, и предложенная прямо на блюдечке возможность выглядела настоящим издевательством.

— Похоже, у меня и выбора нет, — процедила девушка, не слишком дружелюбно созерцая собеседника. — Ты ведь прекрасно понимаешь что бежать отсюда некуда и я нахожусь в полной зависимости. При этом практически вынуждаешь меня оказывать тебе содействие, апеллируя к моим собственным интересам.
У Илианы мелькнула было мысль позвать на помощь верблюдов, но пока суть да дело, колдун уж всяко ей помешает, а заодно будет знать о ее возможностях. Нет уж, такой козырь раскрывать столь бездарно нельзя.
— Если бы я мог, я бы попросил ее высочество принцессу Талару, — неожиданно изрек колдун к изумлению Илианы. — Полагаю, ты хорошо знаешь свою высокородную подругу. Она тут же ухватилась бы за такую возможность: приехать сюда всем вместе. А уж ее-то ты, согласись, наверняка бы послушала. Так в чем же дело? Какая разница как мы здесь оказались, если сейчас тебе представляется шанс узнать нечто такое, чего, не исключено, ты без меня не узнаешь никогда? Потом, когда я верну тебя во дворец к принцессе в целости и сохранности, можешь ненавидеть меня сколько заблагорассудится, но я постараюсь сделать все чтобы загладить свою вину и более не причинять тебе беспокойства. Так давай же все-таки вместе попробуем проникнуть в тайну развалин, где тебя, если мне не изменяет память, совсем малышкой нашли около семи лет назад вместе с красивым медальоном! Вдруг мы откроем для людей и науки нечто совершенно удивительное?

Коварство колдуна прямо-таки зашкаливало. Откровенно каясь в многочисленных грехах, он бил простейшими фактами, от которых Илиана не в силах была отмахнуться, искушал соблазнами и совращал посулами. Сердце девушки требовало закрыть глаза на все его увещевания и дать принципиальный отказ. Разум предлагал последовать логике и использовать сложившуюся ситуацию и для своей прямой выгоды, а с чувствами можно будет разобраться позже.
— Ты уклонился от ответа на один вопрос, — заметила Илиана. — Причина моего побега из дворца. Я полагала, что меня ищут именно из-за этого. Что, замнешь дело?
— Да я его давно замял, — пожал плечами Дегонис.
— Как это?! — вытаращила глаза девушка. — А убитый капитан гвардии?!
— Да не было никакого убийства, дуреха, — усмехнулся колдун. — Я привел Ларадона в чувство и постарался чтобы об этой дурацкой истории никто не узнал. Чего раздувать из мухи слона? Капитан жив и здоров. Не веришь — спроси любого из этих гвардейцев, они его подчиненные. Да ты его и сама увидишь когда вер-

немся во дворец.
— Тогда объясни мне что там случилось! — потребовала Илиана. — Капитан был явно не в себе, и эта штука на его шее… Этот голос…
— Понимаешь, тут хватает моей вины, — тон Дегониса с дружелюбного вдруг стал извиняющимся. — Я малость напортачил с одним колдовским прибором. Он вышел из-под контроля и подействовал на Ларадона не самым лучшим образом. Гвардеец малость рехнулся под влиянием сильнейшего излучения чар и был не в себе. Даже напал на тебя и твоего тигра. Я учел ошибку и больше она не повторится.
— Там был какой-то полыхающий глаз. И потом я тоже кое-что сделала, — прищурилась девушка, в напряжении ожидая ответа.
— Глаз и был побочным эффектом, — вздохнул колдун. — По моей просьбе капитан тестировал тебя на присутствие колдовства. Ты же помнишь историю с отравлением? Клянусь, что я к ней непричастен! Это была безумная инициатива вашей чокнутой Кальпиты, и ее уже арестовали. Во время тестирования, полагаю, произошел конфликт с другим колдовским прибором, с помощью которого я незаметно общался с капитаном. Это мое секретное изобретение, знаешь ли. Я выразил ему желание рассмотреть твой медальон поближе и пригласить тебя побеседовать со мной. Ты видела что из этого получилось… Признаться, я сам был ошеломлен. Колдовство явно подействовало и на тебя, что и спровоцировало последующие события.
Дегонис вновь заливался соловьем, но на сей раз у него выходило не столь гладко. Илиана не была круглой дурой и понимала, что собеседник в черном лжет, пытаясь обернуть все в чистейшую случайность, вызванную его оплошностью с чарами. Вопрос, зачем он это делал, пытаясь списать на сомнительное обстоятельство даже собственную необъяснимую реакцию девушки. Виду она, однако, не подавала, прикидываясь что речи колдуна ее убеждают, хотя концы с концами у него явно не сходились. В любом случае, если он и впрямь замял ту историю, то это очень хорошие новости. Косвенно они подтверждались тем, что Илиану действительно так и не объявили в розыск. Вот только собственная заинтересованность Дегониса теперь вызывала еще больше вопросов, но их девушка оставила при себе.
— Значит, ты уверяешь меня что все уладил наилучшим образом, и я действительно могу вернуться во дворец? — еще раз уточнила Илиана, когда колдун закончил вешать ей лапшу на уши.
— Именно так, — кивнул он. — К своему другу Бэйлу и принцессе Таларе. Я буду несказанно этому рад, поскольку иначе меня ждет уйма неприятностей с ее высочеством.

Илиана немного помолчала. У Дегониса вне всяких сомнений имелся какой-то свой расчет, но в данный момент самым безопасным будет принять его игру и постараться извлечь из нее пользу. Дальше — посмотрим.
— Какие у тебя предложения? — осведомилась Илиана, и Дегонис к большому своему облегчению понял, что одержал верх.
— Сейчас предлагаю хорошенько выспаться, ибо ночь, — сказал он, красноречиво поводя рукой. — С утра и поглядим.
Колдун уже уходил отдать спутникам необходимые распоряжения, когда ему вслед раздался еще один вопрос, заданный достаточно невинным тоном:
— Ты всегда скрываешь свое лицо?
Дегонис сдержал шаг. Повернувшись, он немного помедлил с ответом.
— Моя внешность не слишком приятна для глаз. Последствия одного эксперимента. Надеюсь, тебя это не очень смущает, поскольку так куда лучше чем выставлять себя напоказ, — негромко произнес он, чтобы слышала только девушка. — Между прочим, до сих пор мало кто осмеливался спросить меня об этом. Видишь как я с тобой откровенен. Но убедительно прошу впредь об этом не упоминать, чтобы не ронять мой авторитет. Договорились?
Илиана не знала, что на этот раз Дегонис в известном смысле снова сказал ей правду. Устроившись на постели, она повернулась на бок и вскоре, несмотря на теснившиеся в голове мысли, заснула. На сей раз своим собственным сном.

Ранним утром, едва занимавшееся солнце осветило небосвод, ее разбудила поднявшаяся суматоха. Стоя на гребне большого бархана, люди оживленно переговаривались, показывая куда-то пальцами.
— Иди сюда, — взволнованным голосом позвал девушку Дегонис, поманив к себе.
Потянувшись и зевнув во весь рот, Илиана поднялась и вскарабкалась на бархан, увязая ногами в осыпавшемся песке. Колдуну ничего не пришлось ей объяснять, когда взгляд девушки упал по другую строну склона. Всего в какой-нибудь миле от наблюдателей посверкивали на солнце внушительные развалины.

Дегонис ликовал. Ему и его помощникам даже не пришлось вызывать могучий самум, участие которого он подозревал необходимым. Какой бы смысл не несла тогдашняя песчаная буря, некогда приоткрывшая перед караванщиками остатки таинственного строения, на сей раз она не понадобилась. В запале Дегонис даже проболтался девушке о своих предположениях касательно розыска этого места, из чего та уяснила что шестеро явно отличавшихся от

солдат людей — тоже колдуны. Ничего себе открытие! Дегонис даже не заметил что сболтнул лишнее, либо, возможно, не считал сказанное таким уж великим секретом. Главное — его предположения полностью оправдались. Илиана со своим медальоном действительно являлась своеобразным ключом, причем сама по себе эта штуковина без нее не действовала, иначе развалины появились бы еще вчера. Возможно, стоило проверить сработает ли присутствие девушки без медальона, но колдуну не терпелось приступить к исследованиям. Оставив в лагере дежурных, он прихватил четверых Манипуляторов, половину гвардейцев и пригласил Илиану следовать за собой.

Девушка не могла отделаться от ощущения что прежде она уже видела эти стены, и это ощущение росло в ней тем сильнее, чем ближе они подходили к отливавшим темно-фиолетовым цветом камням. Оно почти превратилось в уверенность когда Илиана очутилась вблизи развалин и сень их разрушенных стен упала на ее чело. Дегонис расположил Манипуляторов и солдат по периметру остатков строения таким образом, чтобы они находились в пределах видимости друг друга. Внутрь он вошел с одной только Илианой.

Сердце девушки билось как у загнанного зайца. Тихонько шагая по шуршавшему песку, она затаила дыхание, боясь выдать свои чувства. Да, вне всяких сомнений Илиана узнавала открывавшиеся ее взору стены, арки и колонны, хотя те были сильно повреждены и вообще имели весьма далекий от первозданного вид. Откуда — она понятия не имела, а колдуну, разумеется, о своих ощущениях вообще ничего не говорила. Эти рамы на окнах из какого-то белого металла, узоры из него же, вделанные в фиолетовые камни, обломки статуй, лепнина… Илиана непрерывно озиралась по сторонам и ей чудилось, что поверх искореженного пейзажа будто накладывается его подлинный облик. Глядя на разбитое изваяние, девушка на мгновение улавливала его правильные черты, проявлявшиеся в некой туманной дымке, и оно казалось целым, но затем видение исчезало. Точно такой же эффект получался когда Илиана глядела в окна, изучала стены и всматривалась в проемы дверей. Доля секунды — и вот уже нет никакой призрачной богато отделанной двери, появившейся и исчезнувшей в недрах подсознания, чудесная расколотая резьба обращалась в прах, а со стен испарялись канделябры и живопись. Окна утрачивали красивые витражи, видневшиеся теперь лишь жалкими фрагментами, и потолок более не поражал великолепием росписи. Его попросту не было. Все это напоминало расплывчатые фигуры Абериджа, но на сей раз видения были намного ярче,

пусть и мимолетней. Они были похожи на кратковременные вспышки зрительной памяти.

У одной арки Илиана вдруг поймала себя на мысли, что машинально обошла совершенно свободный угол. Почему? Она попыталась напрячь идущую кругом голову и из ниоткуда пришло знание что некогда здесь стояла ваза. Большая красивая ваза тончайшего фарфора с легким, но искусным рисунком. Присев на корточки, девушка разгребла руками песок, ни на что особенно не надеясь, и ее пальцы наткнулись на несколько осколков. Поднеся один из них к глазам, Илиана нутром поняла что это вдребезги разбитые останки. Той самой вазы. Глаза девушки расширились, а дыхание окончательно замерло где-то в груди. Значит, все это ей отнюдь не мерещится?! Это не мираж, не дурман и не чья-то злая шутка! Илиана откуда-то знает это место, и знает очень хорошо, раз способна по памяти воспроизводить его былой облик.

— Сколько лет этому дворцу? — спросила она маячившего неподалеку человека в черном.

Дворец, ни больше ни меньше. Ни храм, ни особняк, ни крепость, а именно дворец, следуя воцарившемуся в душе знанию.

— Больше чем тебе, — отозвался тот. — Это даже если не принимать во внимание что тебе вроде одиннадцать, хотя по моему разумению ты выглядишь на все двадцать.

Илиана ощутила на себе пристальный взгляд колдуна и попыталась принять совершенно невинный вид.

— Что-то нашла? — спросил Дегонис, указывая на ее сжатый кулак.

— А? А-а. Так, ничего особенного. Просто черепок вазы, — ответила Илиана, разжимая пальцы.

Приблизившись, колдун бегло изучил находку и явно не нашел в ней ничего предосудительного.

— Не отходи от меня далеко, — буркнул он. — Мало ли что.

Илиана кивнула, но странное чувство в душе подсказывало что уж ей-то здесь бояться нечего.

Вера в невероятные совпадения окончательно испарилась когда девушка откопала в груде песка мраморную скамейку. Колдун как раз бродил где-то в разрушенном соседнем зале, оглядывая колонны и изучая нанесенные на них выпуклые символы. Илиана не отдавала себе отчета что толкнуло ее начать раскидывать песок, но под ним действительно нашлась симпатичная скамья с витой спинкой. На ней, должно быть, некогда отдыхали слуги, ныряя в этот закуток и дожидаясь пока их позовут. Высвободив из песка гладкое как зеркало сиденье, Илиана провела по нему рукой и у нее появилось странное ощущение будто она видит себя со сторо-

ны. Себя, забежавшую в эту комнатушку и усевшуюся на эту самую лавочку. Вот здесь на стене, слева и справа от входа, должен быть узор в виде лучистых солнц, а в дверном проеме — карниз, на котором висела вышитая занавесь. Резко обернувшись, Илиана глянула в означенном направлении и сердце ее екнуло. Солнца, нанесенные нетронутой временем золотистой краской, находились точно там, где она представляла. Вот только карниза не было. Вместо него обнаружились некогда удерживавшие его металлические крепления.

Тихонько вернувшись к колдуну, Илиана размышляла что бы это могло значить. Напрашивалось только два очевидных вывода: либо она видела все это собственными глазами, либо у нее озарения сродни тем, что были в Аберидже. Не как у Галаны, а другой природы, но все же озарения, позволявшие заглядывать в прошлое. Сирелина называла это Отпечатками. Какое-либо событие, либо могущественная сила способны оставить такой Отпечаток, сохраняющийся на протяжении веков, а то и тысячелетий. Любой, кто восприимчив к такому явлению, может мимолетом увидеть связанное с ним действие. Как правило сильный медиум.

При приближении Илианы Дегонис спрятал в рукав какой-то предмет, который только что держал на ладони. Наверное, тоже что-то нашел, но не показывает. Или экспериментирует с одной из своих колдовских штучек. Последнее выглядело наиболее вероятным ввиду его следующего действия.

— Взгляни, — сказал он, бросив девушке кусочек отливающим фиолетовым камня. — Это обсидиан. Стены сделаны из обсидиана. Ты знаешь что это хрупкое вулканическое стекло?

— Да, — кивнула Илиана. — Мне доводилось изучать минералы.

— Этот обсидиан не расколоть обычными средствами. С ним едва ли справится зачарованный молот, — каким-то загадочным голосом произнес колдун. — Полагаю, ты видела такой осколок в Нирелине, у своего деда. Его прихватил ваш караванщик. Я… Я тоже такой видел. Они взяты отсюда. Кстати, мрамор тоже непростой. Гляди!

Дегонис пробормотал какое-то заклинание. Его выглядывавшая из рукава балахона кисть, вытянувшись, неожиданно превратилась в жуткую черную клешню с острыми костлявыми концами. Он быстро провел ей по мраморной колонне. Не на шутку струхнувшая Илиана вытаращила глаза. Колдун сделал короткое движение запястьем и его рука вновь обрела прежний вид.

— Видишь? Вообще ни царапины. А я таким образом могу резать даже металл, — пояснил Дегонис.

— И что это значит? — осторожно спросила девушка, стараясь не

думать о черной клешне.
— Скоро узнаем, — как-то глухо отозвался Дегонис. — Идем дальше. Осмотрим все по порядку, а потом заглянем в самую середину, где развалины сохранились лучше всего.

Там оказался огромный круглый зал, где в центре постепенно сходивший на нет слой песка окончательно исчезал, обнажая плиты голубого мрамора с вделанным в него узором. Здесь сохранился и сводчатый потолок, подпираемый могучими колоннами, а со стен, словно живые, глядели искусно выгравированные люди в непривычных одеждах. От соседствовавших с ними вырезанных в камне пейзажей захватывало дух. Светильники странной формы, уцелевшие в стенных креплениях, также привлекали к себе внимание. Илиане померещилось что они освещены яркими огнями, не имевшими к процессу горения никакого отношения. Девушка провела рукой по глазам и видение исчезло.
— Видишь в центре этот очерченный узором круг? — указал пальцем колдун. — Там тебя нашли.
Ощущая легкую дрожь в коленях, Илиана прошла в указанное место и остановилась, непрерывно озираясь. В ее сознании что-то происходило, но она не понимала что. Вспыхивали и исчезали какие-то непрерывно сменявшие друг друга образы — сотни, тысячи образов, — далекие неразборчивые голоса и целый сонм доселе неведомых чувств, будто девушка вдруг разом ощущала биение тысяч находившихся неподалеку сердец. Голова у нее окончательно пошла кругом. Она пошатнулась и была вынуждена опуститься на колено, опершись ладонью о пол.
— Что с тобой? Что-то почувствовала? — жадно спросил Дегонис, пристально изучая спутницу.
— Мне не очень хорошо, — отозвалась девушка, силясь взять себя в руки. — Снаружи так жарко и душно, а здесь прохладно. Думаю, это из-за перепада температур.
— Возможно, — согласился колдун. — А возможно и то, что это само место на тебя как-то действует. Полагаю, мы оба понимаем что ты оказалась здесь не случайно. Но каким же образом?
— Я не знаю, — качнула головой Илиана. — Я ничего не помню.
— Амнезия — удобная отговорка, даже если поначалу она была правдой, — как-то менее дружелюбно произнес Дегонис. — Там, в лагере, ты мне не лгала. Сейчас я в этом уже не уверен.
Илиана поняла что ее начинает выдавать выражение лица, и попыталась принять прежний любопытствующий вид. Получилось у нее или нет — по Дегонису из-за надвинутого на лицо капюшона не поймешь.
— Есть какие-нибудь догадки? — спросила она, придавая голосу

вполне невинный оттенок.
Сделать это было непросто, поскольку куда бы девушка ни бросала взгляд, там на миг проносилось какое-нибудь видение, и всякий раз как она переводила глаза этот эффект возникал снова.
— Я думаю, тебя принесли сюда для какого-то ритуала, — помедлив, отозвался колдун. — Если это то самое место, о котором я думаю, а я уже в этом почти уверен, то возможно кто-то желал воззвать к одной древней забытой силе.
— То самое место? — удивившись, переспросила Илиана. — Оно тебе знакомо?
— А вот это мы сейчас и узнаем, — странным тоном произнес Дегонис.
В руке у него объявился круглый серебристый предмет, дюйма четыре в диаметре. Не его ли колдун прятал в рукаве? Звякнув цепочкой, он одел предмет себе на шею, и Илиана узнала ту самую штуковину, которая была на капитане Ларадоне. Заподозрив неладное, она сделала шаг назад.
— Если хочешь получить ответы, оставайся на месте! — предупредил колдун, сделав резкий жест. — Если убежишь, я не скажу тебе ни слова из того, что узнаю.
— Что это за вещь? — напряженно спросила девушка. — Это она полыхала пламенем; в ней был красный глаз.
— Это сложный колдовской инструмент. Я называю его Око. С его помощью я могу видеть и слышать на расстоянии. И даже говорить. Говорить со своим погруженным в пространство и время подсознанием, — пояснил Дегонис. — Видишь как я с тобой откровенен? Сейчас мы у него и спросим.
Илиану откровенность колдуна начинала пугать. Уж слишком многое он ей разболтал, и пойти на это Дегонис, пожалуй, мог только в одном случае.
— Как? — коротко осведомилась девушка, стараясь выглядеть спокойной.
— Точно так же, как я узнал и про твой медальон, — ответил колдун. — Все что с ним связано давно предано забвению, а его появление в нашем мире как раз и привело меня в эти затерянные развалины.
— Так ты знаешь чей он и откуда? — ахнула Илиана, забывая про возраставший в ней испуг.
Возможно, на такое привлечение внимания и рассчитывал Дегонис, заметив, что девушка начинает праздновать труса и, чего доброго, сделает ноги.
— Чей — знаю, а откуда — сейчас и хочу выяснить! — сердито заявил он. — Если хочешь чтобы я рассказал, то помолчи и не ме-

шай мне. Стой спокойно, смотри и слушай — мало кому выпадает такая возможность.
Определить где в словах колдуна была ложь, а где истина уже не представлялось реальным. Его речи, поступки и замыслы давно переплелись в такой тесный змеиный клубок, что Илиана лишь бесплодно гадала какое именно место отведено ей. Однако соблазнительный червячок обещанного знания прочно держал девушку на крючке. Что ж, будь что будет, если взамен ей откроется желанная тайна!

Круглый серебристый предмет осветился красным ореолом, совсем как тогда, когда он был у капитана гвардии. Илиана невольно поежилась, ожидая появления жуткого глаза. Дегонис ее не разочаровал. Протянув пальцы, он расстегнул застежку и снял чехол. Внутри наполнившейся огнем сферы ворочался большой ромбовидный зрачок. Он непрерывно шарил по сторонам, и колдун медленно поворачивался, давая ему возможность хорошенько рассмотреть все вокруг.
— Я узнаю это место! — послышался из пламенеющего шара низкий, искаженный странным акцентом голос. — Да, это оно! Немыслимо!
На сей раз этот голос не рычал и не буйствовал, но отчего-то Илиана чувствовала в нем великую злобу, а его гулкие интонации и хрипотца отдавали чем-то совершенно нечеловеческим. Девушка подумала, что она, пожалуй, зря во все это ввязалась. Впрочем, бежать-то ей все равно некуда.
— Ты сказал что узнаешь мой медальон! Чей он и откуда? — сжав кулаки, с какой-то отчаянной храбростью громко сказала Илиана.
Ее вдруг наполнила затмившая страх решимость. Если уж идти, то до конца! Дегонис повернулся к ней, и зрачок уставился на девушку, оглядывая ее с головы до ног.
— А, это ты, — изрек голос. — Та, что умудрилась испортить нашу первую встречу и разорвать связь. Это я хотел бы узнать откуда он у тебя. Я тебя разочарую. Медальон не твой. Он принадлежал одной семье, от которой не осталось и праха, а само ее имя сгинуло в течении времени.
— Что это была за семья? Если это было так давно, откуда тебе известно? — не унималась Илиана, почувствовав болезненный укол разочарования.
Выходит, медальон все-таки не ее, и все связанные с ним надежды вот-вот пойдут прахом. Голос неожиданно разразился хриплым наводившим жуть смехом.
— Откуда? Да я был здесь! Был здесь тогда, когда эти гордецы обратились в пепел, павший к моим ногам! — прогудел он. — От их

царства, от их дома, от самой их эпохи не осталось и следа, и род людской позабыл про само их существование!
— Чьего царства?! Чьего дома?! — гневно воскликнула Илиана.
— Жалкая девчонка, ты даже не ведаешь на кого повышаешь голос! — взревел зрачок из сферы. — Однако изволь. Это даже забавно, — добавил он, понижая тон. — На обороте медальона что ты носишь — не узор и не вязь. Это сложные дезорианские письмена. Лишь тот кто уже с ними знаком может понять что в них сокрыто. Мне они известны. Этот медальон не содержит какого-либо колдовства, не считая его неразрушимости, и не придает особых возможностей. Он просто свидетельствует что его владелец принадлежит к императорскому дому. Тому самому, в чьем тронном зале мы сейчас находимся, и от которого не осталось даже воспоминаний.
Илиана, несмотря на то что у нее тряслись поджилки, изумилась до глубины души.
— Но раз так, то как же он тогда ко мне попал? — невольно спросила она, вперив свои сиреневые глаза в окруженный ореолом пламени зрачок.
— Это я тоже хотел бы знать, — охотно согласился голос. — Все остальное меня уже не интересует. Медальон — простая, хоть и древняя, безделушка; эти развалины некогда величественного дворца — всего лишь развалины, осколок невесть как вынырнувшей из забвения эпохи. Остаешься только ты. Кто бы тебя сюда не принес, он, вероятно, надеялся пробудить сгинувшую здесь древнюю силу. Возможно, даже обрести ее. До сих пор я считал что это невозможно, и она давно канула в лету. Но вдруг я ошибаюсь? Вдруг что-то укрылось от моего взора? Поэтому на всякий случай хорошо бы узнать кто дал тебе этот медальон и что намеревался сделать.
— Это возможно? — удивилась Илиана, выдерживая пристальный взгляд изучавшего ее зрачка.
Ей очень хотелось закрыть глаза, отвернуться, броситься наутек, но она стояла как вкопанная, поглощенная беседой с неведомым существом. То что оно не имело никакого отношения к подсознанию колдуна девушке было очевидно. Это существо, похоже, знало очень много, и она рассчитывала выудить из него как можно больше.
— Для меня — да! — хохотнул голос. — Но боюсь, что даже если я захочу, то уже не смогу поделиться с тобой своим открытием.
— Почему? — спросила Илиана, предчувствуя недоброе.
— Потому что об этом мне поведает твоя кровь, а тебя уже не будет в живых, — торжествующе пояснил неведомый собеседник.

В следующую секунду девушка вскрикнула от боли. Бесшумно подкравшийся сзади Манипулятор вонзил в нее длинный острый стилет. Брызнула алая кровь. Рванувшись, Илиана хотела дать нападавшему отпор, но отчего-то не смогла этого сделать. Ее конечности онемели, а тело сковала невыразимая слабость. В голове зашумело, перед глазами пошли разноцветные круги. Вместо того чтобы отпрянуть и вырваться, девушка медленно осела на плиты голубого мрамора. Мир померк, и перед ее угасающим взором остался один лишь злобный, окруженный ореолом пламени зрачок. Затем Илиана провалилась в темноту.

Инструкции Дегониса, продиктованные оставшимся четверым Манипуляторам, были предельно просты. Девчонка должна умирать шесть дней. Капля за каплей покидающая ее тело кровь выжмет из него всю жизненную силу, все чувства, все мечты и надежды. Поступая в особый колдовской сосуд, Лентикувит, кровь станет сохраняться в нем так, словно она только что бурлила в живом теле. В дальнейшем ее можно будет использовать как алхимическую субстанцию, из которой Дегонис получит все необходимое. Помимо прочего — воспоминания. Говорят, умирая человек вспоминает всю свою жизнь. Девчонка будет умирать долго, и за тот период, что отведен для ее мучительного конца, уже никакая амнезия не утаит сокрытые в недрах подсознания воспоминания. Таково желание Покровителя.

Достичь нужного результата общедоступными способами было попросту невозможно. Да чего уж там — вообще мало кому по плечу провернуть такое. Дегонис мог, ибо его научил Покровитель. От него же он узнал секрет изготовления сосуда для живой крови, а также благодаря ему создал Прендерат и овладел использованием этого инструмента. Будучи введен в тело жертвы, он постепенно опустошал ее вены, переливая их содержимое в подведенный сосуд. "Похититель жизни" — так он назывался иносказательно, и это наименование целиком и полностью выдавало его предназначение. Прендерат не только медленно забирал кровь — он следил за состоянием жертвы и поддерживал ее существование ровно столько, сколько это необходимо. Шесть дней, не меньше. Больше смысла уже не было. Дегонис самолично прикрепил смертоносную конструкцию на руку Илианы и подключил Лентикувит. Убедившись что процесс пошел, он потерял к девушке всякий интерес. Теперь она всего лишь оболочка, служащая желанию Покровителя. Прендерат заберет у нее все, и все что знала девчонка, даже если она чего-то действительно не помнила, узнает и Покровитель. Дегонис же взамен получит несколько литров ее крови, и колдун уже заранее предвкушал интересные открытия, связанные с особенно-

стями приемной внучки шейха. Теперь-то он наверняка выяснит все о ее сущности, и есть неплохая надежда что кровь Илианы послужит ему в дальнейшем для изготовления новых зелий и инструментов. Это Покровитель оставлял на усмотрение Дегониса.

Дожидаться смерти девушки колдун не стал. Как только Прендерат начал свое черное дело, он отдал последние распоряжения остававшимся Манипуляторам и удалился. Ожидание в шесть дней для него слишком большая роскошь чтобы провести их сиднем подле обреченной девчонки. Там, в Солтенстиле, его ждала большая игра, которую он покинул в самый разгар событий, и к которой теперь как можно скорее намеревался вернуться. Если хан не прислушался к его совету и не перенес начало кампании, положение может резко осложниться, и присутствие Дегониса станет совершенно необходимо. В противном случае пущенный на самотек процесс чреват непредсказуемыми последствиями, учитывая какого противника колдун намеревался сокрушить руками ад-Сейдина. Об Илиане же позаботятся Манипуляторы. Всего и хлопот — наблюдать как Лентикувит наполняется ее кровью да ограждать процедуру от всяких случайностей. Когда с девчонкой будет покончено, Манипуляторы возьмут образцы тканей ее бренного тела и вместе с заполненным Лентикувитом прибудут в Нижние подземелья дней на десять позднее Дегониса.

В том что Манипуляторы справятся с поставленной задачей старший колдун даже не сомневался. До сих пор они действовали крайне профессионально. Нанесенный с хирургической точностью удар стилетом сразил девушку нервнопаралитическим ядом, подействовавшим столь быстро, что она даже не успела ничего предпринять. Тонкую рану немедленно простерилизовали и запечатали, а саму Илиану так и оставили в центре тронного зала, подложив под нее теплое одеяло и укутав до подбородка другим. Дегонис вмешался только когда пришел черед задействовать Прендерат, ведь процедуру лучше всего было провести именно в развалинах, чтобы усилить извлечение наиболее желаемой области памяти. В остальном его присутствие более не требовалось. Погруженная в беспамятство, отравленная паралитическим ядом, скованная цепкой хваткой Прендерата девушка уже не могла самостоятельно избежать уготованной ей участи. Покидая лагерь с половиной гвардейцев и двумя другими Манипуляторами, мыслями Дегонис был уже совершенно в другом месте.

В пустующих развалинах не было ничего кроме безжизненных камней. Вслед за старшим колдуном и его Покровителем к такому же выводу пришли и оставшиеся Манипуляторы. От нечего делать они бродили меж разрушенных стен и торчавших в небо

колонн, изучая осколки былой красоты и величия, и собирая небольшие предметы. Пока один из них дежурил подле распростертого тела медленно умиравшей жертвы, двое других фут за футом осматривали остатки дворца, а четвертый пребывал в перенесенном поближе лагере, приглядывая за гвардейцами. Их в развалины не пускали. На всякий случай, чтобы воины по нерасторопности каким-либо образом не нарушили убийственный процесс. Колдуны однако, гвардейцев не обделяли и приносили сувениры в виде осколков немыслимо твердого обсидиана, фрагментов лепнины и кусочков белого металла. Те не возмущались, поскольку знали что приказ исходит от Дегониса. Лишь их лица выдавали некоторое сожаление от невозможности лично побродить меж этих загадочных стен, куда сломя голову рвался старший колдун.

Милосердным забвением положение Илианы уж точно нельзя было назвать, потому что и не забвение это было. Мучительный бред, слепленный из множества одновременно происходящих событий — скорее вот как характеризовалось ее состояние. Она не осознавала что происходит. Перед внутренним взором девушки вспыхивали и гасли многочисленные фрагменты воспоминаний, а на них наслаивались собственные устремления и мечты, одетые в форму реальности. Их смесь не позволяла определить что из этого произошло на самом деле, а что нет. Впрочем, в бесчисленной череде мельтешения, переплетенного с настоящим светопреставлением в виде сопровождающих бред болезненных галлюцинаций и возможности-то для этого не имелось. Все они воплощались в разной, подчас неопределенной форме. Иной раз это были абстрактные элементы сродни размытым геометрическим фигурам или смазанным до неразборчивости пейзажам. Порой на сцену выступали чудовища. Описать их было невозможно, и все что оставалось — это бежать прочь от подступающего кошмара. Понимание Илианы сосредоточилось на единственном знании: если чудовища ее догонят — ей конец. И она бежала невзвидя света в бесконечном хороводе сводящих с ума видений, то и дело куда-то падала, либо же наоборот — прыгала в головокружительную высь и какое-то время парила в ней, барахтаясь между рваными облаками дурмана. А монстры медленно, но верно приближались, и что бы девушка не делала, ей никак не удавалось от них оторваться. Возможно, нечто подобное испытывают несчастные шизофреники, запертые в дома для умалишенных.

На все это накладывалась боль. И холод. Поначалу слабая и ноющая, боль все сильнее пронзала Илиану по мере того, как подступали чудовища, грозя превратить тело в агонизирующий комок. Этого, однако, не происходило, поскольку не дремал и холод.

Он высасывал из плоти тепло, лишая ее чувствительности, и если девушка продолжала испытывать нарастающую боль, то скорее душевную, нежели физическую. Тело, и без того скованное какими-то неумолимыми тисками, медленно немело, утрачивая наполнявшую его живительную искру. Все это совмещалось самым немыслимым образом — непрерывная круговерть в непрестанном движении и чувство что бешено скачущее тело на самом деле пребывает в полной неподвижности и тебе не подчиняется. Сумасшедшая пляска и нараставшие болезненные эффекты истощали силы, лишали воли. Илиана ощущала как холодеет, хотя кошмарная скачка вроде бы сгоняла с нее семь потов, и осознавала близившееся дыхание чудовищ. То есть смерти. Что она могла предпринять? Что вообще можно сделать когда твое тело тебе неподвластно, а разум окутан тяжелейшим бредом, в котором нет конца и края? Илиана боролась изо всех сил, но ее борьба носила бессмысленный характер. Запертая в собственном онемевшем теле внешними демоническими оковами, ее душа бежала от внутренних демонов, все глубже проникавших в подсознание. Это был бег в никуда, потому что конец у него предвиделся один, и выхода из непреодолимой ловушки не было. Или все-таки был?

Приближавшиеся чудовища провоцировали появление все новых воспоминаний. И в них, поначалу робкий и незаметный, все чаще стал появляться какой-то свет. На фоне всего остального кошмара он согревал и успокаивал, утешал и манил. Илиана интуитивно рвалась к нему, стараясь заскочить в очередной проплывавший мимо фрагмент видений, откуда лучился этот свет. Это ей удавалось далеко не всегда, но мало-помалу, делая поистине нечеловеческие усилия, она все же приближалась к его источнику. А свет становился все ярче, все лучистее, постепенно начиная заполнять собой окружающее пространство. И вот уже отступает леденящий холод, сердце, дрогнув, бьется сильнее, а чудовища, не в силах противостоять его льющемуся потоку, начинают отдаляться. Боль стала сменяться покоем, но отнюдь не вечным, а душевным. Безумные видения испарялись, разум более не терзала фантасмагория кошмаров. И вот свет уже окружает Илиану, а из него, очерчиваясь мягко светящимися призрачными контурами, выступают какие-то фигуры.

Один из колдунов по-прежнему находился на посту у неподвижного тела девушки. Отойдя от нее в сторону, он разглядывал высеченную на стене гравюру, отдавая должное искусству ее мастера. И Манипуляторы еще не утратили все человеческое. Но даже если бы он непрерывно смотрел на лежавшую Илиану, то все равно вряд ли осознал происходящее и не сумел бы в него каким-либо

образом вмешаться. Время как будто остановилось в одном мгновении. Замер колдун, задравший голову к большой настенной панораме, остановился ход проникавших в окна лучей восходящего солнца, застыли поднятые в воздух мельчайшие песчинки. Снаружи превратились в изваяния гвардейцы, а язычки костра, на котором они готовили нехитрую снедь, прекратили свою трескучую пляску. Но было в этом неподвижном мире и движение.

Свободная от песка область в середине тронного зала, центром которой была Илиана, очертилась тонкой прозрачной сферой, словно сотканной из вуали самого легкого тумана и пригоршни лунного света. Вокруг нее, проступая из небытия, появились призрачные фигуры людей. Длиннобородые старцы в длинных мантиях с обширными стоячими воротниками воздевали к потолку руки с ниспадавшими рукавами. Они равномерно перемежались с прекрасными длинноволосыми женщинами в тончайших одеждах, расставивших, наоборот, руки в стороны. На их фоне заметно выделялось еще двое: высокий рослый мужчина, увенчанный трехзвездной короной, и хрупкая женщина с бесконечно печальным лицом, чело которой украшала корона поменьше. Пока остальные хранили неведомый сферообразный барьер, облаченная в богатые одеяния венценосная пара медленно приблизилась к распростертой на полу девушке. Глаза призраков смотрели на нее преисполненные любви и печали, их губы беззвучно шевелились. Опустившись подле Илианы, мужчина, продолжая шептать, запечатлел на ее лбу долгий поцелуй. Женщина, ведя такие же неслышные речи, приложила светившуюся белым ладонь к ее груди и прикоснулась губами к скрещенным на ней пальцам. В застывшем для всех мгновении эти двое, казалось, также бесконечно долго смотрели в лицо девушки, продолжая что-то говорить. И вот уже их шепот стал не таким беззвучным. Протискиваясь будто сквозь само время, он мало-помалу обретал форму, и вот уже можно было разобрать отдельные слова. Теперь они повторялись. Два слова, которые мужчина и женщина произносили вновь и вновь. Они нарастали, наполняя пространство, и усиливались отражавшимся внутри прозрачной сферы эхом. Этот язык не знал никто из ныне живущих, но стремительно выныривавшая из бездны забвения Илиана понимала его очень хорошо, ибо его она знала с рождения.

— Принцесса крови!

Эти наполненные бесконечной нежностью и одновременно неведомой мощью слова проникли в самые далекие уголки ее подсознания и окончательно изгнали оттуда панически разбегавшихся чудовищ. Сфера замерцала, угасая. Окружавшие ее старцы и

женщины опустили руки и приблизились к венценосной паре. Фигуры призраков ярко осветились, и их свет звездой озарил лицо лежавшей девушки. Илиана открыла глаза. В следующую секунду сфера погасла. Призраки исчезли.

Услышав позади себя какой-то шорох, Манипулятор обернулся и остолбенел. Илиана стояла на ногах, вперив взор куда-то в одну ей видимую точку. Рядом жалкой разбитой железякой валялся Похититель жизни. Лентикувит лопнул. Лопнул, без видимой причины разлетевшись разом на миллион осколков. Содержавшаяся в нем кровь не пролилась на пол. Поднявшись в воздух, она, рассеявшись на капельки, закружилась вокруг девушки красным облаком, напоминая рой. Этот рой приближался к ней все ближе, проникал через одежду, касался тела, впитывался в поры кожи. И вот уже вся кровь до капли непостижимым образом вернулась туда, где она и была изначально — в вены своей владелицы. Придя в себя, ошарашенный колдун попытался было что-то предпринять. Сделать он уже ничего не успел, поскольку на самом деле вместо многих секунд прошло лишь несколько мгновений. Глаза Илианы засияли алым. Такого же оттенка свет окутал и ее ореол. Девушка повернула голову к Манипулятору. Еще до того как взметнулась ее рука, колдун утратил контроль над собственным телом. Его мышцы свернулись в тугой узел, вены вздулись, кровь в них словно вскипела. Колдуна отшвырнуло в стену как тряпичную куклу. На песок он упал уже бездыханным — сердце его остановилось.

Видение неожиданно объявившейся перед ними девушки само по себе повергло двух других Манипуляторов в настоящий шок, а ее вид и без того наполнил их черные души смятением. Впрочем, даже если бы они не потеряли несколько секунд, вытаращившись на озаренную алым Илиану, для них это уже ничего не меняло. Ей даже не пришлось искать — она пришла на биение их сердец, совращенных злом, но все же еще живых. И пока они разгоняли по жилам кровь, колдуны были перед Илианой беззащитны. Под мановением ее пальцев их тела неестественно скрючило, лишив возможности осмысленных движений, а вены наполнил жгучий огонь. Затем этих двоих постигла участь первого — разлетевшись в стороны, Манипуляторы с хрустом ударились о колонны разрушенного зала, где некогда устраивались пышные празднества, но прежде чем сломались их кости остановились сердца.

Смотревший в сторону развалин гвардеец издал изумленный возглас. Остальные, выглянув из-под навеса, проследили за его пальцем и разинули рты. Выйдя из-под полузасыпанной песком арки, к ним направлялась окутанная какой-то красной дымкой

девушка. Даже с расстояния в сотню ярдов ее глаза казались двумя пусть крошечными, но алыми звездами. Взволнованные крики гвардейцев разбудили четвертого колдуна. Выглянув из палатки, он узрел приближавшуюся Илиану и его сонливость как рукой сняло.

— Лучники, пли! — рявкнул он. — Бить наповал!

Сам же протянул к девушке руку, обратив пальцы кверху. Колдун не знал что произошло, но элементарная логика живо подсказала ему что дело дрянь, раз приобретшая какой-то поразительный облик Илиана преспокойно покинула развалины, где ей вскоре надлежало проститься с жизнью. И где вроде как находилось сразу трое сильных заклинателей. Что именно собирался наколдовать Манипулятор так и осталось неизвестным. Он неожиданно понял, что конечности его совершенно не слушаются, губы молчат, а сам он словно марионетка в театре, повинующаяся прихоти кукловода. Не лучше дела обстояли и у гвардейцев. Луки-то они похватали, да так и застыли на месте, не успев даже натянуть тетиву. Ни одна стрела так и не сорвалась в сторону подходившей девушки.

С воинами, в отличие от колдуна, Илиана обошлась гораздо мягче. Они быстро затихли навсегда, когда мышечная судорога повергла их на песок, а кровь во взбунтовавшихся жилах остановилась. Колдуну повезло меньше. Девушка узнала того, кто ударил ее стилетом. Оказавшись от него совсем близко, Илиана вперила в Манипулятора заполненные алой дымкой глаза. Затем сделала резкое и беспощадное движение рукой. Плоть колдуна лопнула. Вырвавшись из разодранных вен, кровь фонтаном ударила разом во все стороны. Его попросту разорвало изнутри.

Рассвет шестого дня должен был стать последним в жизни Илианы. Вместо этого она, окинув долгим печальным взглядом развалины дворца, тронула поводья верблюда и поехала прочь, взяв курс на север. За ней поспешали и остальные двугорбые животные, навьюченные оставшимися припасами. Их, в отличие от людей, девушка не собиралась бросать на произвол судьбы. Людям же все равно уже не требовалась никакая забота. Все они были мертвы.

– 12 –

За время поездки Талара сожалела лишь об одном: что с ней нет подруги. В остальном принцесса не сетовала ни на что, окунувшись в водоворот нахлынувших на нее впечатлений. Новые земли, новые люди, новая культура — все это увлекало и захватывало Талару сильнейшим образом. Дворцы и соборы Фолькона,

большие фабрики, огромные верфи, мраморные лестницы особняков, спускавшиеся прямо к морю, где у причалов покачивались легкие яхты — она стремилась побывать везде одновременно и прямо-таки разрывалась на части. Свита за ней не поспевала, сбиваясь с ног. Утром Талара могла бегать по обширным торговым рядам, днем по мастерским, где отливали и ковали великолепные доспехи и оружие, а вечером искать культурного досуга. С последним в Фольконе недостатка не было. В столице имелась уйма больших и малых театров, опера, множество художественных галерей разной направленности, турнирные комплексы для публичных состязаний бойцов и атлетов, музеи, выставки, цирки… Все это дышало упоительной новизной, многое принцесса видела впервые в жизни. Ее энергия била ключом, и Талара оставляла себе на сон самую малость, долгие часы напролет проводя среди неутихающей даже ночью жизни западного города. С наступлением темноты главные улицы ярко освещались фонарями, а увеселительные заведения настежь распахивали двери, приглашая гостей скоротать время до поздней ночи. Уличные актеры и оркестры развлекали гуляющую публику, зазывая в то или иное место, из залитых светом ресторанов лилась легкая музыка, слышался приглушенный говор и звон хрусталя. Талара не то чтобы слыла великой гурманкой, но набегавшись за целый день с удовольствием пробовала местную кухню, заходя то в богатый, изысканный ресторан, то ныряя в небольшую симпатичную забегаловку, откуда распространялись дразнящие обоняние ароматы. В обслуживании ей никогда не отказывали, даже если требовалось заранее забронировать столик или все билеты были распроданы. Особая золотая эмблема, выдаваемая правящим монархом лишь высоким гостям, распахивала перед Таларой все двери, освобождала любые места.

Не забывала принцесса и про магазины. В отличие от привычных рынков и лавок, они манили ярко освещенными витринами, особенно соблазнительно выглядевшими в вечернюю пору. Талара просто не могла удержаться от того, чтобы не потратить часть времени на походы по этим волшебным заведениям из света и хрусталя, где шелка струились рекой, украшения сверкали тысячей звезд, а самые простые предметы выглядели как произведение искусства. Таких магазинов, больших и малых, в городе было много, но подле королевской площади они занимали целую улицу и работали допоздна. Талара обычно не страдала покупательским ажиотажем, хоть и любила побродить по торговым точкам и приобрести что-нибудь для себя или подруги. Фолькон оказался исключением. Принцесса, открыв для себя целый мир новых вещей, исправно нагружала носильщиков, доставлявших обновки в отве-

денную ей резиденцию. Очарованная особенностями местной коммерции, Талара дала себе обещание что по возвращению в Солтенстил примет меры для того, чтобы и там появилось нечто подобное. Обещание это было отнюдь не пустое, поскольку она озадачила служащих посольства устроить переговоры с владельцами самых лучших магазинов на предмет не желают ли те открыть филиал в Солтенстиле на льготных условиях.

Состав свиты за время пребывания принцессы Железных земель в столице Фолькона изменился. Поначалу ее сопровождал кто-нибудь из секретарей новоявленного посольства, одна-две вельможных дамы или их дочери, плюс несколько гвардейцев личной охраны. Однако же после знакомства Талары с местными замками ситуация резко изменилась.

Да, замки. В них принцесса влюбилась с первого взгляда. О таких каменных громадах, увенчанных могучими башнями, со рвами, подъемными мостами и толстенными стенами она читала лишь в книжках, да слышала о них истории. Она даже и представить себе не могла, что король живет не во дворце, а вот в такой вот гигантской крепости, снаружи суровой и неприступной как скала, а внутри обставленной с роскошью райской обители. Королевский замок поражал воображение своей обширностью и вместе с тем очевидной фортификационной мощью. Но помимо него в Фольконе хватало и других замков, ибо у большинства знатных фамилий они означали непременный атрибут родового гнезда. Талара покидала столицу лишь для того, чтобы посетить один из них, располагавшийся в окрестностях, и ни разу об этом не пожалела. Интерес принцессы с далекого Востока немало удивил короля Фолькона, но отказать высокой гостье, чей отец, по слухам, стремительно набирал мощь и успел утроить подвластные ему земли, было бы невежливо. Дабы заблаговременно уладить любые недоразумения, он препоручил ее покровительству маркиза дю Бренталя, также носившего титул герцога Шеронского. Двадцатипятилетний голубоглазый блондин со слегка вьющимися волосами поначалу был не сильно в восторге от такого назначения. Он не слишком жаловал ухаживание за томными девицами, предпочитая великосветским балам рыцарские турниры, а салонным расшаркиваниям — морские прогулки и бешеные скачки, что несомненно выдавала его подтянутая мускулистая фигура. Мнение он, однако, переменил довольно быстро, когда выяснилось что вверенная его попечению высокородная гостья имеет довольно нестандартный круг интересов. Маркиз сбился со счету как много ступенек ему приходилось преодолевать пока Талара не облазит очередной замок, а отвечая на ее вопросы об устройстве крепости он за день

говорил, пожалуй, больше, чем прежде за неделю. Мало помалу он втянулся и в обычные разговоры с новой знакомой, и с удивлением узнав про ее страсть к оружию и поединкам с головой окунулся в истории из своей жизни, которые гостья слушала с неподдельным вниманием. Благодаря стараниям маркиза Таларе позволили хорошенько осмотреть даже королевский замок, и не было ни одной стены или башни где бы она не побывала. Дю Бренталь с удовольствием рассказывал ей не только о стратегическом устройстве крепостей и принципах их постройки, но охотно делился знаниями и об установленных там орудиях. В отличие от боевых машин Востока, здешние конструктивно отличались, особенно системой взвода, основанной на пружинах. Для того чтобы зарядить стоявшую на башне баллисту требовалось множество оборотов тяжелого ворота, но зато когда она выпускала снаряд, его дальнобойность и поражающая сила не шли ни в какое сравнение даже с лучшими творениями мастеров Желтой Пумы.

Не забывал маркиз говорить и об армии. По непременному желанию принцессы он познакомил ее с таким родом войск как тяжелая кавалерия, а заодно объяснил особенности устройства рыцарских доспехов, делавших их владельцев практически неуязвимыми для легко вооруженных противников. Само же рыцарское сословие составляло костяк боевой мощи Фолькона и являло собой весьма грозную силу. Тысяча наглухо бронированных рыцарей была способна нанести сокрушительное поражение десятикратно превосходящему врагу, не обладавшему таким же уровнем неуязвимости. История королевства знавала случаи, когда всего несколько сотен рыцарей обращали в бегство огромные соединения врага численностью вплоть до двадцати тысяч.

Разговорчивость дю Бренталя носила двоякий характер. Он знакомил гостью с военной мощью Фолькона по согласованию с королем. Последний очевидным образом не считал ханскую дочь вражеской шпионкой, тем более что интересы Фолькона никоим образом не пересекались с интересами Железных земель. Вместе с тем принцесса наверняка поведает отцу об увиденном, и не лишне будет произвести на него соответствующее впечатление. По слухам, он обладает каким-то оружием невероятно разрушительной силы, и Фолькону, возможно, стоит наладить с ханом тесные государственные связи гораздо раньше соседей. Второй же причиной подробных экскурсий маркиза была его собственная увлеченность. Никак не ожидая столкнуться с молодой особой, которая шелка и украшения ценила столь же одинаково как хороший клинок и доспехи, он с головой погрузился в роль гида, с удовольствием удовлетворяя неуемное любопытство принцессы.

Маркиз и сам не заметил, как стал сопровождать Талару практически везде, а затем он со своими людьми и вовсе заменил ей свиту. После того как шестнадцатилетняя принцесса в ходе дружеского поединка на мечах дважды заставила его признать себя побежденным, дю Бренталь, смирив уязвленную гордость, преисполнился к ней живейших симпатий и уже не отходил ни на шаг. Как опытный воин, он был искренне впечатлен ее поразительной ловкостью, молниеносными выпадами и уровнем подготовки, и вежливо допытывался где она всему этому научилась. Скучные чиновники посольства и их не более жизнерадостные дамы остались в прошлом. Маркиз лично взялся знакомить Талару со столичной жизнью, и первый секретарь вместе с ответственным за дочь повелителя высокопоставленным вельможей, посовещавшись, решили отдать ему это дело на откуп. Они оба знали кем являлся герцог Шеронский, а потому не возражали против этого крепнущего знакомства. Пожалуй, такое положение вещей одобрил бы и сам хан.

С тех пор Талара появлялась в городе исключительно в компании маркиза и его людей, самых настоящих рыцарей, о которых она тоже всегда мечтала. На торжественных приемах принцесса бывала довольно редко, и то в основном по настоятельной просьбе отцовских вельмож. Дю Бренталь сопровождал ее и там, открыто выражая спутнице свое покровительство на зависть многим. Расцветающей черноволосой красавице очень шли шелковые платья западного образца, и маркиз находил что она не только великолепно умеет орудовать клинком, но еще и чертовски привлекательна. В них же принцесса щеголяла и в культурных заведениях. Изящные наряды уступали место куда более практичным костюмам когда Талара и дю Бренталь совершали прогулки на личном корабле маркиза — огромном морском фрегате, либо же скакали верхом. В городской же суматохе раз на раз не приходился. Словом, принцесса целиком и полностью погрузилась в упоительный вихрь новых возможностей в компании благородного знакомца, и жизнь наконец-то казалась ей полной одних лишь долгожданных приключений.

Первый тревожный звоночек омрачил чудесное времяпрепровождение ханской дочери когда в начале июля с очередным попутным кораблем пришло письмо от Илианы. Сама Талара не забывала ей писать, делясь впечатлениями, и всегда с радостью читала ответное послание подруги. Принцесса действительно скучала по ней, и была бы по-настоящему счастлива совместить чудеса королевства запада вместе с ее обществом. В тот раз полученное письмо Талару всерьез обеспокоило. Илиана сообщала, что с

Бэйлом случилось несчастье. Сначала он куда-то пропал и никто не знал где он, а затем Илиана из надежных источников выяснила что его арестовала Имперская стража. Где он содержится и какова его судьба — ей было неизвестно, и в отсутствие влиятельной подруги у нее почти нет шансов как-то ему помочь.

Тогда дю Бренталь впервые застал Талару в неожиданно мрачном расположении духа. Осмелившись расспросить ее о причинах столь резкой перемены настроения, он узнал, что с ее учителем боевых искусств приключилась какая-то серьезная неприятность. Не вдаваясь в подробности, он заметил, что приложил бы все усилия дабы помочь столь выдающемуся человеку, который в кратчайшие сроки умудрился сделать из принцессы настоящего воина. Ведь к тому времени Талара успела одержать несколько побед и над рыцарями из свиты маркиза во время развлечений всей компании на ристалищах. Выигрывала она, конечно, далеко не всегда, но тот факт что то и дело выигрывала вообще заставил их проникнуться к принцессе Железных земель подлинным уважением. В выборе между осознанием поражения от какой-то девчонки либо же возвышением этой самой девчонки до уровня себе равных рыцари предпочли последнее. Мнение дю Бренталя в целом совпадало с собственными мыслями принцессы. Взяв лист бумаги, Талара отписала визирю с требованием немедленно разобраться в ситуации и как минимум прояснить судьбу Бэйла, а также не предпринимать в отношении него никаких карательных мер вплоть до ее возвращения, в чем бы там его не обвиняли. Написала она, разумеется, и Илиане, заверяя ее в своей поддержке и сообщая о послании визирю. Увы, письма между Солтенстилом и Хаустормом, столицей Фолькона, расположенной на побережье Адалайского океана, шли две-три недели, в зависимости от погодных условий. Талара не знала, что на момент отправки корреспонденции ее подруги во дворце уже не было, а письма ей и визирю из-за задержки в пути дойдут лишь в тот самый день, когда кавалькада колдуна ранним утром покинет город, увозя с собой бесчувственную Илиану.

Совершенно иначе принцесса отреагировала когда за несколько дней до означенного события она вновь получила удручающую корреспонденцию из Солтенстила. Увидев адресованное лично ей послание от Иль Машхана, Талара живо встревожилась. Даже если визирю уже вручили ее собственное сообщение, то ответ на него прийти бы попросту не успел. Вероятно, в нем содержалось нечто другое и наверняка безрадостное. К сожалению, принцесса не ошиблась. Прочитав написанные ровным каллиграфическим почерком строки, она вскрикнула и уронила бумагу на

пол. Ей живо стало понятно почему уже столько времени она не получала ни одной весточки от Илианы. Иль Машхан осторожно извещал дочь повелителя, что ее любимая придворная дама неожиданно для всех убежала из дворца и скрылась в неизвестном направлении. Куда она подевалась — никому не известно. Талара знала свою близкую (и единственную настоящую) подругу слишком хорошо, чтобы уразуметь очевидную истину: с ней приключилось нечто из ряда вон плохое, раз она решилась на столь крайние меры. К Бэйлу, конечно, принцесса тоже испытывала симпатии, но все же не настолько, чтобы без действительно веских оснований бросаться ради него через полсвета, прерывая чудесную поездку на Запад в самом разгаре. Илиана же — совсем другое дело. Немного успокоившись и приведя в порядок мысли, Талара явилась к первому секретарю посольства и потребовала снарядить ей корабль, ибо она намерена немедленно отплыть в Солтенстил.

До запланированного отбытия принцессы в отчий дом оставалось еще два месяца, ибо оно предполагалось в конце сентября. Опешившие вельможи, собрав целый консилиум, стоически выдерживали гнев любимой дочери повелителя, сокрушаясь что не в их власти осуществить что-нибудь подобное. Есть официальная программа, утвержденная ее отцом, и ослушаться имеющихся приказов пусть и ради ее высочества было бы весьма чревато. Если ее высочество склонна продолжать настаивать, можно отправить хану запрос, и в случае положительного ответа корабль в тот же день будет к ее услугам. Такое предложение рассердило Талару еще больше. По самым скромным подсчетам, учитывая что отец находился далеко не в столице, она и получит соответствующее разрешение месяца через два, когда в нем и так отпадет какая-либо надобность. Принцесса устроила настоящую бурю, которой так побаивались при дворце, и побелевшие вельможи мечтали оказаться от нее где-нибудь подальше, однако страх перед повелителем все же пересиливал. Рассыпаясь перед Таларой в нижайших извинениях, они, тем не менее, оставались непреклонны. Злая как черт принцесса вернулась в свои покои, схватила меч из Абериджа и отправилась измочаливать чучела в гимнастическом зале. Там ее и нашел дю Бренталь, удивлявшийся куда это вдруг подевалась его восточная воительница. Никогда прежде он не видел гостью в такой ярости. От ударов ее клинка пластинчатые доспехи тренажеров сыпались кусками рассеченного металла. Тяжело дыша, Талара наскакивала на них как на живых врагов, отводя душу на безжизненной материи, ибо никто не рискнул скрестить с ней оружие. Маркиз быстро вошел в курс дела, благо что принцессе необходимо было кому-то выговориться.

— Это для тебя так важно? — спросил он, внимательно изучая разгоряченную Талару.
Принцесса прежде упоминала свою оставшуюся дома подругу, но он и представить себе не мог об уровне этой привязанности.
— Не представляешь как! — воскликнула та, свирепо долбанув по голове ни в чем не повинное чучело.
Сбитый с него иссеченный шлем с грохотом укатился далеко в сторону. Маркиз призадумался. Рыцарский кодекс требовал помочь оказавшейся в затруднении даме. С другой стороны, так и на дипломатический скандал недолго нарваться. М-да, та еще дилемма. Пока Талара воинственно крутила мечом, ища чего бы такого сокрушить, дю Бренталь озадаченно соображал, следя взглядом за ловкой как пантера девушкой. Раскрасневшаяся, запыхавшаяся смуглая красавица с пышной черной косой показалась ему еще привлекательнее, чем обычно. Рыцарский кодекс пересилил.
— Если хочешь, мой фрегат в твоем распоряжении, — сказал он, делая учтивый жест. — Мы можем отплыть немедленно.
До сих пор, как истинный дворянин, он не позволял себе каких-либо вольностей по отношению к гостье, тем более что семнадцать лет ей исполнится только осенью. Однако и против горячих объятий, в которые от избытка чувств его заключила Талара он тоже возражать не стал.

Маркиз ничуть не соврал. Вечер застал принцессу на палубе шедшего под всеми парусами корабля, за кормой которого быстро пропадал в далекой дымке Хаусторм.

До Солтенстила добрались довольно благополучно, не считая одного маленького эпизода. Поспешавший фрегат попал в сильную бурю и едва не налетел на прибрежные скалы. Выносливая принцесса не страдала морской болезнью, но качка была настолько сильной, а волны вздымались такие высокие, что у нее внутри все переворачивалось. Даже судно трещало по швам так, будто вот-вот развалится, пока шквалистый ветер дико выл в едва выдерживающих его напор снастях. Талара, хватаясь за все что не прибито, заподозрила что ее наконец-то настигло наказание за все своенравные выходки, и хотела было дать обещание впредь стать куда более милой и покладистой. Но передумала. Лучше уж сразу за борт! Шторм, побушевав-побушевав, и так и не добившись от нее заветного зарока вскоре прекратился, и фрегат невредимым достиг устья Идлиса. В середине августа он бросил якорь в порту Солтенстила.

Неожиданное появление ханской дочери произвело во дворце настоящий фурор. Первым делом взволнованная Талара отправилась к дому Илианы, где застала вообще всех нирелинцев кроме

своей подруги. О близкой дружбе принцессы и внучки ан-Бакира присутствующим было хорошо известно, а потому ей без утайки поведали все что знали, включая историю с отравлением. Вот только после нее рассказывать было особо нечего. Никто до сих пор не знал почему Илиана вдруг убежала и где она скрывалась. Иными словами, ее дальнейшая судьба оставалась полной загадкой, и вид подавленного горем старого шейха красноречиво доказывал что Таларе не лгали. К сожалению, это подтвердил и Бэйл, которого принцесса в нынешних обстоятельствах была несказанно рада увидеть. Весть о ее прибытии разнеслась по дворцу молниеносно, и гладиатор быстро сообразил где она рано или поздно появится. Едва Бэйл переступил порог, как Талара повисла на нем с объятиями и расспросами одновременно. Увы, он лишь усилил ее худшие опасения: Илиана как в воду канула. Уже наедине, устроившись на скамейке подле тенистых кустарников, гладиатор пояснил, что действительно ничего не знает. Возможно, племянница, преследуемая какой-то свалившейся на нее бедой, отправилась к тетушке, но она почти наверняка послала бы об этом весточку. Впрочем, не исключено что так и было, но ввиду некоторых щекотливых обстоятельств из этого ничего не вышло.

Тут Бэйл в общих чертах и без лишних подробностей, о которых принцессе знать не стоило, поведал ей эти самые обстоятельства, начиная со своего недавнего ареста и включая все последующие события. Ошеломленная Талара только за голову хваталась. К ее чести следовало отметить, что сразу после вопросов об Илиане она сама расспросила гладиатора о постигших его неприятностях. Свой рассказ Бэйл закончил возвращением во дворец. После Высшего судилища его действительно освободили и даже вернули конфискованный меч, однако радость сего знаменательного события оказалась сведена на нет новостью об исчезновении племянницы.

— А Илиана? Ты ее искал? Где она может быть? — терялась в догадках принцесса.

— Понятия не имею, — невесело отозвался Бэйл. — Вообще никаких зацепок. Если она все еще в Солтенстиле, то наверняка догадалась бы как-нибудь об этом сообщить. Но ни во дворец, ни ко мне домой никаких посланий не приходило. Хочется верить, что она все-таки уехала к тетушке.

— А сам чего ее не ищешь?! — возмущенно воскликнула принцесса, сердито сверкнув глазами.

— Талара, как ты думаешь, Илиана умная девочка? — вместо ответа поинтересовался гладиатор.

— Поумней многих, — без запинки отозвалась та. — А что?

— А то. Мы не знаем причин по которым она убежала, причем убежала столь стремительно, что ее поступок явился для всех полнейшей неожиданностью. Если Илиана сама до сих пор не дала о себе знать, значит на то у нее есть причины, и разыскивая ее мы рискуем привлечь к ней внимание тех, от кого она скрылась, — негромко изрек Бэйл.
Над этим соображением у него было достаточно времени подумать.
— И кто это может быть? — озадаченно спросила принцесса.
— Если бы я знал, — покачал головой гладиатор.
— Так может она попала в беду, а ты сидишь сложа руки! — снова рассердилась Талара.
— То что она попала в беду — уже очевидно, иначе с чего бы ей так поступать, — проворчал Бэйл. — Но что прикажешь делать мне? Переворачивать весь Солтенстил кверху дном со шпиками на хвосте?
— О чем это ты? — удивилась принцесса.
Гладиатор с досады крякнул, поняв, что проговорился, но отступать было поздно. Талара теперь не отвяжется. Пожалуй, придется посвятить ее в некоторые детали. Так, по крайней мере, удастся объяснить странности в своем поведении.
— У Имперской стражи явные нелады с чародейками, — хмуро сказал он. — После того случая у колдуньи отпустить-то они меня отпустили, а вот подозревать наверняка не перестали. Готов поклясться, что за мной следят. Поэтому я в основном торчу во дворце сиднем, и в город особо не высовываюсь.
— А что ты там, кстати, вообще забыл? — осведомилась принцесса.
— Что-что, — вздохнул Бэйл. — Почту, вот что. Откуда, думаешь, я брал все те книжки которые приходили Илиане? Да и тебе, помнится, тоже досталась парочка. Что-то про ведьм.
— Та-а-а-ак, — протянула Талара. — Вот еще новости.
— Да откуда ж я и тетя Лина могли знать, что твой отец возьмет и объявит чародеек вне закона? — проворчал гладиатор. — Почта у них работает в несколько раз быстрее, чем у всех. Лине при университете по знакомству устроили такую пересылку, и мы не нашли ничего дурного в том чтобы ей воспользоваться.
— Выходит, я теперь еще и ваша сообщница? — почесала нос принцесса.
— Ага. В том что получила книжку. Как и твоя подруга свои учебники. Если ты действительно считаешь что это преступление, то самое время сдать меня обратно Имперской страже — то-то она обрадуется! — предложил Бэйл.

Талара, быстро обдумав сказанное, неопределенно фыркнула. Гладиатор, внешне оставаясь спокойным, не без внутреннего волнения ожидал ее реакции. Он ступил на довольно тонкий лед, выдав часть истинной подоплеки, и теперь запоздало гадал не сделал ли ошибку. К счастью, его расчет, основанный на высказанных некогда предположениях Сирелины, полностью оправдался.
— Ну, на государственную измену это действительно не тянет, — милостиво согласилась принцесса. — Ладно уж, это останется между нами. Только постарайся в следующий раз не влетать в столь крупные неприятности из-за такой чепухи. Но что мы, однако, предпримем по поводу Илианы? Я не собираюсь сидеть сложа руки, раз уж вернулась!
Ответить Бэйл не успел, так как разговор прервало неожиданное появление визиря. Устав дожидаться ее высочество, он выяснил куда она подевалась и сам отправился искать свалившуюся как снег на голову принцессу.
— Так, вечером я тебя сама найду! А сейчас у меня неотложное дело! — быстро сказала Талара, вскакивая со скамейки и направляясь навстречу Иль Машхану.

Визирь пребывал не в лучшем расположении духа, расстроенный выходкой принцессы. Его худшие подозрения подтвердились — возвращение дочери повелителя спровоцировало отправленное им письмо, причем отправленное из самых лучших побуждений. Сановник и представить себе не мог, что его жест обернется столь проблематичными последствиями. Он-то решил, что принцессе лучше заблаговременно узнать об исчезновении своей фаворитки, а не непосредственно по возвращении, и тут на тебе! Талара, однако, заявила что он поступил совершенно правильно, и она, если в том возникнет надобность, встанет за него перед отцом горой. Разговор у них вышел довольно долгий, но принцесса вела себя по отношению к визирю вежливо и корректно. Во-первых, тот действительно оказал ей большую услугу, о которой никто другой не позаботился, а она это оценила. Во-вторых, фрегату маркиза надлежало отплыть обратно, чего без разрешения Иль Машхана сделать было нельзя. В третьих, у нее имелись кое-какие вопросы, и лучший способ получить на них ответы — это сдержать свой характер и обойтись без выпендрежа. К счастью, принцесса и визирь нашли общий язык и договорились уладить все наилучшим образом. Талара пообещала что никому не скажет про содержание его письма, а выдаст свое спонтанное возвращение за желание повидать подругу, по которой очень соскучилась. Иль Машхан же в свою очередь по секрету поделился с ней деталями истории Илианы и Бэйла.

Делом садовника занималась Имперская стража, пока его не перехватили колдуны из Нижнего подземелья. Их старший добился у визиря разрешения на давно уже вышедшее из практики Высшее судилище, объяснив такую меру чрезвычайными обстоятельствами, связанными с государственными интересами, и взял на себя полную ответственность перед повелителем. Если бы Иль Машхан получил письмо Талары раньше, то он вмешался бы до того, как Бэйл вышел на арену, а так ему и приказывать-то было уже незачем — Судилище завершилось, садовник обрел свободу и вернулся во дворец полностью оправданным.

Насчет Илианы ситуация обстояла следующим образом. С подачи все того же заправилы Нижних подземелий ей опять-таки занималась Имперская стража. Девушку в розыск официально не объявляли, хотя визирю докладывали что стражники негласно обыскивают весь Солтенстил. Насколько ему было известно, поиски они в итоге прекратили, а Нижнее подземелье хранило молчание. Визирь был отлично осведомлен о щекотливом статусе Илианы и ее связи с его обитателями, а потому не удивлялся вовлечению в сей вопрос означенных лиц. Причины исчезновения девушки были Иль Машхану неизвестны. Никакой вины за ней не числилось, в чем лично заверял его старший колдун, когда просил не придавать дело огласке и доверить все хлопоты Имперской страже. Визирь согласился, но визит этого человека, которого он недолюбливал, тогда и побудил его отправить письмо ее высочеству. Теперь, если принцесса считает что он поступил неправильно, Иль Машхан готов выслушать предложения касательно розыска ее придворной дамы.

Выйдя от визиря, Талара с его благословения и в сопровождении отряда гвардейцев первым делом направилась в порт. Фрегат все еще стоял на якоре, дожидаясь разрешения на отплытие. Проводив принцессу до дворца и убедившись что она благополучно миновала ворота, маркиз со своими людьми вернулся на корабль и стал дожидаться развития событий. Задерживаться он не планировал, поскольку ему еще предстояло объясняться с королем Фолькона, да и Талара теперь посвятит все свое время пропавшей подруге, где он вряд ли сможет ей чем-то помочь. С официальным визитом, пожалуй, следует повременить. Маркиз лишь надеялся что сейчас в Солтенстиле не разразится большой скандал, и он сможет повидать восточную амазонку перед отплытием. Его ожидания наилучшим образом оправдались, когда к вечеру принцесса лично явилась к нему на корабль вручить разрешение на отплытие, попрощаться и поблагодарить за доставку домой. Она сообщила что все улажено, и галантному рыцарю совершенно не о чем

волноваться. Галантный рыцарь был в этом не совсем уверен, поскольку у его короля на сей счет могло быть несколько иное мнение, но не подал и виду. Он ведь добровольно впутался в эту историю, и о своем поступке ничуть не сожалел. Дю Бренталь заверил принцессу Железных земель в своей искренней дружбе и выразил надежду, что укрепление их личных отношений способствует укреплению отношений и между двумя государствами. Когда судно, наконец, подняло паруса и отчалило, маркиз еще долго стоял на корме, махая Таларе широкополой шляпой с пером до тех пор, пока не исчез из видимости. Закончив визит чести, принцесса, которой, впрочем, действительно жаль было расставаться с понравившимся ей рыцарем, поспешила обратно во дворец.

Уже смеркалось когда она нашла Бэйла в доме Илианы. К принцессе, в отличие от ее отца, нирелинцы относились хорошо, и впустили в комнату подруги без вопросов. Талара живо проверила тайник Илианы, но какой-либо записки там не обнаружила, о чем и сообщила явившемуся на ее зов гладиатору. Местонахождение тайника она, разумеется не показала — мало ли что, девичьи дела.
— Следовало ожидать, — вздохнула Талара, усаживаясь на табуретку.
— Я тут подумал… — начал было Бэйл.
— Погоди, — остановила его принцесса. — Сначала я должна тебе кое-что рассказать. То, что я сегодня узнала от визиря.

Военный совет тет-а-тет продлился далеко за полночь. Принцессе, в общем, было глубоко наплевать что на сей счет подумают придворные и прочий дворцовый люд. Не обращая внимания на вызванный ее прибытием переполох, она, не считая маркиза, занималась исключительно судьбой исчезнувшей подруги. Занималась там, где хотела, и столько, сколько считала нужным. При этом, надо сказать, Талара действовала достаточно осмотрительно. Подозревая неладное, она не стала пороть горячку у Иль Машхана, озадачивая того распоряжениями, а для начала решила посоветоваться с Бэйлом. Тот нашел ее решение весьма мудрым.
— Ты правильно поступила! — задумчиво сказал он, хмуря брови. — Что-то здесь нечисто. С чего бы это вдруг колдуну проявлять такую необъяснимую осторожность? Чего проще: оклеить весь Солтенстил портретами Илианы с воззванием "потерялась девушка". Почему же он поручил Имперской страже вести ее поиски втайне, а визиря упросил не придавать дело огласке?
— Но ведь Иля… гм… ты же знаешь, — неловко замялась принцесса. — Она же на особом счету у моего отца из-за своего деда.
— Уже нет, в том-то и дело! — многозначительно поднял палец Бэйл. — Я сам об этом не так давно узнал. Илиана больше не за-

ложница. Стало быть, нет ни малейшего смысла делать из ее побега великий секрет. Дождавшись тебя, она вполне могла бы получить официальное разрешение покидать дворец когда ей заблагорассудится.
— Да ну?! — ахнула Талара. — Здорово! То есть, я имею в виду, здорово, что она наконец-то избавилась от этого бремени. Оно было единственным камнем преткновения, где отец до сих пор не соглашался пойти на уступки. Признаться, я пока не решалась доводить дело до крайности и рада что теперь и не придется.
— А какой напрашивается вывод? — серьезным тоном спросил гладиатор.
Принцесса озадаченно похлопала глазами.
— Что этот секрет, который колдун так старался скрыть, как раз и связан с причиной побега Илианы! — мрачно заявил Бэйл. — И что он не просто ее искал — он не хотел чтобы она об этом узнала! Чем еще объяснить что любая шумиха ему явно не на руку?
— Мне эти гнусные типы из подвалов дворца вообще никогда не нравились! — заявила насупившаяся Талара.
— Знаешь о чем я еще только теперь подумал? — медленно протянул гладиатор. — Это неожиданное участие колдуна в моей судьбе… Он уверял, что им движет желание обойтись без неприятностей с тобой. Но так ли это на самом деле? Возможно ли, что у него был некий свой расчет? Возможно ли, что это его вмешательство как-то связано с исчезновением Илианы, о котором я на тот момент и понятия не имел?
— Слушай, дядя Бэйл, а ведь тут действительно есть над чем подумать! — вконец посерьезнела Талара.
— Еще как! Особенно если учесть, что Имперская стража, исходя из слов визиря, прекратила искать Илиану аккурат по завершении Высшего судилища! — совсем уж невесело заметил гладиатор. — Совпадение? Возможно. Но от того факта что поиски, пусть и негласные, с того самого дня более не ведутся отмахнуться нельзя.
— Это меня вообще поразило! — воскликнула принцесса. — Еще у визиря я хотела потребовать чтобы он немедленно поднял всю столичную стражу и разослал гонцов по всей стране. Что-то, однако, меня удержало, и я решила сначала узнать твое мнение.
— Тебя удержал здравый смысл, — улыбнулся Бэйл. — И это очень похвально, учитывая твой горячий и своевольный характер. — Обрати внимание: поиски прекращены, а почему — неизвестно. Во всяком случае, визирю, если он от тебя ничего не скрывает, что вряд ли. А вот колдуну… Колдун, возможно, очень хорошо знает почему, если он наверняка сам отдал соответствующее распоряжение!

— Если он как-то причастен к исчезновению моей подруги, я заставлю его сильно об этом пожалеть, — с каким-то царственным величием заявила Талара, сурово блеснув глазами. — Можно вызвать его к визирю и потребовать объяснить почему стража прекратила поиски, — добавила она менее грозно.
— Можно, — согласился Бэйл. — Только он вряд ли ответит правду, раз до сих пор этого не сделал.
— В любом случае, он что-нибудь да скажет. А я послушаю. Если он так не хотел вступать со мной в конфликт, то завтра же я предоставлю ему отличную возможность доказать это на деле, ибо намереваюсь присутствовать при разговоре с визирем.
— Хорошо, — кивнул гладиатор. — Но давай поразмыслим что еще мы можем предпринять.
Размышляли они еще очень долго, поглощая чашка за чашкой безропотно приносимый Далиной горячий чай.

Принцесса проспала до позднего утра. День накануне оказался длинным, тревожным и насыщенным, и после морского путешествия она наконец-то насладилась прелестями домашней постели. Умывшись и наскоро позавтракав, Талара оделась и направилась было к двери, но остановилась у самого выхода. Поколебавшись, она вернулась в будуар и избавилась от светского платья, сменив его на привезенные с собой доспехи. Тонкие кольчужные кольца в них составляли лишь самую основу, поверх которой искусный мастер расположил прочные пластины из нержавеющей стали, накладывавшиеся друг на друга наподобие черепицы. Доспех, разумеется, не обладал непробиваемостью рыцарского панциря, но зато был несравнимо легче и защищал намного лучше обыкновенной кольчуги, спасая даже от прямых ударов большинства образчиков колющего оружия. Принцессе с ее живостью, впрочем, кольчуга подходила больше, но в новом доспехе она выглядела поистине грозно и солидно. Прицепив на пояс меч из Абериджа, Талара, удовлетворенно оглядев себя в огромное зеркало, направилась прямиком к визирю.

Запрос принцессы Иль Машхана не удивил. Скорее, он ожидал его. Испросив у ее высочества позволения закончить текущее дело, визирь продолжил о чем-то беседовать с приглашенными посетителями. Талара тактично удалилась и принялась расхаживать в соседней зале, деловито поглядывая по сторонам. Она заметила что отцовские вельможи, и прежде старавшиеся выполнять любую ее прихоть, стали относиться к ней несколько иначе. До недавнего времени ее воспринимали скорее как капризного ребенка, отказать которому было бы себе дороже. Теперь же в поведении сановников все чаще наблюдалась примесь определенной почти-

тельности, выражавшейся не только как дань по отношению к родной дочери повелителя, но и ее личному весу. Принцесса полагала, что дело было в ее новых бойцовских качествах и воинственном виде, красноречиво подчеркиваемом броней и оружием. Отчасти это действительно было так, тем более что благодаря рассказам некоторых гвардейцев и учителей фехтования придворные уже знали: ханская дочь носит клинок отнюдь не для красоты. Основная же причина крылась в другом. Талара взрослела. До ее совершеннолетия оставалось совсем немного, и сложившаяся девушка обретала все большее влияние на окружающих. Статс-воспитательница, как-то нанеся ей свой последний визит, осталась в прошлом. Исключительное же отношение самого хана к своей любимице довершало дело, и среди вельмож потихоньку ползли слухи что повелитель подумывает оставить Талару при себе в качестве помощницы по каким-нибудь делам. Его явно впечатлили серьезные успехи дочери в верховой езде и ратном деле, сыгравшие не последнюю роль в планах на ее будущее. Поскольку кровных родственников у ад-Сейдина осталось, мягко говоря, маловато, такой выбор выглядел достаточно обоснованным. В результате если раньше приказы юной принцессы воспринимались с оттенком "мне приспичило", то теперь к ним все чаще относились с ощущением "так надо".

Вскоре слуга почтительно позвал принцессу обратно. Вернувшись в кабинет визиря — довольно просторное помещение с двумя боковыми выходами и большими центральными дверями, Талара подошла к столу из черного дерева, за которым сановник принимал посетителей. Поскольку дочь повелителя таковым не являлась, Иль Махшан предложил ей кресло по свою сторону стола, дабы даже формально не ставить принцессу в положение просительницы. Налив себе и гостье по бокалу прохладительного напитка, визирь сообщил что он уже послал за хозяином Нижних подземелий и им следует немного обождать. Пока же длится ожидание, ее высочество, возможно, расскажет ему как нашла свою поездку в западное королевство. Не найдя ничего предосудительного в таком вопросе, Талара коротко поведала о своих сугубо положительных впечатлениях и не преминула воспользоваться случаем провентилировать с визирем вопрос о магазинах нового типа. Когда вошел дежурный секретарь, Иль Машхан как раз обсуждал с принцессой целесообразные с ее точки зрения новшества. Склонившись к уху своего господина, он прошептал несколько слов. Визирь, помрачнев, велел ему удалиться.

— К сожалению, ваше высочество, Распорядитель Нижних подземелий не придет, — огорченно сказал Иль Машхан. — Мне только

что доложили, что он уже две с лишним недели как в отъезде, причем неизвестно куда именно. Боюсь, с вопросами к нему придется обождать. Могу я еще чем-то вам помочь?
Его нахмуренный вид сообщил Таларе что визирь действительно был не осведомлен и сложившаяся ситуация ему тоже не по душе. Поблагодарив сановника за содействие, принцесса удалилась. На прощание Иль Машхан пообещал держать ее в курсе и сообщить ей сразу как только колдун появится.

Бэйла эти новости насторожили еще пуще прежнего.
— Не верю я в такие совпадения, — озабоченно сказал он, выслушав принцессу. — Сама посуди: меня отпускают, практически тогда же стража перестает искать Илиану, и примерно в то же время уезжает этот треклятый колдун Дегонис. Полагаю, это был именно он, старший из них — тот, кого называют Распорядитель. Честное слово, пока он помогал мне в темнице, я даже проникся к нему некоторым расположением, но теперь... Теперь я начинаю подозревать что он еще более злой и коварный тип, чем... — он чуть не ляпнул "чем предупреждала Сирелина" и вовремя осекся.
— Чем что? — переспросила Талара.
— Чем о нем поговаривают, — нашелся гладиатор, поскольку это была сущая правда и колдунов в той или иной степени недолюбливали.
— Да, в этом что-то есть, — согласилась принцесса. — Послушай, дядя Бэйл, а если Иля все-таки уехала к тете Лине, то она, по идее, об этом напишет, так?
— На момент исчезновения Илианы я был в заключении, — напомнил гладиатор. — Куда ж она будет писать? Не забывай о какой щекотливой истории шла речь. Тетя Лина — ученый астроном, большой специалист в науках. Если ты не в курсе, таких сплошь и рядом путают с колдуньями.
— Что, тетя Лина не послала бы тебе весточку даже домой? — удивилась Талара. — Туда, где я вас выследила, а не где все думают что ты живешь, — беззастенчиво пояснила она.
— По правде говоря, понятия не имею, — смущенно отозвался Бэйл. — С момента освобождения я там ни разу не был.
— Что-о-о-о?! — воскликнула принцесса, потянувшись руками к собеседнику с таким видом будто вознамерилась его придушить. — То есть все это время там могла лежать записка от Илианы, а ты даже не почесался проверить?! Минутку! Может быть, она и сама там прячется?!
— Не прячется, — возразил гладиатор. — Тогда бы она уже как-нибудь дала о себе знать. Впрочем, чем черт не шутит. Но в любом случае я тебе объяснял почему почти никуда не выхожу из дворца.

Шпионы Имперской стражи. Я боялся скомпрометировать дом для… свиданий с тетей Линой. Не любят у вас в Железных землях ученых женщин, а теперь, после проблем с чародейками, и подавно.
— Однажды я постараюсь это исправить, — заявила Талара, и гладиатор не осмелился уточнить что именно. — А сейчас мы немедленно идем к тебе.
— Ваше высочество, при всем уважении… В том что нам никто не осмелится помешать я даже не сомневаюсь, как и в том что шпионов от этого станет еще больше! — взмолился Бэйл. — Талара, ты же сама жаловалась что за тобой всегда таскалась уйма народу!
Уже вскочившая на ноги принцесса нашла его аргумент достаточно убедительным. Задумчиво поглядев в заросли парковых деревьев, она перевела взгляд на уходившую вдаль дорожку. Никого. Вроде бы. Да, с этих назойливых типчиков станется!.. Гладиатор с удивлением смотрел как она неожиданно заметалась взад-вперед. На лице Талары отражалась какая-то сильная внутренняя борьба.
— Жди меня здесь, — вдруг бросила она и упорхнула.
Бэйл озадаченно почесал в голове.

Вернулась принцесса через полчаса. Доспехи она сменила на обычный наряд для прогулок, приличный, но не слишком броский.
— Держи, — сказала девушка, сунув гладиатору плотный шейный платок. — Идем, — добавила она, потянув его за руку.

Остановились они у какого-то приземистого садового домика, увенчанного маленькой витой башенкой с куполом. Укрытый в густых зарослях домик предположительно служил хранилищем для служебного инвентаря, но Бэйл ни разу не видел его когда-либо открытым. Забранные решетками окна в каменных стенах были всегда зашторены, а железная дверь заперта на внутренний замок.
— Завяжи глаза! — скомандовала Талара. — Завяжи и поклянись что не снимешь платок пока я не скажу.
Догадавшийся что она задумала гладиатор дал требуемую клятву. Убедившись, что платок повязан как положено, принцесса открыла узорную дверь и потянула спутника за собой.

Илиану, как свое самое доверенное лицо, посвященное, к тому же, в ее личные рыцари, ханская дочь водила через систему потайных ходов без подобных предосторожностей. Бэйл все-таки был человеком не слишком близким для таких секретов, тем более что секрет этот принадлежал правящей фамилии, а не лично Таларе. Вместе с тем, оказавшись перед выбором, она решила что цель оправдывает средства. К тому же и Бэйл с некоторых пор об-

рел в ее глазах достаточно доверия, чтобы она могла провести его при условии что он не станет подглядывать. Гладиатор честно сдержал обещание, и когда парочка спустя время вновь оказалась под открытым небом, Таларе не в чем было его упрекнуть.
— Погоди, — сказал Бэйл, когда принцесса, выведя его в заросший бурьяном тупик, заспешила к выходу на ближайшую улочку.
Поправив шейный платок, он натянул его на нижнюю часть лица.
— Это еще за чем? — удивилась Талара.
— Да меня после Судилища теперь полгорода знает! — пояснил Бэйл. — Еще одна причина почему я не выхожу из дворца.
Усмехнувшись, принцесса поправила собственную вуаль и предложила ему идти первым.

В доме было пусто. Гладиатор проявил максимум предосторожности, несколько раз подходя к нему с разных сторон и выискивая малейшие подозрительные признаки чьего-либо нежелательного присутствия. Ничего не обнаружив, он быстро отпер входную дверь, пропустил Талару, зашел сам и немедленно замкнул вход на замок. Быстрый осмотр показал что в жилище давно никто не появлялся. Никакой корреспонденции также не имелось. Принцесса не скрывала своего разочарования и смотрела на Бэйла грустными глазами. Гладиатор, стараясь не замечать опечаленного вида девушки, прошел на кухню и плеснул ей остававшегося бодрящего напитка Сирелины. Принцесса приняла угощение, и ее настроение несколько улучшилось.
— Все-таки твоя жена знает толк в напитках, — заметила она, опустошая стакан. — Пожалуй, стоит выведать у нее рецепт.
— Это бесполезно. Приготовить этот напиток могут только... специально обученные люди, — заметил Бэйл, после небольшой запинки найдя что можно сказать вместо "чародейки".
— Куда это ты так уставился? — осведомилась принцесса, ставя стакан на пыльный стол.
— Странно, мне казалось бутылок было больше, — ответил гладиатор, показывая пальцем на углубление в полу, где под открытой крышкой люка виднелось несколько посудин.
Поглядев на это хранилище для напитков, Талара оживилась.
— У тебя в доме есть тайники о которых знает Илиана? — осведомилась она, многозначительно посмотрев Бэйлу в глаза.
Сообразив о чем она толкует, гладиатор ринулся в комнату. Сгоравшая от любопытства принцесса шмыгнула за ним следом и ему, дабы совсем уж не остаться без секретов, пришлось выставить высокородную гостью за дверь. Впрочем, дулась она там недолго. Что-то подвигав и чем-то погремев, гладиатор взволнованным голосом довольно быстро позвал ее обратно.

— Читай! Это было в тайнике! — сказал он, сунув Таларе записку Илианы.
Принцесса жадно проглотила немногочисленные строки.
— По-моему все стало только запутанней, — озадаченно произнесла она, возвращая гладиатору короткое послание. — Это ее рука, вне всяких сомнений. Но о чем она говорит? Какие такие "ужасные вещи"?!
— Понятия не имею! — воскликнул Бэйл.
— "Не ищите меня, я сама найду вас, если смогу это сделать"... — процитировала, размышляя вслух, Талара. — Если я правильно поняла, она почему-то спряталась и не хочет чтобы мы узнали где. Чертовщина какая-то! Интересно, за что это вы должны передать мне извинения? Тетя Лина, как я понимаю, это сокращение от Сирелина? Гм, где-то я уже слышала это имя...
Сообразив, что он только что выдал принцессе подлинное имя чародейки, Бэйл почувствовал себя ослом.
— За то что бросила тебя, не сказав ни слова. Полагаю, она подразумевала свое внезапное исчезновение, — сказал он, стараясь переключить внимание Талары.
— О котором мы теперь знаем не намного больше чем раньше, зато вопросов только прибавилось! — с досадой засопела принцесса. — Ну, когда мне попадется эта противная девчонка уши-то я ей надеру!

Обратно вернулись тем же путем. Еще раз взяв с гладиатора обещание помалкивать про потайной ход, Талара вместе с ним наведалась к нирелинцам — рассказать о найденной записке. Старый шейх, заметно осунувшийся с тех пор как пропала его обожаемая внучка, был несказанно рад получить о ней хоть какую-то весть. К чести старика, он не переносил свои чувства к хану на его дочь, и Талара даже не подозревала сколько боли и гнева гнездится в истерзанном сердце ан-Бакира. Он совершенно спокойно глядел на устроившуюся рядом принцессу, и в его взоре не было ни малейшего недружелюбия. Скорее наоборот — приветливость по отношению к близкой подруге Илианы.
— Бодрый старикан, — заметила она, выйдя с гладиатором на улицу. — Сколько ему? Девяносто три? Обалдеть! А так и не скажешь...
— Говорят, он заметно сдал после исчезновения внучки, — невесело заметил Бэйл. — Слишком переживает. Впрочем, все мы не молодеем. Мне так в сентябре пятьдесят четыре стукнет! Скоро ты меня на обе лопатки класть будешь, с твоей-то скоростью совершенствоваться.
— Да ну?! — вторично удивилась Талара. — Ты отлично сохранил-

ся! Любому молодому бойцу фору дашь.
— Спасибо на добром слове, — улыбнулся гладиатор.

Остаток дня парочка провела за тренировкой. Бившей из принцессы энергии требовался выход, и она воспользовалась случаем обкатать с наставником несколько новых приемов, почерпнутых ей у рыцарей дю Бренталя. Бэйл находил прогресс ученицы впечатляющим. Разгоряченная Талара, раздуваясь от гордости, поведала ему о своих успехах у западных воинов высшей пробы. Физические упражнения не мешали им двоим вести разговоры о Фольконе и обсуждать дальнейшие шаги, основываясь на найденной сегодня записке.

К полудню следующего дня Талара разыскала Бэйла в парке, где тот рыхлил клумбы и обкладывал их красивыми мраморными плитками. Наступила самая середина августа, и некоторые цветы подлежали новой посадке. Под сильными руками Бэйла садовый инструмент вспахивал землю как борона после лошади. Подготовив почву, гладиатор-садовод аккуратно размещал в ней семена, выставлял бордюр и переходил к следующему участку. Он как раз заканчивал, так что Талара решила не отрывать его почем зря от дела, а немного обождать. Принцессам работать не положено, но как минимум из вежливости она все же нашла себе занятие: вооружилась лейкой и поливала клумбы. Когда Бэйл разместил последний кусочек резного мрамора, он положил перчатки с инструментом в тачку, куда Талара пристроила и лейку. Взявшись за ручки, гладиатор покатил тачку по дорожке через парк, а топавшая рядом девушка выкладывала ему свои мыслишки.
— Ты уже написал жене о нашей вчерашней находке? — спросила она. — Полагаю, ей стоит об этом знать.
— Нет еще, — ответил Бэйл.
С этим у него, честно говоря, имелись известные сложности. После краха почтовой станции чародеек оставался еще наземный канал, и он вроде как до сих пор работал, хотя и с большими перебоями. Вот только приходить туда со шпиками на хвосте было слишком неосмотрительно. С величайшими трудностями гладиатор кое-как умудрился передать для Сирелины маленькую записку и более не рисковал. Это было вскоре после его освобождения и с тех пор он, в основном, пассивно ждал развития событий, терзаясь муками бездействия и совести. Появление Талары ощутимо встряхнуло его размеренное обывательское существование.
— Напиши! — заявила принцесса. — Если что, я сама могу отправить твое письмо — тронуть мою корреспонденцию никто не осмелится.
"Да, отправить. В обитель чародейкам! Записывай, Талара, адрес",

— мрачно подумал гладиатор, соображая как бы выпутаться из щекотливой ситуации.
Возможно ли дать ей какие-то нейтральные координаты, чтобы принцесса ничего не заподозрила? У чародеек довольно хитрая система наземных пересылок. Да, вроде бы, но только все они находятся отнюдь не там, где по легенде подвизалась Сирелина. Как бы у принцессы не возникли вопросы…
— От визиря ничего не слыхать? — осведомился он, аккуратно переводя тему.
— Не-а, — мотнула головой девушка.
— Досадно, — проворчал Бэйл. — Я вот все голову ломаю, о чем таком говорила в записке Илиана, и никак ума не приложу! Почему она не просто спряталась, а спряталась даже от нас, о чем сообщила практически открытым текстом? Вот ЭТО мне вообще не понятно, хоть убейся. Она же знает, что мы всегда придем ей на помощь что бы ни случилось!
— Меня тоже это удивило, — согласилась Талара. — Знаешь что я думаю?.. Ах ты ж, чтоб тебя!
Понятное дело, отнюдь не последнее восклицание являлось плодом умственных усилий принцессы. Оборвав фразу в самом начале не слишком подходящим для благородной дамы словечком, девушка чуть не споткнулась о какую-то живность, кинувшуюся к ней под ноги из-под ближайшего куста. Живность оказалась весьма кругла и упитана, так что Талара от неожиданности едва не кувырнулась на дорожку, извернувшись в неустойчивом пируэте. Удивленно-раздосадованное изучение виновника происшествия позволило сделать очевидный вывод, что живность к тому же мохната, полосата и хвостата. А упитана просто до неприличия — настоящая бочка!
— Э, животное, что за подстава?! — осведомилась принцесса, изучая кружившего подле нее кота.
Тот вел себя как-то странно: замысловато вертелся и мяукал с каким-то жутким акцентом, будто подавился мышью и теперь не то звал на помощь, не то задыхался. Таларе вдруг показалось, что она уже где-то видела этого зверя. Кошек при дворце имелось немало, но этот здоровый котяра, кажется, встречался ей где-то еще. Ткнувшись девушке в ноги, мохнатый диверсант задрал морду и что-то просипел. Кажется, у него в пасти виднелся какой-то небольшой предмет, который и мешал ему мяукать. Глянув коту прямо в усатую физиономию, Талара вдруг узнала неожиданного визитера.
— Бус! Это ты что ли?! А ты что здесь делаешь?! — округлила она глаза, но тут же в ее голове молнией сверкнула догадка.

Достаточно было сложить два и два, чтобы объединить появление обитателя Абериджа с удивительным даром подруги.
— Бус, тебя прислала Илиана?! — воскликнула принцесса, присаживаясь на корточки.
Бус, а это действительно был он, выплюнул что-то изо рта, поднял голову и замяукал так выразительно, что Талара мгновенно поняла: лежавший перед ним предмет предназначался ей. Пока Бэйл еще только соображал что происходит, принцесса схватила обслюнявленную котом небольшую капсулу, распечатала и извлекла из нее скрученный клочок бумаги.
— Аберидж! Она в Аберидже! — ликующе воскликнула она, от избытка чувств запрыгав как маленький ребенок.
При слове "Аберидж" кот так оживленно и совсем по-человечески закивал, крутя хвостом и изгибая спину, что девушка на радостях чуть со смеху не покатилась.
— Погоди, ты хочешь сказать, что это тот ваш дрессированный котяра, и он только что доставил тебе послание от Илианы? — опешил гладиатор, показавшийся Таларе законченным тугодумом.
Впрочем, ему было простительно, поскольку Бэйл явно все еще пребывал в неведении насчет уникальных способностей своей племянницы. Просвещать его принцесса не стала. Раз этого до сих пор не сделала сама Илиана, значит у нее на то имелись какие-то основания. Талара и сама до глубины души поразилась появлению кота-почтальона, но она хотя бы понимала откуда, что называется, уши растут. Остальное можно будет выяснить позже. Сейчас — ноги в руки и в Аберидж!

В конце дня парочка плюс кот явилась к воротам заброшенного комплекса. Кота тащил в большой корзине Бэйл, к концу пути не слишком довольный этим обстоятельством. Бус знатно отожрался, и тяжелая корзинка со временем оттягивала руку даже такому тренированному человеку как он. Отомкнув ключом ворота, Талара живо миновала арку и вышла во внутренний двор, где тут же оказалась окружена целой стаей котов и кошек. Грузно выпрыгнувший из корзины Бус пришелся очень кстати. Животные выглядели не очень-то дружелюбно, но после его красноречивого внушения живо перестали урчать и сверкать глазами. Похоже, бочка на лапах играла здесь не последнюю скрипку. Погладив для убедительности позволившего такие вольности Буса, принцесса принялась звать Илиану.

Поведение кота сбивало Талару с толку. В отличие от подруги, она не могла общаться с ним на одной волне, а посему у нее не получалось уразуметь что Бус пытался ей втолковать. Сумей она хотя бы немного разобраться в его кошачьей мимике и болтовне,

принцессе не пришлось бы бродить по двору и бесплодно докрикиваться Илиану. Впрочем, вскоре ситуация прояснилась несколько иным образом. Одна из боковых дверей приоткрылась и навстречу Таларе с Бэйлом высыпало несколько молодых людей разного возраста. Шесть человек, если быть точным.
— Кто вы такие и почему ищете здесь нашу подругу? — спросила, выступив вперед, темноволосая девушка довольно крупного телосложения.
— Вашу подругу? — машинально переспросила принцесса. — Минуточку! Я ищу здесь СВОЮ подругу! А вот вопрос кто вы такие и что делаете в Аберидже, который вам, насколько мне известно, не принадлежит?! — выпалила она, с нескрываемым подозрением оглядывая маленькую ватагу.
Один из юношей, помоложе, был вооружен мечом и как-то уж слишком пытался это показать. Двое других, заметно постарше, мечей не носили, но выпуклости под одеждой заставляли предположить наличие колющего оружия. Женская часть компании, помимо, видимо, предводительницы, была представлена двумя довольно юными созданиями: девочкой с косичками и какой-то хитрого вида разбойницей, чьи глаза уже успели обшарить гостей сверху донизу. Разбойница была с кинжалом и ничуть не пыталась это скрыть.
— Ты звала Илиану. Так зовут нашу подругу, — нахмурилась темноволосая девушка. — Что касается нашего присутствия в Аберидже, то это не ваше дело. Вас мы не знаем, а потому хотелось бы понять почему вы ищете Илиану именно здесь и какое имеете к ней отношение?
Принцесса аж задохнулась от возмущения и трудно было предсказать что бы она выпалила в следующую минуту, кабы юноша с мечом, присмотревшись повнимательнее, не воскликнул, выпучив глаза:
— Мать честная, да это же Бэйл!
— Чего? — посыпались удивленные возгласы его спутников. — Ой! А ведь действительно! Похоже — и правда он!
Вздохнув, гладиатор стянул с нижней части лица ставший бесполезным шейный платок.
— Полагаю, вы видели меня на арене? — спросил он, делая Таларе знак помолчать.
— Да, и даже знаем кто ты, — сказала темноволосая девушка, угомонив остальных.
— Это в каком смысле? — насторожился Бэйл.
— Ты дядя Илианы. Она рассказывала о тебе. Это вполне достойная рекомендация, — ответила девушка. — Но кто твоя суровая

спутница? Кажется, она намерена испепелить меня взглядом.
Такую информацию могли знать только действительно очень хорошо знакомые с Илианой люди. Талара и Бэйл переглянулись. На немой вопрос гладиатора принцесса махнула рукой — мол, ладно, чего уж там.
— Разрешите представить: ее высочество принцесса Талара, младшая дочь Гийюра ад-Сейдина, правителя Железных земель, — улыбаясь глазами, сделал жест открытой ладонью гладиатор. — А также лучшая подруга моей племянницы.
Присутствующие натурально остолбенели. Талара, подбоченясь, гордо блеснула глазами.
— Ну дела… — тихо сказал кто-то.
— Даже так… — не в силах сдержать откровенное изумление произнесла предводительница компании. — Что ж, тогда, полагаю, у вас наверняка есть вопросы. У нас, поверьте, тоже. Предлагаю пройти к нам домой и поговорить за чашкой чая. Милости просим.

Ребята оказались очень даже неплохими. Принцесса, поначалу державшаяся недоверчиво и настороженно, пришла к выводу, что с дурными людьми Илиана и знакомство бы водить не стала, не то что выкладывать им подноготную. Разговор, впрочем, наладился не сразу. Каждая из сторон сначала пыталась разузнать что известно другой, и дело стопорилось. Инициативу пришлось взять темноволосой девушке по имени Фариза, которая и впрямь была у молодежи за главную. Выяснив важную для нее суть, а именно что она имеет дело с друзьями Илианы, а не недругами, Фариза поведала обстоятельства встречи с их общей знакомой. Так малопомалу завязался обмен сведениями, результаты которого произвели глубокое впечатление на всех. Ребята узнали особенности малоизвестной им до сих пор жизни исчезнувшей подруги при дворце, включая детали ее дружбы с принцессой. Талара же с Бэйлом, изменившись в лице, ловили каждое слово о причинах побега Илианы и последующих невероятных событиях. Постепенно ситуация стала проясняться, хотя и новые вопросы тоже появились.
— Какое еще убийство? — недоумевала принцесса. — Ни о чем таком во дворце и слыхом не слыхивали! Насколько я знаю, капитан Ларадон жив-здоров и исполняет свои обязанности. Во дворце вообще понятия не имеют почему Иля сбежала быстрее ветра!
— А вы, значит, уже бывали здесь раньше? — в свою очередь спрашивала Фариза. — Тогда понятно откуда Бус вас знает. Он тут в кошачьей колонии за главного.

На исходе беседы, когда за окном уже смеркалось, Бэйл, с грохотом опрокинув скамейку, вскочил и забегал по гостиной, по-

трясая кулаками.
— Вот теперь я все понял! — рычал он. — Талара, этот гнусный колдун специально устроил мне Судилище чтобы заманить на него Илиану! Он знал что она придет! Знал, выследил, и устроил ей западню! Проклятье, какой мерзавец! Ее позвали от моего имени, и с тех пор она как в воду канула! И на следующий день ее прекратила искать Имперская стража... Исчез и сам колдун!.. Минуточку! Этот поганец заставил меня написать какую-то бумагу, которая, как я понял, до визиря так и не дошла... Я еще тогда подумал что текст в ней какой-то странный, будто со скрытым смыслом. Не с его ли помощью он поймал Илю в ловушку?! Фариза говорит, она узнала мой почерк, а ведь других документов я в те дни не писал. А-а-аргх!
— Если это так, я обращусь к отцу и колдун поплатится! — воскликнула принцесса, хватаясь за меч.
— За что? За что поплатится-то?! — сокрушался Бэйл. — Мы понятия не имеем что происходит! Теперь лишь очевидно что Илю схватили, и что за ее исчезновением наверняка стоит этот злодей! Но куда же он ее дел?! И куда подевался сам?! Силы небесные, я сейчас с ума сойду!
Фариза, наученная опытом Илианы, нацедила в стакан успокаивающего снадобья и всучила гостю, пока тот, чего доброго, не разнес с такими стараниями приведенную в уютный вид гостиную. Бэйл залпом проглотил содержимое и ему немного полегчало. Плюхнувшись обратно на скамейку, он подпер голову руками и пригорюнился.
— Талара, тебя во дворце часом не хватятся? — вежливо поинтересовалась Фариза.
Принцесса разрешила называть себя по имени, обходясь без всяких "ваше высочество", что заметно способствовало установлению доверительной обстановки.
— Да, пожалуй, лучше вернуться, — нехотя согласилась она, глянув на настенные часы. — Мне, честно говоря, побоку чего там подумают, но лишняя суматоха сейчас ни к чему.

Условились встретиться здесь же на следующий день. На выходе Фариза чуть задержала высокородную гостью.
— Не пори сегодня горячку, ладно? — шепнула она. — В твоей власти поднять на ноги весь Солтенстил, но я еще не все вам рассказала.
Принцесса насилу ушла, сгорая от нетерпения услышать новые подробности, но пообещала пока что ничего не предпринимать. Это же, кстати, ей позже присоветовал и Бэйл, когда успокоился и взял себя в руки. Что ж, теперь они оба знали обстоятельства ис-

чезновения Илианы и имели некоторое, пусть и смутное, представление о причинах ее бегства из дворца. Вот только на душе у них от этого стало совсем тревожно. Оба чувствовали, что Иля попала в большую беду, и оба гадали как лучше всего ей помочь, да так, чтобы при этом не навредить еще больше.

Принцесса боролась с огромным искушением явиться к визирю и поднять такую бурю, какой в ее исполнении еще свет не видывал. Она металась в своих покоях как тигрица в клетке, и принесшая завтрак служанка, поставив поднос на стол, тут же убежала, испуганная свирепым выражением ее лица. Взгляды, которые Талара бросала на висевшие в гардеробе обновки для подруги, распаляли ее пуще прежнего, и если бы сейчас в поле зрения ханской дочери объявился колдун, то ему, возможно, пришлось бы иметь дело с мечом из Абериджа. Разъяренная принцесса против обыкновения не отправилась на встречу с гладиатором сама. Приоткрыв дверь, она заявила дежурившим там гвардейцам о своем желании видеть садовника Бэйла.

Вскоре в дверь постучали, и в проем просунулась коротко стриженая седеющая голова гладиатора. Отправившийся выполнять приказ принцессы гвардеец вернулся с ним очень быстро. При дворце и так относились к садовнику достаточно щепетильно, зная о его высокой покровительнице, но солдаты держались с ним подчеркнуто уважительно. Они помнили, что на арене Бэйл пощадил двух проштрафившихся воинов, и ценили великодушный жест, учитывая что зрители желали совсем иного. Садовника привели как гостя, а не слугу. Завидев дядю Илианы, принцесса пригласила его войти и заложить засов, чтобы им никто не помешал.

— Как ты? — осведомился Бэйл, обводя взглядом просторные покои.

Судя по валявшимся там и сям подушкам, Талара пребывала не в лучшем расположении духа.

— Хотела написать отцу, да вот беда — что написать-то?! — без обиняков выпалила девушка, мотнув своей шикарной косой. — Он всегда меня выслушает, но одних голословных обвинений недостаточно. Нужны доказательства! А их-то у нас как раз и нет, потому что собранные тобой и мной сведения фактически всего лишь домыслы. Это мы, сведя известное нам воедино, увидели указывающую на колдуна картину, только другие могут посчитать иначе. К тому же слова тех бездомных ребят из Абериджа вообще никто всерьез не воспримет. В глазах отца мое слово получится против его. Отец меня любит, но этот гнусный колдун для него слишком важен. Он попросит подкрепить мои обвинения чем-нибудь существенным, а что у нас есть? Ничего! Я даже не могу

заставить негодяя отчитаться перед визирем, потому что он как сквозь землю провалился! И он наверняка будет лгать и изворачиваться.
— Здраво рассуждаешь, — одобрил Бэйл.
— А что толку-то с этой здравости?! — кипятилась Талара. — Холера мне в бок, я никогда не чувствовала себя такой беспомощной!
Выраженьице принцесса подцепила у рыцарей дю Бренталя и теперь при случае употребляла его в доверительной обстановке, давая выход эмоциям.
— Меня пугает совсем другое. Именно что пугает, а не беспокоит, — негромко сказал гладиатор.
Талара обратилась в слух.
— Если за пропажей Или стоит этот колдун Дегонис, а мы с тобой считаем что все на то указывает, то он должен понимать, что однажды она все тебе расскажет, — каким-то напряженным тоном изрек Бэйл.
— Само собой. И что? — не поняла принцесса.
— А то. Он, может, и отъявленный злодей, но уж точно не идиот, — подчеркнул гладиатор. — А раз так, то он, скорее всего, постарается этого никогда не допустить. Понимаешь, о чем я?
Только что вовсю розовевшие щеки девушки побледнели. Ее лицо приняло такое выражение, будто она увидела в своей постели живую кобру.
— Тогда я снесу ему голову лично, — выдавила она побелевшими губами.
— Надеюсь, до этого не дойдет. Надеюсь, не все так плохо, и у колдуна сыщется какое-нибудь более-менее внятное объяснение, — сказал Бэйл, обеспокоившись кровожадной реакцией принцессы.
Он, безусловно, разделял негодование юной собеседницы, но подстегивать ее пыл лишний раз не стоило. Девушка и без того отличалась импульсивным характером, и при случае вполне могла наломать дров. Вид Талары, бросающейся на колдуна с обнаженным мечом прямо в присутствии визиря мог воплотиться не только в его фантазии.
— Посмотрим, — процедила дочь ад-Сейдина. — Но если что, услуги палача ему не понадобятся.
— Послушай, Талара, можешь для меня кое-что прояснить? — спросил гладиатор, стараясь отвлечь ее от непростой темы. — Тебя почему-то не слишком удивило появление того котяры прямо в дворцовом парке. Более того, на это обстоятельство как-то вполне спокойно отреагировала и та девушка, Фариза. У меня одного ощущение, что этот случай из ряда вон, и коты обычно почтальо-

нами не работают? Я в жизни не поверю что можно вот так на раз-два отправить кого-то из них за несколько миль с посланием в пасти, особенно туда, где он никогда не был; к человеку, которого ему предстояло самостоятельно разыскать!
Недоумение Бэйла было принцессе вполне понятно. Даже зная о даре подруги, она в очередной раз оказалась под впечатлением от его возможностей. Кстати, не они ли явились камнем преткновения между ней и колдуном?.. Очень даже может быть. Да, но что ответить Бэйлу? Вчера Фариза успела сказать Таларе на ухо, что знает каким образом Бус сумел доставить послание. Илиана чуть-чуть приоткрыла ей свой секрет, сознавшись что умеет общаться с котом. Но можно ли доверить тайну этому седеющему мужчине?.. Поколебавшись, принцесса пришла к выводу, что в нынешних обстоятельствах она может поделиться с близким Илиане человеком. Немного, совсем капельку. Строго в рамках необходимого.
— Иля умеет разговаривать с Бусом. Не спрашивай как — я сама не знаю. Просто умеет и все. Еще с тех пор, как мы вместе ходили в Аберидж, — сообщила, наконец, Талара, старательно подбирая слова. — Надеюсь, не надо напоминать что об этом нельзя кому-либо говорить?
Ошарашенный гладиатор задал несколько уточняющих вопросов, но еще до того как принцесса на них ответила уже понял, что сказанное ей — чистейшая правда. Это объясняло удивительное поведение кота с тех самых пор, как Бэйл его первый раз увидел, невероятную сообразительность и феноменальные навыки общения. Вот оно, оказывается, в чем было дело! Про остальных животных Талара умолчала. Бэйла, пожалуй, удар хватит, если он узнает что в день знакомства подруг еще довольно маленькая Илиана преспокойно общалась с тигрицей Зарой, и та слушалась ее беспрекословно.
— Хорошо, но почему тогда кот принес послание только вчера? — озадаченно хмыкнул гладиатор, пытаясь перестроить свое мышление в соответствии с новыми реалиями.
— А вот это уж я без понятия, — развела руками Талара. — У Буса мы спросить не можем, так что придется сначала найти Илю.

На сей раз в Аберидже их ждали. В хорошем смысле. Кошачья братия беспрепятственно пропустила Талару и Бэйла к освоенной части заброшенного комплекса, где их встретил стоявший на вахте сероглазый шатен. Разговор сразу пошел куда более непринужденно.
— Хотите посмотреть как мы живем? Илиана нашла секретный вход в Аберидж, которым все теперь пользуются, — предложила Фариза.

— О, еще один?! — оживилась Талара, не в силах сдержать всколыхнувшееся любопытство.
— А что, есть и другой? — встрепенулись ребята, особенно юная разбойница с кинжалом по имени Дэя.
— Есть. Только не в Аберидж, а просто секретный ход. Но вам туда нельзя. Там очень опасно даже для чародейки, не то что для простых воинов. О детях и речи нет. Даже не думайте приближаться к тому месту! — наставительно ответил вместо принцессы Бэйл.
— Угу. Мы были там все втроем. Жуть жутчайшая! — подтвердила Талара, пропустив мимо ушей упоминание о чародейке, посчитав его простым сравнением. — Если жить не надоело, даже не спрашивайте что там за кошмар, а то по ночам спать не будете. Ну, показывайте где там у вас что.

Потайные двери принцессу действительно впечатлили, а вот расхваливание обнаружившей их подруги она воспринимала скорее как должное. Ее сообразительность и таланты для Талары давно уже не являлись сюрпризом. Если бы благородные титулы давались за личные заслуги, а не по праву рождения, то она предпочла бы наречь своей сестрой Илиану, а не иметь двух бездарных безвольных дур, только и способных что выйти замуж за кого укажут.
— Это вы тут хорошо устроились, — одобрила принцесса, когда экскурсия была завершена. — А что коты, они у вас сторожами что ли работают?
— Это еще Илиана завела, — многозначительно шепнула ей на ухо Фариза. — Попросила их предводителя. С тех пор все так, как было при ней.
— Ты, вроде, вчера обещалась мне что-то рассказать, — так же тихо напомнила принцесса.
— Да, попозже, когда выдастся подходящая минутка, — кивнула темноволосая девушка.

На почве пропавшей подруги, которую все любили и за которую все переживали, новые обитатели Абериджа и их гости довольно быстро подружились. Принцесса не кичилась своим положением — шутка ли, родная дочь самого могущественного правителя южных земель, перед которым склонилось уже множество государств. Бэйл при всей своей зрелости не изображал солидного поучающего отца. Ребята взамен вели себя просто и открыто, разве что умалчивали о талантах Галаны, Алдара и Ювиона. Разница в возрасте и социальном положении ушла на дальний план, юность и присущая ей неопытность без каких-либо препон смешались с сединой и житейской мудростью. Пока ребята, выяснив кто научил Илиану боевым приемам, наседали на Бэйла, Фариза и Та-

лара смогли спокойно переговорить. Старшая девушка не могла просто взять и разболтать принцессе о предсказаниях Галаны, но и умолчать о их содержании и связанных событиях тоже считала себя не вправе. В результате, хорошенько обдумав свои слова, она взяла с Талары обещание не допытываться до первоисточника сведений, а просто принять их как есть, не задавая вопросов. Принцесса согласилась. Стоя у окна, откуда в помещение вливался напоенный ароматом цветущей зелени теплый августовский воздух, Фариза неторопливо посвятила ее в некоторые детали уже поведанных событий. Закончился сей рассказ стойким предположением, что Илиане хотят причинить большое зло. Талара, хмурясь, считала, что в услышанном слишком много каких-то фантастических предположений, но Фариза, ощущая недоверие слушательницы, поклялась что сказала чистую правду. И что Илиана, когда она благополучно вернется домой, подтвердит каждое ее слово. Последнего аргумента для принцессы оказалось достаточно.

— Есть какие-нибудь идеи что можно предпринять? — только и спросила она, когда Фариза умолкла.

— А что мы можем? Мы всего лишь кучка юнцов, половина из которых и вовсе дети, — печально отозвалась старшая девушка. — Лишь с вашим появлением у нас забрезжила надежда. Если уж принцесса Железных земель не сможет помочь, то кто тогда вообще сможет?

Талару эта реплика задела за живое. Нет, не потому что она почему-либо оскорбилась, а потому что снова и на сей раз особенно остро ощутила свое бессилие. Один приказ — и улицы Солтенстила наводнят гвардейцы, а по ее воле во все концы страны отправятся поисковые отряды. И что толку? Круглый ноль. Можно сколь угодно бряцать оружием и командовать направо и налево, а зловещий колдун тем временем неизвестно где неизвестно зачем удерживает Илиану. И на кой только отец с ним связался?..

— Обещаю, я сделаю все возможное! — серьезным тоном заверила принцесса, и это была чистейшая правда.

Вот только не все, увы, было в ее силах.

Через день Талара уже изнемогала от жажды деятельности. Одна мысль о том, что она ничего не предпринимает, в то время как подруга отчаянно нуждается в помощи выводила ее из состояния душевного равновесия. Принцесса все-таки пошла к визирю и пожелала выяснить куда делся Распорядитель Нижних подземелий — она безотлагательно желает задать ему несколько вопросов. Иль Машхан вызвал его заместителя. Высокий рыжий тип по имени Пириаст перед лицом высшего сановника, управлявшего страной в отсутствие и от имени хана, чувствовал себя

явно не в своей тарелке. Вид сидевшей подле визиря принцессы уверенности в себе ему тоже ничуть не прибавлял. Пириаст, слегка заикаясь от волнения, клялся что понятия не имеет где сейчас находится старший колдун. Он не всегда ставит подчиненных в известность о своих планах. Так произошло и на сей раз: он спешно собрался и отбыл без каких-либо объяснений. Пириаст принял дела и приглядывает за бесперебойной работой в Нижних подземельях, ожидая возвращения мастера. Всю поступающую корреспонденцию он исправно складывает в специальный ящик у его кабинета. Каких-либо особых указаний Пириаст не получал. Мастер просто уехал в неизвестном направлении, оставив на помощника всю текучку. Сказал только, что предполагает вернуться через пять-восемь недель, но ни слова больше. В конце июля он покинул Нижние подземелья и с тех пор от него не было вестей.

Поняв, что больше ничего от длинного типа в черном балахоне добиться нельзя, визирь отпустил его восвояси.

— Я ему не верю! — заявила Талара. — Он трясся от страха, боясь что мы поймаем его на лжи.

— Как сказать, — задумчиво отозвался Иль Машхан — короткобородый, умудренный годами и опытом сановник возрастом под пятьдесят, из-под чьих густых бровей внимательно поблескивали умные серые глаза. — Может и нет. Я вот не посвящаю помощников в свои самые важные планы, целиком и полностью беру их на себя. Главный колдун может поступать таким же образом. Его заместитель в принципе не способен выдать его замыслы или как-нибудь их скомпрометировать, если он о них понятия не имеет. Учитывая уровень секретности, каким по прямому приказу нашего повелителя окружены Нижние подземелья, такая мера предосторожности выглядит отнюдь не лишней. Каждый занимается своим делом и лишь Распорядителю известна вся картина в целом. Давно известный метод. Даже гвардейцы, допущенные в закрытую область, проходят специальную проверку и подчиняются только своим офицерам. Накануне я спрашивал их капитана все ли в порядке на вверенной ему территории, и получил положительный ответ.

Талара прищурилась. Не про того ли самого капитана речь, которого, со слов Фаризы, Илиана думала что убила под воздействием неведомой силы? Темная, однако, история.

— Этого Распорядителя зовут Дегонис, — сказала она. — Признаться, мне надоело упоминать его иносказательно.

— Вообще-то его имя известно только высшим должностным лицам государства и, согласно указанию вашего отца, ваше высочество, разглашению не подлежит, — смутился визирь. — Позвольте

спросить, откуда вы его знаете?
"Гораздо интереснее откуда его знает дядя Бэйл", — подумала Талара. Вслух же ответила:
— Один из его прихвостней случайно проболтался, но я не была уверена о ком именно речь. Однако благодарю за помощь, мне пора идти.

Гладиатора она приперла к стенке уже в Аберидже, сразу как только сообщила ему о выведанном у Пириаста примерном сроке возвращения старшего колдуна. Бэйл не входил в число высших должностных лиц государства, и принцесса осведомилась как до его ушей дошло подлинное имя Распорядителя Нижних подземелий. Сама Талара вроде бы слыхала его и раньше, но помнила совершенно точно что Бэйлу его не называла.
— Слышал от Илианы, — вовремя нашелся гладиатор. — А она от дедушки.
В реальности все было с точностью до наоборот: ан-Бакир узнал имя колдуна от внучки, а первоисточником для нее и Бэйла была Сирелина. Талара, однако, нашла такую версию удовлетворительной.
— Да, я, видимо, и сама от нее слышала, — согласилась она уже без тени каких-либо подозрений. — Как-то зацепилось в памяти, но вскользь, ведь и мне и ей не было до него ни малейшего дела. До недавнего времени.

Пять-восемь недель. Гладиатор, в очередной раз выругавший себя за неосторожность, прикинул, когда ждать появления Дегониса. По всему выходило, что не раньше первых чисел сентября. В общем-то, уже скоро, если колдун не явится дней на двадцать позднее. Если вообще явится в заявленный период. Целесообразно ли его дожидаться, чтобы навести какую-то ясность? Альтернатива? Талара предложила сцапать одного из ближайших помощников Дегониса и выколотить из него сведения. Предложила на полном серьезе. Ничего себе принцессы пошли! Другой ее идеей было самим явиться в Нижние подземелья и прочесать их от и до в поисках следов Илианы. Имелось в этом безрассудном плане очевидно уязвимое место: ад-Сейдину станет известно что дочь тайком берет его личный ключ, поскольку ее собственный таким доступом не обладает, и тогда всем вылазкам конец. Про ключ, Бэйл, разумеется не знал, но к замыслу Талары все равно отнесся весьма скептически. Та же выдвигала затеи одна ошеломительнее другой исключительно под воздействием чувств, не находя выхода из создавшегося положения. И чем дольше длилось бесплодное ожидание, тем безумнее становились ее фантазии.

Разумеется, Талара не все время проводила в компании Бэй-

ла и не торчала днями напролет в Аберидже. Имелись у нее и другие дела. От воспитателей и нянек в силу возраста она избавилась, но учителя никуда не делись. Сменялись лишь науки. Принцесса, положа руку на сердце, отлично игнорировала бы и их, но под влиянием Илианы стоически терпела казавшихся ей до невозможности скучными профессоров и худо-бедно материал все-таки усваивала. Она, конечно, то и дело срывала занятия, вольно переносила их дни, часы, и порой сбегала прямо во время учебного процесса, но дело все-таки двигалось. Назвать ее неучем не повернулся бы язык даже у самого прожженного скептика. Ад-Сейдин в письмах к дочери хвалил ее успехи, но даже не подозревал кому именно та была им обязана. Это Илиана мягко внушила подруге, что необразованная принцесса вряд ли сможет принимать деятельное участие в государственных делах, если останется невежей, умеющей лишь писать и считать. Талара, мечтавшая о преобразованиях в стране, нашла аргумент довольно весомым, и скрепя сердце позволяла вбивать себе в голову знания столько, сколько это было вообще возможно с ее непоседливой натурой. Хан, не слишком приветствовавший женское образование, делал для Талары исключение, доступное лишь немногим избранным. Последнее, кстати, лишь усиливало слухи что он задумал приблизить дочь к себе в качестве помощника.

Бэйлу такое положение вещей тоже нравилось. Принцесса была хоть чем-то занята, и у нее оставалось меньше времени кидаться то в жар, то в холод в связи с томившей их неизвестностью касательно судьбы Илианы. Расчет самого гладиатора изначально был прост: он ожидал ответа от Сирелины, хотя понятия не имел как его получит в нынешних обстоятельствах. Если кто и сможет помочь, то это чародейка. Талара же при всей силе своей власти этой же властью и связана. Конечно, будь она самим ханом, то вопрос с колдуном разрешился бы довольно быстро. Увы, пока Дегонис работал в интересах ее отца, без веских улик он был практически недосягаем. А как раз улик-то у Бэйла с Таларой и не имелось. Впрочем, возможности принцессы тоже отнюдь не лишни, и она порой находила им вполне достойное применение.

— Держи, — сказала она вечером Фаризе, протягивая какой-то свиток с красной печатью.

— Что это? — удивленно спросила та.

— Мое официальное разрешение на ваше проживание в Аберидже, — сообщила Талара. — На нем моя личная печать. В случае чего никто не осмелится тронуть вас здесь, не известив визиря. А тот сначала свяжется со мной.

Фариза, всерьез тронутая подобным поступком, от имени всех ре-

бят поблагодарила ее за доброту.
— Пустяки, — отмахнулась принцесса. — Если бы это могло вернуть Илю, я отдала бы весь Аберидж целиком, со всеми его тайнами и сокровищами.
Талара была в немного приподнятом настроении. Сегодня она все-таки написала отцу, и была рада наконец-то сделать хоть что-то. Тот вряд ли будет на нее долго сердиться за несвоевременное возвращение, вызванное желанием повидать подругу. И как раз в связи с исчезновением той принцесса просила у отца письменного разрешения самой заняться ее поисками. Зачем? Чтобы почем зря не отвлекать его вельмож от государственных дел. С личным же повелением отца никто ее не проигнорирует. Хитрая Талара рассчитывала, что в ответ на свою вполне понятную просьбу получит бумагу достаточно общего содержания, которой сможет сломать любые замки. Кто осмелится препятствовать принцессе в расследовании и вообще сомневаться в ее полномочиях, если она будет вооружена прямым приказом отца оказывать ей в поисках всяческое содействие? На ее вопросы будут вынуждены ответить даже в штабе Имперской стражи. Жаль только что письма от отца придется ждать еще две-три недели. Ну, за это время, глядишь, как раз и колдун объявится. Спустя несколько дней размышлений Талара окончательно пришла к выводу, что этот злодей зачем-то похитил ее подругу и удерживает в неизвестном месте. Все что нужно принцессе — это получить свидетельство его причастности к ее исчезновению. С ним она потребует у отца вмешаться, и тогда у колдуна не останется иного выхода кроме как вернуть Илиану либо же сообщить где девушка. Вероятность что та в силу каких-то причин находилась с ним добровольно была крайне мала, но в любом случае Дегонису придется дать исчерпывающие объяснения. С этим согласился и Бэйл, когда принцесса устроилась с ним у выходившего во внутренний двор Абериджа окна.
— Что ж, поживем — увидим, — сказал Бэйл, выслушав соображения Талары. — В любом случае это, несомненно, лучше, чем твои предыдущие планы. Кстати, я тоже написал письмо тете Лине и как раз хотел просить тебя отправить его со своей почтой.
— Да? Это замечательно, — одобрила принцесса. — Правда теперь в этом нет особой необходимости, поскольку мы оба знаем что Иля вряд ли уехала к ней. Впрочем, и лишним не будет. Может твоя жена тоже что-то присоветует. Мне она показалась очень умной женщиной.
— Да, этого ей не занимать, — согласился гладиатор, глядя в распахнутое окно.
Он так живо представил себе чародейку, по которой сильно соску-

чился, что в его воображении она появилась как живая. Ах если бы только она была здесь! Уж она бы сумела найти выход из сложившейся ситуации; смогла бы выследить и вывести Дегониса на чистую воду. В борьбе против злого колдуна никто не сравнится с сильной чародейкой. В прошлый раз он одержал над ней верх, но с тех пор многое изменилось. Адепты Запретного чертога хорошо подготовлены к встрече с такими типами как Дегонис, а от служительниц Гексенхаммера черные колдуны и вовсе бегут как черт от ладана.

Бэйл, конечно, несколько преувеличивал возможности своей подруги, но перед его распалившимся внутренним взором она представлялась поистине великолепным сочетанием красоты и таланта, нежности и могущества. За глубокими как карстовые озера голубыми глазами и завитками длинных светлых волос, вводящих в заблуждение неискушенного наблюдателя, скрывалась огромная сила, способная на такое, чего большинству людей даже не снилось. Приятный мелодичный голос мог в считанные секунды воплотить как чьи-то ночные кошмары, так и настоящие чудеса. Тонкие изящные руки одинаково хорошо умели ласково обнимать близких и выбивать дурь из негодяев. Счастлив был тот, кого чародейка одаривала своей благосклонностью, и горе было вызвавшему ее гнев. Размечтавшийся Бэйл затуманившимся взором глядел в буйно разросшиеся цветущие заросли, и прямо-таки видел свою дорогую подругу. Бежевое дорожное платье, перехваченное тонким кожаным пояском на серебряной застежке, накинутый на плечи сине-голубой плащ с капюшоном, из-под которого выбиваются непослушные локоны, чувственные музыкальные пальцы, обхватывавшие невзрачный на вид посох... Созерцая милое его сердцу видение, Бэйл даже не сразу осознал что видит настоящую Сирелину. Окруженная семенившими рядом кошками, чародейка, озираясь по сторонам, медленно пересекала внутренний двор Абериджа.

– 13 –

Сирелина прибыла в Солтенстил самостоятельно, хотя Совет хотел организовать ей прикрытие. Предполагалось что она отправится в составе свиты одной знатной дамы из сопредельного государства, совершенно официально и с минимумом риска. Сирелина такой план отвергла. Слишком долго. Пока карета княгини будет трястись по дорогам, со скоростью хромой утки приближаясь к цели, она проделает весь путь верхом минимум вдвое быстрее. Путешествовать инкогнито, полагаясь лишь на себя, Сирелине не

привыкать, так что уж кто-кто, а она сумеет достойно выполнить возложенное на нее поручение, тем более что оно в кои-то веки совпадает с ее собственными чаяниями. Старшие сестры, посовещавшись, решили ей не препятствовать и отпустить совершенно одну, поскольку от попутчиков Сирелина тоже отказалась. Три женщины вместо одной будут привлекать больше внимания, а в случае серьезной заварушки в конечном счете мало что изменится.

По прибытии в Солтенстил чародейка довольно быстро узнала что Бэйл уже на свободе. Сделать это было нетрудно, поскольку недавнее Высшее судилище еще не изгладилось из памяти обывателей. Выяснив, что гладиатор во дворце, Сирелина отправила ему через посыльного записку совершенно невинного содержания, о смысле которой мог догадаться только получатель. Более содержательное сообщение она оставила у Бэйла дома, хотя судя по очевидным признакам мужчина там некоторое время не жил. Строя предположения чем это могло бы быть вызвано, Сирелина, недолго думая, отправилась в Аберидж. До контакта с Бэйлом она решила не придумывать планы по вывозу Илианы, чтобы на пустом месте не городить огород и не осложнять ситуацию, а время терять не хотелось. Аберидж манил ее с тех самых пор, как в руки чародейки попали удивительные находки, а она сама свела знакомство с теплой компанией девастаторов. Манил, вероятно, еще сильнее чем Талару, поскольку последнюю интересовали тайны древней постройки сами по себе, а Сирелину она поражала целым набором физически невозможных в представлении современной науки о колдовстве вещей. Поэтому ее появление в Аберидже носило вполне естественный характер, если не считать того, что при виде чародейки потрясенный до глубины души Бэйл чуть не выпал из окна. Широкий подоконник, на котором он сидел, спас гладиатора от свидания с заросшими зеленью булыжниками мощеного двора. Он же не дал оживленно болтавшей принцессе, находившейся на нем с другой стороны и смотревшей внутрь помещения, увидеть что происходит на улице. Сирелина, явно решившая что ей в Аберидже ничего не угрожает, была в своем истинном виде, опустив густую, закрывающую все кроме глаз вуаль. Радостный вопль Бэйла "Лина, я тут с Таларой" ставил своей целью не довести последнюю до инфаркта, а дать понять чародейке что в Аберидже посторонние. Вздрогнувшая Сирелина среагировала молниеносно. Когда ошеломленная Талара, сообразив в чем дело, быстрее ветра ускакала встречать тетю Илианы, та уже приняла тот же образ, что и во время личного знакомства с принцессой. К чести сидевших на страже котов стоило заметить, что они отнюдь не манки-

ровали возложенными на них обязанностями. Бус, признавший чародейку, дал знать колонии что это свой человек высшего уровня доверия, и та не поднимала тревогу. Илиане, разумеется, кто-то тут же прибежал бы сообщить, но ее не было, и Бус не отправил гонца за ненадобностью. Что толку, если никто из этих человеков все равно не в состоянии понять кошачью речь? Им что "пожар", что "дай перекусить" — все на одно и то же "мяу".

Радость неожиданной встречи оказалась быстро и катастрофически омрачена тем, что Сирелине наперебой принялись рассказывать все кому не лень. Изменившись в лице, потрясенная чародейка внимала во все уши, машинально вцепившись коготками в плечо сидевшего рядом Бэйла. В конце концов, дабы прекратить хаос и придать повествованию ровную осмысленность, рассказчиков осталось только двое: Фариза плюс Талара. Когда они закончили, повисла напряженная тишина. Извинившись, Сирелина удалилась, сказав, что ей надо немного побыть одной. Разумеется, ей никто не препятствовал. Отойдя подальше в подземелье, чародейка сбросила маскировочные чары и натурально разревелась. Как раз в тот самый момент когда она наконец-то думала что все будет хорошо, мир в очередной раз перевернулся, исказившись отвратительной гримасой. Осознание произошедшего потрясло Сирелину до глубины души. Эмоции вырвались наружу. Пальцы чародейки искрили, наполненные хлеставшей через край энергией. Вокруг кистей рук замельтешили электрические разводы. Стиснув зубы, она долбанула молнией в дальний конец коридора. Потом еще раз. Выстрелы мимолетом осветили каменные своды ярким голубым светом, выхватив из полумрака мокрое от слез лицо Сирелины. Воплощать кратковременные разряды небольшой мощности без всякого Круга Стихий были способны в основном только старшие чародейки. Это являлось прямым свидетельством уровня развития колдовской силы. Первый раз нечто подобное в слабой форме проявилось у Сирелины когда она игралась с огоньками, дожидаясь наставницу, и неожиданно для себя вызвала настоящее пламя, лизнувшее ее ладонь. Это было в тот самый день, когда она узнала от Арадоры про обстоятельства своего домашнего ареста и армейском корпусе ад-Сейдина, отправленном в Нирелин. С тех пор возможности Сирелины непрестанно росли. Она еще плохо умела ими управлять, по большей части швыряясь молниями в состоянии сильного душевного раздрая. Арадора, терпеливо занимавшаяся с воспитанницей, объясняла почему так происходит. Физически ее уровень возможностей увеличивался быстрее, чем Сирелина успевала научиться его сознательно контролировать, отчего в некоторых областях они до сих

пор носили достаточно спонтанный характер.

Заслышав донесшиеся издалека приглушенные звуки, Талара понимающе вздохнула. С ее точки зрения тетя Илианы отводила душу, швыряясь какой-то тяжелой рухлядью, и в данном случае принцесса это очень даже понимала. Поймав взволнованный взгляд гладиатора, принцесса грустно улыбнулась — не беспокойся, мол, дело житейское. Насчет житейского Бэйл и не беспокоился. Куда больше его заботило как бы обуреваемая чувствами чародейка на радостях не спалила пол-Абериджа.

Когда Сирелина вернулась в гостиную, на ее вновь преображенном лице не было ни слезинки.

Талара сделала близким своей подруги любезный жест. На исходе вечера они покинули Аберидж все втроем, но во дворец принцесса вернулась одна. Подмигнув Сирелине, она пообещала Бэйлу прикрыть его отсутствие и удалилась, озорно поблескивая глазами. Она догадалась что им хочется побыть наедине, хотя и промахнулась с истинными намерениями. Впрочем, без них тоже не обошлось.

— Надо понимать, это благодаря тебе Талара знает мое настоящее имя? — проворчала чародейка, когда они с Бэйлом уже далеко за полночь возобновили неторопливую беседу. — Давай признавайся чего ты ей еще наболтал.

Смущенный Бэйл, перестав рисовать пальцем узоры на ее спине, упомянул Дегониса и почтовую пересылку. Других грешков за ним вроде бы не водилось.

— Дегонис — ладно. На будущее ей полезно быть в курсе с кем мы имеем дело, и там вполне надежное прикрытие. А вот с почтой ты явно перестарался, — неодобрительно заметила Сирелина. — Тебе повезло что принцесса сейчас поглощена судьбой Илианы, которую она уже вне всяких сомнений искренне любит, и мало обращает внимание на остальное. В противном случае она могла бы отреагировать не столь добродушно.

— А есть еще что сказать кроме как меня отчитывать? — осведомился Бэйл.

— Есть. Ты правильно поступил, удержав Талару от поспешных шагов. С такой змеей как Дегонис надо быть предельно осторожным, особенно теперь, — неторопливо произнесла чародейка. — Памятуя о том, зачем ему была нужна я, страшусь представить что ему могло понадобиться от Илианы. Если этот злодей каким-либо образом пронюхал про ее особенности, то…

— То — что? Какие особенности? — поднял брови Бэйл. — Ты про ее умение разговаривать с тем котярой, Бусом? Талара мне рассказала.

Сирелина уточнила что он имеет в виду, и невольно улыбнулась. Гладиатор до сих пор был крайне не осведомлен о феноменальных талантах ее воспитанницы, и даже принцесса обманула его как ребенка.

— Давай-ка я тебе лучше расскажу о последних новостях из обители и как я сюда добралась, — вместо ответа предложила Сирелина. — Кажется, назревает что-то очень серьезное. Я ведь не случайно сказала "особенно теперь".

Направляясь в Солтенстил, чародейка неслась во весь опор, выжимая из лошадей максимум возможного, а потому и добралась до него менее чем за две недели. Она могла бы и быстрее, но привычный маршрут пришлось серьезно скорректировать. Из-за разраставшейся как раковая опухоль экспансии ад-Сейдина многие земли стали для чародеек совсем не безопасны. Регулярные армейские части Красной саламандры перемещались по большим трактам, а провинции кишели ханскими эмиссарами. На счастье Сирелины, путешественников на дорогах хватало во все времена. За последний же год, ввиду резко перекроенной политической карты южных земель их только прибавилось. Гонцы, коммерсанты, переселенцы, беженцы, военные — связывавшие некогда независимые государства артерии были настолько оживленны, что одинокая женщина там терялась как рыба в море. Земель, занятых непосредственно войсками хана, чародейка избегала. Из северных княжеств она забрала далеко на запад и уже оттуда альтернативным путем поехала в Солтенстил. Территории, через которые она проезжала, присоединили Эмир Аешский и новоявленный эмир Бушерский, объявив себя их наместниками от имени Империи. Тем не менее, влияние ад-Сейдина здесь еще не набрало полную силу, и его представители только начинали устанавливать ханские порядки. Чародеек пока еще не выслеживали с фонарями и даже почтовые станции по большей части функционировали, предупрежденные, однако, о растущей опасности, поэтому большую часть пути Сирелина проделала относительно спокойно. К сожалению, ничего сверхъестественного в действиях Желтой Пумы и Голубой Щуки не было. Оккупированные государства не обладали достаточными ресурсами чтобы сопротивляться преисполненным амбиций захватчикам, за которыми стояла мощь военной машины Красной саламандры. Никому не хотелось повторить судьбу ан-Нуадона и Гелетбея, подвергнуться таким же разрушениям как Хал Амин и размежеванию как Бафелон. Северо-западная периферия южных земель пала быстрее, чем кто-либо мог представить, и с тех пор фактически вся их западная половина вошла в состав Империи ад-Сейдина, за исключением некоторых областей на юге.

Однако в лояльности этих областей хан уже не сомневался, и их правители пребывали в одном шаге от того, чтобы присягнуть ему на верность. Правители восточной части пока еще держались, гадая, куда будет направлен следующий удар ад-Сейдина. К сожалению, они никак не могли объединиться перед лицом практически неминуемой угрозы. Немаловажным обстоятельством в этом отсутствии должного единства служил тот факт, что самый сильный из них, Хусейн аль-Харуддин, хан Зелистана, не выказывал к такому союзу достаточного интереса. Наоборот, его подозревали в тайном сговоре с ад-Сейдином, и эти подозрения подкреплялись слухами о готовящейся свадьбе в кругу двух правящих семейств. В таком случае можно было даже не сомневаться, что хан Зелистана выступит на стороне Красной саламандры и нанесет удар по соседям справа, в то время как армия ад-Сейдина атакует слева. В подобных стальных клещах любой союз становился бесполезным и неминуемое поражение центров сопротивления превращалось лишь в вопрос времени. Мир волновался, ожидая дальнейшего развития событий, и все, от мала до велика, от государей до самых последних служек гадали куда хан Гийюр двинет свои войска.

Ошиблись все. Ошиблась даже Сирелина, всегда подозревавшая ад-Сейдина в коварстве и неожиданных ходах. Проделав длинный путь от обители до Солтенстила, она пересекла множество разных земель и лично сталкивалась с такими явлениями, которые обязана была заметить. Однако чародейка, занятая своими мыслями, слишком спешила к своей воспитаннице. Гонцы, разносившие по городам и весям последние донесения, как и многое другое выпали из ее внимания. Один из таких гонцов принес весть и в Солтенстил всего лишь через день после прибытия туда Сирелины. В мгновение ока эта весть распространилась по всей столице, но если для обывателей она не казалась чем-то из ряда вон, то для чародейки грянула как гром среди ясного неба. Армия Красной саламандры вторглась в северные княжества.

Насилу осознав происходящее, ошеломленная Сирелина пришла в сильнейшее замешательство. Чувство долга велело ей немедленно отправляться обратно на север. Совет чародеек на сей раз вряд ли останется безучастным к нападению на дружественные государства, которым требовалась помощь. Вместе с тем, она не могла бросить на произвол судьбы Илиану, почти наверняка находившуюся в лапах черного колдуна. Сейчас Сирелина нужна воспитаннице как никогда раньше, и чародейка поклялась что на сей раз она не отступится и не потерпит поражение, а любым способом доставит Илю в обитель. В конце концов, и Совет не обвинит

ее в самоуправстве, поскольку это было его официальное распоряжение. Впрочем, спустя пару часов мучительных размышлений Сирелина поняла, что она все равно не оставит Илиану в беде, даже если бы ей лично вручили приказ старших сестер о мобилизации.

Ввиду новых обстоятельств чародейка существенно скорректировала свои планы. Бэйл даже испугался жесткому выражению ее лица, когда подруга объявила ему что намерена приступить к активным действиям. Когда он поинтересовался в чем они заключаются и услышал ответ, то ужаснулся еще больше.

— Ты это серьезно?! — ахнул гладиатор. — Едва ли не то же самое предложение я слышал от Талары! Давай ее позовем? То-то она обрадуется!

— Абсолютно серьезно, — с каким-то стальным блеском в глазах кивнула Сирелина. — Я и без того намеревалась собрать как можно больше сведений о колдунах. Теперь же я уж точно церемониться с ними не собираюсь. Напав на северные княжества, ад-Сейдин окончательно перешел черту, и я более не намерена щадить его прихвостней.

— Ты знаешь, что всегда можешь на меня рассчитывать, но ты действительно уверена в том что собираешься предпринять? — очень серьезно спросил Бэйл.

Чародейка встретилась с ним глазами и гладиатор понял, что его подруга, похоже, только что объявила войну Империи.

Талара действительно пришла в буйный восторг, когда гладиатор сообщил ей замысел Сирелины. Сообщил, разумеется, не по собственному почину, а по велению самой чародейки.

— Я хочу с вами! — заявила принцесса, вручая Бэйлу запрошенные верительные грамоты. — Я первая это придумала!

— Талара, в глазах закона твоей страны это преступление, — заметил гладиатор. — Мы не можем тебя взять, даже если очень бы этого захотели.

— Преступление — похищать мою придворную даму! — заявила принцесса. — Все что послужит ее освобождению — нет! Или я с вами, или…

— Или что? — осторожно спросил Бэйл.

— Это просто нечестно, вот что! — нахмурилась Талара. — Я собиралась сказать "или в следующий раз я вам не помогу", но это было бы неправдой. Я не могу отказать вам в помощи, потому что автоматически я откажу в помощи и Иле. А этому не бывать!

Гладиатор был настроен достаточно решительно, чтобы выдержать натиск принцессы, но Сирелина повела себя совершенно непредсказуемо. Посетовав ей на неуемное желание Талары, Бэйл к

своей полной неожиданности столкнулся со строго обратным результатом.
— Хорошо, пусть присоединится, если хочет, — немного подумав, заявила чародейка. — На последнем этапе, разумеется, ей делать нечего, но до определенного момента — почему бы и нет.
— Сирелина, ты, часом, не рехнулась?! — поразился гладиатор. — Пригласить дочь ад-Сейдина принять участие в нападении на людей ее же отца!
— Ничего подобного, — заметила чародейка. — Я не собираюсь ставить ее перед таким жестоким выбором. Илиану она любит, но и родного отца, безусловно, тоже. Я понятия не имею к чему это в результате приведет, но что-то мне подсказывает, что если однажды кто-нибудь предложит ей выбирать, то чаша весов склонится отнюдь не в его пользу. Быть врагом черных колдунов не то же самое что пойти против отца. Между прочим, это, видимо, понимает и сама принцесса. Признаться, меня радует ее настрой. В противостоянии с Дегонисом столь ценный союзник окажется ничуть не лишним.
— А как ты собираешься колдовать в присутствии Талары? — хватался за голову Бэйл. — Думаешь, она проглотит и это?
— И не собиралась, — парировала Сирелина. — Все равно на мне будут маскировочные чары, что автоматически накладывает серьезные ограничения на применение заклинаний. Но я сброшу их когда придет время. Принцесса, если она одобрит наш план, примет участие в первой половине операции, до того как я выступлю в полную силу.

Принцесса, разумеется, одобрила. Бэйл еще ни разу не видел чтобы у нее так горели глаза. Несмотря на мнение Сирелины, он до последнего пытался отговорить Талару, прибегая к самым разным аргументам. Гладиатор неоднократно подчеркивал что это незаконно, а попросту преступно, давал понять что вся затея чревата серьезными последствиями, и, в конце концов, открытым текстом заявил что вряд ли обойдется без жертв. Принцессу, судя по всему, криминальный характер плана только раззадоривал. Она лишь сообщила, что не хочет гибели ни в чем не повинных людей, но если парочке-другой коллег Дегониса проломят голову, то и поделом им. В остальном же она и сама изначально предлагала нечто подобное. Бэйл, ухватившись за ее слова об отсутствии жертв, вернулся к Сирелине. Чародейка, как назло, согласилась. Реализовать весь замысел, скорее всего, будет гораздо труднее, но она приложит все усилия чтобы Талара не оказалась замешанной в убийство простых солдат, пусть даже те окажутся из Имперской стражи. Бэйл, махнув рукой, сказал что две несносные девчонки

могут поступать как знают. Они, похоже, друг друга стоят.

На подготовку вылазки ушло несколько дней, включая наблюдение за базой Имперской стражи с обширными казармами и внушительным зданием штаба. Сирелине, как чародейке, не составило особого труда вычислить среди перемещавшегося туда-сюда контингента компанию колдунов. Вскоре она обнаружила, что многие из них то и дело навещают неприметный особняк в прибрежном квартале на восточной стороне Идлиса. Обширное двухэтажное строение, окруженное густым тенистым садом, имело собственный выход к воде и небольшой причал, соединявшийся с подземной частью дома водными воротами. Взяв особняк на прицел, Сирелина продолжила активную слежку и выяснила наиболее благоприятное для реализации замысла время.

В назначенный час Талара явилась в указанное место вместе с Бэйлом. По совету чародейки она не надевала привычную металлическую броню, а облачилась в кожаные доспехи, поверх которых накинула просторные старомодные одежды. Выглядела принцесса вполне себе обывательски, разве что ей приходилось придерживать рукой меч, дабы он слишком характерно не топорщился на боку. Дело шло к полуночи, и миллионы звезд глядели с темного неба на притаившуюся за кустами шайку заговорщиков. Целевой особняк виднелся напротив. Сквозь окруженный кованой решеткой сад из его окон пробивались огоньки света.

— Отлично выглядишь, — прошептала чародейка, окинув взглядом охваченную гончим волнением принцессу. — Тебя и не узнать.

— Тебя тоже, тетя Сирелина, — задорно отозвалась Талара. — Вот уж и представить себе не могла что из всех нас именно ты окажешься самой боевой. Не знаю в каком университете ты преподаешь, но очень жалею что мои профессора не оттуда.

Чародейка в кожаной дорожной куртке, черных шароварах и шпионском плаще сейчас являла собой разительный контраст с образованным астрономом в платье, запомнившимся принцессе за обеденным столом. Лицо ее закрывала густая вуаль, из-под которой виднелись одни лишь внимательные умные глаза. Такую же вуаль для пущего инкогнито нацепила и Талара. Сирелина, правда, с иными целями — на случай если некстати слетят маскировочные чары, каковой грешок за ними водился ввиду нестабильности заклинания.

— Называй меня, пожалуйста, Лина, — попросила чародейка, метнув сердитый взгляд на гладиатора. — Так короче и менее приметно. — Полагаю, вообще можно обойтись без этих дядя и тетя — не первый день знакомы, да и ты уже выросла.

— Хорошо… Лина, — улыбнулась Талара. — А что мы будем делать

теперь?
— Теперь — ждать, — коротко отозвалась чародейка.

Лишь во втором часу ночи наконец-то появилась подходящая цель. Через боковую калитку из особняка вышла фигура в сером балахоне и размеренным шагом направилась вверх по улице. Человека в сером сопровождали два гвардейца.
— Этот — наш, — шепнула чародейка. Действуем как договаривались.

В любом даже самом тщательно разработанном плане практически всегда хоть что-нибудь да идет не так. У Сирелины же и вовсе не было возможности долго наблюдать за резиденцией Имперской стражи и особняком, чтобы составить уверенный график перемещения интересовавших ее лиц. По представлениям чародейки тип в сером балахоне должен был повернуть на восток и отправиться в штаб Имперской стражи, поскольку кто-нибудь из колдунов регулярно туда наведывался. Вместо этого он как ни в чем не бывало продолжил путь на север вдоль восточного берега Идлиса.
— Проклятье, — прошипела Сирелина, когда стало ясно что выбранное ей место для нападения из засады потеряло актуальность. Таких точек она облюбовала несколько, в зависимости от того, где именно свернет объект охоты, но тот не свернул вовсе. Заговорщики, безмолвными ночными тенями скрытно переместившиеся меж погруженных в сон домов, оказались не у дел.
— Дождемся следующего? — тихо спросил Бэйл, когда стало ясно что колдун прошел мимо расставленной ловушки.
— Придется. Вероятнее всего, уже завтра, — с досадой вздохнула чародейка.
— Не придется! — вдруг горячо прошептала Талара. — Давайте за мной! Кажется, я знаю куда он идет!
— Стой! Куда?! — недоумевала чародейка, удерживая за руку тянувшую ее принцессу.
— Скорее, иначе можем не успеть! Я все объясню по дороге! — увещевала Талара, вытягивая Сирелину из зарослей.
Гладиатор с чародейкой и опомниться не успели, как под предводительством девушки уже петляли в лабиринте переулков и скользили меж частных владений, стороной обгоняя колдуна.

Принцесса не ошиблась. Искомый человек в сопровождении двоих вооруженных воинов действительно явился туда, куда она и предполагала. У деревянного пирса, охраняемого двумя часовыми, покачивались на волнах три парусные лодки. Часовых удалось миновать без особых хлопот: троица заговорщиков заблаговременно спустилась к реке и вдоль самой воды прокралась к даль-

ним сваям, в то время как охрана сонно караулила непосредственно вход.
— Как ты узнала? — не веря своим глазам спросил Бэйл, когда в свете фонарей показался колдун со спутниками.
— Из разговора с визирем, пока мы выясняли обстоятельства исчезновения Илианы, — пояснила невероятно довольная собой принцесса. — Тогда я не всем его словам придала значение, но теперь, сориентировавшись где мы находились, вспомнила про упомянутый им причал Рока-Небра. Причалом пользуется Имперская стража для круглосуточной отправки курьеров вверх по реке. В южной части Солтенстила имеется другой, Рока-Дэла. Оттуда они плавают вниз по течению.
— А почему не через порт? — удивился Бэйл.
— А почему тебя не удивляет что у них, например, свои конюшни, так же как у городской стражи и у армии? — вместо принцессы ответила ему Сирелина. — Разумеется Имперской страже удобнее использовать свои собственные ресурсы, а не задействовать без прямой необходимости огромный порт.
— Он мог пойти куда угодно, не именно сюда, — не унимался гладиатор.
— Причал неподалеку от особняка, шли эти трое в его направлении пешком, шли ночью, — перечислила свои соображения Талара. — Если колдун из Имперской стражи решил отправиться на лодке, то с лошадьми только лишние хлопоты, а идти до Рока-Небра всего четверть часа.
— Ты молодец, — похвалила Сирелина. — А ты полезай в лодку! — велела она Бэйлу.
— В какую? — оторопел тот.
— Из всех троих я вижу только одну готовую к отплытию — на которой установлен парус. Тебе показать или сам догадаешься? — ехидно сказала чародейка.
— Эй, они сейчас пройдут на причал! — толкнула спутников Талара. — Давайте живее!
И прежде чем ее успели остановить, принцесса вошла в воду и поплыла к пришвартованной неподалеку лодке.
— Вот же бесенок! — проворчал Бэйл. — Зачем только взяли?!
— Не взяли бы, сейчас бы так и куковали в кустах на радость москитам, — заметила чародейка, отправляясь вслед за Таларой.

Теплый южный климат вполне допускал такое ночное купание. Первой забравшись в лодку, принцесса живо забилась в маленькую носовую надстройку, прикрывшись каким-то тряпьем и парусиной. Бэйл и Сирелина вскарабкались следом, но толком сориентироваться не успели — по причалу разнеслись шаги прибли-

жавшихся людей. Плана у них как такового не было, поэтому приходилось импровизировать.
— Полезайте под парус. Скорее! — донесся до них приглушенный голос Талары.
Переглянувшись, гладиатор и чародейка нырнули под уложенный на корме запасной парус, зарывшись в его просторных складках. Внушительные габариты убежища в компании канатных бухт и какого-то судового барахла давали известную надежду что сразу же прокравшихся на борт зайцев не обнаружат. Шестивесельная лодка имела в длину добрых восемь ярдов и Сирелина соображала, не маловато ли колдун прихватил с собой людей. Выяснилось, что нет. Не обратив ни малейшего внимания на небольшую сырость, образовавшуюся после вылезшей из воды троицы, тип в сером балахоне вместе с двумя гвардейцами погрузился на готовую к отплытию посудину. Гвардейцы сели на центральные весла, а колдун занялся парусом. По мановению его руки ткань с тихим шелестом распустилась. Поймав тянувший над водой ветерок, она выгнулась дугой, и лодка пошла вверх по реке, набирая скорость, едва только гвардейцы успели отвести ее от причала. Пошевелив пальцами, колдун пробормотал заклинание. Весла гвардейцев осветились слабым зеленым светом. Точно так же окрасились и две пары других весел, переместившихся в уключины без малейшего касания со стороны заклинателя. Опустившись в воду, они синхронизировались с действиями гребцов, повинуясь их движениям с удивительной точностью. Гвардейцы без видимых усилий налегали только на свою пару, но при этом все шесть тяжелых весел взмах за взмахом бодро несли лодку вперед, дополняя тягу паруса.
— Неплохо придумано, — прошептала Сирелина. — Похоже, этот колдун действительно знает свое дело. Что ж, тем лучше. Чем сильней противник, тем больше вероятность что ему известны планы Дегониса.
— Я рад, что ты рада. Только что теперь? — на грани слышимости спросил Бэйл.
Авантюру с лодкой он рассматривал как чистейшую случайность, грозившую обернуться провалом еще на пирсе.
— Сейчас придумаю, — тихо отозвалась чародейка. — Полагаю, время у нас есть. Для того чтобы просто перебраться на другой берег эти голубчики не прибегали бы к таким хлопотам.

Примерно с четверть часа лодка плыла посередине реки, двигаясь к северной границе города. Чародейка, приподняв складки паруса, через образовавшуюся щель внимательно изучала гребцов, обращенных к корме лицами. До них было примерно ярда три. Сразу за ними, но уже повернувшись спиной, в свете подвешен-

ного к мачте фонаря сидел на скамейке управлявший парусом колдун. Сирелина прикидывала успеют ли она и Бэйл вывести из строя всех троих до того, как получат серьезный отпор, в особенности от колдуна. Положение серьезно осложняло личное присутствие принцессы, накладывавшее ограничения на чары и летальный исход. Если бы не она, чародейка влепила бы колдуну в затылок Бесплотный удар, либо же метнула ему в голову что потяжелее, в то время как Бэйл без труда перехватит гвардейцев. Сейчас, однако, тип в сером балахоне с достаточно большой вероятностью успеет что-нибудь предпринять.

Пока Сирелина соображала как лучше всего поступить, в дело неожиданно вмешалась Талара. К всеобщему изумлению и зайцев и законных обладателей лодки, с носа послышалась какая-то возня. Появившаяся из маленькой надстройки помятая фигура вдруг заныла писклявым девичьим голоском:

— Пожалуйста, добрые люди, высадите меня на берег!

У колдуна натурально вытянулось лицо. Гвардейцы, придержав бег весел, ошеломленно обернулись, ища источник прозвучавших над ночной рекой слов.

— Ты еще что за птица?! — оторопел вскочивший на ноги колдун. — Как ты сюда попала?!

— Пожалуйста, дяденька, не бейте меня, — ныла девчонка. — Я спряталась от хозяина. Он очень злой. Он искал меня. Он гнался за мной с собаками!

— Ничего себе! И впрямь девица! — потрясенно сказал один из гвардейцев.

— Вот это номер, — поддакнул другой.

Бросив весла, они оба поднялись и присоединились к колдуну, остановившемуся в трех шагах от незваной гостьи. В том что это была девушка не оставалось ни малейших сомнений ввиду определенных особенностей фигуры и очевидно девичьего же голоса.

— А ну покажи физиономию! — велел колдун, поднимая фонарь и соображая что следует предпринять.

— Нельзя, — запищала не переставшая причитать и проситься на берег девчонка. — Обычай не велит.

— Снимай, говорю, вуаль, или я сам это сделаю! Ну?! — сердито произнес колдун.

— Э, может не стоит? — с сомнением произнес стоявший по его правую руку гвардеец. — Нехорошо это.

— Этот обычай сколько уж лет отменен, забыл? — отозвался его товарищ. — Мы же не в частном доме.

Шагнув к безбилетнице, он протянул было к ней пальцы, но девчонка отпрянула с таким истошным визгом, что троица чуть не

оглохла.
— Да замолчи ты, дуреха! Ничего я тебе не сделаю! — опешил гвардеец, невольно опустив руку.
Девчонка, видимо трясясь от страха, продолжала визжать, достигнув в этом искусстве поистине выдающихся высот в прямом и переносном смысле.
— Да заткните ее уже! — не выдержал колдун, хватаясь за уши и еле удерживаясь от того, чтобы не влепить крикунье какое-нибудь заклинание.
Девчонка, шлепнувшись на пол, подобрала ноги, сжавшись в комочек, и отчаянно замахала перед собой руками, продолжая верещать так, будто ее резали. Колдун, окончательно выведенный из себя ее истошным визгом, оттолкнул замешкавшегося гвардейца, собираясь лично урезонить истеричку. В следующее мгновение он рухнул рядом с ней, получив сокрушительный удар в затылок. Зашкаливающие высокими частотами звуки юное создание испускало отнюдь не от испуга — они отлично заглушили стремительно подскочившую с кормы парочку. Только лишь на точность удара Сирелина не рассчитывала. На ее правой руке был надет специально зачарованный кастет. В момент касания он высвободил заключавшееся в нем заклятье, ввергнувшее жертву в беспамятство не хуже глубокого нокаута. Именно поэтому гвардейцами занимался Бэйл, поскольку колдовские штучки оставались в ведении его подруги. Воин, выказывавший сомнения насчет вуали, схлопотал хороший удар дубинкой по голове и тихо осел на палубу. Вот с его товарищем едва не вышла накладка. Он стоял несколько впереди остальных, поэтому успел лучше среагировать на внезапное падение и сумел уклониться до того, как его настиг предназначенный ему удар. Лязгнул выхватываемый из ножен меч. Блеснувшая сталь просвистела в опасной близости от чародейки. Визг прекратился. Перестав прикидываться насмерть перепуганной дурочкой, Талара распрямившейся пружиной бросилась на воина, хватая его за ноги. Потеряв равновесие, гвардеец всплеснул руками и рухнул навзничь, ударившись о скамью и осыпая всех и вся проклятиями. Не теряя ни секунды Бэйл и Сирелина налетели на него как два ястреба. Встать воину уже не дали. Навалившаяся парочка крутила ему запястья, вырывая меч, а к лицу оравшего благим матом гвардейца ладонь чародейки уже прижимала пропитанную особым составом маску. Нос обезоруженного противника наполнился резким запахом химии. Он дернул головой, стараясь высвободиться, но было поздно. Сознание провалилось в черноту, выбитое из реальности словно ударом копыта взбесившегося мула. Убедившись, что гвардеец пребывает в глубоком беспамятстве, Сире-

лина немедленно вернулась к колдуну, велев Бэйлу заняться потерявшей управление лодкой. Последнее было отнюдь не лишне, поскольку предоставленный самому себе парус вел себя прямо-таки неприлично, норовя опрокинуть все больше кренившуюся на бок посудину. Весла, лишенные развеявшихся чар, выпендривались не хуже, болтаясь в уключинах как заблагорассудится.

Когда вся троица — два воина плюс тип в сером — оказалась надежно связана по рукам и ногам, а колдун вдобавок ко всему лишен возможности не только говорить, но даже шевелить пальцами, чародейка наконец-то перевела дух.

— Знаешь, Талара, я даже не знаю чего мне хочется больше: ругать тебя или благодарить, — сказала она, усаживаясь на скамейку, куда следом плюхнулась и помогавшая ей девушка.

— А хорошо я придумала, да? — радовалась принцесса, дрожа от избытка адреналина. — Даже мои няньки разбегались когда я назло им начинала так визжать.

— Колдун мог сорвать с тебя вуаль мановением пальцев. Тебя могли узнать. Тогда бы нам пришлось избавиться от всех свидетелей, — сурово заметила чародейка. — К тому же вообще вся операция прошла на чистом везении практически на грани фола. Собой-то мы с Бэйлом рисковать не боимся, но подвергать опасности тебя — совершенно другое дело.

— Но ведь все обошлось! — бойко констатировала Талара. — Говорят: победителей не судят. Я действовала по обстановке — меня Бэйл так учил. Скажи еще что у меня плохо получилось отвлечь внимание на себя и дать вам отличную возможность подобраться к противнику.

— Это было на тренировках, и я имел в виду совсем другое, — подал голос гладиатор, слышавший каждое слово.

— Ладно, кнуты и пряники раздам потом. Сейчас надо заняться пленниками. Бэйл, бери к западу. Вон туда, где совсем нет огней, — скомандовала Сирелина, потушив единственный фонарь.

С гвардейцами чародейка поступила очень гуманно. К утру воины придут в себя прямо в лодке, поставленной на якорь у самого берега. Место Сирелина выбрала подходящее — безлюдно, рядом старый заболоченный канал, давно требующий чистки, и уйма обветшалых складских строений. Спровадив на сушу принцессу и гладиатора, чародейка, сбросив маскировочные чары, наложила на гвардейцев парочку заклятий, сопроводив их каплями из маленького флакончика. Опоенные воины будут испытывать сильнейшую сонливость, сопровождаемую легким бредом и галлюцинациями — так, ничего опасного для здоровья. Теперь никто из них не сможет в точности утверждать что было на самом деле, а

что нет, включая театральное выступление Талары. Колдуна же столь щепетильное обхождение не касалось. На него у чародейки имелись совершенно другие планы, к реализации которых она и приступила, едва присоединилась к ожидавшим ее на темном берегу Бэйлу и Таларе.

Засим участие принцессы в криминальной авантюре закончилось. Допрос колдуна сам по себе неподходящее зрелище для глаз юной принцессы, не говоря уже о том, что Сирелине придется побыть в своей истинной ипостаси. Чародейка хотела было отправить Талару обратно во дворец под охраной гладиатора, но быстро передумала. Идти далеко, а ночь все еще не кончилась — мало ли что! В качестве временного пристанища для девушки Сирелина выбрала небольшую гостиницу, благо что спрятанная за пазухой карта Солтенстила содержала подробные пометки о его достопримечательностях.

— А как же Лина? — недоумевала Талара, когда Бэйл уводил ее по улице, направляясь к нужному заведению. — Как же она одна управится с этим типом? Без лошади, без чьей-либо помощи…

— Насчет нее не волнуйся, — похлопал ее по плечу гладиатор. — Поверь, Лина знает что делает. У нее все продумано.

Устроив принцессу на ночлег во вполне приличной комнате и накормив ее нехитрым ужином, он с обнаженным мечом растянулся поперек порога как верный страж покоя ее высочества. Талара, умиленная такой заботой о своей безопасности, быстро заснула глубоким сном.

Тетя Лина и в самом деле прекрасно управилась самостоятельно. Ничье присутствие более не сдерживало ее в применении заклинаний, а посему чародейка в лучшем виде доставила колдуна туда, куда и собиралась, разве что не совсем оттуда, откуда планировала. Не было ничего проще позаимствовать заранее запримеченную лодочку, в которой она спустилась с пленником вниз по течению. Жерди, парусина и веревки из посудины с двумя почивающими гвардейцами обеспечили ее всем необходимым для быстрого изготовления простых, но вполне крепких носилок. Пришвартовавшись в нужном месте, Сирелина при помощи чар левитации преспокойно дотащила самодельные носилки с колдуном до укромного убежища. Там, под толстыми каменными сводами, ей уже никто не помешает вытрясти из пленника как можно больше сведений. А пока она плыла на лодке и перемещалась с бесчувственной ношей по берегу, в качестве прикрытия у нее имелась охранная грамота от принцессы с подлинной печатью визиря. Талара хорошенько расстаралась, составив соответствующую бумагу и бесцеремонно воспользовавшись гостеприимством ничего не по-

дозревавшего вельможи.

Когда тип в сером пришел в себя, он некоторое время недоуменно хлопал глазами. Помещение, где он оказался, никак не напоминало полноводный Идлис. Колдун попытался вспомнить последние события, но они обрывались прямо в лодке посреди реки, где истошно визжала невесть как оказавшаяся на борту девица. Что за ерунда? Пошевелившись, колдун обнаружил что накрепко привязан к большому деревянному креслу, а его рот надежно закрывает плотная повязка. Он попробовал избавиться от нее движением челюстей, но тот, кто ее повязал, явно был не лыком шит. Тихонько ерзая на кресле, пленник пытался освободиться и так, и эдак, но у него ровным счетом ничего не получалось.

— Напрасно стараешься, — послышался вдруг спокойный чуть низкий женский голос.

Где-то в глубине погруженной в полумрак комнаты возникло движение, и в свет стоявшего на столе канделябра вступила чья-то фигура в кожаной куртке и черных шароварах. Колдун уставился на женское лицо, обрамленное светло-русыми вьющимися волосами. В голубых глазах отражались огоньки свечей, отчего они как-то странно мерцали загадочной глубиной, будто пленник смотрелся в два бездонных озера. Колдун невольно нахмурился. В отличие от простых смертных он имел представление о том, кому бы могли принадлежать столь выразительные глаза, когда они излучали притаившуюся в их обладателе силу. Лишь чародейки способны бросать такие взгляды, от которых несведущих обывателей пробирал благоговейный трепет. Его худшая догадка быстро подтвердилась. Женщина развязала затыкавший рот пленника кляп. Колдун, недолго думая, прорычал заклинание, слегка картавя не очень хорошо ворочавшимся языком.

— Впечатляет, — усмехнулась женщина, усаживаясь рядышком на край стола с канделябром. — Не стесняйся, попробуй еще — авось что и получится.

Колдун поднатужился и предпринял еще несколько попыток повлиять на ситуацию, но получилось у него ничуть не лучше чем в первый раз.

— Нейтрал, — спокойно изрекла женщина, созерцая пленника. — Знакомо, не так ли? Сейчас ты не сильнее простого крестьянина, пытающегося просверлить взором дерево.

— Ты чародейка? — хмуро произнес колдун, осознав всю бесплодность своих усилий.

— Феноменальная сообразительность, — улыбнулась уголком рта женщина. — Еще вопросы будут?

— Где я? — осведомился пленник.

Высокий потолок и стены, выполненные из серого камня, казались седыми от времени и производили не самое благоприятное впечатление. Видневшаяся в комнате мебель не соответствовала привычному пониманию узилища: несколько книжных шкафов и стеллажей, два стола, пара кресел и несколько стульев… На стене, кажется, некогда висели какие-то ткани, но сейчас от них остались лишь воспоминания да металлические крепления. За спиной женщины смутно виднелся проход в соседнее помещение, а в глубине комнаты смутно маячили прочие элементы обстановки, скрытые в полумраке.
— Там, где тебя никто кроме меня не услышит, — ответила женщина, укрепив колдуна в не самых радужных догадках.
— Ну и что все это значит? — спросил он, впиваясь в хозяйку положения злобным взглядом.
— Я хочу чтобы ты ответил на мои вопросы, — ровным голосом сказала чародейка.
— Да неужели? — прищурился пленник. — И с чего это ты взяла что сумеешь выжать из меня хоть слово?
— С того, что у меня для этого есть надежное средство, — улыбнулась женщина, и колдуну ее улыбка совершенно не понравилась.
— Полагаю, ты знаешь что это такое, — добавила она, протягивая руку к стене и беря нечто напоминавшее копье, обернутое в невнятную ветошь.
Ветошь упала на пол, небрежно сброшенная тонкими пальцами женщины, и глаза колдуна резанул белоснежный посох с бесцветным кристаллом на конце.
— Гексенхаммер! — прорычал он, невольно подаваясь назад, хотя подаваться-то, собственно, было особо некуда. — Ты ведьма Гексенхаммера!
— Насчет ведьмы — весьма спорное утверждение, учитывая чем занимаются мои сестры, но я приму это как комплимент, — все так же улыбаясь, сказала чародейка. — Ну так что, мы поняли друг друга?
Колдун прошипел замысловатое ругательство, и Сирелина про себя порадовалась что при разговоре не присутствует Талара. От таких слов у юной девушки уши бы отвалились.
— Полагаю, ответ — да, — констатировала чародейка. — Итак, начнем нашу самую интересную часть беседы. Для тебя же будет лучше, если она окажется продуктивной. Где Дегонис?
— Понятия не имею! — воскликнул колдун.
Интонация, с которой последовал ответ, и его быстрота заставили Сирелину предположить что пленник, возможно, не лжет. Что ж, тогда, пожалуй, вопрос стоит задать по-другому.

— Куда он собирался? — поинтересовалась она, не спуская пристального взгляда с колдуна.
На сей раз его несколько одутловатое лицо с красными прожилками на щеках, крупным носом и редкими выцветшими бровями отразило иное выражение.
— Значит, имя мастера для тебя не секрет, — протянул пленник как бы размышляя над услышанным. — Полагаю, не только для тебя. Что ж, пусть так. Все равно он не вечно собирался находиться в тени. Скоро все изменится. Недолго осталось.
— Куда уехал Дегонис? — повторила Сирелина, взяв слова колдуна на заметку.
— Не твое дело, — огрызнулся пленник. — Всяко не в ваш бабский гадюшник — это еще успеется!
— Как скажешь, — недобро усмехнулась чародейка.
Соскочив со стола, она приблизилась к пленнику и вернула снятый кляп на место. Затем, расставив руки, зашептала длинное заклинание. Пальцы ее осветились, а глаза блеснули неземным огнем. Мычавший что-то неразборчивое колдун сообразил что она снимает нейтрал. Для чего — догадаться было нетрудно. Взяв белоснежный посох, чародейка прижала его вершину к груди колдуна. Тот взвыл, но это было только начало.
— Я чувствую сильную вибрацию. О, в тебе много темной силы, очень много, — медленно произнесла Сирелина. — И сейчас она обратится против тебя.
Повинуясь ее гулко отразившимся от каменных стен словам, кристалл на конце посоха ярко вспыхнул, обдав колдуна лучезарным сиянием. Пленник, выпучив глаза, забился так, будто его жарили заживо. В известном смысле так оно и было. Его темная сущность огнем горела, пронзаемая насквозь волнами света. Каждая пропитанная злой энергией клетка заходилась от нестерпимой жгучей боли. Кожа в месте прикосновения посоха стала краснеть как от нагреваемого утюга.

Экзекуция показалась колдуну вечностью. Когда Сирелина опустила оружие и вернула Нейтрал, он еще некоторое время что-то бессвязно мычал, таращась в пространство порозовевшими глазами.
— Мне повторить вопрос? — жестко осведомилась чародейка.
— Я точно не знаю куда он поехал, — поспешно отозвался колдун плохо слушавшимися губами. — Куда-то на юго-восток. Он не сказал куда именно. Мастер говорит только то, что считает нужным.
— Кто с ним был? — спросила Сирелина.
— Охрана и несколько наших, — хмуро ответил пленник.
— С ним была девушка? — продолжала допрос чародейка. — С

ним была девушка?! — рявкнула она, наставляя на колдуна посох.
— Да! — крикнул колдун, не в силах отвести взгляд от его белой вершины. — Да, какая-то девчонка из дворца!
— Ее заманили в ловушку на арене, так? Это было во время Высшего судилища?! — гневно уточнила Сирелина.
— Откуда тебе это известно? — удивился пленник.
— Отвечай, — процедила чародейка.
— Угу, — буркнул колдун. — Мастеру помогали шесть Манипуляторов. Они же наутро с ним и уехали. Куда — не знаю.
— Манипуляторы? — переспросила чародейка.
— Так называются посвященные. Те, кто был взращен его силой и мудростью, наделен знаниями и могуществом. Те, кто однажды избавятся от всех тебе подобных и будут править миром, — запальчиво произнес пленник.
— Размечтались, — холодно сказала Сирелина, демонстративно покачав перед ним посохом. — Когда Дегонис собирался вернуться?
— Через несколько недель. Где-то в сентябре. Точнее не знаю, — пожал плечами колдун.
Жест вышел достаточно номинальным, поскольку веревки, которыми он был прикручен к креслу, театральные вольности особо не позволяли.
— Он говорил зачем ему девушка? Говорил что собирается с ней сделать? — задала сразу два вопроса Сирелина, внутренне затаив дыхание.
— Нет, — мотнул головой колдун. — Я не лгу! — возопил он, когда чародейка снова взялась за кляп.
Приспешник Дегониса рычал и вырывался, но поделать ничего не мог. Сирелина с невероятно жестким выражением лица повторила экзекуцию, от которой у пленника в белках глаз стали лопаться кровеносные сосуды, а лоб покрылся сильнейшей испариной. Пропитанные обильным потом короткие волосы встали дыбом, скованные особой конструкцией пальцы мелко дрожали. Когда пленник пришел в себя и отдышался, он отвесил по адресу чародейки такую отборную брань, от которой сгорела бы со стыда даже последняя портовая проститутка. Сирелина и ухом не повела, дожидаясь пока колдун наговорится всласть. Затем повторила вопросы.
— Да не знаю я! — взвыл колдун. — Мастер сказал, что это его личное дело! Очень важное, раз он уехал когда… когда…
— Когда — что? — прищурилась чародейка.
— А ты новости-то слыхала? Скоро вам всем конец, вот что! — прошипел пленник, сверля женщину ненавидящим взглядом. — Давай, торжествуй! Сейчас твоя взяла, но недолго тебе радовать-

ся! Вас будут преследовать как крыс до тех пор, пока не переловят всех до последней! И когда это произойдет, уже я — слышишь, — я лично устрою тебе такую пытку, что ты будешь умолять меня о смерти! О, что я с тобой сделаю!..
— Ну это вряд ли, — холодно усмехнулась Сирелина. — Однако, мой любезный заклинатель, признаться, ты меня заинтриговал. Ты больше ничего не хочешь мне поведать?
— О чем это ты? — с подозрением осведомился колдун. — Я рассказал все что знаю про Мастера и девчонку. Собственно, тебе вряд ли стало от этого легче, ведь мне почти ничего и не было известно. Ты не сумеешь вытянуть из меня ни слова больше — мне просто уже нечего добавить.
— Про девушку — возможно, — согласилась Сирелина. — А вот про угрозы чародейкам — не думаю. Кажется, мой запальчивый друг, тебе известно что-то такое, что мне полезно было бы знать.
Она отнюдь не оставила все замечания и посулы колдуна без внимания. В них очевидным образом прослеживалась некоторая закономерность, касавшаяся сестер обители напрямую. Допрос явно стоило продолжить и, раз уж на то пошло, выяснить, что замышляли Дегонис и его приспешники. А они явно что-то замышляли, иначе откуда бы в колдуне появилась такая уверенность о переделе мира и скором торжестве над чародейками. Сирелина, придав своему голосу приятные бархатистые нотки, пустилась в любознательные расспросы. Она напоминала мурлыкавшую кошку, готовую в любой момент выпустить когти в пойманную мышь.

Пленник, уразумев чего от него теперь желает чародейка, наотрез отказался говорить. Вероятно, тип в сером балахоне уже сильно жалел о своей неосмотрительной болтливости, однако он был не первым кто в угрозах врагу находит не только утешение, но и роет себе яму. Брошенные в бессильном гневе слова подчас выдают многие тайны, запальчивые угрозы превращаются в ценный источник информации.
— Напрасно упрямишься, — заметила Сирелина, когда охрипший от воплей колдун в очередной раз обрел способность говорить. — Я ведь долго так могу. И это я еще не в полную силу. Хочешь чтобы я разошлась на всю катушку?
Манипулятору приходилось несладко. Белки его глаз усеивали полопавшиеся сосуды, отчего они покрылись малиновой сеточкой. Обожженная кожа пошла волдырями. Краснота выбралась из-под серого балахона и вовсю захватывала шею. Если бы чародейка использовала кипяток — эффект был бы схожий. С уголка рта стекала тонкая струйка крови — заходясь от сильнейшего жжения, колдун прикусил себе язык и губы. В иных обстоятельствах Сире-

лина, возможно, не дошла бы до такой крайности, но сейчас она была неумолима. Похищение воспитанницы, нападения на чародеек и вторжение в северные земли превратили ее в настоящую фурию. Тем не менее, пленник стоически держался, не сообщая сколь-нибудь полезных сведений.

— Тебе понадобится нечто большее чтобы развязать мне язык! — заходясь от ненависти, прорычал он. — Девчонка — ерунда, я и не знал ничего. Но больше я ничего тебе не скажу. Не скажу даже если начнешь рвать меня на части!

Нахмурившись, Сирелина молча изучала обращенное к ней исказившееся лицо, преисполненное болью и злобой одновременно. До сих пор она не нанесла врагу серьезных физических повреждений и теперь раздумывала насколько целесообразно будет продолжать. Все-таки роль заплечных дел мастера была ей не по душе. Уничтожить врага — это одно, а превращать его существование в бесконечную череду страданий — совсем другое. Впрочем, если кто-нибудь из этих негодяев причинит вред Илиане, то Сирелина без всяких сожалений устроит ему настоящий ад. Что же касалось сидевшего перед ней связанного мерзавца, то он наверняка уже приложил руку не к одному злодеянию и еще невесть сколько собирался их сотворить. Чем же его можно запугать, если он, видимо, готов сгореть в сиянии света, но так и не раскрыть рта?

— На части, говоришь… — пробормотала чародейка, неожиданно осененная какой-то мыслью. — Что ж, это можно устроить.

Манипулятор и опомниться не успел, как к его лицу прижалась уже использованная в лодке маска. Вдохнув ударившие в нос пары, он тут же потерял сознание.

Новая обстановка даже близко не напоминала предыдущую. Вместо каменных стен в воздухе мерцали какие-то призрачные барьеры, за которыми клубилась непроглядная тьма. Тем не менее, поразило колдуна отнюдь не это. Прямо перед ним находилась распахнутая настежь лакированная дверь черного дерева, вся в серебряных узорах. За ее проемом, перекрытым все тем же опоясывавшим пространство барьером, раскинулись обширные колдовские сады. Зрелище действительно впечатляло своей красотой и загадочностью, но пленнику сейчас было не до чарующих растений. Сразу за призрачной дымкой копошились жуткие твари. Их тела казались сотканными из сгустков тьмы. Не имевшие четкого контура конечности, будто слепленные из черной ваты, непрерывно ходили ходуном. Усеивавшие их крюкообразные когти то втягивались, то вылезали наружу. Отвратительные тела испускали треск и клекот. Глаза колдуна, никак не ожидавшего узреть ничего подобного, вылезли из орбит. Вид чудовищ, хищно суетившихся

от него в каком-то ярде, произвел на пленника сильнейшее впечатление. В его истошном вопле на сей раз звучал неподдельный ужас.
— Девастаторы, — раздался позади колдуна бесстрастный голос Сирелины. — Милейшие твари, я знаю. Вижу, ты тоже о них высокого мнения. Полагаю, нет нужды вас знакомить. Или все-таки есть?
Привязанный к креслу Манипулятор забился, не в силах отвести взгляд от кошмарных существ, но путы держали его столь же крепко, сколь и раньше.
— Ну так что? — осведомилась чародейка. — Ты станешь более разговорчивым или мне стоит подтолкнуть тебя поближе? Видишь как они рады тебя видеть?
Сирелина сдвинула кресло на целый фут, заметно сократив и без того небольшое расстояние между привязанным человеком и порождениями тьмы. Колдун истошно взвыл.
— Думаю, ты понимаешь что произойдет, если я втолкну тебя за барьер, — сказала чародейка, появляясь справа от него. — Ты все еще намерен упрямиться до последнего? Насколько мне известно, твои страдания одним лишь обедом Девастаторов не закончатся…
— Ты не посмеешь! — насилу выдавил из себя побледневший колдун, поворачивая к ней голову. — Проклятые ведьмы, вы же корчите из себя святош!
— А ты проверь, — недобро улыбнулась Сирелина. — Если ты прав, то ничем не рискуешь.
— Проклятье, откуда у тебя эти твари?! Что это вообще за место?! — возопил Манипулятор, окончательно перестав понимать происходящее.
— Я не это хотела услышать, — заметила чародейка. — Впрочем, если ты так не считаешь, то…
Вновь исчезнув где-то за креслом, она качнула его вперед.
— Сто-о-о-ой! — заорал затрясшийся пленник. — Будь ты проклята, стерва!
Ему видимо полегчало, когда кресло подалось назад и отдалилось от дверного проема на несколько ярдов. Развернув колдуна лицом в противоположную сторону, Сирелина выразительно показала пальцем в направлении Девастаторов:
— Помни — они никуда не делись и ждут. Не хочешь к ним — советую со мной поладить.
Судя по реакции пленника, он был совершенно не рад такому развитию событий. Твари, однако, впечатлили его более чем достаточно, чтобы он стал гораздо сговорчивее. Манипулятор был готов стерпеть жгучий свет до последнего вздоха, но перед альтерна-

тивной участью стать жертвой Девастаторов он дрогнул. Даже для такого как он это было слишком.
— Мы еще с тобой посчитаемся, — не слишком-то бодро выдавил из себя колдун скорее для собственного успокоения.
— Свежо предание, — усмехнулась чародейка, картинно опираясь на белоснежный посох. — Ну так что, будешь говорить?
Пленник мрачно обвел глазами помещение. Стен не было нигде — вместо них виднелась тонкая призрачная дымка, отделявшая пространство над каменным полом от густого мрака. Прямо напротив Манипулятора виднелся широкий стол, за которым возвышался стул с высокой резкой спинкой. В правом углу подле открытого стеклянного шкафа беспорядочной грудой валялись чьи-то доспехи. Слева имелся секретер. Больше никакой мебели в непонятной комнате с единственной дверью не наблюдалось, за исключением лежавших кое-где на полу невнятных обломков. Идущий по периметру колдовской барьер уходил на несколько ярдов вверх, после чего все-таки сменялся самой обычной каменной кладкой. Подняв глаза, пленник увидел что он сидит в каком-то глубоком прямоугольном колодце, верхняя часть которого терялась в темноте. Что было там он рассмотреть не мог, а потому и не понял что вся комната представляет собой большой подъемник, опускавшийся в глубину вместе со всем, что было не прибито к стенам.
— Я жду, — напомнила Сирелина, поигрывая посохом.
На фоне мягко светившихся призрачных стен он отливал белизной, болезненно отдававшейся в жилах Манипулятора слишком свежими воспоминаниями. Одарив женщину преисполненным чувств взглядом, пленник скосил глаза на барьер. Он собирался с мыслями, невольно гадая где же все-таки находится. Похоже, в распоряжении чародеек имелись не только почтовые станции. Что же это за логово с колдовскими садами, по которым рыщут Девастаторы?! Это что-то новенькое! Из-за спины доносился треск и клекот мельтешивших у дверного проема жутких тварей, и от этих звуков Манипулятору было основательно не по себе. Похоже, барьер надежно удерживает их по ту сторону двери, не позволяя проникнуть в комнату, но насколько надежен сам барьер? Каким таким образом эта ведьма без видимых усилий умудряется преспокойно держать всю ситуацию под контролем? Минуточку! А каким образом она вообще это делает, если они пребывают под воздействием соответствующего заклятья?!
— Тут нет Нейтрала! — машинально выпалил Манипулятор.
В следующую секунду он проорал заклинание на искаженном колдовском наречии. Руки у него были плотно привязаны, а пальцы надежно закреплены в особые узы, но речью он мог пользоваться

совершенно свободно. Наконец-то чародейка допустила промах и сейчас он заставит ее горько об этом пожалеть! Эффект оказался совершенно нулевым. Опешив от отсутствия результата, колдун на разные лады попробовал еще несколько заклинаний, но преуспел в них не больше, чем страус в полетах.
— Не держи меня за идиотку, — скучающим тоном произнесла Сирелина. — На тебе зачарованный амулет. Пока он касается твоего тела, заключенный в нем Нейтрал будет блокировать все твое колдовство. Но он блокировал бы и мои чары, а потому я надела его на тебя только сейчас, когда нужда в посохе отпала. Ведь амулет ничуть не помешает более близкому знакомству с Девастаторами.
Пленник грязно выругался. Кажется, по этой части он был настоящий дока.
— Я начинаю терять терпение, — с нотками раздражения сказала чародейка. — Если тебя все еще одолевают сомнения, я ведь могу поступить иначе. Наложу Нейтрал на все помещение, но не сразу, а с задержкой. Сама уйду, а ты останешься здесь коротать время в ожидании когда заклятье придет в действие. Если тебе охота наблюдать как гаснет барьер и по твою душу поспешают ничем более не сдерживаемые Девастаторы — только скажи, я все устрою.
Сирелина, разумеется, блефовала. Нет, она вполне была способна толкнуть колдуна за дверной порог, но снять защитную стену означало выпустить всю ораву Девастаторов на волю, на что она пойти, разумеется, никак не могла. Вот только пленник этого не знал.
— Ну же, смелее, — подбадривала Сирелина. — Ты же сам говорил что вскоре все переменится. Значит, грош цена всем вашим планам, если их вот так запросто нарушит одна-единственная чародейка?
— Ладно, твоя взяла, — нервно сказал Манипулятор, явно впечатленный обрисованной перспективой. — Проклятье! Я принес клятву Мастеру что никому не выдам наши секреты! Ты делаешь из меня отступника!
— Не переживай, я не наябедничаю, — усмехнулась Сирелина. — Будь паинькой, и он никогда не узнает о нарушении твоего обета.

Колдун наконец-то заговорил. Вторжение в северные княжества было долгожданной вехой в тщательно подготовленном плане. Дегонис убедил хана Гийюра в необходимости этого похода, поскольку лишь один враг все еще мог ему помешать. Не хану — самому Дегонису. Ад-Сейдин получит то, о чем мечтал — огромную Империю, собранную в единый монолит и подвластную его династии, но затем…

Пленник внезапно умолк. Жадно внимавшая во все уши чародейка решила, что он подбирает слова, и некоторое время ожидала продолжения, но его все не было и не было.
— Эй, ты часом не заснул? — окликнула колдуна Сирелина.
Ответа не последовало. Пленник недвижно смотрел в одну точку, а на его лице застыло какое-то странное выражение.
— Э, с тобой все в порядке? — обеспокоилась чародейка.
Шагнув к колдуну, она легонько похлопала его по щекам. Внезапно глаза Манипулятора закатились. По телу прошла судорога. Мышцы свело, кисти рук, свободные от веревок, затряслись в бешеной пляске. Без всяких на то причин пленник вдруг забился так, будто чародейка вновь поджаривала его волнами жгущего темную сущность света. Из груди колдуна рвались хрипы, изо рта показалась пена. Похоже, его ни с того ни с сего поразил сильнейший припадок. Опешившая Сирелина быстро пыталась сообразить что ей следует предпринять. Может, негодяй просто притворяется, задумав какую-то каверзу или просто стараясь уйти от ответа? С него станется. А если нет? Если его и впрямь отчего-то скрутило? Еще не хватало чтобы он преставился как раз в тот момент, когда наконец-то заговорил! Пожалуй, лучше не стоять столбом. Положив посох, чародейка взяла в ладони бившуюся голову пленника, стараясь определить поразивший его недуг. Если он носил колдовской характер, ей требовалось сделать одно, если чисто телесный — совсем другое.

Судороги улеглись в одно мгновение столь же внезапно, сколь и появились. Ладони склонившейся Сирелины все еще касались колдуна, когда его глаза открылись. В них больше не было радужной оболочки и белков, покрытых сеточкой полопавшихся сосудов. Их целиком и полностью заливала краснота, в центре которой подобием зрачков пылало во все стороны оранжевое пламя. Зубы Манипулятора осклабились, лицо исказила гримаса. Из его груди вырвался низкий глухой рык. Испуганная Сирелина отпрянула назад. В следующую секунду пленник оказался на ногах. Лопнувшие веревки упали на пол вместе с обломками разлетевшегося в щепки кресла. Чародейку спасла лишь хорошая реакция. Нанесенный удар пришелся не в полную силу, но его оказалось вполне достаточно чтобы женщину отшвырнуло прочь как тряпичную куклу. Отлетев в направлении стола, чародейка грянулась на пол, покатившись по серым камням.
— Ничтожество! — гулко изрек колдун искаженным и явно не человеческим голосом. — Ты даже не представляешь кому бросила вызов! Умри же в страданиях!
Испустив громкий рев, он вытянул руки со скрюченными пальца-

ми и ринулся на упавшую женщину.

Чары левитации не подвели. Повинуясь велению хозяйки, оставшийся возле разбитого кресла посох устремился ей в ладонь. Взбесившийся колдун почти настиг чародейку, когда та извернулась и вновь обретенным оружием сделала ему подсечку. Казалось, она ударила по литой железной статуе. Против всяких ожиданий враг не опрокинулся навзничь, а лишь пошатнулся, издав злобный рык. Посох осветился и задрожал так, что Сирелина едва его не выронила. Гадать о причинах поразительной устойчивости колдуна не было времени. Распрямившись, чародейка отскочила в сторону, избежав его ответной атаки. Манипулятор уже подбегал к ней, когда удар концом посоха об пол исторг круговую волну ослепительно белого света. Пылавшим огнем глазам он явно пришелся не по вкусу. Сирелина уклонилась от нападавшего, а тот, прижав ладони к лицу, вновь взревел, но на сей раз с очевидно болезненными нотками. Чародейка уже осознала, что имеет дело не с простым колдуном, а с чем-то совсем другим. Ее догадка стала быстро превращаться в уверенность, когда на руках освободившегося пленника отчетливо проступили красные каббалистические знаки, будто выжженные прямо в коже. Точно такие же знаки вперемешку со сложными руническими символами обнаружились и на его лице, когда он отнял от него ладони и глянул на смятенную женщину.

— Давай, сопротивляйся, — изрек Манипулятор все тем же искаженным голосом. — Тем приятнее мне будет убить тебя.

Схватившись пальцами за висевший на шее прочный плетеный ремешок, он порвал его как травинку. Амулет с Нейтралом улетел во тьму, вышвырнутый прямиком за раздавшуюся на мгновение призрачную стену. Что ж, отлично! Сирелина, успевшая окружить себя защитой и отступить на несколько ярдов, теперь могла бить врага заклинаниями. Повинуясь ее певучей колдовской речи, посох исторг в грудь колдуна столб яркого света. Предыдущий опыт показал его эффективность и теперь он должен был не только слепить врага, но и жечь темную сущность. Манипулятор зарычал, выставив вперед руку. Атака чародейки заставила его попятиться, но ее воздействие оказалось не столь сильным как хотелось бы. Глаза колдуна полыхнули. Плясавшее в них пламя вырвалось наружу, лизнув жидкие брови. Это же пламя, появившись меж освобожденных от оков пальцев, охватило и кисть сначала поднятой руки, а затем и опущенной, быстро увеличиваясь в объеме. Манипулятор сделал в направлении чародейки резкий жест, будто что-то в нее бросал. В Сирелину полетел сгусток чистого огня. От него она успела увернуться, но второй, сорвавшийся с другой руки сра-

зу вслед за первым, едва не опалил ей волосы. Колдовской щит принял на себя часть урона, но чародейка ощутила сильный жар, исходивший от пролетевшего совсем рядом пылающего шара. Этот жар должен был охватить самого колдуна и сжечь его гораздо быстрее, нежели выстрелы из посоха Сирелины. Манипулятор же, чьи глаза и руки пламенели самым отчетливым образом, даже не думал гореть и обугливаться. Второй сноп света, ударивший в его тело, частично сбил это пламя и заставил врага попятиться еще дальше, но чародейка уже поняла что ей срочно надо менять тактику. Нынешняя идеально годилась против порождений тьмы, сокрушая их неотразимым образом, и неплохо справлялась с призывавшими их ведьмами и черными колдунами. Носители темных чар получали существенный урон он заклинаний света, которые обычно испускало оружие Гексенхаммера. В нынешней же ситуации Сирелина столкнулась с кое-чем иным. Колдун был одержим, причем одержим в такой форме, какую чародейка видела впервые в жизни. Им не просто овладел злой дух — он открыто воплощался в его теле, управляя последним как заблагорассудится. Изменения в поведении, физической силе и наборе заклинаний являлись лишь следствием произошедшего преображения. Изменилась сама его сущность. Сейчас это был не человек, служащий лишь оболочкой для заполнившей его формы. Не был это и злой дух. Сирелина схватилась с демоном.

Сейчас было не до выяснений чем была вызвана такая неожиданная метаморфоза — для этого найдется время позже. Чародейка, приняв происходящее как данность, быстро обдумывала план действий. Адский огонь не причинял видимого вреда лишь его носителю. Сирелине же знакомства с ним следовало избегать всеми силами. К счастью, Манипулятор бросался сгустками пламени не слишком часто, позволяя держаться от них на расстоянии, но он постепенно теснил чародейку, оставляя ей все меньше пространства для маневра. Площадь комнаты-подъемника была достаточно значительной, чтобы это происходило относительно медленно, но затягивать с действенной контратакой Сирелине не стоило. Впрочем, ворон она отнюдь и не считала.

— Я вырву твое сердце, — утробно гудел Манипулятор, отброшенный выстрелом чародейки.

Та, прищурившись и качая маятник, ожидала ответного залпа, последовавшего сразу как вокруг кистей врага набухли очередные огненные шары. Теперь она от них не уклонялась. С немалым риском для себя Сирелина встречала их концом посоха, сопровождая каждое попадание заклинанием. Она чувствовала как нагревается белое дерево, но ее защита успешно справлялась, блокируя опа-

ляющий жар.
— Я буду слушать как хрустят твои кости, — рычал Манипулятор, приближаясь к чародейке.
Похоже, он рассчитывал зажать ее в угол по соседству с дверью. Он не бросался вперед как в самый первый раз, но живо реагировал на любые попытки женщины обойти его стороной, немедленно перемещаясь ей наперерез. Нетрудно было догадаться, что критический момент наступит когда расстояние между противниками сократится до минимума. Сирелина понимала, что даже малейшая ошибка может стоить ей жизни, а посему ловила каждое движение врага, не переставая оглашать пространство колдовским наречием. Не все оно воплощалось в немедленно атакующие заклинания. Чародейка то скользящим движением оглаживала посох, то быстро проводила его концом по полу, пользуясь замешательством Манипулятора, получившего новую порцию разящего света. Противнику, несомненно, доставалось, но все же недостаточно для того чтобы всерьез его остановить.

Одержимый колдун кинулся на Сирелину когда до нее оставались считанные ярды, а отступать ей было уже некуда. Пламенеющие руки протянулись к женщине, рассчитывая поймать ее в смертельную хватку. Чародейка вытянула левую ладонь к полу и двумя короткими словами завершила заранее подготовленное заклятье. Будто прорезав серые камни, на них прочертилась белая линия, появившись в каком-то шаге перед Сирелиной. Она словно образовала границу между ней и подскочившим Манипулятором. Тот уже изготовился вцепиться в чародейку, но со всего маху неожиданно врезался в невидимую преграду. Пламя от наткнувшихся на нее рук плеснулось на прозрачную стену, сверкнувшую ярко-белым, и растеклось по ней красно-оранжевым веером. От концов линии на полу отделились две перпендикулярные черты, в мгновение ока обошедшие колдуна по бокам. Какая-то секунда — и они замкнулись у него за спиной, дополнившись последней, четвертой линией, ближайшей из всех заблаговременно нанесенных чародейкой. Разъяренный враг оказался внутри непреодолимого прямоугольника, отзывавшегося на все его свирепые удары белыми вспышками стен. При каждом касании молотивших по ним конечностям они издавали вибрирующий гул. Беснующийся Манипулятор осклабился. Промеж его зубов показался огонь.

Сирелина не стала дожидаться чем это кончится. Энергетическая клетка долго не продержится, и она это знала. В подобную ловушку нельзя было заключить обычного человека или животное, но преисполненная скверной сущность не в силах переступить колдовскую черту пока в Клетке не иссякнет заряд. А в ком же

больше всего скверны, как не в демоне? Уроки Запретного чертога не прошли даром, и чародейка получила короткую передышку, которой немедленно и воспользовалась. Разложить полноценный Круг Стихий и привести его в действие у нее банально не было времени, но она уже придумала выход. Проскочив под самым носом утробно рычавшего Манипулятора, Сирелина отбежала в центр помещения, развернулась и спешно принялась чертить что-то на полу нижним концом посоха, передвигаясь малыми шагами. Его кристалл сиял, наполненный обильно поступавшей энергией. Иммунитет чародейки, выработанный против темного колдовства, от огня демона был практически бесполезен, но его ответная реакция вызывала в ее теле небывалый рост силы, вливавшейся в оружие Гексенхаммера. Скверна тоже порождала соответствующее противодействие, наделяя чародейку дополнительными возможностями.

Сирелина едва успела закончить водить посохом по полу, как Манипулятор освободился. Энергетическая клетка рассеялась, и кипевший неистовой злобой враг бросился к продолжавшей сопротивляться женщине. Когда он пробегал по тому месту, где чародейка выводила какие-то знаки и загогулины, те вдруг осветились голубым контуром, испустив короткие колеблющиеся лучи. В это мгновение Сирелина увидела подлинное лицо скрывавшегося за человеческими чертами врага. Лицо демона. От наростов на голове отходили толстые витые рога, широкий нос нависал над оскаленной пастью с острыми клинообразными зубами. Глубоко посаженные глаза над крупными надбровными дугами горели оранжевым пламенем, обрамлявшим узкие ромбовидные зрачки. Толстая красная шкура обтягивала вытянутый череп с выдающейся назад частью, могучими скулами и костистым подбородком. Вместо волос голову покрывали не слишком частые загнутые шипы. Видение промелькнуло и исчезло, но если до этого у чародейки еще и оставались какие-то сомнения с кем она имеет дело, то сейчас они полностью испарились.

Художества Сирелины не нанесли Манипулятору сколь-нибудь видимого вреда, но испещрявшие его кожу каббалистические символы заметно потускнели. Связь, за счет которой демон удерживался в человеческой оболочке, ослабла, и чем дольше он будет находиться в области действия начертанного заклятья, тем меньше от нее останется. Чародейка встретила нападение очередным ударом посоха в пол. На сей раз исторгнутая волна света была настолько мощной, что она сама едва не ослепла. Лишь вовремя прикрытые глаза уберегли Сирелину от временной утраты зрения, и когда промахнувшийся демон, тряся головой, вновь нашарил

взглядом женщину, она стояла уже по другую сторону зачарованной области. Огонь, плясавший в глазницах врага, стал еще неистовее, выплескиваясь из них буйными сполохами. Вероятно, он таким образом компенсировал воздействие света, поражавшего средоточие скверны достаточно ощутимо. Скорее всего, прямо сейчас еще один фокус с дезориентацией не пройдет, но чародейке это уже и не требовалось. Когда Манипулятор в три прыжка пересек разделявшее их расстояние, она встретила его ударом посоха, сопроводив атаку раскатами колдовского наречия. Белоснежная вершина ткнулась врагу прямо в грудь. Сверкнула короткая вспышка сродни зажегшейся в кристалле сверхновой. Камни содрогнулись от гула. Одержимого колдуна отшвырнуло назад примерно так же, как он в самом начале боя сам отбросил чародейку. Ослабевшая связь демона с телом лишила последнее части могучей физической силы, сделав куда более уязвимым. Выкинуть бы его теперь за обрамлявший подъемник призрачный барьер… Интересно, что тогда будет? Поднявшись на ноги, Манипулятор расставил руки и, подняв искаженное лицо вверх, взревел так, что у Сирелины зазвенело в ушах. Кисти колдуна обуяло вскипевшее пламя. Когда источавшие бешеную злобу глаза вновь уставились на чародейку, на нее обрушился настоящий огненный шквал. Руки врага мелькали мельницей, выбрасывая в цель один огненный сгусток за другим. Сирелина, дрожа от напряжения, перехватывала их посохом, едва успевая читать заклинания, но быстро поняла что не выдерживает напора. Поглощавшая жар защита стремительно иссякала, белоснежное дерево сильно нагрелось, от кожаной куртки женщины закурились подозрительные дымки. Перестав встречать выстрелы противника лицом к лицу, чародейка вернулась к тактике уворотов. С длинным посохом в руках не очень-то покрутишься. Каким-то чудом успев возобновить защитные чары, она бросила его на пол и снова принялась качать маятник, то и дело откатываясь в сторону. Иной раз пламя пролетало от Сирелины в такой опасной близости, что она чувствовала жжение, готовое вот-вот заключить ее в свои жаркие объятия. К счастью, ударяясь в пол, огонь не оставался надолго на камнях, быстро развеиваясь без следа, иначе вскоре немалая часть подъемника превратилась бы в пылающую ловушку. Чародейке, однако, постепенно доставалось. Возможно, интенсивный обстрел врага закончился бы для нее плачевно, если бы он продлился несколько дольше. Прекратив дальнобойную атаку, Манипулятор снова пошел на сближение.

Сирелина успела встретить его на самой границе разрисованной знаками области, подхватив чарами левитации прыгнув-

ший в ладонь посох. Новый удар одержимый колдун уже не прозевал. Пламя, струившееся по его поднятой правой руке, стало выливаться из ладони, воплощаясь в узкую вытянутую форму. Наливаясь полыхающей стихией снизу вверх, она быстро принимала весьма характерные очертания. Всего несколько секунд — и пальцы Манипулятора уже сжимали сотканный из танцующих огненных языков длинный меч. Сотворенное оружие немедленно обрушилось на чародейку.

Белый посох достойно выдерживал натиск демонического клинка, блокируя его атаки не хуже наносимых обычной сталью. Враг старался оттеснить Сирелину подальше от начертанных на полу символов, но она, понятное дело, не давала ему такой возможности, ловко кружа по их периметру. Привитые навыки ближнего боя позволяли ей отражать мощные, но не слишком ловкие удары Манипулятора, выбрасывавшие в воздух завитки пламени. Красные символы на его коже продолжали бледнеть, но демон все еще прочно держался в человеческой оболочке и не думал ее покидать. Впрочем, для этого требовалось нечто большее, к чему Сирелина с риском для жизни и приближалась шаг за шагом.

Со стороны, должно быть, схватка выглядела невероятно зрелищно. Пылающий меч, пытаясь настичь чародейку, постоянно натыкался на белоснежный посох. Результатом их столкновения являлись капли огня, брызгавшие из первого, и снопы ярких искр, сыпавшиеся из второго. Выпады оружием Гексенхаммера производили точно такой же эффект, парируемые творением демона. Тот отнюдь не желал вторично получить могучий тычок, рискуя улететь за призрачный барьер. Сирелина же в свою очередь старалась избежать поражения огненным клинком. О возможных последствиях этого она старалась даже не думать. Впрочем, пропустить удар обычного железного меча вряд ли будет намного приятнее. Как бы там ни было, противники не уступали друг другу, но и на рожон не лезли, сражаясь практически на равных. Свет и пламя, сошедшись в упорном противостоянии, озаряли глубокий колодец подъемника фантастической игрой красок и отблесков.

Очередной замах и очередной удар сверху вниз. Посох чародейки, подставленный перпендикулярно, отработанным приемом остановил движение разящего огня, выплюнув стайку искр. Манипулятор навалился на клинок, прикладывая к нему всю имевшуюся силу. Не ослабь Сирелина физическую мощь противника, она наверняка не сумела бы справиться с этим натиском. Сейчас ей хватило возможностей удерживать меч, пытавшийся нахрапом прожать ее блок. Он понемногу выиграл у нее лишь несколько дюймов, но затем замер на месте. Демон продолжал давить, одна-

ко какая-либо видимая польза в этом не наблюдалась. Сирелина уже подумывала отбросить его клинок и провести контратаку, как тут стало понятно зачем врагу понадобилось застыть в таком положении. Рот Манипулятора раскрылся неестественно широко. Внутри, вместо десен, языка и зубов забурлило рвущееся наружу пламя. Чародейка, догадавшись что сейчас произойдет, реагировала молниеносно. Продолжая крепко удерживать посох расставленными руками, она выпалила слова заклинания. Последние из них пришлись в самый критический момент, когда демоническая глотка испустила поток беснующегося огня. Жарким конусом он ударил прямо через скрещенное оружие, устремляясь женщине в лицо. Колдун мог опустить голову и направить этот поток ниже, но взгляд чародейки приковывал его злобу сильнее любого магнита. Он хотел сжечь эти глаза, испепелить их. Обратить в прах вместе со щеками и губами. Уничтожить вместе со всем тем, что составляло ненавистный ему человеческий облик, зримое воплощение души.

Посох Сирелины раскалился так, что его стало больно держать. Стиснув зубы, она терпела как могла, рискуя получить сильные ожоги. Отступать все равно было поздно, и если уж исполнять свой замысел, то до конца. Вот только хватит ли у нее сил?.. По всей поверхности оружия Гексенхаммера вдруг пробежала волнистая игра света. Кристалл на его конце пошел всеми цветами радуги. Не медля более ни секунды, Сирелина отпрянула назад, одновременно толкнув врага Бесплотным ударом. Отбросить демона он не мог, но вот конус огня успешно сбил, давая чародейке возможность убраться из зоны поражения. Поперхнувшийся пламенем Манипулятор застыл на месте, рыча и выдувая из ноздрей дым. Затем, взмахнув мечом, тяжелыми шагами двинулся к непокорной женщине. Уперев посох в пол, Сирелина, словно не замечая приближавшегося врага, произносила слова на колдовском наречии. Ее взгляд был обращен на сияющий кристалл, пальцы крепко сжимали белоснежное дерево, будто хотели слиться с ним в единое целое. И оно ответило на ее прикосновение. Горячая поверхность неожиданно стала прохладной, приятно лаская натерпевшиеся от жара ладони. Вокруг кристалла появился тончайший слой инея. С вершины посоха посыпались крошечные снежинки.

Одержимый колдун не дошел до цели совсем немного. Он уже собирался атаковать чародейку, рассчитывая скрестить с ней свое оружие, но вдруг обнаружил что не может двинуться с места. Держась правой рукой за посох, вытянутой левой Сирелина поднимала пальцы вверх. Повинуясь сорвавшимся с ее губ словам, ноги Манипулятора сковали выросшие из пола ледяные оковы.

Глянув вниз, он попытался освободиться резкими рывками, но безуспешно. Хрипло взревев, одержимый колдун обрушил на толстый лед ярость пылающего меча. Чародейка направила вершину своего оружия прямо в голову врага. От ударившего из него холодного вихря температура в помещении опустилась разом на десяток градусов. Пол на несколько ярдов вокруг покрылся посверкивающими крупинками снега. Огонь во рту Манипулятора немедленно погас, уничтоженный мощным леденящим потоком. Плясавшее в глазницах пламя съежилось и поблекло. Сирелина, не давая ошеломленному, низко рычавшему врагу опомниться, всадила в него еще один плотный столб чистейшего холода, поразив утробно клокотавшую грудь. Серый балахон одержимого колдуна подернулся слоем инея, руки утрачивали свой пылающий облик. Поднатужившись, демон раздул стремительно угасавший огонь, выжав в человеческую оболочку как можно больше из своей сущности. Ему почти удалось восстановиться, но Сирелина, стиснув зубы, раз за разом била его одним заклинанием за другим, обрушивая на врага сковывающий холод.

Когда чародейка поняла с кем имеет дело, она сообразила и что ей следует предпринять. В этом, однако, была и загвоздка. У нее не имелось возможности задействовать Круг Стихий, чтобы соответствующим образом наполнить посох. Выход Сирелина все же нашла. Страшно рискуя, она умудрилась воспользоваться пламенем демона. Все это время, повинуясь наложенным чарам, посох заряжался поступавшей в него энергией огня, пока, наконец, не наполнился ей под завязку. Когда это произошло, Сирелина, используя возможности оружия Гексенхаммера, трансформировала один вид стихии в другой. Вот тогда она наконец-то обрела надежное средство против своего неутомимого врага. Знай она что столкнется с чем-то подобным заранее, то заранее должным образом зарядила бы и посох, вот только чародейка рассчитывала совсем на другое. Уникальное творение Гексенхаммера предназначалось для чар света, и большая часть его возможностей пробуждалась только под действием собственной силы заклинательницы, реагирующей на темные чары. Его, разумеется, как и обычный посох можно было наполнить и какой-либо стихией, но здесь имелись некоторые особенности. Всем было известно, что с течением времени заряд рассеивался, а его восполнение требовало использования Круга. Белый посох терял заряд значительно быстрее, чем прочие. Он был рассчитан на быстрое получение и высвобождение энергии прямо в процессе применения, а не аккумулирование ее на продолжительный период. Кроме того, присутствие в нем какой-либо дополнительной стихии сказывалось на его основных ха-

рактеристиках, что-то частично ослабляя, а на что-то накладывая ряд ограничений. Впрочем, имелся у оружия Гексенхаммера и несомненный плюс. Оно в одинаковой степени удерживало любую стихию, вне зависимости от ее природы. При этом одна стихия могла быть преобразована в другую, чего в обычном посохе сделать попросту нельзя. Именно это свойство и использовала Сирелина, обратив огненную энергию демона против него самого, но изначально она оказалась достаточно уязвима. Иными словами, универсального оружия, способного всегда бить всем и вся, попросту не существовало.

Манипулятор замерзал. Он не превратился в глыбу льда, но неистовый огонь практически угас, еле теплясь лишь в наполненных злобой глазницах. Он не успевал растапливать цепкий лед — Сирелина восполняла охватывавшую его стихию холода быстрее. Враг еще сжимал в руках меч, но Сирелина скрестила с ним свой посох. Языки пламени сотворенного демоном оружия бессильно обвились вокруг белого дерева, обдавшего его парами холода. Вряд ли большинству людей доводилось видеть, как замерзает огонь, превращаясь в застывшие куски льда. От места соприкосновения голубая полоска неумолимо проползла по всему клинку, совсем недавно источавшему сильнейший жар, и оставила за собой нечто похожее на изваяние работающего с прессованным снегом скульптора. Одно движение посохом — и оно со звоном осыпалось на пол, расколовшись на мелкие части. У Манипулятора уцелел лишь жалкий обрубок рукояти, таявший от остатков еще пытавшегося пробиться пламени. Выпустив из ладони то, что осталось от меча, все еще одержимый колдун попытался вцепиться в чародейку обеими руками. Та легко пресекла это намерение, после чего мановением пальцев сковала его верхние конечности точно таким же образом, как и нижние. Враг окончательно утратил возможность к нападению и теперь лишь буравил чародейку ненавидящим взором. Сирелина посмотрела ему прямо в глаза.

— Кто ты? — спросила она, стараясь чтобы ее голос звучал спокойно.

— Думаю, ты знаешь, — глухо отозвался Манипулятор с прежней искаженной интонацией.

Передать особенности его нечеловеческой речи кому-то другому, прежде ее не слышавшему, было невозможно.

— У тебя есть имя? Как ты овладел этим телом? — с напускной невозмутимостью осведомилась чародейка.

Демон гулко расхохотался и от его неуместного веселья Сирелине стало не по себе.

— Ничтожество! Неужели ты воображаешь что можешь допраши-

вать меня как этого жалкого червя?! Он нарушил скрепленную кровью клятву и поплатился за это. Но и ты не обольщайся. Я был скован узами его плоти, и лишь потому ты смогла одержать надо мной верх. Будь я в своем истинном обличье — и твои жалкие фокусы стали бы последним, что ты сделала в своей жизни! — изрек он с низкой раскатистой интонацией.
— Тогда убирайся туда, откуда пришел! — заявила чародейка.
В Запретном чертоге ее учили как следует обращаться с одержимыми. Вот и практика подвернулась. Перехватив посох и положив правую ладонь на грудь Манипулятора, Сирелина, прикрыв глаза, затянула длинный речитатив.
— Не трудись, я сам уйду, — усмехнулся демон. — Эта оболочка теперь бесполезна.
Тело колдуна вновь охватила дрожь. Не от холода, нет — это разрушалась связь между человеком и владевшей им инородной сущностью. Так продолжалось несколько секунд. Сирелина, отступив на шаг, безмолвно наблюдала за происходящим. Огонь окончательно покинул плоть, в глазницах унялось тлевшее там пламя.
— Мы еще увидимся, — хрипло произнес демон.
В следующее мгновение он исчез. Сверлившие чародейку глаза Манипулятора вновь обрели свой природный облик. В них больше не было оранжевых сполохов на красном фоне, являвших подобие зрачков, и вообще не наблюдалось ни единой огненной искры. Но не было в них и искры жизни. На Сирелину недвижно смотрели быстро стекленевшие глаза трупа.

– 14 –

Талара получила здоровенный синяк, поскольку гвардеец успел хорошенько ее лягнуть, но носила его с такой гордостью, словно это был орден за боевые заслуги. Недавняя вылазка преисполнила ее воодушевления, и Бэйл насилу утихомиривал принцессу, рвавшуюся узнать у Сирелины какие-нибудь новости. В конце концов, ему пришлось сопроводить настырную девушку к себе домой, где чародейка отсыпалась после сильнейшего перенапряжения. Гладиатор рассудил, что лучше он придет вместе с ней, нежели Талара проявит инициативу и, чего доброго, нагрянет в гости самостоятельно. В их распоряжении, разумеется, имелся и Аберидж, но в доме гладиатора Сирелине было уютнее, да и посторонних не наблюдалось.

Принцесса прямо-таки засыпала чародейку вопросами, на которые той как-то следовало ответить. Она не то чтобы не хотела, тем более что сама втянула ханскую дочь в столь опасную авантю-

ру. Просто Сирелине приходилось тщательно подбирать слова, чтобы сообщить Таларе то, что ей следовало знать, и при этом не сболтнуть лишнего.
— Отлично, теперь у нас есть доказательства! — ликовала принцесса, услышав о признании колдуна. — Теперь Дегонис не отвертится!
— Еще как отвертится, — невесело вздохнула чародейка.
— Это почему же? — удивилась Талара. — Ведь Дегонис и его подручные похитили Илю!
— Это только слова, — заметила Сирелина. — Голословное утверждение, в глазах твоего отца имеющее не больше силы, чем все наши предыдущие догадки. Ты собираешься сказать ему, что силой поймала колдуна и вытрясла из него эти россказни?
— Возьми у него письменное признание. По всей форме, — предложила принцесса, согласившись с разумностью довода. — Вот его я и покажу отцу. Это будет убедительный документ.
— Это невозможно, — хмуро отрезала чародейка.
— Да почему?! — с досадой воскликнула начинавшая сердиться принцесса.
— Потому что он мертв, — ответила Сирелина.
В комнате повисла напряженная пауза, в процессе которой Талара, хлопая глазами, осмысливала услышанное.
— Ты его убила? — тихо спросила она наконец, внимательно посмотрев на собеседницу.
— Не я, — качнула головой Сирелина. — Началось все очень даже неплохо, но закончилось совершенно не так, как я ожидала.
Принцесса, разумеется, потребовала деталей. Чародейка удовлетворила это любопытство в той степени, в какой это было вообще возможно. Ей пришлось сильно изменить ход событий и придумать подходящий сценарий. Вместе с тем она сделала это так, чтобы итоговый результат не изменился.

Талара слушала Сирелину затаив дыхание. По ее огромным глазам было понятно, что она ловит каждое слово. Пересказ трансформации колдуна произвел на нее сильнейшее впечатление. Принцесса даже несколько раз переспросила чародейку дабы убедиться, что поняла ее правильно.
— Да, Манипулятор был одержим, — подтвердила Сирелина, параллельно объяснив что так называют себя доверенные приспешники Дегониса.
Почему? Кто ж его знает. Однако такое наименование заставляет всерьез задуматься о их возможностях и намерениях.
— А ты точно не ошиблась? — осторожно уточнила Талара.
— Исключено. Он был не просто одержим — в нем проявился де-

мон. Я даже видела его истинное лицо, — твердо заявила чародейка.
— Невероятно! — ахнула потрясенная принцесса. — Но как же ты с ним справилась?
— Никак, — поскромничала Сирелина. — Колдун был крепко привязан, что меня и спасло. Демон попытался напасть на меня, но безуспешно. Некоторое время он злобно бесновался, а потом покинул тело. Вероятно, это колдуна и убило. Когда демон исчез, он уже был мертв.
— Но откуда взялся демон? — недоумевала Талара.
— А вот это самое интересное, — отозвалась чародейка. — И я считаю, что тебе обязательно нужно это знать. Перед признанием колдун успел упомянуть, что давал какую-то клятву, и я, мол, делаю из него отступника. Вот только рассказать он успел очень мало. Практически в самом начале его откровения и прервало появление демона. Я совершенно уверена что это произошло отнюдь не случайно! Ведь перед самым своим уходом демон обронил фразу про нарушение скрепленной кровью клятвы и расплату. Вероятно, расплата как раз и не заставила себя ждать.
— Ты поведаешь мне что он успел сказать? — жадно спросила принцесса прямо-таки хватая собеседницу за руки.
— Разумеется, — кивнула Сирелина. — И сейчас ты сама поймешь почему.
Она немного помолчала, собираясь с мыслями. Над толкованием произошедшего в глубинах Абериджа чародейка размышляла уже второй день, и чем дольше она этим занималась, тем к более зловещим выводам приходила.
— Мне кажется, Дегонис что-то задумал, — неторопливо заговорила она, размеренно произнося слова. — Он вроде бы помогает твоему отцу в завоеваниях, которые я, уж извини, не одобряю. Вот только на деле колдун, похоже, использует его в каких-то собственных целях. Он убедил твоего отца напасть на северные княжества, но это было нужно в первую очередь самому Дегонису. Это пленный Манипулятор успел сообщить прямым текстом. Он подтвердил, что Дегонис действительно помогает твоему отцу создать Империю, но затем… Он как раз сделал акцент на том, что последует "затем", но появление демона заткнуло ему рот.
Вконец ошеломленная Талара вытянула из Сирелины детали. Они настолько впечатлили ее и без того распаленное воображение, что принцесса схватилась за голову, пытаясь обуздать вихрем завертевшиеся мысли.
— Если ты меня не обманываешь, то это измена, — тихо сказала она, закусив губу. — Государственная измена.

— В твоих словах, к сожалению, и заключается самая большая проблема, — посетовала чародейка. — Я вижу что даже ты сейчас мне не до конца веришь, — пояснила она, поймав вопросительный взгляд девушки. — Теперь представь реакцию своего отца, когда ты выложишь ему эту историю.
— Холера мне в бок, а ведь ты права! — протянула Талара.
— Будет очень плохо, если я права, — удрученно вздохнула Сирелина. — До сих пор я считала что черные колдуны злоумышляют только против чародеек, настроив против них и твоего отца. Теперь же у меня есть основания полагать, что за этим скрывается нечто большее. Они хотят устранить чародеек руками хана, поскольку им одним это не под силу. Устранить, потому что только те могут помешать неким планам Дегониса, о которых мы до сих пор ничего не знаем, но к которым он идет, судя по всему, прикрываясь именем ад-Сейдина.
— Они бы не осмелились! Мой отец — самый могущественный правитель, исключая, может быть, страны Запада! — горячо воскликнула принцесса.
— Вот как раз именно поэтому им и могли воспользоваться, — заметила Сирелина. — Его властью, его армией, его амбициями! Он командует легионами, по его воле рождаются и исчезают города. Его могли подтолкнуть к тому, чего он так страстно желал, обеспечить должную поддержку, уверенность, ресурсы. Затем... Вот знать бы что именно затем!
— Кстати, а при чем тут чародейки? Ты что-то о них знаешь? — спохватилась Талара.
— Они всегда противостояли темному колдовству и планам его носителей подчинять себе людей, — пояснила Сирелина. — Об этом известно тем, кто хотя бы немного интересовался историей их взаимоотношений. В университете про это наслышаны, да и про почтовые отправления Бэйл тебе уже проболтался. Чародейки, в отличие от темных колдунов, не считают возможным напрямую вмешиваться в судьбы людей и диктовать им как надо жить. Темные колдуны, по самой природе этой стороны чар, желают обрести как можно большее могущество не только в своем запретном искусстве, но и во власти, которую оно дает и которой соблазняет нестойкие души. Устранив чародеек, Дегонис освободит дорогу к любым своим замыслам, которым они бы наверняка воспрепятствовали.
— Эх, жаль я не присутствовала при допросе колдуна, — посетовала принцесса. — Теперь мне не пришлось бы сомневаться, услышь я все это собственными ушами.
— Возможно. Но я правильно поступила что не взяла тебя с собой.

Зрелище было то еще. К тому же мне явно повезло что демон не вырвался и не убил меня. Мне еще не хватало отяготить свою совесть гибелью наследной принцессы, — грустно улыбнулась чародейка. — К тому же колдун сказал не так уж много, хотя его слова наталкивают на зловещие и далеко идущие выводы. Но это все-таки лишь выводы. Предположения, основанные на логическом анализе. У тебя есть полное право им не верить, как не поверит им твой отец, даже если бы ты лично слышала признание пленника.
— Я тебе верю, — помолчав, сказала Талара. — Если ты ошибаешься, моему отцу ничего не грозит. Если же нет, то он пригрел на груди ядовитую змею. Нет, целый клубок ядовитых змей! За одну только Илиану я готова потребовать для Дегониса сурового наказания! Если же он еще и злоумышляет против моего отца, то клянусь, что я не успокоюсь пока не выведу эту компанию на чистую воду и она не получит по заслугам!
— Талара, я посвятила тебя в эти сведения не для того, чтобы ты тут же объявила священную войну колдунам! — озабоченно воскликнула чародейка. — С этого момента ты должна быть предельно осторожна. Любой необдуманный и бездоказательный выпад против Дегониса не принесет должного результата, зато выдаст ему твою осведомленность. Он поймет как ты для него опасна и может не остановиться даже перед... даже...
Она замялась, соображая как бы помягче донести до принцессы возможные защитные меры колдуна.
— Я тебя поняла, — глухо произнесла Талара. — Но что же нам, в таком случае, делать?
Признаться, это "нам" отозвалось в душе Сирелины теплой и радостной струной. Принцесса более не отделяла себя от Илианы и ее родных в начавшемся противостоянии черным колдунам. Собственно, именно в надежде на это чародейка и втянула ее во всю историю, получившую столь неожиданное развитие. В конце концов, дочь ад-Сейдина это тоже касается, и касается напрямую. Если вначале она была ценным союзником в вызволении Илианы, то теперь становилась еще более важна как обладавшее значительными возможностями лицо. Как свой незаменимый человек в самом сердце власти подле окопавшегося там змеиного логова. Совещание заговорщиков затянулось до самого вечера.

До конца августа оставалось три дня. Уже полторы недели Сирелина пребывала в Солтенстиле, но за прошедшее время она успела сделать гораздо меньше чем бы ей хотелось. Или она все-таки себя недооценивала? Сведения, полученные от Манипулятора, и тайный союз с принцессой крови — весьма неплохие достижения. Жаль только с Илианой дело особо не двигалось. Впрочем,

тут даже чародейка поделать ничего не могла. Хочешь не хочешь, а придется дожидаться появления Дегониса. До главного колдуна, конечно, у нее вряд ли получится добраться, но вот до его спутников… Шесть Манипуляторов и сколько-то там гвардейцев. Кто именно из последних сопровождал Дегониса в поездке поможет выяснить Талара, имеющая открытый доступ к дворцовой гвардии. Дальше — дело техники. Уж гвардейца-то Сирелина сумеет разговорить: куда они ездили и чем там занимались. Если Дегонис вернется без Илианы, чародейка сумеет узнать где он ее оставил. Ожидание, безусловно, сильно тяготило ее так же, как и Талару, но даже неугомонная принцесса признавала что это разумный и логичный план. Им обеим хотелось верить что с Илей все в порядке, но даже если это было не так, то сейчас они все равно не в силах что-либо изменить. Мыслей же о наихудшем исходе они старались вообще не допускать, но обе единодушно поклялись что Дегонис жестоко поплатится, если… Если. Улучив минутку, Сирелина пояснила Таларе что черного колдуна могли заинтересовать феноменальные способности ее подруги, в которые тетя Илианы тоже посвящена, и о которых он каким-либо образом мог пронюхать. Это заставляло всерьез бояться за ее судьбу, но это же одновременно внушало и надежду что Иля до сих пор жива. Дегонис вряд ли столь быстро покончит с ценнейшей добычей и постарается извлечь из нее максимум пользы. Что же касалось других его зловещих замыслов… О, здесь все было гораздо сложнее и требовало непредсказуемого количества времени. Каждый из заговорщиков должен был держать ушки на макушке и примечать все что исходило от колдунов. У каждого из них для этого имелись свои методы и возможности, и они отлично дополняли друг друга, позволяя действовать порознь, но в общую копилку. Сирелина при этом взяла с Талары слово, что та не станет предпринимать необдуманных действий и ничем не выдаст своей осведомленности без предварительного согласования с ней и Бэйлом. Последний, кстати, играл отнюдь не первую скрипку, и Таларе невероятно льстило, что технически она посвящена в гораздо большее количество тайн чем он, и принимает в них куда более деятельное участие. Отчасти это действительно было так. Гладиатор до сих пор пребывал в неведении относительно большинства талантов Илианы и касательно привлечения Талары в планы чародейки тоже имел несколько ограниченное представление. Отныне ему вменялась забота об охране принцессы, а также ее опека от имени Сирелины, чтобы девушка из самых хороших побуждений не натворила опасных глупостей. Бэйл, впрочем, и прежде чем-то таким занимался, но теперь чародейка официально сделала его своим связующим звеном

с принцессой и ее хранителем. Сирелине, кстати, было очень непросто объяснить ханской дочери свое нежелание появляться во дворце, хотя та настойчиво предлагала оформить ей официальный допуск. Она не сможет утаить свою чародейскую природу от колдунов, регулярно устраивавших наблюдения и проверки, что чревато самыми непредсказуемыми последствиями. Бэйл же носителем чар не являлся, и в этом плане был совершенно чист, если не считать приставленных к нему соглядатаев Имперской стражи. Их, к счастью, до сих пор удавалось обводить вокруг пальца благодаря неоценимой помощи принцессы, продолжавшей выводить его в город через сеть потайных ходов и обеспечивать надлежащее прикрытие. Талара путешествовала с ним к Сирелине и в Аберидж, а также позволяла оставаться у жены на ночь.

— Ты ходишь по тонкому льду, — неодобрительно говорил гладиатор, проводя очередную такую ночь в компании Сирелины. — И вообще это плохо — так пользоваться девушкой.

— Почему это — пользоваться? Я что, призываю ее поднять бунт против собственного отца? — отзывалась чародейка. — До сих пор я не вовлекла ее обманом ни во что бесчестное и не собираюсь. То, что я действую под чужой личиной и не говорю ей всей правды — вынужденная мера, и вовсе не из-за того, что я затеяла какую-то подлость.

Бэйл вздыхал, не осмеливаясь открыто перечить чародейке, но оставался при своем мнении. Возможно, он проявил бы большую настойчивость, но Талара, как назло, явно симпатизировала Сирелине и была с ней во всем солидарна. У принцессы помимо отца имелись лишь два авторитета, к которым она прислушивалась: Илиана и ее тетушка. Прямо женский заговор! Чародейка, догадываясь о мыслях гладиатора, ласково ворчала и даже подлизывалась. Бэйл таял, и в очередной раз отдавал все на откуп своей могущественной подруге, внутренне ругая себя за чрезмерную податливость и мягкотелость.

Выход своей кипучей энергии Талара нашла самым неожиданным для всех образом. Продолжая посещать Аберидж, она наслушалась от Фаризы и его юных обитателей уйму душещипательных историй из их жизни. У каждого она была своя, и каждый по-своему оказался на улице, откуда волею судьбы примкнул к маленькой компании. Алдар с Ювионом, понятное дело, не вдавались в подробности касательно специфики места своего продолжительного пребывания, как не уточняла некоторые детали и Галана. В остальном же от Талары ничего особенно не скрывали. Дэя, к примеру, покинула неприветливый родной дом не желая выходить замуж за старого облезлого мужика, за которого ее собирались вы-

дать несмотря на запрет ад-Сейдином ранних браков. В отдаленных провинциях архаичные традиции еще были сильны. Скитаясь по дорогам, она добралась до Солтенстила и последние два года успешно делала там карьеру домушницы-верхолаза. Волею судьбы она познакомилась с Фаризой, успевшей к тому времени приютить оставшуюся никому не нужной сироткой маленькую Тишу. Дэя, в свою очередь, подобрала на улице Скича, промышлявшего мелкими кражами. Парнишка пережил сильную психологическую травму, чем и вызывалось его повседневное молчание, но юная разбойница сумела завоевать доверие воришки. Ангур же был подмастерьем, проданным родственниками жестокому хозяину. Однажды, не выдержав регулярных побоев и тяжелых условий труда, он отправился куда глаза глядят, а в Железных землях, как известно, все пути ведут в Солтенстил. Там он и встретился с Фаризой, решившей что бездомный бродяга, храбро отбивший ее дубинкой от пары каких-то проходимцев, в компании не помешает. Одна лишь Галана прибилась к ребятам самостоятельно. Сбежав из приюта, она несколько недель обитала в сточных тоннелях, пока однажды случайно не наткнулась на маленькую ватагу, ютившуюся в старой насосной станции. Она выглядела настолько брошенной и несчастной, что ее не только накормили и устроили на ночлег, но и предложили остаться насовсем. Галана, разумеется, не уточнила, что сбежала она все-таки с корабля, на котором ее хотели отправить вниз по Идлису, но в остальном принцесса услышала от нее немало грустных историй про нелегкую жизнь в приюте. Девчушка с косичками рассказывала их новой знакомой без всяких задних мыслей, но та, впечатленная ее словами, отреагировала достаточно бурно. Возможно, такова была альтернатива ее жажды деятельности, в данный момент неспособной выплеснуться ни в помощь Илиане, ни в мщение черным колдунам. Не исключено, что Талара, выросшая в совсем иных условиях, приняла все слишком близко к сердцу. Или же всему причиной банально послужило ее капризное, но доброе сердце. А может быть и все сразу. Как бы там ни было, в одно прекрасное утро принцесса с отрядом гвардейцев заявилась в описанный Галаной приют и, лично убедившись что слова девчушки соответствуют истине, устроила там жуткий разнос. Рацион воспитанниц сердобольного заведения явно не соответствовал отпускаемым из казны средствам, уходившим куда угодно, но только не на питание девочек. Условия их существования также пришлись Таларе отнюдь не по нраву, как и признаки применения к ним недопустимых мер. Вид исхудавших, бледных детей, занятых грубой работой, окончательно привел ее в неописуемую ярость. Среди девочек нашлись и те, кто,

воодушевившись неожиданным появлением защитницы, осмелились поведать ей о царивших в заведении нравах и наказаниях. Впоследствии рассказывали, что надзиратели, дрожа, попрятались кто куда от гнева дочери повелителя. Высокий желчный старик, распорядитель приюта, побелел от страха, когда принцесса, выхватив меч, грозилась лично снести ему бородатую башку не сходя с места. По ее приказу вызванная стража уволокла распорядителя по улице прямиком в городскую тюрьму по обвинению в растрате и жестоком обращении с вверенными детьми. Присутствие офицера дворцовой гвардии со всеми регалиями, стоявшего во главе отряда вооруженных гвардейцев, и печать, подтверждавшая личность ханской дочери, возымели соответствующее действие. Перечить бушевавшей Таларе никто не осмелился.

Одним лишь этим принцесса не ограничилась. Явившись к визирю, она изложила обнаруженные ей злоупотребления и потребовала проверить каким образом вскрывшиеся обстоятельства остались без внимания со стороны Попечителя приютов. Иль Машхан нашел возмущение Талары вполне справедливым и обещал разобраться, равно как и отдал распоряжение начать расследование по делу отправленного в тюрьму главы проштрафившегося заведения. Не забыл визирь устроить и назначение нового распорядителя, гарантировав принцессе, что теперь на эту должность попадет достойный и любящий детей человек.

Вечером она не без некоторого тщеславия рассказывала о своем рейде восторженно внимавшей аудитории Абериджа, плюс Сирелина и Бэйл. Порыв Талары произвел на ребят большое впечатление, усилив ее и без того уже складывающийся ореол покровительницы сирых и обездоленных.

— А ты попроси у отца должность Попечителя приютов, — прищурившись, лукаво присоветовала чародейка.

— А что, и попрошу, — живо отозвалась Талара. — Хорошая мысль, кстати!

Вброшенная идея принцессе действительно понравилась, и она допоздна развивала ее перспективы, фантазируя как привлечет Илиану и своих новых знакомых. День завершился в теплой дружеской атмосфере, полной планов на будущее. Даже Сирелина расслабилась и наслаждалась покоем, не забывая, правда, про маскировочные чары. Жизнь казалась не такой уж и плохой, если ненадолго забыть про некоторые ее стороны, и по крайней мере здесь текла размеренно и без эксцессов.

Это был последний спокойный вечер. В ночь на исходе августа в Солтенстил вернулся Дегонис.

Исчезновение похищенного колдуна, разумеется, не прошло

незамеченным, однако некоторое время Имперская стража не поднимала шума. Обнаруженные в пришвартованной лодке гвардейцы не могли сообщить ничего вразумительного, путаясь в показаниях. Они были совершенно целехоньки, если не считать нескольких синяков и одной шишки на затылке, а их вещи остались нетронутыми. Колдун же как в воду канул, и о его судьбе никто ничего не знал. Его потихоньку искали, гадая что произошло, но безуспешно. С прибытием же Дегониса положение резко изменилось. Перво-наперво он принялся изучать поступившую в его отсутствие корреспонденцию. Свитки, письма, донесения, копии приказов, записки осведомителей, иные отправления, большие и малые, громоздились на столе настоящей горой. На разгребание этих залежей у старшего колдуна ушло несколько часов, в процессе которых он не двигался с места, делая для себя лишь какие-то заметки. Когда же с изучением корреспонденции было покончено, Дегонис развел кипучую деятельность.

Кампания в северных княжествах набирала обороты. Хан все-таки отдал приказ о наступлении и теперь войска Красной саламандры осуществляли подготовленное вторжение, продвигаясь к намеченной цели. Пока, судя по всему, успешно, но лишенные верховного командования Манипуляторы уже допустили ряд ошибок. Свои силы они применяли хорошо и умело, но Баратис, лишенный указаний своего учителя, был вынужден импровизировать и периодически поступал совсем не так, как хотел бы Дегонис. Сосредотачиваясь на достижении быстрых результатов, он упускал из виду долгоиграющие, концентрировал силы для ударных задач и боялся распылить их для достижения необходимого контроля. Упрекнуть Баратиса старший колдун не мог. Он сам покинул ученика в критический момент, и теперь Дегонису следовало как можно быстрее принять бразды управления в свои руки, а заодно и усилить кампанию еще одной давно обещанной группой Манипуляторов. Но сначала требовалось отдать кое-какие распоряжения и в Солтенстиле.

Еще несколько часов взопревшие помощники получали от Дегониса распоряжения, старательно копируя его письменные приказы и подготавливая составленную корреспонденцию к отправке. Когда старший колдун убедился, что в Нижних подземельях его поняли более чем хорошо и все вновь идет согласно его воле, он отправился в особняк на восточном берегу Идлиса, подле которого троица заговорщиков не столь давно устраивала засаду. Там он перво-наперво озаботился исчезновением посланца в далекий монастырь Аш-Гарон, превращенный Дегонисом в базу подготовки Манипуляторов. Сирелина не знала, что случайно захватила

не обычного колдуна из усиленного отряда Имперской стражи, а особого курьера. Впрочем, для нее это мало что меняло, поскольку Дегонис не собирался оставлять без внимания пропажу одного из своих людей. Сирелина не успела выведать у пленника куда и с какой целью тот направлялся, считая этот вопрос менее существенным, чем остальные, а потому ждущим своей очереди. Дегонису же было все равно пронюхал кто-нибудь о поручении посланца или нет. Для посторонних глаз это был набор обычных распоряжений, не имевших какой-либо ценности. Другое дело — сам посланец. Старший колдун ни минуты не сомневался что здесь приложил руку кто-то из чародеек. Совладать с Манипулятором, безусловно, можно, если напасть неожиданно, но вот удержать его, не зная с кем имеешь дело… Обычные разбойники, конечно, могли его попросту и убить, не дожидаясь когда пленник придет в сознание, но обстоятельства указывали на то, что в лодке поработал кто-то другой.

Манипуляторы в отсутствие старшего колдуна тоже не предпринимали каких-либо активных действий, сосредоточившись на тех инструкциях что он им оставил. Теперь же, получив от Мастера нужные указания, они принялись воплощать их в жизнь. Сам же Дегонис отправился обратно в Нижние подземелья, где и провел остаток дня, подготавливая все необходимое для предстоящего путешествия.

— Собираемся! Живо! — тревожно заявил Бэйл хлопотавшей насчет ужина Сирелине.

В присутствии принцессы та вынуждена была и готовить и накрывать на стол исключительно житейскими методами, а потому и спорилось у нее не столь продуктивно.

— Что случилось? — озабоченно спросила чародейка, оставив в покое салатницу.

— За домом следят! Я думаю, это соглядатаи из Имперской стражи! — пояснил гладиатор.

Сирелина, враз посерьезнев, поняла, что дело дрянь. Если дом скомпрометирован, то пользоваться им более нельзя, и надо как можно быстрее уносить отсюда ноги. Вслед за шпиками может появиться и кавалерия.

— Но ведь вас никто не тронет! — недоумевала Талара. — Если кто сунется — я выставлю всех вон. Вы мои друзья и находитесь под моим покровительством. Не вижу проблемы.

Сирелине пришлось потратить несколько драгоценных минут чтобы напомнить принцессе в какой щекотливой ситуации они оказались. Возможно, соглядатаи каким-то образом всего лишь выследили Бэйла, но отныне этот дом небезопасен. Знают они — зна-

ет Имперская стража. Знает Имперская стража — знают темные колдуны и Дегонис. Чародейке и самой хотелось в это верить: в то, что появление шпиков пока еще достаточно безобидно. Ведь не могли же люди хана столь оперативно вычислить кто причастен к ночному нападению на Манипулятора. Скорее, они все еще пытались установить круг контактов Бэйла, а значит чародейка, находясь у него дома, подвергает себя и его огромной опасности. Так или иначе, отныне уютное гнездышко гладиатора приходилось бросить, и бросить немедленно.

Сборы прошли быстро. Деньги, ларец из тайника, кое-что из одежды, несколько книг, письма, секретный ящик чародейки — все оказалось упаковано в два заплечных мешка. Гладиатор, не забыв прихватить раритетный щит из Абериджа, в последний раз окинул полюбившееся жилище, вспоминая, не забыл ли он чего, а затем проследовал на кухню. Отодвинув забренчавший посудный шкаф, он легко вынул металлические скобы, скреплявшие доски, и сдвинул панель казавшейся монолитной стены. За ней обнаружилась небольшая дверь, закрытая изнутри на засов. Отперев его, вся троица очутилась в пыльном чулане, преисполненном темноты и паутины.

— Где мы? — шепотом осведомилась довольная очередным неожиданным приключением Талара.

— Когда-то это был единый дом. Очень большой, с кучей пристроек и даже внутренним двором. Потом его разделили разные владельцы и много раз перестраивали. Что-то снесли, что-то построили заново. Но основа по большей части осталась, — тоже шепотом пояснил Бэйл. — Сейчас мы зашли к соседям, но о наличии этой каморки они даже не подозревают. Как не подозревают и об этом.

С последними словами гладиатор потянул что-то в полу, оказавшееся большим металлическим кольцом, и открыл прямоугольный лаз.

— Я первый, — сказал он, зажигая взятый с полки потайной фонарь. — Лина, ты замыкаешь.

Подвал, некогда служивший погребом и хранилищем всякой всячины, выглядел совершенно заброшенным, но так было не везде. Дальше, под следующим домом, Бэйлу пришлось разобрать стену из досок, и по тому как ловко он это проделал стало ясно, что сей путь к отступлению он подготовил заранее. Миновав обжитую часть к полному неведению ее хозяев, троица протиснулась в еще один открытый гладиатором проход, после чего некоторое время шла по заброшенному подземному коридору. Бэйл не забывал восстанавливать прежний вид потревоженных конструкций, чтобы максимально осложнить поиски возможным преследовате-

лям. Это он проделал и в последний раз, когда беглецы зашли под очередной дом и оказались в какой-то подсобке.
— Сюда, — шепнул гладиатор, показывая пальцем на просвет в ведущей наружу дощатой двери, к которой вели наклонные ступеньки.

Сразу за углом небольшого глинобитного сарая, подле которого все трое вылезли из-под дома, нашлась задняя калитка. Убедившись, что их никто не видит, Бэйл пропустил вперед Сирелину и Талару, а затем вышел сам, притворив за собой створку. За все время отхода об их присутствии не догадалась ни одна живая душа, за исключением встретившихся по пути крыс, сновавших тут и там к вящей радости чародейки и принцессы.
— Потрясающе! — одобрительно заявила Талара, когда они углубились в лабиринт улиц Солтенстила. — Неплохо придумано, холера мне в бок! Как ты только до этого додумался…
Гладиатор улыбнулся. Поживешь с чародейкой в розыске — еще и не такому научишься.
— Как ты думаешь, меня узнали? — озабоченно спросила Талара Сирелину. — Я ведь пришла вместе с Бэйлом.
— Думаю, вряд ли, — отозвалась та. — Ты хорошо маскируешься в своей одежде простой горожанки и этой густой вуали до самых глаз. Полагаю, твое инкогнито не раскрыто. Куда больше меня беспокоит каким образом соглядатаи вообще вышли на этот дом, если вы, как я понимаю, все время пользовались тайным ходом из дворца. Должно быть, каким-то образом заметили Бэйла в городе…
Здесь действительно было над чем поразмыслить, но Сирелина предпочла это делать в более спокойной обстановке.

На ночь остановились в ничем не примечательной гостинице. Талару так и не удалось уговорить отправиться домой. Принцесса настояла остаться, ссылаясь на то, что если их все-таки выследили и явится Имперская стража, но она не позволит арестовать своих друзей. Стражникам придется идти к визирю, а тот не станет вступать в конфликт с дочерью повелителя и будет вынужден обратиться к хану. Талара заберет Бэйла и Сирелину к себе во дворец, где их никто не посмеет тронуть вплоть до распоряжения отца, а пока оно поступит, они все вместе что-нибудь да придумают. Предложение, безусловно, имело свои преимущества, и если бы не наколдованная личина чародейки, она посчитала бы его практически идеальным.
— Талара, что будешь делать когда тебя однажды хватятся? — только и покачала головой Сирелина, поняв всю бесплодность уговоров.

— Все думают, что я заперлась в своих покоях, — усмехнулась девушка. — С Илей мы так и поступали. Но Иля — моя подруга и придворная дама, тут и вопросов ни у кого не было. С твоим мужем, конечно, сложнее. Мне приходится сначала запираться с приказом меня не беспокоить, а затем подземным ходом топать в парк и забирать Бэйла в условленном месте.
— А никому не кажется странным, что ты больно часто запираешься в своих покоях? — заметила чародейка.
— Нет, — мотнула головой принцесса. — Насчет меня уже давно никому ничего не кажется странным. Я не желаю чтобы меня беспокоили — и точка. Только мой отец может случайно разрушить это прикрытие, но его во дворце нет.

Выбор куда теперь отправиться пал на Аберидж. Бэйлу ведь понадобится какое-то время, чтобы подыскать новый дом, а кантоваться по гостиницам неопределенный срок — не самая лучшая перспектива. Аберидж же был более-менее обжитым и вполне безопасным. Места там столько, что Сирелине уж всяко найдется где поселиться, а ребята Фаризы помогут ей обустроиться на новом месте. Эту идею согласовали утром первого дня сентября, когда вся троица завтракала заказанной в харчевне снедью. Гладиатор отлежал себе бок о выступавшую доску, снова растянувшись на полу поперек входной двери, и теперь вознаграждал себя горячей едой и огромной кружкой душистого эля. Минувшей ночью Сирелина поручила ему охранять принцессу. Сама же заперлась в отдельной комнате, поскольку во сне не могла контролировать капризные маскировочные чары. Она и так сильно рисковала, подолгу находясь в них подле Талары, и регулярно их обновляла при каждом удобном случае. Кстати, теперь эти чары держались несравнимо дольше. Еще несколько лет назад Сирелине попросту не удалось бы столь продолжительно поддерживать их без перерыва. Опасность неожиданного рассеивания сложного колдовства, спровоцированного каким-либо действием, особо не уменьшилась, но его длительность выросла многократно. Здесь напрямую сказывался невероятно выросший уровень развития колдовских сил Сирелины. Ведь ей с некоторых пор стал доступен даже Нейтрал, лишивший пленного Манипулятора всякой надежды на применение заклинаний, а он был по плечу только самым могущественным чародейкам, в основном старшим сестрам и служительницам Гексенхаммера. Неслучайно Немезия, поступившись личными придирками, прочила ее стажером в означенную группу, несмотря на слишком молодой, по меркам чародеек, возраст и взбалмошный характер.
— Что ж, тогда так и поступим, — заключила Талара, кивая Сире-

лине. — Сейчас мы с Бэйлом проводим тебя до Абериджа, а потом вернемся во дворец. Я попытаюсь выведать у визиря что-нибудь насчет вчерашних соглядатаев. Здесь понадобится действовать очень тонко, но если он что-нибудь знает, то сообщит. Не волнуйтесь, я буду очень осторожна и найду что ему сказать так, чтобы и комар носа не подточил. А вечером мы придем проведать как ты устроилась в Абериджe.

Когда Иль Машхану доложили о появлении Распорядителя Нижних подземелий, он собрался было немедленно вызвать его к себе, но затем передумал. Памятуя о непременном желании ее высочества присутствовать при разговоре и задать Дегонису ряд вопросов, он отправил к ней посыльного с запиской, но слуга вернулся ни с чем. Принцесса снова заперлась в своих покоях и никому не открывала. Слуга вручил записку стоявшим на страже гвардейцам, попросив передать ее дочери повелителя, когда та соизволит отпереть дверь. Визирь вздохнул. Вопрос с придворной дамой ее высочества безусловно требовал прояснения, но дважды дергать путь даже не нравившегося ему Дегониса по одному и тому же поводу он не хотел. Колдун, чего доброго, пожалуется хану, заявив, что его отвлекают от важных дел. Иль Машхан решил дождаться реакции принцессы, ограничившись извещением Дегониса о том, что тот вскоре может ему понадобиться.

Талара пришла лишь в середине следующего дня. Вернувшись во дворец после проводов Сирелины и высунув нос из покоев, она прочла переданную ей вчерашнюю записку. Чертыхнувшись, принцесса живо нацепила свой боевой наряд и поспешила к визирю. Тот и виду не подал что посылал за ней скоро уж как сутки назад. Приветствовав чуть запыхавшуюся от быстрой ходьбы Талару, он вновь пригласил ее присесть рядом с собой. Сам же, кликнув секретаря, распорядился вызвать к нему старшего колдуна. Принцесса, сгорая от нетерпения, одновременно сильно волновалась, стараясь не показывать виду. В отличие от прошлого раза, теперь она знала про Дегониса предостаточно, от его прямого участия в похищении Илианы до возможной измены ее отцу. Ей будет весьма непросто удержаться от открытых обвинений, особенно если колдун начнет юлить и все отрицать. Теребя кончик своей роскошной косы, принцесса припоминала уроки риторики, планируя словесную атаку, которой рассчитывала загнать Дегониса в ловушку.

Старалась она зря. Возможно, и к лучшему, потому что времени на подготовку к хитрой паутине вопросов у нее было крайне мало. Вошедший секретарь передал Иль Машхану записку, собственноручно начертанную старшим колдуном. В ней тот сообщал,

что получил извещение визиря, однако так и не дождался его вызова. Дегонис заранее извинялся за невозможность прибыть в нужный час, но неотложные дела призвали его в ставку Великого хана, куда он отбыл минувшей ночью.

Записку передал его заместитель Пириаст — тот самый длинный тип, который в прошлый раз имел удовольствие предстать перед визирем и дочерью повелителя.

— Эх, ваше высочество, пришли бы вы вчера, — огорченно развел руками визирь.

Из вежливости он не укорял Талару, но та уже все поняла и мысленно обругала себя последними словами, ибо не успевший объявиться Дегонис вновь ускользнул исключительно по ее вине. Отпустив несколько любезностей в адрес визиря и заверив его в своем искреннем расположении, принцесса удалилась. Иль Машхан обещал сообщить ей как только появятся новости, но Талара вовсю подозревала что старший колдун теперь вернется во дворце не скоро.

Это подозрения разделила и Сирелина, когда вечером принцесса пришла проведать как она устроилась в Аберидже. Ребята действительно приняли тетю Илианы очень радушно и даже хотели поселить ее по соседству, но она предпочла уединиться в подземелье. Помещение подъемника с прилегавшими к нему комнатами не имело столь же жилой вид как у соседей, да и удобства оставляли желать лучшего. Тем не менее, чародейка по понятным причинам сделала выбор в пользу секретной области, объяснив это привычкой жить и работать в тишине и одиночестве. К ребятам она, разумеется, тоже выходила, и уже успела потихоньку улучшить мыльню, пользуясь тем что ее никто не видит. Вода туда поступала довольно плохо, но заклинание Сирелины, отправившись путешествовать по трубам, уничтожило образовавшийся засор, а ржавые скрипучие краны вновь обрели бесшумную подвижность. Она бы сделала и гораздо больше, но все и сразу станет слишком заметно и подозрительно.

— Полагаю, Дегонис отправился командовать своими Манипуляторами, — мрачно сказала чародейка, выслушав принцессу. — Теперь они, судя по всему, принимают участие в войне либо открыто, либо ведут диверсионную деятельность. Теперь я почти не сомневаюсь, что инцидент в Кирионе — их рук дело.

— Что за инцидент в Кирионе? — живо осведомилась Талара.

— Поднявшиеся с кладбища мертвецы вырезали всю правящую верхушку этой страны, а творившиеся при этом ужасы заставляют предположить как минимум могущественную некромантию, — неторопливо сообщила чародейка, не уточняя откуда ей сие было

известно. — Поговаривают также, что в лесах Кириона объявилась нежить, одержимая злыми духами. Создать такую простому некроманту вряд ли под силу — тут требуется демонолог. А мы с тобой с недавнего времени знаем, что колдуны Дегониса в данном аспекте каким-то образом точно замешаны.
— Живые мертвецы?! Какой ужас! — вытаращила глаза принцесса, выражая при этом такой неподдельный интерес, что до ужаса там было очень даже далеко.
— Я лишь говорю что слышала, — быстро пояснила Сирелина, не развивая дальше скользкую тему. — Мои края гораздо ближе к Кириону, так что там и новости о нем куда более насыщенные, чем здесь, в Солтенстиле. — Однако вернемся к Дегонису. Если именно он и затеял северную кампанию, спровоцировав на нее твоего отца, то тогда колдун отправился в действующую армию надолго. Он будет лично руководить всеми своими людьми, претворяя в жизнь некий тайный план.
— Я снова напишу отцу, — сообщила принцесса. — Пока еще не придумала что, но придумаю.
— Талара, ты уж извини, но ему сейчас будет не до такой мелочи как придворная девушка, потерявшая, к тому же, всякую ценность как заложница, — мягко сказала чародейка. — Он ответит тебе, что обязательно разберется в твоей просьбе, но позже, или выразится каким-нибудь похожим образом.
— Тогда я поеду к нему сама! — воскликнула принцесса. — Меня лично он всяко выслушает и не отмахнется!
— Дорогая, ты с ума сошла! — всплеснула руками Сирелина. — Ты хоть представляешь где сейчас его армия и чем она занимается? Дороги кишат войсками и беженцами, леса набиты дезертирами, разбойниками и мародерами! Огромные края охвачены войной, где опасность не грозит разве что крупному войсковому соединению. Даже если ты каким-то чудом доберешься живой и невредимой, отец без лишних слов тут же отправит тебя назад! А для этого ему придется приставить к тебе как минимум половину армейского корпуса, что его вряд ли сильно обрадует в условиях боевых действий. Кончится твоя поездка максимум тем, что гвардейцы запрут тебя во дворце в два ряда по прямому приказу хана и вплоть до его особого распоряжения.
Талара, хорошенько обдумав сказанное, к своему великому неудовольствию пришла к выводу, что тетя Илианы, пожалуй, права.
— Ну и что тогда? — хмуро осведомилась она. — Что нам теперь делать? Мы ждали когда вернется подлый колдун, а он теперь далеко.
Сирелина в этот момент как раз обмозговывала совершенно ди-

кую авантюру по преследованию Дегониса. У одинокой всадницы имелись неплохие шансы настигнуть его в пути, ведь скорость ее передвижения будет выше, а пункт назначения известен. К сожалению, она не знала наверняка по какой именно дороге поедет колдун. Кроме того, Дегонис, в отличие от давешнего Манипулятора, птица совсем другого полета. Чародейка была ничуть не уверена что сладит с ним хотя бы один на один, а предводитель колдунов наверняка обеспечил себя надлежащей охраной, так что с оглушающим кастетом к нему не подкрадешься и подсыпать чего-нибудь в плов тоже не удастся. В центре же действующей армии любые попытки подобраться к нему будут равносильны самоубийству, а гибель Сирелины ее воспитаннице уж точно никак не поможет, даже если она прихватит с собой злого колдуна. Вздохнув, чародейка, скрепя сердце, вынуждена была отказаться от сумасбродного замысла и признать что Дегонис для нее по-прежнему недосягаем. Однако помимо него оставались еще и другие заслуживающие внимания люди.

— Он – да, в отличие от тех, кто с ним ездил, — напомнила выбравшая синицу в руках Сирелина. — Ты сможешь разузнать кто из гвардейцев его сопровождал и где они сейчас?

— Горы сверну! — заявила принцесса, глаза которой вновь заблестели, охваченные жаждой деятельности.

— Вот и отлично, — заключила чародейка. — Как только я доберусь до одного из них, то, поверь, он мне все расскажет.

— Я могу поступить иначе, — сказала вдруг Талара. — Вызову кого-нибудь из них к себе и заявлю что мне известно о похищении моей придворной дамы. И под страхом смертной казни потребую рассказать куда они ездили и где находится Иля!

Первой реакцией Сирелины было строгое "нет", но она, подумав, нашла предложение принцессы не лишенным смысла. Разве что сделать нечто подобное следовало не столь топорно, а куда более хитро. В итоге заговорщицы еще долго совещались, обсуждая детали дальнейших шагов.

Уединение в новых покоях чародейки нарушил Бэйл. Явившись в секретную часть Абериджа, он сообщил что наверху что-то происходит. Переглянувшись, Сирелина и Талара поспешили за гладиатором.

Дежурившие на страже коты пребывали в беспокойстве. Более того, беспокойство охватило и всю обитавшую в заброшенном комплексе кошачью колонию. Животные сновали туда-сюда, то и дело останавливаясь и принюхиваясь. Их уши то двигались, то напряженно замирали, а глаза, казалось, периодически смотрели куда-то только в одну им видимую точку. Завидев появившихся

во дворе чародейку и принцессу, к ним навстречу кинулся Бус. Его обычно гладкая короткая шерсть была слегка взъерошена, отчего и без того внушительные размеры кота казались поистине громадными. Он громко и выразительно мяукал, сверкая глазами, но его, увы, никто не понимал.
— Кошки явно кого-то почуяли, — встревожено сказала Сирелина, оценив поведение животных. — И что-то мне подсказывает, что это не обычный человек. Из-за случайного бродяги они бы не стали так волноваться. Нет, здесь что-то другое.
— Бус, что случилось? — присела на корточки Талара, погладив полосатую бочку. — Ну скажи толком.
Кот, видимо, и говорил — аж надрывался, — но не было среди присутствующих того, кто обладал возможностью разобрать его речь.
— Бэйл! Ребята! Осмотритесь вокруг Абериджа из внешних окон верхних этажей. Только так, чтобы вас не было видно! — скомандовала чародейка.
Фариза увела своих юных подопечных на западную сторону, гладиатор с Алдаром и Ювионом прошел на восточную. Талару Сирелина оставила при себе, надеясь вдвоем с ней угадать что хочет донести до них Бус. Определенные шансы на это имелись — после случая с совой чародейка уже знала, что Илиана способна на поистине удивительные вещи. В своих предположениях она не ошиблась. Кот, утомленный бестолковостью людей, аккуратно взял в зубы пальцы гладившей его Талары и настойчиво потянул.
— Бус, ты чего это? — удивилась принцесса.
— По-моему, он хочет чтобы мы пошли за ним, — заключила чародейка, когда кот отбежал в сторону, обернулся и замяукал. — Давай посмотрим куда он нас приведет.

К их общему изумлению, кот отправился прямиком в подземелье. В его целенаправленности ошибки быть не могло — стоило его спутницам остановиться, как он оборачивался и издавал весьма красноречивые призывы. Проскользнув в открытую Сирелиной потайную дверь, Бус устремился к лежавшим на полу доспехам, некогда собранным в груду у опустевшего стеклянного шкафа, да так там и оставшимся. Подбежав к ним, он положил лапу на кусок бездушного железа и замяукал, поочередно глядя людям в глаза. Затем подошел к Сирелине и зачем-то проделал тоже самое с ее ногой, обутой в кожаный сапог. Когда Сирелина озадаченно почесала в затылке, Бус сделал несколько шагов в направлении двери, выгнул спину и выразительно зашипел. Обернувшись и увидев, что до глупых человеков все еще ничего не доходит, он вновь проделал все то же самое с абсолютной точностью. Лишь на третий

раз у Сирелины мелькнула невероятная догадка. Кот уже, видимо, отчаялся донести свое сообщение и теперь, вцепившись зубами в тяжелую латную перчатку, пытался тащить ее к двери.
— Талара, посмотри, пожалуйста, снаружи никого нет? — попросила Сирелина.
Девушка быстро удалилась. Она отсутствовала совсем недолго, но этого времени хватило чтобы чародейка, присев возле Буса, привлекла его внимание и провела рукой возле своего лица. Маскировочные чары спали, показав истинный облик Сирелины, но следующим движением она тут же вернула их обратно. Кот прекрасно узнавал женщину и так, и эдак. В отличие от людей, трюками с изменением внешности его было с толку не сбить, поэтому не приходилось удивляться тому, что он сразу радушно отнесся к так называемой тетушке Илианы, ибо уже был с ней знаком. Сейчас, однако, опыт Сирелины заключался отнюдь не в этом. И, судя по реакции Буса, он вполне удался. Оставив в покое перчатку, кот замяукал и, подбежав к чародейке, принялся усиленно тереться о ее колени, выражая живейшее одобрение.
— Колдовство... — прошептала та, машинально гладя явно обрадованного кота. — Вы видели колдовство...
— Снаружи никого, — сообщила вернувшаяся принцесса. — О, чего это он такой довольный?
— Потому что, кажется, я догадалась что он хотел нам сказать, — пояснила, распрямляясь, Сирелина. — Либо сам Бус, либо кто-то из его мохнатых сородичей видел колдовство. Именно это кот и пытался дать понять, когда привел нас к этим доспехам и шипел на дверь. Насколько я помню, он был свидетелем сражения Бэйла с этой грудой железа и использовал ее как наглядный пример.
Чародейка умолчала о том, что коту было прекрасно известно кто она такая, чем и объяснялась его выразительная демонстрация лапой, в которой Сирелине отводилась известная роль. "Они, ты, там", — вот какова была логическая цепочка кошачьего представления. Все эти элементы несомненно объединяло одно — чары. Указывая на "там" Бус красноречиво шипел, что, скорее всего, означало враждебность.
— А для кота это не слишком? — усомнилась Талара.
— Не в случае с Илианой, — многозначительно напомнила чародейка. — Я понятия не имею как она влияет на животных, но это влияние воплощается в поистине невиданные вещи.
Не вдаваясь в подробности, она вкратце рассказала принцессе историю с почтовой совой, присланной Илианой своей тетушке за тридевять земель, изменив место действия и содержание послания. Талара слушала разинув рот.

— Вот это да! — ошеломленно протянула она. — А почему ты мне раньше не говорила?
— Забыла. Из-за всех этих событий, будь они неладны, — нашла подходящее оправдание чародейка.

Когда они вернулись во двор, колония уже успокоилась. Одни кошки, жмурясь, нежились на солнышке, другие неторопливо шагали по своим делам. Ничто более не нарушало их размеренное существование и не давало повода для тревоги. Бус, махнув на прощание хвостом, удалился к своим сородичам.
— Даже если они видели колдовство, почему так отреагировали? Как сообразили дать нам понять? — тихо спросила принцесса.
— Этому научила их Илиана. Одно небо ведает как, — прошептала чародейка.

Вернувшийся Бэйл и обитатели Абериджа ничего подозрительного не нашли. Стараясь не высовываться, они внимательно осмотрели окрестности, но так никого и не обнаружили. Исключая, разумеется, обычных прохожих в стороне и привычной городской суеты, кипевшей на некотором отдалении от холма и прилегавшего к нему кладбища.

Сирелина поведала о своей догадке только Бэйлу и Фаризе. Последняя знала об особенностях общения Илианы с Бусом, а посему у нее имелись основания поверить в услышанное от чародейки. Ведь про причины ухода из сточных тоннелей Фариза отнюдь не забыла.
— Хочешь сказать, они так реагируют на любое колдовство? — осторожно спросила старшая девушка.
У нее под опекой с некоторых пор имелись уже трое обладателей колдовского дара, в той или иной форме, и она боялась что их тайна станет известна. Фариза же понятия не имела что разговаривает с чародейкой, которая в свою очередь скрывала свою подлинную натуру от всех остальных.
— Думаю, они так реагируют только на чужаков, — уклончиво ответила Сирелина, поскольку ее собственные чары не находили у колонии столь бурного отклика.
К ее удивлению, Фаризу этот ответ вполне устроил. Ведь за Галану, Алдара и Ювиона она могла не опасаться.
— Я извещу остальных, — сказала предводительница молодежи. — Не беспокойся, они мне поверят.
На сей счет чародейка и не беспокоилась. Ее куда большую озабоченность вызывал неизвестный объект тревоги четвероногих сторожей. Возможно, вблизи Абериджа проходил патруль Имперской стражи вместе с одним из Манипуляторов, который и был источником колдовства. Чего бы он ни наколдовал, кошки это заметили

и встревожились, предупрежденные Илианой. Иными словами, это могла быть простая случайность. Но что если нет? Что если… Мысли Сирелины, и без того все меньше знавшие покоя, уже вертелись в очередном тревожном хороводе.

Обещание выяснить, кто именно из гвардейцев сопровождал Дегониса в недавней поездке, принцесса откладывать в долгий ящик не собиралась. Вместе с тем оказалось, что исполнить его гораздо сложнее, нежели ей виделось до сих пор. В обычно спокойном здании штаба дворцовой гвардии царило непривычное оживление. Когда Талара явилась туда на следующий день, она обнаружила, что просто так разведать интересующие ее сведения не удастся. Дежурные офицеры почтительно приветствовали дочь повелителя, но на все вопросы отвечали, что ей следует переговорить с командующим. Остай ди-Халадор сейчас отсутствовал, а без него никто не в состоянии попасть в его кабинет, где находятся все донесения за последние дни вместе с делами личного состава. Журнал текущих назначений с записями о командированных хранится в сейфе у штаб-секретаря, но тот сейчас сопровождал начальника. Когда принцесса осведомилась чем вызвана суматоха, то получила ответ, что, согласно приказу того же командующего, проводится ротация гвардейских частей и проверка их боеготовности. В данный момент он где-то в городе с инспекцией. Когда вернется — неизвестно.

Вынужденная отступить, Талара некоторое время бесцельно бродила по дворцу, соображая что ей предпринять. Затем вернулась в гвардейский штаб и поинтересовалась по каким адресам она сможет поискать ди-Халадора. Офицеры развели руками. Не потому, что не собирались откровенничать с принцессой, а просто понятия не имели где командующий может находиться. Он ведь для того и устроил инспекцию, чтобы неожиданно нагрянуть на любой объект и собственными глазами проверить все ли там в порядке. О его перемещениях никто ничего не знал. Объектов же в Солтенстиле и его пригородах много. Гвардия хоть и дворцовая, но она охраняет все что обслуживает правящую династию, начиная от личного причала и заканчивая загородными резиденциями. Таларе честно посоветовали приходить завтра, поскольку не факт что сегодня командующий вообще вернется. Если же принцессе требуется сопровождение, как недавно в приют, или у нее имеются еще какие-нибудь распоряжения, то дежурные офицеры с радостью ей помогут. Талара вторично ушла с пустыми руками, но предъявить гвардейцам какие-либо претензии, как ни крути, не получалось. Как максимум, она могла торчать прямо в штабе, надоедая всем кому ни попадя, но толку в этом было бы немного.

Побродив часок в тенистом парке и как следует поразмыслив, Талара решила наведаться в штаб Имперской стражи. Бэйла она с собой не взяла — это будет уж слишком, — но и гвардейское сопровождение также не прихватила. Выбравшись привычным потайным ходом, она направилась прямиком к большому трехэтажному зданию, располагавшемуся южнее дворца неподалеку от Старой площади. Некогда именно на ней проходили все официальные мероприятия с участием высших государственных лиц. С годами, ввиду роста столицы, для них построили другую площадь, втрое большую по размерам, а за старой закрепилось соответствующее название. Часть находившихся по соседству казенных учреждений тоже переехала на новое место, но некоторые успешно функционировали до сих пор. Одним из них и была Имперская стража, обосновавшаяся в старинном здании с анфиладами комнат и множеством крыльев. Помимо командования, здесь размещались казармы с частью гарнизона и было сосредоточенно основное делопроизводство. Именно отсюда отправлялись патрули и курьеры, и именно здесь новая структура Империи занималась вопросами государственной безопасности.

Здесь также наблюдалась заметная активность. За то время что принцесса несколько раз прошлась мимо парадного входа, его миновало довольно много людей. Большинство обычных на вид посетителей привлекали ее внимание очевидно военной выправкой. Дважды цепкий глаз Талары заподозрил в некоторых людях колдунов сродни тому, что был взят в плен. И уж точно парочка из них, если верить описаниям Сирелины, состояла в патрулях, вышедших из боковых ворот и отправившихся куда-то в город. Талара даже подумала за кем-нибудь проследить, но в итоге сочла эту затею бессмысленной — мало ли куда ушла стража. Гораздо интереснее было приглядеть за штабом. Поскольку принцесса еще не решила что именно скажет в процессе своего визита, она прислонилась к ограде небольшого скверика и принялась внимательно поглядывать по сторонам. За те полчаса, что она там провела, большое здание покинуло еще два патруля. Талара не засекала время, но у нее сложилось стойкое впечатление что они появляются с определенной периодичностью. В какой-то момент принцесса вдруг осознала, что ей попросту нравится шпионить за Имперской стражей. Эта компания была замешана в историю с ее любимой подругой и каким именно образом — еще предстояло выяснить. Не исключено, что Дегонис просто воспользовался возможностями новой структуры власти в собственных целях, однако, так или иначе, именно по его указанию стражники сначала участвовали в поисках, а затем их прекратили. Выполняли ли они свой долг, ока-

завшись простыми исполнителями, или же кто-то из них работал на Дегониса? Колдунов-то у них вон сколько! Если в каждом патруле минимум по одному, а выходят они каждые двадцать минут, то это ж сколько наберется?! И если высказанные тетушкой Илианы предположения верны, то не получится ли так, что стража, созданная в интересах Империи, на самом деле действует в чьих-то других интересах?!

Размышления Талары прервало внеочередное появление пятого патруля, направившегося прямехонько к ней.

— Что вы здесь делаете? — осведомился старший, с нашивками сержанта, с нескрываемым подозрением глядя на женскую фигуру под густой вуалью.

— Просто стою в теньке. А что, нельзя? — пожала плечами Талара.

— Э, да это просто молодая девушка, — вполголоса заметил кто-то из подчиненных рослого предводителя.

— Их вид может быть очень обманчив, — веско сказал другой, отличавшийся отнюдь не воинским телосложением и не носивший доспехов. — Та, кого ты принимаешь за девушку, может оказаться втрое тебя старше. И вдесятеро хитрее.

— Можно. Но смотря с какой целью, — хмуро заметил сержант, окидывая незнакомку внимательным взглядом и задерживаясь на подозрительной выпуклости около ее левого бока.

Принцесса, разумеется, взяла с собой любимый меч, и его рукоятка иногда выпирала из-под складок просторной одежды.

— Гуляю. Остановилась отдохнуть, — сообщила Талара, оглядывая всю группу из восьми человек.

— По-моему, не самое подходящее место для столь продолжительного отдыха, — все таким же любезным тоном сказал старший. — Могу я узнать кто вы?

— Я что-то нарушила? — прищурилась принцесса.

— Это я и пытаюсь выяснить, — уклончиво ответил сержант.

— Есть реакция! — вдруг возбужденно выпалил тип без доспехов, в котором девушка заподозрила колдуна. — Сильная!

В следующую секунду раздался звон одновременно выхватываемых клинков. Стражники растянулись полукругом, стараясь окружить стоявшую у изгороди девушку. Оружейная сталь выглядела в их руках крайне недружелюбно.

— Что все это значит?! — опешила Талара.

— Немедленно пройдемте с нами! — заявил сержант. — И попрошу без шума. Ответите на ряд вопросов.

— Вы осмеливаетесь публично угрожать мне оружием?! — изумилась Талара.

— Мы его применим, если вы немедленно не подчинитесь! — же-

стко произнес сержант. — Ну?!
— А это видал?! — неожиданно властным тоном изрекла девушка.
К своему полнейшему изумлению старший стражник узрел у своего носа печать с гербом ад-Сейдина, каковую имели все представители правящей династии. Возможно, это была искусная подделка, но переведя ошеломленный взгляд на сбросившую вуаль незнакомку, сержант узнал младшую дочь повелителя.
— Ваше высочество, простите! — воскликнул он, побледнев так, что даже смуглое лицо коренного южанина стало похожим на представителя северных народов. — Мечи в ножны, болваны! — прорычал он подчиненным. — Перед вами ее высочество принцесса Талара!
Живо спрятав свой клинок, сержант опустился на колено, склонив голову. Его примеру незамедлительно последовали остальные, уразумев, кого только что пытались арестовать.
— Могу я теперь узнать в чем дело и почему вы осмелились угрожать мне оружием? — ледяным тоном произнесла Талара.
— Ваше высочество, умоляю, не гневайтесь! Мы же не знали что это вы! Совсем одна, без сопровождения, — оправдывался, поднимаясь, растерянный сержант. — Нам сообщили что кто-то, возможно, наблюдает за зданием, и мы решили проверить.
— Только и всего? Не верю! — не более приветливо заявила принцесса. — Вы, значит, всегда кидаетесь с мечами на горожан?
Сержант замешкался, не зная что и ответить, но Талару это явно не устроило.
— Я желаю знать что происходит, — твердо сказала она. — Я проходила мимо, но задержалась, удивленная здешним оживлением. И пока я тут стояла, гадая, по чью это душу у стражи столько хлопот, она явилась по мою собственную! Что это еще за сильная реакция, о которой только что упоминали? Советую не юлить, если не хотите чтобы я сообщила об этом инциденте отцу.
— Мы ищем чародеек, ваше высочество, — поспешно сообщил сержант, холодея при мысли о возможной реакции хана.
Повелитель вряд ли обрадуется если узнает, что кто-то угрожал оружием его дочери. Служебное рвение будет так себе оправданием. Лучше уж удовлетворить любопытство принцессы, тем более какой же будет в этом вред? Принцесса же не базарная торговка.

Согласно словам сержанта, у Имперской стражи имелись сведения, что за недавней пропажей одного из ее людей стоят чародейки. Вероятно, кто-то из них все еще в городе, и патрули заняты поисками. Для этого у них имеются специальные средства. Работают, они, к сожалению, только вблизи, но до сих пор таких осечек как с принцессой не было.

— Мы действительно побеспокоили вас, ваше высочество, только потому, что дозорные сообщили о женщине, которая уже битый час крутится возле штаба. С учетом обстоятельств, такое поведение посчитали очень подозрительным и требующим проверки, — истово произнес сержант. — А вот этот болван едва не подвел нас под монастырь, когда заявил, что от вас наблюдается сильная реакция! — добавил он, ткнув пальцем в того, в ком Талара заподозрила колдуна.
— Но Компас действительно показывал очень сильный сигнал, — растерянно отозвался означенный подчиненный. — Да и теперь показывает.
— Я тебе сейчас этот Компас знаешь куда затолкаю?! — свирепо прорычал сержант.
— Компас? Что еще за компас? — полюбопытствовала Талара, поманив державшего что-то на ладони потенциального колдуна.
Приблизившись, тот показал принцессе некое устройство, внешне действительно напоминавшее простейший навигационный прибор. Находившаяся там стрелка четко указывала прямо на Талару, а ее цвет был темно-оранжевым.
— Стрелка направляется на источник чар, а ее цвет сообщает об их интенсивности, — пояснил возможный колдун. — Вы позволите продемонстрировать, ваше высочество?
Талара милостиво разрешила. Стражник, не замечая погрозившего кулаком сержанта, покрутил устройство возле девушки, и всякий раз его стрелка настойчиво поворачивалась к ней.
— Видите почему мы дерзнули вас заподозрить? Компас упорно указывает на вас, а цвет индикатора свидетельствует о присутствии сильного колдовства, — сказал возможный колдун, тыкая пальцем в стекло упрямого прибора.
— Так что, я, по-вашему, чародейка? — усмехнулась Талара. — То-то мой отец обрадуется.
— Прошу прощения, ваше высочество, но у вас случайно нет при себе какой-нибудь необычной вещи? — почтительно осведомился потенциальный колдун. — До сих пор Компас не ошибался, и его поведению должно быть логическое объяснение.
Талара хотела было отрезать не твое, мол, дело, но затем решила, что не помешало бы провести эксперимент. Что именно могло вызывать означенную реакцию она сообразила очень быстро. Сунув руку в складки своего просторного одеяния, Талара через специально проделанную прореху вынула клинок из Абериджа. Потенциальный колдун покрутил вокруг него своим инструментом и радостно заявил:
— Ну да, теперь все понятно! Компас показывает именно на этот

меч! В нем настолько сильное колдовство, что мы, ваше высочество, действительно чуть не спутали вас с чародейкой. Простите великодушно! Мы просто выполняли свой долг.
— А почему Компас не показывает на того, кто его держит? — словно невзначай спросила Талара.
— На собственного владельца он не реагирует, — пояснил подозрительный тип.
Вздрогнув, он посмотрел девушке в глаза.
— Вы очень умны, ваше высочество, — улыбнулся колдун, еще раз почтительно наклонив голову. — Простите за мою назойливость, но, может быть, вы окажете мне честь сказать, откуда у вас это оружие?
— Купила у иноземного торговца. Даже не помню у кого, — невозмутимо ответила Талара. — А далеко эта штука действует? — поинтересовалась она, указывая на хитрый прибор.
— К сожалению, нет, ваше высочество, — покачал головой колдун. — Только в непосредственной близости. Иначе бы у нас быстро забот поубавилось.
Манипулятор знал, что чары, особенно такие сильные, бесконечно долго держаться не способны. Стало быть, кто-то их не так давно наложил. Тем не менее, он был вынужден удовлетвориться ответом дочери ад-Сейдина. Та, скорее всего, о них даже не знала, и вполне могла купить оружие как есть. Другое дело кто его ей продал… Но почему принцесса не спрашивает что за чары в ее клинке? Впрочем, этой взбалмошной воительнице на колдовство может быть глубоко наплевать.
— А где я могу раздобыть себе такую штуку? — спросила, подумав, принцесса.
— Для вас, разумеется, мы с радостью изготовили бы экземпляр, но, боюсь, вам от него не будет никакого толку. Дело в том, что он работает только если использующий его сам владеет чарами. В противном случае Компас просто бесполезный кусок железа, — развел руками колдун.

Отпустив еще раз извинившуюся стражу, Талара и сама удалилась. Заходить в штаб она передумала, решив отложить визит на другой раз, зато кружной дорогой отправилась в Аберидж. Шагая по залитым солнцем улицам, наполненным привычной дневной толчеей, она проигрывала в памяти недавнюю сцену и невольно посмеивалась. Наивные стражники хвост в мыле ловили чародеек, в то время как колдуна похитили совсем другие люди, одна из которых стояла перед патрулем собственной персоной. Впрочем, при воспоминании о колдуне улыбка принцессы гасла. Сейчас она смотрела прямо в лицо другому подручному Дегониса

и не видела в нем ничего зловещего. Неужели возможно, что где-то там, за фасадом самой обычной внешности скрывалось нечто такое, что могло вызвать появление демона? Если это так, то Имперской страже следовало бы ловить отнюдь не чародеек…

Сирелина отнеслась к новостям от Талары более чем серьезно. До сих пор колдунам, как, впрочем, и самим чародейкам, для определения наличия чар приходилось вступать с объектом в прямой контакт, буде это человек либо предмет. Также в ходу были и дополнительные приспособления, но для их успешной работы тоже требовалось устойчивое прикосновение. Сирелина предпочитала доверять собственным рукам, колдуны Дегониса частенько применяли специально зачарованный инструмент. Сообщение о некоем Компасе и принципе его действия встревожило чародейку, и встревожило небезосновательно. Дело было даже не в том, что Манипуляторы обзавелись подобной штуковиной, позволявшей им осуществлять проверку на расстоянии, пусть пока и близком. Это, кстати, уже было способно доставить уйму непредвиденных неприятностей — один колдун в узком месте, исподтишка изучающий всех проходящих мимо людей, становился опасной реальностью. Главный вопрос заключался в том, что именно за инструмент использовали Манипуляторы и какова была его природа. Ведь чародейки не имели подобных средств не просто так. Тот же Витчстант, с помощью которого Сирелина выслеживала ведьму Жозефину, ничего общего с означенным Компасом не имел. Он не был способен обнаруживать наличие чар вообще, где угодно и в ком угодно, а заранее настраивался строго на определенный источник темного колдовства, и управлять им получалось только у прошедших испытание Имьюнитас. Разницу чародейка понимала очень хорошо, потому что в Запретном чертоге, помимо прочего, изучали обширный колдовской инструментарий, как разрешенный, так и запретный. Описанного Компаса Сирелина не припоминала, но о принципе действия такой штуки представление имела. Без навыков демонологии создать нечто подобное пока что никому не удавалось. Фактически, этим прибором управляла внешняя сила, к которой обращался призывающий. Компас являл собой некий проводник между человеком, взывающим к этой силе, и желанным результатом. И применять его на практике абы кто действительно не мог. Даже Сирелина оказалась бы не в состоянии овладеть Компасом, не воспользуйся она соответствующей стороной колдовского искусства. А к демонологии, в отличие от темных чар, адептам Запретного чертога прибегать категорически запрещалось. Технически, обычно заклинатель самостоятельно только открывал особый канал и поддерживал его. Все остальное

приходило исключительно оттуда, имея самую настоящую демоническую природу. Демон при этом мог участвовать как лично, так и наделять самого человека некоторыми возможностями, но нетрудно было догадаться, что делал он это отнюдь не безвозмездно. Частичка скверны проникала в саму сущность заклинателя, отравляя его душу. Чем больше он поддавался соблазнам, тем больше накапливался демонический яд, а чем больше накапливался яд, тем легче человек поддавался соблазнам. Порочная обратная связь в лучшем случае приводила к безумию. В худшем — заклинателем овладевал демон, и этот процесс с определенного порога становился необратимым. Считалось, что если демонолог начал слышать нашептывающие голоса, то он вплотную приблизился к критическому рубежу, за которым возврата уже не будет. В какой-то момент он переставал отделять собственные мысли от навеянных извне, полностью подпадая под власть демона. К сожалению, этот процесс порой растягивался на долгие годы, создавая у жаждущей могущества жертвы иллюзию, что она по-прежнему контролирует ситуацию.

Полученные выводы Сирелине очень не нравились. По всему выходило, что Манипуляторы — отнюдь не обычные адепты темной стороны колдовского искусства, пусть даже очень способные, пусть даже очень сведущие в некромантии. Похоже, они связались с совсем другими силами. Похоже, что дарегон действительно их рук дело, но тогда… Что если в горде холдакса появлялся самый настоящий Разлом? Каковы возможности и планы самого Дегониса, перед которым преклонялся допрашиваемый Манипулятор? Какова вообще его истинная роль?

— Талара, а ты не могла бы заполучить этот самый Компас? — задумчиво спросила чародейка.

— Зачем? — удивилась принцесса. — Он же для нас бесполезен. Или ты думаешь, что колдун мне солгал?

— Отнюдь, — качнула головой Сирелина. — Все будет довольно скверно как раз если он сказал правду, в чем я почти не сомневаюсь. Это штуку необходимо изучить. Я… отошлю ее тому, кто разбирается в таких вещах. Но, полагаю, мои предположения подтвердятся.

— Какие предположения? — в лучших традициях своего неуемного любопытства осведомилась Талара.

Чародейке было очень непросто объяснить принцессе суть, не вдаваясь в такие дебри специфических знаний, которые могли быть известны только достаточно ограниченному кругу лиц. Даже доверию Талары имелся известный предел. Сирелине приходилось оставаться в определенных рамках, что автоматически ослабляло

вес ее умозаключений.
— Я думаю, это не просто темные колдуны, — произнесла она наконец. — И появление демона было отнюдь не случайностью. Я боюсь, что мы имеем дело с демонологами, и пока что неизвестно какого уровня. Комбинация же их несомненно развитых темных умений с этой опасной наукой, каковую представляет собой демонология — вообще худшее, что может быть. Если с недавних пор я лишь подозревала что они ведут какую-то свою игру за спиной твоего отца, то в случае подтверждения моей догадки я стану в этом абсолютно уверена. Демонологи не служат никому кроме себя. Потому что тот, кто их соблазняет, всегда служит только себе.
— Это все в твоем университете изучают? — едва не облизнулась Талара. — Интересное, должно быть, место! Пожалуй, и я бы не отказалась его посещать, хотя Иля не даст соврать — учеба явно не входит в круг моих мечтаний.
— Так ты сумеешь раздобыть этот Компас? — напомнила Сирелина, невольно представив какой переполох бы произвело появление ханской дочери в означенном "университете".
— Сделаю все необходимое, — пообещала принцесса. — И завтра же постараюсь раздобыть сведения о сопровождавших Дегониса гвардейцах. Сегодня, к сожалению, не получилось.

К вечеру четвероногие стражи вновь проявили беспокойство. Не такое чрезмерное, впрочем, как в прошлый раз, но все же вполне заметное. Кошки, дежурившие у входа в Аберидж, оживились и настороженно принюхивались, втягивая расширенными ноздрями воздух. Их уши чутко ловили малейший звук, будто пытались определить где именно крадется учуянная мышь. Точно также вели себя и сторожа возле покоев ребят, по крайней мере те, что находились у внешнего окна. Однако пока Сирелина и Талара обошли все "посты", животные уже успокоились и как ни в чем не бывало дремали вполглаза с самым мирным выражением усатых физиономий. Вероятно, какой-нибудь бродяга просто прошел неподалеку. Местные жители Абериджа сторонились, но порой какой-нибудь отщепенец осмеливался срезать путь вблизи от стен древней постройки, как правило под алкогольными парами. Сунуться непосредственно в Аберидж могли рискнуть лишь пришлые люди, но они обычно узнавали о его дурной репутации до того, как забредали под сень заброшенных стен.

Догадка, однако, спустя некоторое время приобрела иную форму. Вновь забеспокоившиеся коты известили о приближении чужака. На сей раз долго соображать по какому поводу оживление не пришлось. К воротам Абериджа неторопливо подходил чуть сгорбленный человек в простом потрепанном халате. Его было хо-

рошо видно как из окон лицевой стороны комплекса, поскольку угловые здания выдавались из стены, так и из расположенного прямо над воротами эркера. В полу последнего имелся вытянутый сквозной проем. Его наличие заставляло предположить спроектированную возможность сбрасывать на головы нежеланных гостей всякую пакость. Дойдя до самого входа, человек остановился. Под внимательным взглядом сразу нескольких пар глаз он неторопливо утер со лба пот и огляделся вокруг. Не обнаружив, очевидно, ничего примечательного, он медленно обвел взглядом створы ворот и потянул одну из них за позеленевшее медное кольцо. Ворота и не подумали податься, запертые изнутри на засов, но пришельца, видимо, это ничуть не удивило. Оставив створу в покое, он шагнул к небольшой дверце и толкнул ее, но та также не шелохнулась. Талара никогда не забывала запереть ее обратно на ключ, а со времени знакомства с потайным ходом в дверце и вовсе отпала всякая необходимость.

— Кис-кис-кис, — вдруг донесся до уха притаившихся наблюдателей чуть дребезжащий голос пожилого человека.

Не иначе как он заметил котов, сновавших по другую сторону ворот. Впрочем, скорее не заметил, а услышал, потому что увидеть что-либо через запертый вход было невозможно, и лишь под воротами имелся небольшой зазор, достаточный чтобы в него пролезла кошка. Заглянуть в него, однако, получалось только приложив к земле голову. Сунув руку за пазуху, визитер сосредоточенно покопался там и извлек звякнувшую связку ключей. Сирелина, непрерывно наблюдавшая за его действиями, беззвучно чертыхнулась.

— Талара, дуй к Фаризе и живо спускайтесь во двор. Сейчас, возможно, понадобится твоя бумага, — шепнула она принцессе.

Девушка унеслась быстрее ветра. Сирелина, сбросив маскировочные чары, призвала на помощь всю свою удачу. Расстояние из бокового окна до ворот было довольно велико, чтобы у нее получилось наверняка, но времени подобраться поближе не было. Поднеся пальцы к самому стеклу, чародейка прошептала заклинание как раз в тот момент, когда посетитель вставил ключ в замочную скважину. Внешне никаких изменений в любом случае бы не произошло, поэтому Сирелине оставалось лишь смотреть как незнакомец нажимает на бородку ключа. Та не подалась. Нахмурившись, пожилой мужчина надавил посильнее, но какого-либо положительного эффекта не последовало. Чародейка, вернувшая себе облик тетушки Лины, возликовала. Рано или поздно, разумеется, кто-нибудь все равно явится в Аберидж и ребятам придется показывать выданное Таларой разрешение, но сейчас этот момент желательно оттянуть. Особенно теперь, когда неподалеку шастает

Имперская стража. Кстати, она все еще сюда не заглядывала и хотелось верить, что так останется и впредь. Ведь и во время поисков Илианы стражники в Аберидж и носа не совали. Возможно, игнорировали пользующиеся недоброй славой развалины точно так же, как не желали лезть и в сточные тоннели.

Вынув так и не подавшийся ключ, посетитель выразительно плюнул себе под ноги. Убрав связку обратно под халат, он развернулся и прежним неторопливым шагом отправился восвояси.

Талара выдвинула версию, что это был самый обыкновенный смотритель. В кои-то веки пришел проведать заброшенный объект и убедиться, что тот по-прежнему необитаем. В пользу этого соображения говорила связка ключей. Столь быстрое отступление тоже вписывалось в общую картину. Смотритель наверняка был не в восторге от посещения этого места и, столкнувшись с заевшим замком, добросовестно счел свою миссию выполненной. Раз замок заклинило, значит и внутри никого нет кроме бездомных кошек. Остальные, подумав, решили, что так, скорее всего, и есть. Теперь либо смотритель вскоре приведет слесаря, либо обитатели Абериджа его еще долго не увидят. Для них же заевшая дверь препятствия не представляла: внутренний засов на воротах легко отпирался, а потайной ход и вовсе избавлял от необходимости ими пользоваться. Сирелина, разумеется, никому не сообщила что заклинивший замок — ее проделки. К счастью, саботировать работу механизма на расстоянии было не то же самое, что отпереть его или запереть. Он был сокрыт внутри двери, и чародейка могла себя поздравить что ее маленький фокус удался.

С приближением сумерек принцесса удалилась. Сегодня она приходила без Бэйла, продолжавшего осваивать премудрости ремесла садовника, и спешила передать ему записку от жены. Ведь в глазах Талары тетя и дядя Илианы являлись супружеской парой. Впрочем, в известном смысле, это было недалеко от истины. Сирелина, посидев часок с ребятами, в свою очередь отправилась в подземелье. Ей было чем там заняться. Загадки Абериджа до сих пор оставались неразрешенными и чародейка, пользуясь случаем, ставила один опыт за другим. В своих изысканиях, правда, она особо не продвигалась, не находя уникальным особенностям древней постройки внятного объяснения, но сама исследовательская работа доставляла ей значительное удовольствие.

Наутро принцесса вновь явилась в штаб дворцовой стражи. Дежурные офицеры сменились, но командующий вместе со штабсекретарем по-прежнему отсутствовал. Раздосадованная девушка навела справки, не поступало ли от ди-Халадона каких-нибудь вестей. Ей сообщили, что тот все еще занят проверкой объектов и

личного состава. Последний вестовой буквально час назад прибыл с текущими распоряжениями, забрал адресованную командующему корреспонденцию и спешно удалился.
— Холера мне в бок! Как за мной хвостом ходить, так все гвардейцы молодцы, а как мне в кои-то веки понадобилась их помощь, так не дождешься, — проворчала Талара.
Разговаривавший с ней лейтенант невольно улыбнулся, услышав слова принцессы. Особенно его позабавила присказка про холеру, в устах дочери повелителя звучавшая особенно колоритно. Это был тот самый лейтенант, который прежде являлся куратором нирелинок, и который с некоторых пор был освобожден от этой обязанности.
— Может быть, я чем-нибудь смогу помочь вам, ваше высочество? — любезно предложил он.
— Только если знаешь кто из дворцовой гвардии сопровождал Распорядителя Нижних подземелий в его недавней поездке, — сердито отозвалась Талара.
— Знаю, — неожиданно ответил офицер. — Дюжина подчиненных капитана Ларадона. — Я знаком с лейтенантом, который возглавлял эту группу. Впрочем, мы все здесь друг друга знаем, но накануне отъезда он проиграл мне приличную сумму в кости и обещал расплатиться как только вернется со своими людьми из поездки с Распорядителем. Четвертый день уже как вернулся, а денежек все нет.
Оживившаяся Талара прямо-таки вцепилась в офицера мертвой хваткой. Когда представителям правящей династии что-то требуется, им вопросов, с чего вдруг это понадобилось, не задают. Принцесса, впрочем, сама объяснила на кой ей нужны такие сведения, заранее подготовив соответствующую легенду. Она мол, хотела кое-что узнать у Распорядителя и даже приходила по этому поводу к визирю, но Распорядитель, как назло, уехал так же быстро, как и появился. Однако на ее вопросы, вполне вероятно, ответит и кто-нибудь из тех, кто его сопровождал. Лейтенант охотно сообщил принцессе все что ему было известно. С тех пор как он курировал нирелинок, являясь своеобразным тюремщиком фаворитки ее высочества, гвардеец испытывал перед Таларой некоторую неловкость и опасался вызвать ее неудовольствие. Теперь он с радостью воспользовался возможностью оказать ханской дочери столь пустяковую услугу. Лейтенант даже взял лист бумаги и собственноручно накидал на нем несколько имен, начиная с задолжавшего ему офицера. Талара, спрятав долгожданную добычу, поблагодарила гвардейца, одарив его очаровательной улыбкой.
— Только не спрашивайте о них капитана Ларадона, — добавил

лейтенант. — Он стал очень скрытным, заведуя охраной и поставками Нижних подземелий. Вам он, конечно, отказать не посмеет, но вот уклонится от ответа — это запросто. По правде говоря, последнее время мне кажется, что я его и вовсе не узнаю.

Уладив одно дело, принцесса с чистой совестью немедленно приступила к следующему. Услышав что ханская дочь собралась выйти в город, лейтенант немедленно вызвал четырех гвардейцев сопровождения и лично вверил их заботам дочь повелителя. Он бы навязал и больше, но Талара отказалась от излишне пышного эскорта. На этот раз она решила выйти из дворца официально. Судя по всему, дворцовая гвардия была не в курсе ее вчерашней вылазки. Видимо, патрульные Имперской стражи предпочли об инциденте умолчать, рассудив, что и принцесса, гулявшая инкогнито, о нем никому не скажет. Это девушку вполне устраивало. Гвардейцы наверняка бы обеспокоились каким образом ей удалось миновать ворота, а отцу уж точно не стоит знать, что дочурка вовсю пользуется его личным ключом как своим собственным.

В штабе Имперской стражи Талару никак не ждали, однако отнеслись к неожиданному визиту ее высочества со всей возможной вежливостью. Принцесса, решив не ходить вокруг да около, сообщила что хочет получить экземпляр Компаса, с помощью которого патрули выслеживают чародеек. Выражалась она любезно, но настойчиво. Ей, мол, сказали, что к этому нет никаких препятствий, и она пришла получить обещанное. Запрос принцессы вызвал известное замешательство. Поступил он, однако, не абы от кого, а от родной дочери самого повелителя, которую тот любил и баловал. После минутного совещания Талару передали на попечение капитана стражи, который сопроводил ее в отведенное колдунам крыло. Там она вновь изложила цель своего визита почтительно поклонившемуся типу в сером балахоне, оказавшемуся заведующим этой частью здания. Для него желание принцессы не стало слишком большой неожиданностью. Должно быть, вчерашний колдун не скрыл от коллег детали небольшой вылазки возле здания штаба. Заведующий не преминул уточнить, что ее высочеству от инструмента не будет ни малейшего толку. Уникальная вещь слушается только состоящих на службе у ее отца специалистов. Талара ответила, что в курсе. Ее известили об этой особенности, однако заверили, что не будет никаких проблем изготовить ей экземпляр. Вчера это было сказано в обратном порядке, но сути дела не меняло. Заведующий, немного подумав, ненадолго удалился. Вернулся он уже с означенным Компасом. Вручив его принцессе, он попросил обращаться с ним очень бережно и не терять. В случае утраты инструмента так быстро выдать ей новый не факт

что получится. Заведующий счел возможным удовлетворить желание ее высочества немедленно, поскольку у Имперской стражи имеется некоторый запас этих устройств, но восполнить этот запас в ближайшее время не получится.

Тип в сером был сама любезность. Он даже не стал интересоваться зачем высокородной посетительнице вообще понадобилась эта штуковина, с которой она все равно ничего не сможет сделать. Талара поблагодарила его за оказанную услугу, отметив, что ценит исполнение обещаний и преданность ее отцу, на чем, будто невзначай, сделала особенный акцент. Колдун заявил, что он всегда к услугам повелителя и его дочери, и всегда будет рад лицезреть последнюю снова. Убрав Компас в сумку, Талара удалилась. Проводивший ее до выхода капитан стражи отсалютовал, пожелав доброго пути, и вернулся к своим делам.

В компании гвардейцев, разумеется, принцесса в Аберидж не потащилась. Вернувшись во дворец, она отпустила сопровождение, а сама немедленно отправилась к Бэйлу. Тот воевал с мраморными плитками, устилая ими часть подготовленной дорожки. Плитки ложились не слишком ровно и гладиатор, чертыхаясь, начинал догадываться что где-то напортачил с укладкой основы. Прервав его увлекательное занятие, Талара вне себя от гордости сообщила что дело сделано. Теперь им следует отнести добычу Сирелине. Бэйл, обрадованный не меньше девушки, попросил пару часов, после чего он сможет присоединиться к ней в вылазке. Талара, само собой, могла своей волей снять его с работы и так, но лучше все-таки прибегать к этой мере пореже. Бэйлу не стоит привлекать излишнее внимание своим постоянным отсутствием, пусть даже по требованию принцессы.

— Сделаем проще, — подумав, сказала Талара. — Я переведу тебя в свою личную свиту. Теперь это вполне возможно, и отец не станет возражать.

— Придворный из меня так себе, — усомнился гладиатор.

— Зато спутника в наших похождениях лучше и представить нельзя. Остальное — ерунда, — махнула рукой принцесса.

Сирелина готова была Талару расцеловать. Схватив список с именами гвардейцев, она пробежалась по нему глазами, слушая рассказ довольной своей расторопностью девушки. Да, теперь дело наконец-то сдвинется с мертвой точки. С этим списком поиск кого-то из сопровождавших Дегониса людей станет лишь вопросом техники. Только сделать это надо будет очень аккуратно. Принцесса для отвода глаз действительно переговорит с кем-нибудь из них на вполне невинную тему, но сама более никаких справок пусть не наводит. Выслеживанием гвардейцев займется

сама Сирелина и наиболее подходящей кандидатурой ей виделся лейтенант означенной группы. Если уж кто и осведомлен, то это наверняка он. Стало быть, с ним и следует побеседовать. Но обставить это мероприятие требуется должным образом. Ведь после допроса гвардеец станет нежелательным свидетелем и заткнуть ему рот навсегда выглядело бы наиболее простым выходом. Под видом ограбления еще и не такие концы в воду прятали. Чародейка, однако, не собиралась делать Талару соучастницей убийства, пусть даже косвенно. Кроме того, она и сама по возможности избегала подобного кровопролития. Схватка с врагом — это одно, а убийство пленника — совсем другое. Стало быть, придется действовать более тонко, чтобы получить желаемый результат и обойтись без крайних мер.

Когда Талара вынула из сумки Компас, чародейка даже не скрывала своего волнения. Образчик колдовского искусства Манипуляторов представлял замечательный трофей, доставшийся, к тому же, с минимумом хлопот. Он определенно являлся источником чар, пробуждавших в иммунитете Сирелины соответствующую реакцию. Не утерпев, она жадно схватила устройство, позабыв про элементарные меры предосторожности. Работай Компас с любым обладателем колдовского дара, на саму чародейку он бы не показал, зато тут же нацелился бы на меч Талары, который она по-прежнему таскала при себе. Поди потом объясняй принцессе каким образом инструмент вдруг ожил в руках тетушки Илианы. Да и без этого клинка в Аберидже хватало всякой всячины, так что у Компаса наверняка окажется предостаточно поводов проявить себя во всей красе. В помещении подъемника, где они сейчас находились — более чем вероятно. К счастью, в пытливых пальцах чародейки хитрая штуковина вела себя точно так же, как и у Талары — не выказывала даже самой малейшей активности. Или, наоборот, к несчастью, учитывая что предположение Сирелины о демоническом характере устройства, по всей видимости, подтверждалось. Впрочем, требовалось провести исследование чтобы сделать окончательные выводы. Такие как Немезия и ее подопечные умеют отличать темные чары от скверны самостоятельно, но Сирелина еще не обладала богатым опытом сестер Гексенхаммера. Да и разложить по полочкам всю природу творения Дегониса все равно будет отнюдь не лишне.

Вертя Компас то так, до эдак, чародейка слушала рассказ Талары о ее визите в штаб Имперской стражи. Комментарии заведующего принцесса интерпретировала в том духе, что для нее сделали явное исключение, вручив сей ценный предмет. Сирелина, тем не менее, усмотрела в словах колдуна кое-что еще.

— Я думаю, тут дело совсем в другом, — задумчиво произнесла она. — Вероятно, без личного участия Дегониса его приспешники сами ничего подобного изготовить не могут, а он уехал из Солтенстила. Если я права, то это хорошо. Лучше даже не представлять на что способно такое большое количество могущественных демонологов.
— А что скажешь насчет Компаса? — жадно осведомилась принцесса, закончив пожинать заслуженные лавры.
— Прямо сейчас — ничего, — ответила чародейка. — Его следует хорошенько изучить. Я сделаю все необходимое и обязательно сообщу тебе обо всех результатах, хотя это может быть нескоро. И лучше бы я ошибалась в своих предположениях…

Сирелине не терпелось приступить к экспериментам немедленно, но в присутствии Талары это было сделать невозможно. Спроваживать же ее из Абериджа, особенно после столь ценной помощи, было как минимум невежливо. Оставив Компас в покое, чародейка отправилась с девушкой наверх.

Ребят в свои планы заговорщицы особо не посвящали. В самом деле, зачем их почем зря стращать черными колдунами и явлением демонов? В кои-то веки юные обитатели Абериджа стали спокойно спать, дыша свежим воздухом и чувствуя себя в безопасности. Пусть так продолжается и дальше. Разве что Фаризу держали в курсе больше других, давая ей понять, что про Илиану отнюдь никто не забыл и ее поиски остаются приоритетной задачей. Что бы сама Фариза не говорила остальным, с докучливыми расспросами к гостям никто не приставал. При этом вниманием их отнюдь не обделяли. Компания принцессы приходилась ребятам особенно по душе. Во-первых, она подходила им по возрасту. Во-вторых, само ее присутствие олицетворяло до сих пор неизведанное ощущение защиты. Ведь никто не осмелится тронуть маленькую ватагу в ее новом доме, не боясь навлечь на себя гнев дочери всесильного хана. Таларе же, в свою очередь, тоже нравилось бывать в обществе ребят, дарившем ей новые впечатления. Они, безусловно, выказывали ей определенную степень почтения, но при этом ничуть не лебезили и не заискивали, ведя себя достаточно непосредственно. Принцессу это очень даже устраивало. Слащавых улыбок и церемонного обхождения ей с избытком хватало и во дворце. Чего там точно не было — это самых обычных друзей, с которыми можно проводить время так, как его проводят самые обычные дети. До сих пор Илиана являлась единственным счастливым исключением, обретенным, к тому же, не так давно. Теперь, оставшись без любимой подруги, Талара находила утешение в общении с ребятами, открывая для себя новые страницы пред-

ставшей ей в ином свете книги жизни. Она опять осталась на ужин, и тот проходил в обычной непринужденной обстановке.

Изыски дворцовой кухни принцессу отнюдь не испортили. С самого начала своих вылазок с Илианой она с удовольствием пробовала разную снедь, благо что Солтенстил предлагал поистине огромный выбор. Талара ничуть не зацикливалась на вычурных деликатесах и частенько уплетала совершенно незатейливые блюда с не меньшим удовольствием, чем творения придворных поваров. Ребята же, с тех пор как в их жизни появилась Илиана, стали питаться намного лучше. Во-первых, она оставила достаточно денег, чтобы подопечные Фаризы надолго забыли про дефицит продуктов. Во-вторых, кухня Абериджа не шла ни в какое сравнение с очагом в старой насосной станции, и ее возможности успешно осваивала женская половина маленькой компании. В итоге принцесса находила питание ребят вполне удовлетворительным и не воротила от угощения нос, тем более те же похлебки на вкус оказывались приятными и душистыми.

Коты, понятное дело, тоже старались принять участие в трапезе. Карауливших покои животных кормили в знак признательности, но со двора нет-нет да и прибегал кто-нибудь из многочисленной колонии в надежде перехватить лакомый кусок. В основном — молодняк, потому что взрослым особям Бус, вероятно, сделал соответствующее внушение. Иначе чем было объяснить, что вся кошачья орава не штурмовала людей в моменты готовки или приема пищи? Вот и сейчас, пока Талара, вооружившись ложкой, вела непринужденную беседу с соседями, у стола кружило несколько хвостатых сторожей, занимавшихся дружелюбным вымогательством. Им то и дело что-нибудь перепадало, и животные выказывали происходящему за столом самое пристальное внимание. Казалось, ничто не могло оторвать их взглядов от наполненных едой мисок и тарелок, а также рук людей, полновластно распоряжавшихся сим рогом изобилия. На этом привычном фоне враз изменившееся поведение кошек выглядело тем более неожиданно. Как по команде, они вдруг повернули головы в сторону двери. Затем, сорвавшись с места, дружно бросились к выходу. Протянутый Таларой кусочек индейки, предназначенный ластившейся к ней черной кошке с белыми лапками и грудкой, остался невостребованным. Безмерно удивленная такой реакцией, принцесса покрутила головой, стараясь сообразить куда это животные так помчались. В следующую секунду сама Талара, издав громкий радостный крик, с грохотом вскочила со скамейки и прямо через стол, невзирая на ошеломленные восклицания соседей, ринулась вслед за ними. Каких-то несколько сумасшедших прыжков — и вот она

уже крепко обнимала показавшуюся на пороге столовой Илиану.

– 15 –

От избытка чувств свалившуюся невесть откуда девушку чуть не задушили. Илиана не обладала богатырским телосложением, чтобы без труда выдержать напор обступивших ее друзей. От множества одновременных объятий у нее перехватывало дыхание, а тискали ее так, что чуть не растащили на уйму маленьких кусочков. Довершали торжество радушия кошки во главе с Бусом, сбежавшиеся со всего Абериджа. Полосатый предводитель умудрился протиснуться через плотное кольцо людей и повис прямо на ноге девушки, обхватив ее лапами.

Илиана стоически терпела бурное проявление эмоций, хотя оно доставляло ей известную физическую боль. Душевную, впрочем, тоже. Друзья, несомненно обрадованные ее долгожданным появлением, могут всерьез пожалеть о своем теплом отношении, когда всплывут некоторые детали вынужденного путешествия предмета их любвеобильного внимания. Умалчивать о них девушка, однако, не собиралась. За то время что она добиралась до Солтенстила, у нее было предостаточно времени как следует подумать обо всем. И помимо прочего Илиана решила, что лгать своим друзьям не станет. Будь что будет. Кем бы она ни была, отныне никакой двойной жизни в отношении близких ей людей! Вот только много ли их останется после всех откровений?..

Их час настал, когда Илиану наконец-то выпустило множество цеплявшихся за нее рук. От еды она отказалась, пояснив что не голодна, и поэтому общее собрание переместилось в гостиную, где усаженная в кресло девушка очутилась в центре всеобщего внимания. Момент истины приблизился вплотную, когда друзья, не в силах более томиться в неведении, потребовали рассказать куда она подевалась и где, собственно, все это время была. Ведь выглядела Илиана просто отлично, и по ней никак нельзя было предположить длительное заключение, либо же иные тяготы. Она прямотаки лучилась здоровьем, заодно став как-то сразу взрослее, чем уже была. Очередное изменение с удивлением наблюдали все, но для Сирелины облик воспитанницы оказался настоящим потрясением. В последний раз она видела юную девчушку на заре подросткового возраста. С тех пор прошло всего около полутора лет — и вот уже перед ней совершенно взрослая девушка годами явно за двадцать. Уму непостижимо! Чародейка ловила себя на мысли, что ей хочется ущипнуть себя и хорошенько протереть глаза, а заодно проверить не наложена ли на Илиану какая-нибудь иллюзия. Факт,

однако, оставался фактом — это действительно была ее воспитанница: живая, невредимая и невероятно повзрослевшая. С Сирелиной переглядывались Талара и Бэйл, и все трое как бы спрашивали друг друга: уж не перестарались ли они с теорией заговора, придумав преступления и злой умысел так, где их попросту не было?

— Иля, если бы ты знала что мы пережили! — воскликнула усевшаяся рядом принцесса. — С самого отплытия из Фолькона я места себе не находила, и только твоя тетя удержала меня от сумасбродства. Я ведь была готова поднять на ноги не только Солтенстил, а и все улусы! Признаться, мы уж боялись что тебя и в живых нет! Только между собой об этом не говорили, чтобы не навести беду.

— Мы боялись, что тебя убил злой колдун! — прямо заявила Галана, никому не уступившая другое место подле девушки.

— Так оно и было, — как-то глухо отозвалась Илиана, и в ее сиреневых глазах промелькнула глубокая печаль.

Повисла небольшая пауза. Присутствующие пытались уразуметь смысл услышанной фразы, но выходило у них, мягко говоря, посредственно.

— Ни капельки не смешно, — наконец произнесла принцесса. — И на призрака ты никак не тянешь.

Галана дотронулась до Илианы пальчиком и уверенно подтвердила это нехитрое наблюдение.

— Иля, давай уже рассказывай что случилось, пока я себе все ногти до локтей не сгрызла! — взмолилась Талара.

Илиана с каким-то особенным выражением посмотрела сидевшей напротив чародейке прямо в глаза, и та поняла, что сейчас услышит нечто абсолютно экстраординарное.

— Хорошо что вы все здесь. Так будет лучше, — с расстановкой сказала Илиана. — Я не ожидала застать всех в Аберидже одновременно, и теперь не придется повторять одно и тоже несколько раз. Честно говоря, я вообще предпочла бы не упоминать о том, что случилось, но это было бы неправильно по отношению ко всем присутствующим. Ваше теплое ко мне отношение не заслуживает лжи, поэтому я больше не намерена ничего утаивать.

— Ты так говоришь, как будто намерена признаться во всех смертных грехах, — удивился Бэйл.

Получив от чародейки чувствительный тычок локтем, он ойкнул и замолчал. Илиана, грустно улыбнувшись в ответ на эту реплику, начала свой рассказ.

Сказать что он потряс всех слушателей означало не сказать ничего. Илиана, разумеется, не могла передать что происходило

пока ее, бесчувственную, везли до развалин дворца в сердце Калихари, но того что она поведала с момента своего пробуждения хватило более чем с лихвой. Говорила она негромко и неторопливо, передавая все в мельчайших подробностях от слов Дегониса до собственных впечатлений и мыслей. Она старалась не пропускать ни одной детали, поэтому присутствующие в полной мере оценили творившийся в душе недавней пленницы испуг, смешанный с любопытством. Когда же дело дошло до огненного глаза из сферы на шее колдуна, повествование обрело форму настоящего ужаса. Видения и боль, описываемые Илианой после жестокого и подлого удара, заставляли прочувствовать каждую секунду пожиравшего ее тогда кошмара. Из девушки вытягивали жизненную силу. Вытягивали намеренно, долго и мучительно. Она осознала это в тот момент, когда самым немыслимым образом очнулась от цепкой хватки смерти, вернувшись к жизни и скинув удерживавшие ее оковы. Кем бы ни были те светившиеся фантомы, они сыграли в этом очевидную роль, и именно благодаря их необъяснимому появлению Илиана фактически обрела второе рождение.

Здесь девушка невольно сделала паузу. До сих пор она выглядела невинной жертвой чудовищного злодейства. После переломного момента в чудовище превратилась она сама.

— Как же тебе удалось убежать?! — воскликнула потрясенная Талара, не выдержав затянувшегося молчания подруги. — В пустыне, в окружении колдунов и солдат!

— Я и не убегала, — глухо отозвалась Илиана.

— Да, конечно, они просто стояли и смотрели как ты уходишь, — не удержалась от иронии принцесса.

— Нет. Просто они были мертвы, — сделав над собой усилие, произнесла Илиана, стараясь ни на кого не смотреть.

— Как это?! — удивилась Талара. — Ты же сама сказала, что тебя караулили колдуны. Их что, кто-то убил пока ты лежала без движения? Не понимаю.

— Их убила я, — мрачно изрекла Илиана.

— Всех?! — разинула рот принцесса. — Где ты взяла меч?! Холера мне в бок, на такое даже Бэйл не способен!

— Меч мне был не нужен. Я остановила их сердца, — насилу выговорила Илиана, преодолев душевные терзания.

Аудитория вторично испытала сильнейшее потрясение. Девушку даже переспросили что она имеет в виду, и когда та навела окончательную ясность, остальные слова замерли на устах.

— А колдуны? — уточнила Сирелина, одна из немногих более-менее сохранившая самообладание. — Они совсем ничего не сделали?

— Они не могли, — бесцветным голосом ответила Илиана. — Я не дала им пошевелить даже пальцем. Их тело им не повиновалось. Как и тела всех тех, кто попадался мне на глаза. Я чувствовала как бьются их сердца, перегоняя по венам горячую кровь, и эта кровь подчинялась моему зову. Мне не нужно было видеть колдунов, чтобы узнать где они находятся, потому что я ощущала их присутствие. Не нужно было прикасаться к ним, чтобы лишить жизни, ибо наполнявшая их жизненная сила подчинялась мне. При желании, я могла бы заставить их убить друг друга.
— Но это невозможно, — насилу выговорила чародейка. — Таких чар попросту не существует!
— Сейчас рядом со мной одиннадцать человек и сорок две кошки. С летучими мышами этажом выше сложнее — чем меньше живое существо, тем тяжелее с ней взаимодействовать, — как-то отстраненно произнесла Илиана. — Малыш, иди сюда.
Казалось, она адресовала это в никуда, но к девушке быстро подошел и запрыгнул на колени щурившийся неподалеку Бус. Гостиную немедленно наполнило громкое кошачье мурлыканье. Предводитель колонии выражал Илиане живейшую симпатию.
— Я могу позвать любого из них. И даже не просто позвать, а выразить им любое желание, и они его исполнят, — пояснила девушка.
— Ты просто умеешь с ними разговаривать, — заупрямилась чародейка, не в силах поверить в столь ошеломляющие вещи.
Ее слова вызвали третье потрясение у тех, кто этого до сих пор не знал, заметно усилившееся после последовавшей реплики Илианы:
— Да. Как и со всеми остальными животными. Только дело здесь не в этом. Я потому и способна на такое, что взаимодействую напрямую с живым существом. Именно поэтому я понимала и говорила на, казалось бы, неизвестных мне языках, что кошачьем, что Железных земель. Мне не надо их знать — достаточно чтобы их знал тот, с кем я вхожу в контакт. Теперь я это сознаю.
— Но это невозможно, — снова повторила Сирелина, чувствуя, как голова у нее идет кругом.
— Я лишь констатирую что есть, — отнюдь не жизнерадостно отозвалась Илиана. — Покончив с тремя колдунами, я вышла из развалин и направилась к лагерю моих похитителей. Лучники успели положить стрелы на тетиву, но вот выстрелить им я уже не дала. Точно так же, как не дала и колдуну поразить меня заклинанием. Солдаты умерли быстро. Не спрашивайте что я сделала с ударившим меня стилетом колдуном…
В наступившей тишине было слышно только раскатистое мурлыканье полосатого кота, да тихую возню других кошек. Илиана не

поднимала глаз от Буса, которого ласково гладила по большущей голове. Это успокаивало ее лучше любого снадобья, потому что девушка в любой момент ожидала шквала неприязни и негодования. К ее удивлению, эмоциональный фон, который она, как выяснилось, ощущала с детства, а теперь и вовсе улавливала невероятно остро, до сих пор не носил в себе следов ужаса или отвращения. Некоторая доля страха исходила от наиболее юных слушателей, но лишь потому, что им его внушала сама жуткая история, а отнюдь не рассказчица. Почему-то до сих пор никто Илиану не гнал, не ругал и даже не выказывал ей свое неудовольствие. Готовившаяся у худшему девушка растерялась не меньше, чем ее друзья.
— Ты можешь это контролировать? — неожиданно спросила Талара каким-то далеким от недружелюбия тоном.
— Пока не очень хорошо, — ответила Илиана. — Нет-нет, вам нечего бояться! — поспешно добавила она, ощутив волну напряжения от окружающих. — Я еще плохо этим управляю, но оно не управляет мной. Я никому не причиню вреда без собственного желания. Но я не знаю что будет дальше. Я чувствую как эта сила растет, как она выросла за те дни, что я ехала от того дворца до Солтенстила. Кстати, верблюдов я отдала жителям какой-то деревни, обменяв их на одну-единственную лошадь. Повинуясь моему желанию, она летела быстрее ветра, почти не зная усталости. Поэтому я и добралась так быстро.
— Так вот про какие "ужасные вещи" ты упомянула в записке! — вдруг осенило Бэйла. — Фариза рассказала нам про случай с капитаном гвардии.
— Да, я тогда страшно испугалась, — уныло подтвердила Илиана. — Потому и убежала из дворца куда глаза глядят. Только жаль, что недалеко. Сбежала бы сразу в лес или горы — глядишь, ничего бы этого не было.
— От самой себя все равно не убежишь, — негромко заметила чародейка.
— Вот-вот! Сделала бы всем только хуже! — кивнула Талара, не особо вдумываясь что именно подразумевала Сирелина. — Между прочим, это очень эгоистично — совершенно не думать о близких! Смотала удочки и ладно, а вы живите как хотите!
— Я о вас и думала! Боялась навредить! — воскликнула Илиана.
— И что? Сильно навредила? — осведомилась принцесса. — Пока что свое получили только прихвостни Дегониса, причем получили вполне заслуженно. Гвардейцев, конечно, жаль, но если они продались колдунам — и поделом им! Ты знаешь, пока мы принимали меры к твоим поискам, у нас с твоей тетей появилась одна зловещая теория. О том, что Дегонис и его приспешники ведут за спи-

ной моего отца какую-то свою игру и что-то готовят.
— Я знаю о чем сейчас думает Илиана! — неожиданно заявила Фариза. — Она думает, что мы ее прогоним, и мечтает убраться с глаз долой. А это признание — своего рода исповедь, чтобы ее совесть перед нами осталась чиста.
Фариза попала не в бровь, а в глаз. Девушка порозовела и стала напоминать бутон алой розы. Она и в самом деле не знала куда деваться, чувствуя себя не самым лучшим образом, и никак не могла дождаться когда все это закончится. Хотя что именно "все" и как именно "закончится" Илиана понятия не имела.

Очень быстро выяснилось, что отпускать ее восвояси никто просто так не собирался. Об изгнании девушки окружающие даже не помышляли. Конечно, все связанное с ней выглядело почище большинства легенд и сказок, но это не могло перечеркнуть сложившихся отношений. Сотканные из больших и малых поступков, сказанных и нет слов, душевных порывов и уймы самых маленьких деталей, которых люди порой и не замечают, они оказались прочнее чем любая другая сила. Илиана продолжала упрямиться, считая себя если и не чудовищем, то ведьмой, но ее точку зрения особо не разделяли. Случай, безусловно, уникальный, не имеющий аналогов ни в жизни, ни даже в сказаниях, но зла ведь девушка никому не причинила, если не считать элементарной самозащиты.
— Значит, по-вашему это нормально — вытворять такие ужасы с живыми людьми? — недоумевала Илиана.
— Про нормально никто и не говорил, — рассудительно заметила Сирелина. — Но знаки условной полярности бывают разные. Своим способностям ты упорно присваиваешь жирный минус, в то время как на деле они, возможно, имеют плюс. Либо не имеют вовсе — способности просто есть, и это уж от самого человека зависит как ими распорядиться.
— Между прочим, твоя тетя абсолютно права! — воскликнула Талара. — Можно быть таким, как Дегонис, либо же полной его противоположностью! Кстати, клянусь, этот гнусный мерзавец поплатится за содеянное, и это очень хорошо что у нас теперь есть такой сильный союзник.
— Мне не очень хотелось бы впредь вытворять что-то такое, как в пустыне, без крайней необходимости, — произнесла Илиана.
Она в кои-то веки осмелилась поднять глаза и рискнула посмотреть на собравшихся. Ни у кого на лице девушка не прочла ни капли враждебности. Наоборот: искреннее участие, смешанное с возбужденным любопытством. Что же касалось устроившегося на коленях Буса, то он продолжал выделывать настоящие рулады, мурча как целая стая кошек. Стая, впрочем, сидела рядышком,

окружая Илиану несколькими неплотными кольцами. Животные прибежали на зов своего вожака, не в силах устоять перед исходившими от необычного человека живительными струями. Пугаясь возможной реакции людей, девушка ничуть не опасалась недружелюбия кошек, и поэтому дарила их своей симпатией.
— Значит, они могут сделать все, о чем ты их попросишь? — сгорая от любопытства, поинтересовалась Галана.
В ее взоре читалось такое наивное и восторженное выражение, что лицо Илианы впервые озарилось слабой улыбкой.
— Угу, — кивнула она. — Ну, летать, конечно, у них не выйдет, за неимением природной возможности, но в остальном…
— А покажи что-нибудь? — попросила Галана.
— Да, я бы тоже взглянула, — поддакнула всерьез заинтригованная Сирелина.
Наклонившись к уху полосатого котяры, Илиана что-то шепнула ему на ухо. Тот, приоткрыв жмурившиеся глаза, кивнул, будто соглашался с чем-то как самый обыкновенный собеседник.
— Бус не возражает, — сообщила девушка. — Что ж, смотрите…
Больше она не добавила ни единого слова, однако кошки, как по команде, обступили Галану и Сирелину. Мурлыча, они кружили возле ног, по нескольку забирались на колени и даже запрыгивали на плечи. Теплые мохнатые животные прямо-таки облепили интересовавшуюся возможностями Илианы парочку, тычась усатыми мордами в лицо и руки. От этого щекочущего прикосновения девчушку пробил приступ смеха, от которого она даже не пыталась удержаться.
— Кошки выражают свое расположение, — пояснила Илиана. — А представляете что будет, если они выпустят когти и все разом атакуют?
— Но ты ведь им и слова не сказала! — ошеломленно заметила Фариза.
— Мне это и не нужно, — скромно потупилась Илиана.
— Холера мне в бок, да это же целую армию можно сделать! — наконец-то осенило практичную принцессу.
Развить свою мысль, до сих пор не забиравшуюся дальше личной лошади и знакомого кота, она не успела.
— Ап-чхи! — громко сказала Сирелина.
Пока Галана заходилась от смеха, не выдерживая щекотки, чародейка отчаянно крутила носом, стараясь не расчихаться. Очередной пышный хвост, скользнувший по ее лицу, наконец прорвал шлюзы, и женщина чихнула во всю силу сдерживаемых легких. Аллергией на кошек она не страдала, но такое количество мохнатых животных невольно подняло в воздух уйму крошечных шер-

стинок, и прикосновения настоящего пушистого опахала женщина уже попросту не выдержала. Поднявшийся было взрыв веселья быстро замер, сменившись недоумением, переходившим в растерянность. Сирелина, впрочем, уже и сама поняла почему у смотревшей на нее принцессы так изменилось выражение лица. Капризные маскировочные чары спали. Эмоциональная буря, которую испытывала после всего услышанного чародейка, сделало их еще более нестабильными, а переполнявшие голову мысли отвлекли Сирелину дальше некуда, окончательно ослабляя контроль. Одно резкое и долго сдерживаемое апчхи вмиг развеяло иллюзорный образ, не оставив от него и малейшего следа.

— Так ты чародейка! — тихо ахнула вскочившая Талара, пожирая женщину округлившимися глазами.

Сирелина часто представляла себе похожий момент и даже заранее просчитала несколько возможных сценариев дальнейшего развития событий. Теперь же вдруг осознала, что ни одна из заготовленных речей не идет на ум. Все что у нее получалось — это сидеть в окружении кошек и переводить смятенный взгляд с принцессы на воспитанницу. Впрочем, помалкивали и остальные, пораженные еще одним невероятным открытием.

— И все это время вы молчали, — так же негромко произнесла принцесса. — Минутку! — вдруг сообразила она, заговорив гораздо громче. — Сирелина! Вот откуда мне известно это имя! Так звали чародейку, которую искала стража! Выходит, это ты и есть!

— Талара, все не так, как тебе кажется, — робко подала голос Илиана.

— Да уж конечно! — воскликнула принцесса. — А как же твое обещание не держать от меня секретов?! Тоже мне подруга называется!

— Тали! — в глазах Илианы появились слезы. — Не горячись, дай нам объяснить!

— А чего тут объяснять? — фыркнула принцесса.

Нахмурившись, она развернулась и, не слушая обращенных к ней возгласов, быстрым шагом вышла из гостиной. С лестницы донеслись звуки ее стремительно сбегавших вниз шагов. В помещении повисла тяжелая пауза, нарушаемая только мурлыканьем множества кошек. Оставив в покое чародейку и девчушку, они расселись вокруг кресел, не сводя щурившихся глаз с источника теплых живительных волн. Илиана с ужасом осознала, что могла остановить покидавшую Аберидж подругу. Не посулами или уговорами, а одним лишь усилием воли. Остановить, заставить вернуться, усадить обратно подле себя и выслушать все что она сочтет нужным сказать. И отпустить только тогда, когда захочет. При мысли об

этом Илиана вновь почувствовала себя чудовищем и поклялась, что никогда не сделает с Таларой ничего подобного.
— Ну и что теперь будет? — наконец осмелилась нарушить общее молчание Фариза.
— Нам троим следует уходить, — заявил вставший Бэйл, подразумевая себя, чародейку и ее воспитанницу. — Остальным ничего не угрожает. Вы просто дети, и не думаю что принцесса выместит на вас свой гнев.
— Не все так просто, — хмуро отозвалась старшая девушка. — Думаете, почему мы не реагируем на открытие столь же бурно, сколь и Талара, хотя, безусловно, мы им весьма впечатлены? Среди нас самих два молодых колдуна и одна юная провидица. Сильно сомневаюсь, что после всего их инкогнито надолго останется нераскрытым.
В нескольких словах она пояснила пораженной Сирелине что к чему. Теперь-то чего опасаться, когда собеседник — сама объявленная вне закона чародейка? Галана, разумеется, не могла немедленно продемонстрировать свой дар, но Алдар с Ювионом охотно вызвали стихии огня и холода, причем один от усердия чуть не поджег скатерть, а другой едва не заморозил полкомнаты. Осознав с кем имеют дело, оба молодых человека захотели показать свои таланты и малость перестарались.
— Заклинатели стихий, — заключила внимательно наблюдавшая Сирелина. — Давно у вас такие способности?
— С детства, — пожал плечами Алдар.
— А усилились, как я подозреваю, в последнее время? — уточнила чародейка. — Причем усилились очень значительно.
— Да. Откуда ты знаешь? — удивился Ювион.
Сирелина не ответила, сделав себе какую-то пометку в закромах памяти. В следующую минуту ей пришлось выдержать целый шквал вопросов. Опомнившаяся компания желала узнать о настоящей, всамделишной чародейке как можно больше, попутно выпрашивая показать образчик ее удивительного искусства. Та отбивалась как могла, говоря что для любознательности найдется время позже. Ей на выручку пришел гладиатор, рассудительно считавший точно так же.
— Однако следует поторапливаться пока не явилась стража, — напомнил он, не решаясь объявить эвакуацию без указания Сирелины.
— Талара так с нами не поступит! — воскликнула Илиана, вспыхнув сиреневыми глазами.
— Я бы не был в этом так уверен, — скептически отозвался Бэйл.
По его разумению, Талара была в первую очередь принцессой, до-

черью своего отца, а Сирелину объявили его врагом. Как, впрочем, и остальных чародеек. Тот факт, что все это время от Талары скрывали правду и использовали ее в своих целях, ей сейчас доброжелательности отнюдь не прибавит. Если разгневанная принцесса, считающая себя коварно обманутой, сразу и не кликнет стражу, то всегда может сделать это позже.
— Возможно, — сказала чародейка, выслушав соображения гладиатора.
— Что, и все?! — изумился тот, глядя на продолжавшую как ни в чем не бывало сидеть в кресле подругу.
— Я никуда не уйду, если ты об этом, — пояснила Сирелина. — Возможно, ты и прав, но те зерна, что были посеяны в душе принцессы, уже дали всходы. Ее разум не отравлен жаждой вселенской власти и дурным влиянием темных колдунов. Зато к Илиане и ко всем нам она чувствовала живейшее расположение. Надеюсь, это что-нибудь да значит. Кроме того, наша совесть чиста — мы никогда не использовали Талару с дурным умыслом. Стало быть, и вины в злоупотреблении дружбой и доверием за нами нет.
— Это ты будешь рассказывать в тюрьме. Возможно, даже ей, когда она явится лично высказать тебе свое негодование, — обрисовал перспективу Бэйл.
— Возможно, — с прежней интонацией сказала чародейка. — Но если мы сейчас убежим, то тогда потеряем Талару навсегда. Она поймет что мы ей не верим и боимся ее. И бедная девочка, о которой ты столь неважного мнения, тоже навсегда останется без друзей и надежды на подлинно человеческие отношения. Ведь сама Талара, если ты все еще не заметил, не отшатнулась от Илианы, хотя у нее для этого сегодня имелось достаточно оснований.
— Я не плохого мнения о Таларе, — смутился пристыженный гладиатор. — Просто я стараюсь быть реалистом. Потом, возможно, она и пожалеет о содеянном, да поздно будет.
— В таком случае, я тоже остаюсь, — заявила Фариза. — Но вот Алдару и Ювиону лучше уйти. Галану мы уж как-нибудь отстоим, а вам, ребята…
— И куда мы пойдем? — криво усмехнулся Алдар. — Нет уж, бежать — так всем вместе. Оставаться — тоже. Вы остаетесь, значит и мы остаемся. Не будем мы всю жизнь бегать!
На следующие полчаса гостиная утонула в бурных дебатах, суть которых сводилась к тому, что каждый намеревался остаться, но при этом не желал чтобы риску подвергались остальные. Ну, за исключением, разве что, Бэйла. Он все-таки предпочел бы ретироваться, от греха подальше, но под давлением большинства перестал видеть все лишь в дурном свете. По всему выходило, что му-

жественный и умудренный опытом зрелый воин был единственным, кто некоторым образом праздновал труса, и эта непривычная роль пришлась ему отнюдь не по душе.
— Да и черт с вами! Пропадать, так всем вместе! — проворчал он, заняв на всякий случай позицию у окна. — Но если появится стража — не говорите, что я вас не предупреждал.
Поскольку всем вместе пропадать, действительно, не имело ни малейшего смысла, дебаты продолжились. Впрочем, позиция всех участников оставалась неизменной. Илиана наотрез отказывалась уходить, и чародейка подозревала, что та предпочтет сложить голову, нежели остаться тем, кем она являлась. Сама Сирелина тоже решила рискнуть. Она не была настолько же уверена в собственных словах, насколько пыталась убедить в них других, и оценивала шансы примерно пятьдесят на пятьдесят. Тем не менее, чародейка считала, что риск того стоил, а Илиану она ни за что не бросит. Не силой же ее тащить, в самом деле?

Когда спор затих сам собой, стало ясно, что затраченное на него время позволяет сделать некие выводы. Никто в Аберидж до сих пор не явился, бряцая оружием и вопя про имперскую безопасность. Конечно, это пока ничего не означало, но все-таки дарило известную надежду, что Талара возьмет себя в руки и не станет сдавать с потрохами своих единственных друзей. Впрочем, все признавали, что принцесса оказалась в очень сложном положении, учитывая обстоятельства, и ей предстоит сделать нелегкий выбор.

Спать улеглись в одной комнате. Прятаться в подземелье не имело ни малейшего смысла: Талара о нем знала, и в случае чего укрыться там все равно не удастся. Четвероногие сторожа, разумеется, сообщат о приближении посторонних, но эта мера разве что позволит подготовиться к неизбежному. С последним, впрочем, все тоже было не столь однозначно.
— Ты что, действительно дашь себя арестовать, если... — Илиана не договорила, не решаясь произнести такую крамолу в адрес подруги.
— Разумеется, нет, — ответила Сирелина.
Их кровати поставили вплотную, и чародейка имела возможность шептаться с воспитанницей сколько душе угодно. Бэйл традиционно устроился спать у входа, дремля с мечом наготове, хотя и сам понимал что толку от этого немного.
— Но почему ты тогда?.. — девушка вновь не договорила, но чародейка и так понимала ее с полуслова.
— Вопрос доверия, — пояснила Сирелина. — Если я права, оно еще больше сплотит наши отношения. Если нет, то уж будь уверена — ни себя, ни, тем более, тебя, я не отдам в руки этого упыря

Дегониса. Рассказанное тобой не просто подтверждает уже зародившиеся у меня догадки — оно доказывает, что на деле все гораздо хуже, чем я представляла. Мне бы, круглой дуре, сразу догадаться о каком таком Оке толковал шейх в присланном тобой письме. Сова, кстати, добралась до обители! Тот еще фурор произвела. Совет велел мне доставить тебя в наш орден. Да, ты же еще ничего толком не знаешь!
И Сирелина горячим шепотом поведала воспитаннице обо всем, что происходило с ней в далеких северных краях, в то время как Илиана сначала жила при дворце, а после скрывалась в сточных тоннелях. Обе собеседницы прошептались почти до утра.

* * *

— С клинком все чисто. В известном смысле, — раздался в полумраке первый голос. — Мастер говорил, это не обычное колдовство. Чародейки не имеют к нему никакого отношения.
— Откуда же он у принцессы? — с сомнением осведомился второй.
— Это сейчас не имеет значения, — ответил первый. — Но мы это обязательно выясним, когда вплотную займемся ее садовником. Довольно он от нас побегал!
Фигуры, стоявшие в тени высокого здания, укрывались от лунного света, обильно серебрившего своими лучами пустынные улицы со спящими домами. За углом неожиданно послышались приглушенные шаги. Разговаривавшие настороженно обернулись, но быстро успокоились, признав появившегося человека.
— Все в порядке, — сказал тот, приблизившись к небольшой компании. — Посты расставлены и наблюдают за объектом. Солдаты прибудут утром.
— Может все-таки сейчас? — усомнился один из голосов.
— Лучше подождать, — командным тоном сказал тот, что упоминал про Мастера и меч. — Если они все еще там, то никуда и до утра не денутся. А утром в нашем распоряжении окажется вчетверо больше сил. Обложим их так, что и мышь не проскочит. И на сей раз от нас никто не уйдет.
— А есть ли кого ловить? — уточнил третий голос. — После такого переполоха за мелкую рыбешку нас по головке не погладят.
— Ты недавно прибыл? Да? Тогда ладно, объясню еще раз, — смилостивился первый голос.

Когда он закончил, сомневавшихся в разумности плана уже не осталось и у присутствующих отпали всякие сомнения.
— Чтобы до утра никому не высовываться! — сурово предупредил

первый голос. — Они ничего не должны подозревать. Кто спугнет дичь — будет иметь дело с Мастером. Полагаю, каждому из вас представится случай проявить себя завтра, так что советую унять пыл и набраться терпения. На этом все — идите и предупредите остальных. Кого увижу у этих стен до сигнала — тот пусть пеняет на себя!

С полдюжины собеседников, отозвавшись понимающими возгласами, покинули темный закуток и разошлись в разные стороны, стараясь не показываться ввиду возвышавшихся неподалеку старинных развалин.

В девятом часу утра всех поднял на ноги тревожный окрик Бэйла — и тех, кто умудрился крепко заснуть после всех событий минувшего вечера, и тех, кто лишь дремал вполглаза.

— Кто-то идет! — заявил гладиатор, занимая позицию у двери. — Я слышу его приближающиеся шаги!

Шаги действительно приближались. Нет, они прямо-таки поспешали со всех ног, отдаваясь под каменными сводами гулкими звуками. Илиана не успела узнать у мохнатых сторожей кто бы это мог быть, как дверь распахнулась и на пороге объявилась запыхавшаяся Талара.

— Аберидж окружен! — крикнула она, врываясь в спальню. — Их там не меньше половины корпуса и продолжают подходить!

Появление принцессы и ее слова произвели эффект сродни забредшей в окно шаровой молнии, однако смысл происходящего дошел не сразу даже до Сирелины.

— Кем окружен? — испуганно спросила Илиана, первая подбегая к раскрасневшейся подруге.

— Солдаты. Их там тысячи! — пояснила Талара. — Все подходы к Абериджу перекрыты — муха не пролетит. Дворцовая гвардия и Имперская стража.

— Твоя работа? — мрачно осведомился стоявший рядом гладиатор.

Меч он опустил, завидев знакомое лицо, но веселее от этого явно не стал. Сирелина бросила на него укоризненный взгляд, как бы говоривший: лучше бы ты, старый друг, лишний раз помалкивал.

— Ясное дело, — дернула плечом принцесса. — Сначала подняла всех на уши, а затем прибежала вас предупредить. А заодно и предложить себя в качестве заложника.

— Но как же ты тогда сюда попала? — не унимался Бэйл, не замечая гневного жеста чародейки.

Фыркнувшая Талара снизошла до объяснений. Вчера, удалившись из Абериджа в не самом лучшем расположении духа, она отправилась прямиком во дворец. Передумала принцесса, надо сказать,

много, и это не давало ей заснуть вплоть до раннего утра. Окончательно перевернув вверх дном свою роскошную постель и раскидав подушки по всей спальне, она спустилась в сад, освежиться и подышать прохладным воздухом, хотя вставать спозаранку и не входило в ее привычки. Внимание Талары привлекла непривычная активность дворцовой гвардии, а при виде поспешавшего во главе целой свиты командующего в ней невольно проснулся прежний интерес следопыта. Полночи она слышала из окна какое-то приглушенное бряцанье оружием и теперь обязательно решила выяснить что к чему. Догнать ди-Халадора ей, правда, не удалось, зато оставшиеся офицеры объяснили в чем дело, не решившись проигнорировать вопрос насупившей брови дочери повелителя. В городе наконец-то выследили чародейку. На ее поиски ушло несколько дней, что и вызвало продолжительное отсутствие командующего. Под видом ротации боевых частей в Солтенстил стягивали дополнительные силы, и теперь они все задействованы в начавшейся операции. Весь гарнизон дворцовой гвардии покинул казармы и сейчас под личным командованием ди-Халадора выдвигается на позиции. Чародейка окружена отрядами Имперской стражи, а с прибытием всех свободных подразделений дворцовой гвардии капкан окончательно захлопнется. Таларе не пришлось долго соображать о ком именно шла речь и на какое место нацелились солдаты. Не теряя ни минуты, она со всех ног побежала в свои покои и через подземный ход стрелой вылетела в город. Девушка до последнего надеялась что речь шла не про Аберидж, однако на последнем этапе пути ее предположения, увы, окончательно подтвердились. Дорогой она гадала как проберется через кордоны, где ее вряд ли просто так пропустят. На ее счастье, гвардейские подразделения сосредотачивались на подступах, оставляя улицы и перекрестки в прямой видимости Абериджа открытыми. Они уже начинали выставлять сплошные заслоны, когда Талара ужом миновала несколько поворотов и устремилась прямиком к старому кладбищу, надеясь воспользоваться потайным входом. Здесь она чуть не налетела на отряд Имперской стражи. Такие отряды, видимо, дежурили по всему периметру, открыто не показываясь возможным наблюдателям из Абериджа, но своим присутствием де-факто запирая его на замок. Положение становилось критическим. Талара прошла немного вперед по прилегающей к погосту улице, но и там обнаружила заставу, бдительно стерегущую все пространство до Абериджа. Понимая, что дорога каждая минута, принцесса решила рискнуть. Она уже слышала мерную поступь подходивших гвардейцев, так что времени на раздумье у нее попросту не оставалось…

— Как не остается у нас сейчас, если мы и дальше будем торчать здесь столбами! — воскликнула Сирелина. — Талара, когда они придут?
— Они уже идут. Выдвигаются всем фронтом и берут Абериджа в сплошное кольцо, — отозвалась принцесса. — Просто еще не решили что именно предпринять.
— И что теперь делать? — растерянно спросил Ангур.
— Это зависит от того, зачем вернулась Талара, — выразительно сказала чародейка.
— Спасти ваши бесстыжие головы! — не менее выразительно ответила та. — Объясняться стоило бы позже. Сейчас пора уносить ноги.
Уносить ноги, собственно, было некуда. Во всяком случае, из Абериджа. Это стало ясно сразу же, как вся очутившаяся в осаде компания попробовала осторожно изучить в окно сложившуюся диспозицию. Шеренги гвардейцев выдвинулись за окраины домов широким фронтом и теперь стояли не далее полутора сотен ярдов от стен. Их оцепление насчитывало несколько рядов, за которыми, меж домов и на перекрестках, виднелись ощерившиеся оружием отряды. Среди Имперской стражи можно было заметить и колдунов, не носивших доспехи и отличавшихся несколько иной манерой поведения. Крыши ближайших строений в великом множестве занимали лучники. У ворот сконцентрировалось особо крупное соединение численностью в несколько сотен человек, но оно пока не двигалось с места. Об этом доложил Бэйл, вихрем смотавшийся на южную сторону Абериджа, пока остальные выглядывали из окон восточной, на втором этаже которой и располагалось новое жилище беспризорников. В нынешнем составе побег из Абериджа становился невозможным. Впрочем, невозможным он выглядел и в любом другом случае, поскольку через такую толпу воинов, разбавленных колдунами, любая попытка пробиться выглядела самоубийством. Старинный комплекс окружили с одной-единственной целью: не выпустить из него ни единой живой души, пока наступающие солдаты шаг за шагом не обыщут каждый его дюйм. Такого серьезного внимания со стороны людей хана не ожидала даже Сирелина.
— Идеи-то есть? — стараясь говорить спокойно, спросила Фариза.
— Талара, Илиана, ведите всех в секретную комнату! — вместо ответа скомандовала чародейка. — Бэйл, ты с ними! Я запру внутреннюю дверь потайного хода. О ее существовании никто не должен узнать.
Ее план моментально стал понятен всем посвященным.
— Бус! Спрячьтесь в склепах на кладбище! До них еще можно доб-

раться! — крикнула Илиана крутившемуся рядом встревоженному коту.
Тот немедленно умчался, громкими воплями созывая к себе всю колонию. Люди же поспешили в скрытую часть Абериджа.

Продолжительное отсутствие Сирелины не на шутку встревожило и Бэйла, и Илиану. Полученное указание они выполнили в точности, разместив ребят в запретной для них доселе части комплекса, но чародейка что-то не торопилась. Даже Талара высказалась в том духе, что ей пора бы уже явиться. Не выдержав, гладиатор заявил, что отправляется за отставшей подругой. С ним, не особо спрашивая разрешения, немедленно увязалась и нареченная племянница, а следом, точно таким же образом игнорируя все возражения, отправилась и принцесса.
— А о ребятах кто позаботится? — сердито шипел Бэйл.
— И чем мы им там сейчас поможем без вашей чародейки? — резонно заметила принцесса. — Мой-то план все равно провалился. Я надеялась вывести вас отсюда, пока не поздно, да теперь куда уж! Даже мне сейчас это не под силу. Так что пусть сидят тихо как мыши пока мы не вернемся.
Возразить было нечего, и гладиатор только с досадой махнул рукой. Поразительно, но вся троица искателей приключений вновь кралась через Аберидж, как буквально пару лет назад, только теперь и цели и настрой у нее был совершенно другой. Да и мысли в головах витали совсем отличные от прежних.

Сирелина сыскалась довольно быстро по подозрительному шуму разрядов и переворачиваемой мебели. Ее застали во всей красе — шныряя по Абериджу, чародейка раскидывала направо и налево всевозможные чары.
— Э, колдунья, а ты часом не рехнулась, с мебелью-то воевать? — озабоченно спросила принцесса, изучая творившееся безобразие.
Оглядевшись, Сирелина сообразила как это выглядит со стороны и быстро пояснила:
— Я заметаю следы. Чем больше сейчас в Абериджe окажется чар, тем сложнее колдунам будет нас отыскать. Их проклятые Компасы с ума сойдут, прежде чем Манипуляторы сумеют вычислить и нейтрализовать все обманки. Так что на наши поиски у них уйдет какое-то время. Хотя, признаться, я вообще ума не приложу как они нас выследили!
— Они упоминали какую-то метку, — сообщила Талара.
Сирелина застыла столбом, с разинутым ртом уставившись на темноволосую девушку.
— А ты откуда знаешь? — наконец выговорила она, справившись с накатившим изумлением. — И почему раньше не сказала?!

— Вы же не дали мне договорить как я здесь очутилась, — с нотками обиды пояснила принцесса.
Что верно, то верно. Но и сейчас, не вдаваясь в лишние подробности, чародейка буквально вытрясла из Талары все что касалось означенной метки. Последние сомнения немедленно отпали. Манипуляторы использовали нечто такое, что и сама Сирелина прежде применяла сначала с разбойниками в Далабаде и Желтых холмах, а затем и в самом дворце, составляя зачарованную карту. Вот только каким именно образом?! Быстро прокрутив в голове все факты, чародейка, сконцентрировавшись на природе заклинания, отбросила все невероятное и оставила лишь наиболее очевидное. Сама Сирелина была не в счет. За ней бы не следили так долго, да и не могла она столь продолжительно не чувствовать на себе колдовскую метку. Талару, поразмыслив, чародейка тоже исключила. В такой нелепой слежке за принцессой, и самой не знавшей с кем она общается, отсутствовал какой-либо смысл. Точнее, он был, но не в присутствии Бэйла. А вот гладиатор-то как раз, как ни крути, и представлял собой наиболее вероятную мишень для наложения соответствующего заклинания! Ведь именно его у Имперской стражи имелись все основания подозревать в связях с чародейками, и именно за ним хвостом ходили шпики! Сирелина, конечно, не была совсем уж круглой дурой, и несколько раз втихомолку проводила над своим верным спутником ритуал очищения, пока тот спал как убитый в их общей постели. Следов какой-либо метки на нем не обнаружилось ни разу. Но что если она была отнюдь не на нем?! Сирелине вдруг вспомнились камни, переданные хранителям, и она все-таки почувствовала себя идиоткой.
— Бэйл, раздевайся! — велела она оторопевшему мужчине.
— В каком смысле? — выпучил глаза гладиатор.
— В прямом! Снимай все до последней нитки! Где-то на твоих вещах стоит колдовская метка, по которой тебя отслеживают, а где именно — нет времени искать! — воскликнула чародейка. — Девочки, а вы, чем хихикать как маленькие, лучше найдите ему какое-нибудь покрывало! Не голым же ему ходить, в самом-то деле! — сердито добавила она.
Вот только времени на все про все действительно не оставалось. Со стороны ворот послышался громкий гул, а затем железные створы с грохотом распахнулись, не выдержав одновременно брошенных заклятий сразу множества колдунов. Через ничем более не перекрываемую арку во двор Абериджа хлынули шеренги солдат.

Таларе представилась отличная возможность понаблюдать за

чародейкой во всей красе. У последней, как выяснилось, имелось несколько припрятанных козырей, и ей было чем встретить незваных гостей. Встав около окна так, чтобы ее не было заметно, и при этом она сама видела часть двора, Сирелина развела руки в стороны, воздев их немного вверх. Затем заговорила таким раскатистым чародейским наречием, что даже у видавшего виды Бэйла побежали мурашки. Вся фигура ее осветилась, кисти рук окутались сиянием, а вырывавшийся из груди голос и вовсе казался неземным, многократным эхом отражаясь от камней Абериджа. В воздухе неожиданно запахло электричеством. Потянуло озоном. Наэлектризованные волосы чародейки приподнялись и заколыхались, делая ее похожей на одну из ведьм с шабаша, но производя поистине завораживающее впечатление. Закончив речитатив, Сирелина резким движением протянула руки к видневшейся в окно земле. С ее пальцев бурно сорвались множественные молнии, ударившие в травяной покров гудящими рукавами. Рассредоточивавшиеся по двору гвардейцы, и без того замедлившие движение из-за внушительных раскатов голоса чародейки, остановились окончательно, ожидая подвоха. И не напрасно. На земле, проступая сквозь буйно разросшуюся траву, синими полосами прочертились крупные руны. Почва под ногами у солдат задрожала. И вдруг вздыбилась, образуя стремительно вырастающий вал. Нет, множество валов, одновременно появившихся во всех местах, где были начертаны руны. Талара не знала, что Сирелина пощадила ее чувства, бросив в бой лишь самые безвредные из всех заранее подготовленных средств. Вскинувшаяся земля не нападала на опешивших солдат, не раскидывала их могучими ударами и не засыпала заживо. Повинуясь наложенным чарам, она всего лишь на полтора этажа перекрыла все внутренние дверные и оконные проемы Абериджа, встав между ними и атакующими толстым неумолимым рубежом. Травяной ковер, кусты и деревья в основном остались не затронуты, хотя часть зеленого покрова устилала образовавшееся препятствие. Ожившая земля будто выплескивалась откуда-то из глубины, как бьет из скважины вырывающаяся под давлением вода. И сразу вслед за этим из-под прохудившихся крыш на растерявшихся людей обрушились стаи хрипло каркающего воронья. Двор Абериджа заполонил шум множества крыльев. Острые клювы сверкали холодным стальным блеском, небо затмило отливающее сизым оперение. В отличие от земляных стен, скрепленных мощным заклинанием чародейки, птицы были лишь иллюзией, но гвардейцам понадобится некоторое время чтобы это понять, равно как и колдунам разрушить приведенные в действие чары. Это коротко и пояснила Сирелина потрясенной принцессе,

когда все четверо быстро ретировались.
— А что за крики снаружи? — подозрительно осведомилась поспешавшая рядом Талара.
— Там еще одна иллюзия, — не вдаваясь в подробности, ответила чародейка. — Не беспокойся, она такая же безвредная как вороны. Но солдаты и колдуны пока об этом не знают.
Это было сущей правдой. Иллюзия не причиняла вреда, равно как и означенные лица понятия об этом не имели. Но сами себе они нанести ущерб еще как могли. Именно поэтому и набили себе массу синяков и шишек, отражая реально не существующую угрозу.

Несмотря на стремительно растущую опасность, пришлось сделать небольшой крюк, чтобы прихватить из спальни покрывало для гладиатора.
— А это обязательно? — насупился Бэйл, поймав красноречивый взгляд Сирелины.
— Мы должны избавиться от метки! — категорично заявила та.
— Постой, не думаю что это надо делать, — сказала вдруг Илиана.
— Иля, сейчас не время для препирательств! — сурово заявила чародейка.
Судя по вибрации, она была совершенно права — колдуны уже вовсю пытались пробить земляные валы, но пока еще безуспешно. Скоро они разгадают принцип действия чар и сумеют их нейтрализовать, однако пара-тройка минут у них на это уйдет. Равно как и у гвардейцев, не более результативно штурмовавших земляные заслоны своими силами. Ведь стоило им забраться на плечи друг другу в лучших традициях преодоления препятствий, как коварная стена осыпалась прямо вместе с ними, разваливая всю человеческую пирамиду. Причем осыпалась лишь для того, чтобы тут же собраться обратно. Атакующие кричали что-то про лестницы, но у колдовской стены наверняка и на этот счет были припасены сюрпризы.
— Да нет же, я не про это! — воскликнула воспитанница. — Если это Бэйл, то у него должно быть что-то такое, что он носит с собой почти постоянно. Что-то, что способно долго удерживать метку без наложения заново. Что-то, что могло побывать в руках у Дегониса!
— Иля, да ты просто умница! А я — клиническая идиотка! — всплеснула руками Сирелина, сообразив куда клонит девушка. — Бэйл, а ну живо дай мне свой меч!
Догадка Илианы появилась отнюдь не из воздуха. За ночным разговором чародейка ввела ее в курс дела, сообщив не только новости из обители, но и хронологию событий в Солтенстиле, включая и злоключения гладиатора. И теперь эта догадка показалась настолько очевидной, что Сирелина рассердилась на собственную

глупость. Схватив протянутое оружие, она зашептала какие-то заклинания, отчего ее пальцы осветились волнистым голубым светом.

Колдовскую метку трудно обнаружить когда о ее существовании никто не подозревает. Если же заклинателю заранее известно ее возможное местонахождение, определить точное присутствие чар становится в несколько раз проще. Сирелина, наконец-то уразумев с чем имеет дело, добилась результата в кратчайшие сроки. Метка действительно оказалась на мече. Наиболее вероятно поставил ее туда именно Дегонис. Для этого у него имелась отличная возможность пока гладиатор томился в темнице, и он был очень сильным колдуном, способным обращаться с настолько уникально зачарованным оружием. Метка ощущалась гораздо слабее, нежели обычно, что явно сказывалось на дальности ее обнаружения. Этот эффект был вполне объясним, сродни огоньку одинокой свечи на фоне яркого фонаря — менее результативно, но зато и практически незаметно. Подобная особенность создавала известные трудности в отслеживании Бэйла, но существенно уменьшала шансы на раскрытие слежки. Саму же слежку можно было осуществлять очень продолжительно, поскольку метка держалась весьма уверенно, развеиваясь в несколько раз медленнее, чем обычно. Причиной тому, судя по всему, служили свойства древнего меча, до сих пор не разгаданные Сирелиной, но, похоже, как минимум отчасти известные Дегонису. Это наводило на определенные размышления. Как, впрочем, и все с ним связанное. Предводитель колдунов слишком много знал и умел, и черпал он все это явно не в ближайшей библиотеке.

— Готово! — заявила чародейка, возвращая клинок владельцу. — Пускай теперь ищут нас сколько влезет! Кстати, теперь понятно чего это Дегонис так расщедрился и вернул тебе столь чудесный меч не зная, что это подарок принцессы. Он всучил лично им изготовленного шпиона.

Ее руки светились очень долго — гораздо дольше, чем хотелось бы во время не прекращавшегося штурма, но главное результат. Одним щелчком пальцев такую метку не снимешь, особенно если ее установил могущественный заклинатель, о чем Сирелина и пояснила беспокойно озиравшимся спутникам. Бэйлу, однако же, к его великому неудовольствию все равно пришлось избавиться от вещей. На всякий случай. В своей теории касательно Дегониса чародейка не была до конца уверена, в очередной раз основываясь в большинстве своем на предположениях, а посему решила не рисковать. Вдруг вся слежка дело рук одного или нескольких Манипуляторов? Сложив все вещи Бэйла в кучу, Сирелина наколдовала

небольшое, но жаркое пламя, быстро охватившее предложенную ему пищу.

Вся четверка поспела как раз вовремя. Запыхавшаяся Сирелина вбежала последней, и когда она запирала потайную дверь, в подземелье уже гремели шаги ворвавшихся в Аберидж солдат. Они шли лавиной, преодолев наконец-то поверженные земляные стены и разбегаясь по всем развалинам. Их было много. Достаточно, чтобы сломить сопротивление даже нескольких загнанных в угол чародеек и перевернуть заброшенные постройки вверх дном. Что ж, теперь их ждало большое разочарование. Если Компас колдунов не пробьет толстые стены подземелья, им никогда не обнаружить где находится потайная область. Собаки же, чей лай периодически доносился до уха беглецов, им также не помогут. Дело было даже не в способностях Илианы, чьих границ чародейка пока себе не представляла. Основываясь на собственных навыках, она хорошенько замела следы, наколдовав такой изощренный вихрь, перемешавший все запахи, что собаки в жизни не разберутся кто где был и кто где не был. В Аберидже побывало достаточно людей и еще больше кошек, чтобы мечущиеся псы, поскуливая и виновато виляя хвостами, явили полное бессилие отыскать спрятавшуюся добычу. Все, где пронесся несущий пыль и мелкий сор колдовской вихрь, превратилось для них в обонятельный кошмар, сродни взорвавшейся на рынке огромной бочке свежей рыбы — она была везде и нигде одновременно.

Элементарная логика подсказывала, что облюбованное убежище просто обязано быть очень надежным, кто бы его ни обустроил, а он явно представлялся не обычным человеком. Никем не обнаруженное, оно просуществовало здесь тысячи лет, и вряд ли колдуны, не обладавшие уникальным талантом Илианы, сумеют вот так запросто его отыскать. Через толстенные глухие стены, частью каковых являлась и великолепно замаскированная дверь, не проникало ни малейшего дуновения или звука. Визуально же присутствие потайного хода также ничто не выдавало, исключая рисунок на стене, но тот выглядел вполне прозаически, да и похожие художества в Аберидже нет-нет, да встречались. Иными словами, укрывшиеся в убежище беглецы находились здесь в полной безопасности. Но не являлось ли оно одновременно и своеобразной ловушкой? Мысль об этом автоматически пришла в голову почти всем присутствующим, когда они задумались о том, что делать дальше.

— А дальше некоторым из нас пора бы немного объясниться, — предложила несколько успокоившаяся Сирелина. — Выйти отсюда прямо сейчас мы не можем, а сидеть в гробовом молчании до-

вольно глупо. Кстати, интересно, как прежний владелец этого места определял, есть кто-нибудь с другой стороны входной двери или нет? Ведь тут тихо как в могиле!
— Сейчас по ту сторону ходит очень много людей, — сообщила Илиана. — Из-за их количества мне трудно назвать точное число, но я ощущаю их присутствие, особенно ближайших.
— Ах да, я и забыла про твои новые способности, — потерла лоб пальцами чародейка. — А ты можешь?.. Ну, как-то воздействовать на них? — добавила она, бросив осторожный взгляд на воспитанницу.
— Нет, — качнула головой та. — Думаю, из-за того что они не в прямой видимости.
— Жаль, — вздохнула Сирелина. — При случае пригодилось бы.
Судя по последующим репликам огорченной Илианы, она не горела желанием вновь вытворять какие-либо ужасы. Сирелина, оценив душевное состояние воспитанницы, предложила вернуться к этому вопросу позже. Затем обратилась к Таларе.

О да, принцессе было что сказать! Чародейка признала, что для недовольства у девушки имеется предостаточно оснований, но прежде чем они начнут выяснять отношения, попросила закончить прерванное эвакуацией повествование. Талара, подумав, согласилась. Чародейка же, выслушав ее до конца, почувствовала угрызения совести, сообразив в какое положение поставила себя принцесса ради спасения своих не слишком-то честных с ней друзей.

Пока Талара, прокравшись на самую окраину кладбища, тревожно размышляла как же проскочить оцепление, совсем близко от нее вдруг появились два человека. Сидевшая в кустах девушка уж было решила, что ее заметили, как парочка остановилась буквально в трех ярдах от нее.
— Что там с меткой? — спросил один. — Старший велел всем постам докладывать каждый час.
— Периметр не пересекала и даже не приближалась, — отозвался другой. — Дальность действия не позволяет определить где она сейчас, но должна быть где-то внутри.
— Смотри, чтобы не было как в прошлый раз, когда мы умудрились потерять ее возле того дома! — напомнил первый.
— Если бы Мастер сразу дал нам карту, мы бы давно выследили всех сообщников! — обиженно отозвался второй.
— У Мастера было срочное дело и он уехал, не разменяваясь на мелочи, — наставительно заметил первый. — К тому же изначально она все равно была для нас бесполезной. Мастер вынужден был перед своим отъездом в ханскую ставку сделать много копий, пе-

ренастроив их на нас. Это серьезно снизило эффективность, но мы хотя бы смогли ими воспользоваться.
— Ты это всем сейчас рассказываешь? — сердито поинтересовался второй.
— Вообще-то да, — сурово ответил первый. — Скоро начнется штурм, и я хочу чтобы все хорошо понимали: внутри две потенциальные чародейки, которых видели входящими в тот дом. Мастеру они нужны живыми. Количество сопутствующих жертв его не интересует, но если он узнает что чародейки были убиты нашим колдовством, то его наказание будет ужасным. Солдаты также извещены. Лучников выставят скорее для устрашения, поскольку стрелять на поражение им запрещено. Гвардейскому командованию объявлено, что захват пленниц для допроса — приоритетная задача. Зачем они нам на самом деле им знать не обязательно.
— Чародейки точно внутри? — уточнил второй.
— Через ворота никто не входил и не выходил, а они здесь одни — это обозначено на всех планах Абериджа за последние несколько сотен лет, — напомнил первый. — Полное оцепление выставили только минувшей ночью, но дозорные уверяли что никого не видели. Наш лазутчик накануне подтвердил присутствие метки — она тогда была совсем рядом. Тот самый, что подходил к воротам и обнаружил, что на них воздействовали заклятьем. И не забывай, что наложенные нами за день до этого индикаторы исчезли. В Абериджe однозначно применяли сильное колдовство, и если это были не мы, то остаются только чародейки.

Закончив разговор, первый говоривший, судя по реплике, ушел к следующему посту. Второй, постояв немного и всматриваясь в направлении видневшегося неподалеку холма, вернулся туда, откуда явился. Талара, так и просидевшая в кустах во время этого короткого диалога, лихорадочно соображала. Из речей двух колдунов она поняла далеко не все, однако вычленила главное. Это главное и заставило ее решиться на совершенно безрассудный поступок. Пользуясь тем, что патруль отвлекся на подошедший гвардейский отряд, принцесса, набрав в грудь побольше воздуха, выскочила из своего укрытия и, петляя как заяц, бросилась через кладбище. Она успела проделать ярдов двадцать, прежде чем громкие крики известили об обнаружении нарушительницы. Девушке громогласно приказывали остановиться и свист пущенных стрел несколько раз заставил ее всерьез усомниться в своем скоропалительном решении. Мелькавшую между деревьями и склепами цель эти стрелы, тем не менее, не достигли. Судя по истошным воплям, смешанным с отборной руганью, кто-то осаждал лучников, напоминая о запрете на поражение. Эти же вопли призы-

вали колдунов вмешаться, но у тех явно что-то не заладилось. Ринувшиеся в погоню гвардейцы не обнаружили на кладбище ни души — добравшись до заветного склепа, Талара юркнула внутрь и через потайной ход, не забыв запереть за собой дверь, побежала искать друзей.

Дослушав принцессу, чародейка неожиданно для всех покатилась со смеху. Насупившаяся рассказчица заявила, что не видит для такого веселья ни малейшего повода. Вытирая проступившие слезы, Сирелина пояснила что веселится она отнюдь не над Таларой, заслуживающей самой большой похвалы и величайшей признательности. Смех чародейки вызвали растяпы Дегониса. Иметь в своих руках такой уникальный случай вывести всю компанию заговорщиков на чистую воду и умудриться столь бездарно его прошляпить — это было нечто.

— Но они же тебя выследили, — заметила принцесса. — Выследили и заперли здесь как в капкане.

— Да, и при этом даже не поняли что на самом деле произошло, — хихикала Сирелина. — Бэйл, когда мы сбежали из твоего дома и пришли сюда, ты ведь оставил свой меч в Аберидже?

— Угу, — кивнул гладиатор. — Я решил им больше не рисковать. Один раз у меня его уже забирали.

Теперь для чародейки окончательно стало все понятно, о чем она незамедлительно и сообщила остальным. Дегонис действительно наложил метку на меч гладиатора, но сам ей воспользоваться не успел, отбыв с похищенной Илианой. Бэйл, сновавший с принцессой через подземный ход, оставался вне поля зрения не только шпиков Имперской стражи, но и Манипуляторов. Так оставалось до тех пор, пока ненадолго вернувшийся Дегонис не развел бурную деятельность. Он сразу догадался кто мог бы стоять за исчезновением одного из его людей, а посему немедленно привел в действие доступные ему силы и средства. Вооружив Имперских Манипуляторов копией карты, отслеживавшей метку на мече Бэйла, он же заодно и наводнил город патрулями с Компасами. И уже в тот же день метку засекли в тайном доме гладиатора. Ничего удивительного в этом не было — дом находился не слишком далеко от дворца, и начавшие с ближайших кварталов Манипуляторы наткнулись на него довольно быстро. Эта же быстрота, впрочем, сыграла и против них, не успевших выработать план действий. Пока они соображали что предпринять, выставив соглядатаев, Бэйл успел заметить слежку и сбежать вместе с двумя "потенциальными чародейками", за одну из которых приняли неузнанную Талару. Манипуляторы отслеживали именно метку, а не самого Бэйла, поэтому для них так и остались неизвестными его переме-

щения между Абериджем и дворцом через потайной ход, равно как и многие другие. Вероятно, метку заметили где-то в районе Абериджа, что и вызвало к нему повышенный интерес со стороны патрулей Имперской стражи. Колдовство, примененное кем-то из Манипуляторов в первую кошачью тревогу, тогда могло носить случайный характер. Сирелина, увы, в него попалась, нашаманив про запас столько защитных чар, что колдуны сумели их засечь. Сообразив, что в Абериджe нечисто, они начали шнырять вокруг. Тогда, возможно, им вновь встретилась перемещавшаяся внутри метка, после чего за развалинами установили наблюдение и подослали разведчика с ключами. Тот уже безошибочно определил присутствие меча Бэйла и наткнулся на зачарованный Сирелиной замок, причем зачарованный практически в последний момент. Создав препятствие, чародейка невольно выдала себя окончательно, и разведчик удалился, имея на руках неоспоримые доказательства. Дальше — дело техники. К ночи патрули Имперской стражи оцепили Аберидж, а к утру стянули заблаговременно приведенную в полную боеготовность дворцовую гвардию. Почему именно дворцовую? Потому что только она тесно взаимодействовала с колдунами помимо образованной позже Имперской стражи, причем взаимодействовала изначально. Наблюдая за единственными воротами в Аберидж, Манипуляторы понятия не имели про потайной ход, и скрытные передвижения гостей и обитателей развалин оказались незамеченными. К большому для означенных лиц, между прочим, счастью, потому что ротозеи Дегониса так и не узнали ни маршрутов перемещения заговорщиков, ни, собственно, даже их личностей. Именно это и веселило Сирелину. К Бэйлу, впрочем, у Манипуляторов рано или поздно вопросы все равно возникнут, когда они сопоставят показания соглядатаев, дворцовой стражи и собственные наблюдения. Но он к тому времени будет уже далеко, а причастность Талары с ее подземным ходом, равно как и всех остальных, останется неизвестной. Нераскрытое инкогнито принцессы Сирелину радовало особенно. Девушка и так пошла на огромный риск, прорвавшись через оцепление, и было бы ужасно, если бы ей досталось за дружбу с врагами государства. В том числе стрелой в спину или каким-нибудь колдовством. Последнее не достало ее ввиду значительности расстояния и очевидной уверенности Манипуляторов что девушка все равно никуда не денется.

— Кстати об этом, — хмуро заметила Талара. — Не пора ли кое-что прояснить?

— Пора, — вздохнула чародейка. — Времени, чую, у нас предостаточно.

Разговор вышел довольно долгий. Сирелина рассказала прин-

цессе все как есть, начиная от знакомства с совсем еще маленькой Илианой в оазисе и заканчивая текущим моментом. В общих чертах она поведала про орден чародеек и их роль в существующем мире, увязала свои собственные похождения с мнением Совета и вкратце пересказала как устроена жизнь в обители. Никаких стратегических тайн Сирелина не выдавала, исключая лишь собственные, касавшиеся Илианы и периодического пребывания в Солтенстиле. Слова чародейки время от времени подтверждали то Бэйл, чья подлинная история тоже была раскрыта, то Илиана. С последней принцесса сидела рядом, как бы давая понять ради кого она все-таки вернулась.

— Итак, теперь ты можешь судить сама, — подытожила Сирелина. — Если желание спасти из плена своих друзей и близких — преступление, то я, безусловно, виновна. Я пыталась освободить ан-Нуадона, проникла во дворец в надежде вызволить Илю и ее родных, мечтала забрать их всех подальше от Солтенстила, попутно собрав как можно больше сведений о темных колдунах. Увы, ни в чем я особо не преуспела. Враг ли я твоему государству? Кому я точно враг, непримиримый и смертельный, то таким как Дегонис. А таких как я они ненавидят и боятся, зная, что нам по силам их остановить. До недавних пор я действительно была не в ладах с твоим отцом, чего уж греха таить, но теперь начинаю понимать что не на того человека растрачивала силы и энергию. Точно так же, как он сейчас бросает легионы на север и явно нацеливается на чародеек, хотя ему следовало бы лучше присмотреться к тем, кто стоит у него за спиной.

Сразу Талара ничего не сказала. Поднявшись, она ушла в одну из боковых комнат и пробыла там больше часа, размышляя в полном одиночестве. Ее никто не беспокоил. Теперь, когда карты были выложены на стол, включая колдовской дар некоторых ребят, оставалось лишь решить какую с ними игру повести. Сирелина, признаться, пережила несколько скверных минут. Талара, безусловно, сделала очень великодушный жест, предупредив о грядущей атаке. На этом, однако, она могла и остановиться, посчитав что долг дружбы уплачен. Чародейку не веселил даже вид Бэйла, завернутого в покрывало, напоминавшее тогу древних жителей жарких приморских городов. Переодеться гладиатору было решительно не во что, и он вовсю косил глазом на лежавшие подле стеклянного шкафа доспехи.

Принцесса появилась когда компания ребят решала с Сирелиной вопросы пищи и воды. Плюс людям требовались какие-никакие удобства. Вопрос продолжительности пребывания в подземелье вставал более чем остро. Судя по ощущениям Илианы,

снаружи не утихала суета и покидать Аберидж солдаты с колдунами явно не торопились. Сколько еще времени они в нем пробудут — кто ж его знает. Сейчас они не теряют надежду отыскать спрятавшуюся добычу, а потом еще долго не смогут смириться с ее отсутствием. Притаившиеся беглецы почти наверняка застряли в своем убежище на несколько дней. Если с удобствами было еще туда-сюда, поскольку хозяин таинственного кабинета об этом побеспокоился и среди боковых комнат имелась подходящая каморка, то провиант оставлял желать лучшего. У Сирелины нашелся небольшой запас еды на случай ночных бдений и пара бутылок напитка с фруктовым соком. Маловато, мягко говоря, на двенадцать-то человек. С вечера, правда, после ухода Талары, она также успела принести еще две бутылки с водой и корзинку с мелкой снедью, с согласия Фаризы позаимствовав их на кухне у ребят. Вот только и это погоды особо не делало.

— Я могла бы и сама догадаться, что ты чародейка, — как-то неопределенно сказала принцесса, подходя к оживленно беседовавшей компании. — Уж больно хорошо ты разбиралась в очень необычных вещах. С тех пор как Бэйл проговорился мне про почтовую станцию, я подозревала, что ты с ними довольно тесно общаешься, но не затрагивала эту тему, чтобы не создавать между нами излишних сложностей. Мне не привыкать, учитывая непростую историю Илианы. Но все-таки я не ожидала увидеть тебя во всей красе в и без того критический момент. Кстати, ты можешь принять любой облик?

— Не совсем, — ответила Сирелина, пока не понимая к чему ведет принцесса. — Я не в состоянии прикинуться тобой, твоим отцом, Бэйлом и прочее в том же духе. Я могу изменить свою внешность, но не преобразовать ее в другого человека. Разумеется, при этом я могу оказаться похожа на какую-то совершенно постороннюю женщину, но это будет чистая случайность.

Поскольку у Талара тут же появились дополнительные вопросы, чародейке пришлось расставить все точки над i. Она не в силах принять облик мужчины, ребенка, животного или растения. Ей доступны лишь женские облики, примерно подходящие по комплекции, и это ограничение распространялось на всех чародеек. Продолжительность, устойчивость и вариативность заклинания напрямую зависела от уровня колдовских способностей. Прежде, к примеру, Сирелина ни за что не смогла бы находиться в присутствии Талары настолько долго и ни разу себя не выдать.

— Постой! — вдруг озабоченно воскликнула принцесса. — А Дегонис? А его колдуны?! Почему ты не говорила, что они могут изменять внешность?!

— Не говорила, потому что не могут, — усмехнулась Сирелина. — Эти чары доступны только женщинам.
Не то Талару эти слова успокоили, не то просто пришлись по душе, но она как-то даже повеселела.
— А Иля так может? — спросила она, метнув взгляд на что-то читавшую в сторонке подругу.
— Нет. Илиана не чародейка и не ведьма — в этом я абсолютно точно уверена. Так же как и в том, что я понятия не имею какую природу имеют ее ошеломительные способности, — задумчиво произнесла Сирелина, окинув воспитанницу оценивающим взором. — Возможно, старшие сестры моей обители смогут прояснить ее феномен. Однако до сих пор вообще все что с ней связано является для меня неразрешимой загадкой. Ты на нее глянь — ей уже по виду минимум года двадцать два, а ведь всего несколько лет назад я видела ее семилетним ребенком!
— Она что, быстрее стареет? — с заметным беспокойством спросила Талара.
— Трудно сказать, хотя этот вывод напрашивается, — отозвалась Сирелина. — Полагаю, это как-то связано с ее даром. Вообще с самой загадкой ее происхождения. Исходя из ее поразительных способностей к обучению — а Иля постигает сложнейшие вещи в кратчайшие сроки, — рискну предположить, что она не быстрее стареет, а быстрее развивается. Это не одно и то же. Еще в Нирелине я заметила, что девочка прямо-таки глотает информацию, а теперь так и вовсе… Видишь что она читает? Это мой походный справочник по… А, не важно, все равно не поймешь! Так вот, его не каждая послушница осилит, а Илиана сидит себе и листает как ни в чем не бывало.
— А если я заявлю, что между нами все кончено и отныне мы по разные стороны, вы меня прикончите? — осведомилась вдруг принцесса. — Я ведь стану для вас очень опасной свидетельницей.
Вопрос застал чародейку врасплох. Она ожидала чего-нибудь в таком роде, но Талара ловко увела разговор в сторону, а потом вдруг бухнула прямо в лоб. Интересно, случайно, или намеренно?
— Нет, — наконец сказала Сирелина, чувствуя на себе испытующий взор девушки. — Зла тебе никто здесь не желает. Ты можешь уйти навсегда, и мы не будем тебя преследовать. Но от лица Или и от самой себя скажу тебе честно, что мы надеялись совсем на другой исход.
— А на какой вы надеялись? На то, что я предам своего отца? — прищурилась принцесса.
— Нет, — снова качнула головой чародейка. — Но у нас есть общий враг и общие друзья. Это чего-то да стоит.

— Почему Илиана мне ничего не сказала? Мы обещали не держать друг от друга секретов. Я ей верила, — с нотками обиды насупилась Талара.
— Это был не ее секрет. Все что касалось ее самой ты услышала вчера — она ничего от тебя не утаила, как не утаивала и раньше. Но разве ты сама так уж всем с ней делилась? Насколько мне известно, про свою мать ты ей уж точно не рассказывала, — аккуратно напомнила Сирелина.

Когда они закончили и принцесса ушла к своей подруге, чародейка осознала, что самую важную партию она все-таки выиграла. Не для себя — для всех. Талара четко дала понять, что не пойдет против отца, но это все-таки не касалось кое-кого из его окружения. Если Дегонис и его компания задумали что-то худое, то Талара поможет вывести их на чистую воду, а уж содеянное с Илианой она в любом случае не простит им никогда. Иными словами, Сирелине внушили, что если она вздумает спалить гвардейские казармы в Солтенстиле, то на дружбу Талары она не сможет более не рассчитывать. При этом буде чародейка задумает провернуть такое с гнездом колдунов, принцесса поможет ей, чем сможет. На этом пока было все. Остальное напрямую зависело от дальнейших шагов самой Сирелины, и та сейчас решила не перегибать палку и не требовать от принцессы большего. Всему свое время. Главное, что Талара не порвала с друзьями, а остальное приложится. Для начала следует выбраться из Абериджа, а уж там и видно будет. Насчет выбраться, кстати, вопрос более чем актуальный, к которому и вернулась Фариза со своими подопечными, тактично отходившими в сторонку пока принцесса объяснялась с чародейкой.

Беспокойство юных спутников Сирелина вполне понимала. Она заявила, что волноваться ребятам не о чем. У нее есть план, поэтому пусть они пока заканчивают размещаться в одной из комнат — дольше нынешнего дня пробыть в не слишком подходящем для жизни помещении не придется. Больше она ничего не сказала, но пообещала что вскоре все наладится. Обещание, разумеется, следовало выполнять, поэтому Сирелина, пошептавшись с Бэйлом, отправилась прямиком к ворковавшим девушкам.

Илиана и Талара вполне мирно беседовали, устроившись в облюбованной чародейкой комнате. С первого взгляда стало понятно, что подруги обошлись без бурного выяснения отношений и пощадили чувства друг друга. Талара, расставив уши, слушала доселе неизвестные ей сведения про чародейку и ее обитель. Илиана, в свою очередь, расспрашивала принцессу о Фольконе.
— Жаль вас прерывать, дорогие, но обстоятельства требуют, — со-

лидно заявила Сирелина.
Подруги умолкли, вопросительно уставившись на вошедшую женщину, за которой плелся условно одетый гладиатор. Из своего покрывала он соорудил вполне сносное пончо, перетянув его импровизированным поясом, а из обрезков, плюс пожертвованные и найденные тряпки, умудрился сварганить подштанники на случай возможного конфуза. Видок у него был, конечно, так себе, но чародейка, поколдовав, помогла соединить части тканей, приведя их в порядок, и денек-другой сомнительная одежда Бэйла ему послужит.
— Талара, помнится, ты мечтала вернуться в самую нижнюю часть Абериджа? Что ж, время настало, — торжественно объявила чародейка.
У принцессы всю ее натянутость как рукой сняло. Проснувшаяся жажда приключений немедленно вытеснила из души еще остававшиеся там не самые приятные чувства, вернув девушку в привычное состояние деятельной сорвиголовы.
— Да ну?! — чуть ли не облизнулась она. — А как же те жуткие твари? Их там больше нет?
— Есть, — усмехнулась Сирелина. — Но и я теперь не простая чародейка, а служительница Гексенхаммера!
Сказав так, она сбросила маскировку с невзрачного на вид шишковатого посоха, прислоненного в уголке. Повинуясь движению ее руки, оружие прилетело Сирелине прямо в ладонь, представ во всей своей красе белоснежного дерева с кристаллом на конце. Насчет служительницы чародейка, разумеется, несколько приукрасила, но сути дела это не меняло. Сложись обстоятельства по-другому — и при желании ее бы уже зачислили стажером.
— А это кто такие? — жадно спросила Талара.
— Те, кого больше всего боятся и ненавидят типы вроде Дегониса, и те, кому вполне по силам разогнать Девастаторов, — не без некоторой гордости улыбнулась Сирелина.
Здесь эффектное выступление оказалось подпорчено необходимостью растолковать принцессе суть Гексенхаммера и какая здесь связь с обитавшими внизу тварями. Глаза Талары прямо-таки загорелись, когда та усвоила что к чему и чем все четверо сейчас займутся, как только освободят подъемник от принесенной из соседних комнат мебели.

Сирелина не была совсем уж ротозейкой, каковой могла показаться на первый взгляд. Про убежище в подземельях Абериджа она подумала заранее, равно как и про его самую глубокую часть. Ей бы, конечно, накануне стоило перетащить побольше припасов в комнаты у подъемника, но она не рассчитывала на столь мас-

штабный штурм. К тому же у чародейки все равно имелся запасной план, и прямо сейчас она собиралась претворить его в жизнь. Очутившись в Абериджe, она и так подумывала нанести визит Девастаторам, решая когда бы это лучше всего сделать. Теперь же момент настал сам собой. Как бы там ни обернулось дело дальше, в колдовских садах вся компания может продержаться очень долго, избавленная от необходимости выходить на поверхность. Еды и воды там окажется вполне достаточно, а судя по рассказам Илианы дальнейшие комнаты уже изначально были приспособлены под пребывание там группы людей, пусть даже спальное место было только одно. Ничего, это дело поправимое. Мешали лишь жуткие твари, впечатлившие до состояния паники даже Манипулятора, но теперь, в отличие от того же колдуна, у Сирелины было чем с ними сладить.

Ребят оставили в боковой комнате, и те заворожено наблюдали, как центральное помещение уходит куда-то вниз, унося чародейку, гладиатора и Илиану с Таларой. Бэйл, кстати, настаивал, чтобы обе девушки тоже остались наверху, но Сирелина заявила, что в этом нет ни малейшего смысла. Принцесса, так же как и Бэйл вооруженная уже проверенным в деле чудесным мечом из Абериджа, способна оказать существенную поддержку, учитывая ее бойцовские качества. Илиана вполне может орудовать факелами из призрачного барьера, а заодно проверит свои новые способности. Вот ребят же лучше опасности действительно не подвергать, а заодно и избавить их от жуткого зрелища. Причем молодых заклинателей стихий — тоже. Их растущие силы безусловно вызывают известный интерес, но способность этими силами управлять пока, мягко говоря, оставляет желать лучшего. Внизу сейчас будет все по-взрослому, и Сирелина предпочтет обойтись без эксцессов, вызванных неумелым колдовством спутников. Ворчавшему Бэйлу в очередной раз пришлось смириться с решением своей подруги. Та же просто не посвятила его в очевидную истину. Либо она сейчас сама успешно управится с Девастаторами, либо дело дрянь. В последнем случае, следуя отданному на ухо указанию чародейки, Илиана вернет всех наверх, а принцесса попробует вывести всю компанию наружу. Без чародейки у нее неизмеримо больше шансов своей властью оградить друзей от беды. Но до этого, как надеялась чародейка, не дойдет. Она верила в свои силы, и верила не без оснований, особенно после испытания на болотах Жозефины и кирионского дарегона. Девушек же она прихватила для очередного сплочения столь необычного союза. Сирелина, действительно хорошо относясь к ханской дочери, не могла удержаться и от откровенной расчетливости. Талара, увидев воочию что собой

представляет чародейка Гексенхаммера, да еще приняв в ее колдовстве самое непосредственное участие, станет куда лояльнее относиться к чародейкам вообще. Илиана же, как совершенно новый и непознанный океан возможностей, не должна упускать такой случай проверить себя на практике.

Девастаторы, как и ожидалось, никуда не делись, однако на сей раз их поведение заметно изменилось. Они уже не теснились прямо у входа, стоило Сирелине открыть украшенную серебром черную дверь. Чудовища шныряли поодаль, ненадолго останавливаясь на месте, будто оценивая стоит ли приближаться, а затем вновь приходили в движение. Это что-то да означало.

— Я чувствую их пустоту, — неожиданно сказала Илиана. — Кто бы ни назвал их Опустошенными — это очень точное наименование. Но сейчас они... нет, не боятся — это чувство утрачено ими как и прочие. Скорее, сторонятся. Действие заменило им эмоцию. Они сторонятся тебя, ощущая исходящую силу света, и почему-то избегают меня, хотя я не могу управлять этими несчастными, поскольку они давно уже забыли что такое быть живыми. Но некогда Опустошенные были людьми, и они все еще не умерли до конца. Вероятно, именно поэтому я их чувствую.

Сирелина, внимательно выслушав девушку, отметила для себя два наиболее важных слова. Риторика и поведение Илианы вообще претерпели существенные изменения с момента ее возвращения из пустыни, и сейчас чародейка особо выделила "несчастные" и "управлять". Первое показывало само отношение воспитанницы к сути вещей. Несчастные. Не отвратительные, не ужасные, не твари и не чудовища, а именно Несчастные. Второе свидетельствовало о ее собственных возможностях. И о них обязательно стоит потактичнее Илиану расспросить. Позже, разумеется, когда для этого подвернется подходящее время.

Призрачный барьер пересекли все вместе. Сирелина с посохом наготове шла первой. За ней, ярдах в полутора, вооруженные древними мечами Талара и Бэйл. Примерно на таком же расстоянии от них замыкала процессию Илиана. В каждой руке у нее было по изготовленному в барьере факелу. Тончайший светящийся слой она нанесла на две ножки от старого развалившегося стула. Свои клинки гладиатор с принцессой обрабатывать не стали — не было необходимости. Они и так отлично управлялись с Девастаторами, а света более чем достаточно дала Сирелина, заранее выпустившая две белые сферы. Хватило бы и одной, но после истории с Жозефиной чародейка предпочитала подстраховываться. Колдовские сады, мерцавшие и переливавшиеся красивыми загадочными огнями, осветились достаточно ярко, чтобы не пропус-

тить притаившееся в сумерках чудовище. Слишком же с освещением Сирелина не усердствовала. В отличие от обыкновенных земных, многим здешним растениям и грибам избыток света был вреден и даже способен погубить наиболее чувствительные экземпляры. Девастаторы также считали, что от подобных экспериментов лучше воздержаться. Сферы чародейки пришлись им явно не по душе. Свет был их врагом, но и добыча манила к себе теплом бурлившей в жилах крови и умопомрачительным запахом жизни. Чудовища некоторое время колебались, нерешительно поскрипывая и издавая негромкий, против обыкновения, клекот. Сирелина в своей новой ипостаси заставляла их сильно колебаться. Менее понятные, но несравнимо более мощные волны незримого излучения улавливали они и от Илианы. Внешне девушка с факелами вообще не представляла особой угрозы, но Девастаторы, кружа неподалеку, никак не решались напасть. Чародейка, напряженная как струна, уже начинала честить врагов на все корки, боясь, что придется гоняться за ними по всему подземелью, когда твари все-таки решились. Сразу шестеро, как по команде, ринулись из-за кустов и деревьев, выставив хищно шевелившиеся щупальца. Тела, будто сотканные из черной расплывчатой ваты, живые цели влекли не хуже маяка.

Бэйл уж решил что Сирелина оплошала, потому что Девастаторы подлетели к отряду совсем близко. Крикнуть он, однако, ничего не успел. С раскатистым заклинанием чародейка гулко ударила посохом в кирпичи дорожки. Ринувшаяся в стороны слепящая сфера мгновенно испепелила практически добравшихся до цели чудовищ. Остальные, оказавшиеся на значительно большем расстоянии, уцелели, но прикосновение разбежавшегося по колдовским садам света вызвало у них целую бурю малоприятных звуков. Дымящие конечности и отваливавшиеся когти — эта участь постигла очутившихся ближе к эпицентру выстрела.

Сирелина рассчитала правильно. Сотканные из тьмы тела Опустошенных успешно разрушались светом, но его поток должен быть достаточно мощным, чтобы уничтожить их на месте. Ошибка грозила серьезно потрепать противника, но не добить до конца, а даже поврежденный Девастатор все равно оставался крайне опасен. Эпицентр созданного чародейкой светоносного взрыва стал для них смертелен. В известном, конечно, смысле, если припомнить что таким образом Опустошающих можно было лишь временно изгнать обратно во мрак. Итак, расчет Сирелины оправдался. Тварей — нет. То ли они имели представление об особенностях своего противника, то ли просто мыслили по-своему, но, несмотря на гибель авангарда, к людям, яростно скрипя и щелкая, устреми-

лось еще пятеро Девастаторов. Сирелина не столь давно испугала даже видавшую виды Жозефину, умудрившись трижды выстрелить посохом без перерыва. Вот и теперь она не оставила тварям ни малейшего шанса. Вторая волна света накрыла их своей неумолимой жгучей силой, исторгнутой белоснежным деревом посоха, заходящегося от льющейся в него энергии чародейки. Пять потрясавших щупальцами врагов обратились в пепел, развеявшийся без следа не успев коснуться пола. Тьма не оставляла каких-либо останков — сраженная светом, она исчезала бесследно. Лишь когти пострадавших в следующем эшелоне Девастаторов существовали несколько дольше, постепенно распадаясь на части, да и то потому, что накрывшая их волна утратила часть исходной мощности.

Избежавших двух испепеляющих атак чудовищ все-таки пришлось добивать по одному. Вряд ли они испытывали страх, особенно учитывая недавнюю реплику Илианы, но и на рожон тоже не лезли. Разлетевшиеся по колдовским садам и удравшие в дальние помещения Девастаторы представляли известную проблему. Даже один, оставшийся незамеченным, будет смертельной угрозой для любого человека и особенно для детей. Сирелина подсчитывала в уме, сколько она успела сокрушить, и сколько еще уцелело, исходя из начального количества. Точность результата, к сожалению, оставляла желать лучшего. Девастаторы постоянно мельтешили, не давая уверенно определить свое количество, и не было гарантии что все они сразу были здесь, а часть не шныряла где-то в другом месте. На данный момент одиннадцать Опустошенных отправились обратно в кромешный мрак — восстанавливать бесплотные тела. Существующие оковы не позволяли им вот так запросто кануть в небытие, но времени у чародейки, отлично знавшей с кем имеет дело, оставалось более чем достаточно.

Принцесса определенно искала себе на одно место приключений. Несомненно впечатленная потрясающими возможностями чародейки, один за другим сносившей чудовищ могучими столбами света, она нашла занятие и для себя. Группа передвигалась достаточно сплоченно, но когда Сирелина, выследив притаившегося за толстым древесным стволом врага, изгнала его из укрытия и угостила выстрелом, Талара ринулась на другого. Он схоронился в кустах на противоположной стороне дорожки и его выдало лишь сниженное мерцание каймы чудесных листьев. В центре кустарник казался как будто более тусклым, и принцесса сообразила в чем тут могло быть дело. Вот только вместо того чтобы известить чародейку она решила действовать самостоятельно. Никто и моргнуть не успел, как девушка одним прыжком очутилась возле

означенного куста и всадила в него меч, запустив руку в листву по локоть. Заверещавший Девастатор, несмотря на определенно тяжелое ранение, ринулся на Талару. Та, предусмотрительно отступив, рубанула выскочившего из зарослей врага наискось. Поверженное чудовище рухнуло к ее ногам, теряя конечности и расплываясь бесформенной грудой, но торжествующая принцесса едва и сама не стала жертвой еще одной твари. Она прыгнула на нее из кроны ближайшего дерева и быть бы беде, если бы среагировавшая Илиана не успела толкнуть зазевавшуюся подругу. Талара кубарем полетела в куст, а воспитанница чародейки очутилась прямо перед атаковавшим Девастатором. Тому оставалось лишь ударить щупальцами, но он вдруг изменил курс, будто всеми силами старался избежать столкновения с подвернувшейся девушкой. Лишь один из когтей царапнул ее по тыльной стороне запястья, оставив на нем борозду и выбив самодельный факел. Илиана вскрикнула. Из глубокого пореза немедленно выступила кровь. Девастатор же и вовсе взвыл таким дурным голосом, какого ни от кого из них слышать еще не приходилось. Поцарапавшая девушку конечность пошла рубцами. Если бы у чудовища были вены, то визуальный эффект можно было сравнить с неожиданно полившейся по ним кислотой. Конечность покрылась множественными жилками, разрушающими теневую субстанцию. Она густела, утрачивая привычную форму, и рассыпалась как пережженный уголь. Подскочившему Бэйлу даже не пришлось отгонять Девастатора от девушек — он и сам уже улепетывал, продолжая завывать. Столб света чародейки настиг его у ближайшего перекрестка, когда тварь уже надеялась скрыться за стеной из густых лиан.

— Талара! Если тебя не сожрут чудовища, это сделаю я! — рявкнул Бэйл, не слишком-то вежливо вытаскивая ее помятое высочество из кустов.

— Ну своего-то я прибила, — оправдывалась смущенная девушка.

— Второго прозевала, моя вина.

— Дай посмотреть! — озабоченно воскликнула Сирелина, хватая воспитанницу за пострадавшую руку.

Та каким-то странным взглядом смотрела на порезанное запястье.

— Силы небесные… — ошеломленно произнесла чародейка, изменившись в лице.

Глубокая рана затягивалась прямо на глазах. Кровь уже не текла — она всасывалась обратно, причем ее упавшие на землю капли быстро поднимались вверх, возвращаясь туда, откуда вытекли. Порез исчезал, не оставляя даже шрама.

— Ох ты ж!.. — прибавила на колдовском наречии Сирелина что-то явно не слишком цензурное, отчего у нее традиционно заискри-

ли пальцы.
Нечто похожее, но уже на общем языке, изрекли и Бэйл с Таларой, вытаращенными глазами уставившись на руку Илианы. Не прошло и минуты — и вот она уже выглядела так, будто только что и не пострадала от бритвенно острого когтя чудовища.
— Что это было? — ошарашено произнес гладиатор.
Илиана медленно поворачивала руку то так, до этак, всматриваясь в совершенно здоровую конечность все с тем же странным выражением.
— Тали, дай, пожалуйста, свой меч, — сказала она негромко.
Принцесса машинально протянула ей клинок, не в силах отвести глаза от руки подруги. Бросив второй факел и взяв оружие, та вдруг провела острием по открытой ладони. Чертовски острый клинок немедленно вспорол кожу. Обильно хлынула кровь.
— Ты что творишь?! Совсем спятила?! — вскрикнул Бэйл.
Не отвечая, Илиана молча смотрела, как кровь стекала на землю, орошая траву и лепестки источавших чарующий аромат цветов. Долго ей это делать не пришлось. Кровотечение остановилось. Вторая рана, точно так же как и первая, самым необъяснимым образом стала стремительно затягиваться, а все что вытекло из пореза возвращалось обратно, в том числе поднимаясь с земли вихрящимися каплями и струйками. Спустя какой-то фантастически короткий промежуток времени ладонь обрела свой прежний нормальный вид.
— Как такое вообще возможно? — ахнула Талара. — Эй, тетя Лина, ты у нас специалист! Ну-ка объясни! — тронула она за локоть чародейку.
Тетя Лина была вообще без понятия, о чем и сообщила дрогнувшим голосом. Даже после всего уже услышанного и увиденного она пребывала сейчас в еще большей растерянности, чем когда-либо.
— Только руку себе не руби, ладно? — негромко сказал Бэйл, осторожно забирая у Илианы меч и возвращая его владелице.
Если бы оставшиеся Девастаторы в данный момент вздумали напасть, они бы без труда полакомились как минимум частью маленького отряда. Впрочем, чудовища разбежались кто куда и об атаке больше не помышляли.
— Это даже не моментальная регенерация, это нечто большее, — констатировала насилу пришедшая в себя Сирелина. — Это какое-то… абсолютное восстановление! Кровь возвращается обратно в тело, а оно принимает прежнюю форму. Моему рассказу не поверят даже в Совете чародеек!
— Да они меня на порог не пустят, с моими-то фокусами, — пом-

рачнела Илиана.
— Скорее наоборот — выставят круглосуточную охрану в три ряда, объявят величайшей ценностью ордена и напишут целую библиотеку научных трактатов, — проникновенно сообщила Сирелина, причем окружающие заподозрили что она не очень-то и шутит.

Кое-как все четверо вернулись в прерванному занятию. Теперь стало уже совершенно ясно, что если чародейки Девастаторы действительно сторонились, то от Илианы шарахались как от колдовского огня. Недавняя сцена позволила сделать очевидные выводы: нападение на девушку приравнивалось для них к самоубийству. Сирелина, продолжая постреливать белоснежным посохом, вовсю соображала что здесь к чему. Ее светловолосая голова вообще всегда была чем-нибудь занята, а уж последнее время пищи для размышлений было хоть отбавляй. Чародейке вспомнилась история с отравлением. А ну как и тогда Илиану на самом деле накачали ядом дальше некуда, а выжила она благодаря своей феноменальной крови? Она попросту уничтожила губительное вещество так же, как сейчас обожгла Девастатора. Возможно, возможно. Хотя даже если так, то какова первопричина? Что это вообще за необъяснимое явление? Одно восстановление тканей чего стоит! С чем, с кем они вообще имеют дело? Последним вопросом Сирелина задавалась, украдкой поглядывая на ту, кого она действительно имела право считать своей воспитанницей, хоть в основном и находилась далеко от нее. Помимо деда, Илиана росла и училась на наставлениях чародейки, впитывала все что та говорила и следовала ее советам. И этому стоило всерьез порадоваться, потому что одно небо ведает как обернулось бы дело, попади такой ребенок в лапы какой-нибудь ведьмы или того же Дегониса. Впрочем, Илиана и побывала у него в плену, да вот только колдун, видимо, и сам не понял кого поймал. Кстати, а что он все-таки искал в тех развалинах? Возможно ли, что как раз и нашел? Освободил некую силу, которую рассчитывал обрести сам, либо наоборот — хотел не допустить ее появления. Причем додумался до этого явно не самостоятельно. Дегониса направляет тот, кто говорил с Илианой через Око. Глаз демона — так назывался сей инструмент, создаваемый наиболее могущественными демонологами. Сведения о Липком огне колдуну, вероятно, сообщил тот же источник. Да, но Илиана… Почти вне всяких сомнений она имеет к тем развалинам какое-то отношение. Знать бы какое. И что это вообще за развалины? Не у Дегониса же спрашивать, в самом деле!

Талара тоже была озабочена множеством мыслей, но они сводились у нее совсем к другому. Размышляла она вслух и заставляла

Илиану краснеть от смущения.
— Интересно, а палец обратно прирастет? — любопытствовала принцесса. — А если он, допустим, сгорит, то новый вырастет? А если ты упадешь с большой высоты, что будет тогда?
— Слушай, Талара, я ведь не просто так забрал у Илианы меч! — не выдержал гладиатор. — Ты ей сейчас насоветуешь! Честное слово, что бы там ни говорила Сирелина, а по моему разумению некоторым хорошая затрещина иной раз точно пойдет на пользу!
— Ладно-ладно, умолкаю, — соглашалась Талара, но буквально через несколько минут принималась за старое.

О чем думала Илиана — передать было вообще невозможно. Несметное количество наслаивавшихся друг на друга образов, ведомых и неведомых, переплеталось с мыслями на никому не известном языке, поставившим бы в тупик даже чародейку. Илиане стало немного полегче. Никто из спутников даже сейчас так и не выказал ей ни страха, ни отвращения, и она наконец-то начинала чувствовать себя спокойнее. В известном смысле, потому что собственные возможности — а девушка чувствовала, как они продолжают расти, — приводили ее в известное замешательство из-за боязни перед будущим.

Сирелина не могла воздвигнуть столь же непреодолимую для Девастаторов преграду, как призрачный барьер в нижней части подъемника. Во всяком случае, продолжительную. Соорудить временное препятствие ей было вполне по силам. Перегородив энергетической стеной выход из колдовских садов, она оставила на страже Бэйла и Илиану, а сама, прихватив Талару, отправилась еще раз как следует прочесать все заросли. И стратегический и психологический расчет: обе пары имели сильнейшую основу и каждая выполняла свою социальную задачу. Илиана сейчас побудет немного в покое. Гладиатор по природе не слишком любопытен касательно колдовских штучек и к девушке с расспросами приставать не будет, даже несмотря на то, что сам был впечатлен до крайности. Опекун из него, что и говори, хороший. Надежный, заботливый, и никаких докучливых разговоров. Что же касалось принцессы, то чародейка постепенно приучала ее к своему обществу. Талара, обожавшая приключения и не без удовольствия наблюдавшая колдовство, привыкала быстро и вполне охотно. Шагая рядом с Сирелиной, она, казалось, уже забыла о недавнем потрясении и болтала с ней как и прежде. Даже лучше, потому что теперь и интересных вопросов и сногсшибательных ответов на них прибавилось сразу на порядок. Определенно молодой ум достаточно гибок, чтобы принять нечто совершенно новое, впустить это новое в свою жизнь и овладеть раздвинувшимися горизонта-

ми. Шла бы речь о взрослой женщине со сформировавшимися взглядами и накопившимися стереотипами, и Сирелина, возможно, уже никогда не смогла бы пробиться сквозь закоснелый барьер утратившего эластичность восприятия.

Когда колдовские сады были хорошенько проверены, вся четверка воссоединилась у энергетической стены. Поглядывая на оживленно болтавшую Талару, изнывавшую от желания подержать белоснежный посох, Сирелине вдруг снова подумалось какой переполох поднялся бы среди сестер, вздумай она помимо Илианы притащить заодно и принцессу. Увы, нельзя, какой бы ни соблазнительной казалась эта мысль. Хан обвинит чародеек в похищении дочери и бросит на обитель все свои легионы, невзирая ни на какие потери, даже если до сих пор этого не планировал.

Благодаря созданным энергетическим барьерам оставшаяся часть таинственного подземелья была проверена и очищена от уцелевших Девастаторов очень быстро. Сирелина лично сунула нос в каждый уголок, заодно оценивая открывавшиеся ее взору помещения. Да, определенно они внушали ей известный интерес. Кто бы здесь некогда ни обитал, он имел самое прямое отношение к колдовству и алхимии, и, судя по всему, был очень выдающимся мастером своего дела. Даже жилое помещение вызвало у чародейки ряд вопросов своим обустройством, но увиденная лаборатория всколыхнула откровенную жажду исследований. Часть уцелевшего там оборудования была Сирелине так или иначе знакома, но часть она видела впервые и даже не догадывалась для чего оно предназначалось. Особенно сильный научный интерес проснулся в чародейке когда она обнаружила, что книги и свитки библиотеки находятся в куда лучшем состоянии, чем наверху. Впрочем, на данный момент исследования требовалось отложить и слишком долго задерживаться на одном месте пока не приходилось. Прищучив еще парочку спрятавшихся Девастаторов, Сирелина сообщила, что все комнаты, примыкавшие к вытянутому помещению с длинным столом по центру, очищены. Теперь, следуя воспоминаниям некогда побывавшей здесь троицы, впереди оставалась последняя дверь, железная, за которой находился зал с постаментами, арками тьмы и загадочной сферой. Со времени стремительного побега от чудовищ она оставалась открытой, так что к связке с колдовскими ключами прибегать не пришлось.

Некоторым Девастаторам хватило ума удрать обратно во тьму, воспользовавшись для этого арочными проходами. Они до последнего не хотели этого делать, но завидя вступивших в зал людей порскнули в бесконечный мрак. Сирелина, недолго думая, на всякий случай и с этой стороны двери соорудила энергетиче-

скую стену.
— Мне не перекрыть все врата. Сил не хватит, — напряженно сказала она, указывая пальцем на десятки видневшихся слева и справа арок. — Возможно, кто-то именно на это и рассчитывал.
— А сколько уцелело Опустошенных? — спросила Талара.
— Вот сейчас и подсчитаем, — ответила чародейка, кивнув на испускавшие свечение постаменты.
В зале полсотни ярдов длиной их оказалось три десятка, по пятнадцать с каждой стороны. Простейшая математика подсказывала, что, за вычетом поверженных, Девастаторов оставалось еще шестеро. Довольно неприятное количество, учитывая что они сбежали во врата тьмы и вряд ли слишком далеко, имея возможность вернуться когда заблагорассудится. Энергетические барьеры Сирелины, в отличие от призрачной стены, бесконечно долго держаться не будут, так что подземелье по-прежнему оставалось небезопасным и ребят сюда приводить нельзя. Это чародейка и объяснила спутникам, ожидавшим ее указаний.
— Так что, мы ничего не можем сделать, пока эти чудовища там прячутся? — огорчилась Талара.
— Вовсе нет, — возразила Сирелина. — Если разорвать связь, удерживающую Девастаторов, они уже не найдут сюда дорогу. Предметы на эти постаментах их как раз и привязывают. Они же одновременно работают маяками, на которые чудовища выныривают из океана тьмы. Все что нам требуется сделать — это уничтожить предметы.
— Насколько я помню твои слова, уничтожение предметов не освободит Опустошенных, а обречет их навсегда скитаться во мраке в нынешнем облике, — напомнила Илиана. — Да, здесь они действительно больше не появятся, но их собственная судьба… Разве они мало настрадались? Ты говорила, есть другой способ. Тот, который освободит их по-настоящему.
— Прости, Иля, но я им еще не владею, — вздохнула Сирелина. — Науки Запретного чертога постигаются долгие годы, и еще больше времени уходит у сестер Гексенхаммера на обретение навыков высшего уровня. Алеада смогла бы сделать то, о чем ты говоришь, но я… Я не могу. Пока не в моей власти развеивать такую прочную связь, исправляя уродливую трансформацию, и возвращать мятущимся душам покой.
— Кто это — Алеада? — спросила воспитанница.
— Мой куратор, назначенный Немезией, наставницей Запретного чертога, старшей сестрой Совета и предводительницей группы Гексенхаммер, — пояснила Сирелина. — Алеада — очень могущественная чародейка, как, впрочем, и другие служительницы. Они

все-таки позвали меня к себе за мои способности, но мне еще учиться и учиться.
— А она бы одобрила то, что ты собираешься сделать? — уточнила Илиана.
Не ожидавшая такого вопроса чародейка призадумалась. Ответила она далеко не сразу, придя к выводу, что воспитанница, пожалуй, права.
— Но у нас нет выбора, — наконец виновато сказала чародейка, будто ища одобрения от окружающих.
Илиана не отвечала. Подойдя к первому постаменту, она внимательно рассматривала лежавший на нем предмет. Куклу с фарфоровой головой и длинными светлыми волосами. Ее красное шелковое платьице и нарядные башмачки сверкали новизной, будто их сделали буквально вчера. Илиану захватило чувство глубокой печали. Подняв руку, она потянулась к игрушке.
— Ничего не выйдет, помнишь? — негромко произнесла приблизившаяся Талара. — Над постаментами невидимый непроницаемый купол.
Илиана, помедлив, продолжила прерванное движение. Спутники тихо ахнули. Ее ладонь беспрепятственно коснулась недоступной до сих пор куклы. Не веря своим глазам, принцесса тут же попробовала проделать это сама, но ее пальцы немедленно наткнулись на препятствие.
— На этой кукле очень сильный след, — медленно произнесла Илиана, глядя невидящими глазами и не слушая ошеломленных возгласов подруги. — Тот, кто ее здесь оставил, кто создал столь ужасное заклятье, был очень силен. Сильнее, чем любой из ныне живущих. Этот след сохраняется до сих пор. Точно так же, как и другой. След маленькой девочки лет восьми. Она очень любила эту куклу. День, когда ее подарили, был самым счастливым в жизни, которая прервалась еще до того, как ее покинула бесконечная светлая радость.
Сирелина, остолбенев, слушала с раскрытым ртом. Примерно такое же выражение царило и на лицах других спутников. Однако это выражение стало поистине неописуемым, когда из ближайшей арки вдруг показался Девастатор. Показался очень медленно, перемещаясь какими-то плавными, будто невесомыми движениями, в которых не чувствовалось ни малейшей агрессии.
— Черно было сердце того, кто превратил невинного ребенка в страшное орудие тьмы, — продолжала ровным голосом Илиана. — Долго, очень долго ее душа обитала во мраке, став Опустошенным и утратив все человеческое. И в прошлый раз пыталась нас убить, влекомая одной лишь ненавистью. Но теперь ей настало время об-

рести покой. Эта маленькая девочка достаточно настрадалась.
И вдруг черты Девастатора преобразились. Тьма будто осыпалась с него на пол, бессильно соскользнув наконец-то сброшенной непроницаемой вуалью. Исчезли крюкообразные когти, бесследно испарились шевелившиеся щупальца. Темная вата бесплотного тела развеялась, расступаясь в стороны. На месте внушавшего ужас чудовища появилась худенькая девочка с каштановыми волосами в простом цветастом платье и босоножках на тонких кожаных ремешках. На курносом личике заблестели большие наивные глаза. Бледная кожа порозовела, наливаясь румянцем. Взяв куклу с постамента, Илиана шагнула к ребенку и протянула ему игрушку. Тонкие ручки робко схватили ее и прижали к груди. Лицо девочки озарилось бесконечным счастьем. Губы что-то беззвучно зашептали. Вся ее фигура вдруг наполнилась светом, идущим откуда-то изнутри. Затем, вспыхнув яркой звездочкой, она растворилась в пространстве.
— Теперь она свободна, — тихо сказала Илиана.

В одном Сирелина была уверена точно — она понятия не имела что произошло и какое этому имелось объяснение. Ей приходилось лишь принять как данность, что ее воспитанница, по очереди обходя все постаменты, разрушала довлеющие над ними жестокие темные заклятья, освобождая Опустошенных одного за другим. Никто не знал кто были эти люди, но, сбрасывая чудовищные оковы, они на несколько секунд обретали свой прижизненный облик, а затем исчезали в сиянии света, отправляясь в неведомое путешествие. Мужчины, женщины, дети… Кто бы ни обрек их на существование в виде Девастаторов, он, вероятно, не придерживался какой-то определенной выборки. Ни возраст, ни пол, ни социальная принадлежность или уровень благосостояния явно не играли для него никакой роли. Неведомому злодею были нужны души и только. Души, способные послужить его цели.
— Илиана, я не знаю как ты это сделала, но ты сделала великое дело, — проникновенно сказала чародейка, положив руку на плечо девушки. — Я горжусь тобой.
Воспитанница порозовела, потупив глаза. До сих пор она поддавалась овладевшему ей порыву, но теперь вернулась в свое привычное состояние. Хотя, положа руку на сердце, "привычное состояние" таковым давно перестало быть. У самой же чародейки голова шла кругом. При первой сцене она чуть и вовсе не грохнулась в обморок, пораженная до самой глубины своего существа. При последней держалась более стоически, стараясь просто не думать о сути происходящего, а относиться к нему так же, как Бэйл с Талаpой. Те в принципе слабо отдавали себе отчет во всей уникально-

сти развернувшейся сцены и относились к ней хоть и с благоговением, но куда более житейски.

Все тридцать Опустошенных обрели покой. Навсегда. Теперь подземелье оказалось в полном распоряжении явившейся в него четверки, и в нем не осталось ничего такого, что прямо сейчас представляло бы неотложный интерес. А впрочем, нет, осталось. На последнем постаменте, находившемся в самом конце зала, в кругу голубоватого света переливалась проносившимися внутри разноцветными вихрями загадочная сфера.

— Давайте, колдуньи, признавайтесь, что это за штуковина, — предложила Талара, с неугасимым интересом созерцая неизвестный объект.

Вероятно, множественное число "колдуньи" она упомянула отнюдь не случайно, учитывая все только что произошедшее.

— Ты рассказывала, сфера говорила с тобой, — напомнил Бэйл, обращаясь к Илиане. — Кажется, именно благодаря ей мы тогда и успели отсюда удрать, предупрежденными твоими криками. Эта сфера — что-то живое?

Илиана поежилась. Воспоминание о не произошедшем кошмаре, тем не менее пережитом ей в душе, болезненно отозвалось в ее памяти. Сирелина, внимательно оглядев странный шар, озадаченно почесала в затылке. Субстанция за стеклом не имела какой-либо формы и казалась то густой, то бесплотной. Она колыхалась в каком-то странном необъяснимом движении, не совсем понятном с точки зрения ее довольно утлого вместилища. Разноцветные колебания испускали пробегавшие волны, либо же, начиная бурлить, неопределенное вещество исторгало их наподобие поднимавшихся со дна озера гейзеров. Остановившись подле сферы, чародейка пробормотала несколько заклинаний, делая руками неторопливые пассы, будто дирижируя оркестром. По ее пальцам вдруг пробежала целая волна искр, рассыпаясь на множество завитушек и сполохов.

— Ого! — воскликнула Сирелина. — Колдовской уровень этой штуки просто зашкаливает. Полагаю, если бы у нас работал Компас Манипуляторов, он сейчас показал бы невероятно высокий уровень. Я надеюсь, эта сфера дружелюбна, потому что, по-моему, она сильнее меня, и мне бы не хотелось проверять это на практике.

— Не надо! Она просит не дотрагиваться до нее! —сказала вдруг Илиана.

Чародейка, протянувшая ладони к круглой стеклянной поверхности, отдернула их как от огня.

— Ты что, ее слышишь?! — изумилась она.

— Да. Она говорит со мной, — кивнула воспитанница.
— А почему мы ее не слышим? — живо спросила Талара, от волнения хватая подругу за руку.
— Я понимаю все живые существа, взаимодействуя с ними напрямую, — напомнила Илиана. — Кроме того, она говорит на таком языке, которого вы не знаете. Возможно, именно поэтому ее слова ускользают от вашего восприятия. Но его откуда-то знаю я. Я не просто понимаю ее речь, как это бывает со мной обычно — она мне действительна известна.
— А почему ты только сейчас нам сказала что слышишь ее? Мы в этой зале уже давно, — заметил гладиатор.
— Потому что она только сейчас и заговорила. Заговорила, когда Сирелина поняла ее колдовскую сущность и захотела дотронуться до оболочки. Сфера испугалась. Не Сирелины, нет — просто уже очень, очень давно она не имела дел с живыми существами и к ней никто не прикасался. Она не знает чем может закончиться такое касание и не хотела бы узнать это прямо сейчас. Возможно, не произойдет ровным счетом ничего, а не исключено, что ее оболочка разрушится и тогда... Дальше очень трудно объяснить. Это сложно. Тут переплетается сразу множество вещей. Теперь она общается не только образами, как в прошлый раз, чтобы успеть предупредить о грядущем кошмаре, но и словами. Это как... целый оркестр, играющий на фоне сразу нескольких одновременно происходящих спектаклей.
— Ты поговоришь с ней? Она может ответить на наши вопросы? Она может рассказать кто она такая и что это за место?— прямотаки затрепетала чародейка, предчувствуя череду потрясающих открытий.
И сфера рассказала.

– 16 –

Когда-то сфера была человеком. Не просто человеком — сильным чародеем. Увы, она уже мало что помнила о своей прежней жизни, равно как и о том, каким тогда был мир. Годы, слишком долгие годы, проведенные в нынешнем обличье, стерли из памяти то, что еще оставалось в ней после трансформации. Даже собственное имя, утерянное в далеком прошлом. Оно больше не имело особого значения, вызывая лишь чувство глубокой грусти. Но все-таки сфера позабыла не все. События, предшествовавшие нынешнему существованию, навсегда отпечатались где-то внутри не имевшей физического тела сущности.

Аберидж назывался тогда совсем иначе. Постройки на холме,

судя по доносившимся до сферы вибрациям, неоднократно ремонтировались и перестраивались, и от них прежних почти ничего не осталось. Подземелья, однако же, уцелели практически полностью. Строители, пораженные их стойкостью и удобством конструкции, неизменно оставляли основу как есть, в том числе систему вентиляции и подачу воды, изменяя лишь наземную часть. Фортумагум — такое наименование некогда носило изначальное строение, тянувшее к небу свои стены с пиком центральной башни. На известном нынешним людям общем языке оно переводилось примерно как "Оплот чародея". Оно и было оплотом — цельным, могучим и неприступным. Ни один недруг был не в силах пробиться в эту колдовскую твердыню, равно как никто и не покинул бы ее без воли хозяина. Сам же хозяин — один из величайших деятелей своей эпохи, на склоне лет все больше времени проводил в этом убежище, все чаще скрываясь даже от большинства приближенных. На то у него имелись очень весомые причины.

Общий уровень колдовства в мире неуклонно снижался. Потрясения, перевернувшие существовавший порядок вещей несколько тысяч лет назад, не прошли бесследно. В каждый новый век носителей чародейского дара рождалось все меньше, а их способности становились все примитивнее. Некому больше было развивать природный дар до его пикового значения, никто более не способствовал его широкому распространению. Проводимые расчеты прогнозировали совершенно неутешительную картину. Если так дело пойдет и дальше, то еще через несколько тысяч лет лишь самые сильные заклинатели будут способны на то, что некогда было доступно даже начинающим: свободно воплощать стихии и летать в пространстве без вспомогательных средств, призывать существ и приводить в движение скалы. Чародейское общество медленно, но верно деградировало. В его высших кругах, состоявших из наиболее сведущих и могущественных заклинателей, происходящее негласно начинали именовать Великим упадком. Многие величайшие умы ломали голову над решением этой проблемы, но в лучшем случае у них получалось немного притормозить процесс, а не обратить его вспять. Чародейское общество начало раскалываться. Одни утверждали, что ход мировой истории идет своим чередом, и вмешиваться в него нельзя. Другие предлагали искать ответы в запретных науках, чтобы предотвратить грядущую катастрофу. Жажда власти над миром и населявшими его людьми, боязнь потерять собственные силы, страх перед неизвестным, бесконечные поиски ответов на не менее бесконечные вопросы — здесь перемешалось ровным счетом все, медленно, но верно привнося чародеям распри и смуту. Пока этот раскол был еще не

слишком заметен, но хозяин Фортумагума был очень умен, наблюдателен и хорошо умел прогнозировать грядущее. Без внятного решения чародеи рано или поздно разойдутся в своих взглядах и методах настолько, что столкнутся во взаимоистребляющей войне, которая окончательно разрушит и без того меняющийся мир. Запершись в своем оплоте, он бросил все силы на поиски нужного средства, способного изменить роковое будущее…

Сирелина, жадно слушавшая сферу в неторопливом пересказе воспитанницы, ужасно побледнела. Великий упадок! О нем сохранились немногочисленные и достаточно противоречивые сведения. То ли его вызвала разрушительная война, уничтожившая не только всех выдающихся чародеев и вообще большинство из них, то ли сама война явилась следствием некого всеобщего глобального потрясения. На сей счет не имелось общего мнения, а от первоначальных источников практически ничего не сохранилось. Великий упадок со временем перешел в разряд легенд и домыслов, а прежнее величие чародеев, якобы способных одним усилием мысли поворачивать реки и превращать пески в цветущий сад стали восприниматься как детские сказки. Теперь же, внимая загадочной сфере, чародейка осознала, что это неведомое существо жило в ту далекую эпоху, когда означенный Великий упадок только набирал силу, и теперь проливало свет на этот важнейший период забытой истории. Ради малой толики таких откровений многие сестры отдали бы половину своей долгой жизни, а Сирелине выпал уникальный шанс услышать все собственными ушами. Выудив невесть откуда свиток бумаги, чародейка, продолжая слушать затаив дыхание, принялась тихонько водить по нему пальцем, оставлявшим на белой поверхности красивые золотистые буквы.

Ормунделл. Это имя сфера запомнила хорошо, хотя собственное позабыла. Так именовался владелец Фортумагума, посвятивший остаток своих дней долгим и кропотливым изысканиям. Все чаще он уединялся в самом глубоком подземелье, куда был доступ только у дюжины его избранных учеников. То, что сейчас от них осталось — жалкий отголосок прежнего величия. Некогда подземелья были гораздо обширнее, ибо Ормунделлу было по силам раздвигать границы существующего пространства, открывать двери в иные миры, переплетать их своим великим мастерством. Но даже он уже не мог уходить из-под власти неумолимо текущего времени, и стремился сохранить хотя бы то, что есть. Дни и ночи напролет он проводил за работой, доводя себя и своих помощников до изнеможения, и все чаще черпал энергию из некогда запретных источников. Для него оставалось все меньше табу. В поисках

желанного решения он один за другим отвергал устоявшиеся запреты, погружаясь в глубины доселе слабоизученных возможностей. Именно тогда и появились врата тьмы, уцелевшие до сих пор. Было и много чего другого, что, к счастью, осталось в далеком прошлом, хотя само по себе это безвозвратно канувшее в лету прошлое и вызывало у сферы ничем не заглушаемую грусть.

Ормунделл менялся. Безусловно, он становился сильнее, чем когда-либо, но его новые умения все больше носили сомнительный характер, проявлявшийся даже в мелочах. Часть учеников, не выдержав происходящего, ушла от него, но часть он убедил и остаться, пожертвовав всем ради великой цели. Некоторые и пожертвовали. Жизнью. Силы, с которыми связался один из величайших чародеев, позволяли ему творить доселе никому не подвластные вещи, но их воздействие не проходило бесследно. В какой-то момент Ормунделл окончательно перешел красную черту и уже не останавливался ни перед чем, чтобы постичь новые знания, овладеть новыми возможностями. И эти возможности уже не только впечатляли — они начинали ужасать. Ормунделлу действительно удалось существенно поднять не только свой уровень, но и уровень собственных учеников, пусть и не в таких масштабах, как это некогда делала совершенно другая сила. Только цена за это была уплачена слишком высокая, и эффект у нее все чаще выливался в дурную форму. Ормунделл все еще верил, что старается ради всеобщего блага, но был уже слишком оторван от реальности, чтобы замечать во что превратились не только все его начинания, но и он сам. Надеясь предотвратить всеобщий раскол, он сам лишь усугубил его, когда о работах великого затворника стало известно за пределами Фортумагума. Большинство чародеев с отвращением отвергли их плоды, но нашлись и такие, кто Ормунделла поддержал. В результате возникших распрей чародеи надолго оставили его в покое, будучи не в силах прийти к сколь-нибудь единому мнению. Ормунделл же извлек совсем не тот урок, который следовало бы. Он решил более никого не посвящать в свои замыслы, а лишь явить их миру когда работа станет завершена. Он запер Фортумагум на замок, сделав его узниками около тысячи людей. К концу этого кошмара в живых осталось едва ли более сотни.

Сфера была одним из тех, кто пошел против терявшего последние остатки человечности чародея и решился его остановить. Заговор был раскрыт и обернулся против самих заговорщиков. Надеясь покончить с чудовищными замыслами чародея, они сами стали их частью. Рассчитывая пресечь бесчеловечные эксперименты, они превратились в их исходный материал. Но волею судьбы жестокость этих экспериментов обернулась и против самого

Ормунделла.

В своем последнем замысле чародей решил объединить сразу два известных ему фундаментальных принципа. Всем было прекрасно известно, что наложенное заклинание не может действовать бесконечно долго. Его срок зависел от целого ряда причин, включая собственные возможности заклинателя, окружающую среду и тип энергии, которая его восполняла. В последнем случае у чародеев в ходу были Эмбринусы — крохотные частички их собственной сущности, способные продолжительно существовать отдельно от их создателя. Они являлись обособленным объектом, и, будучи заключенными в какой-нибудь носитель, могли поддерживать наложенные на него чары неограниченно долго. Например, самый обычный кубок мог всегда нейтрализовать любой обычный яд, храня своего владельца от отравления. Либо же клинок обретал приданные ему заклинателем свойства и хранил их практически бесконечно. Единожды вложенный в объект Эмбринус соединялся с ним чарами, сплетаясь с желаемым заклинанием и поддерживая его на весь период своего присутствия. Искусство изготовления Эмбринусов было доступно лишь самым могущественным чародеям и оно, как и многое другое, постепенно утрачивалось в связи с Великим упадком.

Вторым принципом было само сохранение жизни. Все живое однажды умирает, чему упорно противился Ормунделл, пытаясь сохранить если и не саму жизнь, то хотя бы ее свойства. В истории чародейства упоминались различные способы продлить собственное долголетие, а то и вовсе избежать неминуемого конца, и некоторые из них в некотором роде увенчивались успехом. Например, кое-кому удавалось стать нежитью. Смертью, как таковой, это не являлось, но и сама такая жизнь вызывала вопросы, полностью изменяя не только физическую суть человека, но и его мышление. Оставался ли такой человек собой? Вряд ли. Но ведь в известном смысле это все равно и означает смерть. Если ты — это уже не ты, то значит прежний ты умер, а вместо тебя появился некто совсем другой. Такой философией, правда, Ормунделл уже давно не задавался. Он задавался конечным результатом. Сохранить чародейскую силу, сохранить воплощающую ее жизнь, сделать существовании чародейской сути бесконечной — вот какой замысел он поставил перед собой. И он обрел достаточно извращенного могущества чтобы его воплотить. Так появилась Сфера. Та самая, с которой сейчас разговаривали давно не забредавшие в подземелье гости.

Ормунделл торжествовал. Вместо Эмбринуса, субстанции без искры разума и подлинного дара жизни, ему удалось создать бес-

смертного чародея, сохранив его сознание внутри колдовской оболочки. Этот чародей будет существовать вечно и никогда не утратит своей силы и навыков. Он не состарится и не умрет, его умения не деградируют и не иссякнут. Увы, Ормунделл был уже не в состоянии понять, что плод его чудовищных трудов крайне далек от той радужной перспективы, которая, должно быть, виделась в его извращенном восприятии. Впрочем, не исключено что он собирался сделать Сферу лишь первым шагом к чему-то более совершенному. Этого уже никто никогда не узнает. Известно лишь то, что Ормунделл пал жертвой собственной ошибки, сплетя Сферу с бывшим учеником со стенами Фортумагума. Он рассчитывал сделать из нее вечную батарейку, питающую чары его великого оплота. Вот только получив власть над этими чарами, обреченный на бесплотное существование ученик довел заговор до конца.

Здесь Сфера сделала паузу. Сирелина, размахивая руками, забегала по зале, не выдержав обилия свалившейся на нее информации.

— Эмбринусы! — восклицала она. — Батарейка! Так вот что это за драгоценные камни, которые вы нашли в Аберидже! Вот почему и оружие и доспехи до сих пор хранят свои уникальные колдовские свойства, как и Рефендари! И само это место! Вот почему тут до сих пор царят сильные чары, будто их наложили только вчера! Оно живет благодаря этой сфере! О, святые небеса, это же просто фантастика!..

— Я не думаю, что Сфере будет приятно услышать как ее воспринимают именно в духе батарейки, — укоризненно заметила Илиана.

Слова воспитанницы привели чародейку в чувство. Покраснев, она вернулась обратно.

— Как ты думаешь, Сфера поняла мои слова? — спросила она, стараясь не глядеть на переливавшийся разными цветами стеклянный шар.

— Не поняла, но догадалась, — сказала, помедлив, воспитанница. — Но она не сердится. За прошедшее время она научилась проще относиться к таким вещам, тем более что де-факто она понимает, что и является самой настоящей разумной батарейкой. От того человека, каким она была прежде, мало что осталось. Ей грустно, когда она думает об этом, но течение тысячелетий уняло все прежние страсти, превратив пульсацию разума в размеренно-сонное существование. Такое, в котором от рождения до смерти звезды проходят какие-то жалкие дни. Наше появление всколыхнуло Сферу, и она рада новому обществу. Оно позволило ей вновь почувствовать себя кем-то другим, нежели просто запертой внутри

склянки не имеющей конца и начала мысли.
— Передай ей мои извинения, — попросила Сирелина, сделав вежливый реверанс. — И я очень жду продолжения ее истории.
— Да, что случилось с Ормунделлом? — поддакнула Талара, излучавшая само нетерпение и прямо-таки сиявшая от восторга.

От прежних чар, некогда наполнявших Фортумагум, по разным причинам мало что осталось. Колдовские сады и те были в несколько раз больше, но призрачный барьер все еще удерживал Девастаторов. Сфера очень хорошо понимала чем чревато появление этих существ наверху, а потому по-прежнему не позволяла им покидать собственное узилище. Вот только и освободить их, равно как и управлять ими, она не могла. Девастаторов, помимо прочих тварей, некогда создал Ормунделл в процессе развития своих экспериментов. Дабы плоды его трудов не пропадали зря, он сделал из них бессменных стражей своего подземелья. Девастаторы не трогали никого, на ком была его метка, но всех остальных непременно разорвали бы в клочья. Тогда, при жизни своего злого создателя, они были многократно сильнее, и Сирелина, несмотря на все свои таланты, не сумела бы с ними совладать. Ормунделл продолжал свои эксперименты, семимильными шагами воплощая кошмар в реальность и фактически не сохраняя дары существующего мира, а трансформируя его в другой. Большинство уцелевших учеников догадалось, какая участь их ждет, и попыталось ее избежать, подняв восстание. Без помощи Сферы оно бы почти наверняка провалилось, как и первый заговор, но заточенный в колдовском шаре ученик обратил против Ормунделла приобретенные возможности. Ведь чародей связал его с собственным подземельем и невольно, возможно сам того не желая, дал над ним определенную власть. В критический момент Сфера обрушила на жестокого хозяина Фортумагума все, до чего только могла дотянуться. Если Девастаторы по самой своей природе не слушались вообще никого, то каменные стражи или лианы-ловушки — более чем. В подземельях хватало всякой всячины, особенно в его пространственно расширенной области, где разные миры соприкасались между собой, воплощаясь в удивительной форме. Большая часть того, что было запитано от Сферы взбунтовалась против своего создателя. Даже мебель, даже посуда и прочие предметы быта набросились на Ормунделла, мешая ему сосредоточенно отражать атаки, ведь он зачаровал часть утвари дабы избавиться от слуг и сделать подземелья полностью автономными.

На некоторое время глубины Фортумагума превратились в поле боя. Сверкали молнии, с грохотом обрушивая целые залы, чудовищные пожары охватывали экспериментальные чертоги. И с

той и с другой стороны сошлись в жестокой схватке призванные существа и големы. Даже колдовские сады не остались безучастными, испуская облака сонного газа и постреливая ядовитыми шипами. Земля дрожала как при извержении вулкана и обитатели верхней части оплота, должно быть, думали, что вот-вот провалятся в тартарары. Убив несколько учеников, но поняв, что все-таки проигрывает сражение, Ормунделл решил отступить. Сбежать в иной мир в своем нынешнем воплощении он не мог, поэтому прибег к гораздо более прозаичному варианту — потайному ходу. И здесь ему помешала Сфера. Ормунделл, вероятно, уже догадался кто стоял за взбесившимися чарами подземелья, но у него не было ни времени, ни лишних сил, чтобы уничтожить творение собственных рук, хорошо защищенное от внешнего воздействия. Попытавшись временно заблокировать колдовское влияние Сферы, он ринулся к секретной двери, надеясь ускользнуть от прорывавшихся к нему учеников. Влияние Сферы действительно ослабло, но не настолько чтобы окончательно оставить бывшего учителя в недосягаемости. Подземелье все еще ей подчинялось, и Сфера бросила все усилия на то, чтобы заблокировать искомую дверь. Как Ормунделл ни старался, у него никак не получалось снять печать со спасительного хода. Осыпая всех и вся проклятьями, он поднатужился и швырнул всю доступную ему мощь в неподдающееся препятствие. Сфера, оставив большую часть подземелья без подпитки, также воспротивилась изо всех сил. Тогда-то и исчезла навсегда львиная доля уцелевших пространственных чудес, потому что создать их мог только Ормунделл, а Сфера перестала их удерживать, сконцентрировавшись на единственном препятствии. Падший чародей оказался сильнее, но выиграв битву, он проиграл войну. Дверь потайного хода открылась, но в этот же момент в зал проникли ученики, сломившие ослабленные самим учителем барьеры. Ормунделл уже исчезал в зеве закрывавшегося потайного хода, когда туда ворвалось разом несколько разнородных заклятий. Нейтрализовать их все одновременно было не по силам даже такому великому чародею. Даже с его новым могуществом. Сфера не знала что именно там произошло, но чувствовала, что Ормунделл так и не покинул стен Фортумагума. Возмущение в колдовском фоне пространства, последовавшее спустя какое-то время, заставило предположить, что чародей нашел свой конец, так и не выбравшись из спасительного тоннеля, ставшего ему склепом.

Уцелевшие ученики оставили остатки подземелья как есть, предварительно уничтожив большую часть работ бывшего учителя. Они бы уничтожили и все, включая, возможно, оставшиеся помещения и даже Сферу, но, неожиданно атакованные Девастa-

торами, вынуждены были поспешно бежать. Метки Ормунделла развеялись, и Опустошенные накинулись на тех, кого прежде не трогали. Уйти удалось немногим. Запечатав вход и оставив охрану из големов, ученики удалились. Возможно, они рассчитывали вернуться позднее и закончить зачистку подземелья, либо же приспособить его под свои нужды — кто знает? Больше Сфера никого из них никогда не видела. Илиана, Талара и Бэйл были первыми людьми, кого она, выйдя из дремы, увидела за прошедшие тысячелетия.

Когда Сфера закончила свой рассказ, разыгравшееся воображение слушателей породило целый шквал вопросов, причем каждый, разумеется, спрашивал в меру своих предпочтений. Сирелина мечтала узнать побольше о чародействе тех времен и уже грезила титулами Магистра истории колдовских наук и Почетной сестры. Последнего звания, несмотря на всю его кажущуюся невзрачность, удостаивались весьма немногие. Талару же интересовали потайные области и таящиеся там сокровища, новые артефакты и бесценные древние раритеты. Бэйла сильно озаботило наличие других врагов, которые могли таиться в казавшемся теперь спокойным подземелье, ибо упоминания о големах, каменных стражах и прочей недоживности воскресили в его памяти несколько неприятных мгновений. Молчала одна лишь Илиана, хотя вопросы имелись и у нее. Впрочем, она могла общаться со Сферой не раскрывая рта, но допытываться до удивительного существа действительно не спешила. Кое-что в повествовании ее насторожило, и это кое-что она аккуратно вычленяла из прочего наслоения слов, одевая в связную форму. Сфера чувствовала что интересует девушку с сиреневыми глазами, и, что самое поразительное, она разделяла этот интерес. Ведь он касался первопричины Великого упадка. Сфера уже сообразила, что имеет дело с очень необычным человеком, и теперь пыталась уяснить суть, увязав ее с собственным любопытством девушки.

— От тебя веет чем-то давно забытым, — сказала, наконец, Сфера, кое-как разобравшись в нахлынувших на нее ощущениях. — Ты надеешься узнать у меня о своей природе, и ты не поверишь как мне хотелось бы тебе ответить. Увы, большая часть воспоминаний стерлась из моей памяти, но даже без этого у меня все равно нет уверенности, что там сыскался бы точный ответ на твой вопрос.

Этот голос раздавался только в голове у Илианы и его больше никто не слышал.

— Тебе встречались такие как я? — тихо спросила она не раскрывая рта.

— Нет. Даже на момент моей смерти… ну, этой новой жизни, их не было уже тысячи лет, — отозвалась Сфера.
— Я чародейка? Ведьма? — волновалась Илиана.
— Ни та, ни другая. Ты как раз из тех, кто раскрывал их силу, доводя ее до совершенства, и без кого начался Великий упадок, — пояснила Сфера. — Прости, я не могу сказать точнее, ибо и сам плохо понимаю что это означает.
Илиана заметила, что Сфера все еще говорила о себе в мужском роде, хотя ее речь обычно носила совершенно нейтральный характер будто от третьего лица. Значит, какое-то самовосприятие у нее все-таки сохранилось.
— Как нам к тебе обращаться? — решилась узнать девушка, вежливо уточнив что имеет в виду.
Сфера задумалась. Игра излучаемого ей света приняла особенно затейливый характер и какой-нибудь художник, пожалуй, пришел бы в неописуемый восторг.
— Как, говоришь, сейчас называется это место? — осведомилась, наконец, Сфера, уняв бурное течение своих волн.
— Аберидж, — напомнила Илиана.
— Что ж, называйте меня Эбби, — предложил удивительный собеседник. — Я часть этого места, так что почему бы мне не взять уменьшительную производную от его наименования?
Девушка невольно улыбнулась и, кажется, Сфера улыбнулась в ответ. Физически она была не в состоянии этого сделать, но Илиана уловила соответствующий эмоциональный фон. Кажется, тысячелетний узник еще не утратил чувств, включая чувство юмора. В ту же минуту девушка представила спутникам их нового знакомца под только что придуманным именем.

Эбби долбали вопросами еще часа два, прежде чем вся компания спохватилась об оставшихся наверху ребятах. К счастью, их не посвятили в планы по зачистке нижнего подземелья, но они наверняка уже вовсю волновались продолжительному отсутствию ушедших. Илиана предложила спутникам вернуться за Фаризой с ее подопечными, а сама выразила желание остаться с Эбби. Всем ходить не имело смысла, а Сферу кроме нее все равно никто не понимал. Сирелина, заподозрив, что воспитанница хочет о чем-то переговорить с древним обитателем Абериджа наедине, не стала противиться, и увела остальных. Когда их шаги затихли вдали, Илиана приблизилась к Сфере вплотную и положила на нее руки. Та не противилась, как в случае с чародейкой. Наоборот, этот контакт произошел по обоюдному желанию. Некоторое время Илиана стояла неподвижно, чувствуя как между ее ладоней плещется странная и непривычная энергия колдовской сущности, заклю-

ченной в колдовской же оболочке. Сферу же в свою очередь окутали волны неведомой силы, таившейся в девушке с сиреневыми глазами. Она лучилась незримым потоком, омывая все существо и проникая в самую сущность. Так продолжалось несколько минут. Затем Илиана отступила, внимательно вглядываясь в недра того, что казалось стеклянным шаром, будто надеялась прочесть там ответ.
— Да, теперь я абсолютно точно уверен в своих словах, когда ты спросила меня кто ты такая, — задумчиво изрек Эбби. — К сожалению, я по-прежнему не способен навести ясность в терзающих тебя вопросах. Скажу лишь, что твоя сила не имеет ни положительного, ни отрицательного характера. Она просто есть, и лишь от тебя зависит как ей распорядиться. Но меня ничуть не удивит, если у твоих друзей и близких наблюдаются явные отклонения в умениях и талантах в сторону их резкого улучшения. Это результат твоей привязанности к ним на подсознательном уровне.
— Ты же говоришь, что ничего об этом не знаешь, — заметила Илиана.
— Так и есть, — подтвердила Сфера. — Полагаю, сейчас ты услышала то, что и сама уже подозревала, но, возможно, просто не отдавала себе отчета, либо же не хотела самой себе в этом признаться. Но ты хочешь узнать что это и откуда, а тут я бессилен тебе помочь. Ормунделл, возможно, сумел бы тебя просветить, но мне, увы, теперь это не под силу. Одно меня смущает…
— Что именно? — видимо напрягалась Илиана.
— Время, — отозвалась Сфера. — Я не могу определить точно сколько лет прошло с момента моего заточения, но, полагаю, гораздо больше десяти тысяч. И это с тем учетом, что таких как ты уже тогда не было на свете еще несколько тысяч лет, что и вызвало Великий упадок. Отсюда следует простой вопрос: откуда ты вообще взялась?
— Скажи, я не опасна для моих друзей? — вместо этого, сделав над собой усилие, вдруг спросила девушка.
— А, так вот что тебя гложет! — воскликнул Эбби. — Я-то все понять не мог что это за груз фонит в твоих чувствах. Уж думал, ты какое преступление совершила. Что ж, я рад что хоть здесь могу тебя успокоить — ты опасна для них ровно настолько, насколько сама пожелаешь. Как я уже сказал — сила, не имеющая полярности, полностью зависит от намерений ее носителя. Она, безусловно, способна искушать по мере применения, как и любая другая, но у нее нет обратной связи. Иными словами, если темное колдовство имеет накапливающееся влияние на заклинателя, то у нейтральной силы такого побочного эффекта нет. Для нее абсолютно

все равно кого ты одариваешь своими способностями: величайшую добродетель или конченого злодея. Это исключительно твой моральный выбор, никак не сказывающийся на самой силе вообще. Поняла, о чем я толкую?
— Кажется, да, — кивнула, подумав, Илиана.
— Вот и запомни это хорошенько! — наставительно сказала Сфера. — Ты будешь такой, какой сама захочешь. Всю остальную дурь немедленно выкинь из головы — она серьезно мешает тебе и жить, и нести свой дар людям.

Кто бы сомневался, что колдовские сады произведут на ребят огромное впечатление. Если бы не Фариза, привыкшая командовать своими подопечными, чародейка ни за что не удержала бы их в узде. Ведь среди изобилия специфической флоры водились и достаточно опасные экземпляры. Нет, они не кидались на людей, стремясь сожрать их заживо, и не выпускали ядовитый газ в надежде отравить добычу и полакомиться ее разлагающейся плотью. Просто некоторые шипы и колючки на стволах и листьях лучше было не трогать, равно как и не тащить в рот все плоды, ягоды и грибы подряд. Сирелина лично набрала кстати подвернувшуюся корзинку всякой всячиной, которую предоставила в полное распоряжение ребят. Для этого сыскалось и подходящее место — длинный стол с уймой стульев вокруг. Пока же компания трапезничала, утоляя жажду восхитительно свежей водой, набранной в маленьких искусственных прудиках, чародейка деятельно соображала как привести прилегающие помещения в жилой вид. Всю ораву требовалось где-то разместить, так что спальные места все еще оставались некоторой проблемой.
— О чем призадумалась? — осведомилась Талара, жуя напоминавший персик фрукт, на вкус даже приблизительно на персик не похожий.
Сирелина объяснила, обрисовав известные сложности с убранством комнат.
— А, — разочарованно вздохнула принцесса. — А я думала мы пойдем искать потайной ход.
— Послушай, Талара, твоя жажда приключений может и подождать, — сердито сказала чародейка.
Ее вот лично разрывало множество вопросов, которые хотелось задать Сфере, но сперва требовалось решить насущные дела.
— Сначала надо… Погоди! Что ты сказала?! — воскликнула Сирелина, прервав готовые вырваться нравоучения.
— Ну потайной ход. Про который говорила Сфера. То есть Эбби, — пояснила Талара. — Если он сохранился до сих пор, то интересно узнать куда он ведет.

Схватив принцессу за руку, Сирелина, кляня себя за глупость, потащила ее в соседнюю залу, на ходу призывая Бэйла.

Невнимательность чародейки была вполне объяснима. В море пролившейся на нее информации она просто не обратила внимания на столь существенную деталь, как побег прежнего хозяина Абериджа из собственных подземелий. Талара же, куда меньше обеспокоенная историей колдовства, не пропускала мимо ушей упоминания о всяких там тайниках. Она уже вовсю строила планы по поиску скрытых доселе областей, о наличии которых заставляли предположить рассказы Сферы. Косвенно их подтверждала связка с колдовскими ключами, ведь назначение их львиной доли до сих пор оставалось неизвестным. Один из них, как вскоре и выяснилось, отпирал дверь секретного хода.

Следуя указаниям Эбби, требовалось повернуть ключ без метки. Таковой действительно сыскался на связке, и без подсказки Сферы можно было очень долго гадать что и где он открывает. Ведь секретный ход полностью оправдывал свой смысл, и никаких обозначений его присутствия не имелось. Сам Эбби узнал о нем лишь после того, как его заключили в новую оболочку, сделав частью подземелий Фортумагума. Попробуй догадайся, что дверь была совсем не дверь, а разбирающийся потолок, опускавшийся ступеньками прямо в центр зала, где по иронии судьбы и находилась Сфера. Даже поворот ключа требовался лишь в строго определенном месте. Шаг влево, шаг вправо — и никакие манипуляции с ним уже не оказывали должного эффекта.

— Ух ты! — воскликнула Талара, потрогав пальцем одну из зависших в воздухе каменных ступенек.

— Ты еще не видела подъемный мост обители, — усмехнулась Сирелина, все-таки ожидавшая чего-то большего.

Чародейка пошла первой. Перемежавшиеся с пустотой ступеньки под довольно острым углом вели к образовавшемуся в потолке проему, перекрытому уже знакомым призрачным барьером. Держа посох наготове, Сирелина поднялась до самого верха и осторожно высунула голову над площадкой, в которую упиралась воздушная лестница. Ее глазам представился уходивший куда-то вдаль покатый тоннель. Его не окутывала кромешная тьма — пол строго по центру светился зеленым наподобие узкой дорожки. Точно такая же иллюминация имелась и на своде тоннеля. Площадка и прилегавшее к ней пространство хранили признаки воздействия мощных заклинаний. Установить их природу было трудно, если вообще возможно, но некогда здесь однозначно бушевали серьезные силы. Пожалуй, Сфера ничуть не приукрасила, когда упомянула как вслед убегавшему чародею ворвалось сразу не-

сколько мощных заклятий. Кое-где камни были опалены и оплавлены, а в некоторых местах из них торчало что-то похожее на костяные наконечники стрел. Светившиеся дорожки тоже пострадали и первый десяток ярдов выглядели довольно потрепанными, имея явственно различимые трещины и выбоины. Сирелина на мгновение представила себе эдакого ежа с костяными иглами, взрывающегося прямо посреди этой самой площадки. Вместе с огненными шарами, шаровыми молниями и уймой всякой всячины. Следы, однако же, были всего лишь следами давно примененного колдовства. Не обнаружив какой-либо угрозы, чародейка поднялась до конца и малыми шагами двинулась вперед, не забывая бдительно поглядывать по сторонам. Сфера уверяла в отсутствии опасности, но Сирелина предпочитала полагаться на себя. Кто ее, эту Сферу, знает? Может с годами она позабыла не только свое имя, да и вообще мало ли что у нее на уме?

Эбби ничуть не обманул. Почти всю дорогу тоннель выглядел совершенно однообразно, разве что время от времени поворачивал и петлял. Лишь в самом конце он расширился, заканчиваясь круглой комнатой.

— Стоп! — сказала чародейка, делая предупреждающий жест.

Под отсутствием опасности Сфера подразумевала не ее физическое воплощение. Ормунделл, разумеется, был бы весьма недальновиден, если бы не поставил защиту на ведущий прямо в сердце его убежища ход. Эта круглая комната, на деле являвшаяся малым подъемником, была также и ловушкой. Пол выглядел совершенно цельным: обычная каменная кладка, украшенная орнаментом из мозаики. Никому бы даже в голову не пришло, что этого пола на самом деле нет. Сирелина, выставив вперед руку ладонью вниз, плавно покачала ей несколько раз из стороны в сторону, будто разгоняла волны по гладкой водной поверхности. Иллюзия исчезла. Под ней, от стены до стены, в каком-то ярде книзу раскинулось непроглядно-черное жерло врат тьмы.

— Неплохо придумано, — усмехнулась чародейка, одновременно чувствуя как по спине пробежал легкий холодок. Любой кто ступит на якобы подъемник тут же кувырнется прямиком в бездну. Точно также как любой, кто вздумает сюда спуститься, загремит туда же.

Сирелина не знала, сумела бы она сама распознать ловушку или нет, не предупреди их Эбби. Он же сообщил и как ее избежать. Еще один поворот заветного ключа — и камни пришли в движение. Опоясывавшее комнату кольцо с тихим скрежетом опустилось. Вместо него в образовавшийся проем выдвинулись носами вперед треугольные плиты, закрывая жуткий черный провал.

Сомкнувшись в центре наподобие шести кусков круглого пирога, они образовали настоящий, всамделишный пол без единой щели.
— Я первая, — сказала Сирелина, решительно ступив на подлинный подъемник.
Ей очень хотелось верить, что Сфера не сыграла с ними злую шутку. Если пол ухнет вниз, то… В любом случае, всем лучше не рисковать, хотя бесплотный обитатель Абериджа уверял, что система полностью безопасна. Плиты никогда не разойдутся обратно, пока на них стоит обладатель ключа, даже если он будет усиленно поворачивать его в обратную сторону. Во врата тьмы они также не провалятся, поскольку те временно блокируются на период их появления. Тем не менее, Сирелина предпочла доставить спутников наверх по одному, сама скатавшись таким образом пять раз. Лишь когда все четверо очутились у верхнего выхода из подъемника, чародейка вздохнула куда спокойнее.

Ормунделл не добрался до выхода совсем немного. То ли за прошедшие тысячелетия его тело полностью обратилось в прах, бесследно развеявшийся по тоннелю, то ли какое-то заклинание пожрало его до последней клетки, но от него ничего не осталось. На место кончины падшего чародея указывали лишь лежавшие на полу металлические предметы: два кольца, пряжка от пояса, амулет и пуговицы. Чуть в сторонке тускло поблескивал крупный кристалл — должно быть, все, что осталось от чародейского посоха.
— Ничего не трогайте, — предупредила Сирелина. — Эти предметы могут быть небезопасны.
Никто и не собирался. Даже Талара, охочая до всяких древних ценностей и диковин. Еще не хватало — подбирать останки с истлевшего покойника.

Самый интересный ребус оставался напоследок. Все четверо гадали куда их приведет потайной ход. Ведь за столь колоссальный промежуток времени он мог закончиться чем угодно: обвалом, потопом или, учитывая город наверху, каким-нибудь зданием. Эбби на сей счет ничего сообщить не мог — он там никогда не ступал и был совершенно без понятия что ожидало новых знакомцев на выходе. Прозорливость Ормунделла все же дала себя знать. Выход уцелел так же, как уцелели и подземелья, хранимые чародейской силой заточенной глубоко внизу Сферы. Чем ближе исследователи подходили к концу тоннеля, тем явственнее слышали приглушенный шум воды. Наконец проход кончился, упершись в гладкую плиту с каким-то хитрым орнаментом. Сирелина, переглянувшись с остальными, привела в действие запирающий механизм. Толстенная плита ушла в пол и в следующее мгновение чародейка с громким возгласом шарахнулась назад. Тоннель выхо-

дил под воду, выводя прямо в русло Идлиса.

Когда первый испуг прошел, все четверо сообразили, что их бы давно затопило, появись у реки хоть малейшая такая возможность. Осмелев, они высунули нос из тоннеля, закончившегося круглой площадкой из темно-красного мрамора. Она была окружена небольшим воздушным пузырем, за которым текла по своим делам река, не обращая ни малейшего внимания на ошеломленных людей. Судя по полумраку и проникавшему откуда-то сверху свету, глубина здесь была о-го-го! Сирелина и опомниться не успела, как вездесущая Талара ощупала прозрачную стену. На ее счастье, та не развалилась и не пропустила любопытную девчонку насквозь.

— Что за штуковина? — осведомилась принцесса.

— Полагаю, маскировочный купол, — сердито ответила чародейка, оттаскивая ее назад. — Мы сейчас у самого дна Идлиса. Готова поспорить, что с другой стороны этот купол непроницаем для взора случайного ныряльщика и выглядит как выступ донных наслоений. Присмотритесь повнимательнее. Здесь маловато света, но кое-что снаружи все-таки видно. Подлинные наслоения доходят куполу почти до середины. Полагаю, состояние дна неоднократно менялось с течением времени, но выходу и площадке это не помеха, поскольку мы, скорее всего, находимся под скалой Тубар — в одном из самых глубоких мест этой части реки.

— И как мы поднимемся на поверхность? Мне тонуть совершенно неохота, — хмуро сообщил Бэйл. — Этот болван Ормунделл явно не учел такой пустячок как Идлис.

— Наоборот, еще как учел, — усмехнулась Сирелина.

Она пояснила.

Даже спустя многие тысячи лет скала Тубар осталась стоять там же, где и была. Ее красноватые камни возвышались над водами реки с незапамятных времен, поднимаясь над западным берегом на добрых тридцать ярдов. На уступах этой скалы гнездились чайки и их пронзительные крики разносились далеко над волнами на радость окрестным жителям. Уровень Идлиса то повышался, то понижался, рельеф его дна претерпевал изменения, а оно само постепенно заиливалось, но скала пребывала практически неизменной. У ее подножия падший чародей обустроил секретный проход, понадеявшись на незыблемость твердого камня, и тот полностью оправдал все расчеты. Вода сточила его лишь на несколько футов, а дно поднялось на пару ярдов, и построенная с запасом площадка преспокойно выдержала такие изменения, продолжая оставаться доступной и эффективной. Конечно, сам Идлис в длинной череде лет мог сильно обмелеть, пойти по друго-

му руслу, а то и вовсе исчезнуть, однако выход все равно остался бы, укрытый непроницаемым маскирующим куполом. Скала могла бы по ряду причин обвалиться, но без целенаправленного вмешательства человека это ожидаемо не произошло, а желающих обрушить вниз тонны твердой породы тоже не сыскалось. В результате про чародея, бесславно погибшего в нескольких шагах от секретного выхода, давно забыли. Забыли не только про само его существование, а даже его эпоху. Выход же — вот он. До сих пор целехонек и верно служит своему назначению, не иначе как стараниями Сферы.

Купаться никому не пришлось. В первую очередь потому, что Сирелина не решилась подняться на поверхность при свете дня. До наступления темноты оставалось еще часа три, и она предложила вернуться обратно и обождать. Ныне Солтенстил — место весьма оживленное, и в лучах заходящего солнца кто-нибудь вполне может заметить появившихся невесть откуда людей. Тем более что эти люди сами заранее не знали как и где появятся. В темноте же даже случайным свидетелям все равно никто не поверит: мало ли кому какая чертовщина померещится? Кроме того, не стоило списывать со счетов Имперскую стражу и полки дворцовой гвардии. Они сейчас роятся вокруг Абериджа как пчелы возле улья, а скала Тубар находится от древних развалин совсем недалеко к северо-западу.

По возвращении чародейка собрала экстренный совет, поскольку требовалось немедленно выработать план дальнейших действий. Зал с длинным столом подходил для этого как нельзя лучше. Сирелина позволила высказаться всем, но общее направление дискуссии задала сама: ей и Илиане следует как можно быстрее отправиться в обитель. На север чародейку призывают срочные дела, не говоря уже про поручение Совета и собственное желание воспитанницы. В Солтенстиле же в нынешних обстоятельствах вообще опасно оставаться, хотя Сирелина с удовольствием проторчала бы здесь еще долго, ведя разговоры с удивительной Сферой. Против была одна лишь Талара. Ну, не то чтобы против, но ей очень не хотелось расставаться с только что вновь обретенной подругой, особенно когда вокруг той происходит все больше столь потрясающих вещей.

— Дорогая, тебе так вообще следует как можно быстрее вернуться во дворец, — мягко сказала Сирелина. — Это просто счастье, что мы отыскали секретный выход. Я не хотела тебе раньше говорить, но ты только представь последствия своего исчезновения! Оказавшись запертой с нами в Абериджe на неопределенный срок, ты рисковала поднять на уши весь Солтенстил. Если бы во дворце до-

гадались что ты исчезла — а каждый новый день повышает эту вероятность вплоть до критической, — боюсь даже представить какой начался бы переполох!
Последовало непродолжительное препирательство с принцессой. Та, впрочем, сдалась под неотразимым натиском приводимых аргументов. Она и сама понимала, что Илиану придется отпустить, а уехать с ней не получится. Просто смириться с осознанием этого факта ей было очень тяжело.
— Не волнуйся, мы постоянно будем с тобой общаться, — утешила расстроенную подругу сидевшая рядом Илиана, взяв ее за руку.
— Это каким же образом? — уныло вздохнула принцесса.
Илиана пояснила. Если сова все еще находится там, где она надеется, то у них появится отличный пернатый посланник, способный летать напрямую между дворцом и обителью. Илиана же научит всему необходимому еще парочку сов, чтобы ускорить доставку корреспонденции. Правда чтобы найти Шую и передать ее на попечение Талары требуется нанести визит во дворец, что несколько осложняет дело.

С ребятами также выглядело не все однозначно. Оставаться в Абериджe им нельзя. Имперская стража наверняка возьмет это место под наблюдение, и даже с грамотой от принцессы появляться наверху не стоит. Они, конечно, могут жить и в подземелье, но безвылазно торчать здесь неопределенный срок — не самое удачное решение. В итоге, после продолжительных дебатов сошлись на том, что Тишу, Скича, Ангура, Дэю и Фаризу принцесса заберет с собой и возьмет под свое покровительство. Остальные отправятся вместе с чародейкой и ее воспитанницей.
— Насчет этих двоих надо будет связаться с колдунами Запада, — добавила Сирелина, подразумевая молодых заклинателей стихий. — Я сумею временно их приютить, но вообще мужчины в обитель не допускаются.
— А я тогда кто? — поинтересовался Бэйл.
— Ты прекрасно знаешь о чем я, — фыркнула чародейка.
Остальным она пояснила. Среди обычных детей, обучавшихся при обители, присутствовали представители обоих полов. С колдовским же даром все обстояло иначе. Владеющих им мальчиков чародейки вообще не забирали к себе, а извещали колдунов Запада, с которыми поддерживали отношения через особого посланника. В особых же случаях лица мужского пола находили приют за стенами обители, но лишь на время и в строго ограниченной зоне допуска. Касалось это и гладиатора, который не мог беспрепятственно шастать где угодно без особого приглашения. Впрочем, тренерам, в виде исключения, таковое все-таки нередко выдавалось.

Но не колдунам.
— Да уж, видимо, нигде не рады нас видеть, — уныло проворчал Ювион.
Чародейка успокоила его, что это далеко не так. Просто обитель живет по своим правилам и законам, устоявшимся за многие века. И появившимся, между прочим, тоже не на пустом месте. Среди колдунов Запада молодые люди обязательно найдут свое призвание и будут очень востребованы.
— А в здешних краях мы не можем остаться? Или хотя бы у вас на севере? — спросил Алдар.
— Можете, конечно. На севере я точно вас устрою, — согласилась Сирелина. — Но тогда вас почти наверняка некому будет учить, а это плохо. Особенно если учесть, что ваши способности продолжают расти. Если хотите, мы поговорим об этом позже.

С Галаной же все было куда проще. Девчушку с даром ясновидения примут в обитель без всяких вопросов. Там она найдет и учителей, и новое общество.
— А как же мои старые друзья? — расстроилась Галана. — Мы что, больше не увидимся.
Пожалуй, вопрос разлуки и являлся основным камнем преткновения, даваясь всем присутствующим тяжелее всего. Сирелина, как могла, заверила всех, что такое расставание — вопрос временный, зависящий от множества непростых обстоятельств. Когда рано или поздно все уляжется, друзья снова смогут видеться, а пока придется разделиться.

Всех чародейка забирать не хотела. Чем меньше с ней поедет народу — тем быстрее и незаметнее. Кроме того, оставлять Талару совсем одну было бы нежелательно. С пятеркой же друзей ей будет и легче, и с такими трудами обретенное на нее влияние на раз-два не развеется. Уж Фариза об этом позаботится, а Дэя прямо создана чтобы разделять с принцессой ее приключения и проделки. Сирелина, в ущерб себе, оставила бы с Таларой и Бэйла, но тому вне всяких сомнений следовало немедленно покинуть Солтенстил. Можно было не сомневаться, что колдуны Дегониса не дадут ему покоя, и до поры лучше не вынуждать принцессу открыто выступить против них. Имперская стража все-таки подчинялась не ей, а ее отцу, и эту невероятно сложную и опасную игру без тщательной подготовки затевать не стоило.

Отдельный разговор вышел насчет колдунов. Сирелина без обиняков рассказала все, что ей было известно о всяких штуковинах вроде Ока демона и прочих нелицеприятных вещах, с головой выдававших колдовскую приверженность Дегониса и Манипуляторов. Сомнений уже не оставалось: вся эта шайка не только

практиковала темное колдовство, но и являлась демонологами. Вопрос — насколько сильными. Скорее всего, пока лишь одному Дегонису по плечу создавать вещи наподобие Ока и Компасов, но если так дело пойдет и дальше… Опять же одержимость Манипулятора выглядела все более подозрительной. Что если не только Дегонис поддерживает прямой контакт с тем, кто находился по другую сторону Ока? Что если… Сирелина не хотела никого запугать. Она лишь излагала свои соображения, основываясь на собранных воедино фактах, и эти соображения носили отнюдь не радужный характер, а перспектива у них вырисовывалась и того хуже. Отдельный монолог Сирелина адресовала принцессе. Теперь она почти не сомневалась, что колдуны руками ее отца задумали устранить чародеек, как единственную силу способную им помешать. Вопрос — помешать в чем именно? Какую цель они преследовали, помогая хану строить его новую империю и, видимо, всячески подталкивая его в этом направлении? Ответа на него, к сожалению, не было, но сама сущность демонологии заставляла предположить нечто весьма далекое от всеобщего мира и процветания. Талара выслушала Сирелину очень внимательно, и по всему было видно, что она не пропустила мимо ушей ни единого слова.

Оставшиеся два дня прошли в разговорах друг с другом и со Сферой. Пока ребята бродили по колдовским садам под присмотром Фаризы и Бэйла, чародейка изучала убранство уцелевших помещений и вела беседы с Эбби. Вместе с Илианой и Таларой, разумеется. Без первой общаться со Сферой не получалось, а вторая не отпускала подругу ни на шаг, пользуясь последней возможностью побыть в ее обществе. Сирелина чувствовала себя весьма неважно из-за того, что собиралась разлучить девушек, но выбора у нее не было. Оставить воспитанницу она не могла, а взять с собой принцессу — тоже. Оба варианта грозили непредсказуемыми и катастрофическими последствиями. К счастью, обе девушки хорошо это сознавали и стоически мирились с предстоящим расставанием. Сирелина даже пообещала, что обязательно пригласит Талару в обитель, как только нечто подобное станет вообще возможно. Увы, его вряд ли удастся сдержать в ближайшем будущем. Талара в свою очередь гарантировала заботу об остававшихся ребятах и свою личную помощь в противостоянии черным колдунам. Она не будет сидеть сложа руки, и попытается разузнать как можно больше об их замыслах. Последнее Сирелину очень обеспокоило, поскольку опаснее Манипуляторов трудно кого-то сыскать, но принцесса заверила что будет крайне осторожна.

Илиана чувствовала себя гораздо лучше. Она стала спокойнее и все чаще улыбалась. Эту перемену заметили все, но не знали, что

она была вызвана словами Эбби, снявшего с души девушки тяжкий груз. Эбби же продолжал делиться с троицей собеседниц своими мыслями. Он, к сожалению, действительно мало что помнил о своей прежней жизни, но и того что оставалось в памяти хватало, чтобы то и дело являть чародейке настоящие откровения. Взамен Сфере рассказывали о нынешнем мире, благо что Странствующая сестра повидала немало, а принцесса успела побывать на Западе. С точки зрения Эбби мир почти утратил присущее ему волшебство, а чародеи не играли в нем заметной роли. Вместе с тем он находил, что жизнь штука все-таки удивительная и идет своим чередом, развиваясь по каким-то своим законам, неизвестным даже величайшим умам. Особенно же притягивала Сферу история Илианы. Она с жадностью спрашивала про малейшие детали, и в этом интерес всех четверых полностью сходился.

— Где-где ее нашли? — волновался Эбби. — Вы вообще знаете что это за место? Когда-то там было самое сердце невероятно могущественной империи.

Собеседники, увы, понятия не имели о чем толкует Сфера. Та же, как назло, тоже изрядно подзабыла историю, уже на момент ее человеческой жизни изобиловавшую по этой части огромными пробелами. Польза от нее, тем не менее, была. По наводке Эбби чародейка отыскала в библиотеке несколько фолиантов, содержавших картографическую историю древнего мира. Язык их был Сирелине непонятен, но разобрать карты и схемы она была в состоянии. Правда изучение этих невероятно ценных книг приходилось отложить. Открыть их без предварительной обработки было равносильно уничтожению. В обители, однако, имелись сестры, специализировавшиеся как раз на таких случаях. Благодаря их стараниям было спасено немало старинных документов и теперь им, пожалуй, предстояла одна из самых ответственных работ в жизни.

Сферу безусловно печалило, что прогнозы ее современников относительно Великого упадка сбылись самым мрачным образом. Ведь Сирелина, выпытывая у Эбби сведения о чародейках того времени, рассказывала и о нынешних. Это сравнение явно шло не в пользу последних, не способных даже поднять в воздух самих себя. Количество же утраченных умений и вовсе зашкаливало. Эмбринус — совершенно обыденная и ходовая вещь при жизни Эбби — и та ныне оказалась полностью забыта. На сей счет, правда, Сфера поселила в Сирелине великую надежду. В уцелевших книгах подземной библиотеки могло сохраниться немало полезных сведений, способных хотя бы отчасти вернуть давно утраченное мастерство. К примеру, о тех же Эмбринусах. Эбби было не под силу обучить чародейку их созданию, тем более что у той элемен-

тарно не наблюдался требуемый уровень развития. Он, похоже, вообще отсутствовал у кого-либо из сестер, включая Настоятельницу. Тем не менее, Сфера научила Сирелину как пользоваться Эмбринусами уже существующими. Устами Илианы она поведала о природе заклятья, особенностях его наложения и правильном плетении соответствующих чар. От счастья Сирелина пребывала на седьмом небе. Ведь в ее распоряжении оказались десятки Эмбринусов, в том числе пожертвованных великодушной Таларой, и чародейка тут же размечталась о возможностях их применения.
— Если я тебя правильно поняла, выходит, что новые Эмбринусы уже никто не в силах создать? — спросила она, когда эйфория несколько улеглась. — Даже знай я как это делается, мне никогда не достичь требуемого уровня колдовских сил?
— А вот это уже зависит от нее, — загадочно ответил Эбби, подразумевая смутившуюся Илиану.
Больше он на сей счет ничего не добавил, как ни пытали его возжаждавшие подробностей собеседницы. Лишь из глубины волн своего разума лукаво подмигивал девушке с сиреневыми глазами.

Сферу пришлось оставить в Аберидже. Вынести ее за пределы подземелья означало разрушить остававшиеся там чары. Кроме того, это, скорее всего, погубило бы и самого Эбби. Он пребывал на своем постаменте неотлучно, и его не осмеливались перемещать даже в соседний зал. К нескрываемой радости чародейки, Эбби изъявил желание жить дальше и не хотел попусту рисковать своим существованием. Ведь "освобождение" Сферы означало окончательную утрату всех знаний, что она еще помнила о прежнем мире и могла бы порассказать. А в ее памяти хранилось не так уж и мало. Эбби уже успел научить Сирелину кое-чему еще помимо использования Эмбринусов, и для той оказалось бы сильнейшим ударом потерять столь уникальный кладезь ценнейшей информации. Эбби, конечно, был несколько огорчен столь быстрым расставанием с новыми знакомыми, но обещал не скучать. Он провел немыслимое количество лет в одиночестве и какое-то время вполне способен потерпеть еще. Ведь ключи Сирелина забирала с собой, поскольку Талара и остававшиеся ребята все равно не смогли бы ими воспользоваться. Сирелина поклялась хранить их как зеницу ока и однажды вернуться вновь, возможно в компании сестер-чародеек. Эбби, переливаясь всеми цветами радуги, пожелал всем удачи и доброго пути.

На вторую ночь после нападения на Аберидж вся компания поднялась из волн Идлиса прямиком под скалу Тубар. Под покровом темноты появление всплывшего круга из темно-красного мрамора осталось незамеченным. Маскировочный купол раздался на-

подобие лепестков цветка, и эти лепестки выгнулись в противоположную сторону, опустившись в воду. Сирелина, используя парящие чары, беспрепятственно прошла к берегу и вскоре вернулась на позаимствованной лодке. Когда лодка отплывала, повинуясь севшим на весла людям, купол вновь сошелся над мраморным кругом, позволив увидеть как он выглядит снаружи, а затем беззвучно опустился обратно на дно.

Дорогой Сирелина постоянно думала о словах Сферы. Та наговорила довольно много, но чародейка нет-нет, да и возвращалась к упоминанию об Илиане. Что же Эбби имел в виду? Сирелина сама кое-что подозревала, и не случайно спрашивала у ребят, не увеличилась ли их колдовская сила именно в последнее время. Но собственная догадка — это одно, а знание Сферы — совсем другое. Вот только знание это получалось однобокое — утверждения без каких-либо объяснений. Но утверждения, между прочим, наводящие на очень серьезные размышления. Воспитанница, как назло, тоже не могла навести какой-нибудь ясности, отвечая на все вопросы крайне неопределенно. Сама не знает, или же по каким-то причинам предпочитает держать рот на замке? Ночь у костра, разожженного Алдаром, особенно способствовала размышлениям, и Сирелина порой чувствовала что ее голова вот-вот лопнет от теснившихся там мыслей.

— Принцесса крови, — сказала вдруг Илиана, только что молча созерцавшая плясавшие язычки пламени.

Под бездонным звездным небосводом маленький лагерь, разбитый на опушке леса, казался особенно хрупким и незначительным. Темная масса деревьев возвышалась настоящей стеной, и отблески костра на ближайших стволах лишь еще больше подчеркивали царивший в глубине чащи мрак. Галана, свернувшись калачиком, сладко сопела носом. Молодые люди, забравшись в спальники, также почивали, отдыхая перед посменным дежурством. Бэйл, с рукой на мече, и вовсе давно уже спал богатырским сном, погрузившись в него, едва преклонил усталую голову. Тихо всхрапывали дремавшие лошади.

— О чем это ты? — не поняла сидевшая рядом чародейка.

— Это повторяли те призраки, которых я видела в развалинах дворца, — медленно произнесла девушка.

— Вот как? — встрепенулась Сирелина. — И что сие означает? Твою удивительную регенерацию или же способность взаимодействовать с живыми существами?

— Я думаю, ни то, ни другое, — отозвалась Илиана. — Полагаю, они имели в виду что-то еще. Когда я спросила Эбби не чародейка ли я, не ведьма ли, он ответил, что ни одна из них. Такие как я

раскрывали силы других, доводя их до совершенства. Когда же однажды это перестало происходить, начался Великий упадок.
Илиана вкратце пересказала чародейке услышанное от Сферы. Когда она закончила, Сирелина разволновалась больше обычного.
— А почему ты со мной раньше не поделилась? — спросила она. — Это проливает свет на некоторые заявления Эбби.
— Он может ошибаться. Он же сам говорил, что таких людей не встречалось уже несколько тысяч лет до его рождения. Как же Эбби тогда с такой точностью определил суть моей природы? А еще он выразил откровенное изумление откуда я вообще взялась в нынешнем мире. Концы с концами не сходятся, — пояснила Илиана. — Тот ли дар он посоветовал мне нести людям, отбросив дурные мысли? То, что он принял за созидание, возможно является разрушением.
Сирелина неторопливо обдумала слова воспитанницы. Ее никто не подгонял. Илиана, уткнув подбородок в колени, продолжала смотреть на игру огня. Спутники беззаботно спали, чувствуя себя в полной безопасности. Установившуюся тишину нарушало лишь потрескивание пламени, да уханье филина в лесной чаще. С дороги, оставшейся несколько в стороне и не видимой сейчас не только из-за темноты, но и выступа леса, доносился порой стук копыт припозднившегося всадника.
— Я так мыслю, что Эбби все-таки прав, и его выводы согласуются с моими собственными наблюдениями, — изрекла, наконец, чародейка, старательно взвесив все за и против. — Он верно охарактеризовал твой дар. Это твое личное решение как его применять. Ты можешь поступить с кем-то как со мной или Таларой, а можешь обойтись так же, как с похитителями в Калихари.
— С тобой? — повернула голову девушка.
— Да, хотя мне очень непросто это признать. Ведь своему резко выросшему колдовскому уровню я, судя по всему, обязана тебе, — кивнула Сирелина. — Это полностью вписывается в версию Эбби и его фразу о том, что от тебя зависит. Подумай сама. Вспомни Нирелин и своего деда, вспомни фантастические успехи Талары, от которых впечатлен даже Бэйл. Точно так же, как меня, ты подтолкнула подругу к развитию, скорее всего совершенно бессознательно. Ты очень желала чтобы у нее получилось, чтобы она достигла новых высот — и ты сама сделала это возможным, повлияв на уровень ее способностей. Подстегнутые пришедшим от тебя импульсом, они резко скакнули вверх. Скакнули таким же образом, как и мои. Колдовская сила, проворство и скорость реакции — это прямой результат твоего воздействия. Ты очень тепло ко мне относилась, и твое отношение, как и предполагает Эбби, ска-

залось таким вот нетривиальным образом. А вспомни Дирха, Буса и свою почтовую сову! Общаться с животными — это одно, на это способны даже некоторые из особо одаренных чародеек, хотя, как правило, ведьм. Но в твоем случае это явно нечто другое. Я в жизни не поверю, что дело ограничивается простым общением. Налицо резкий сдвиг в умственном развитии и приобретенных благодаря тебе способностях. Я-то лично была свидетелем поведения Буса и совы. А твой дедушка? Ты вспомни сколько ему лет, а он с каждым годом словно молодел, продолжая оставаться бодрым и здоровым. Случайность? Вряд ли. Так проливалась на него твоя любовь, даря старика жизненной силой. Полагаю, вот оно, ключевое понятие — жизненная сила. Именно в этом заключается твой дар. Ты можешь ее как давать, так и отнимать. Развивать чьи-то таланты или вовсе убивать на месте. О создании жизни вообще, как и наделении новыми умениями, речь, разумеется, не идет. Сделать из Талары чародейку у тебя не получится, за отсутствием у нее природной восприимчивости к чарам. Великую воительницу — запросто. Льщу себя надеждой, что и я не достигла своего предела, и если ты однажды… Да, ты разве не замечала, что твои родные и близкие, находящиеся подле тебя, никогда не болеют, как и ты сама? А твои способности к исцелению? Знания, привитые тебе лекарями Нирелина и полученные от меня, безусловно, весьма полезны, но заживлять ткани и нейтрализовать яд так, как это делаешь ты, без чего-то большего попросту невозможно. Так что нет, дорогая моя: Эбби прав. А распознал он твою природу потому, что еще имел о ней некоторое представление. В отличие от меня. Он был очень сильным чародеем и учеником великого чародея. Он знал, что такой дар вообще существует, и сумел его определить. Я-то не знала, как, вероятно, не знает и никто из ныне живущих. Потому и терялась в догадках, силясь отыскать в тебе признаки колдовской природы и неизменно ничего не обнаруживая. Я просто не там искала.

Когда Сирелина закончила свой долгий монолог, призадуматься настал черед Илианы. Чародейка ее не торопила. Она и сама буквально только что наконец сформулировала все мелькавшие у нее догадки в единое целое, и озвучила его как воспитаннице, так и себе. Многое еще оставалось неясным, но по своей сути феноменальный дар девушки наконец-то обрел внятное толкование.

— Это не объясняет откуда я взялась, — наконец подала голос Илиана. — Разрыв в двадцать тысяч лет должен иметь какое-то логическое обоснование. Кто-то же принес меня в пустыню и подарил этот медальон. Тот голос в Оке… Он заявил, что медальон не мой. "Он принадлежал одной семье, от которой не осталось и пра-

ха, а само ее имя сгинуло в течении времени" — так он сказал, и его голос до сих пор звучит в моей памяти. Но тогда как же медальон попал ко мне? И кто мои родители? Эбби… Когда мы беседовали наедине, он сказал кое-что еще.
Сирелина вся обратилась в слух. Воспитанница никак не решалась поделиться с ней еще одной важной деталью, в которой Сфера была абсолютно уверена, когда поведала девушке то, что ей было известно об особенностях уникального дара.
— Собственно, именно поэтому я и боюсь, что Эбби ошибся. Ведь вопрос разрыва во времени не сходится с его же предположением, — вздохнула Илиана.
— Да говори уже! — взмолилась Сирелина.
— Эбби сказал, что этот дар передается только по наследству. Его случайное появление невозможно, — произнесла Илиана таким тоном, будто наконец-то призналась в тяжком преступлении. — Поэтому и наступил Великий упадок. Больше никто не раскрывал потенциал людей до его пиковых значений. А согласно твоим же книгам, их естественный уровень развития на данный момент составляет не более десяти процентов от возможного максимума. К которому люди и вернулись.
— Это совершенно точно? — осторожно осведомилась чародейка.
— Абсолютно, — кивнула девушка. — Эбби сам хотел бы знать о моем происхождении, потому его столь живо интересовало все со мной связанное. Именно поэтому я и отметила: концы с концами не сходятся.
— Не сходятся только в вопросе твоего появления, остающегося загадкой, — подняла палец Сирелина. — Если не обращать внимания на этот пункт, все остальное вполне вписывается в складывающуюся картину. Те призраки в развалинах… Что если они имели в виду…
Не договорив, чародейка вскочила, схватив лежавший рядом посох, и напряженно уставилась во тьму лесной чащи.
— Там просто любопытный медведь, — улыбнулась Илиана. — Пришел на запах съестного. Не беспокойся, ко мне теперь невозможно подойти незамеченным, если я не задумалась или не сплю.
— Ах, да, — пробормотала Сирелина. — Никак не привыкну.
Она уж было вознамерилась сесть обратно, как вдруг ей в голову пришла одна мысль. Деятельный склад ума чародейки любил не только выстраивать теории, но и подтверждать их фактами. Последнее вообще весьма полезно, особенно когда речь идет о столь невероятных вещах.
— Послушай, Иля, а ты не могла бы… — она запнулась, не решаясь прямо высказать свое желание, но девушка догадалась о чем ее

хотели попросить.
Легонько кивнув, она, казалось, продолжала сидеть как ни в чем не бывало. Сирелина даже собралась окликнуть воспитанницу, как вдруг из темноты, треснув сухой веткой, вышел крупный медведь и разлапистой походкой приблизился к людям. Остановившись ярдах в пяти от костра, он с аппетитом принюхался, блестя маленькими черными глазками. Косматая башка хозяина леса выглядела как настоящий котел, который регулярно требовал наполнения пищей.
— Можешь его погладить, если хочешь, — предложила Илиана.
— А он не кинется? — с опаской осведомилась чародейка.
— Я не позволю. Я контролирую каждое его движение, — мотнула головой девушка. — Но я не хочу кого-то принуждать просто так. Я спросила его согласия, и медведь сказал что не возражает. В обмен на палку колбасы.
— Даже так… — тихо присвистнула Сирелина.
Подойдя к могучему зверю, она еле пересилила себя, чтобы провести рукой по его шерсти. Ведь несмотря на весь свой колдовской дар, она попросту ничего не успеет сделать, если хищник надумает сгрябчить ее лапой. Медведь дернул ухом и довольно засопел, когда пальцы чародейки машинально принялись почесывать его толстую шкуру. Сирелина, должно быть, сейчас испытывала примерно те же чувства, что и Талара в зверинце, когда Илиана пригласила ее погладить тигрицу Зару в день их случайного знакомства.

Когда медведь удалился, получив обещанное угощение, чародейка заняла свое место у костра, исполненная впечатлений. Несколько долгожданных уточняющих вопросов окончательно расставили все точки над і. Илиана могла проделать такое с кем угодно — хоть со стаей волков. Но она не желала злоупотреблять своими возможностями и принуждать кого бы то ни было без острой необходимости.

От обсуждения понимания и контроля разговор плавно вернулся к прежней теме. Сирелина заметила, что Илиане мешает ее боязнь самой себя. Она не может разобраться в собственных способностях, потому что до сих пор их опасается. Единственный способ определить прав Эбби или нет — это проверить его слова на практике. Однако пока девушка ограничивает собственное восприятие собственными же страхами, дальше одних лишь предположений они еще долго не уйдут.
— И что ты предлагаешь? — пытливо спросила Илиана.
— Я хоть и считаю себя твоей наставницей, на деле это касается лишь воспитания и образования. Мне неведомо как развивать

твою силу и управлять ей, — с искренним огорчением ответила чародейка. — Впрочем, с одной догадки можно хотя бы начать.
Она пояснила, видя что вызвала у девушки интерес. До сих пор воздействие Илианы, если взять за основу что таковое было, носило бессознательный характер. Поскольку оно не распространялось на всех и каждого, напрашивался вывод, что его объектами становились те люди, к которым девушка испытывала симпатию. Желая им выздоровления или успехов, она проецировала на них свою силу, воплощая желаемое в реальность, причем сама не отдавала себе в этом отчета. Возможно, от этого и стоит отталкиваться. С желания. Но на сей раз вполне осознанного.
— Скажи, ты хотела бы, чтобы мои колдовские возможности стали больше? — спросила без обиняков Сирелина.
— Да, — ответила Илиана.
Чародейка, кивнув, предложила воспитаннице свою идею. Проще всего было экспериментировать с тем, чего Сирелина не могла. В отличие от двух спавших неподалеку парней, способных на частичное воплощение стихий без Круга, чародейке для этого приходилось сильно постараться. Небольшие молнии у нее теперь худобедно получались, особенно когда она сильно волновалась, но полноценным владением стихией это нельзя было назвать даже приблизительно. Что же касалось огня, то дальше язычков пламени вокруг ладони дело пока и вовсе не заходило. Многие чародейки не могли и этого, но в сравнении с заклинателями прошлого такое достижение выглядело как капля в море. Что если Илиана попробует конкретизировать свое желание? Так будет проще определить как происходит его воплощение.

Замысел в целом девушке понравился, и она осведомилась о деталях. Вот здесь, с точки зрения чародейки, наступало самое сложное. За Илиану она не в состоянии разобраться в ее собственных ощущениях. Все что Сирелине подвластно — это создать соответствующие предпосылки, но остальное целиком и полностью зависит от воспитанницы.
— Хорошо, я тебя поняла, — сказала Илиана. — Дай мне свою руку, — добавила она, немного подумав.
Взяв левую ладонь чародейки в свои пальцы, девушка немного помолчала, будто к чему-то прислушиваясь. Сирелина уже знала, что воспитанница способна улавливать эмоциональный фон людей и помалкивала, не нарушая ее концентрацию.
— Теперь попробуй воплотить огонь, и удерживай его так долго, как только сможешь, — тихо предложила Илиана.
Чародейка подчинилась. Чуть выставив вперед правую руку ладонью вверх, она хорошенько поднатужилась, вызывая возмущение

в текущем через нее колдовском потоке. Несколько секунд — и вот уже около пальцев Сирелины затрепетал огонек — слабенький, но все же вполне реальный. Сосредоточившись, она придала ему больше энергии, а потом перевела с пальцев на ладонь, подняв его дюйма на полтора в воздух. Размером с небольшую чайную чашку, огонь имел примерно такую же форму. Он не обжигал старательно удерживавшую его заклинательницу, а лишь пританцовывал язычками, распространявшими уверенное тепло.

Некоторое время ничего не происходило. Сирелина, боясь пошевелиться, сидела совершенно неподвижно, не спуская глаз с призванного пламени. Худшее, что она могла сейчас сделать, это начать ерзать и расспрашивать Илиану как у нее дела. Таких людей, кстати, в окружении всегда хватает: смотрят через плечо, пока ты чем-нибудь серьезно занят, и оживленно интересуются как продвигается процесс. Так и хочется прочесть им короткую лекцию, импровизируя в не самом изысканном лексиконе. Сирелина, стараясь не уподобляться означенным индивидам, сфокусировала все свое внимание на огоньке, силясь сделать его как можно больше. Тот потихоньку нагревал кожу, и чародейка приподняла пламя повыше еще на пару дюймов. Тепло осталось. Оно не жгло и не опаляло, но ощущалось вполне отчетливо, будто все еще пребывало на прежнем расстоянии. И тут Сирелина почувствовала, что оно начинает медленно разливаться на всю кисть руки, будто исторгаемое откуда-то из центра ладони, над которой парил огонек. Чародейка только сейчас поняла, что точно такое же тепло исходит от рук Илианы. Оно не просто грело — оно начинало наполнять каждую клетку, неторопливо распространяясь все дальше. Перемещаясь от ладони к запястью, оно уверенно поднималось к локтю, словно Сирелина постепенно погружалась в нагретую воду. И ее незримый уровень продолжал повышаться, подступая вплотную к телу. В какой-то момент он затрепетал и, казалось, перестал двигаться, остановившись на одном месте. Не выдержав, чародейка скосила глаза и обомлела. Вся ее левая рука пониже плеча мягко светилась алым. Не сильно, но вполне отчетливо. Дыхание Сирелины замерло в груди. Сердце, затрепетав, принялось усердно качать кровь по венам, отчего даже слегка зазвенело в ушах. И вдруг чародейку накрыла теплая волна. Проливаясь бурным потоком, она охватывала все существо, и вот уже не только рука, а и все тело потрясенной женщины окуталось алой дымкой. Точно такой же, какой наполнились глаза Илианы. Сирелина потеряла ощущение времени. Секунды прошли или минуты — она не знала, не в силах оторваться от преобразившегося лица девушки. А теплая волна все приливала, погружая чародейку в какой-то волшеб-

ный океан. Сливаясь с ней воедино, он дарил неведомое доселе чувство. Чувство безграничных возможностей. В один какой-то бесконечно короткий миг будто открылись некие невидимые шлюзы, и вот уже ничто не сдерживало пронизывавший чародейку поток колдовской энергии. В правой руке появилось слабое покалывание. Сирелина машинально повернула голову. Алое свечение исчезало. Ему на смену пришел голубоватый ореол, которым окуталась правая кисть чародейки. Колыхавшееся над ней пламя неожиданно выросло, в одну секунду став вдвое больше. Колдовская энергия свободно лилась через тело Сирелины, и та с какой-то спокойной легкостью осознала что сейчас надо сделать. Это было как повернуть водопроводный кран, дав желаемый напор. Пламя, налившись хлынувшей мощью, рванулось вверх, поднимаясь к темному небу. На несколько секунд, стремительно увеличившись в диаметре, от ладони чародейки взвился огненный факел. Он становился все выше и выше, и запылал так ярко, что осветил всю опушку, заиграв красно-оранжевыми бликами на чашечках полевых цветов. Это был уже не факел, а настоящий столб! Испугавшись жаркого гнева растущей стихии, Сирелина перекрыла поток, сжав пальцы в кулак. Огонь, прекратив поступать, взвился остаточным течением, полыхнул в воздухе и бесследно исчез. Ореол вокруг запястья погас, свечение унялось. Придя в себя, чародейка поняла что Илиана отпустила ее руку, а алый океан развеялся. Подле костра послышался какой-то шуршащий звук. Галана, привстав на локте, сонно чмокнула губами, всматриваясь в старших.

— Вы чего еще не спите? — пробормотала она, потерев кулаком слипающиеся глаза.

Не дожидаясь ответа, девчушка плюхнулась на живот и тут же снова заснула. Может, ее разбудила вспышка занимавшегося пламени и его нарастающий гул, а может она просто ворочалась, окутанная сновидениями, и ненадолго пробудилась, чтобы из одного сна окунуться в другой. Чародейка бросила быстрый взгляд на молодых людей. Те по-прежнему почивали, раскинув руки в самых безмятежных позах. Бэйл также не проявлял признаков пробуждения, никак не отреагировав на эпизод с огнем. С невольно екнувшим сердцем Сирелина перевела взор на Илиану. Лицо той вновь приняло привычное выражение, будто только что и не носило печать неизвестного ошеломляющего могущества. Сиреневые глаза внимательно смотрели на глубоко впечатленную наставницу.

— Ты как, в порядке? — наконец решилась спросить девушка.

— А ты? — машинально ответила чародейка.

— Кажется, я что-то нащупала, — отозвалась Илиана. — Это было как…

Она попробовала объяснить, но нормальным, человеческим языком передать ТАКОЕ было попросту невозможно. Бедность даже самого насыщенного языка не позволяла передать и малой толики того, что происходило между чародейкой и ее воспитанницей, было неспособно описать ощущения последней. Приходилось изъясняться иносказательно. Чародейка, пытаясь уразуметь хотя бы саму основу, прибегала к альтернативным образам. Она представила ствол дерева, внутрь которого ты запускаешь руку, а он наполнен не древесиной, а множеством плотно прилегающих друг к другу струн. И вот ты осторожно перебираешь их в этой тесноте, выискивая ту самую, нужную. Они лежат так плотно, и наполнены таким тонким звучанием, что одно неосторожное движение может нарушить всю гармонию играющих в унисон инструментов. Малопомалу, нить за нитью ты постепенно подбираешься к желанной струне, поющей искомую мелодию. Наконец-то нащупав ее пальцами среди множества других, ты улавливаешь ее частоту. Затем, прочувствовав идущую через струну вибрацию, начинаешь в правильный момент легонько тревожить ее пальцем строго в такт исходящим нотам. Вибрация струны набирает силу, как растет и громкость издаваемого ей звука. Она раскачивается точно в резонанс, и весь процесс начинает напоминать детские качели, только вместо них выступает маховик внутренней энергии, уходящий все дальше и дальше, забираясь на прежде недоступную высоту. Мягкие, но настойчивые прикосновения к струне заставляют ее выходить на новый уровень звучания. Влияние прежней частоты увеличивается. К ней начинают примешиваться дополнительные, доселе неслышимые частоты, и их становится все больше по мере того, как ходит, вибрирует струна, откликаясь на веление перебирающих ее пальцев. И вот она уже отпущена, но, возбужденная привнесенным в нее колебанием, по-прежнему излучает мелодию гораздо интенсивнее чем раньше, гораздо насыщеннее. И не думает останавливаться.

— Если мы будем иногда пробовать еще, я научусь более точно определять правильную основу и эффект станет намного сильнее, — добавила Илиана.

— Он обратим? — пытливо спросила Сирелина.

— Нет, он не требует регулярной подпитки, если ты об этом, — сказала девушка. — Единожды полученный, он остается навсегда. И потомки могут его унаследовать.

— Чародейки рождаются случайно! — опешила Сирелина.

— Это только так кажется из-за их ничтожно малого количества, — покачала головой Илиана. — Из-за самой редкости их рождения проследить генеалогическое древо спустя десятки тысяч лет не

представляется возможным.
— Откуда ты это знаешь?! — потрясенно произнесла Сирелина.
— Понятия не имею, — развела руками немного растерянная девушка. — Просто знаю и все. Так же, как ты откуда-то знаешь как дышать.
Чародейка замолчала, лихорадочно обдумывая свалившуюся на нее информацию. Несмотря на всю несостоятельность аргументации, она чувствовала, что воспитанница не выдумывает. После всего произошедшего имелись все основания верить ей на слово. Ибо произошедшее было из разряда чего-то совершенно сверхъестественного.
— Ты не хочешь призвать огонь снова? — тихо спросила Илиана.
Сирелина вдруг поймала себя на мысли что почему-то боится это сделать. Раскрыв ладонь, она смотрела на нее как кролик на удава, не решаясь воплотить чары. Вероятно, ей владел страх обнаружить что ничего не изменилось. Что все случившееся было лишь сном, в которым она сейчас птицей носилась над землей, а после пробуждения эта эйфория обернется горьким разочарованием обыденности.
— А еще мне выговаривала, — укоризненно сказала девушка, не иначе как уловив эмоциональный настрой наставницы.
Решившись, чародейка, закусив губу, сделала волевое усилие. Над ладонью, издав негромкий хлопок, появилось пламя размером с целый кокосовый орех. Сирелина поразилась как легко ей это далось. Сразу, без особых усилий и такой большой сгусток! Колдовская сила словно текла через плотину, пропускная способность шлюза которой внезапно многократно увеличилась. Чародейка почувствовала, что ее больше ничто не сдерживает. Она вновь повернула тот невидимый кран, выпуская свободно льющуюся через нее колдовскую энергию, и огненный орех, поднявшись повыше, стал быстро расти в размерах, превращаясь в здоровенный пылающий шар. Струхнув, Сирелина остановила поток, пока чудо-шарик чего доброго не лопнул, и трансформировала плотный сгусток в столб огня, развеяв его по направлению к небу.
— Фантастика… — прошептала чародейка.
Ей овладела жажда открытий. Избавившись от огня, она попробовала проделать то же самое со стихией холода. Здесь, однако, у нее против всяких ожиданий ничего не вышло. Как Сирелина ни старалась, а ничего кроме легкого инея вокруг пальцев ей выжать не удалось.
— Не выходит, — растерянно сказала она, ища ответ в глазах девушки.
— Извини, — виновато отозвалась та. — Я потому и сказала что

надо практиковаться дальше. — Сейчас я отыскала и воздействовала лишь на один конкретный элемент вместо его полноценной основы. Это как научить играть на пианино, но только одну мелодию. Однако ты была права — мне так оказалось намного проще разобраться в собственных возможностях и понять как ими управлять. В следующий раз, если ты позволишь, будет лучше.
Еще бы Сирелина не позволила!..

Всю дорогу до обители, при каждом удобном случае, чародейка и ее воспитанница продолжали удивительные эксперименты. Сирелина вне себя от изумления и радости ощущала, как у нее будто один за другим снимают некогда сдерживавшие ее барьеры. Казалось, до сих пор она жила в колодках, скованная по рукам и ногам, и теперь эти колодки разбивались, давая прежде неведомую свободу. Лопались обвивавшие конечности тяжелые цепи, сбрасывался тяготивший тело свинцовый груз. Колдовская сила переходила на какой-то совершенно новый уровень, практически перерождаясь в принципах воплощения и контроля. Последний вообще давался с удивительной простотой. Прежде у чародеек могли уходить годы чтобы научиться полноценно владеть выросшими возможностями, не рискуя сотворить неконтролируемый хаос. Теперь же Сирелина воплощала чары с недосягаемой прежде точностью, прилагая в несколько раз меньше усилий. Ясность сознания, с которой она это делала, поражала воображение.

Училась и Илиана. С каждым разом она все лучше разбиралась в происходящем, и ее воздействие постепенно начинало носить глобальный характер, переходя от частного к общему. Девушка медленно, но верно осваивала собственные способности, развивая их эффективность и управляя ими все более уверенно. Она говорила, что ее сила продолжает увеличиваться, и Сирелина начала задумываться до каких вообще пределов та способна дойти. У нее исчезли последние сомнения — древняя Сфера из Абериджа оказалась права. Кем бы ни была Илиана, ее природа носила совершенно феноменальный характер, уходя далеко за грань обычного понимания. И теперь к чувству ответственности за воспитанницу как человека у чародейки прибавился груз ответственности за ее дар. Илиану следовало беречь как зеницу ока, ибо лучившаяся из нее сила не должна быть утрачена никоим образом. Непостижимой волею судьбы эта сила вдруг возникла ниоткуда и ни в коем случае нельзя допустить, чтобы она вновь бесследно исчезла.

А вот с этим как раз и возникали серьезные осложнения. Чем ближе маленький отряд Сирелины приближался к месту назначения, тем опаснее становилось вокруг. За время непродолжитель-

ного отсутствия чародейки пожар войны перекинулся с южных земель на северные, с каждым днем охватывая все большие территории. Пограничные рубежи наводнили беженцы, среди которых сплошь и рядом сновали как регулярные войска Красной саламандры, так и эмиссары хана. У ад-Сейдина просто не было времени наводить порядок в новых землях, присоединенных к Империи руками Аюджина Тал Дауда и Саргала Уль Диона. Армейские части перемещались строго в стратегических интересах, практически не отвлекаясь на решение внутренних проблем. С ними пока худо-бедно справлялись собственные силы Желтой пумы и Голубой щуки, но обстановка в ходе разраставшейся северной войны оставляла желать лучшего. В царившей неразберихе чародейке и ее спутникам с одной стороны было гораздо легче оставаться незамеченными. С другой — эта же неразбериха чревата непредсказуемыми угрозами, способными в любой момент прийти откуда угодно. Сама по себе Сирелина с легкостью миновала бы любые неприятности, обходя посты, избегая шпионов и уклоняясь от встречи с различными нежелательными лицами. Спутники чародейки являлись известной обузой, существенно снижая возможности маневрирования и выхода из чрезвычайной ситуации в случае ее возникновения. Это автоматически увеличивало общую продолжительность пути, на который уходило значительно больше времени. Сирелина выдавала молодежь за своих детей, играя роль матери возвращавшегося в родные края семейства, а Бэйла, разумеется, представляла как их отца. Звонкая монета периодически подкрепляла эту легенду, переключая внимание уполномоченных лиц на других людей. И в самом деле, какое им дело до парочки с двумя сыновьями и двумя дочерьми, чья поклажа умещается всего в нескольких малых дорожных сумках? Да пускай себе едут куда хотят, если уж понесла их нелегкая. Сложат головы — сами и виноваты будут.

Через двенадцать дней после отбытия из Солтенстила, на исходе второй декады сентября вся компания наконец-то пересекла границу одного из северных государств. В тот же день, достигнув первого населенного пункта на тракте, Сирелина узнала плохую весть: войска ад-Сейдина вторглись в королевство Ганхельд — последнее перед княжеством Орнхольм, за которым находилась обитель чародеек.

* * *

Сразу три вулкана теперь курились непрерывно, затмевая небо на горизонте клубами черного дыма. Хотя нет, не курились —

уже извергались. Судя по отсвету на сизых тучах, насыщенных взвесью седого пепла, их светившиеся жерла сочились лавой. Налетавший порой восточный ветер привносил тяжелые сернистые ароматы, наполненные целым соцветием удушливой химии. К счастью, базальтовые глыбы, выброшенные огнедышащими горами, прилетали достаточно редко и до сих пор валились на безжизненной серой равнине. Где-то вдали отчетливо ворчало и погромыхивало, но в ближайшей перспективе каменная гряда все еще оставалась спокойной. Неспокоен был только Прус. Горы явно пробуждались, и этот процесс давал себя знать все более заметно. Подрагивание земли стало уже настолько привычным, что смуглый самогонщик и сам перестал обращать на него внимание, сосредоточившись на других наблюдениях. У него вошло в привычку регулярно созерцать неприветливый хребет в специально приобретенную подзорную трубу и делать какие-то понятные ему одному записи. За трубой, между прочим, он даже не поленился съездить в ближайшее селение, потратив около недели на дорогу и отдав приличную сумму. Втайне от жены, разумеется, потому что она проела бы ему всю плешь за такие бесполезные траты.

Жиль с некоторых пор разделял растущее волнение соседа, но по традиции не торопился принимать какие-либо поспешные шаги. Его домашние и вовсе игнорировали далекие горные представления, полагая, что пусть оно себе там гудит и рычит сколько влезет, а вокруг все как было неизменным, так и останется. Недальновидная, следовало заметить, точка зрения, но до сих пор не опровергнутая никакими сколь-нибудь серьезными эксцессами. Ни один камень так и не залетел за обозначенную Жилем красную черту, так что и повода укорять его в нарушении обещания не имелось. Вулканы, тем не менее, продолжали извергаться. Прус, залезая на крышу своего приземистого дома, подолгу торчал там с подзорной трубой, стараясь разглядеть признаки грядущей опасности. К сожалению — ну или к счастью, это уж как посмотреть — ничего особенного в поле зрения не попадалось, и даже далекие вулканы скрывались за чередой тянувшихся к небу каменных громад. Путешествие же на своих двоих исключалось. Печальная судьба любознательных путников, забиравшихся слишком далеко в горы, была хорошо известна — никто из них обратно не вернулся. Изредка кто-нибудь особо отчаянный предпринимал очередную попытку разведать что там к чему. В основном, разумеется, в надежде отыскать ценные минералы. Результат был всегда одинаков.

Когда землю тряхануло второй раз, Прус едва не слетел со своего насеста, обустроенного у конька крыши. Хуже было только

в первый. Тогда почва настолько заходила ходуном, что испугался даже Жиль, а в домах попадало все что не было прибито. Тот день и ознаменовался появлением дыма от новых вулканов, жаль только страх Жиля быстро улетучился. Ковал бы Прус железо пока горячо, глядишь и уболтал бы струхнувшего соседа отправиться куда подальше. Но буквально через пару суток того уже одолели привычный скептицизм и нежелание покидать насиженное место, активно подогреваемое семьей. Прус поворчал-поворчал и снова махнул рукой. Не столько он сумел привить соседу здоровый реализм, сколько сам заразился от него размеренной неповоротливостью. Толчки, как назло, не повторялись, а далекие дымы слишком быстро превратились в привычное явление. Разве что восточный ветер стал еще более неприятен, но из-за него одного никто суетиться точно не будет. Вот и после второго сотрясения, менее мощного и продолжительного, он привнес такой букет сомнительных ароматов, что вскарабкавшийся обратно Прус с неприязнью потянул носом и смачно сплюнул. Чертыхаясь, он опять прильнул к окуляру, выискивая визуальные последствия покашливания земных недр. На первый взгляд все было по-прежнему. Дотошный самогонщик, однако, умудрился углядеть меж двух гор какое-то подозрительное образование, раньше вроде как отсутствовавшее. Похоже, там образовался новый разлом, причем разлом достаточно широкий, чтобы его можно было разглядеть с такого значительного расстояния. Глубина его, разумеется, оставалась неизвестной.

Этот разлом тощий самогонщик упомянул вечером следующего дня, когда вместе со своей супругой и дочерью явился в гости к Жилю. Оба семейства собрались за столом в полном составе. Помимо пожилого хозяина дома и его жены присутствовали и все его родственники, жившие с ними как под одной крышей, так и неподалеку. В частности, молодая дочь и средний взрослый сын не покидали родительского гнезда, а старший со своей благоверной и малолетним ребенком обитал в собственной хижине, не так давно начав вести отдельное хозяйство. Жбан горячительного, принесенный с собой Прусом, живо развязал компании языки, и вечер прошел в непринужденной обстановке. Жиль традиционно сетовал на неплодородность почвы и отсутствие подходящих женихов для дочери — эти две темы у него шли рука об руку. Его женатый сын предпочитал заниматься разведением коз и даже достиг на этом поприще некоторых успехов, о чем говорил практически не умолкая. Тощие животные со впалыми боками — поди разжирей на здешних кормах, — тем не менее худо-бедно приносили потомство и давали молоко. Из него женщины стряпали сыр, вряд ли стоя-

щий внимания гурманов, но служивший неплохим подспорьем в скудном рационе поселенцев этой части Диртленда. Прус, улучив минутку, поделился своими наблюдениями касательно горной гряды, когда скотовод упомянул как у него от недавнего сотрясения едва не развалился сарай. Последний, за дефицитом строительных материалов, примыкал вплотную к хижине, де-факто являясь ее частью, так что самостоятельная семья жила практически в хлеву, отделенная от рогатых животных тонкой перегородкой.

На сей раз над самогонщиком никто не подшучивал. Во-первых, неприлично смеяться над гостем, который щедро угощает дефицитным алкоголем. Во-вторых, Прус, смотавшись в поселение, любезно привез кое-что и для соседей, а те были нелегки на подъем. В-третьих, эти соседи находили, что его беспокойство все-таки не лишено оснований. Особенно скотовод, после того, как одну из коз чуть не придавило рухнувшей балкой. Просто к возможной угрозе люди относились по-разному. В отличие от Пруса, большинство остальных воспринимало ее как данность, которая, безусловно, носит неприятный характер, но с которой все равно ничего нельзя поделать.

— Пожалуй, когда ты в следующий раз отправишься в город, я поеду с тобой, — запальчиво размахивал руками захмелевший Жиль. Городом он называл то самое ближайшее селение. Граждане какого-нибудь настоящего города типа Далабада покатились бы со смеху, узри они о чем идет речь.

— Надо мне для дочери жениха подыскать, — продолжил он, глотнув из жестяной кружки. — Из наших-то краев никого и даром не надо. Ты тут, Прус, один приличный человек, да у тебя тоже дочь. Подруги-то наши дети подруги, да внуков от этого точно не прибавится. Ты когда собираешься?

Порозовевшая дочь не протестовала. Пропадать в девках ей не хотелось, а на самостоятельный поиск мужа особо рассчитывать не приходилось. Разве только напроситься с отцом в поездку, только у того больше разговоров, чем дела.

— Если хочешь, давай махнем недели через две, — предложил Прус. — Смотаюсь к горам, вернусь — и махнем.

Жиль аж закашлялся, от натуги покраснев еще больше, а остальные перестали шлепать по столу засаленными картами. Жена самогонщика, невысокая сухопарая женщина, выкатила на супруга глаза, обалдев от прозвучавшего известия не меньше других. На Пруса после небольшой паузы посыпались вопросы, основная суть которых сводилась к тому, не спятил ли он. Жена так и вовсе заявила: несмотря на то, что супруг ей попался не самый достойный, вдовой она оставаться, тем не менее, не желает. Бывший геолог,

как мог, всех успокоил, заявив, что углубляться в горы не собирается. Подходить же к подножию, как всем известно, вполне безопасно, если не лезть на рожон. Он, Прус, и не полезет. Исследует новый разлом — и сразу же назад.
— Далась тебе эта трещина в земле! — недоуменно проворчал Жиль. — Тоже мне событие. Их по всей равнине вон сколько!
— Да, только ни одна из них в темноте не светится, — заметил самогонщик.
Он пояснил. Ночью в подзорную трубу был различим слабый отсвет в том месте, где предположительно появилось новообразование. Вывод напрашивался очевидный — если исключить отражение света, то либо это фосфоресцировали какие-то минералы, либо свечение исходило от раскаленных недр. В последнем случае дело реально дрянь, поскольку вулканические процессы идут совсем рядом — рукой подать, — и идут уже вблизи от поверхности.
— Что-то не видал я там никакого свечения, — с сомнением произнес Жиль.
— Ты и не присматривался, — парировал Прус. — Тем более у тебя нет подзорной трубы. Если хочешь, я покажу. Скоро стемнеет и твоя крыша подойдет не хуже моей.
Сказано — сделано. Ближе к полуночи, когда теплая сентябрьская ночь легла на землю плотным покрывалом, два хорошенько поддавших приятеля, напутствуемые пожеланиями не свернуть себе шею, полезли на крышу дома. Самогонщик прихватил трубу с собой, что и сделало возможным соответствующую демонстрацию. Правда с нетрезвой головы он и сам далеко не сразу отыскал приметное место. Жиль, покачиваясь из стороны в сторону, долго таращился одним глазом в оптический прибор, постоянно норовя то изучить землю, то далекие звезды. В конце концов он подтвердил, что где-то там вдали действительно есть некий слабый отсвет, поди разбери чем вызванный. Прус, вздохнув, подозревал, что сосед узрел нечто совершенно далекое от разлома, имеющее, скорее всего, спиртовую природу, но спорить не стал. Для него был важен результат, а в результате приятель вроде как с ним согласился.
— И что ты надеешься там найти? — осведомился Жиль, когда парочка вернулась в дом и пригубила содержимое вместительного жбана.
— Если честно, то лучше бы вообще ничего, — честно ответил Прус. — Но если там подвернется какая-то интересная порода, то мы с тобой сможем неплохо поднять деньжат.
— Даже так? — оживился Жиль. — Может, мне с тобой сходить?
— Сиди уже, старый дурак! — сердито подала голос его жена, краем уха прислушивавшаяся к беседе. — С тобой тошно, но без тебя

будет еще тошнее.
— А если там сыщется чего ценное? — возразил Жиль. — Прус — он же геофр… фром… фре… фреолог, ему виднее. Сам разбогатеет и нас богатыми сделает.
— Вот ежели чего найдет да живым вернется, тогда — валяй, бери тачку и за добычей, — смилостивилась супруга. — А до тех пор чтобы даже думать забыл к горам ходить!
Жиль разворчался, задетый командным тоном сварливой жены. Если уж он чего надумает, то ни у кого особо разрешения-то спрашивать не станет. Чай не маленький! Жена, решив не перегибать палку, изменила тактику, напоминая, что у них еще двое холостых детей, чье будущее неплохо бы сначала устроить. Потом уж помирать, если приспичит. Слушая ворчливую перепалку, Прус спрятал усмешку в своей кружке.

КОНЕЦ ВТОРОЙ ЧАСТИ